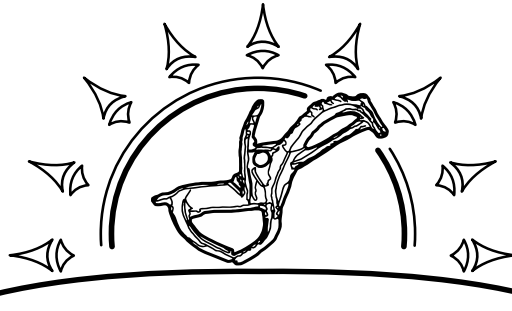

МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ: ДВИЖЕНИЕ КУЛЬТУР, ТЕХНОЛОГИЙ И ИМПЕРИЙ

ВЛАДИВОСТОК, МАЙ 2017

III INTERNATIONAL CONGRESS
OF MEDIEVAL ARCHAEOLOGY OF THE EURASIAN STEPPES
VLADIVOSTOK MAY 2017

Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences
Institute of History, Archaeology and Ethnology FEB RAS
Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS
Khalikov Institute of Archaeology, Tatarstan Academy of Sciences
Far-Eastern Federal University
Kazan (Volga region) Federal University

III International Congress of Medieval Archaeology of the Eurasian Steppes

BETWEEN EAST AND WEST: THE MOVEMENT OF CULTURES, TECHNOLOGIES AND EMPIRES

Edited by N.N. Kradin and A.G. Sitdikov

Vladivostok
Dalnauka
2017

Дальневосточное отделение РАН
Институт истории, археологии и этнографии ДВО РАН
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Институт археологии им. А.Х. Халикова АН Республики Татарстан
Дальневосточный федеральный университет
Казанский (Приволжский) федеральный университет

III Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей

МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ: ДВИЖЕНИЕ КУЛЬТУР, ТЕХНОЛОГИЙ И ИМПЕРИЙ

Отв. ред. Н.Н. Крадин, А.Г. Ситдиков

Владивосток
Дальнаука
2017

III Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей «Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй» / отв. ред. Н.Н. Крадин, А.Г. Ситдииков. – Владивосток: Дальнаука, 2017. – 320 с.

В сборник включены доклады участников III Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей (Владивосток, 2–6 мая 2017 г.). Доклады охватывают широкий круг вопросов, связанных с изучением истории и археологии средневековых государств и империй Евразии, коммуникаций и связей между культурами и цивилизациями, массовых миграций и диффузий культурных и технологических импульсов. Территориально тематика представленных докладов включает материалы от Болгарии и Крыма до Дальнего Востока. Хронологические рамки – от хунну и гуннов до этнографического времени. Много внимания уделено естественно-научным методам в археологических исследованиях.

Книга предназначена для археологов и историков, специализирующихся в области средневековой истории и археологии Евразии, а также преподавателей, аспирантов и студентов исторических специальностей.

III International Congress of Medieval Archaeology of the Eurasian Steppes “Between East and West: The Movement of Cultures, Technologies and Empires” / Ed. by N.N. Kradin and A.G. Sitdikov. – Vladivostok: Dalnauka, 2017. – 320 p.

This volume is included the papers of the participants of the III International Congress of Mediaeval Archaeology of the Eurasian Steppes (Vladivostok, May 2–6, 2017). The articles is devoted to different aspects of the history and archeology of pre-medieval and medieval polities and empires of Eurasia, the communication and relation between cultures and civilizations, peoples migration, technological and cultural diffusions. The area of presented studies is from Bulgaria and Crimea to Far East. The chronology of papers is from Xiongnu and Hans to ethnohistorical periods. Many presentations include scientific interpretations in archaeology.

The book will be interesting for Eurasian archaeologists and historians, as well for lecturers, and graduate students.

Редакционная коллегия:

к.и.н. **Е.В. Асташенкова**, к.и.н. **С.Е. Бакшеева**, к.и.н. **Н.А. Клюев**, чл.-корр. РАН **Н.Н. Крадин** (отв. ред.),
чл.-корр. АН РТ **А.Г. Ситдииков** (отв. ред.), к.и.н. **З.Г. Шакиров**

Рецензенты:

д.и.н. **П.Б. Коновалов**, к.и.н. **А.А. Крупялко**

Утверждено к печати учеными советами Института истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН и Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ

*Издание трудов конгресса и его проведение осуществляются
при финансовой поддержке Президиума ДВО РАН,
мегагранта Министерства образования и науки РФ (14.W03.31.0016),
гранта РФФИ (РГНФ) 17-01-14022*

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Абаева Л.Л.</i> Ретроспектива миграционных и трансляционных возможностей мировых религий в пространстве Евразийских степей.....	9
<i>Аржанцева И.А. (Arzhanseva Irina), Н. Härke, Tazhekeev A.A.</i> Between North and South: Dzhankent, Oguz and Khorezm.....	12
<i>Астапенкова Е.В.</i> Замки и ключи из бохайских памятников Приморья.....	16
<i>Атанасов Г.Г.</i> Новый владетельский центр кагана Кубрата на Среднем Днепре.....	20
<i>Бадаев Д.Ю.</i> Появление и распространение шахмат на территории Руси и Волжской Болгарии (по археологическим данным).....	27
<i>Базаров Б.А., Миягашев Д.А., Бессонова Е.А.</i> Археологические исследования Нур-Тухумского археологического комплекса эпохи раннего железного века и средневековья.....	30
<i>Бахматова В.Н., Сивицкий М.В., Ситдииков А.Г., Храмченкова Р.Х.</i> Междисциплинарные исследования сфероконических сосудов золотоордынского Болгара (по материалам раскопа 200, 2014 г.).....	34
<i>Бессонова Е.А.</i> Комплексные геолого-геомагнитные исследования средневековых археологических памятников, расположенных на территории Забайкальского края России.....	38
<i>Болдин В.И.</i> Результаты исследования верхнего строительного горизонта на территории буддийского храмового комплекса Краскинского городища.....	42
<i>Боталов С.Г.</i> Миграционные ареалы кочевой цивилизации Евразии.....	50
<i>Бочаров С.Г.</i> Археология Латинской Газарии: определение термина и научное содержание.....	57
<i>Бураев А.И.</i> Антропологический состав раннемонгольских памятников Прибайкалья и Забайкалья (VII–XIV вв.).....	63
<i>Валиев Р.Р.</i> Старокуйбышевский комплекс памятников: новый взгляд и перспективы исследований.....	68
<i>Васильева Т.А.</i> Быт населения Екатерининского городища.....	73
<i>Васютин С.А.</i> Трансформация кочевой периферии Евразии в конце I тыс. до н.э. – X в. н.э.....	77
<i>Воробьева Е.Е., Михайлова К.В.</i> Культ коня в археологическом материале Марийско-Чувашского Поволжья и марийской вышивке.....	84
<i>Гельман Е.И.</i> Ворота и предвратные укрепления городищ Приморья VIII–XI вв.....	87
<i>Гмыря Л.Б.</i> Великие стены Восточного Кавказа. Антицивилизационный аспект их значимости в мировом историческом процессе.....	92
<i>Горбунов В.В., Кунгуров А.Л., Тишкин А.А.</i> Детали рукояти и ножен меча из могильника Сростки-I (по материалам раскопок М.Д. Копытова в предгорьях Алтая).....	100
<i>Данилов С.В., Именохоев Н.В., Симухин А.И., Нанзатов Б.З., Очир А., Эрдэнэболд Л.</i> Гобийские городища монгольского времени (на примере комплекса Хатанбулаг).....	105
<i>Дашковский П.К.</i> Погребения енисейских кыргызов на Алтае (по материалам могильников Коргон-I и Чинета-II).....	110
<i>Дьякова О.В., Сидоренко Е.В., Шевченко В.В., Шавкунов В.Э.</i> Крепость Ключи в исторической ретроспективе.....	115
<i>Дьяконов В.М.</i> снаряжение верхового коня у якутов в XIV – начале XX вв.....	121
<i>Ефремова Д.Ю.</i> Археологическое исследование древнемарийского Барковского селища (XIII–XV вв.): между Русью и Ордой.....	124
<i>Забровская Л.В.</i> Королевство Корё и его отношения с соседями.....	128
<i>Зеленев Ю.А.</i> О центральноазиатских традициях градостроительства на Нижней Волге.....	130
<i>Зиливинская Э.Д.</i> Каракорум и Сарай: особенности градообразования, сходство и различие.....	132
<i>Ивлиев А.Л., Крадин Н.Н., Эрдэнэболд Л.</i> О доляском комплексе в материалах городища Хэрмэн-Дэнж (Монголия).....	135
<i>Измайлов И.Л.</i> Вооружение Улуса Джучи (Золотой Орды) XIII–XV вв. контексте истории оружия Евразии: проблемы изучения.....	141
<i>Йотов В.</i> Стремена Византии (VII–XII вв.): изобразительные источники и археологические примеры (вопросы и ответы).....	145
<i>Кирьянов Н.С., Crubézy E., Duchesne S., Gérard P., Mougin V., Gérard A., Petit C., Колодезников С.К., Попов В.В., Романова Л.Г., Алексеев А.Н., Бравина Р.И.</i> Раскопки могильного комплекса позднего Средневековья «Ат-Дабан» («Ат-Быран») в долине Эркээни Центральной Якутии (по результатам работ Сахарно-французской археологической экспедиции в 2016 году).....	148
<i>Клюев Н.А., Гридасова И.В.</i> Особенности планиграфии архитектурного комплекса на городище Кокшаровка-1 в Приморье.....	155
<i>Ковычев Е.В., Крадин Н.Н., Харинский А.В.</i> Могильник Большая Канга-1 и его место в археологии Приаргуны.....	159
<i>Кольченко В.А.</i> Буддизм в Чуйской долине на южной границе Евразийских степей в Средневековье: этапы и направления распространения.....	162

<i>Крадин Н.Н., Бакишева С.Е., Ковычев Е.В., Проконец С.Д.</i> Новые исследования Кондуйского городка	167
<i>Кутузова Д.О., Воробьева Е.Е.</i> Ретроспектива исследований Л.Л. Галкина на стеклоделательной мастерской Селитренного городища	171
<i>Leipne K. (C. Leipe), Sergusheva E.A., Müller S., Spengler III R.N., Goslar T., Kato H., Wagner M., Weber A.W., Tarasov P.E.</i> The spread of barley (<i>Hordeum vulgare</i>) into northern Japan and its role in the hunter-gatherer economy of the Hokkaido Okhotsk culture (5th–10th century AD)	174
<i>Лещенко Н.В.</i> Кочевой мир и музыкальная культура средневековых государств Приморья	181
<i>Ma Сяолин (Ma Xiaolin).</i> Notes on Marco Polo and the kumiss ceremony at Xanadu	185
<i>Марсон П. (Marson P.)</i> The social policy of the Khitan Empire (Liao dynasty)	187
<i>Масловский А.Н.</i> Язычество в золотоордынском Азаке. Археологические данные о веротерпимости	191
<i>Маслюженко Д.Н., Рябицина Е.А.</i> Торговые, военные и дипломатические дороги Тюменского и Сибирского ханства: западное направление	195
<i>Митько О.А.</i> «Последние из могикиан» (о традиционном способе огнедобычи оленеводами Чукотки в XXI веке)	198
<i>Мордвинцева В.И.</i> Мир-системный анализ в археологии на примере звериного стиля Северного Причерноморья сарматского времени	199
<i>Мухарева А.Н.</i> Раннесредневековые наскальные надписи в окрестностях села Новосёлово (Красноярский край): изучение и изобразительный контекст	204
<i>Нарожный Е.И.</i> Кочевники Северного Кавказа: этнокультурное представительство и взаимодействие (XIII–XV вв.)	208
<i>Нуржанов А.А.</i> Тюрки на Великом шелковом пути	215
<i>Пигарев Е.М.</i> Золотоордынские города Нижнего Поволжья (к проблеме изучения малых городов)	220
<i>Пиков Г.Г.</i> Проблема соотношения «севера» и «юга» в киданьской культуре	224
<i>Проконец С.Д., Гвоздев Р.В., Якупов М.А.</i> Появление и распространение пластинчатого шлема на Дальнем Востоке	227
<i>Руденко К.А.</i> О датировке одного типа зеркал из Булгарского улуса Золотой Орды (к вопросу о культурных связях на евразийском пространстве в Средневековье)	230
<i>Самигулов Г.Х.</i> Тюрки Зауралья к моменту вхождения в состав Московского государства (по письменным источникам)	233
<i>Серегин Н.Н.</i> Импортные изделия из погребений тюрок Монголии	238
<i>Ситдииков А.Г., Измайлов И.Л.</i> Средневековое Поволжье в IX–XVI вв.: взаимодействие городской и кочевой культуры	244
<i>Смагулов Е.А., Ержигитова А.А.</i> Древняя цитадель города Туркестан	247
<i>Ташах В.И., Антонова Ю.Е.</i> Исследования древнего святилища в скальном убежище (Западное Забайкалье)	252
<i>Тишкин А.А.</i> Использование золота при изготовлении предметов тюркской культуры в период раннего Средневековья (по материалам исследований археологических памятников на юге Западной Сибири и результатам рентгенофлуоресцентных анализов)	256
<i>Торланбаева К.У.</i> Контенты тюркского манихейства в культуре номадов	259
<i>Тулуш Д.К.</i> Древние городские центры Верхнего Енисея	263
<i>Фодор И.</i> К вопросу о погребальном обряде гуннов Восточной и Центральной Европы	267
<i>Фукалов И.</i> Мимикрия сакральности власти в тюркских и кыргызском государствах раннего Средневековья	272
<i>Харинский А.В., Крадин Н.Н., Ковычев Е.В.</i> Особенности конструкции и хронологии Большого квадратного Уртуйского городка (Юго-Восточное Забайкалье)	276
<i>Хаяси Тосио (Hayashi Toshio).</i> Fire-steels in Mediaeval Eastern Eurasia	281
<i>Хузин Ф.Ш., Шакиров З.Г.</i> Волжская Булгария и кочевой мир	289
<i>Цыбенков Б.Д.</i> Верхнее Приамурье в древности и раннем Средневековье	294
<i>Шайхутдинова Е.Ф., Храмченкова Р.Х., Ситдииков А.Г.</i> Методология исследования серебросодержащего нумизматического материала по результатам изучения монет Волжской Болгарии	297
<i>Шайхутдинова Е.Ф., Касимов А.В., Ситдииков А.Г., Пигарев Е.М.</i> Опыт создания трехмерных моделей малогабаритных объектов с разверткой поверхности по результатам фотометрического изучения надписей на яичной скорлупе из золотоордынского могильника XIII–XIV вв.	300
<i>Шайхутдинова Е.Ф., Храмченкова Р.Х., Набиуллин Н.Г., Беляев А.В., Ситдииков А.Г., Янбаев Р.М.</i> Археометрические исследования чугуна Булгарского улуса XIV в.	303
<i>Шевченко В.В.</i> Дауры Приамурья (историографические аспекты)	305
<i>Юдин Н.И.</i> Необычные находки из раскопок золотоордынского Азака	309
<i>Яворская Л.В.</i> Домашние животные в быту и экономической системе Золотой Орды: письменные свидетельства и археозоологические реалии	313

CONTENT

<i>Abaeva L.L.</i> Retrospective of migratory and transmitting opportunities of world religions in the space of the Eurasian steppes	9
<i>Arzhantseva I.A., H. Härke, Tazhekeev A.A.</i> Between North and South: Dzhankent, Oguz and Khorezm.....	12
<i>Astashenkova E.V.</i> Locks and keys from the Bohai sites of Primorye.....	16
<i>Atanasov G.G.</i> The New Ruler’s Center of Kagan Kubrat in the Region of Middle Dnieper.....	20
<i>Badeev D.Yu.</i> The emergence and spread of chess in the territory of ancient Russia and Volga Bulgaria (for out archaeological data).....	27
<i>Bazarov B.A., Miyagashev D.A, Bessonova E.A.</i> Archaeological research of the Nur-Tuhum archeological complex of the Early Iron age and the Middle ages.....	30
<i>Bakhmatova V.N., Sivitsky M.V., Sitdikov A.G., Khramchenkova R.Kh.</i> Interdisciplinary researches sferokonichesky vessels of Bolgar in Golden Horde (materials excavation 200 in the year 2014).....	34
<i>Bessonova E.A.</i> Integrated geological geomagnetic study of medieval archaeological sites in Trans-Baikal territory	38
<i>Boldin V.I.</i> Results of investigation of the upper building level on the Buddhist temple complex of the Kraskinskoe ancient walled town.....	42
<i>Botalov S.G.</i> Migrational areals of the Eurasian nomad civilization.....	50
<i>Bocharov S.G.</i> Archaeology of Latin Gazaria: definition and scientific content	57
<i>Buraev A.I.</i> Anthropological structure of Early Mongolian sites of the Cisbaikal and Transbaikal regions (VII–XIV centuries).....	63
<i>Valiev R.R.</i> Starokuibyshevskiy archaeological complex: a new approach and perspectives	68
<i>Vasilyeva T.A.</i> Mode of life of Ekaterinovskoye ancient walled town’s population.....	73
<i>Vasyutin S.A.</i> Transformation of nomadic half-periphery of Eurasia in late Ist millinery B C – X century A D	77
<i>Vorobyeva E.E., Mikhailova K.V.</i> Cult of the horse in the archaeological material of the Mari – Chuvash of the Volga region and Mari embroidery.....	84
<i>Gelman E.I.</i> Gates and gate defense fortifications of walled towns of VIII–XI c. in Maritime region.....	87
<i>Hmyria L.B.</i> The great walls of the Eastern Caucasus. Anti-civilizational aspect of their importance in the world historical process	92
<i>Gorbunov V.V., Kungurov A.L., Tishkin A.A.</i> Details of the handle and the scabbard of the sword from the Srostki-I village burial(on the excavation materials of M.D. Kopytovin Altai foothills).....	100
<i>Danilov S.V.</i> , <i>Imenokhoev N.V., Simukhin A.I., Nanzatov B.Z., Ochir A., Erdenabold L.</i> Gobian fortified settlements of Mongolian time (on the example of the Khatanbulag complex)	105
<i>Dashkovskiy P.K.</i> Burial mounds of the Yenisei Kyrgyz in the Altai (on materials of burial grounds of Korgon and Chineta II).....	110
<i>Dyakova O.V., Sidorenko E.V., Shevchenko V.V., Shavkunov V.E.</i> Fortress Kluchi in historical retrospective	115
<i>Dyakonov V.M.</i> Equipment a rideable horse of Yakuts in XIV–early XX centuries.....	121
<i>Efremova D.Yu.</i> Archaeological research of the ancient Barkovsky selische (XIII–XV c.) – between Russia and the Horde	124
<i>Zabrovskaya L.V.</i> Kingdom of Koryo and its relations with neighbours.....	128
<i>Zeleneev Y.A.</i> About the Central Asian traditions of urban planning in the Lower Volga Region.....	130
<i>Zilivinskaya E.D.</i> Karakorum and Sarai: features of town formation, similarity and difference	132
<i>Ivliev A.L., Kradin N.N., Erdenebold L.</i> About pre-Liao complex in materials of Khermen-Denzh ancient town in Mongolia	135
<i>Izmaylov I.L.</i> Arms of Juchi ulus (Golden Horde) in the context of the history of weapons of Eurasia: problems of study.....	141
<i>Yotov V.</i> Stirrups of Byzantium (7 th –12 th centuries): artistic sources and archaeological examples: questions and answers	145
<i>Kirjanov N.S., Crubézy E., Duchesne S., Gérard P., Mougin V., Géraut A., Petit S., Kolodeznikov S.K., Popov V.V., Romanova L.G., Alekseev A.N., Bravina R.I.</i> The excavation of the late medieval “At-Daban” (“At-Byran”) burial complex in the Erkeeni valley in central Yakutia (based on Sakha-French archaeological expedition in 2016).....	148
<i>Kluyev N.A., Gridasova I.V.</i> Features of architectural complex layout on Koksharovka-1 walled town in Primorski Region	155
<i>Kovychev E.V., Kradin N.N., Kharinsky A.V.</i> Burial ground Bolshaiya Kanga – 1 and its place in archaeology of Argun River Area.....	159

<i>Kolchenko V.A.</i> Buddhism in the Chui valley on the southern border of the Eurasian steppes in the Middle Age: stages and directions of distribution.....	162
<i>Kradin N.N., Baksheeva S.V., Kovychev E.V., Prokopets S.D.</i> New studies of Kondui town.....	167
<i>Kutuzova D.O., Vorobyeva E.E.</i> Retrospective of investigations L.L. Galkin at the staffless mastersky Selitrennoe city-site.....	171
<i>Leipe C., Sergusheva E.A., Müller S., Spengler III R.N., Goslar T., Kato H., Wagner M., Weber A.W., Tarasov P.E.</i> The spread of barley (<i>Hordeum vulgare</i>) into northern Japan and its role in the hunter-gatherer economy of the Hokkaido Okhotsk culture (5 th –10 th century AD).....	174
<i>Leshchenko N.V.</i> Nomadic world and the musical culture of the medieval states of Primorye.....	181
<i>Ma Xiaolin.</i> Notes on Marco Polo and the kumiss ceremony at Xanadu.....	185
<i>Marsone P.</i> The social policy of the Khitan Empire (Xiao dynasty).....	187
<i>Maslovskiy A.N.</i> Paganism in Golden Horde Azak. Archaeological information about toleration.....	191
<i>Maslyuzhenko D.N., Ryabinin E.A.</i> Trade, military and diplomatic roads of Tyumen and Siberian Khanship: western direction.....	195
<i>Mitko O.A.</i> «The last of the Mohicans» (about the traditional method of mining by reindeer herders of Chukotka in the 21st century).....	198
<i>Mordvintseva V.I.</i> World-system approach in archeology of the example of the animal style of the North Prichernomoriye Sarmatsky mime.....	199
<i>Mukhareva A.N.</i> Early medieval rock inscriptions in the surrounding area of the Novoselovo village (Krasnoyarsk Region): the study and pictorial context.....	204
<i>Narozhnyi E.I.</i> Nomads of the North Caucasus: ethnocultural representation and interaction (XIII–XV centuries).....	208
<i>Nurzhanov A.A.</i> Turks on the Great Silk Road.....	215
<i>Pigarev E.M.</i> The Golden Horde cities of the Lower Volga Region (the problem of the study of small towns).....	220
<i>Pikov G.G.</i> The problem of the “North” and “South” relationship in Khitan culture.....	224
<i>Prokopets S.D., Gvozdev R.V., Yakupov M.A.</i> Appearance and extension plate hat in the Far East.....	227
<i>Rudenko K.A.</i> About dating of one type of mirrors from Bulgar ulus of Golden Horde (to a question on a cultural contact on the Euroasian space in the Middle Ages).....	230
<i>Samigulov G.H.</i> The Turks of the Trans-Urals by the time of inclusion in the Moscow state (according to narrative sources).....	233
<i>Seregin N.N.</i> Import items from the funerary complexes of the Turks in Mongolia.....	238
<i>Sitdikov A.G., Izmaylov I.L.</i> Medieval Volga Region in IX–XVI centuries: interaction of city and nomadic culture.....	244
<i>Smagulov E.A., Erzhigitova A.A.</i> The citadel of ancient Turkestan.....	247
<i>Tashak V.I., Antonova Yu.E.</i> Studies of ancient sacrifice in the rock asylum (Western Transbaikalia).....	252
<i>Tishkin A.A.</i> Use of gold for manufacturing of toreutic items in the early medieval period (surveys of archaeological monuments in the south of Western Siberia and results of x- fluorescent analysis).....	256
<i>Torlanbaeva K.</i> The contents of the Turkic Manichaeism in the culture of nomads.....	259
<i>Tulush D.K.</i> Ancient city centers of the Upper Yenisei.....	263
<i>Fodor I.</i> On the question of breaking order of the Hunts of Eastern and Central Europe.....	267
<i>Fukalov I.</i> Mimicry of the power sacrality in the Turkic and Kyrgyz states of the Early Middle Ages.....	272
<i>Kharinsky A.V., Kradin N.N., Kovychev E.V.</i> Features of the construction and chronology of the Big Square Urtuysky town (South Eastern Transbaikal).....	276
<i>Hayashi T.</i> Fire-steels in Mediaeval Eastern Eurasia.....	281
<i>Khuzin F.Sh., Shakirov Z.G.</i> Volga Bulgaria and Nomadic world.....	289
<i>Tsybenov B.D.</i> Upper Priamurye in Ancient and Early Medieval times.....	294
<i>Shaykhutdinova E.F., Khramchenkova R.Kh., Sitdikov A.G.</i> Research methodology of the silvercontaining numismatic material based on the investigation Volga Bulgaria coins.....	297
<i>Shaykhutdinova E.F., Kasimov A.V., Sitdikov A.G., Pigarev E.M.</i> Experience in the design of small objects 3-d models with a surface scan based on the results of photometric research of the eggshell inscriptions from the Golden Horde burial site 13 th –14 th cc.....	300
<i>Shaykhutdinova E.F., Khramchenkova R.Kh., Nabiullin N.G., Belyaev A.V., Sitdikov A.G., Yanbaev R.M.</i> Archeometric studies of cast iron of the Bulgarian ulus of the XIV century.....	303
<i>Shevchenko V.V.</i> Daur People of the Amur Region (historiographic aspects).....	305
<i>Yudin N.I.</i> Unusual artifacts from the excavations of the Golden Horde city of Azak.....	309
<i>Yavorskaya L.V.</i> Domestic animals in the life and the economic system of the Golden Horde: written sources and archeozoological realia.....	313

РЕТРОСПЕКТИВА МИГРАЦИОННЫХ И ТРАНСЛЯЦИОННЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ МИРОВЫХ РЕЛИГИЙ В ПРОСТРАНСТВЕ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ*

Л.Л. Абаева

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ

Религиозная культура насельников Евразийских степей до адаптации ими мировых религий, т.е. до и после проникновения таких мировых религий, как буддизм, христианство и ислам, в какой-то степени носила общие типологические характеристики, относящиеся к их социальным, экономическим и политическим особенностям, образу жизни, климату, системе жизнеобеспечения, нормам повседневного поведения, выработанным веками. Историческое взаимодействие многочисленных этнических субстратов Великой Степи (тюрки, маньчжуры, монголы и др.) и их культурных традиций способствовало не только обогащению и синтезу конкретных религиозных традиций и воззрений, но также и эволюции их религиозной культуры от низших форм к высшим, а значит, и развитию, совершенствованию всей религиозной системы народов Внутренней Азии. Преемственность наиболее общих парадигм религиозной культуры этого региона и их историческая устойчивость диалектически сочетались с процессами ее поступательного развития, в котором опыт предыдущих стадий, все его достижения не отбрасывались, а сохранялись и синтезировались в целостную систему религиозного сознания и поведения.

Ключевые слова: миграционные потоки, адаптация, кочевники, мировые религии, буддизм, христианство, ислам, манихейство в ареале обитания кочевой культуры.

Исследование религиозных традиций народов Внутренней Азии, эволюция и трансформация их этнокультурных и конфессиональных компетенций и ситуаций в результате интер- и кросскультурных контактов с соседними и сопредельными территориями представляет, на наш взгляд, особый интерес, так как в данном случае здесь фиксируются практически все процессы, связанные с коммуникативными, трансляционными, адаптационными и цивилизационными возможностями конкретно каждой этнокультурной традиции, конкретно каждого этноса Евразийской степи. Религиозная культура насельников Евразийских степей до адаптации ими мировых религий, т.е. до и после проникновения таких мировых религий, как буддизм, христианство и ислам, в какой-то степени носила общие типологические характеристики, относящиеся к их социальным, экономическим и политическим особенностям, образу жизни, климату, системе жизнеобеспечения, нормам повседневного поведения, выработанным веками.

Уровень развития каждой конкретной этнокультурной общности региона Внутренней Азии, несомненно, фиксирует на современном этапе изменение тех методов и способов регуляции религиозной системы, которые на данном этапе соответствовали бы и являлись бы органичными в ценностном ядре культур разнородных этносов. Историческое взаимодействие многочисленных этнических субстратов Великой Степи (тюрки, маньчжуры, монголы и др.) и их культурных традиций способствовало не только обогащению и синтезу конкретных религиозных традиций и воззрений, но также и эволюции их религиозной культуры от низших форм к высшим, а значит, и развитию, совершенствованию всей религиозной системы народов Внутренней Азии. Преемственность наиболее общих парадигм религиозной культуры этого региона и их историческая устойчивость диалектически сочетались с процессами ее поступательного развития, в котором опыт предыдущих стадий, все его достижения не отбрасывались, а сохранялись и синтезировались в целостную систему религиозного сознания и поведения.

Многочисленные реликты буддийских артефактов в Каратепе позволили археологам установить хронологические рамки проникновения этих буддийских артефактов на данную территорию; антропологам – проанализировать культурные контакты Бактрии с буддийскими культурными и художественными центрами; искусствоведам – оценить специфику производства этих буддийских артефактов, вплоть до орнаментики, а также провести компаративистский анализ этих предметов в аспекте взаимовлияния и взаимопроникновения художественных традиций, т.е. кросскультурные контакты индийской, пакистанской, бактрийской, гандхарской, кушанской и многих других художественных школ. Но особенно впечатляет, что многие искусствоведы находят в этих буддийских предметах греческие и эллинистские влияния. Хотя возможен и другой вариант – обратный.

Миграционные потоки вдоль Великого Шелкового пути с Востока на Запад и с Запада на Восток позволили многим миссионерам, представителям таких мировых религий, как буддизм, христианство и ислам, транслировать эти религиозные традиции новым адептам, насельникам евразийских гор и сте-

* Работа выполнена при финансовой поддержке мегагранта Министерства образования и науки РФ (14.W03.31.0016).

пей. И здесь возникает достаточно интересная проблема: какова была их потенциальная возможность адаптировать свои традиционные обряды, ритуалы и обычаи к инновационным практикам мировых религий. Оговорившись, что это требует отдельного комплексного исследования, добавим, что в результате наших полевых исследований среди монгольских народов в Монголии, Внутренней Монголии КНР, Бурятии, Тыве и Калмыкии уже можно предварительно констатировать, что каждая конкретная этнополитическая, этноэкономическая и этноконфессиональная общность Великой Степи адаптировала многие этнокультурные традиции, инновационные для них, в соответствии со сложившимися в локусе их бытия традиционными миропониманием, мироощущением, мировоззрением и традиционной картиной мира.

Мы уже писали, что исторически вдоль Великого шелкового пути фиксируется очень много различных буддийских памятников, свидетельствующих не только о проникновении буддийской культуры непосредственно из северной Индии, но и о действующих буддийских монастырях, фиксирующихся I–III веками н.э. Ведь от момента проникновения буддийских теорий и практик в регионы Внутренней Азии вдоль Великого шелкового пути до появления буддийских монастырей и комплексов и в указанном регионе должно было пройти немало веков. Кроме того, северные представители протомонгольского этноса, впоследствии оформившиеся как керейты, считались адептами несторианского течения такой мировой религиозной традиции, как раннее христианство. Учитывая, что протомонгольская метаэтническая общность и общности ее сопредельных территорий на раннем этапе своих кросс- и этнокультурных контактов мигрировали по достаточно обширному локусу Внутренней Азии, можно констатировать, что именно вдоль Шелкового пути мигрировали многочисленные миссионеры, представители различных религиозных конфессий, достаточно успешно пропагандируя и распространяя основные постулаты той религии, адептами которой они являлись (Абаева, 2014: 23; 2015б: 557). Однако здесь мы хотели бы остановиться также и на проблеме адаптации монгольскими народами буддийской теории и практики. Наша гипотеза состоит в том, что, возможно, с буддийской культурой многие монгольские народы были знакомы через интеркультурные связи с религиозной культурой уйгуров, которые уже в VIII веке н.э. считались адептами буддизма. Уйгуры исторически являются насельниками Таримской долины, ограниченной горными системами Тянь-шань и Каракорум, Джунгарии, в долине реки Или, районов, примыкающих к Иртышу и Балхашу, в Южной Сибири, в долинах рек Селенга, Орхон, Тола, Керулен и на севере современных провинций Китая Шаньси и Шэнси. В современной административной структуре КНР также имеется и Синьцзяно-Уйгурский автономный район, основная масса насельников которого на современный период является адептами ислама. Но мы говорим об уйгурах, бывших уже в VIII веке последователями буддийской теории и практики. Дело в том, что некоторые буддийские источники на монгольский язык впервые переводились именно с уйгурской письменной традиции, а не с тибетской, как утверждают многие исследователи, – эта гипотеза как основная существует до сих пор в российском востоковедении в целом и в монголоведении в частности. На наш взгляд, именно уйгурский вариант буддийской теории и практики был в свое время знаком и адаптирован некоторой частью монгольских народов – особенно северным их ареалом (Абаева, 2015а: 95).

Несмотря на «маргинальное» присутствие христианской традиции и «лимитированные» контакты со средневековой Европой западно-европейские исследователи в настоящее время уделяют большое внимание исследованию реликтов христианских традиций в Китае, т.е. во Внутренней Монголии (Halbertsma, 2008: 49). Автор указанной работы затрагивает практически всю довольно обширную историю проникновения, распространения и эволюции несторианской традиции среди китайского и монгольского этносов во Внутренней Монголии, на современный период находящейся в составе Китайской Народной Республики как Автономный район Внутренней Монголии. Однако хронологические рамки монографии проникают в далекое историческое прошлое, вплоть до определения происхождения термина «несторианизм» и раннего его употребления как религиозного феномена. Как утверждает сам автор, «несторианские реликты» представляют собой великое множество «черно-белых образов», которые не всегда можно адекватно идентифицировать, поэтому многие негативные и неадекватные позитивные «образы» так и не вошли в данное сочинение. Работа была написана в университете г. Ляйдена в Институте синологических исследований Голландии. Кстати, издатель и редактор данной авторской работы – Барендтер Хаар руководил научно-исследовательской и полевой работой Тжаллинг Хальбертсма. В своем исследовании «По поводу термина «несторианизм» и раннекитайские христианские термины» Тжаллинг Хальбертсма рассматривает термин и феномен несторианства как понятия, существующего в те далекие времена, а также транслитерирует и интерпретирует собственно христианские термины, существовавшие в течение Танского и Юаньского периодов. Хальбертсма во введении к своей работе сетует, что было очень

сложно транскрибировать и транслитерировать китайские и монгольские надписи на каменных стеллах, которые исследовались как реликты раннего христианства во Внутренней Монголии. Также автор не без сарказма подчеркивает, что исследования по данной тематике на китайском языке скорее дискриптивны (носят описательный характер), нежели интерпретативны (несут в себе некий аналитический контент). Предваряя свой исследовательский труд, автор подчеркивает, что в работе преследовались две практические цели: необходимость в дальнейшей фиксации и документации все еще существующего фактологического материала на территории Внутренней Монголии и интерпретация уже описанного дискриптивного материала в этом же регионе. Часть монографической работы посвящена культурно-антропологическим методам исследования – таким, как метод интервьюирования скотоводов монгольского происхождения на предмет анализа – как кочевники оценивают прошлое феномена адаптации несторианской культуры их предками. Работа сопровождается достаточно большим иллюстративным материалом реликтовых памятников несторианства на территории Внутренней Монголии, дополнена картами их расположения, а также сопровождается картами их распространения (Halbertsma, 2008: 287–349). Следующая очень важная этническая группа, исповедующая раннехристианское несторианство, на рубеже X–XIV вв. фиксируется в регионе Семиречья на юго-восточной стороне озера Байкал. В настоящее время это Кыргызстан. Об этом свидетельствует тот факт, что в начале XX в. российские археологи обнаружили большое количество надгробных могильных плит, декорированных крестами, цветами лотоса с древнесирийской графикой и надписями на сирийском, тюркском языках по двум сторонам могильных плит (Halbertsma, 2008: 34).

Ислам на территории Евразийского пространства появляется достаточно поздно, однако его миссионерская деятельность в средние века была довольно успешна, о чем свидетельствуют некоторые фактологические данные наших полевых исследований: например, хотоны Внутренней Монголии КНР, ведущие достаточно обособленную социальную и хозяйственную деятельность, современные этнические монголы Монголии, мусульманские диаспоры в Бурятии и т.д.

Известный монгольский ученый Ш. Бира в своей речи на открытии Центра монголоведческих исследований А. Мостарта в Улан-Батаре произнес: «История монголов не может быть правильно объяснена, если мы не знаем истории наших культурных и религиозных контактов и взаимодействий с другими цивилизациями. Мы должны изучать неизвестные страницы нашей истории, которые включают не только наше прошлое, но также и настоящее, и будущее». В своем докладе на тему «Монголы и христианство» он подчеркнул, что монгольские народы в контексте своей долгой и удивительной этнической истории были адептами не только буддизма, но также пытались адаптировать к своим этнокультурным и религиозным традициям и другие мировые религиозные системы (Бира, 2011: 355).

На обширной территории евразийских степей среди кочевников фиксируется также такой уникальный религиозный феномен, как манихейство. Манихейство – религиозная традиция ближневосточного происхождения, представляющая синтез иудейско-вавилонско-персидских религиозных воззрений, основанных на теории добра и зла, света и тьмы. Однако трансляционные возможности манихейских миссионеров и степень аккумулятивной потенции их адептов оказались не столь успешными, как, например, буддийских и христианских.

ЛИТЕРАТУРА

- Абаева, Л.Л. 2014. Религиозная культура монгольских народов в пространстве и времени. *Монголика*. Улан-Батор: 20–25.
- Абаева, Л.Л. 2015а. Буддизм в контексте письменной культуры монгольских народов. М. Власть. № 9: 94–98.
- Абаева, Л.Л. 2015б. Buddhist Culture along the Great Silk Way. *Proceedings of the Chinese Fourth International Symposium on Mongolian Studies*. Inner Mongolia Academy of Social Science. Chinese Association for Mongolian Studies. Huhhot. China: 553–559.
- Бира, Ш. 2011. The Mongols and Christianity. Монголын Тэнгэрийн Узэл, Mongolian Tenggerism. Туувэр Зохиол, Баримтбичгуд. Selected Papers and Documents. Улаанбаатар: 482.
- Halbertsma, Tjalling H.F. 2008. Early Christian Remains of Inner Mongolia: Discovery, Reconstructions and Appropriation: edited in “Sinica Leidensia”. Vol. 88, edited by Barend Haar J.: 359 p.

L.L. Abaeva

RETROSPECTIVE OF MIGRATORY AND TRANSMITTING OPPORTUNITIES OF WORLD RELIGIONS IN THE SPACE OF THE EURASIAN STEPPES

The religious culture of the inhabitants of the Eurasian steppes before adaptation of world religions by them, i.e. before penetration of such world religions as the Buddhism, Christianity and Islam, to some extent carried the general typological

characteristics relating to their social, economic and political features, a conduct of life, climate, life support systems, to regulations of daily behavior through the centuries. Historical interaction of numerous ethnic substrata of the Great Steppe (Turkic peoples, Manchurians, Mongols, etc.) and their cultural traditions promoted not only to enrichment and synthesis the specific religious traditions and views, but also, as well, evolutions of their religious culture from the lowest forms to the highest, the development, enhancement of all religious system of the people of Inner Asia. Succession of the most general paradigms of religious culture of this region and their historical stability were dialectically combined with the processes of its forward development, in which experience of the previous stages, all its achievements weren't rejected, and remained and synthesized in the complete system of religious consciousness and behavior.

Key words: migration flows, adaptation, nomads, world religions, Buddhism, Christianity, Islam, Manichaeism in an area of dwelling of nomadic culture.

BETWEEN NORTH AND SOUTH: DZHANKENT, OGUZ AND KHOREZM*

A. Arzhantseva¹, Heinrich Härke², A.A. Tazhekeev³

¹*Institute of Ethnology & Anthropology RAN, Moscow;*

²*University of Tübingen (Germany);*

³*Korkyt-Ata State University of Kyzylorda (Kazakhstan)*

Dzhankent in the Syr-Darya delta is referred to by 10th century geographers as the seat of the Oguz yabgu. New fieldwork suggests that the enclosed town with its citadel was built on a Khorezmian model in the 9th century on the site of an earlier open settlement, and that the material culture of the town is composed of three components: Oguz nomads, local Dzhety-Azar Culture, and Khorezm civilization. These findings would fit well into a picture of regional state formation resulting from the impact of Oguz nomads on a local sedentary population engaged in trade and contacts to the south.

Key words: Dzhankent, Syr-Darya delta, Oguz nomads, Dzhety-Azar Culture, Khorezm civilization

The theoretical context

The later first millennium AD was a phase of urbanization and state formation right across Central Asia, the Caucasus and Europe. But curiously, the debates about these processes seem to have been conducted in at least two geographically separate debates which, for reasons of convenience, we shall call here the 'eastern' (or Eurasian) and 'western' (or European) debates.

The eastern debate on the origins and functions of towns in Eurasian societies has revolved around the key factors of elite residences, military functions, and trade (Ageeva & Patsevich, 1958; Bartold, 2002; Belenitskij et al., 1973; Baipakov, 1986; Masson, 1989). The linked issues of nomad states, the relationship between sedentary and nomad populations, and the role of towns in this relationship have been the subject of much research as well as lively discussions in archaeology and ethnology, and a number of recent conferences have been devoted to these questions. This debate has been conducted without reference to the western debate on the emergence and functions of proto-urban central places, trading emporia and medieval towns in the incipient states of Western Europe between the 7th and 11th centuries AD (Clarke & Simms, 1985; Hodges & Hobley, 1988). One key aspect of the western debate, in particular, should be relevant to the eastern debate: the hypothesized, and hotly debated, causal link between long-distance trade, state formation and urbanization (Hodges, 1982, 2000; critique by Astill, 1985). Another strand of the western debate sees early medieval urbanization as part of a state formation 'package' which includes centralization, urbanization, and religious change (Staecker, 2000, 2004) – again aspects of obvious relevance to Eurasian research.

The disconnection between the two debates is illustrated by the fact that some western scholars attended a conference on 'Urban and Nomadic Societies in Central Asia' in Almaty in 2003, but only to discuss Asian towns (Urban and Nomadic Societies, 2004). Similarly, the conference on 'Urban cultures of Central Asia from the Bronze Age to the Karakhanids', held at Bern (Switzerland) in 2016, did not include a single paper on urbanism in other parts of the world. A theoretically informed, comparative look at the link between urbanization and early medieval state formation right across the Eurasian landmass, from England to Central Asia, is long overdue, and likely to inspire further research and debate.

* Fieldwork in 2011 was carried out with financial support from the Wenner Gren Foundation (ICRG-104).

The ‘marsh towns’ of the Syr-Darya delta

At the end of the first millennium AD, the Aral Sea region comprised two broad cultural zones: in the south the Khorezmian civilization on the Amu-Darya, in the north the steppe empire of the nomadic Oguz on the Syr-Darya and to the north of it. Their contact zone appears to have been the group of the so-called ‘marsh towns’.

Dzhankent, the most prominent ‘marsh town’, is located about 25 km south-west of the modern town of Kazaly (Kazalinsk). It is one of three known early medieval sites in the Syr-Darya delta; the others are Kesken-Kujuk-Kala and Bolshaya Kujuk-Kala, located at distances of 36 and 47 km, respectively. While Dzhankent had been known from travellers’ reports for some time, the other two ‘marsh towns’ were only discovered in 1946 by the Khorezmian Expedition of the AN SSSR (Tolstov, 1947). Dzhankent has been identified as the town of Jangikent (Bartold, 2002) which is mentioned in a number of written sources of the 10th to 12th centuries (Ibn Rustah, Ibn Hawqal, Al-Masudi, Al-Idrisi) where it is called an ‘Oguz town’ or seat of the yabgu, the head of the Oguz tribal confederation.

In Kazakhstan, the ‘marsh towns’ play a key role in research and debate on the origins of the Oguz state and its urbanization in the 9th/10th centuries AD (Agadzhanov, 1969; Baipakov, 1986, 2007; Vajnberg, 1999). Since the 1940s, several competing hypotheses have emerged about the ‘marsh towns’:

(1) Tolstov suggested that they already existed in the Late Hellenistic period (1st-3rd cent. AD), but were then abandoned and later re-occupied by a Turkic (Oguz) population in the 9th/10th century AD (Tolstov, 1947, 1962).

(2) Levina’s counter-hypothesis suggests that the ‘marsh towns’ were the result of a population shift from the Dzhety-Asar Culture in the 7th cent. AD which, in turn, had been caused by a shift of the Syr-Darya river bed (Levina, 1971, 1996).

(3) Vajnberg has agreed with Levina, but added the observation that the surface finds of pottery from Dzhankent suggest a mixed population made up of nomad and sedentary, probably Khorezmian, elements (Vajnberg, 1999).

(4) Several other authors have preferred a later, most probably Oguz origin of Dzhankent in the 9th cent. AD, and an exclusively Oguz population (e.g. Baipakov, 2007).

(5) Khazanov thought that Dzhankent was built in the 10th century by Khorezmian architects, and that Khorezmians made up a significant part of its population (Khazanov, 2005: 165).

The site of Dzhankent and earlier fieldwork

Dzhankent is a deserted site which has not been built over in later medieval and modern times. Its ramparts are topped by clay walls and rise up to 8 m from the dried-out delta of the Syr-Darya, enclosing an area of about 16 ha. Elements of the lay-out are clearly visible on aerial photographs and on the ground: a broadly rectangular wall circuit with a T-shaped outline; towers topping the walls at regular intervals; a separately enclosed, square citadel in the north-western corner; gates in the eastern and western walls; a semicircular annexe attached to the northern wall; and a regular lay-out in the western half of the interior.

Fieldwork at Dzhankent was started by the current authors in 2005 (Arzhantseva et al., 2007), and by Almaty archaeologists Baipakov and Smagulov in 2006 (Akhatov et al., 2008). Trenches were placed in the interior of the shakhristan (lower town, Trench 1), and at the intersection of town wall and citadel wall (Trench 2). Excavations before 2011 had not reached the base of the walls, but had identified two construction phases of the citadel.

Excavations in the interior of the shakhristan uncovered a metal workshop open to the street, and a dense arrangement of small houses. The excavated dwellings consisted of two rows of linked rectangular rooms along a north-south street, a layout of Central Asian tradition found, for example, at Toprak-kala (3rd-4th centuries AD), Taksila (first centuries AD), Kampyrtepe (3rd century B.C. – 1st century AD) and Otrar (16th-17th centuries AD). Two types of houses were found: one-room buildings (with c. 27 sq. m) and two-room buildings (30–36 sq. m). In both types, the living room is rectangular, with a low bench (*sufa*) about 40 cm high running around three sides of the room. A hearth was located in the centre, and a utility zone (with large storage vessels) in one corner; otherwise, there was no sign of special room functions. The building phases of the houses showed two phases; the pottery from both phases has been dated broadly to the 9th-10th centuries. Coins of Abd al Malik, all of them originating from the Bukhara mint and dated AD954–961, were found on several building floors. This would date the second phase of the dwelling complex to the middle of the 10th century.

The pottery finds indicate the presence of three cultural traditions side by side. The first group consists of red-slip wares and vessels with rim decorations; these are features typical of earlier local cultures with sedentary populations, primarily the Dzhety-Asar Culture. The second, smaller group is made from light clay and resembles early medieval settlement pottery from Khorezm and Kerder (Amu-Darya delta). The third, and largest,

group of pottery are hand-made vessels richly decorated with vegetal motifs; this group had been identified by Tolstov (1947) as belonging to the Turkic Oguz population at Dzhankent, largely because of broad similarities of the decoration to that of early medieval Turkic pottery from Mongolia. The same decoration was found on the pottery figurine of a ram found next to a hearth, interpreted as a firedog or fire altar.

New fieldwork 2011–2016

These earlier excavations had been too limited in extent and depth to provide conclusive answers about origins, development and lay-out of the town. The new fieldwork of our Russian-Kazakh-German team consisted of geophysical prospection with a range of techniques across the entire enclosed area and beyond; deeper excavations in the shakhristan (Trench 1); an extension and deepening of the trench at the junction of the walls of citadel and lower town (Trench 2); and a new trench (5) at the Z-shaped kink in the southern town wall (Arzhantseva et al., 2012; Arzhantseva & Tazhekeev, 2014).

Our geophysical prospection provided many important results. Thus, the higher level of the citadel interior as compared with the shakhristan resulted not from a clay base, but from a natural elevation or from intensive occupation (tell); wall foundations were cut into the slopes of the hillock, walls were raised on them, and the interior was levelled. Geophysics provided a confirmation of the regular lay-out of the lower town close to the west gate, implying the existence of a planning authority; and it identified a large ‘estate’ or ‘mansion’ within the town, east of a shallow north-south boundary ditch, hinting at social divisions within the population. Outside the town, prospection showed up a major structure outside the east gate, perhaps a caravanserai or similar complex, and it suggested fireplaces, perhaps from workshops, north of the town wall. The semicircular annexe attached to the northern town wall proved to be completely empty of finds and structures; soil analysis showed up traces of keratine, implying the presence of livestock or humans inside this annexe.

Trench 5, placed in the Z-shaped angle close to the middle of the southern shakhristan wall, was intended to check if the ‘cross-bar’ which forms the eastern half of the lower town was a later addition. The observations in this trench suggested that the eastern and western halves of the wall had been built in a single process, implying that the T-shaped lay-out of the wall circuit was part of the original design, linking it to similar Khorezmian enclosures. Settlement layers were found at this point *under* the base of the town wall, with pottery dating back possibly to the 8th or even the 7th century; radiocarbon dates (Institute of Geography, RAN Moscow) gave a sequence from 7th/8th to 10th/11th centuries. This clearly implies the existence of a predecessor settlement, probably unenclosed, under the Oguz-period town.

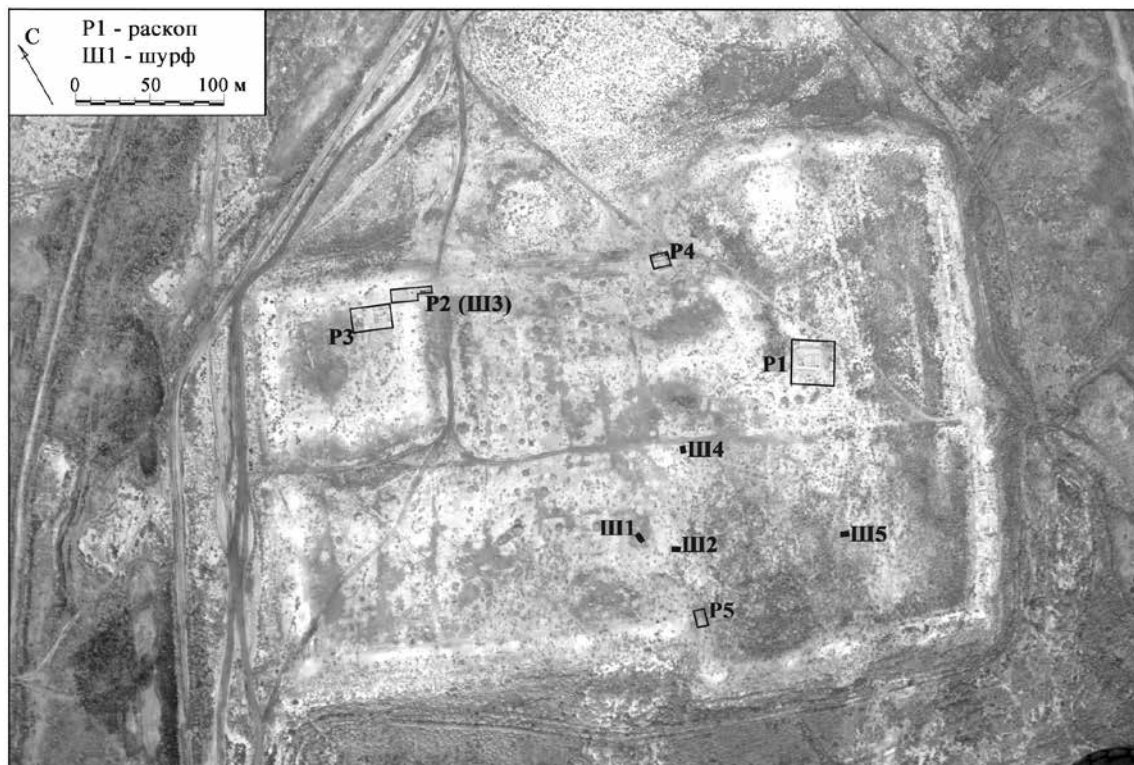

Fig. 1. Aerial photograph of Dzhankent, showing locations of trenches

In the shakhristan (Trench 1), the new excavations confirmed the picture of a dense arrangement of small houses, but also revealed a much deeper stratification than had previously been found. At one point, a minimum of four construction phases could be distinguished, with a ‘firedog’ from the lowest layer closely resembling those from the upper layers. An even greater surprise was a patch of wall painting preserved on the wall of a small house in the ‘estate’ east of the internal boundary ditch, confirming the possibility of an elite element in the lower town.

The continuation of Trench 2 at the citadel was intended to clarify the relative chronology of town and citadel walls. Occupation layers at this point showed deep stratification down to a depth of 8 metres measured from the current top of the citadel wall, with a trial trench adding another 2 metres without reaching natural. Radiocarbon dates of the upper layers go back to the 8th to 10th centuries; no radiocarbon dates are available for the lowermost layers. Extensions of Trench 2 showed occupation layers *inside* the 10th century wall, reminiscent of the Khorezmian tradition of ‘live-in walls’, and a series of round towers on the citadel wall.

Conclusions

Taken together, our results show that the enclosed town with its citadel was built as a single, planned complex in the 9th century on the site of an existing open settlement; and that the material culture of both, citadel and shakhristan derived from the same three cultural components (Oguz, Dzhety-Azar, and Khorezm), possibly implying a mixed population, certainly indicating cultural and economic contact and interaction. The abundance of fish remains in the lowest layers, and palaeobotanic evidence for locally grown wheat indicate economic change over the life of the settlement from the 7th to the 11th centuries. The elements of Khorezmian town planning, and the likely presence of Khorezmians in the town, suggest that this was, in fact, a Khorezmian trading site operating under the control and protection of the Oguz elite at an economically strategic location near the mouth of the Syr-darya into the Aral Sea. Oguz state formation would, in turn, have relied on the town as it provided the specialists (scribes, traders and craftsmen) lacking in nomad societies.

REFERENCES

- Agadzhanov, S.G. 1969. Ocherki istorii oguzov i turkmen Srednei Asii IX–XIII vekov. Ashkhabad.
- Ageeva, E.I. & Patsevich, G.I. 1958. Iz istorii osedlykh poselenij i gorodov yuzhnogo Kazakhstana (Trudy instituta istorii, arkheologii i etnografii Akademii nauk KazSSR5). Alma-Ata.
- Akhatov, G. A., Smagulov, T.N., Ganieva, A.S. & Amirgalina, G. T. 2008. Arkheologicheskie issledovaniya drevnego gorodishcha Jankent. Annual field report, Institute of Archaeology, Almaty. <http://www.madenimura.kz>
- Arzhantseva, I.A., Kurmankulov, J.K., Zilivinskaya, E.D., Ruzanova, S.A. & Sydykova, J. T. 2007. Materialy Dzhankentskoj arkheologicheskoi ekspeditsii. Kyzyl-Orda.
- Arzhantseva, I.A., Karamanova, M.S., Ruzanova, S.A., Tazhekeev, A.A., Modin, I.N. & Härke, H. 2012. Early medieval urbanization and state formation east of the Aral Sea: Fieldwork and international workshop 2011 in Kazakhstan. *The European Archaeologist*, 37: 14–20.
- Arzhantseva, I.A. & Tazhekeev, A.A. 2014. Kompleksnie issledovaniya gorodishcha Dzhankent. Raboty 2011–2014 gg. Almaty: Arys.
- Astill, G. 1985. Archaeology, economics and Early Medieval Europe. *Oxford Journal of Archaeology*, 4: 215–231.
- Baipakov, K.M. 1986. Srednevekovaya gorodskaya kultura Yuzhnogo Kazakhstana i Semirech’ya. Alma-Ata.
- Baipakov, K.M. 2007. Oguzy, Turkmeny i sel’dzhuki v gorodakh Jetysu i juzhnogo Kazakhstana. *Isvestija Natsional’noj Akademii Nauk Respubliki Kazakhstan, ser. 1 vol. 253*: 35–61.
- Bartold, V.V. 2002. Raboty po istorii i filologii turkskikh i mongol’skikh narodov. M.
- Belenitskij, A.M., Bentovich, I.B. & Bol’shakov, O.G. 1973. Srednevekovyj gorod Srednei Asii. Leningrad.
- Clarke, H.B. & Simms, A. 1985 (Eds.). The comparative history of urban origins in non-Roman Europe (British Archaeological Reports, S255). Oxford.
- Hodges, R. 1982. Dark Age economics. London.
- Hodges, R. 2000. Towns and trade in the age of Charlemagne. London: Duckworth.
- Hodges, R. & Hobley B. 1988 (Eds.). The rebirth of towns in the west AD700–1050 (Council for British Archaeology, Research Report 68). London.
- Khazanov, A.M. 2005. Nomads and cities in the Eurasian steppe region and adjacent countries: a historical overview. *Shifts and Drifts in Nomad-Sedentary Relations*. Eds. S. Leder & B. Streck. Wiesbaden: 163–178.
- Masson, V.M. 1989. Pervye tsivilisatsii. Leningrad.
- Levina, L.M. 1971. Keramika nizhnei i srednei Syrdarya v pervom tysyacheletii n.e. (Trudy Khorezmskoi Arkheologo-Etnograficheskoi ekspeditsii VII). Moscow.
- Levina, L.M. 1996. Etnokul’turnaya istoriya vostochnogo Priaraliya. Moscow.

- Staecker, J. 2000. The mission of the Triangle: The Christianisation of the Saxons, West Slavs and Danes in a comparative analysis. *Archaeological Review from Cambridge*, 17/2: 99–116.
- Staecker, J. 2004. Die Europäisierung des Ostseeraumes. *The European Frontier: Clashes and Compromises in the Middle Ages*. Ed. J. Staecker. Lund: 3–10.
- Tolstov, S.P. 1947. Goroda Oguzov. *Sovetskaya Etnografiya*, № 3: 57–102.
- Tolstov, S.P. 1962. Po drevnim del'tam Oksa i Yaksarta. Moscow.
- Urban and nomadic societies 2004. Urban and Nomadic Societies in Central Asia: History and Challenges. Proceedings of the international conference. Alma-Ata.
- Vajnborg, B.I. 1999. Etnogeografiya Turana v drevnosti. Moscow.

ЗАМКИ И КЛЮЧИ ИЗ БОХАЙСКИХ ПАМЯТНИКОВ ПРИМОРЬЯ*

Е.В. Астапенкова

*Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток*

Рассматриваются бохайские замки и ключи, их устройство и типы. Запирающие устройства в нашем регионе появляются именно в бохайский период. Они не отличаются большим разнообразием и сложностью, но имеют особенности, которые впоследствии находят отражение в замках и ключах ляоского периода, но не характерны для чжурчжэньской культуры.

Ключевые слова: государство Бохай, Приморский край, навесные замки, ключи

Замки и ключи появляются тогда, когда общество достигает определенного уровня социальной дифференциации и у населения появляется потребность запираеть свое жилище, чтобы скрыть или уберечь от посторонних имущество (Кудрявцев, 2016: 114). Кроме того, важны наличие необходимого для изготовления подобных изделий материала в достаточном количестве и владение определенным уровнем ремесленного производства. В нашем регионе (на территории юга Дальнего Востока России) появление запирающих устройств фиксируется с периода средневековья на бохайских и чжурчжэньских памятниках. Средневековые замки представляли собой цилиндрические механизмы с системой пружин. С технологической точки зрения пружинные замки бохайцев и чжурчжэней были съемными (навесными, висячими). Конструкцию съемных замков определяли корпус, дужка и ключ. Детали эти, в целом и по отдельности, характеризуют тип замка.

К настоящему времени из бохайских памятников Приморья известно лишь несколько деталей от замков – цилиндры и запирающие устройства (пружины и их фрагменты) (рис. 1: 1, 2; 1, 2). Все изготовлены из железа. Один экземпляр найден на Краскинском городище при разборе заполнения черепичной камеры (рис. 1: 1). Он представляет собой цилиндр, круглый в сечении, с прикрепленным к нему стержнем и двумя отверстиями в торцовых гранях (Болдин и др., 2005: 79). Длина цилиндра 8 см, ширина 2,5 см, длина стержня 16,5 см. Ближайшей аналогией данному изделию является замок, обнаруженный в районе строений возле остатков храма в Омэри (Вэй Цуньчэн, 2008: 165, рис. 112: 26). Подобного типа замок обычно имел запирающее устройство в виде стержня. На одном его конце были закреплены две расходящиеся пружины, а на втором, загнутом под прямым углом, имелось круглое отверстие, которое надевалось на неподвижную дужку замка. Такое запирающее устройство и один фрагмент с двумя пружинами были обнаружены на бохайских памятниках Кокшаровка 1 и Кокшаровка 8 (рис. 2: 1, 2). На Кокшаровском 1 городище внутренняя часть замка была найдена под обвалом каменной ограды недалеко от северных ворот. Длина изделия 13 см, ширина 1,5 см, длина крепления с отверстием 4,5 см, ширина 1 см, в месте крепления 1,8 см, диаметр отверстия 0,7 см (Археологические памятники ..., 2015: 69). Обращает на себя внимание запирающее устройство, найденное во время раскопок бохайской кумирни Барабаш-3. Оно имеет не один стержень с пружинами, а два (рис. 2: 2). При этом верхний стержень имеет обычный вид – две пластины-пружины крепятся с обеих сторон, а вот второй стержень имеет только одну пружину-пластину, развернутую перпендикулярно к пружинам верхнего стержня. Если посмотреть на такое запирающее устройство в профиль, то стержни с пружинами-пластинами образуют z-образную фигуру. Замки с аналогичными запирающими устройствами были найдены на памятниках периода Объединенное

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 14-18-01165 «Города средневековых империй Дальнего Востока».

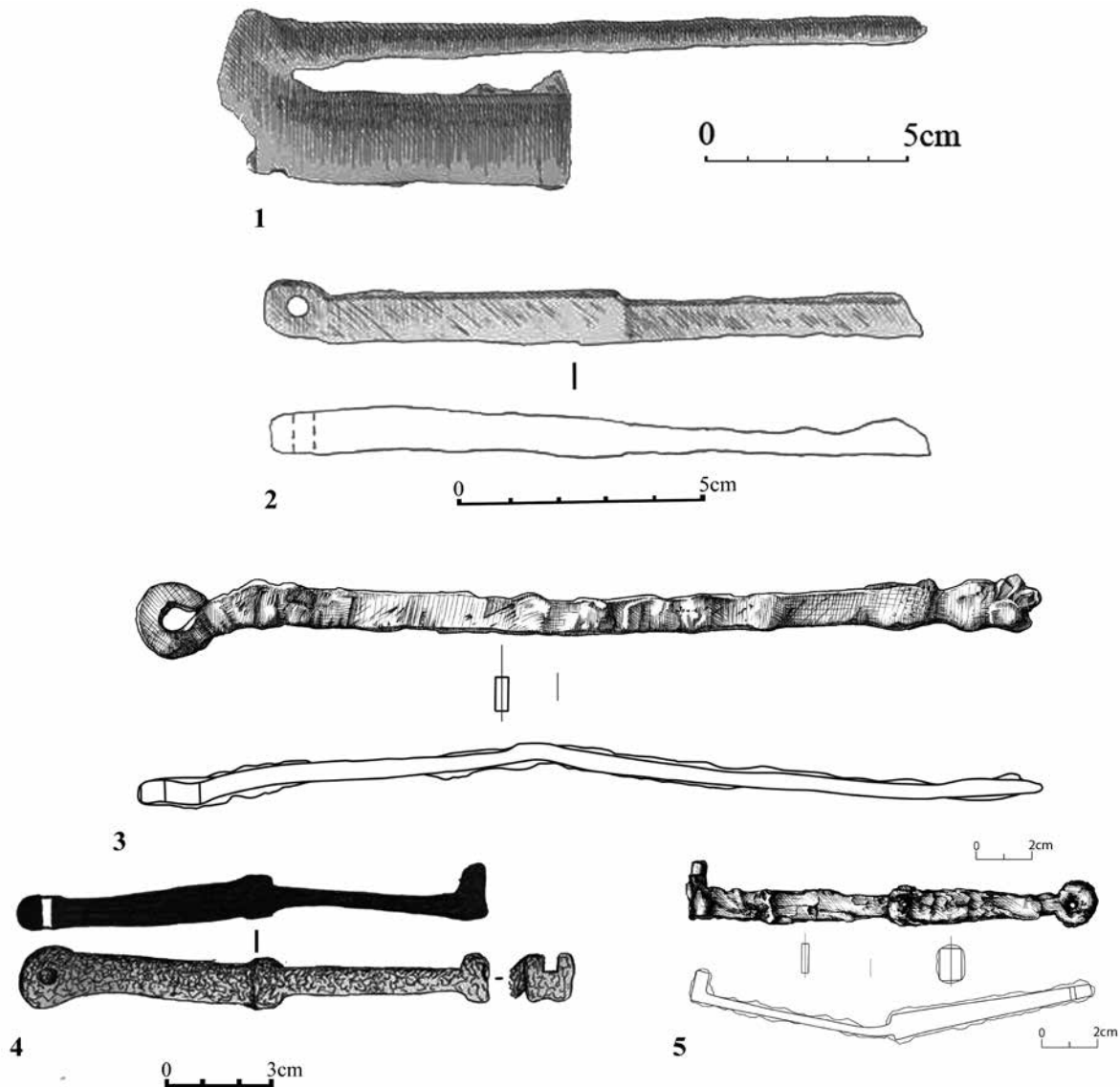

Рис. 1. Замок и ключи Краскинского городища (по: Бохайские древности, 2013; Болдин, 1997о, 2003о; Гельман и др., 2015)

Силла, а также в ляоских могилах принцессы Чэньго и Елюя Юйчжи (Tomb of the princess..., 1993: 50, рис. 30: 1; Гай Чжиюн, 2004: 27).

Таким образом, пока из бохайских памятников Приморья известен один тип замка, имеющий варианты: с одним стержнем и двумя пластинами-пружинами и с двумя стержнями и тремя пластинами-пружинами. Кроме того, в бохайское время были известны и запирающие устройства, состоящие из стержня с пружинами и расположенной под ним пластиной-направляющей для ключа. Такие детали замков обнаружены в одном из погребений в районе р. Тумэньцзян, материалы которого датируются бохайским временем, и на городище Даченцзы (Вэй Цуньчэн, 2008: 267, 270, рис. 189: 26, 191: 10). На приморских памятниках они пока не найдены.

Для того, чтобы открыть замок, необходимо было свести концы пластин-пружин вместе. Это делалось при помощи ключа. Ключ представлял собой металлический стержень, как правило, прямоугольный в сечении. На одном его конце находилась петелька для крепления, а на другом, рабочем (его называют «бородок»), зубцы, при помощи которых пружины сжимались.

Из бохайских (и бохайского времени) памятников Приморья известно 13 ключей, из них 10 целых (рис. 1: 2–5, 2: 3–6). Длина их в среднем от 10 до 17 см. Один ключ имеет длину 32,7 см. Практически все найденные изделия прямые. Лишь три ключа немного согнуты. Для того, чтобы ключ не погружался полностью в цилиндр замка, он имел упор. В качестве такого ограничителя бохайским ключам служили либо более широкая по сравнению с рабочей частью ручка, либо утолщение посередине изделия. Два

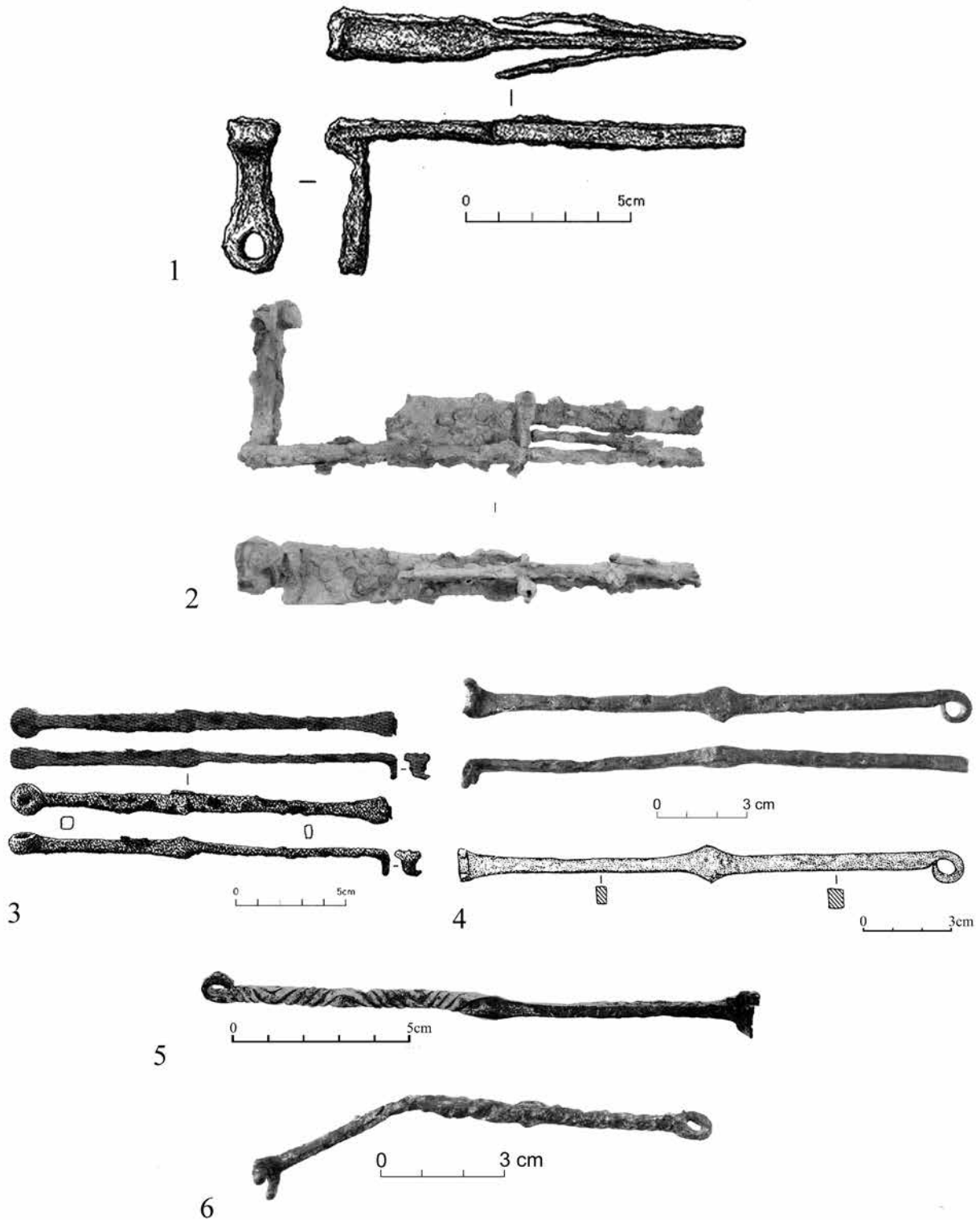

Рис. 2. Детали замков и ключи из бохайских памятников: (по: Археологические памятники..., 2015; Бохайские древности, 2013; Гельман, 2000о, 2001о; Болдин, 1977о)

ключа имеют витую ручку (рис. 2: 5, 6). Примечательно, что оба этих изделия происходят из городищ Горбатка и Николаевское II, расположенных в одном административном районе Приморского края – Михайловском.

По форме рабочего края (бородка) преобладают простые J-образные ключи. Еще один тип бородка представлен на ключе из Кокшаровского I городища (рис. 2: 3). Оригинальную форму имел, вероятно, рабочий край на одном из ключей Краскинского городища, но поскольку он расплюснен, точно ее восстановить невозможно (рис. 1: 3). Это самый длинный ключ из всех найденных.

Можно выделить два типа петельки для крепления или подвешивания ключа. В первом случае конец ключа, противоположный тому, где находится бородок, загнут (рис. 1: 3, 2: 4–6). Во втором конец ключа имеет округлую уплощенную головку, в которой есть отверстие (рис. 1: 2, 4, 5, 2: 3)

Предварительные выводы

Анализ ключей и замков из археологических памятников Приморья показывает, что появляются они в нашем регионе (юг Дальнего Востока России) начиная с бохайского времени. Материалы из комплекса Кокшаровка-8 и бохайской кумирни Барабаш-3 относятся к периоду с VIII по X в. (Археологические памятники..., 2015: 147; Клюев и др., 2011: 48). На Краскинском городище, бохайском памятнике, который является эталонным для Приморья, ключи и замки обнаружены преимущественно в верхних строительных горизонтах и не зафиксированы пока в более ранних объектах. В частности, черепичная камера, при раскопках которой был обнаружен цилиндр замка со стержнем, датируется исследователями IX-началом X в. (Болдин и др., 2005: 82). Городище Кокшаровка-1 было крупным бохайским административным центром в позднебохайское и постбохайское время (Археологические памятники..., 2015: 146). В отличие от чжурчжэньских замков, где исследователи выделяют три типа (Артемьева, 1998: 47; Артемьева, Хорев, 2015: 187), материалы с бохайских памятников Приморья позволяют пока говорить только об одном типе навесного замка с двумя вариантами расположения пластин-пружин. Вероятно, запирающие устройства с тремя пластинами-пружинами характерны в Приморье именно для бохайских памятников, поскольку на чжурчжэньских они не встречаются. Для обоих вариантов замка использовались простые ключи прямой формы. На бохайских памятниках Приморья пока не обнаружено ни одного ключа, который имел бы изогнутую форму, которую мы видим среди чжурчжэньских изделий.

Аналогичными замками с тремя пружинами и прямыми простыми ключами с]-образным бородком пользовались впоследствии в империи Ляо. На приморских бохайских памятниках детали замков обнаружены на территории культовых и административных объектов. Немногочисленные пока находки ключей в пределах жилых комплексов, тем не менее, говорят нам о применении запирающих устройств и в обычных жилищах. Ситуация значительно меняется в чжурчжэньский период, когда количество замков и ключей, разнообразие их типов и форм значительно увеличивается. Они становятся частыми находками при раскопках жилищ, хозяйственных построек, административных зданий, фортификационных сооружений (Леньков 1974; Артемьева, 1998; Васильева, 2011; Хорев, 2012; Артемьева, Хорев 2015). Кроме того, они используются населением в бытовой сфере для того, чтобы ограничить доступ к личным вещам (Артемьева, Хорев, 2015). Это свидетельствует о росте благосостояния средневекового населения, а вместе с ним имущественной и социальной дифференциации чжурчжэньского общества. В целом же изготовление пружинных замков предполагает высокий профессионализм и наличие развитых технологий. Оно, безусловно, отражает высокий уровень, которого достигли металлургия и металлообработка средневекового населения Приморья.

ЛИТЕРАТУРА

- Артемьева, Н.Г. 1998. Домостроительство чжурчжэней Приморья (XI–XIII). Владивосток: Дальпресс.
- Артемьева, Н.Г., Хорев, В.А. 2015. Замки, ключи и запирающие устройства чжурчжэней. *Средневековые древности Приморья*. Вып. 3. Владивосток: 187–198.
- Археологические памятники Кокшаровка-1 и Кокшаровка-8 в Приморье: Итоги исследований российско-корейской экспедиции в 2012–2014 гг. 2015. Сеул.
- Болдин, В.И. 1986о. Отчет об археологических исследованиях на Новогордеевском городище в Приморском крае в 1986 году. (Архив ИИАЭ ДВО РАН. 1986. Ф. 1. Оп. 2. № 46).
- Болдин, В.И. 1997о. О результатах полевых исследований на Краскинском городище, городище Синельниково 1 и в Анучинском районе Приморского края в 1997 году. (Архив ИИАЭ ДВО РАН. 1997. Ф. 1. Оп. 2. № 467).
- Болдин В.И. 2000о. Отчет об археологических исследованиях на Краскинском и Новогордеевском городищах в Приморском крае в 2000 году. (Архив ИИАЭ ДВО РАН. 2000. Ф. 1. Оп. 2. № 437).
- Болдин В.И. 1977о. Отчет об археологических исследованиях на городище Николаевское 1 и Николаевское 2 в Михайловском районе Приморского края. 1977 г. (Архив ИА РАН. 1977. Р.1. № 6748).
- Болдин, В.И. 1999о. О результатах полевых исследований на Краскинском городище, городище Синельниково 1 и в Анучинском районе Приморского края в 1999 году. (Архив ИИАЭ ДВО РАН. 1999. Ф. 1. Оп. 2. № 427).
- Болдин, В.И. 2003о. Результаты полевых исследований на Краскинском городище в Приморье в 2003 году. (Архив ИИАЭ ДВО РАН. 2003. Ф. 1. Оп. 2. № 546).
- Болдин, В.И., Гельман, Е.И., Лещенко, Н.В., Ивлиев, А.Л. 2005. Уникальная находка на Краскинском городище: Подземная камера с черепичными стенами. *Россия и АТР*. № 3: 66–83.

- Болдин, В.И., Ивлиев, А.И. 2002. Многослойный памятник Новогордеевское городище. Материалы раскопы 1986–1987. Актуальные проблемы Дальневосточной археологии. Владивосток: 46–58.
- Бохайские древности из Приморья. 2013. Пекин: Вэньу.
- Васильева, Т.А. 2011. Замки и запоры Екатериновского городища. Древности по обе стороны Великого океана. Владивосток: 191–199.
- Вэй Цуньчэн. 2008. Бохай каогу (=Археология Бохая). Пекин: Вэньу чубаньшэ.
- Гай Чжиюн. 2004. Таньсюнь шищюй-дэ ванчао – ляо елюй юйчжи му (=В поисках погибшего царства – могила Елюя Юйчжи). Хух-хото: Иэймэнгу даосюэ чубаньшэ.
- Гельман, Е.И. 2000а. Отчет об археологической разведке в Михайловском районе Приморского края в 2000 году. (Архив ИИАЭ ДВО РАН. 2000. Ф. 1. Оп. 2. № 465).
- Гельман, Е.И. 2001а. Отчет об археологической разведке в Михайловском районе Приморского края в 2001 году. (Архив ИИАЭ ДВО РАН. 2001. Ф. 1. Оп. 2. № 539).
- Гельман, Е.И., Асташенкова, Е.В., Пискарева, Я.Е., Болдин, В.И. и др. 2012. Археологические исследования Российско-корейской археологической экспедиции на Краскинском городище в Российском Приморье в 2011 году. Сеул: Фонд изучения истории Северо-Восточной Азии, ИИАЭ ДВО РАН.
- Гельман, Е.И., Асташенкова, Е.В., Пискарева, Я.Е., Болдин, В.И. и др. 2011. Археологические исследования Российско-корейской экспедиции на Краскинском городище в 2010 году. Сеул: Фонд изучения истории Северо-Восточной Азии, ИИАЭ ДВО РАН.
- Гельман, Е.И., Ким Ын-Гук, Чжун Сук-Бэ, Ким Ын-Ок, Асташенкова, Е.В., Пискарева, Я.Е. 2015. Археологические исследования Российско-корейской археологической экспедиции на Краскинском городище в Российском Приморье в 2014 году. Т. I. Т. II. Сеул: Фонд изучения истории Северо-Восточной Азии, ИИАЭ ДВО РАН.
- Клюев, Н.А., Якупов, М.А., Слепцов, И.Ю. 2011. Исследования новой бохайской кумирни в Приморье. *Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда*. Т. II. Санкт-Петербург; Москва; Великий Новгород: 47–48.
- Кудрявцев, А.А. 2016. О появлении замков и ключей в Древней Руси. *Российская Археология*. № 1: 114–122.
- Леньков, В.Д. 1974. Металлургия и металлообработка у чжурчжэней в XII (по материалам исследования Шайгинского городища). Новосибирск.
- Прокопец, С.Д. 2012а. Отчет об археологических исследованиях на Николаевском I городище в Михайловском районе Приморского края в 2012 году. (Архив ИИАЭ ДВО РАН. 2001. Ф. 1. Оп. 2.).
- Хорев, В.А. 2012. Ананьевское городище. Владивосток: Дальнаука.

E.V. Astashenkova

LOCKS AND KEYS FROM THE BOHAI SITES OF PRIMORYE

The article deal with Bohai padlocks and keys, their arrangement and types. In our region the locking devices appear in the Bohai period. They are not very diverse and complex, but they have features that are subsequently reflected in locks and keys of the Liao period and are not characteristic of the Jurchen culture.

Key words: State Bohai, Primorsky Krai, padlocks, keys.

НОВЫЙ ВЛАДЕТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР КАГАНА КУБРАТА НА СРЕДНЕМ ДНЕПРЕ

Г.Г. Атанасов

*Региональный исторический музей – Археологический Музей “Дуросторум – Дрѣстѣр – Силистра”
г. Силистра, Болгария*

В связи с памятниками типа Малая Перещепина существует проблема, которая до сих пор не нашла разумного объяснения. Если предположить, что земли, которые населяли унногундуры – племя Кубрата, находятся в Приазовье и в бассейне Кубани, то почему его могила обнаружена в Малой Перещепине – настолько далеко на запад, на Среднем Днепре? Стоит отметить также, что почти все похоронные и поминальные (?) комплексы типа Малая Перещепина, содержащие богатые дары и связанные с наивысшей аристократией Великой Болгарии, находятся к западу от Дона и по Днепру. Клады, монеты и украшения, характерные для болгарской знати этого типа, не зарегистрированы в Приазовье, речном бассейне Кубани и нижнем течении Волги. Надо полагать, что византийские подарки правителям двора направлялись, безусловно, не в Приазовье и на Кубань, а исключительно в бассейн Днепра. Это может означать только одно. После победы над аварским каганатом около 635 г., а также присоединения котрагов (кутригуров) Кубрат покинул владетельский центр в Кубани и Приазовье, где он оставил своего старшего сына Батбаяна и ушел на запад. В этой зоне на Среднем Днепре во второй трети VII в. он установил новый владетельский центр.

Ключевые слова: Малая Перещепина, Великая Болгария, хан Кубрат, кутригуры, унногундуры, Батбаян, Аспарух, солиды, Приазовье, Кубань, Средний Днепр.

Почти все современные исследователи принимают концепцию Й. Веренера, что Перещепинский погребальный комплекс в районе Полтавы, недалеко от реки Днепр, принадлежит Кубрату – первоостроителю болгарской державности. (Werner, 1984; Вернер, 1988; Балинт, 1986: 54–63; Kazanski, Sodini, 1987: 84–90; Рашев, 2007: 119–136; Станюков, 2003: 42–70; Атанасов, 2015: 59–81)¹. Основным шифром для раскрытия его обладателя являются два золотых перстня, похожих по выработке на крестовидные монограммы, которые читаются как ХОВРАТОУ (*Кубрат*) и ХОВРАТОУ ПАТРИКЮУ (*Патриция Кубрат*) (Вернер, 1984: 45–46; Werner, 1992: 430–432). Действительно, погребение, украшения и остальные предметы свидетельствуют о христианском вероисповедании захороненного, а золотой пояс – *cingulum* – о его титуле ромейского патриция (Атанасов, 1999: 26–35; Атанасов, 2015: 59–80).

С комплексом Малая Перещепина связана целая группа археологических памятников, расположенных в основном в регионе Днестра, которая носит название знакового памятника «Малая Перещепина» (рис. 1). Кроме сокровищ этой группе принадлежат еще поминальный комплекс близ Вознесенки, погребальный комплекс у Глосос, могила (с труположением в гробу!) и ценные дары, найденные у Келегеев, погребения у Новогиреевки, Запечиловки (Новые Санжары), Лимаровки, Макуховки, Ясиново и др. (Гринченко, 1950: 37–63; Bálint, 1989: 92–111; Амброс, 1982: 205–221; Станюков, 2003: 42–70; Рашев, 2007: 126–132; Сміленко, 1965: 158–166; Айбабин, 1991: 25–38; Prichodnjuk, Chardaev, 2003: 585–612; Семенов, 1988: 97–111; Приходнюк, 2001: 31–34), у которых много общего и которые, по всей вероятности, имеют отношение к судьбам праболгарской аристократии. Важным индикатором для датировки этих памятников являются первая эмиссия 642–647 гг. самых поздних монет Константа II из Малой Перещепины, Келегеев и Новогиреевки и монеты Ираклия (самой поздней эмиссии 632–641 г.) из Макуховки (Залеская и др., 1997: 25–49; Соколова, 1993: 145–153). Их *terminus ante quem* предположительно можно отнести к середине VII в., т.е. ко времени кончины хана Кубрата, что делает маловероятной их связь с хазарской элитой². Это дает основание датировать их концом VII в., а их укрытие отнести к годам хазарско-болгарской войны. На основании этого нами принимается идея, что указанную группу памятников, состоящую из богатых и дорогих вещей, изготовленных из драгоценных металлов, под названием «Малая Перещепина», в большей своей части можно соотнести с аристократической элитой «Кубратовой Болгарии» в конце ее существования.

В связи с памятниками типа Малая Перещепина, эмблемой которых является погребальный комплекс у Малой Перещепины, что принадлежит Кубрату, перед нами встает еще одна проблема, которая пока еще не нашла разумного объяснения. Если согласиться с гипотезой, что земли, на которых обитали уннундуры – племя Кубрата, вокруг которого формируется Великая Болгария, находятся в Приазовье и в бассейне реки Кубань (рис. 1.1), то почему могила Кубрата была обнаружена в Малой Перещепине – так далеко на западе, в Поднепровье (рис. 1.2). Если согласиться со сложившимися к настоящему моменту представлениями, на первый взгляд, могила Кубрата, скорее всего, расположена ближе к землям кутригуров, кочевавших в VI и VII вв. по Северному Причерноморью. Между прочим, из-за респекта к большому авторитету русского ученого И.С. Чичурова многие исследователи продолжают придерживаться мнения, что Кубратовая Болгария находилась единственно на территориях восточного Приазовья и Прикубанья, а ее западная граница проходила в целом по реке Дон (Чичуров, 1976: 96–97; Чичуров, 1980: 110–111, бел. 264). Исходя из этого мнения они соотносят могильные и поминальные комплексы

¹ Много исследователей, даже после замечательного исследования Й. Вейнера и В. Зайпта, продолжают рассматривать Малую Перещепину скорее как укрытый хазарами клад или как поминальный комплекс, нежели погребальный комплекс, связанный с Кубратом (самое крайнее мнение в этом отношении высказывает Комар, 2006: 7–244). Наряду с тем, что игнорируются сведения о наличии человеческих костей и кусков массивного деревянного сундука, покрытого шелком и облицованного золотыми пластинами, не учитывается и мнение специалиста по сокровищам Евразийской степи, каким, безусловно, является Г.Ф. Корзухина. В труде, посвященном названию Среднего Днепра, она жирным шрифтом обращает специальное внимание: «Номады никогда не укрывали свои ценные вещи в виде сокровища. Все комплексы, похожие на сокровища, найденные в степях Северного Причерноморья и Средней Азии, при более внимательном изучении оказываются единственно и только богатыми номадскими могилами» (Корзухина, 1955: 68).

² Более поздняя дата – конец VII в. – начало VIII в. аргументируется, ссылаясь на мнение А. Амброза, что существует некое опоздание в пределах от 30 до 100 лет со времени чеканки монет в Константинополе до их попадания в погребальные комплексы (Амброс, 1971: 96–97). Однако упускается факт, что они попали в Поднепровье не обычным торговым путем (о запрете на торговлю золотыми монетами за пределами Византии см. ниже), а в качестве специального дара от императора союзному варварскому владетелю. Между прочим, по отношению к большим дарам и контрибуциям в виде золотых монет, высылаемых императором в аварский каганат до 626 г., подобное опоздание в порядке целых 30–50 лет не отмечается. (Ковачевић, 1962–1963: 126; Pohl, 1988: 502).

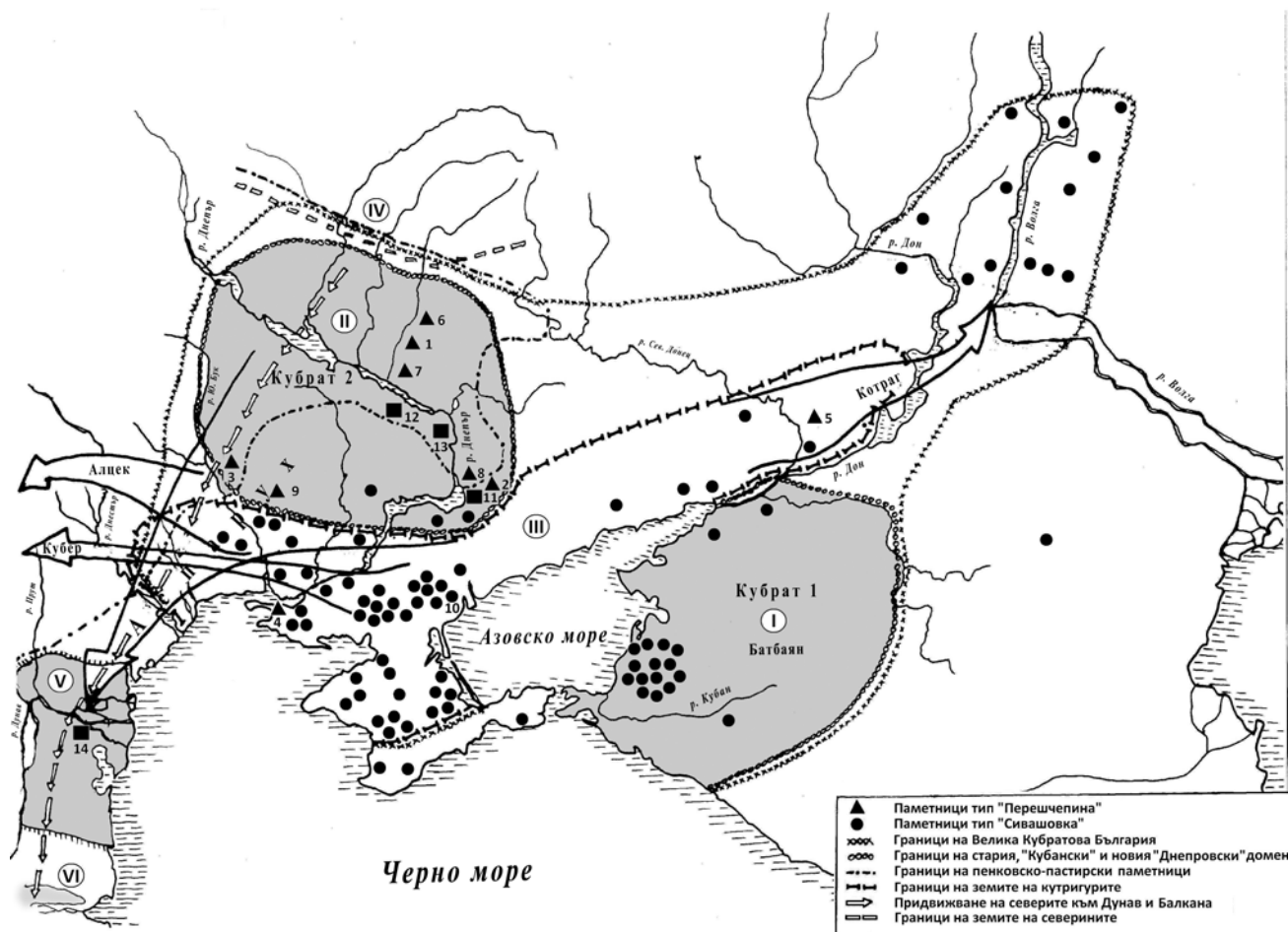

Рис. 1. Великая (Кубратовая) Болгария и демографические процессы между Волгой и Дунаем в VII в.: I – Первоначальная территория Кубратовой Болгарии первой трети VII в., на которой обитали преимущественно онногундуры, ставшая во второй трети VII в. доменом Батбаяна; II – Новый владетельский центр Кубрата по Среднему Днестру второй трети VII в., унаследованный ханом Аспарухом; III – приблизительные границы территорий, на которых обитали кутригуры во второй половине VI в. и первой половине VII в.; IV – приблизительная южная граница территорий Поднепровья, на которых обитали северяне в VIII–IX в.; V – онгл – первоначальная территория по Нижнему Дунаю, которая занималась ханом Аспарухом; VI – предбалканы в Северо-Восточной Болгарии – территория, на которую заселились северы в конце VII в. 1 – Малая Перещепина, 2 – Вознесенка, 3 – Гладосы, 4 – Келгей, 5 – Лимаровка, 6 – Макуховка, 7 – Новые Санжары, 8 – Новогригориевка, 9 – Ясиново, 10 – Сивашовка, 11 – Гунский некрополь у Новогригориевки, 12 – Пастырское, 13 – Канцерка, 14 – Никулицель, 15 – Фанатория.

типа «Малая Перещепина» с «аварским принцем» высшего ранга, администрировавшим кутригуры в начале VII в. (László, 1955: 280–284), или с хазарскими первенцами (или в целом воспринимают их как хазарские памятники) конца VII – начала VIII в. (Димитров, 1987, 110; Божилков, Димитров, 1995: 33–34; М. Kazanski, J.-P. Sodin, 1987: 84–90). Самым крайним и самым необоснованным является полное дистанцирование сокровища от Кубрата и его одностороннее соотнесение с хазарами (Комар, 2006: 7–244). И если ученые старшего поколения, будучи незнакомыми с расшифровкой имени Кубрата на перстнях из памятника и с более точной датировкой монет, имели какое-либо основание для подобной интерпретации, то после публикации исследований Й. Вернера и В. Зайбта подобные мнения кажутся анахронизмом. Примечательно также, что почти все погребальные и «поминальные» (?) комплексы типа «Малая Перещепина», содержащие богатые дары и имеющие отношение к высшей аристократии Кубратовой Болгарии, встречаются именно к западу от Дона, около Днестра и преимущественно в бассейне реки Днепр (рис. 1. II), точнее, в Среднем Поднепровье, в ареалах, являвшихся контактной зоной с лесостепью, где встречаются также пенковские, соответственно пастырские памятники. Уже отмечалось, что большая часть аристократических комплексов и могил Перещепинского типа благодаря монетам, украшениям и поясным наборам, датируется второй третью VII в., т.е. концом существования Великой Болгарии. Подобного типа вещи и сокровища, принадлежавшие болгарской аристократии, не были зарегистриро-

ваны в восточном Приазовье, Прикубанье и по нижнему течению Волги. А это, по сути, территории унногундуrow, где следовало бы находиться владетельскому стану, соответственно резиденции Кубрата и высших сановников, хотя бы в 30–60-х годах VII в. В сущности, можно определенно полагать, что византийские дары, предназначенные для владетельского двора, отправлялись не в Приазовье и на Кубань, а в бассейн Днестра. Это может означать только одно. Сразу после разгрома Аварского каганата около 635 г. и присоединения котрагов (кутригуров) к государству западная граница Великой Болгарии становится более актуальной, чем восточная. Действительно, в 30-е годы VII в. Западный тюркский каганат переживал кризис в сочетании с гражданской войной (Гумилев, 1993: 215–216, 240). Авары, хотя и побежденные, не потерпели полного разгрома, так как центральная территория каганата осталась нетронутой (Avenarius, 1974: 160–171). Логично полагать, что они вряд ли смирились с поражением и хотели реванша за потерянные территории к востоку от реки Днестр, которыми они владели и где добывали ресурсы около 70 лет. Хотя трудно сказать, в какой степени Кубрат мог рассчитывать единственно на котрагов/кутригуров (вспомним еще раз продолжительные конфликты кутригуров с утигурами/унногундурами), которым следовало охранять западную границу с аварами. При такой обстановке нами не исключается возможность внутренней миграции в пределах Великой Болгарии, связанной с передвижением части унногундуrow во главе с владетелем и его двором от Прикубанья к Среднему Поднепровью. На первый взгляд, это земля кутригуров (рис. 1. III). Однако при более внимательном рассмотрении топографии аристократических памятников типа «Малая Перещепина» можно заметить, что их преобладающая часть зарегистрирована чуть севернее от ареала с большой концентрацией погребений типа «Сивашовка» (в частности, их крымский и нижнеднестровский вариант), которые связываются с кутригурами. В этом смысле, по нашему мнению, новый владетельский центр Кубрата, соответственно новые номадские станы унногундуrow были расположены на границе степи с лесостепью, между Доном и Днестром, и в основном по Среднему Днепру. С одной стороны, они находились близко к аварской границе, но, с другой, были подвинуты чуть на север. Таким образом обеспечивалась некая страховка от внезапной аварской атаки и одновременно за кутригурами сохранялись традиционные номадские земли по Северному Черноморью и Крыму. Иными словами, предотвращались условия нового разгорания старого внутреннего конфликта между унногундурами и кутригурами. Кстати, во второй трети VII в. именно туда, на территории около Среднего Днестра, начали направляться византийские дары, о чем особенно красноречиво говорят описанные выше богатые погребальные комплексы с золотыми солидами Ираклия и Константа II у Малой Перещепины, Вознесенки, Гладос, Келегеев, Новогиреевки, Макуховки и т.п.³. В связи с формированием нового государственного домена особого внимания заслуживают гончарские центры у Канцерки (рис. 1.13), Мачух – Таранов яр (Минаева, 1961: 119–128; Русанова, 1976: 88–89; Гавритухин, Обломский, 1996: 123–124; Приходнюк, 2001: 41–42). Нет сомнения, что в них производилась чернолощенная керамика, и в частности кувшины, выработанные в ярко выраженных северокавказских аланских или алано-болгарских традициях. Обычно эта керамика датируется концом VII в. и даже первой половиной VIII в. (Володарец-Урбанович, Скиба, 2011: 34–35), но проведенные археоманитные исследования относят ее к началу VII в. (Приходнюк, 2001: 41–42). Кроме всего прочего, это может означать, что во второй четверти VII в. при передвижении от Северного Кавказа к новому владетельскому центру в Среднем Поднепровье (именно здесь находятся Канцирка, Мачуха и Таранов яр!) кубратовые унногундуры увели с собой мастеров выработки аланской керамики, благодаря которым она продолжала распространяться до конца столетия. Кстати, она являлась самым изысканным изделием керамического ансамбля, распространенного в степи и лесостепи от Кавказа до реки Дунай (рис. 1). Более того, керамика мастерских Канцерки и Мачухи имеет обширный ареал распространения, охватывающий весь бассейн Среднего и Нижнего Днестра, достигающий до реки Южный Буг на западе (рис. 1). Вполне основательно ее появление и распространение связывается с присутствием номадской аристократической элиты, тогда как ее идентификация с хазарами, проводимая некоторыми археологами, является крайне сомнительной (Володарец-Урбанович, Скиба, 2011: 34–43), что доказывается попыткой сторонников этой идеи фиксировать верхнюю границу ее распространения около середины VIII в. Кстати, в этот период в регионе обширного бассейна Днестра не было зарегистрировано ни одного яркого политического события, которое могло бы привести к подобному коллапсу, так как хазары владели безпроблемно этим

³ Подобно тому, как в начале VII в. наблюдается перенаправление даров и византийских солидов от Аварского каганата в Панонию к Кубратовой Болгарии в Днепролье, так с середины VII в. замечается перенаправление денежного потока от Поднепровья к Нижнему Дону, где устанавливаются новые союзники Византийской империи – хазары. Эта тема рассмотрена более обстоятельно ниже.

регионом. Примечательно также, что ареал распространения луксозной керамики типа Канцерки совпадает с ареалом распространения памятников пастырского типа и с аристократическими погребальными комплексами типа «Малая Перещепина», что является симптоматическим фактом. Наконец, они совпадают частично и с распространением пеньковских памятников, приписываемых антам, так как в поселениях с пеньковской керамикой встречаются фрагменты типа Канцерка и Пастырское, о которых речь пойдет чуть дальше. Наряду с остальным именно в регионе Приднестровья реализуются самые активные контакты болгар с антами – тема, которая уже была специально рассмотрена (Атанасов, 2015: 99–116). В заключение этого параграфа можно обобщить, что гончарные мастерские Канцерки и Мачухи, в которых вырабатывалась луксозная керамика для управляющей элиты, жившей в Поднепровье, действительно были сосредоточены в этом регионе во время передвижения владетельского двора Кубрата из Северного Кавказа и Приазовья к Среднему Днепру после начала VII в. Болгарско-хазарская война последней трети VII в. является единственным ярким политическим событием, которое могло поставить конец этому производству, но оно не осталось без наследия – тема, о которой пойдет речь в следующей части, посвященной хану Аспаруху. Утверждение, что Кубрат, передвигаясь к Среднему Днепру, вел с собой государствообразующее племя – унногондуrow, подтверждается как памятниками Малая Перещепина и Канцерка, так и косвенным свидетельством, а именно: Агатон, участник Церковного собора в 681 г., называет подвластное хану Аспаруху население унногурами – болгарами (Mansi, 1766 (=1960), col. 193 = ГИИ, III, 1960: 183). Наряду со всем остальным это является новым доказательством идентичности уннугуров с унногундурами и утигурами. Следуя этой логике, можно дать другое толкование факта из Армянской географии VII в., где Огхондор-блкар (онногондуры-болгары) названы пришельцами. По какой причине из всех упомянутых болгарских племен Купи-булкар, Дучи-булкар и Чадар-булкар только онногундуры/унногундуры считались пришельцами и откуда они пришли? Можно допустить, что этот источник отражает переселение части унногундуrow из Приазовья в Поднепровье. При таких археологических и исторических реалиях нами предлагается следующая реконструкция. Унногундуры (онногуры+унногуры = огхондор = онногундуры) вместе с сарагурами, огурами и другими заселились в местах к северу от Кавказа, в Приазовье и в основном около реки Кубань в 463 г. – событие, которое специально упоминается Захарием Ритором (Пилгуевская, 1941: 81). Именно этими унногундурами из Приазовья предводительствовал de facto Органа, а de jure Кубрат во время гражданской войны в Западном тюркском каганате около начала VII в., и именно здесь было поставлено начало «Великой /Кубратовой/ Болгарии» в первой трети VII в. После победы над Аварским каганатом около 635 г., хан Кубрат передал верховенство старого владетельского домена в Прикубанье (рис. 1.1) своему старшему сыну Батбаяну. Когда именно после 635 г. это произошло – можно только предполагать, но вряд ли это случилось сразу после войны⁴. Чтобы унаследовать управление исконной землей унногундуrow в Прикубанье, Батбаян должен был достигнуть как минимум 18 лет. При условии, что его отец Кубрат родился около 605 г. и исходя из вековых традиций, велевших молодым принцам жениться рано, чтобы создавать поколение, то первородный сын, вероятно, родился после 622 г. и созрел к 640 г. Лишь тогда Кубрат с частью унногундуrow переселился далеко на северо-запад и сформировал новый владетельский центр у Среднего Поднепровья, на территории, где обитали кутригуры. Можно только догадываться, связан ли выбор Среднего Днепра в качестве нового государственного центра с какими-либо симпатиями к наследию Эрнаха, тем более, что эти два события разделяют два столетия. *Именник болгарских ханов*, однако, является реальным документом, дающим основание предполагать, что Эрнах был достаточно известен в Великой Болгарии.

К собственно археологическим и историческим источникам, указывающим на новый владетельский домен Кубрата в Поднепровье (рис. 1.1), можно добавить еще и нумизматические свидетельства. Известно, что в Византии существовал запрет вывозить за границу золотые монеты торговым путем (Grierson, 1968: 14; Hendi, 1972: 60). Считалось, что эта деятельность является приоритетом центральной власти и что золотые солиды находятся среди главных аргументов в политике ромейской дипломатии относительно варварских владетелей. Примечательно, что в период 558–626 гг. авары получили от византийского императора около 6 000 000 солидов, т.е. 27 000 кг золота (Ковачевић, 1962–1963: 126; Pohl, 1988: 502). Среди них встречаются так называемые легкие солиды, которые в принципе не принимали участия в монетной циркуляции Империи (Hahn, 1981: 217, 242, 256), и считается, что они чеканились специально в качестве атрибутов и даров чужим князьям (Соколова, 1993: 145–153; Залеская и др.: 1997:

⁴ О том, что часть унногундуrow продолжала обитать на старыз территориях между Кубанью и Азовским морем после середины VII в., свидетельствует Равенский аноним, который в IX в. (?) знал о существовании Патрии Онногории в Приазовье.

28–30). Судя по аварским находкам впечатляет факт, что после 626 г. поступление золотых византийских монет резко сократилось. Возможно, причиной столь резкого сокращения являлось как поражение аваров у Константинополя в 629 г., так и их последующие неудачи в битвах против западных славян во главе с Само и болгаров – с Кубратом. В целом после 629 г. каган не являлся фактором, с которым император должен был считаться и соответственно посылать ему дары. При этом существенен тот факт, что единственный регион около Византии, в который после 626 г. начали поступать золотые солиды, в том числе и легкие, – это бассейн реки Днепр⁵. Как уже стало ясно, это и есть сокровища из Малой Перещепины, Новых Санжар, Келегеев и отдельные находки из Журавлихи, Печени и др. В них входят преимущественно поздние эмиссии Ираклия (632–641 гг.) и самая ранняя эмиссия солидов императора Константа II, чеканенных в период 641–646 гг. (по Hahn, 1981, V, No. 48) или 642–647 гг. (по Grierson, 1968: 423, No. 10). Именно эта эмиссия отмечает конец поступления солидов в бассейн Днепра, что, вероятно, означает преустановление хороших взаимоотношений местной аристократии с Империей. В то же время к юго-юго-востоку от среднего и нижнего течения Дона, где находился домен Батбаяна, старшего сына Кубрата, наблюдается отсутствие солидов до середины VII в. Их появление и бум распространения по этим местам связаны со второй эмиссией Ираклия (632–641 гг.), датированной 647–654 гг., причем их распространение продолжается и при Константине IV (668–685) (Семенов, 1991: 121–127; Семенов, 1988: 97–111; Рашев, 2007: 110.). Ранние курганные погребения с «ровинками», в которых часто присутствуют солиды второй половины VII и первой половины VIII в., связываются с ранними хазарами, и это показательно. Видимо, Византия перенаправила свои дары, в основном солиды, от домена Кубрата в Поднепровье к домену хазарского кагана и его аристократии, номадствовавших по местам к юго-востоку от Дона.

Формирование второго владетельского центра в регионе Среднего Поднепровья подтверждается косвенно и способом передвижения хана Аспаруха к Нижнему Дунаю (рис. 1). Описывая передвижение орды унногундуrow во главе с Аспарухом к Нижнему Дунаю, Теофан, Никифор и Анастасий Библиотекарь утверждают, что они пересекли только Днепр и Днестр (Theophanes. 1883: 357 (= ГИБИ, III: 262); Nicephorus, 1880: 33 (= ГИБИ, III: 295); Чичуров, 1980: 60, 162; Anastasius Bibliothecarius. Chronographia, 1885: 266 (= ЛИБИ, II: 248). Но ведь если они обитали в Прикубанье и Приазовье (Златарски, 1970: 176–177; Димитров, 1987: 57, 107–112; Рашев, 2007: 58–60) или на Нижней Волге, как утверждается в последнее время (Божилов, Гюзелев, 1999: 80), то аспаруховым болгарам обязательно следовало бы пересечь и Танаис (Дон). А он являлся хорошо известным гидронимом, неоднократно служившим в качестве ориентира в сочинениях цитированных выше хронистов, в том числе и относительно праболгаров, соответственно Кубрата и его сыновей. Возможно, это означает, что отправным пунктом аспаруховых болгар являлось пространство между Средним Днепром и Донцом, именно тот ареал, где находятся памятники Малая Перещепина (рис. 1.1). Как уже упоминалось, во время хазарской инвазии против Болгарии (после кончины хана Кубрата), которая началась с юго-востока и распространилась на запад – северо-запад, первый принял удар и соответственно попал в подчинение Батбаяна. Значит, его орда обитала на землях Приазовья и Кубани, т.е. *Патрию Онногурию*. Действительно, патриарх Никифор прямым текстом объясняет, что страшный сын Кубрата – Батбаян «... по наказу своего отца остался жить на землях своих предков вплоть до сего дня» (начало IX в., когда было написано сочинение – прим. автора) (Nicephorus, 1880: 33 (= ГИБИ, III: 295); Чичуров, 1980: 162). Конечно, толкования могут быть разными, но примерно это могло бы означать, что перед своей кончиной Кубрат оставил своему старшему сыну землю своих предков, а сам установился в другом месте. Раз Аспарух, подобно своему старшему брату Батбаяну, объявил себя предводителем унногундуrow, это означает, что в пределах Великой Болгарии в канун смерти Кубрата существовали две группы унногундуrow, первая из них находилась под предводительством Батбаяна, а вторая была подвластна Аспаруху. При условии, что унногундуры Батбаяна населяли Приазовье, логично предположить, что унногундуры Аспаруха жили на территориях между Средним Днепром и Донцом, где были найдены могила Кубрата и памятники типа «Малая Перещепина». Кроме всего прочего, это означает, что наследство хана Кубрата в прямом и переносном смысле перешло к Аспаруху.

ЛИТЕРАТУРА

Айбабин, А.И. 1991. Келегейское погребение военного вождя. *Проблемы на прабългарската история и култура*. № 2: 25–38.

⁵ Примечательно, что кроме солидов в Малой Перещепине были найдены императорские медальоны с изображениями Ираклия и Ираклия Константина, выпущенные в конце их совместного управления, 629–632 гг. (Соколова, 1993: 145–153; Залеская и др., 1997: 26). Известно, что они являлись одиночными памятниками, специально изготовленными в качестве даров особо важным персонам, соответственно чужим владетелям (Grierson, 1955: 68–70).

- Амброз, А.К. 1971. Проблемы раннесредневековой хронологии восточной Европы. *Советская археология*. № 3: 106–134.
- Амброз, А.К. 1982. О Вознесенском комплексе на Днестре – вопросы интерпретации. *Древности эпохи Великого переселения народов*. М.: 205–221.
- Атанасов, Г. 1999. Инсигниите на средновековните български владетели. София.
- Атанасов, Г. 2015. Първостроителите на българската държава. Органа, Кубрат, Аспарух, Тервел. София.
- Балинт, Ч. 1986. О принадлежности находки Малой Перещепине Кубрату. *Материалы I тыс.н.э. по археологии и истории Украины и Венгрии*. Киев: 54–63.
- Божилов, Ив., Гюзелев, В. 1999. История на България. Т. 1. История на средновековна България VII–XIV век. София.
- Божилов, Ив., Димитров, Хр. 1995. Protobulgarica (Заметки по истории протоболгар до середины IX в.). *Byzantinobulgarica*. IX. София: 7–61.
- Вернер, Й. 1988. Погребалната находка от Малая Перещепина и Кубрат – хан на българите. София.
- Володарец-Урбанович, В.Я., Скиба, А.В. 2011. Гончарный посуд VII–VIII ст. на півдні східної Європи. *Археологія*. 2: 34–45.
- Гавригухин О.И., Обломский, А.М. 1996. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.: 58–87.
- Грінченко, В.А. 1959. Памятника VIII ст. коло с. Вознесенка на Запоріжжі. *Археологія*. III: 37–63.
- Гумилев, Л. 1993. Древние тюрки. М.
- Димитров, Д. 1987. Прабългарите по Северното и Западното Черноморие. Варна.
- Залеская, В.Н., Львова, З.А., Маршак, Б.И. и др. 1997. Сокровища хана Кубрата. Перещепинский клад. СПб.
- Златарски, В. 1970. История на българската държава през средните векове. Т. I. София.
- Ковачевић, Ј. 1962–1963. Авари и злато. *Старинар*. XIII–XIV: 125–135.
- Комар, А.В. 2006. Перещепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы. *Степи Европы в эпоху средневековья*. 5. Донецк: 7–244.
- Корзухина, Г.Ф. 1955. К истории Среднего Днепровия в середины I тыс.н.э. *Советская археология*. 22: 61–82.
- Мінаєва, Т.М. 1961. Кераміка Балки Канцирка в світлі археологічних до-стлджень на Північному Кавказі. *Археологія*. 13: 119–128.
- Пилгуевская, Н. 1941. Сирийские источники по истории народов СССР. М.; Л.
- Приходнюк, О.М. 2001. Степове населення України та східні слов'яни /друга половина I тис.н.е. Київ.
- Рашев, Р. 2007. Прабългарите през V–VII век. Велико Търново.
- Рашев, Р. 2008. Българската езическа култура VII–IX век. София.
- Русанова, И.П. 1976. Славянские древности VI–VII вв. М.
- Семенов, А.И. 1988. К выявлению центральноазиатских элементов в культуре раннесредневековых кочевников Восточной Европы. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*. 29: 97–111.
- Семенов, А.И. 1991. Византийские монеты Келегейского комплекса. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*. 31: 121–127.
- Сміленко, А.Т. 1965. Глодоскі скарби. Київ.
- Соколова, И.В. 1993. Монеты Перещепинского клада. *Византийский временник*. LIV: 145–153.
- Станилов, Ст. 2003. Хазарската теза. Принос към проблема за идентификацията на археологическата култура на кубратова Велика България. *Българи и хазари през ранното средновековие*. София: 42–70.
- Чичуров, И.С. 1976. Экскурс Феофана о протобулгарах. *Древнейшие государства на территории СССР*. М.
- Чичуров, И.С. 1980. Византийские исторические сочинения. М.
- Anastasius Bibliothecarius. 1885: Chronographia. Ed. C. de Boor. Lipsiae. (= ЛИБИ, II. София, 1960).
- Avenarius, Al. 1974. Die awaren in Europa. Amsterdam; Bratislava.
- Bálint, C. 1989. Die Archäologie der Steppe. Steppenvölker zwischen Volga und Donau vom 6. bis zum 10. Jh. Wien. Köln: 92–94.
- Hahn, W. 1981. Moneta Imperii Byzantini. No 3. Wien.
- Hendi, M. 1972. Light-Weight So; idi, Tetarteron and the Book of the Prefect. *Byzantinische Zeitschrift*. 65: 57–80.
- Grierson, P. 1955. The Kyrenia Girdle of Byzantine Medallions and Solidi. *Numismatic Medallions and Solidi: Numismatic Chronicle*. XIX: 58–70.
- Grierson, Ph. 1968. Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whitmore Collection. Vol. II. Part 2. Washington D.C.
- Kazanski, M., Sodini, J.-P. 1987. Notes sur le peuplement de la région de Dniepr moyen pendant la seconde moitié du VIIe siècle. *Revue Archeologique*. 1: 84–90.
- László, G. 1955. Etudes archéologiques sur l'histoire de la société des Avars. *Archaeologia Hungarica*, 34.
- Mansi, J. D. 1766 (= 1960). Sacrorum consiliorum nova et almissima. Collectio 132. Florentiae. 1766 (= Graz, 1960).
- Nicephorus. Opuscula histórica. 1880. Nicephorus. Opuscula historica. Ed. C. de Boor. Lipsiae. 1880 (= ГИБИ, III, 1960).
- Pohl, W. 1988. Die Awari. Ein Steppenvolk in Mitteleuropa 567–822 n. Chr. München.
- Prichodnjuk O.M., Chardaev V.M., 2003. Ein Edelmetallfund des 6–7. Jahrhunderts aus Kelegej, Ukraine. *Eurasia Antiqua*. 7: 585–612.

Theophanes. Chronographia. 1883. Ed. C. de Boor. Lipsiae. (= ГИБИ, III, София, 1960).
 Theophilacti Simocattae. 1887. Historiae. Ed. C. de Boor. Lipsiae. (= ГИБИ, II, София, 1958)
 Werner, J. 1984. Der Grabfund von Malaja Pereščepina und Kuvrat, Kagan der Bulgaren Verlag. München.
 Werner, 1992. Werner. Neues zu Kuvrat und Malaja Pereščepina. Germania. 70: 430–432.

G.G. Atanasov

THE NEW RULER'S CENTER OF KAGAN KUBRAT IN THE REGION OF MIDDLE DNIEPER

With respect to the monuments of “Malaya Pereshchepina” type there is another problem we should focused on and which has not found its adequate response yet. As it is accepted that the lands, inhabited by the Unogondurs, Kubrat’s tribe, around which Great Bulgaria was formed, are located in the region along the Azov sea and the basin of the river Kuban, why his grave in Malaya Pereshchepina is situated so far away to the west of the river Dnieper (sample 1–II,1). It is also remarkable that almost all funereal and memorial complexes of “MalayaPereshchepina” type which included splendid gifts related to the superior aristocracy in Bulgaria during the time of Kubrat, were also located to the west of the river Don and Dniester and again in the basin of the river Dnieper. They date to the middle of VIIIth century, that is, at the end of Great Bulgarian state. Treasures of coins and typical ornaments of the Bulgarian aristocracy of that type have not been registered in the east Azov region, in the region around Kuban and the low stream of the river Volga. In all, the course of Byzantine gifts towards the ruler’s courtyard did not lead to the Azov region and Kuban, but mainly towards the basin of the river Dnieper (sample 1). This could actually mean only one thing. After the splitting of the Avar khaganat around 635 and Kotrags’ (Kutrigurs) accession to the state, Kubrat moved the ruler’s center from the region of Kuban (sample 1–I), where his elder son Batbayan stayed and settled down to the west (sample 1–II). That movement actually could explain the occurrence of workshops which produced ceramic objects of “Kancirka” type of North Caucasus origin (sample 31). Towards this region exactly, in the region of middle Dnieper, in the second third of VIIIth century the Byzantine gifts started to concentrate and this could be seen in the profuse funereal complexes with golden solids of Heraklius and Konstans II near Malaya Pereshchepina, Kelegey, Novogrigorievka, Makuhovka and others. Symptomatically the chroniclers unanimously claim that after Kubrat’s death, his son Kotrag (obviously he was part of the Kutrigurs) crossed Tanais (Don) and settled down opposite Batbayan. When, however, they described the courses that Asparuh set out on towards the Low Danube, the same authors now write that he crossed only Dnieper and Dniester. If they had inhabited the Azov region or the region of Low Volga, Asparuh’s Unogondurs obligatory should have also crossed Tanais (Don). This could actually mean that the starting point of Asparuh’s Bulgarians towards Low Danube is the region between Middle Dnieper and North Donets, just exactly in the area of Malaya Pereshchepina monuments (sample 1).

Key words: Great Bulgarian state, Malaya Pereshchepina, Kubrat, Unogondurs, Batbayan, Asparuh, Azov region.

ПОЯВЛЕНИЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ШАХМАТ НА ТЕРРИТОРИИ РУСИ И ВОЛЖСКОЙ БОЛГАРИИ (ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ)*

Д.Ю. Бадеев

Институт археологии РАН, Москва

Археологические находки шахматных фигур Древней Руси и Волжской Болгарии позволяют отнести время появления и распространения игры в указанном регионе к XII – первой трети XIII вв. Данная версия подтверждается интенсификацией торговых отношений со странами исламского Востока и Византией в рассматриваемый период. Исходя из этого страны исламского Востока и Византия могли выступать центрами, откуда шло распространение шахмат на территорию Руси и Волжской Болгарии. В статье представлены новые находки шахматных фигур XIII–XIV вв. с Болгарского городища.

Ключевые слова: Шахматные фигуры, Восточная Европа, Древняя Русь, Волжская Болгария, средневековая археология.

Одним из аспектов взаимодействия культур Востока и Запада выступает игровая традиция. В эпоху Средневековья игрой, связавшей два мира, стали шахматы, которые появились в Индии во второй половине VI в. и уже к XII–XIII вв. завоевали практически всё евразийское пространство, при этом в каждом регионе игра, ее правила, фигуры и их названия приобретали свои особенности. До сих пор остается актуальным вопрос о путях и времени проникновения шахмат в Восточную Европу, при этом следует выделить

* Исследование выполнено в рамках гранта Президента РФ (Проект № НШ-7170.2016.6).

два региона с различными религиозно-культурными представлениями, олицетворяющими для данной территории соответственно Восток и Запад – Волжская Болгария и Древнерусское государство. Казалось бы, обширные связи с исламским Востоком, где шахматная игра широко распространяется в IX в., имела Волжская Болгария, следовательно, и более раннее время знакомство с шахматной традицией должно принадлежать ей. Так, К.А. Руденко относит появление шахмат в Волжской Болгарии к X–XI вв. (Руденко, 2005: 75). Кроме того, высказываются предположения, что знакомство с шахматной традицией могло произойти еще в период пребывания протоболгар в Причерноморье непосредственно через Персию, куда

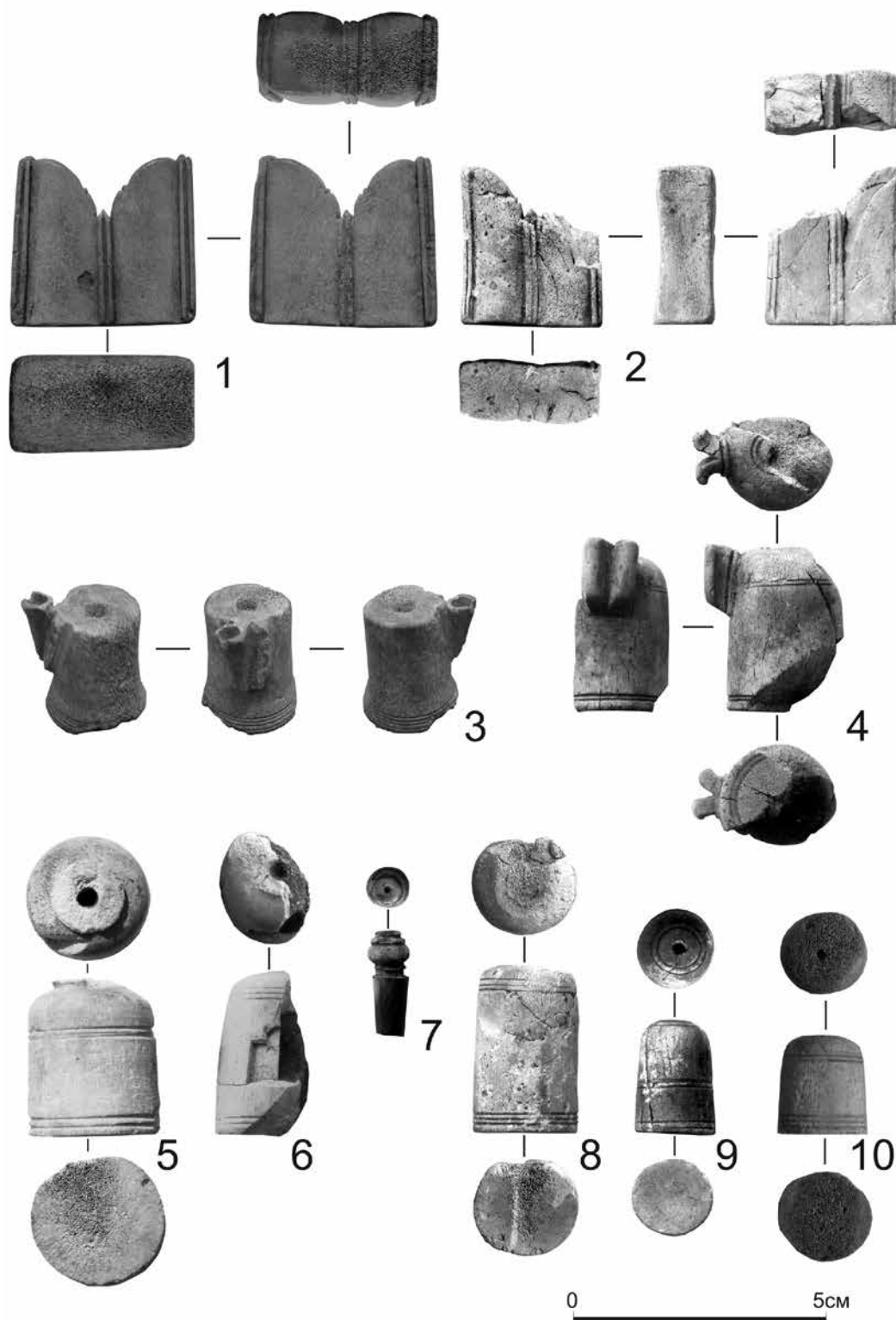

Рис. 1. Шахматные фигуры XIII–XIV вв. с Болгарского городища: 1–2 – ладьи (рух – араб.), 3–4 – слоны (фил – араб.), 5–6 – ферзи (фирзан – араб.), 7 – навершие для фигуры короля (шах – араб.), 8–10 – пешки (байдак – араб.)

игра попала из Индии к VII в. (Сергиев, 2010: 9–10). Раннюю дату (X–XI вв.) знакомства с шахматной традицией предлагает для Древней Руси и исследователь шахмат И.М. Линдер, хотя сам подчеркивает, что «археологические сведения о древнерусских шахматах X–XI вв. крайне скудны» (Линдер, 1975: 60), а как показал представленный К.А. Рыбиной анализ даже этих «скудных» археологических находок, на сегодня нет оснований связывать время появления и распространения шахматной традиции на Руси с периодом ранее XII–XIII вв. (Рыбина, 1991: 100). До сих пор нет ни одной археологической находки надежно интерпретируемой как шахматная фигура домонгольского времени и с территории Волжской Болгарии. Те из них, что были отнесены к шахматам (Руденко, 2005: табл. 19, 383–387), скорее всего, являются элементами наборных рукоятей (затыльниками) или выступают фишками для иных «игр на досках», например, мельницы или хнефтафла (hneftafl), весьма распространенных в Восточной Европе и Скандинавии.

Все известные находки шахмат (всего около 20 экз., исключая обломки), относящиеся к территории Волжской Болгарии, происходят с Болгарского городища и связаны с напластованиями и объектами середины XIII–XIV вв. Найденные в Болгаре шахматные фигуры близки к абстрактным шахматам арабского типа. Данный тип фигур сформировался на арабском Востоке к IX в., возможно, первым образцом данного типа шахмат является набор из иранского Нишапура (Вильямс, 2004: 17, 18). Основными формами фигур выступали усеченный конус или цилиндр, исключение составляла фигура ладьи, которая имела прямоугольное основание. К настоящему времени при раскопках средневекового Болгара в слоях XIII–XIV вв. найдены фигуры, выполненные из плотного рога и кости, они соответствуют всем рангам шахматного набора, кроме коня (рис. 1). Фигуры украшены как линейным, так и циркульным орнаментом (Руденко, 2005: табл. 19, 381–382). Скорее всего, орнамент не только выступал в качестве украшения фигур, но и позволял различать противостоящие стороны, которые могли отличаться также и размером фигур. Кроме того, фигуры ферзя и короля отличались наличием навершия у последнего. Шахматы из Болгара находят прямые аналогии среди абстрактных фигур XII–XIV вв. с территории Руси (Рыбина, 1991: рис. 4, 6), что может свидетельствовать о формировании общей шахматной традиции. Затруднительно говорить и о вероятном пути проникновения шахматной традиции на территорию Восточной Европы в целом и на Русь с Волжской Болгарией, в частности. Можно допустить, что таких центров было несколько, прежде всего это страны исламского Востока, откуда и перенимается абстрактная форма шахмат арабского типа. Обращает на себя внимание и тот факт, что найденные на территории древнерусских городов изобразительные шахматные фигуры в большинстве своем происходящие из напластований и объектов XII в. (Линдер, 1975: 91–95; Коваленко, 2006: 101, рис. 5), стилистически относятся к византийской художественной традиции, следовательно, служили импортом с территории Византии, шахматная традиция которой могла вобрать в себя как идеи изобразительных фигур Индии и Средней Азии (VI–VIII вв.), так и появившуюся в IX в. новую абстрактную форму арабских фигур. На интенсификацию торговых отношений и увеличение импорта из Византии и стран исламского Востока (в том числе и Волжской Болгарии) на Русь именно в XII–первой трети XIII в. указывают и находки керамики (Коваль, 2010: 187–192). Таким образом, на данный момент на основе археологического материала мы не имеем достаточных оснований для ранней датировки появления шахматной игры как в Волжской Болгарии, так и на Руси. Скорее всего, шахматная игра появляется и активно распространяется на данных территориях не ранее XII в., а к XIII–XIV вв. можно отметить сходство в развитии форм абстрактных шахматных фигур для Волжской Болгарии и Руси, прежде всего ее северо-восточных и северо-западных территорий, в то время как на юго-западных и западных территориях Руси под влиянием европейской традиции активно начинает распространяться новый тип абстрактных фигур, так называемые «многоярусные», более приспособленные для массового изготовления на токарном станке. Данный тип фигур возобладает в северо-восточной Руси лишь к XVI–XVII вв. (Бадеев, 2010: 273, 276; Рыбина, 1991: 100).

ЛИТЕРАТУРА

- Бадеев, Д.Ю. 2010. Шахматы и шашечные игры (по данным археологических исследований Московского Кремля). *Археология Подмосковья. Материалы научного семинара*. Отв. ред. А.В. Энговатова М.: 271–277.
- Вильямс Гарет. 2004. Шахматы: история, фигуры, игроки. М.: Арт-Родник.
- Коваленко, В. 2006. Новые византийские находки из Чернигова и его округа. *Русь на перехресті світів (міжнародні впливи на формування Давньоруської держави)*. Отв. ред. П.П. Толочко Чернігів: 89–103.
- Коваль, В.Ю. 2010. Керамика Востока на Руси. IX–XVIII вв. М.: Наука.
- Линдер, И.М. 1975. Шахматы на Руси. М.: Наука.

- Руденко, К.А. 2005. Булгарские изделия из кости и рога. Древности Поволжья: эпоха средневековья (исследования культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды). *Материалы II Всероссийской конференции «Поволжье в средние века»*. Научн. ред. К.А. Руденко. Казань: 67–97.
- Рыбина, Е.А. 1991. Из истории шахматных фигур. *Советская археология*. № 4: 86–101.
- Сергиев, С. 2010. За начало на шахмата в България. София. (На болгарском).

D.Yu. Badeev

THE EMERGENCE AND SPREAD OF CHESS IN THE TERRITORY OF ANCIENT RUSSIA AND VOLGA BULGARIA (FOR OUT ARCHEOLOGICAL DATA).

Archaeological finds *chess piece* of Ancient Russia and the Volga Bulgaria can be attributed to the time of appearance and distribution of the game in the region XII–first third of the XIII centuries. The hypothesis is supported by the intensification of trade relations with countries of the Islamic East and Byzantium in the period. The countries of the Islamic East and Byzantium could act as centers for the dissemination of chess on the territory of Russia and the Volga Bulgaria. The article presents new finds of *chess piece* of the XIII–XIV century Bolgar fortified settlement.

Key words: *Chess piece*, Eastern Europe, Ancient Russia, Volga Bulgaria, medieval archaeology.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НУР-ТУХУМСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ*

Б.А. Базаров¹, Д.А. Миягашев¹, Е.А. Бессонова²

¹*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
Лаборатория археологии, этнографии и антропологии, Улан-Удэ;*

²*Тихоокеанский океанологический институт им. В.И. Ильичева ДВО РАН, Владивосток*

В работе представлены некоторые результаты исследований на новом памятнике. В ходе работ было выявлено наличие двух разных типов памятников на одном комплексе – могильника хунну и средневекового поселения. Интерпретация материалов раскопок жилища затрудняется отсутствием подобных памятников на территории Западного Забайкалья. Совершенно очевидно, что для решения поставленных задач необходимо продолжение раскопочных работ. Дальнейшие исследования позволят выявить планиграфические особенности всего комплекса и позволят дать четкую интерпретацию памятника в историко-хронологическом срезе.

Ключевые слова: Западное Забайкалье, железный век, Средневековье, хунну, могильник, поселение.

В полевой сезон 2015 года в результате рекогносцировочных работ в окрестностях улуса Нур-Тухум (Селенгинский район Республики Бурятия) нами был выявлен памятник археологии, характеризующий хуннскую погребальную обрядность. Объект археологического наследия располагается в небольшой межгорной котловине в центре междуречного пространства р. Селенга и р. Чикой (рис. 1). На севере она ограничена подножиями низкогорных отрогов южного склона восточного участка Боргойского хребта, с запада – невысоким отрогом горного хребта меридионального простирания, закрывающим его от господствующих ветров. Хребет представляет собой возвышенность с пологими склонами и скругленным гребнем, на восточной стороне которого обнажены небольшие участки выходов коренных пород, представленных базальтами различной текстуры. На юге котловина ограничена отрогами Хурайского хребта, протянувшегося с запада на восток. Основная площадь исследуемого объекта занимает лесостепную равнину, поверхность которой характеризуется неровной валообразной структурой, типичной для эоловых мезоформ рельефа: дефляционные котловины глубиной до 2–3 м, дюны и куполообразные бугры навевания высотой 1–5 м. Дюны с пологими склонами парагенетически связаны с котловинами. Днище котловин ровное и оголенное. Характерная особенность склонов котловин и дюн – одиноко растущие деревья. Морфологические особенности предгорного рельефа определяются принадлежностью территории к лесостепной зоне, засушливостью климата (годовая сумма осадков равна 200–250 мм), сильными весенними и осенними ветрами (Будаев, Коломиец, 2015).

Центральная и южная части территории памятника характеризуется участками травянистой растительности сухостепной зоны. Северный участок памятника занят сосновым лесом с разреженным под-

* Работа выполнена при финансовой поддержке мегагранта Министерства образования и науки РФ (14.W03.31.0016).

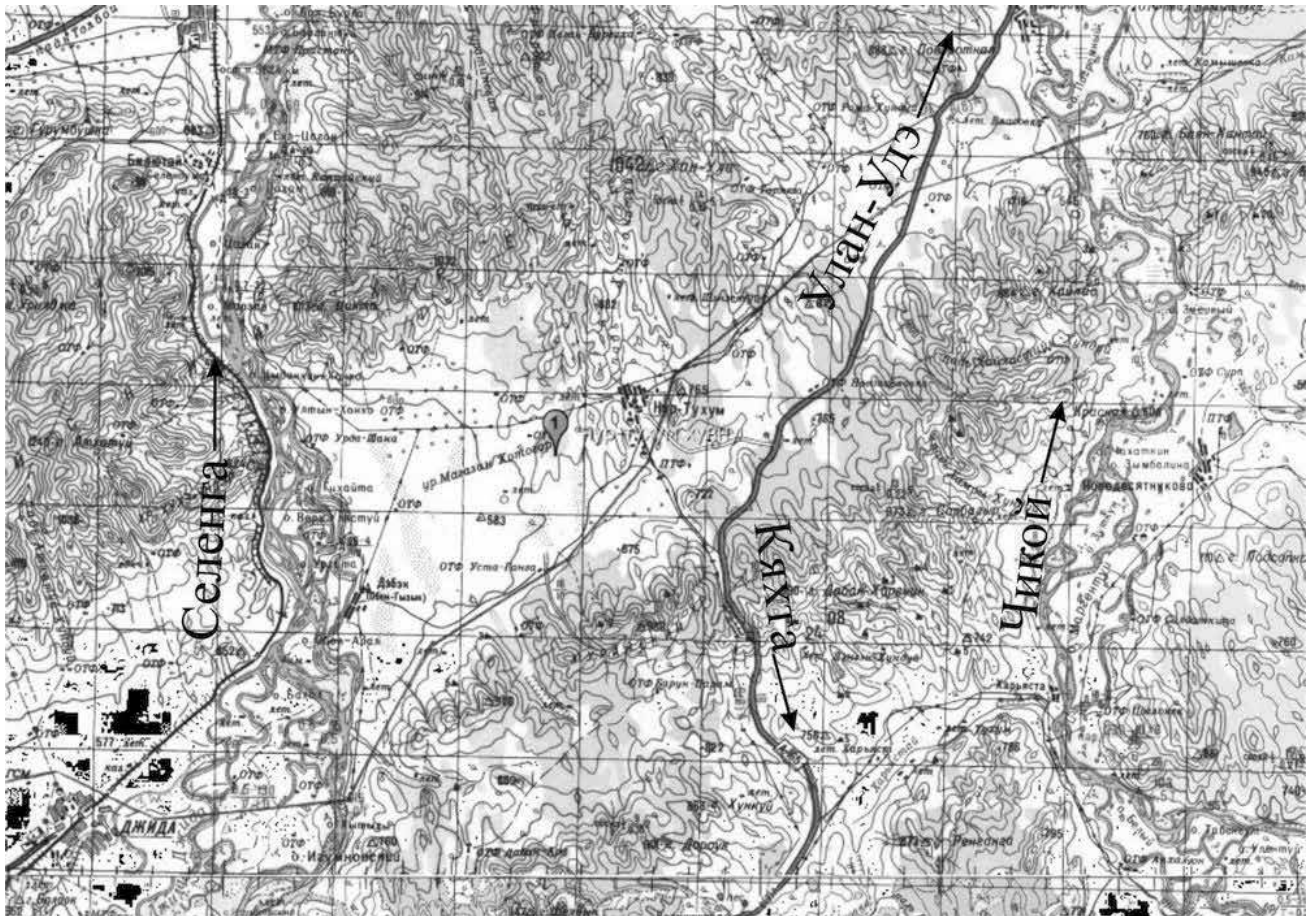

Рис. 1. Карта-схема расположения нового Нур-Тухумского комплекса

леском, где расположено небольшое количество каменных кольцевидных выкладок. В рельефе лесного массива прослеживаются следы временных водотоков – неглубокие овраги. Наиболее ровная поверхность, покрытая сосновым массивом вторичного заложения, протягивается широкой полосой на востоке, где визуально различимы борозды глубокой вспашки меридионального простирания.

Большая часть погребений хунну, отмеченных каменными выкладками, преимущественно кольцевидной формы с небольшими западинами в центре, расположена на участке лесостепной равнины, вытянутой по линии север–юг. Всего было зафиксировано 76 надмогильных конструкций, относящихся к хуннскому времени, 6 округлых западин без надмогильных каменных конструкций, первоначально отнесенных к погребениям хунну, а также 3 каменные кладки, датируемые средневековым временем.

В 2016 г. до начала раскопок на небольшом участке были произведены рекогносцировочные работы с применением георадиолокации с использованием георадара для выявления локальных неоднородностей грунта антропогенного происхождения. По результатам работ выделены горизонтальная слоистость песчаного грунта и неоднородности, маркирующие положение локальных объектов на глубинах около 3 м (рис. 2). Признаками антропогенного происхождения локальных объектов являются их размеры, глубины залегания, наличие вертикальных неоднородностей грунта над ними. С большой долей вероятности можно говорить, что выделенные объекты представляют собой могильные камеры. Кроме того, предварительное обследование памятника позволило выявить некоторые особенности расположения хуннских погребений. На некоторых участках на современной дневной поверхности фиксируются группы каменных кладок, расположенных на близком расстоянии друг от друга, в то время как другие кладки рассредоточены поодиночке.

Исходя из этого были исследованы два объекта – погребение хунну № 24, отмеченное на дневной поверхности кольцевой кладкой, и примыкающая к нему небольшая западина. Раскопки кургана производились на площади 80 м². Кладка была сооружена из валунов в один ряд, реже – в два ряда. Среди камней надмогильной конструкции в начале работ были зафиксированы кости животных и два костяных наконечника стрел. Сама кладка в плане округлой формы, вытянута в длину на 6 м по линии север–юг,

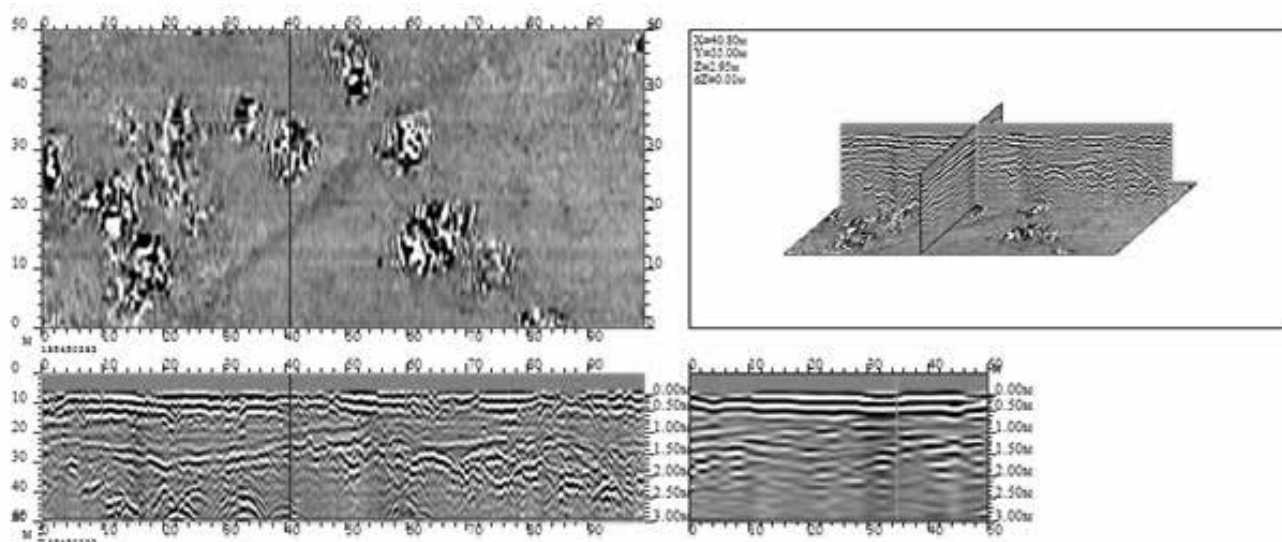

Рис. 2. Локальные неоднородности грунта, выделенные по результатам георадиолокации на глубине 2,8 м на территории Нур-Тухумского комплекса

ширина – 5 м. При расчистке было выявлено могильное пятно. Длина могильного пятна составила 2,9 м, ширина – 1,8 м. Захоронение человека было организовано в срубе, состоящем из одного венца (высота 30 см). Длина сруба 2,1 м, ширина 1,1 м. Доски перекрытия не сохранились, их остатки фиксировались по западному, левому краю захоронения. По периметру сруб, очевидно, был обложен камнями, положенными на концы досок перекрытия. В анатомическом положении находились только кости ног, череп был обнаружен в центре захоронения. Из сопроводительного инвентаря обнаружены только неопределимые фрагменты железных изделий. Погребение находилось на глубине 2,49 м. Выше его (в пределах 40–80 см) находился так называемый «хозяйственный отсек» с костями жертвенных животных (череп двух коров и пяти коз). В этом же «отсеке» были зафиксированы фрагменты небольшого керамического сосуда типично хуннского облика.

Второй раскоп был заложен над западиной, площадь вскрытия которой составила 45 м². Однако вместо предполагаемого погребения на глубине 0,40–0,45 м была зафиксирована полуземлянка размерами 4,2 x 3,5 м. Котлован жилища подпрямоугольной формы, вытянут с юго-запада на северо-восток, вход в жилище был устроен как удлиненный коридор-тамбур, примыкающий к центру юго-западной стенки. Котлован жилища был углублен в слой желтого среднезернистого песка на 0,4 м. В центральной части жилища зафиксирован развал глиняной печи, однако восстановить ее не удалось из-за сильного разрушения. Остатки кровли и несущих конструкций зафиксированы не были. Вдоль северной стенки жилища зафиксированы три хозяйственные ямы. Стратиграфические наблюдения не выявили факта впуска котлована жилища в хуннские погребения.

Находки внутри жилища были сконцентрированы вокруг печи. В составе находок отсутствует керамика. Из кухонной утвари найдены только отдельные фрагменты чугунных котлов. Археологическая коллекция представлена изделиями из металла (20), кости (128) и дерева (1). Палеозоологическая коллекция представлена фрагментированными экземплярами: костями крупного рогатого скота, барана, лошади, косули, тарбагана и благородного оленя. Обращает на себя внимание большое количество костей рыбы. В целом полученные артефакты позволяют датировать жилище периодом Средневековья.

Случай обнаружения могильника и более позднего поселения с жилищем земляночного типа в одном комплексе – новое явление для археологии Западного Забайкалья. Интересно расположение исследованного жилища, оно как бы «втиснуто» между погребениями хунну. Топографические и геоморфологические особенности участка, на котором расположен памятник, не благоприятствуют размещению здесь долговременного поселения. На территории памятника низкий уровень грунтовых вод, а анализ современных картографических материалов показывает отсутствие поблизости источников воды – ручьев или минеральных источников, расстояние до ближайшего водоема, каковым является р. Селенга, не менее 6–7 км. Расположенные поблизости частные хозяйства скотоводческой направленности имеют свои колодцы, но из-за падения уровня воды в р. Селенга вода из колодцев часто уходит.

В полученной коллекции нет культуруопределяющих предметов (керамики), в тоже время среди находок есть наконечники стрел, которые встречаются в средневековых погребениях на территории Западного Забайкалья. Здесь следует отметить, что поселенческие комплексы с жилищами полуземляночного типа на территории Западного Забайкалья известны только по памятникам хуннского времени – Иволгинское городище, поселения Дурены, городища Баян-Ундэр, поселения Нижний Мангиртуй (Давыдова, 1995; Давыдова, Миняев, 2003; Данилов, 2004; Коновалов и др., 2016). Однако если для хуннской археологии установлено наличие оседлых поселений ремесленной и земледельческой направленности, то для средневековой археологии Бурятии это едва ли не первый случай. Следовательно, исследованное нами жилище и его материалы дают новые перспективы для изучения и понимания культур эпохи Средневековья Западного Забайкалья

Неясен также функционал жилища. Среди артефактов, найденных внутри жилища, есть металлические предметы, которые, возможно, имеют отношение к литейному производству – два ложечковидных изделия с длинными ручками и резервуаром в форме лодки с небольшим углублением. У одного такого изделия кончик ручки был скручен, и в этом месте имеется колечко для подвешивания, кончик ручки второго изделия слегка заострен. Аналогичное изделие происходит из культурного слоя средневекового города Болгар – одного из крупнейших средневековых городов Восточной Европы. На одном конце артефакта имеется расплющенная листовидная площадка в виде слегка углубленной ложки, на другом конце стержень загнут колечком. Общая длина стержня 50 см. Это орудие, как предполагают авторы монографии, кузнецы Болгара использовали в чугунолитейном производстве для пробивания глиняных заглушек в горне, выпуска шлаков и для взятия пробы чугуна (Федоров-Давыдов, 1996). Подобный инструмент встречен на золотоордынском селище Сухая Речка в слое, где были обнаружены остатки черной металлургии в виде развалов горнов, шлаков, отдельных фрагментов чугунных котлов (Матвеева, 1977). В таком случае глиняная печь могла быть небольшим металлургическим горном, хотя явные черты такого не были зафиксированы из-за сильного разрушения объекта.

На территории Западного Забайкалья (Республика Бурятия) известны три поселения, датируемых средневековым временем – Нарсатуй, Сутай и Темниковское поселение, все они исследовались С.В. Даниловым (Данилов, 2004: 83–85). Однако ни один из этих памятников не дает нам аналогий для Нур-Тухумского жилища. Таким образом, на данном этапе исследований сложно делать определенные выводы. Интерпретация материалов раскопок затрудняется отсутствием подобных памятников на территории Западного Забайкалья. Совершенно очевидно, что для решения поставленных задач необходимо продолжение раскопочных работ. Дальнейшие исследования позволят выявить планиграфические особенности всего комплекса и позволят дать четкую интерпретацию памятника в историко-хронологическом срезе.

ЛИТЕРАТУРА

- Будаев, Р.Ц., Коломиец, В.Л. 2015. Ветровой морфолитогенез и климатические ритмы юго-западного Забайкалья в финале неоплейстоцена и голоцене. *Изв. Самарского научного центра РАН*. № 6. Т. 17: 174–179.
- Давыдова, А.В. 1995. Археологические памятники сюнну. Вып. 1. Иволгинский археологический комплекс. Т.1. Иволгинское городище. СПб.: Фонд «АзиатИКА».
- Давыдова, А.В., Миняев, С.С. 2003. Археологические памятники сюнну. Вып. 5. Комплекс археологических памятников у с. Дурены. СПб.: Фонд «АзиатИКА».
- Данилов, С.В. 2004. Города в кочевых обществах Центральной Азии. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН.
- Коновалов, П.Б., Базаров, Б.А., Миягашев, Д.А., Клементьев, А.М., Именохоев, Н.В. 2016. Хуннская археология в Бурятии: история и новый этап исследований. *Вестн. БНЦ СО РАН*. № 1 (21): 9–26
- Матвеева, Г.И. 1977. Сухореченское селище. *Средневожская археологическая экспедиция*. Куйбышев.
- Федоров-Давыдов Г.А. (ред). 1996. *Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков*. Казань: Ин-т языка, лит., истории.

V.A. Bazarov, D.A. Miyagashev, E.A. Bessonova

ARCHAEOLOGICAL RESEARCH OF THE NUR-TUHUM ARCHEOLOGICAL COMPLEX OF THE EARLY IRON AGE AND THE MIDDLE AGES

The paper presents some results of the investigation of new sites. In the results of excavations it was defined two types of sites in one complex – xiongnu burial ground and the medieval settlement. The interpretation of the materials of excavation of the dwelling is in difficult because of missing of the sites of this type in territory of the Western Tansbaikalia. It is obvious that in order to support the problems is necessary to continue excavations. Further research will allow to define the planigraphic features of the complex and to interpret the sites in historical and chronological assessment.

Key words: Western Transbaikalia, iron age, middle ages, Xiongnu, burial ground, settlement.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СФЕРОКОНИЧЕСКИХ СОСУДОВ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО БОЛГАРА (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПА 200, 2014 г.)

В.Н. Бахматова, М.В. Сивицкий, А.Г. Ситдиков, Р.Х. Храмченкова

Институт археологии им. А.Х. Халикова АН Республики Татарстан, Казань

Статья посвящена специфической категории ассортимента неполивной посуды золотоордынского Болгара – сфероконическим сосудам. Комплексные исследования сфероконусов позволили выявить технологические особенности их изготовления. Результаты изучения приспособительных и субстратных навыков легли в основу сопоставления технологии изготовления сфероконических сосудов с ремесленным гончарством Болгара во второй половине XIII–XIV вв. Химический состав изучаемой выборки сфероконусов стал источником для идентификации районов отбора исходного сырья. Статистический анализ элементного состава подтвердил результаты технологического изучения образцов. В заключение подведены итоги исследования и предложена схема дальнейшего изучения данной категории неполивной керамики.

Ключевые слова: археология, золотоордынский Болгар, сфероконические сосуды, химико-технологические исследования неполивной керамики, гончарная технология, аналитические методы исследования.

Актуальность. Сфероконические сосуды являются специфическим керамическим продуктом материальной культуры не только Болгарского городища, но и большинства средневековых археологических памятников территории Золотой Орды и других регионов. Изучению сфероконических сосудов, происходящих из средневековых памятников Среднего и Нижнего Поволжья, посвящено немало исследований. Большинство из них касается типологии и морфологических особенностей (Халиков, 1986: 72–83, 138–141; Нуретдинова, 2011: 150–160). Сфероконические сосуды Болгара были описаны и типологизированы в работах Т.А. Хлебниковой (Хлебникова, 1988: 94–97). Техничко-технологический анализ сфероконических сосудов Болгара проводился ранее И.Н. Васильевой в контексте изучения гончарной технологии неполивной керамики Болгара и других памятников домонгольского и золотоордынского времени (Васильева, 1988: 128, 1993: 59–60, 113–114). Также существует несколько работ, посвящённых особенностям химического состава сфероконических сосудов Волжской Болгарии (Нуретдинова, Храмченкова, 2011: 66–72). Также проводились некоторые исследования сосудов этой категории ассортимента методами физико-химической аналитики, но они касались общих вопросов изучения ремесленного гончарства Болгара в золотоордынское время (Бахматова, Куклина, 2014: 230–255). В настоящее время в изучении этого вида неполивной керамики в контексте материалов Болгарского городища сформировалось несколько дискуссионных проблем. Одними из наиболее актуальных являются вопросы, связанные с функциональным назначением сфероконусов, особенностями их производства, соотношением сфероконических сосудов с общим ассортиментом импорта и продукции местного производства.

Целью данной работы является выявление технологических особенностей сфероконических сосудов золотоордынского Болгара и локализации источников сырья.

Материалы. Для проведения исследований были отобраны сфероконические сосуды из материалов раскопа 200 Болгарского городища. Раскопом 200 изучался участок в нагорной северо-западной части памятника в районе современного Речного вокзала. Этот участок городища наиболее интенсивно был заселён в золотоордынское время. В данную выборку вошло 14 образцов. Сосуды происходят из напластований культурного слоя позднего золотоордынского времени (середина XIV – начало XV в.) – IVп слой в соответствии с общепринятой стратиграфией напластований памятника (Хлебникова, 1987: 47). В данной работе мы не будем подробно останавливаться на морфологических особенностях сфероконических сосудов Болгара. Опираясь на предыдущие исследования, удалось выявить некоторые особенности. Типологически сфероконические сосуды Болгара относятся к ремесленной керамике I общеболгарской группы и характеризуются как продукция местного производства. Практически все сосуды окрашены в красно-коричневые оттенки, имеют конусовидное (наиболее характерно для IVп слоя) или округлое тулово (наиболее характерно для IVр слоя), крутые плечики. Таким образом, типологически все сосуды соответствуют формам сфероконусов, характерным для их бытования в золотоордынское время.

Методы. В соответствии с поставленной целью были выбраны следующие методы исследования. Для определения особенностей производства сфероконусов был выполнен технико-технологический

анализ по методике А.А. Бобринского – изучение образцов под бинокулярным стереоскопическим микроскопом при увеличении от 10 до 60 раз (Бобринский, 1978, 1999: 14–47). Анализ выполнялся в соответствии со структурой гончарной технологии: подготовительная, созидательная, закрепительная стадии. В рамках подготовительной стадии определялись вид, состав, особенности исходного пластического сырья (ИПС), примеси (ИНПС), их концентрация, рецепт формовочной массы (ФМ). Данная стадия определяет приспособительные навыки в общей системе навыков гончаров. В рамках созидательной стадии определялись основные приёмы конструирования: начин, программа, способ конструирования полого тела, формообразование, обработка поверхности. Конструирование характеризует субстратные навыки. Для реконструкции условий *обжига* (закрепительная стадия) сфероконических сосудов был выполнен визуальный анализ цветовых характеристик по результатам вторичного обжига образцов и теста на остаточную пластичность (Бобринский, 1999: 91–93).

Для выяснения особенностей химического состава обозначенной выборки сосудов был проведён эмиссионный спектральный анализ с целью определения макро- и микроэлементного состава. На основании статистического анализа распределения значений элементного состава выявлялись общие групповые характеристики химического состава и характеристики сырьевых источников.

Результаты исследований. Технично-технологический анализ выявил следующие особенности изготовления сфероконусов из данной выборки. В качестве исходного пластического сырья (ИПС) были использованы природная глина разной степени ожелезнённости или глиняные концентраты (смеси из двух природных глин). По количеству естественных примесей всё ИПС можно охарактеризовать как слабозапесоченое. Качественный состав естественных примесей в ИПС: кварцевый песок и слюда в разных фракциях (зёрна размером 0,1–1 мм и менее) включения окатаной гальки размером до 3–5 мм, оолитовые железистые включения (бурые железняки?) размером 0,5–2 мм.

В большинстве случаев подготовка формовочных масс (ФМ) осуществлялась на основе естественно увлажнённого сырья. Исключение составляют образцы, ФМ которых замешаны на основе глиняных концентратов. В качестве отощителей использованы минеральные (песок) и органические примеси (выжимка навоза КРС). Выделены как несмешанные (однокомпонентные и двухкомпонентные), так и смешанные (трёхкомпонентные) рецепты ФМ. Исходя из концентраций минеральных примесей по функциям, которые глина несёт в формовочной массе, можно выделить два уровня: глина выполняет функцию моносырья (7 сосудов), глина выполняет функцию основного сырья во всех многокомпонентных составах несмешанного и смешанного характера (Бобринский, 1999: 76).

В *конструировании* сфероконических сосудов были зафиксированы два способа, ранее описанные в работах И.Н. Васильевой (Васильева, 1993: 59–60, 113–114). Для сосудов, изготовленных обоими способами, выделяются неполные начини, сконструированные по донно-ёмкостной программе. В качестве приёмов формообразования в большинстве случаев использован гончарный круг, также он использован и для частичного вытягивания отдельных частей сосуда. Таким образом, уровень развития функций круга здесь можно охарактеризовать не меньше чем 4–5.

Обжиг сфероконических сосудов из этой выборки можно охарактеризовать как полный высокотемпературный обжиг сформированного состояния. Обжиг произведён при температуре более 650–700 °С и длительной выдержке с медленным остыванием (Цетлин, 2012: 120). Эти данные позволяют отнести сфероконусы к керамике, обжигаемой в горне. Положение об обжиге сфероконических сосудов в горне вполне соответствует археологическим данным: О.С. Хованская в подгорной части исследовала два горна золотоордынского времени, служивших для обжига посуды мелких форм, в том числе и сфероконусов (Васильева, 1988: 139).

Общий анализ субстратных и приспособительных навыков изготовления сфероконических сосудов изученной выборки дал такие результаты. По характеру начини и программе конструирования удалось выявить одну традицию – донно-ёмкостные начини. По приспособительным навыкам наблюдается единство в выборе сырья определённого качества – слабозапесоченых глин. Использование в качестве исходного пластического сырья смесей природных глин и смешанных составов формовочных масс отражают I и II уровни смешанности технологических традиций (Цетлин, 2012: 134). Полученные данные подтверждают результаты предыдущих исследований (Бахматова, Куклина, 2014: 250–251).

Характер приспособительных и субстратных навыков в изготовлении сфероконических сосудов коррелируется с общей картиной технологических навыков гончаров, изготавливавших ремесленную посуду

I общеболгарской группы в золотоордынское время. Существование разных способов конструирования, рецептов и наличие смешанности традиций в подготовке ФМ связаны с культурной неоднородностью в среде гончаров Болгара, которая усложнилась миграционными процессами, происходившими на территории Среднего Поволжья после монголо-татарского нашествия в середине XIII века (Васильева, 1988, 1993).

Для идентификации сырьевых источников была использована база образцов глинистого сырья, которая была сформирована по итогам обследования Болгарского городища и его близлежащих территорий в радиусе 10 км. Всю территорию отбора условно можно разделить на нагорную часть (современное состояние памятника на высокой волжской террасе) и подгорную часть (часть памятника с близлежащей территорией, затопленная Куйбышевским водохранилищем). Изучение химического состава проб сырья позволило выявить закономерности изменения распределения химических элементов в зависимости от места отбора пробы (Храмченкова, 2014: 176–204). По итогам сопоставления было выявлено несколько совпадений химического состава образцов сырья и сфероконических сосудов, которые определяют потенциальные районы добычи глинистого сырья для изготовления сосудов местного производства. Группы совпадений очень схожи между собой по химическому составу вне зависимости от разных районов отбора проб сырья. Наблюдается и значительная схожесть исходного сырья, использованного для изготовления сосудов из этой серии. Этот факт обусловлен единством геологического происхождения геоморфологических особенностей обозначенной территории (Геологическая карта РФ, 1999: 48–49, 54–55, 81).

Выводы. Сопоставление результатов позволило сформировать некоторое представление о традициях изготовления сфероконических сосудов гончарами Болгара. Для изготовления всех сфероконусов из нашей выборки использовались глины одного качества, но в зависимости от места отбора сырья имеет разный химический состав. В зависимости от химико-технологических характеристик данная выборка разделилась на такие группы. В первую группу можно отнести 4 изделия. Для их производства отбиралась глина из подгорной части памятника в пойме на сегодняшний день затопленной р. Меленки. В данной группе выделено 2 рецепта формовочных масс: глина + выжимка и глина + песок + выжимка. Вторая группа из 2 образцов изготовлена из сырья, также отобранного в подгорном районе Болгарского городища. Данный район территориально смещён к западу от предыдущего. Формовочные массы данных образцов представляют собой глину без каких-либо искусственных примесей. По распределению реперных элементов химического состава они относятся к двум разным группам, схожим с распределением в предыдущей группе. Третья группа из 4 образцов изготовлена, вероятно, из сырья, отобранного в нагорном районе Болгара в непосредственной близости от современного Речного вокзала. В данной группе выделено 2 рецепта формовочных масс: чистая глина и глина + песок + выжимка. Исследования химического состава подтверждают результаты технологического анализа: для производства сфероконусов из данной выборки использовано сырьё одинакового качества, но отобранное из разных источников, а также произведены они в соответствии с разными рецептами формовочных масс. Данное обстоятельство даёт возможность точной идентификации сырьевых источников по элементному составу 10 образцов из 14.

Полученные наблюдения позволили сформулировать комплекс химико-технологических характеристик сфероконических сосудов Болгара в золотоордынское время. Проведённые исследования выявили, что для производства сфероконусов золотоордынского Болгара использовались достаточно пластичное слабозапесоченое глинистое сырьё, тонкие формовочные массы, а обжиг проводился в окислительной газовой среде при высоких температурах. Производство сфероконусов местного происхождения определялось двумя основными факторами. Во-первых, технологические навыки, применяемые для изготовления сфероконических сосудов, большей частью определялись культурной традицией гончара (выявлены разные виды начинов и рецепты формовочных масс). Это позволяет рассматривать изготовление сфероконусов в общей системе ремесленного гончарства Болгара – их изготовлением занимались те же самые гончары, которые изготавливали обычную посуду бытового назначения. Во-вторых, вне зависимости от традиции гончары использовали сырьё определённого качества и посредством различных способов на подготовительной стадии придавали формовочным массам практически одинаковые свойства, которые

позволяли получить сосуды определённого размера и качества. Второе обстоятельство делает сфероконические сосуды специфической единицей ассортимента керамической продукции, указывая на особое функциональное назначение данного вида посуды в Болгаре. Отражением этого является и тот факт, что в процессе производства сфероконических сосудов мастера различных мастерских (включая значительно удалённые друг от друга – разные города, государственные образования) следовали определённым технологическим требованиям, предъявляемым к качеству будущей продукции.

Проведённые работы являются первым этапом исследования по установлению связи технологии изготовления сфероконических сосудов с их функциональным назначением. Для подтверждения сделанных выводов исследование нуждается в расширении выборки как в качественном, так и в количественном плане.

ЛИТЕРАТУРА

- Бахматова, В.Н., Куклина, А.А. 2014. О связи технологии изготовления общebolгарских керамических сосудов с их функциональным предназначением: характеристика формовочных масс (по материалам исследования Болгарского городища 2011–2012 гг.). *Поволжская археология*. № 2(8): 230–255.
- Бобринский, А.А. 1999. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения. Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (кол. моногр.). Науч. ред. А.А. Бобринский. Самара: Изд-во СамГПУ: 5–110.
- Бобринский, А.А. 1978. Гончарство Восточной Европы: Источники и методы изучения. М.: Наука.
- Васильева, И.Н. 1993. Гончарство Волжской Болгарии в X–XIV вв. Екатеринбург: Наука.
- Васильева, И.Н. 1988. О технологии производства неполивной керамики Болгарского городища. *Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности*. Отв. ред. Г.А. Фёдоров-Давыдов. М.: Наука: 103–148.
- Государственная геологическая карта Российской Федерации. Масштаб 1:200 000. Серия Средневожская. 1999. Листы N-39-III (Чистополь), N-39-VIII (Камское Устье), N-39-IX (Алексеевское). Объяснительная записка. М.: МПР России, ПГО Центральных районов: 69–74.
- Нуретдинова, А.Р. 2011. Типология сфероконических сосудов Волжской Булгарии. Урало-Поволжье в древности и средневековье. *Материалы Междунар. науч. конф. «V Халиковские чтения», посвящ. 80-летию со дня рождения А.Х. Халикова (27–30 мая 2009 г., Казань)*. Серия «Археология евразийских степей». Выпуск 11. Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Фолиант; Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ: 150–160.
- Нуретдинова, А.Р., Храмченкова, Р.Х. 2011. Химический состав сфероконических сосудов Волжской Булгарии. *Следы веков: материалы Всерос. науч. конф. «Актуальные проблемы археологии Поволжья и Приуралья», посвящ. 65-летию археологического кружка Казанского университета*. Под ред. С.И. Валиулиной. Казань: Казан. ун-т: 63–66.
- Халиков, А.Х. 1986. Сфероконические сосуды. *Посуда Биляра*. Редкол.: А.Х. Халиков, Ф.Ш. Хузин. Казань: 72–83, 138–141.
- Хлебникова, Т.А. 1987. История археологического изучения Болгарского городища. Стратиграфия. Топография. *Город Болгар: Очерки истории и культуры*. Отв. ред. Г.А. Фёдоров-Давыдов. М.: Наука: 34–89
- Хлебникова, Т.А. 1988. Неполивная керамика Болгара. *Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности*. Отв. ред. Г.А. Фёдоров-Давыдов. М.: Наука: 8–102.
- Храмченкова, Р.Х. 2014. Химический состав глин как индикатор сырьевого источника. *Поволжская археология*. № 2 (8): 176–204.
- Цетлин, Ю.Б. 2012. Древняя керамика: Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН.

V.N. Bakhmatova, M.V. Sivitsky, A.G. Sitdikov, R.Kh. Khranchenkova
 INTERDISCIPLINARY RESEARCHES SFEROKONICHESKY VESSELS OF BOLGAR IN GOLDEN HORDE
 (MATERIALS EXCAVATION 200 IN THE YEAR 2014)

The paper is devoted to a specific category of the Golden Horde unglazed ware of Volga Bulgaria – spherical cone vessels (spherecone). Complex research allowed to reveal technological features of manufacture. The exploration results of adaptive substrate skills formed the basis of a comparison of manufacturing technology of spherecone with the Bulgaria's craft of pottery vessels during the second half of the XIII – XIV centuries. The chemical composition of the study sample became a source for the identification of raw material. Statistical analysis of the elemental composition confirmed the results of technological examination of ceramic fragments. At the end results of the research are summed up and the scheme of further scientific survey of this category of unglazed ceramics is offered.

Key words: archaeology, Bolgar of the Golden Horde period, spherical cone vessels, interdisciplinary approach, potter's technology, analytical methods of a research.

КОМПЛЕКСНЫЕ ГЕОЛОГО-ГЕОМАГНИТНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ, РАСПОЛОЖЕННЫХ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРАЯ РОССИИ*

Е.А. Бессонова

Тихоокеанский океанологический институт им. В.И. Ильичева ДВО РАН, Владивосток

В работе представлены результаты комплексных геолого-геомагнитных исследований культурного слоя археологических памятников киданьской и монгольской кочевых империй, расположенных на территории Забайкальского края России.

Ключевые слова: геолого-геомагнитные исследования, средневековое поселение

ВВЕДЕНИЕ

Историческая реконструкция прошлого – основная цель археологических исследований – невозможна без восстановления внутреннего устройства древних поселений. Полномасштабные исследования археологических памятников раскопками приводят к их полному уничтожению. Приоритетной задачей изучения историко-культурного наследия является сохранение археологических памятников. Для достижения компромисса между полноценным изучением археологических памятников и сохранением их для последующих поколений исследователей оптимален междисциплинарный подход, который позволяет обеспечить новое качество решения этой проблемы (Журбин 2005). В 2013–2016 гг. на территории Забайкальского края России проведены геолого-геомагнитные исследования средневековых поселений: средневековая монгольская усадьба Алестуй, Кондуйский городок, средневековый производственный центр строительной керамики и др.

Цель геолого-геомагнитных исследований археологических памятников киданьской и монгольской кочевых империй в Забайкалье: выявление фундаментов средневековых строительных конструкций, скрытых в современных геологических отложениях, выявление особенностей и закономерностей пространственной организации, планиграфии и инфраструктуры поселений.

В процессе исследования культурный слой археологических памятников рассматривался нами как часть современных геологических отложений антропогенного происхождения. Использованы авторские методики, учитывающие особенности каждого памятника.

ОБЪЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Район исследований расположен в восточном Забайкалье и характеризуется относительно спокойным, главным образом мелкосопочным рельефом. Основными морфоструктурами являются хребты и разделяющие их межгорные котловины. Преобладают степные ландшафты.

Археологический памятник Кондуйский городок расположен в Борзинском районе Забайкальского края России. Место расположения памятника – правый борт Урулюнгуйской степной долины, междуречье рек Кондуй и Барун Кондуй. По оценке А.К. Кузнецова, Кондуйский городок размещался на площади 50,5 га (Кузнецов, 1925: 25). По нашим оценкам, площадь должна быть больше примерно на треть. В 1957–1958 гг. на территории Кондуйского городка экспедицией члена-корреспондента АН СССР С.В. Киселёва раскопками были целиком исследованы остатки дворца, беседки и южных ворот. Перед началом работ были проанализированы картографические материалы, выявлены неоднородности микрорельефа археологического памятника, маркирующие задернованные развалины зданий, располагавшихся на платформах. Выявлены на местности рекультивированные участки раскопов прежних лет. С учетом этих материалов определялись участки местности для картирования.

Средневековая монгольская усадьба в пади Алестуй расположена на предгорном участке левобережной поймы Урулюнгуйской долины в нижней приустьевой части распада Алестуй, в верхней части которого протекает одноименный ручей. Общая площадь усадьбы с примыкающими постройками невелика – 0,87 га (Артемьев, 2005: 4). Задернованные развалины средневековой монгольской усадьбы представляют собой три прямоугольных обвалованных участка. Участки площадью 0,56, 0,26 га примыкают

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 14-18-01165 «Города средневековых империй Дальнего Востока».

друг к другу по северо-западным стенкам валов. Обособленный участок площадью 625 м² расположен на западе. Внутри самого большого участка располагалось отдельно стоящее здание, площадь которого по предварительной оценке составляла 600 м².

Средневековый производственный центр строительной керамики расположен на левом берегу р. Кондуй в 3 км к востоку от Кондуйского городка (Киселев и др., 1965: 326.). В рельефе выражен небольшими холмиками. На поверхности обнаружены обломки обожженного кирпича, черепицы, шлак, обломки и порошок доломита.

ВЕРХНЯЯ ЧАСТЬ ГЕОЛОГИЧЕСКОЙ СРЕДЫ, СОДЕРЖАЩАЯ АНТРОПОГЕННЫЕ ВКЛЮЧЕНИЯ

Коренные породы района исследований, представленные слабомагнитными осадочными отложениями, гранитами и базальтоидами позднемелового возраста, перекрыты маломощными континентальными осадочными отложениями. Намагниченность верхней части осадочных отложений невысока и определяется широким распространением в них минералов железа, главным образом гидроокислов. Антропогенные изменения верхней части геологического разреза определяются наличием в культурном слое скоплений обломков коренных горных пород различного размера и формы, наличием развалин стен из сырцового или обожженного кирпича, обломков черепицы, участков прокаленного суглинка, особенностями микрорельефа, сформированными в том числе в процессе вспашки.

Исследования физических свойств культурного слоя археологических памятников на территории исследований выполнены на основе измерений магнитной восприимчивости, остаточной намагниченности и плотности кирпича и кровельной черепицы и статистически обоснованы размерами выборок элементов. Результаты измерений магнитной восприимчивости рыхлых отложений культурного слоя Кондуйского городка и средневекового производственного центра строительной керамики показали, что они достаточно однородны по исследуемому параметру. Магнитная восприимчивость обломков горных пород на два порядка, а обломков кирпича и черепицы на порядок выше магнитной восприимчивости рыхлых отложений. Результаты этих исследований и априорная информация о возможных размерах и глубине залегания руин строительных конструкций позволили провести расчеты ожидаемых магнитных аномалий, вычислить параметры сети магнитной съёмки территории Кондуйского городка и средневекового производственного центра строительной керамики.

РЕЗУЛЬТАТЫ ГЕОФИЗИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Кондуйский городок

Аномальное магнитное поле центральной части Кондуйского городка характеризуется мозаичной структурой. Локальные магнитные аномалии весьма разнообразны: изометричные, линейные, сгруппированные линейно и кучно и пр. Магнитные аномалии сопоставимы по размерам и амплитуде. По всей территории выделены характерные аномалии – диполи, источниками которых являются железные объекты. Геометрически правильно сгруппированными знакопеременными и положительными магнитными аномалиями маркируются участки расположения развалин, погребенных под современными отложениями и почвой, выраженные в рельефе небольшими возвышениями (курганами). На ровной поверхности выявлены сгруппированные низкоамплитудные магнитные аномалии линейного простирания с амплитудами, характеризующиеся субширотными и субмеридиональными границами и имеющие ограниченную площадь. В отдельных случаях они могут иметь геометрически правильную форму квадрата или прямоугольника. По нашему мнению, эти магнитные аномалии отражают влияние магнитных масс остатков строительных конструкций, которые располагались не на платформах. Сравнительный анализ плотности распределения магнитных аномалий, отражающих влияние объектов поиска (археологических строительных конструкций), позволяет говорить о том, что южная часть городка была застроена только на платформах, а в северной части существовали здания, возведенные не только на возвышениях, но и между ними.

Кроме того, в северной части Кондуйского городка обнаружены несколько зданий с явными признаками отопительных систем, о чем свидетельствуют не только высокоинтенсивные знакопеременные магнитные аномалии, но и обнаруженные нами в процессе измерений на некоторых участках прокаленная глиняная обмазка, плоские обломки горных пород такой формы и размеров, которые обычно использовались для перекрытий канов. Такие постройки располагались тремя группами вдоль линии широтного простирания. Группы находятся на равном расстоянии друг от друга. Основу архитектурной компози-

ции в каждой группе составляет большое прямоугольное здание широтной ориентации с выступающим крыльцом или пандусом в центральной части здания с южной стороны. Южнее, практически вплотную к основному зданию, примыкают расположенные с востока и запада прямоугольные постройки меньшей площади, ориентированные меридионально. Во внутренней части этих построек, которые были сооружены на платформах, пространство представляет собой замкнутый с трёх сторон дворик. С южной стороны на некотором удалении к югу располагалось квадратное здание. С северо-востока от основного строения располагалось еще одно небольшое квадратное здание, ориентированное углами по сторонам света. Такая ориентация нехарактерна для планировки Кондуйского городка.

В северо-западной части выделены магнитные аномалии, отражающие влияние строительных конструкций, возведенных на руинах Кондуйского городка. Интенсивность магнитных аномалий, сопоставимая с интенсивностью аномалий, отражающих влияние объектов поиска, не оставляет сомнения в том, что для их сооружения использованы строительные материалы, добытые на городище (кирпичи и пр.).

В северо-восточной части археологического памятника вблизи глубокого сухого русла ручья геомагнитным картированием на участке большого кургана выявлены магнитные аномалии, маркирующие положение в плане печей. Обнаружено четыре печи, располагавшиеся на одинаковом расстоянии друг от друга вдоль линии широтного простираения. Размеры локальных объектов (печей) сопоставимы с формой, размерами и взаимным расположением подобных конструкций, выявленных на северном участке производственного центра строительной керамики (см. ниже). В подъемном материале на поверхности кургана обнаружены обломки серого кирпича и простой серой черепицы. Геомагнитные измерения, выполненные методом свободного поиска, на прилегающей территории положительных результатов не дали.

Впервые на основе геомагнитных исследований получено представление о характере застройки археологического памятника Кондуйский городок, на участке, расположенном к северу от дворцового здания. Здесь выявлена достаточно высокая плотность средневековой застройки, причем фундаменты строительных конструкций часто располагались не на возвышениях, а сами здания имели достаточно большую площадь и мощные основания стен.

По результатам геомагнитного картирования археологического памятника Кондуйский городок выявлены контуры фундаментов строительных конструкций; отопляемые сооружения; впервые получена планировка северной части городка; впервые выделены три группы из пяти зданий, расположенных вдоль линии широтного простираения на одинаковом расстоянии друг от друга в северной части Кондуйского городка. Расположение групп зданий соответствует принципу осевой симметрии в планировочной композиции. Получена внутренняя планировка зданий в группах, которая также подчинена принципу осевой симметрии. Впервые получены сведения о существовании производства на территории памятника: обнаружены остатки печей для изготовления строительной керамики.

Строительные конструкции средневековья подверглись варварскому разрушению. Можно отметить неплохую сохранность только углов отдельных зданий. Форма и размеры однотипных строительных конструкций восстановлены «по совокупности», с учетом всех сохранившихся фрагментов. В целом выполненные исследования позволяют с оптимизмом относиться к применению магнитометрии для изучения всей территории Кондуйского городка.

Средневековый производственный центр строительной керамики

На расстоянии около 3 км к западу от Кондуйского городка (Киселев и др. 1965: 326) на небольших холмиках левобережной части долины р. Кондуй были обнаружены скопления обломков черепицы и кирпича, аналогичные исследованным раскопками на территории Кондуйского городка. Аномальное магнитное поле участка знакопеременное и характеризуется аномальными участками большой площади с положительными и отрицательными аномалиями. Наиболее интенсивные знакопеременные аномалии в форме диполей расположены плотными цепочками в северной (7 локальных аномалий) и юго-восточной (5 аномалий) частях планшета съёмки. На основе карты магнитных аномалий выполнено районирование участка. За основу взяты направления осей, проведенных по апикальным участкам северной и западной групп интенсивных магнитных аномалий вдоль их простираения.

Северная часть диполей разделена на два участка: западный и восточный. Пересечение осей северо-западного участка и восточного происходит под прямым углом. Северо-восточные диполи расположены на линии отклоняющейся к северу от северо-западной оси. Количественная интерпретация объекта, выра-

женного дипольной магнитной аномалией и расположенного в восточном замыкании северной цепочки диполей, выполнена на основе модели (Смекалова и др., 2000). Результаты интерпретации показывают, что источник дипольной аномалии характеризуется квадратной формой и размерами стен 5 x 5 м и полностью соответствует печи для обжига изделий из глины. Восточные магнитные диполи также отражают влияние печей для обжига. Но размеры этих конструкций скромнее, скорее всего 3 x 3 м.

Возможно, и функциональное назначение печей различно. Скорее всего, в северных обжигали кирпич, а в восточных черепицу. В пользу этого предположения говорит тот факт, что на севере, как правило, можно найти обломки кирпича, а на востоке – черепицу и украшения для неё.

Комплексы печей расположены таким образом, что простираются вдоль северной и восточной сторон участка прямоугольной формы. В его внутренней части по простираению линейных градиентных участков магнитных аномалий может быть выполнено разделение пространства на площадки прямоугольной формы с параллельными осям комплексов печей границами. Такие же элементы планировки прослеживаются по магнитным аномалиям на периферии участка.

Наличие обломков черепицы, покрытых глазурью, кусков охры оранжевого цвета, а также обнаруженные в подъемном материале обломки доломита и «доломитовая мука» – сырьевая основа краски, покрывающей поверхность обнаруженных здесь же обломков кирпича рыжеватого, почти белого и серого цветов, косвенно свидетельствуют о том, что на этой территории не только обжигали изделия из глины, но и глазировали и окрашивали их. Доломитовая мука могла использоваться в качестве отощителя при изготовлении керамики. Коренные выходы доломита обнаружены нами в 10 км к востоку от Кондуйского городка. Это позволяет предполагать, что в магнитном поле отражено влияние производственного центра, обеспечивавшего строителей Кондуйского городка строительной керамикой (кирпич, плиты, черепица).

Внутренняя площадь производственного центра, по нашим оценкам, была немного меньше 6000 м², с учетом печей площадь составляла не менее 1.5 га.

Можно предположить, что вся площадь, использованная для производства черепицы и кирпича, пока не может быть оценена, поскольку за пределами участка картирования выделены небольшие курганчики, вплотную примыкающие к нему.

Впервые на основе неразрушающих методов получено представление о планировке средневекового производственного центра строительной керамики, расположенного на территории Забайкальского края России. Проведена предварительная оценка его размеров и внутреннего устройства. Получен материал, позволяющий установить источники минерального сырья, использованного для производства.

Невозможно не обратить внимание на строгую, выдержанную и геометрически выверенную планировку производственного центра. Это явно указывает на связь с организацией внутреннего пространства застройки северной части Кондуйского городка.

Усадьба Алестуй

Геомагнитные исследования средневековой усадьбы Алестуй определялись задачей реконструкции центральной постройки усадьбы на основе совокупности археологических результатов и данных, полученных с использованием неразрушающих методов картирования. Особенностью такого подхода при исследовании усадьбы Алестуй является изменение традиционной схемы междисциплинарных исследований: предварительная геофизическая съёмка, затем раскопки выделенных участков. Реализован принципиально новый подход: методика постраскопочных геомагнитных исследований, дополняющих результаты раскопок, позволяющая сохранить объект изучения, значительно сократив трудозатраты и финансирование работ. Такие исследования удалось выполнить благодаря грамотной и аккуратно выполненной рекультивации участка раскопа.

На основе геомагнитных исследований, дополняющих результаты раскопок, выполнена оценка размеров центрального здания. Ширина постройки составляла 16 м, а длина (по результатам раскопок) – 24 м. С юго-восточной стороны к зданию по всей ширине примыкал пандус или терраса с черепичной крышей размерами 16 x 8 м. Внешние стены здания были сложены из сырцового кирпича. В юго-восточной части постройки не выявлены очаги и печи.

С северной стороны вплотную к северо-западному замыканию раскопа примыкает положительная линейная магнитная аномалия, простираение которой соответствует продолжению юго-западной стены центрального здания в северо-западном направлении. На юго-востоке простираение магнитной аномалии северо-восточное – здесь линейные участки аномалии образуют прямой угол. Интенсивность и морфология аномалии позволяют предполагать, что она отражает влияние кирпичной кладки. С учетом

микрорельефа участка можно сделать предположение о том, что это остатки стен постройки, вплотную примыкавшей к северной стене центрального здания усадьбы.

Примененная методика обработки результатов измерений позволила выделить низкоамплитудные магнитные аномалии. Морфология, интенсивность и взаимное расположение магнитных аномалий в пределах участка исследований позволяют сделать вывод о наличии упорядоченной и строго выдержанной планировки средневековой усадьбы. Наибольшая плотность застройки отмечена в центральной части, вплотную примыкающей к главному зданию.

Несмотря на то что центральное здание усадьбы Алестуй подверглось значительным разрушениям, наличие в культурном слое большого количества сильномагнитной черепицы и кирпича, сопоставление с результатами предшествующих раскопок позволили уверенно выделить на основании результатов детальных геомагнитных исследований и результатов раскопок границы стен здания, особенности его планировки, характер застройки центральной части усадьбы.

Таким образом, на основе геолого-геомагнитных исследований культурного слоя средневековых археологических памятников Забайкалья достигнуты значительные успехи, которые, вероятно, внесут свой вклад в решение фундаментальной задачи археологических исследований – исторической реконструкции прошлого.

ЛИТЕРАТУРА

Артемьев, А.Р. 2005. Новые исследования древнемонгольских городов Восточного Забайкалья. *Вестник ДВО РАН*. № 2: 3–18.

Журбин, И.В. 2005. Методика и технология геофизических исследований при сохранении и музеефикации памятников археологии. *Круг идей: алгоритмы и технологии исторической информатики*. Под ред. Л.И. Бородкина, В.Н. Владимирова. М.; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та: 223–240.

Киселев, С.В. 1965 (ред.). Древнемонгольские города. М.: Наука.

Кузнецов, А.К., 1925. Развалины Кондуйского городка и его окрестности. Владивосток.

Смекалова, Т.Н., Мельников, А.В., Мыц, А.В., Беван, Б.В. 2000. Магнитометрическое изучение гончарных печей средневековой Таврики. СПб.: Изд-во СПбГУ.

Bessonova E.A.

INTEGRATED GEOLOGICAL GEOMAGNETIC STUDY OF MEDIEVAL ARCHAEOLOGICAL SITES IN TRANS-BAIKAL TERRITORY

The paper presents results of comprehensive geological-geomagnetic cultural layers' research of Khitan and Mongolian nomadic empire archaeological monuments, located in Zabaikalsky region of Russia.

Key words: geological-geomagnetic research, medieval settlement.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЕРХНЕГО СТРОИТЕЛЬНОГО ГОРИЗОНТА НА ТЕРРИТОРИИ БУДДИЙСКОГО ХРАМОВОГО КОМПЛЕКСА КРАСКИНСКОГО ГОРОДИЩА

В.И. Болдин

*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
ИИАЭ ДВО РАН, Владивосток*

В статье излагаются результаты раскопок верхнего строительного горизонта Краскинского городища в пределах буддийского храмового комплекса. Исследования позволили выявить практически все сооружения в пределах храма. Они представляют головной храм, павильон, колодец, хозяйственный двор и гончарную мастерскую. Головной храм был сооружен на земляной платформе. На полу храма и за пределами найдено множество артефактов, связанных с его убранством. От павильона сохранился каменный фундамент, вокруг которого собрано много разнообразной черепицы и терракотовых украшений крыши. Колодец сложен из камней, черепицы и дерева. В колодце собрано множество сосудов и черепицы. Хозяйственный двор, занимавший северо-восточный участок, представлен ступами, хозяйственными ямами и вкопанными в землю объемными корчагами. В мастерской обжигали черепицу и, очевидно, терракотовые украшения крыши храма и посуду. Рассматривается конструкция одной из наиболее сохранившихся печей. Территорию храмовых построек отгораживала стена, фундамент которой сложен из камней. Следы явных разрушений, очевидно, связаны с насильственной ликвидацией киданями вассального государства Дундань.

Ключевые слова: государство Бохай, буддизм, храмовый комплекс, Краскинское городище.

Материалы, собранные при раскопках территории храмового комплекса, выявили три строительных горизонта. Они различаются по времени существования здесь культового центра городища. В нижнем горизонте отмечены остатки храма и каменной ограды, в среднем – черепичная камера и следы строения на каменных базах. Очевидно, в это время уже функционировали храм, гончарная мастерская и колодец. Наиболее сохранившимся является верхний, поздний горизонт. Он позволяет на основе археологических данных и некоторых письменных материалов показать устройство комплекса и время его существования.

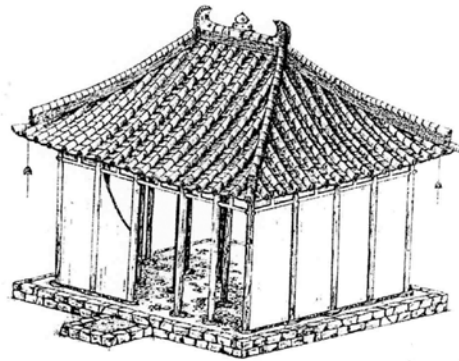
Храмовый комплекс располагался в северо-западной части городища (рис. 1, 2). Здесь вскрыты руины храма, павильона, колодец, гончарная мастерская по обжигу черепицы, хозяйственный двор и часть каменной ограды храмового комплекса.

Храм располагался в центральной части комплекса (рис. 1, 2). Он возвышался на прямоугольной земляной искусственной платформе. Длина её 11,8 м, ширина 10,4 м (Болдин, 1987: 189). Платформа и храм ориентированы по сторонам света. Платформа со всех сторон укреплена стенкой, сложенной в два ряда из плит желтого песчаника.

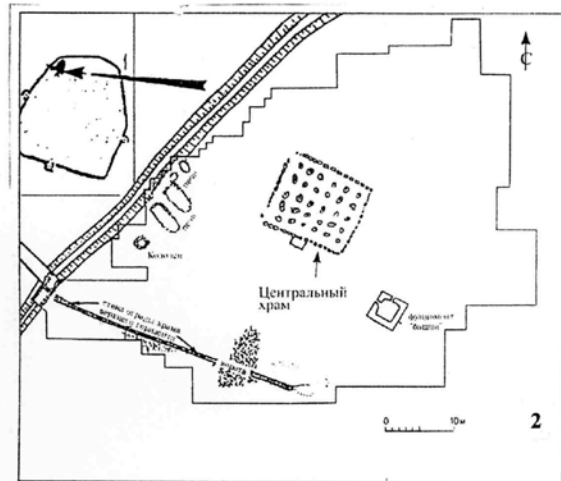
На платформе залегали очень крупные камни, служившие базами для колонн храма. С северо-запада на юго-восток на платформе помещалось 5 рядов баз, создающих 5 равных сквозных проемов, а с северо-востока на юго-запад – по 5 баз колонн по 6 в каждом ряду. В общей сложности на платформе располагалось 30 баз (рис. 1, 3). Расстояние между базами и ширина проёмов северо-запада на юго-восток составляло 50–130 см, а северо-востока на юго-запад 60–140 см.

Фасадом храм развернут на юго-юго-запад. Вход приходился на центральный проём между базами юго-юго-западной стороны храма. Он был оформлен каменной ступенькой, вплотную примыкавшей к стенке платформы (рис. 1, 3).

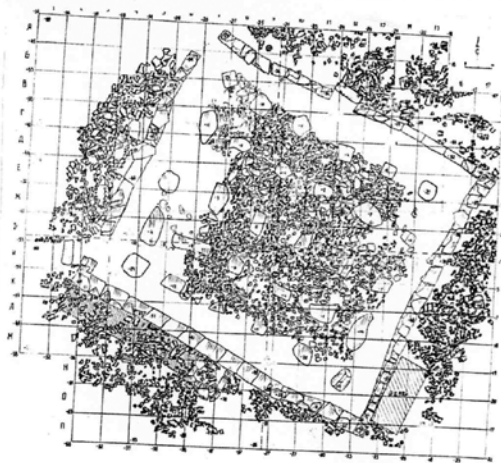
Пол храма покрыт галькой, которая занимала всё пространство между колоннами. Центральная часть площадью 1,5 м² возвышалась на 10–30 см. Возможно, здесь размещался алтарь, на котором устанавливались статуэтки Будд, именно здесь обнаружена позолоченная бронзовая статуэтка Будды. Крышу храма поддерживали 30 деревянных колонн. Она была покрыта тяжелой серой черепицей. Всё здание храма занимало площадь 7,4 x 8,2 м.

1

2

3

4

Рис. 1. 1 – реконструкция храма, 2 – план храмового комплекса, 3 – план руин храма, 4 – план фундамента павильона

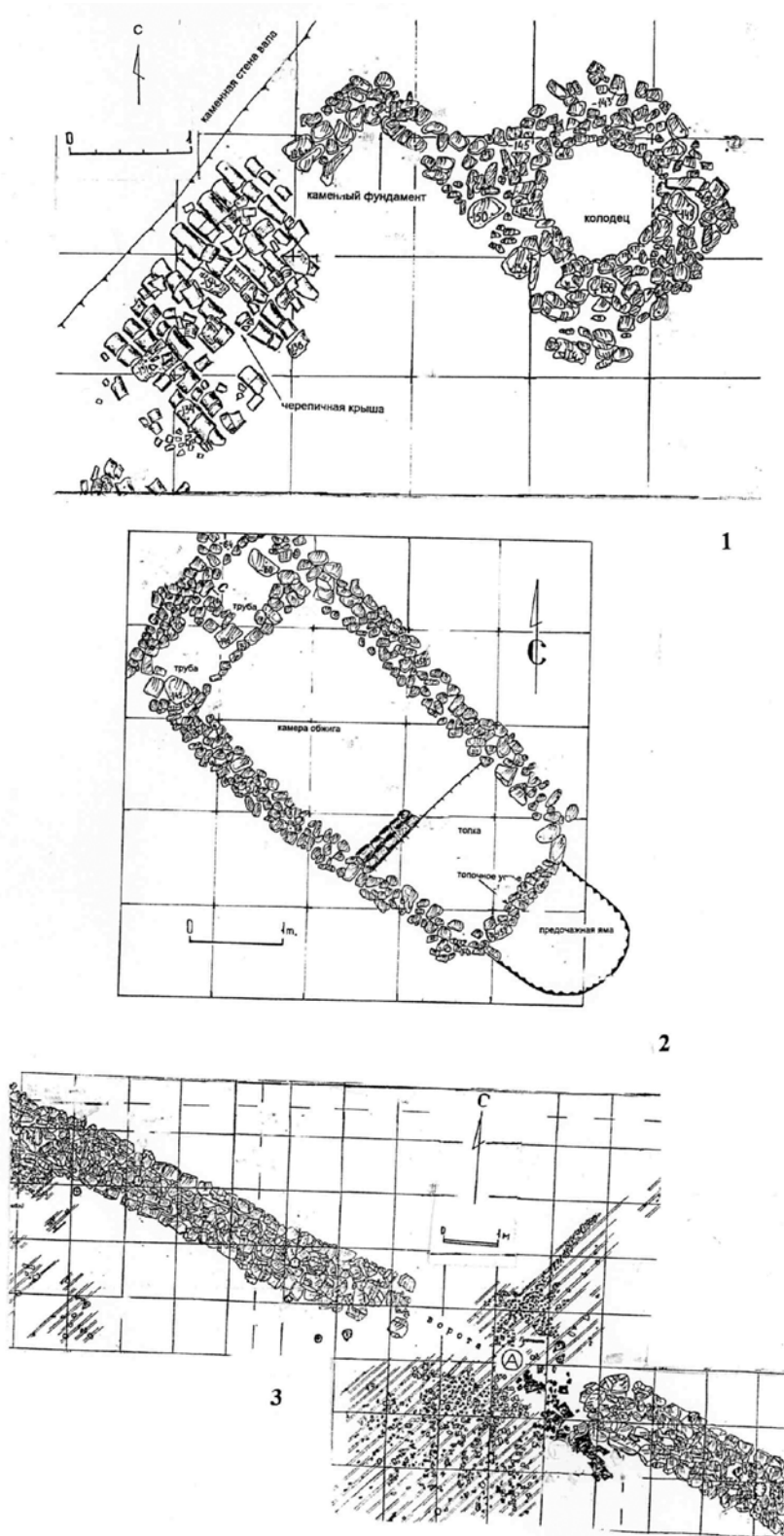

Рис. 2. 1 – план колодца, 2 – печь по обжигу черепицы, 3 – часть каменного фундамента ограды храма с воротами

массу составляли большие по размерам стандартные черепицы. Длина их 20 см, ширина 29, толщина 1,5 см. Верхний край был заужен.

Верхние черепицы можно разделить на три вида. Фронтальные, простые и с жемчужным краем черепицы. К нижним концам крепились дисковидные налеты, украшенные с помощью штампа узором в виде розетки со стилизованным изображением цветка лотоса (рис. 3, 2). Орнаментальная композиция диска

Судя по расположению черепицы крыша храма была четырёхскатной (рис. 1, 1), а поскольку черепицы находились за платформой, можно заключить, что карниз крыши был значителен по ширине и край его приходился на границу платформы. Конек крыши украшали два терракотовых выступа – чивэй (рис. 3, 3). Обломки собраны перед входом на платформу. Центр конька крыши занимала терракотовая «луковичка» (рис. 3, 4).

Основная масса находок приходится на черепицы, использовавшиеся для покрытия крыши храма. В подавляющем большинстве черепицы серого цвета. На внутренней стороне черепиц отпечатки грубой ткани. Черепицы делятся на плоскую нижнюю и желобчатую верхнюю, угловую и козырьковую. Нижние черепицы представлены двумя видами, с орнаментом и без него. Орнаментом украшались лишь фронтальные черепицы, оформлявшие нижний край крыши. Орнамент представлен четырьмя видами, три из которых очень близки между собой. Орнаментировался срез фронтального конца черепицы. Он украшался двумя параллельными прочерченными линиями, между которыми заключалась цепочка оттиснутых колечек или полуколечек либо глубоких круглых вдавлений, а края среза украшали штрихообразные косые насечки (рис. 3, 1). Этот орнамент широко распространен на бохайских памятниках и встречается только на желобчатых черепицах (Шавкунов, 1968; Шавкунов, 1996). Четвёртый вид орнамента довольно простой – широкие косые пальчатые вдавления по краю фронтального среза (Шавкунов, 1996). По размерам желобчатую черепицу можно разделить на две группы. Основную

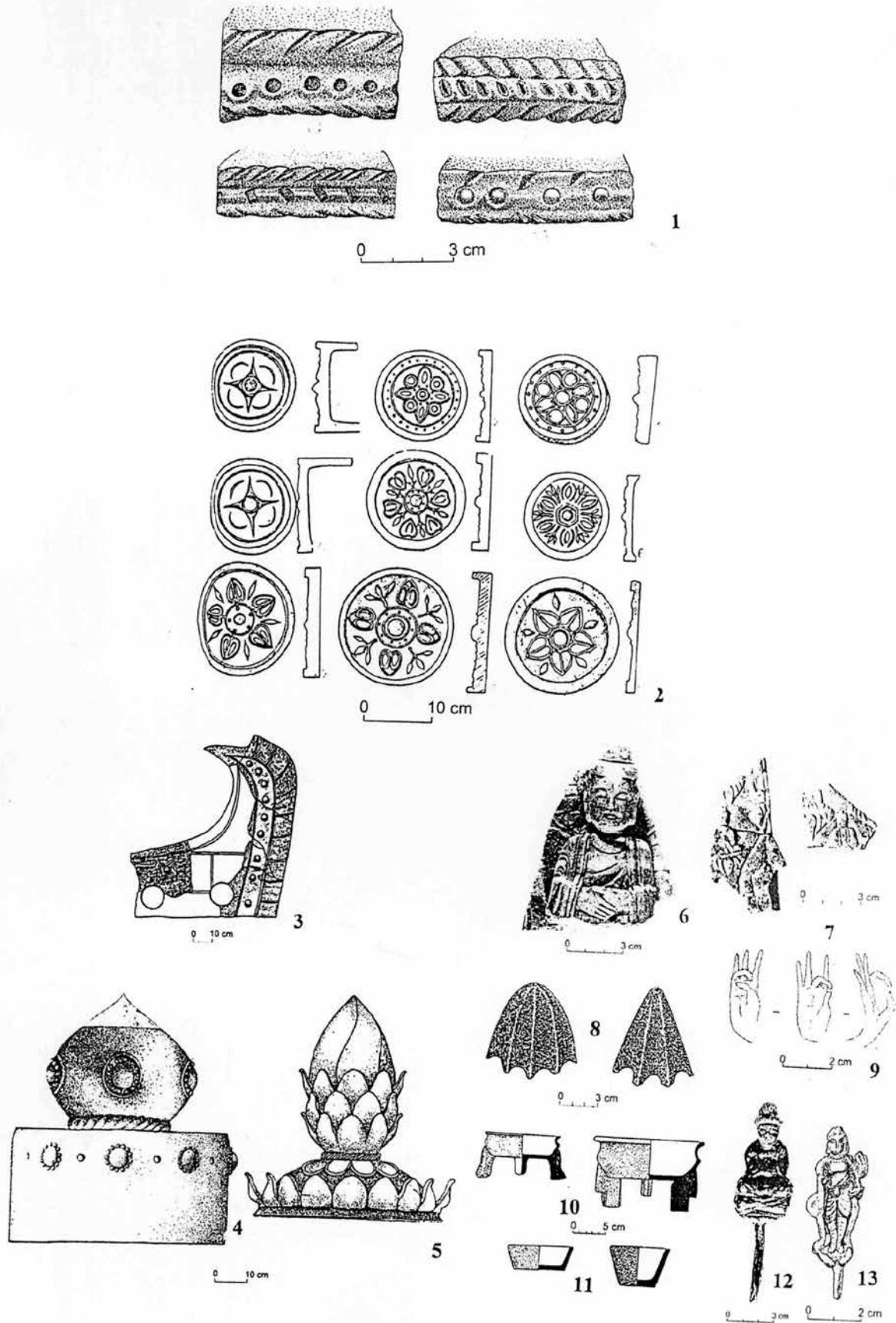

Рис. 3. 1 – образцы узоров на нижних фронтальных черепицах, 2 – виды концевых дисков верхних фронтальных черепиц, 3 – «чивэй», 4 – «луковичка», 5 – бутон лотоса, 6 – каменный Будда, 7 – каменные нимбы, 8 – чугунные колокольца, 9 – кисть Будды, 10 – глиняные треножники, 11 – чугунные ритуальные сосудики, 12 – бронзовый позолоченный Будда, 13 – бронзовая позолоченная фигурка Авалакитешвары

состояла из полусферы в центре диска, окруженной пятью жемчужинами, включенными в рельефный кружок, от которого лучами расходились в разные стороны пять рельефных лепестков, чередовавшихся с удлинённо-ромбическими выпуклинами. Орнамент окружен кольцевой рамкой, верхняя часть которой составляла единое целое с туловом черепицы. У таких черепиц в верхнем конце имелось круглое отверстие, с помощью которого она крепилась к деревянному настилу крыши. Длина их 27,5 см, ширина диска 15,4–16,2 см, ширина верхнего конца достигала 9,5, а нижнего – 1,1–1,6 см. Черепичные диски с изображением лотоса встречаются на культовых бохайских памятниках (Шавкунов, 1996, табл. II). Вторым, наиболее многочисленным, видом представлен черепицами без диска. Длина их 32,5–34,5 см, диаметр верхнего и нижнего концов колебался в пределах соответственно 9,3–9,8 см и 15,5–16,6 см. Толщина верхнего и нижнего краёв соответствовала толщине черепиц с диском. Если у названных черепиц край был заужен, то у третьего вида край был оформлен в виде уступчика, длина которого равнялась 6 см. По уступчику проходил желобок шириной 1,7 см. В центре его имелось отверстие для гвоздя. Ширина этих черепиц 17 см, толщина 2 см. Черепицы такого вида встречались редко и во фрагментарном состоянии. Местоположение их локализовалось в районе западного угла храма. На храме обнаружен обломок угловой черепицы с отверстием для гвоздя толщиной 1,8 см. Козырьковая черепица идентична собранной на Копытинском и Абрикосовском храмах (Шавкунов, 1994: 82–83).

Основные находки на храме и за его пределами являются предметами культового назначения. Это бронзовая с позолотой статуэтка Будды, найденная на полу храма. Длина её 6,5 см. Она изображает сидящего Будду (рис. 3, 12). В основании фигурки имеется стерженёк длиной 4,5 см, с помощью которого статуэтка крепилась к пьедесталу, который позже найден на городище (Болдин, 2002о). Другое изображение Будды собрано неподалёку от входа в храм. Это осколки горельефного изображения Будды и его фона. Судя по сохранившейся части, сидящий Будда изображен на фоне нимба и окружающих его божеств (рис. 3, 6, 7). Горельеф выточен из серо-желтого мелкозернистого песчаника.

Другая категория находок, несущая культово-декоративную нагрузку, представлена чугунными ветровыми колоколами. По форме они напоминают цветок колокольчика (рис. 3, 8). Литой шестигранный колокол высотой 14,5 см имел на трёх гранях отверстия в виде полумесяца, и сверху находилось отверстие. Два других восьмигранных колокола также имели отверстия сверху. Отверстия служили для крепления язычка и подвешивания колоколов к углам храма. Один из них имел высоту 12,3 см, диаметр 11,9 см, другой соответственно 13 и 11,5 см.

Наиболее многочисленная категория находок связана с ритуальной посудой, изготовленной из чугуна и глины. Собрано четыре чугунных чашечки. По размерам они почти одинаковы. Высота их 4,1–4,8 см, диаметр венчика – 8,9–9,2 см, диаметр дна – 5,6–6,1 см. Толщина стенок не превышает 0,6 см (рис. 3, 11).

Многообразна посуда из глины. Посуда чашевидной формы. Её можно разделить на два вида. К первому относятся небольшие по размерам чашечки с прямым венчиком. Они полностью копируют чугунные. Собраны фрагменты восьми чашечек со следами копоти на внутренней стороне. Наиболее сохранившаяся чашечка имеет высоту 3,6 см, диаметр венчика 9,5 см, дна 7,5 см. Другие чашечки близки по размерам. Диаметр дна их 7 см, высота 4,5 и 4,7 см. Толщина стенок 0,8 см. Серия такого вида чашечек собрана на Копытинском храме (Шавкунов, 1968, табл. XVII, рис. 2).

Ко второму виду относятся чашечки на трёх ножках (рис. 3, 10). Найдены фрагменты шести чашек. Размеры удалось восстановить только у трёх. У всех чашек венчик отогнут наружу. Большая имела диаметр венчика 17,6 см, диаметр дна 10,8, высоту 5,7 см. Другая имела высоту 5,6 см, диаметр дна 9 см, диаметр венчика 13 см. Третья чашечка была самой миниатюрной. Высота её составляла лишь 3,5 см, диаметр дна 7,4 см и диаметр по венчику 11,4 см. Ножки на сосудах выполнены в форме звериных лапок. На внутренней поверхности некоторых чашечек наблюдаются следы копоти.

На храме собраны осколки глазурованной посуды, представленные фрагментами трёх крышек и четырёх сосудов. Полива многоцветная – зелёно-желто-коричневая «саньцай».

Другая категория находок – бронзовые позолоченные гвоздики с круглой полусферической шляпкой. Ими украшались ворота дворцов и храмов. На храме их найдено четыре. Другие изделия представлены тремя набедренными накладками, обломком заколки, хомутком, обломком пластинчатого браслета и подвеской, которая изображает крест, заключенный в овал.

Железные предметы представлены сферической и крестообразной накладками, 26 гвоздями длиной 11–14 см, двумя дверными пробоями, тремя лавролистными наконечниками стрел, рукоятью ножа и двумя бородками. Последние прямоугольные в сечении, длина одного 4,4 см, другого 9,3 см.

Изделия из чугуна. Обломок чугунной наковальни высотой 7,5 см. Часто встречались обломки чугунных котлов, горловины у которых имели ребристую поверхность. Собрано 29 фрагментов.

Павильон. Он располагался в 8 м на ю-в от фундамента храма (рис. 1, 2, 4). Руины памятника представлены каменным фундаментом с черепичным развалом крыши по его сторонам. Фундамент представлял собой квадрат размерами 4,4 x 4,4 м, углами ориентированный, как и храм. По его периметру располагалась кладка камней шириной 0,8 м. Камни лежали рядами. Хорошо прослеживаются внутренний и внешний ряды; в некоторых местах камни накладывались в два–три ряда. По углам фундамента уложены плоские камни, которые, очевидно, служили основаниями для опорных столбов, поддерживавших черепичную крышу (рис. 1, 4). Опорные столбы находились друг от друга на расстоянии 4 м. Пол павильона довольно ровный, его площадь 2,8 x 2,6 м. В с-в и с-з стенках фундамента имелись проёмы размером 0,4 м, похожие на вход.

Судя по развалам черепицы с юго-восточной и юго-западной стен, она залегала от фундамента на расстоянии 0,5–1 м. Очевидно, край крыши отходил от стен на такое же расстояние. Вокруг павильона собраны обломки верхних и нижних черепиц, а также фрагменты и целые концевые диски верхних черепиц.

Конек крыши павильона был украшен двумя терракотовыми чивэй, обломки которых собраны у стен, и терракотовым бутонотом лотоса (рис. 3, 5). Здесь же обнаружено терракотовое скульптурное изображение дракона. Он, очевидно, являлся украшением входа.

Другие находки представлены изделиями из железа: гвоздями, пробоем, наконечником стрелы, прямоугольной поясной накладкой и шипом. Собраны обломки чугунных котлов и колокола. Предметы из глины: ритуальная чашечка с боковыми ленточными ручками, обломок сосуда с ленточными ручками, фрагмент сосуда с надписью, глазурованный трипод, ножка трипода, обломок кольца и два керамических пряслица.

Ограда храмового комплекса (рис. 2, 3). Она ограничивала территорию храмового комплекса с юго-запада и представляла собой каменную кладку шириной 1,3–1,4 м, высотой 0,5–0,7 м. Вскрыто 29,3 м ограды. Стена сложена кладкой камней в несколько рядов и ярусов. Нижний ярус, состоящий из пяти рядов камней, сложен из более крупных подобранных камней. Верхний ярус ограды состоял из трёх рядов камней, более мелких, чем в нижнем ярусе. Камни двух внешних рядов верхнего яруса уложены длинными осями поперёк направления ограды с наклоном к её центральной части. Образованная продольная впадина перекрывалась камнями центрального ряда так, что каждый верхний камень как бы запирали сверху несколько нижних. Свободное пространство между крупными камнями плотно забито мелкими обломками. Поверх кладки стена имела деревянный частокол. На это указывают ямки на поверхности кладки глубиной 21–29 и диаметром 9–12 см. В одной из ямок находились древесные угли. Ямки расположены приблизительно на одинаковом расстоянии друг от друга: от 3,7 до 3,9 м (Болдин, 1994а). Верхняя часть кладки разрушена, о чем свидетельствует множество камней вокруг стены. Среди камней собрано множество обломков кровельной черепицы, концевых дисков и обломков чивэй. Очевидно, черепицы свидетельствуют о наличии черепичного навеса над деревянной стеной ограды. Раскопаны и остатки ворот в ограде храма. Ширина их 3,9 м. Вход и внешняя часть со стороны стены вымощены битой черепицей и керамикой: на отдельных участках в два–три слоя. Ворота располагались напротив входа в храм (рис. 1, 2). Расстояние от входа в храм до ворот 20 м. Ограда смыкалась с крепостным валом городища, который служил северо-западной границей территории храмового комплекса. На стыке ограды и крепостного вала имелся проём шириной 1,6 м, очевидно, калитка – дополнительный вход на территорию храма. Вдоль ограды и перед калиткой поверхность вымощена камнями. На протяжении 4,5 м вдоль ограды от крепостного вала слой насыщен горелой обмазкой, возможно, эта часть ограды была облицована глиной. В районе калитки наблюдалось много обломков кровельной черепицы, очевидно, от её навеса.

Практически все находки собраны в районе ворот, калитки и во внутренней части храмового комплекса. Они представлены изделиями из позолоченной бронзы: статуэтка бодхисатвы Гуаньинь (рис. 3, 13), кисть Майтрейи, перстень и две полусферических обкладки ворот. Изделия из чугуна: три обломка колокольцев, фрагменты колесной втулки и котлов. Железные предметы: семь наконечников стрел, скоба, прямоугольная поясная накладка, оконечник ремня, пробой, циркульный резец, шип, шайба и несколько гвоздей. Терракотовые изделия представлены обломками чивэй, фрагментом горельефа, «языком» и «рогом» дракона. Найдены фрагмент ритуального сосуда, обломок глазурованного сосуда и стеклянная бусина. Черепица представлена в многообразии: верхние и нижние фронтальные черепицы, подгребневая

и угловая черепицы и обломки фронтальных дисков с разнообразными узорами. Собрано много игральных фишек изготовленных из стенок сосудов и черепицы.

Гончарная мастерская по обжигу черепицы располагалась к западу от храма (рис. 1, 2). Раскопано семь печей, которые неоднократно подвергались перестройке (Болдин, Гельман, Ивлиев, Никитин, 2001: 77–79). Наиболее сохранившаяся печь представляла прямоугольный котлован, откопанный в грунте. Продольной осью она ориентирована с северо-запада на юго-восток с отклонением на север (рис. 2, 2). Продольные стенки печи в нижней части крепились черепицами, а их верхние участки обожжены, образовав корочку спекшегося песка. Поверх черепицы и спекшегося песка стены были покрыты обмазкой. Поперечные стены сложены из крупных камней, покрытых обмазкой. Внутри печи лежали обломки глиняного свода. Печь состояла из четырех секций: топки, камеры обжига, трубы и предтопочной ямы.

Предтопочная яма примыкала к топке с юго-востока. Её диаметр 1,4, глубина 0,3 м. Яма была засыпана продуктами сгоревшего топлива (древесным и каменным углем, сажой), кусками прокаленной обмазки, керамическим и черепичным браком.

Топка располагалась в юго-восточной части печи и представляла собой камеру объемом 0,66 x 1 x 1,6 м. Над полом залегал слой угля и саж. Устье топки, глубиной 36 и шириной 85 см, занимало центральную часть северо-западной стены печи.

Камера обжига занимала северо-западную часть печи. Её высота 0,65, длина 2,2, ширина 1,5 м. Дно было покрыто плотно утрамбованным слоем мелкобитой черепицы. Эта вымостка могла служить изолятором, поддерживавшим температуру в камере. Для этой же цели свод покрывали слоем песка, который от высокой температуры спекся с глиняным сводом. Камеру обжига и топку разделяла глиняная стена. Под сводом в ней имелось прямоугольное отверстие размером 0,3 x 0,5 м, служившее жаровым продухом. В камере обжига собрано большое количество битых, бракованных черепиц серого цвета с отпечатками грубой ткани типа мешковины на внутренней поверхности. Нижняя и верхняя черепицы из печи идентичны черепицам кровли крыши храма.

Труба сложена из камня, её дно покрывала обмазка. Размеры трубы 0,35 x 0,5, высота 0,9 м. Труба смыкалась с северо-западной стенкой печи в её центре через прямоугольное отверстие размером 38 x 52 см.

В целом печь представляла собой хорошо сохранившийся производственный объект длиной 3,9, шириной 1,4–1,6 м. Материковый уровень котлована печи имел уклон на северо-запад, и перепад между крайними точками достигал 0,55 м. Такой уровень дна увеличивал тягу в печи. Печь использовалась неоднократно. Это касается перестройки трубы и сокращения объема печи. Возможно, в печи обжигали не только черепицу, но и глиняную посуду, поскольку в предтопочной яме собрано много керамики. Следует отметить, что все печи в мастерской перестраивались неоднократно.

Колодец располагался к западу от храма на расстоянии 15 м, у крепостной стены (рис. 1, 2). Колодец сложен из камней и дерева, глубина 3 м. Рядом лежала черепичная крыша, покрытая прокаленной обмазкой (рис. 2, 1). Прокалена была и внутренняя сторона крепостного вала, обмазанная глиной. Следы пожара прослеживаются вокруг колодца и на глиняной обмазке крепостной стены. Нижняя часть колодца заполнена большим количеством целой и битой черепицы и фрагментами керамики от 20 горшков. Некоторые фрагменты сосудов и черепицы имели следы воздействия огня. Два сосуда представляют большой интерес для датировки верхнего строительного горизонта. Это ваза с характерным для киданей орнаментом (рис. 4, 2) и фляга (рис. 4, 3), сочетающая силланские черты (Болдин, Гельман, Ивлиев, Никитин, 2001: 81).

К северо-востоку от храма располагалась обширная хозяйственная территория, на которой размещались хозяйственные ямы и пять объёмных сосудов (рис. 4, 1), вкопанных по венчик в землю, и сильно разрушенное жилище с каном. В заполнении одной из ям обнаружен многогранный чугунный колокол от храма, в другой – бронзовая позолоченная кисть Майтрейи. Все пять сосудов были преднамеренно разбиты камнями, в них помимо камней находились битая посуда, обломки черепиц и также бронзовые позолоченные полусферические гвоздики, украшавшие ворота храма, железные гвозди и обломки других изделий.

С полным основанием можно утверждать, что возвышенную северо-западную часть городища занимал буддийский храмовый комплекс с целым рядом ритуальных и хозяйственных построек. Артефакты из храмовых сооружений – печи, колодец и постройки хозяйственного двора – свидетельствуют о времени существования комплекса и позволяют отнести его к первой половине X века, возможно, раньше. Какое-то время после завоевания в 926 году киданями Бохая город существовал и во вновь созданном вассальном киданям государстве Дундань. Об этом свидетельствуют артефакты с Восточной столицы

Бохая (Ивлиев, 2015: 223). Краскинское городище входило в административное деление Восточной столицы и осуществляло функции порта для связи с Японией. Финальный этап жизни города, очевидно, связан с уничтожением киданями государства Дундань, о чем свидетельствуют явный погром и пожары на территории храмового комплекса: разрушенные храмовые постройки, производственный и хозяйственный двор. Очевидно, к верхнему горизонту относятся перестройка вала, появление башен на крепостном валу и, возможно, устройство захабов у ворот. Среди всех раскопанных в Приморье бохайских буддийских храмов краскинский выделяется обширной территорией, на которой сосредоточены культовые сооружения храма и павильон, а также производственные и хозяйственные объекты. Краскинское городище является наиболее изученным и представляет единую культуру за всё время её существования.

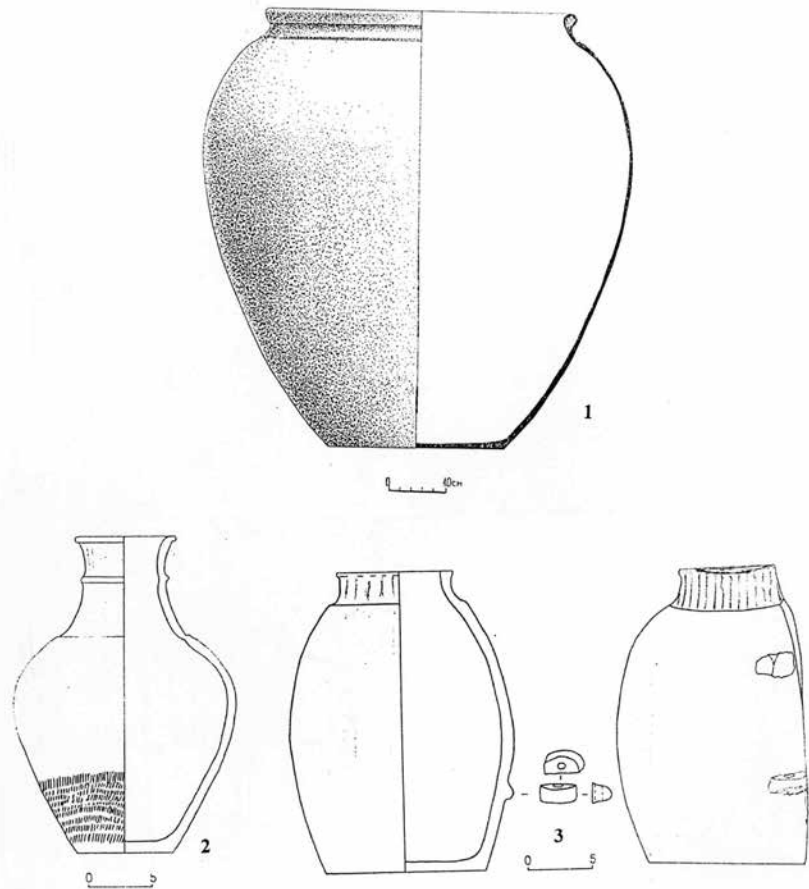

Рис. 4. 1 – корчага из хозяйственного двора, 2–3 – сосуды из колодца

ЛИТЕРАТУРА

- Болдин, В.И., Гельман, Е.И., Ивлиев, А.Л., Никитин, Ю.Г. 2001. «Интеграция» на Краскинском городище: 4 года исследований. *Вестн. ДВО РАН*. № 3: 74–90.
- Шавкунов, Э.В. 1994 (ред). Государство Бохай (698–926 гг.) и племена Дальнего Востока России. М: Наука.
- Болдин, В.И. 1987. Раскопки буддийского храма на Краскинском городище. *Исследования памятников древних культур Сибири и Дальнего Востока (сб. науч. тр.)*. Новосибирск: 189–190.
- Болдин, В.И. 1994а. Результаты полевых исследований на Краскинском городище в Приморье в 1994 году. (Архив ИА РАН. Р. 1. № 18020).
- Болдин, В.И. 2002а. Результаты полевых исследований на Краскинском городище в Приморье в 2002 году. (Архив ИА РАН. Р. 1. № 531).
- Ивлиев, А.Л. 2015. Государство Дундань и археологические памятники на территории Приморья. *Археологические юбилеи*. Владивосток: 220–229.
- Медведев, И.Е. 1998. Бохайская кумирня в Приморье. Сеул. (на корейском и русском яз.).
- Шавкунов, Э.В. 1968. Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье. Л: Наука.
- Шавкунов, Э.В. 1996. Декор бохайской кровельной черепицы и его классификация. *Археология Северной Пасифики*. Владивосток: 127–144.

V.I. Boldin

RESULTS OF INVESTIGATION OF THE UPPER BUILDING LEVEL ON THE BUDDHIST TEMPLE COMPLEX OF THE KRASKINSKOE ANCIENT WALLED TOWN.

The article describes the results of the excavation of the upper construction horizon of the Kraskinskoe ancient walled town within the Buddhist temple complex. Studies have revealed almost all the structures within the temple. They represent a head temple, a pavilion, a well, a farmyard and a pottery workshop. The territory of the temple buildings was fenced off by a wall. Its foundation is made of stones. Traces of destruction are probably connected with the violent liquidation by the Khitan of the vassal state of Dundan.

Key words: the state of Bohai, Buddhism, the temple complex, the Kraskinskoe ancient walled town.

МИГРАЦИОННЫЕ АРЕАЛЫ КОЧЕВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ ЕВРАЗИИ

С.Г. Боталов

Южно-Уральский филиал Института истории и археологии УрО РАН, Челябинск

При изучении историко-культурных процессов, происходивших в недрах вечно подвижного и динамичного сообщества кочевников поздней древности и Средневековья автором не раз отмечался тот факт, что многие нашествия и переселения, осуществляемые кочевыми империями, происходили в рамках некоторого строго регламентируемого пространства. В пределах этих территорий, как правило, происходят как поступательное движение самой миграции в начальный, наиболее мощный период переселения, так и последующие волны притока новых переселенцев на завоеванный плацдарм и, наконец, некоторое возвратное движение либо репатриантов, либо эпизодических визитеров на свои ранние родовые земли. Данные пространства предлагается назвать *миграционными ареалами*. Миграция предусматривает некую исходную начальную точку движения, возможно, промежуточные остановки и конечный пункт переселения. Это хорошо иллюстрируется на примере легендарного переселения мадьяр с территории Великой прародины (Magna Hungaria) в Леведию – Ателькузу и, наконец, в Карпатскую котловину. Миграционный ареал в этом случае простирается от урало-казахстанских степей, далее через Среднее Поволжье в Поднепровье до Большого Альфельда.

На примере этих данных в статье рассмотрен процесс возникновения и жизнедеятельности данного ареала с VI по нач. XIII в.

Ключевые слова: миграционный ареал, кочевая цивилизация Евразии, мадьяры.

Реконструируя последствия историко-культурных процессов, происходивших в недрах вечно подвижного и динамичного сообщества кочевников поздней древности и Средневековья, мною не раз отмечался тот факт, что многие нашествия и переселения, осуществляемые кочевыми империями, происходили в рамках некоторого строго регламентируемого пространства. В пределах этих территорий, как правило, происходят как поступательное движение самой миграции в начальный, наиболее мощный период переселения, так и последующие волны притока новых переселенцев на завоеванный плацдарм и, наконец, некоторое возвратное движение либо репатриантов, либо эпизодических визитеров на свои ранние родовые земли.

Данные пространства предлагается назвать *миграционными ареалами*.

Если мы имеем в виду некую пространственную категорию, то очевидно, что миграция предусматривает исходную начальную точку движения, возможно, промежуточные остановки и конечный пункт переселения. Это хорошо иллюстрируется на примере легендарного переселения мадьяр с территории Великой прародины (Magna Hungaria) в Леведию – Ателькузу и, наконец, в Карпатскую котловину. Миграционный ареал в этом случае простирается от урало-казахстанских степей, далее через Среднее Поволжье в Поднепровье до Большого Альфельда. Как некоторая общая схема она долгое время не вызывала сомнений у исследователей данной тематики. Более того, со временем этот мифологизированный сюжет стал обрастать исторической плотью по мере накопления археологических материалов: открытия поволжских комплексов с яркими венгерскими параллелями (Большетиганский, Танкеевский могильники), исследования комплексов суботцевского горизонта на Среднем Днепре, обнаружение ярких параллелей в Балановском могильнике (Пермское Прикамье) и в Южном Зауралье среди материалов Уелгинского некрополя.

Таким образом, мадьярский миграционный ареал постепенно стал обретать свою археологизированную пространственно-временную реальность. Однако здесь необходимо сделать определенную весьма важную оговорку. Попытки реконструкций процессов перемещений и переселений больших групп кочевых социумов зачастую превращаются в создание неких единоразовых, как правило, однонаправленных схем (миграций), которые при детальном разборе отдельных узловых моментов оказываются несостоятельными.

На это, в частности, указывал Алексей Комар в одной из своих работ, посвященной этапам миграций древних мадьяр. Автор вводит такое понятие, как «культурная утрата», чтобы объяснить парадоксальную трансформацию культуры средневековых венгров на пути из «Magna Hungaria» на Новую Родину. «Так, яркая культура угров Зауралья во все исторические периоды демонстрировала богатый набор амулетов и характерной «мифологической» металлопластики, особенно в комплексе женского убора, по каким-то причинам не перенесенного к западу от Урала. Предположив, что на второй стадии происходит заимствование прикамско-приуральского комплекса амулетов и украшений, мы сталкиваемся с его полной утратой при переселении к западу от Волги, где также полностью исчезает и традиция лепной посуды. Третья «культурная утрата» возникает в концепции «салтовской Леведии», так как ни салтов-

ские украшения, ни посуда, ни комплекс снаряжения всадника не переносятся в Карпатскую котловину» (Комар, 2016).

В связи с тем, что данные парадоксы фактически не объясняются в рамках непрерывного генетического развития культуры мадьяр, Чанадом Балинтом предложена модель, при которой культурный комплекс изменяется полностью в процессе переселения народов, таким образом, археология не имеет права определять вопросы этнокультурогенеза (Balint, 2006: 310–311).

На первый взгляд, сложившаяся ситуация в определенной мере демонстрирует явную познавательную несостоятельность археологических источников, с другой, по всей видимости, указывает на то, что традиционная трактовка историко-культурных процессов, происходивших в пределах сложившихся миграционных ареалов, не столь прямолинейна.

Что имеется в виду в конкретном случае в идентификации миграционного ареала древнемадьярской истории?

По всей видимости, установление и функционирование того или иного миграционного ареала – процесс отнюдь не единоразовый. Он имеет свою определенную продолжительность, которая зависит как от степени вызревания и дальнейшего развития, определения социокультурного единства (этнуса), так и от внешнеполитической конъюнктуры.

Безусловно, что проявления процессов становления, этапов развития и затухания функционирования миграционных ареалов зачастую проходят либо незамеченными в исторической фабуле макрорегионов, либо крайне дисперсными, трудно связываемыми между собой в рамках единой логики событиями. В поле зрения могут попадать лишь какие-то либо кульминационные события, кардинально изменяющие или затрагивающие судьбы, сложившиеся социумы, попадающие в орбиту этих миграционных ареалов.

Так, в случае с древнемадьярским культурогенезом остается дискуссионным вопрос о начальной стадии формирования венгерского миграционного ареала, как, впрочем, и окончания его существования. В арсенале евразийской истории отчетливо существует некий этап наиболее активных социокультурных трансформаций, происходивших в недрах этого ареала в рамках IX века, которые получили свое отражение на страницах нарративных анналов: Константина Багрянородного (венгерские хроники (*Gesta Hungarorum*) и Повести временных лет (822–826 гг. – участие мадьяр в хазарской междоусобице, 939 – появление мадьяр на Днепре, 860 – участие мадьяр в Крымском походе, 895 – разгром Великой Моравии и переселение в Панонию; 884 г. – с общего согласия семи вождей венгры покинули *Magna Hungaria*; 898 г. – «Шли угры мимо Киева...») (Артамонов, 1962: 336–352; Эрдели, 1967: 174–175).

Очевидно, что и в этом калейдоскопе дат содержатся явные нестыковки и противоречия. Как известно, эти обстоятельства легли в основу давней, фактически непрекращающейся дискуссии по проблеме мадьярского переселения.

С нашей точки зрения, эти, как, впрочем, и многие другие парадоксы, возникающие при рассмотрении тех или иных проблем реконструкции миграционных процессов, в большей степени зависят от правильной интерпретации природы и характера движения, возникающего внутри миграционных ареалов. Как уже сказано выше, особенно в недрах кочевых сообществ это движение имеет либо хаотический, либо разнонаправленный характер. В образном ряду оно напоминает динамику «прибойного движения», при наличии неких фаз приливных нарастаний и отливных оттоков. Следовательно, чтобы установить даты или простроить саму систему миграционного ареала, необходимо установить начальную точку (исходный исторический момент), его становление, динамику территориального расширения и заключительный этап его затухания. В этой связи мадьярская проблематика сегодня нам представляется более чем хорошо иллюстративной для реконструкции основных этапов существования мадьярского миграционного ареала.

Обращаясь к проблеме возникновения и дальнейшего функционирования мадьярского миграционного ареала, мы неизбежно сталкиваемся с вопросами определения его пространственно-временных критериев. Собственно, это те краеугольные вопросы мадьярской проблемы, которые с переменным успехом решаются вот уже более полтора столетия.

Попробуем предложить современную историко-археологическую реконструкцию процессов мадьярского культурогенеза, как она представляется мной и, надеюсь, многими моими уральскими коллегами сегодня.

Прямо с начала 70-х годов прошлого столетия бурные предшествующие исследования средневековых памятников Волго-Уралья позволили, в конечном счете, нашим отечественным и венгерским исследователям прийти к выводу о том, что территории правенгерского этно-культурогенеза, по всей видимости, располагаются в рамках данного макрорегиона, с возможным включением части лесостепных

районов Западной Сибири (Халикова, 1972: 145–160; Халикова, 1976; Мажитов, 1977: 228–232; Эрдели, 1972: 128–144; Fodor, 1977; Laszlo, 1978; Казаков, 1972: 161–167; Gening, 1978; Боталов, 2000: 359–365; Халиков, 1984). Наиболее соответствующими прамадьярским по погребальному обряду, металлическому инвентарю, по мнению большинства авторов, оказались памятники с керамикой кушнаренковско-караякуповского типа (Иванов, 1999). Данные типы керамики сложились в результате сложных трансформаций, происходивших в Тоболо-Исетском регионе на заключительном этапе позднесаргатского (прыговского) историко-культурного горизонта (ИКГ). В них участвовали, по меньшей мере, три культурных компонента: лесостепной – позднесаргатский, степной – гунно-сарматский и южно-таежный – карымский. Особенно ярко данные процессы получили свое отражение в материалах могильников Козловский и Устюг 1, где подчас в одних и тех же погребениях встречены сосуды, с одной стороны, позднесаргатского (круглодонные, шаровидной формы с заштрихованными треугольными фистонами, опущенными вершинами вниз), прыговского (с многорядным гребенчатым зигзагом по шейке и плечу), характерные для степных гунно-сарматских форм (плоскодонные кувшины с ручкой и кувшинообразные горшки), с другой – небольшие круглодонные горшки, банки с гребенчато-накольчатой и резной орнаментацией или без таковой, которые вполне соотносимы с караякуповскими прототипами, а также кувшинообразные круглодонные сосуды с зональной и многорядной резной и гребенчатой орнаментацией, которые соотносятся с протокушнаренковскими формами.

К сказанному можно добавить северную ориентировку умерших, наличие черепной деформации, что особым образом характеризует южный – степной компонент, и керамику с фигурно-штамповой орнаментацией (карымского, зеленогорского, сперановского типа), а также горшки бакальского типа с резной и гребенчатой орнаментацией в виде косой решетки, насечек и наколов (Матвеева, 2012 а, б), маркирующей присутствие южно-таежного западно-сибирского населения в этом сложившемся постсаргатском и раннебакальском сообществе.

Впоследствии, обособившись из этой синкретической среды Бакальского ИКГ как две, вероятно родственные (фратриальные), группы – носителей керамики кушнаренковских и караякуповских типов памятников, они вместе с бакальским зауральским населением начинают свое движения в двух основных направлениях: на *запад*, вдоль бассейнов рек Верхняя Уфа, Ай и Сим, после чего на поселенческих и в погребальных комплексах во второй половине VI века появляются материалы этого облика, и на *юг*, в степное Зауралье и степи Северного Казахстана.

Особый интерес представляет именно этот южный миграционный импульс. Он отмечен появлением характерной кушнаренковской посуды в так называемых памятниках селенташского типа, представленных курганами с «усами» или с грядами, или каменными оградами в Южном Зауралье (Кайнсай, Селенташ, Туркменево), а также кушнаренковско-караякуповской, бакальской и карымской керамики на поселениях и стоянках юга Урала (Тургалинская, Берсуат) и в Костанайских степях (Артасор I, Карасор 3, Целинное 1).

Учитывая яркую архитектурную планиграфическую особенность курганов с «усами», сегодня можно очертить грандиозную территорию, расположенную в пределах урало-казахстанских степей. Крайне южную позицию занимают комплексы в предгорьях Казахского Алатау. Северные памятники располагаются по южной кромке южно-уральской лесостепи, западные – в восточных предгорьях Мугоджар, а восточные и юго-восточные памятники располагаются в Поиртышье и Семиречье. Наибольшая их плотность наблюдается в Южном Зауралье, Восточном Тургае и Сарыарке.

Памятники селенташского типа нами давно соотносятся с комплексами постгуннского, гунно-болгарского круга, составляющего в период своего существования (V–VIII вв.) основу Западно-Тюркского каганата (объединение *он ок будун* (оногур), состоящее из союзов Дуло и Нушеби) (Боталов, Таиров, Любчанский, 2006: 170–173).

Вероятнее всего, на самом раннем этапе южной миграции часть раннемадьярского (кушнаренковско-караякуповского) населения была инкорнирована в гунно-болгарскую среду кочевого сообщества Западно-Тюркского каганата (в V–VI вв.).

Несколько позднее в степи Восточного и Центрального Казахстана пришло объединение сеянтюкыпчак (после поражения от тогуз-огузов в 647 г.) (Ахинжанов, 1995: 102–103), что подтверждается и археологическими данными (иконография каменной скульптуры и архитектура памятных оградок Сарыарки) (Ермоленко, 2004: 43–45).

Вероятно, с этого времени (вторая половина VII в.) данный миграционный ареал, который условно можно назвать как оногурский, раннеболгарский или протомадьярский, приходит в движение. Оно

максимально нарастает к середине VIII в. и, по мнению Айман Добымбаевой и Питера Голдена, связано с падением Восточно-Тюркского каганата и приходом в пределы Южного Казахстана карлуков (Досымбаева, 2006: 155; Golden, 1972: 51).

Это знаменуется окончательным исходом народа «десяти стрел» (*он ок будун*) из урало-казахстанских степей. На это указывает тот факт, что по данным радиоуглеродного анализа и типологии инвентаря наиболее поздние курганы с «усами» датируются концом VII в. (Грудочко, 2016: 216–218), а наиболее поздние селенташские комплексы (без «усов») доживают только до середины VIII в. (Боталов, 2013: 71).

Широтное движение населения в рамках этого ареала археологически угадывается по целому ряду фактов. Именно с VII в. на запад передается некий вектор культурных инноваций, который происходит в рамках от Волжского правобережья до Центральной Европы. Так, справедливости ради, стоит признать, что раннеболгарские комплексы к западу от Волги появляются не ранее второй трети VII века и в своей дисперсной массе встречаются в пределах VII–VIII вв. в Приазовье и Причерноморье, исторически маркируя Великую Болгарию (Рашев, 2004: 12–52).

Далее, к концу VII в. этот импульс достигает балканской Болгарии и, наконец, к самому концу среднеаварского периода (VII – начало VIII в.) – Карпатской котловины. В Западном Причерноморье появляются материалы, своеобразно маркирующие новый стиль. Это бляшки с полукруглым вырезом в верхней части, трапецевидные бляшки с кольцом в нижней части, орнаментированные рядами «эсвидных» элементов, в конце которых круг с завитком, растительными и фаунистическими сюжетами (так называемый стиль с «грифами и плетями»), серьги со стеклянными подвесками. Этот стиль получил название Врп-Ерсеке (Боталов, 2009: 491–492) и достаточно хорошо вычленяется в материалах среднеаварских могильников (Комаром, Питварош, Больи, Сентеш-Берхат, Полисмарог-Мария). В Венгрии эти материалы своеобразно маркируют некий горизонт, условно названный нами *комаромский*, по названию наиболее яркого некрополя, возникшего в северной части Большого Альфельда в конце VII в. В связи с тем, что материалы этого круга довольно точно маркируют раннесредневековые пояса дунайских болгар, есть основание комаромский горизонт связать с приходом нового населения на Дунай в 670–680 гг. Дополнительным аргументом в пользу этого предположения является информация об анализе дерева древков копий из Комарома. Они были сделаны из древесины шелковичного дерева (тутовника). Как известно, самыми западными регионами выращивания этого дерева к тому моменту могли быть Восточный Туркестан (Синьцзян) и Средняя Азия.

Этот факт, как и особенности погребального обряда (большой процент всаднических захоронений с конем) и вещевого комплекса Комаромского некрополя, вполне допускает мысль, что формирование данного горизонта происходит в результате разовой миграции кочевого населения с востока. Точно позиционировать пределы исхода данной миграционной волны трудно. Были ли это урало-казахстанские степи, из которых, вероятно в конце VII – начале VIII в., с приходом сюда сеянто-кыпчаков и карлуков Восточно-Тюркского каганата, уходят племена десяти стрел *он ок будун* (оногуры) и Нушеби, или пределы Восточного Туркестана, откуда, возможно, уходит часть населения карлукско-уйгурской коалиции в период бурных событий конца VII – начала VIII в.? Очевидно, что рассматриваемый нами миграционный ареал к концу VII в. функционировал в границах самого широкого региона от Центральной Азии до Среднего Дуная (Боталов, 2009: 491–492).

Попытка облечь вышеозначенные археологические трансформации в исторические реконструкции невольно наталкивает нас на участие в одной весьма бурной дискуссии, которая разгорелась в венгерской исторической науке в 60–90-е годы прошлого столетия. Речь идет о теории «двойного обретения родины», которая была выдвинута известным археологом и общественным деятелем Дьюло Ласло в связи с наличием в исторических источниках фактов переселения «белых угров» в Карпатскую котловину в период правления Ираклия в 610–641 гг. (согласно Повести временных лет (далее ПВЛ); или в 670–677 гг. согласно информации византийских источников («Хронограф» Феофана). Ее краткая суть сводится к тому, что лагерь историков и археологов разделился на тех исследователей, кто склонен видеть в «белых уграх» ПВЛ, которые по негласному согласию ассоциируются с историческими оногурами, наиболее ранних венгров – мадяров или протомадьяров, и тех, для кого собственно венграми являлись «черные угры», которые согласно все той же ПВЛ

*«В год 6406 (898) угры
Шли ... мимо Киева горою...»*

(Овчинникова, Габор 2008: 61–72).

Не намереваясь будировать эту дискуссию, выскажу лишь некоторые соображения, неизбежно возникающие при наложении доступных нам фактов на развитие макрорегиона, выбранного в качестве миграционного ареала. В данном случае представляется вполне очевидным, что на самом раннем этапе в рамках лесостепного ареала существовал некий прамадьярский (кушнаренковско-караякуповский) компонент в начале в общем бакальском историко-культурном горизонте, а затем последовательно расширился не только на запад в Камско-Бельский регион, но и, что очень важно, на юг, в северо-казахстанские степи, где и происходит активное взаимодействие с населением Западно-Тюркского каганата, получившим название «оногур» или «народ десяти стрел». Насколько это межкультурное микширование было интенсивным в течение двух столетий сосуществования (VI–VIII вв.), можно судить лишь на основании результата того сложнейшего нуклеарного этнического и лингвистического синкретизма, которым в избытке своим обладает венгерская культура, о чем мною уже говорилось ранее (Боталов, 2009: 501–507).

В связи с вышеуказанным возможно предположить, что если в составе союза оногуров определенную часть родов и племен составляло протомадьярское (кушнаренковско-караякуповское) население, участвующее в пределах урало-казахстанских степей в достаточно долгом раннемадьярском этнокультурогенезе, то возможно проследить единую генетическую связь этого мадьяро-оногурского и собственно мадьярского культурогенеза. Для этого перейдем к последующему этапу развития мадьярского миграционного ареала.

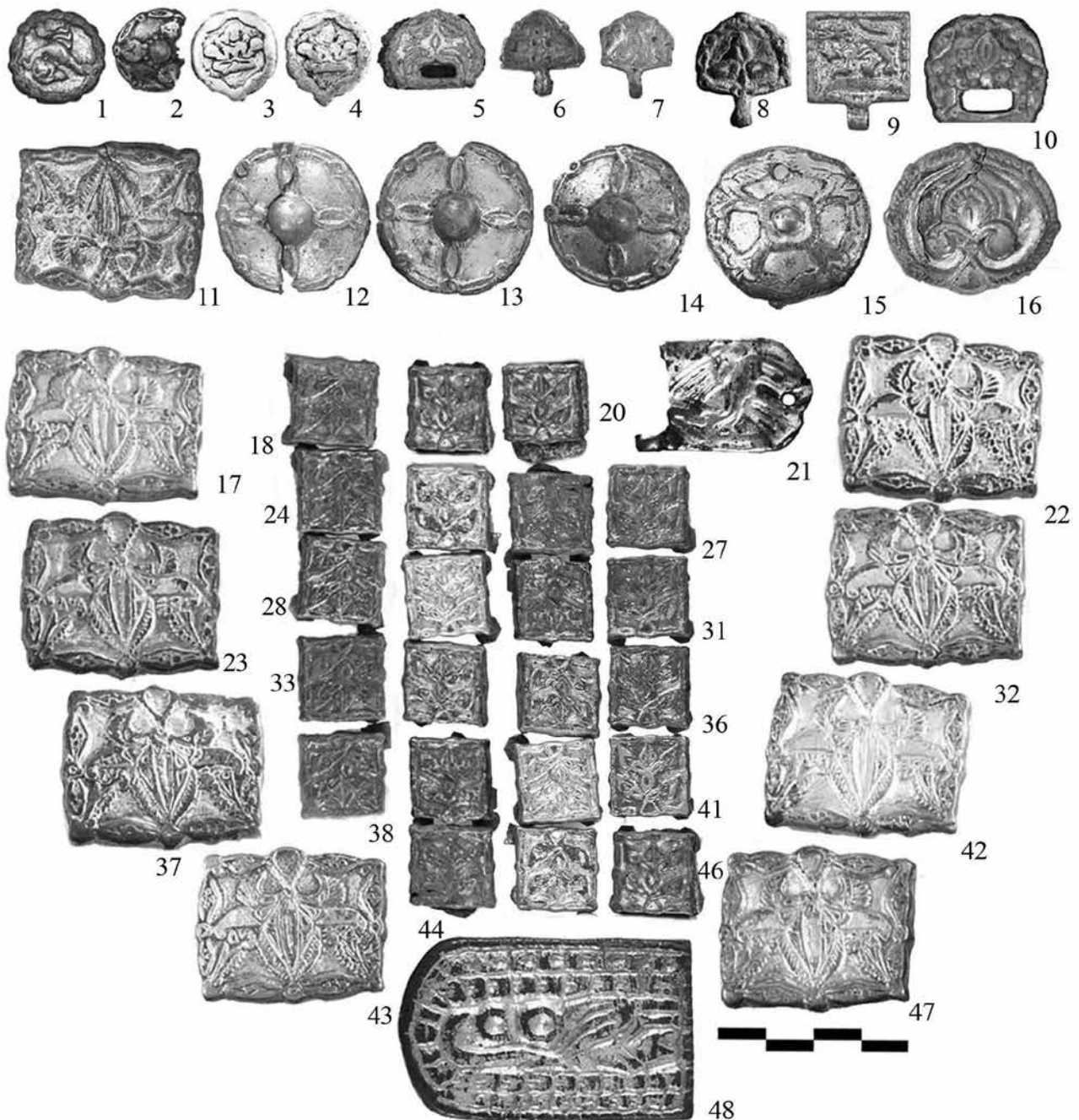
Распад Западно-Тюркского каганата и стремительное освоение кимако-кыпчакскими кочевниками Восточного и Центрального Казахстана, а союзом тогуз-тюргешей (карлуков) Южного Казахстана и Семиречья привели ко второй половине VIII в. к оттоку болгаро-мадьярского (думаю, на данный момент это вполне возможная формула их нерасчлененного состояния) населения оногуров не только на запад, о чем уже говорилось, но и в более северные районы Урала. Это приводит к интенсивному обживанию степным населением урало-казахстанских кочевников глубоких остепненных ниш Южного Урала: масогутовская и красноуфимская лесостепи (Каранаевский могильник), Убалинская горная степь (Хусаиновские курганы), горно-лесные остепненные долины рек Ай и Юрюзань (Лагеревские, Старо-Халиловские и Идельбаевские курганы), Баймакские остепненные предгорья (I, II Бекешевские, Муракаевские и Хусаиновские курганы), а также самый север зауральской лесостепи (Байрамгулово, Синеглазово, Граултры и Уелги). Основной характерной особенностью в культурной преемственности этого населения остается керамический комплекс, который в массе своей имеет кушнаренковско-караякуповский типологический ряд, продолжающийся с конца VIII до X в. При этом на самом позднем этапе в некоторых из этих памятников (Каранаево, Синеглазово, Уелги) появляются вещевые комплексы, позволяющие проводить прямые параллели с материалами Карпатской котловины (рис. 1). Этот факт, как, впрочем, и существование других ярких мадьярских параллелей (поясная гарнитура, вооружение, погребальные маски, поясные сумочки) в Большетиганском, Танкеевском, Баяновском и других памятниках Приуралья, сегодня объяснить непросто, если представить, что с окончательным исходом венгров на новую Родину в конце IX в. существование мадьярского миграционного ареала было прекращено. Да и был ли некий большой единоразовый легендарный исход мадьяр? В независимых исторических сведениях приводится по меньшей мере до пяти различных дат участия венгров в событиях Восточной Европы, указывающих на их непосредственное местонахождение в близлежащих регионах (Артамонов, 1962: 336–352).

Ограниченность северных остепненных ниш в пределах Большого Урала в конечном счете диктовала перманентный отток мадьярского населения в пределах большого европейского степного и лесостепного коридора, ранее обособившегося в огромный миграционный ареал от Урала до Карпатской котловины. Это движение, по всей видимости, осуществлялось своеобразным циклическим волновым способом (сезонные разведочные рейды, торговый эскорт, набеги). Участие в различных внешнеполитических компаниях в Хазарии, на Кавказе, в Крыму, Дунайской Болгарии позволяло мадьярам занимать временные форпосты, некие плацдармы: в излучине Камы и Волги, на Среднем Днепре, где оставался своеобразный мадьярский след в виде ряда погребений Большетиганского и Танкеевского могильников, а также небольшого числа погребений суботцевского горизонта. В пределах маршрута, пролегающего через весь этот ареал, дисперсно разбросаны, хотя и яркие, но весьма редкие погребения (Ромашинское, у разъезда Немчанка, у 116 километра, Бузулукское, Луговское и Воробьевские погребения). Этот этап почти столетнего (а возможно, и более продолжительного) существования мадьярского миграционного ареала в легендарной мифологизированной памяти венгров остался в образах некой страны Леведии и Этелкезы, пространственно-временным позиционированием которой занимаются исследователи на всем протяжении решения мадьярской проблемы.

На мой взгляд, установить жесткие границы и временные рамки этих мифологем – занятие весьма неперспективное. Точно лишь то, что в вековой период с конца VIII по конец IX в. широтные границы мадьярского ареала простирались от Зауралья до Большого Альфельда.

Остается еще один важный и интересный вопрос. Сколь долго сохранялась жизнеспособность данного ареала в последующее время? Некоторым образом мы наметили его уже выше.

Первые годы исследований Уелгинского погребального комплекса и более ранние находки на Синеглазовском могильнике в причелябинском Зауралье позволили получить наряду с другими культурно-стилистическими группами (местная южноуральская, казахстанская, алтайская (сросткинская) и угорская (юдинская)) яркие наборы поясной и сбруйной гарнитуры, выполненной из серебра с золотым амальгированием, прямые аналогии которых уходят в материалы венгерских комплексов в период обретения родины и последующие за ним времена X–XI вв. (см. рисунок). Иштваном Фодором тогда впервые была высказана мысль о некоем возвращении венгров на свои родовые земли и существовании

Стилистическая группа № 3: 1–16 – погребальный комплекс Уелги; 17–48 – Синеглазово; 1–48 – серебро, золотая амальгама

определенного долговременного этапа взаимодействия карпатских и уральских мадьяр. Особенно ярко это проявилось на примере богатого венгерского и византийского инвентаря и традиции (маски, поясные сумки, ташки, серебряные пояса) в погребениях X в. Баяновского могильника (Пермский край) (Данич, Крыласова, 2014: 87–94).

Думается, нам сегодня остается не совсем понятным коммуникационный историко-культурный механизм, действовавший в период наиболее позднего существования мадьярского миграционного ареала. Неясно, были ли это брачные миссии или рекрутские эпизодические кампании, когда богато украшенные культовые вещи и предметы роскоши попадали далеко на восток в виде дорогих подарков.

Однако очевиден тот факт, что попадание столь высокотехнологичных и абсолютно схожих (с карпатскими) артефактов целевым образом за несколько тысяч километров в родственную среду не может быть объяснено традиционно спорадическими торговыми связями.

Вероятно, неким отголоском этих обратных коммуникаций в рамках маршрута все того же миграционного ареала возможно объяснить и миссии доминиканских монахов (Юлиан) в поисках своей венгерской прародины в 30-х годах XIII в. Однако в последующие годы, насколько нам известно, монгольское нашествие и установление улусной системы Золотой Орды окончательно прерывают и кардинально видоизменяют характер движения внутри ареалов миграции всей Евразии.

ЛИТЕРАТУРА

- Артамонов, М.И. 1962. История хазар. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа.
- Ахинжанов, С.М. 1995. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алматы.
- Боталов, С.Г. 2000. Поздняя древность и средневековье. *Древняя история Южного Зауралья*. Т. 2. Челябинск.
- Боталов, С.Г. 2009. Гунны и тюрки (историко-археологическая реконструкция). Челябинск: ООО ЦИКР «Рифей».
- Боталов, С.Г. 2013. О гуннах европейских и гуннах азиатских. *Гуннский форум: Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов*. Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ: 32–87.
- Боталов, С.Г., Таиров, А.Д., Любчанский, И.Э. 2006. Курганы с «кусами» урало-казахстанских степей. Челябинск: Южно-Уральский филиал ИИА УрО РАН.
- Грудочко, И.В. 2016. К вопросу о хронологии курганов с «кусами» урало-казахстанских степей. *Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX Уральское археологическое совещание: материалы 6-й Всерос. (с междунар. участием) науч. конф.* Ижевск: Институт компьютерных исследований: 216–219.
- Данич, А.В., Крыласова, Н.Б. 2014. Новый пояс «византийского круга» из средневекового Баяновского могильника в Пермском крае. *Археология, этнография и антропология Евразии*. № 3 (59).
- Досымбаева, А. 2006. Западный Тюркский каганат: Культурное наследие казахских степей. Алматы.
- Ермоленко, Л.Н. 2004. Средневековые изваяния казахстанских степей (типология, семантика в аспекте военной идеологии и традиционного мировоззрения). Новосибирск.
- Иванов, В.А. 1999. Древние угры-мадьяры в Восточной Европе. Уфа.
- Казаков, Е.П. 1972. О некоторых венгерских аналогиях в вещевом материале Танкеевского могильника. *Проблемы археологии и древней истории угров*. М.: 161–167.
- Комар, О.В. 2016. Этапы миграции древних мадьяр IX в. в свете современной археологии. *III Международный мадьярский симпозиум по археологии*. Будапешт, 6–10 июня 2016 г.: 5–6.
- Мажитов, Н.А. 1977. Южный Урал VII–XIV вв. М.
- Матвеева, Н. П., 2012а. Козловский могильник эпохи Великого переселения народов. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та.
- Матвеева, Н. П., 2012б. Могильник Устюг-1 по раскопкам 2009–10 годов. *AB ORIGINE: Археолого-этногр. сб. Тюмен. гос. ун-та*. Тюмень.
- Овчинникова, Б., Габор, Д. 2008. Протовенгры на Урале в трудах венгерских и российских ученых. Екатеринбург: Банк культурной трансформации.
- Рашев Рашо, 2004. Прабългарите през V–VII в. София: Фабер.
- Халиков, А.Х. 1984. Культура древних венгров в Приуралье и Подунавье в VIII–X вв. Будапешт.
- Халикова, Е. А., 1972. Погребальный обряд Танкеевского могильника и его венгерские параллели. *Проблемы археологии и древней истории угров*. М.: 145–160.
- Халикова, Е.А. 1976. Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья. *Советская археология*. № 3.
- Эрдели, Иштван. 1967. Извлечения из хроники венгерского анонима. *BAU*. Вып. 7.
- Эрдели Иштван. 1972. Об Археологической культуре древних венгров конца IX – начала X в.н.э. *Проблемы археологии и древней истории угров*. М.: 128–144.
- Bálint, Cs. 2006. Az ethnosz a kora középkorban. *Sz.*: 281–347.
- Fodor, I. 1977. Research on the Proto-Hungarians. *The New Hungarian Quarterly*.

Laszlo, Gy. 1978. A "kettes honfoglalás". *Bp. Magveto Kiado.*

Gening, V. F. 1978. *Magna Hungaria és a régészeti emlékenyag.* Budapest: Különlenyoman az archeológiai Értesítő.

Golden, Peter B. 1972. *The Migrations of the Oguz. Archivum Ottomanicum IV.* The Hague.

S.G. Botalov

MIGRATIONAL AREALS OF THE EURASIAN NOMAD CIVILIZATION

Investigating the cultural and historical processes inside the mobile and dynamic nomadic society of the late Antiquity and Middle Ages, the author repeatedly points out the fact that nomadic empires conducted many invasions and migrations within some strictly specified space. As a rule, these territories suffer progressive advance of the migration itself during its initial and most powerful period, as well as the following emigrator waves to the conquered stronghold, and lastly some retrogressive movement of repatriates or episodic visitors to their early homelands. These territories are proposed to be called *migrational areals*.

Migration presupposes some initial point of movement, intermediate stopping places and terminal point. This is well illustrated by a legendary migration of Magyars from their urheimat (Magna Hungaria) to Etelköz és Levédia and, finally, Carpathian Basin. In this case the migrational areal spreads from the Urals-Kazakhstan steppes through Middle Volga and Dnieper Region to Great Alfold.

This case study considers the process of appearance and life of this areal in the VI – beginning of XIII cc.

Key words: migrational areals, the eurasian nomad civilization, Magyars.

АРХЕОЛОГИЯ ЛАТИНСКОЙ ГАЗАРИИ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ ТЕРМИНА И НАУЧНОЕ СОДЕРЖАНИЕ

С.Г. Бочаров

Институт археологии Крыма РАН, Симферополь

В статье вводится в научный оборот новый термин «археология Латинской Газарии» в общей системе Латинской Романии. Латинская Газария – совокупности владений итальянских морских республик Генуи и Венеции в Северном Причерноморье на территориях, входивших в состав Золотой Орды, в хронологических рамках XIII–XV вв. В географическом выражении это территория северного побережья Чёрного моря (включая крымский берег) и всё побережье Азовского с близлежащими территориями от устья Дуная с городами Килия и Ликостомо до Геленджикской бухты (пункт Мавро Лако). Также определяются термины «Генуэзская Газария» и «Венецианская Газария» как владения республик св. Георгия и св. Марка на территории Золотой Орды и составные части Латинской Газарии.

Ключевые слова: Латинская Газария, Генуэзская Газария, Венецианская Газария, термин, археологическая составляющая, латинское присутствие в Северном Причерноморье и Крыму, географические рамки, Килия, Монкастро, Каффа, Тана, Батарно.

В XIII в. кардинально изменилась политическая ситуация в Северном Причерноморье. Перемены связаны с несколькими событиями: распадом Византийской империи в 1204 г., вхождением Крымского полуострова в Монгольское государство (1249 г.) (Νυσταζοπουλου, 1965: 49; Сафаргалиев, 1996: 294–295), появлением западноевропейских купцов в Чёрном море и созданием ими своих факторий. Дальнейший ход исторических событий определялся именно этими государствами и их наследниками – Золотой Ордой, затем Крымским ханством; Византийской и Трапезундской империями, затем княжеством Феодоро; Генуэзской и Венецианской республиками. С падением Константинополя и возникновением Латинской империи монопольное право Византии в торговле на Чёрном море было утрачено. В период с 1204 г. по 1261 г. приоритет в торговле был за венецианцами, опорным центром которых был провинциальный византийский центр Восточного Крыма – Сугдея (совр. Судак). После возрождения в 1261 г. Византийской империи, соблюдая условия Нимфейского договора, император Михаил VIII Палеолог даёт разрешение генуэзцам на свободную торговлю по берегам Чёрного моря и организацию собственных факторий. Генуэзским торговцам были предоставлены небывалые привилегии, а в то же время купцам других государств доступ в бассейн Чёрного моря был почти запрещён (Balard, 1978: 97). Поскольку генуэзцам не удаётся обустроить свою первую факторию в византийском городе Сугдея, они добиваются разрешения монгольского хана на строительство собственной небольшой фактории в 50 км восточнее Сугдеи в местности Каффа (Бочаров, 2015а: 810). Вскоре венецианцы вернули себе право торговли в Черноморском бассейне.

Осваивая новые коммерческие рынки и торговые пути, итальянские морские республики основывали свои опорные пункты, часть из которых в причерноморском регионе впоследствии превратится в зна-

чительные городские центры. Для Генуи основным центром был город Каффа в Восточном Крыму. Для Венеции таким центром стала не крымская Солдайя, где они первоначально обосновались, а Тана – часть крупного золотоордынского города Азак в Приазовье (Карпов, 1991: 191; Масловский, 2015: 383–410). Влияние Генуэзской республики превалировало на Крымском полуострове, в то время как венецианцы доминировали в дельте Дона у Азовского моря. Тем не менее в течение двух веков Венецианская республика трижды пыталась закрепиться на крымском побережье.

Первая попытка относится к последней трети XIII в. и связана с городом Сугдея (Судак, Солдайя). Он находился под властью монгольских ханов, и венецианцам удалось основать в нем свою первую факторию на Крымском полуострове. Во время конфликта с Золотой Ордой в первом десятилетии XIV в. итальянцам пришлось покинуть этот город (Nystazopoulou-Pélékidis, 1973: 553–556). Вторая попытка была предпринята в 1347 г. В процессе урегулирования «Кризиса Таны» (Карпов, 1994: 122–123; 1999: 223–224) для укрепления своих позиций в Причерноморье венецианцы помимо восстановления своей главной торговой базы собственно в Тана пытались основать ещё одну факторию в Крыму (Карпов, 2015: 35). Правительство Республики св. Марка ходатайствует перед золотоордынским ханом о выделении места под устройство торгового поселения в Воспоро (Керчь, Боспор) (Diplomatarium, 1880: 336–339). Судя по отсутствию каких-либо дальнейших свидетельств, обосноваться на берегу Керченского пролива венецианцам не удалось.

Третья попытка закрепиться на полуострове была предпринята Венецией в середине 50-х – начале 80-х гг. XIV в., став самой продолжительной по времени и значительной по территориальному охвату. Как и во втором случае, она была связана с временной утратой венецианцами Таны. Венецианцы теряют свой главный опорный пункт, в то время как генуэзцы сохраняют свой крымский форпост – Каффу. Венецианская республика пыталась перенести центр торговой активности из дельты Дона в Восточный Крым. Первым действием в этом направлении стало получение от хана Джанибека весной 1356 г. разрешения на устройство торгового поселения у бухты Провато в Восточном Крыму, 10 км западнее Каффы (Diplomatarium, 1899: 25–26). Провато становится конечной точкой венецианской торговой навигации. Именно сюда в 1356, 1357 гг. заходят галеи линии на значительные сроки, продолжительностью 9–10 дней (Карпов 1994б: 55, 64). Затем, в 1358 г., венецианцы ещё более расширили своё присутствие в Крыму. Новый хан Бердибек подтвердил их право на владение портом Провато, а также разрешил использовать гавани Солдайи и Калиеры (Diplomatarium 1899: 51–52; Григорьев, Григорьев 2002: 192–193). Длительная гражданская война в Золотой Орде (Великая замятня) и захват генуэзцами городов Солдайи, Чембало, Воспоро и их сельских округ не позволили осуществиться планам Республики св. Марка по закреплению на Крымском побережье (Бочаров, 2015б: 307). В дальнейшем попытки возобновить свои стационарные торговые станции на полуострове венецианцы не предпринимали, но галеи линии Таны продолжали совершать краткие 1–3-дневные остановки с целью пополнения запасов воды и провизии в Каффе, Херсоне (Херсонесе) и в пункте у мыса св. Иоанна (Бочаров, 2015в: 703).

В отличие от венецианцев позиции Генуэзской республики на Крымском полуострове были сильны. Генуя выстраивает здесь целую территориальную систему, состоящую из четырёх укрепленных городов (Каффы, Солдайи, Чембало, Воспоро) и их сельских округ, селений и замков Южного берега Крыма, приморских территорий Тарханкутского и Керченского полуостровов с поселениями и соляными разработками. Столицей Генуэзской Газарии, главным административным и экономическим центром был город Каффа, глава которого – консул – являлся верховным правителем для всей этой территории (Карпов, 2000: 12). Мишель Балар относит основание города к 1275 г. (Balard, 1978: 118). Вследствие осады города войсками золотоордынского хана Тохты в 1308 г. Каффа была оставлена жителями. После смерти хана Коммуне удалось добиться разрешения на восстановление города, и 18 марта 1316 г. принимается план восстановления фактории (Ordo de Caffa). Начинается строительство новой оборонительной стены, площадь укрепленной городской территории составила 11,3 га. В Каффе появляются две части: городские кварталы, располагавшиеся внутри цитадели, и городские кварталы, расположенные за её пределами – бург (burg). Фортификационные работы будут продолжены в 1383–1389 гг. строительством внешнего оборонительного кольца вокруг бурга (площадь вновь укрепленной территории 82,0 га) (Бочаров, 1998: 96). После этого городской пейзаж Каффы приобретёт свой законченный вид: квартальная застройка внутри цитадели, кварталы внутри оборонительного кольца (burg) и неукрепленное предместье – антибург (antiburg) (Бочаров, 2016: 263). К концу XIV в. город достигает наивысшего расцвета, общая площадь города к этому времени составляла 120 га. В середине XIV в. складывается сельская округа города

(*campania*). Кампания Каффы занимала территорию вдоль восточного побережья Крыма 30 км в длину и 3,0–9,0 км в ширину (рис. 1) (Бочаров, 2007: 12–13; 2011: 138–145). К концу XIV в. Генуэзская республика создаст целую сеть городов, замков, селений в Крыму и Северном Причерноморье.

В 1365 г. генуэзцами была захвачена Солдайя и 18 селений её сельской округи (*Pistarono*, 1988: 214). В 1371 г. началось возведение каменных стен (*Skrzinska*, 1928: 107). В первой половине XV в. городская территория включала цитадель (*castrum Sancti Elie*) площадью около 0,21 га; кварталы площадью 12,9 га, защищённые внешней оборонительной линией (*castrum Sancti Cristi*, 1385–1414 гг.), протяжённость которой составляла 925 м. (*Bocharov*, 2015: 449–450), портовый район площадью 5,7 га, огороженный отдельной каменной стеной протяжённостью 255 м, а также неукреплённый пригород площадью 3,6 га. (Бочаров, Масловский, 2015: 40–41). Сельская округа города формируется ещё в византийский период (XI–XIII вв.) и переходит к генуэзцам уже в сложившемся виде. Она состояла из восемнадцати селений и занимала приморскую территорию на протяжении 50 км (рис. 1) (Бочаров, 2005: 282–294). В 1380 г. земли южного берега Крыма выводятся из протектората Золотой Орды и официально переходят под власть Генуи, что было закреплено договорами от 27 ноября 1380 г. и 24 февраля 1381 г. (Бочаров, 2009: 109). Каффинским властям были переданы одиннадцать селений (*casalii*). В конце XIV – начале XV в. генуэзцами в пяти селениях – Алуште, Партените, Гурзуфе, Ялте и Симеизе (рис. 1) строятся замки, возможно, в качестве резиденций консулов (Бочаров, 2004: 186–201).

Первое упоминание о генуэзском консуле в Чембало относится к 1347–1349 гг. В 40-х гг. XIV в. город был укреплен земляными рвом и валом с деревянным палисадом, а в 1357 г. началось строительство каменной цитадели на горе Кастрон (площадь 0,16 га). В 1386–1388 гг. у входа в бухту генуэзцы возвели вторую цитадель площадью 0,18 га. (замок св. Николая). В 20–30-х гг. XV в. земляные оборонительные сооружения заменяются каменной крепостной стеной (*castrum Sancti Cristi*) протяжённостью 1080 м, а общая площадь укрепленной городской территории увеличилась до 3,3 га. На восточном берегу бухты находился неукреплённый пригород площадью 2,8 га. (Адаксина, Мыц, 2015: 12–18). Чембало был административным центром значительной территории Юго-Западного Крыма с греческим (византийским) населением (рис. 1) (Бочаров 2016: 265).

В Воспоро (совр. Керчь) крепостные сооружения возводились в два этапа. Цитадель была построена во второй половине 60-х гг. XIV в., а в середине 1380–90-х гг. она была усилена оборонительной линией и рвом. Одновременно возводятся внешнее оборонительное кольцо, внешняя крепостная линия и городской ров. В результате площадь укрепленной городской территории составила 3,52 га. Западнее

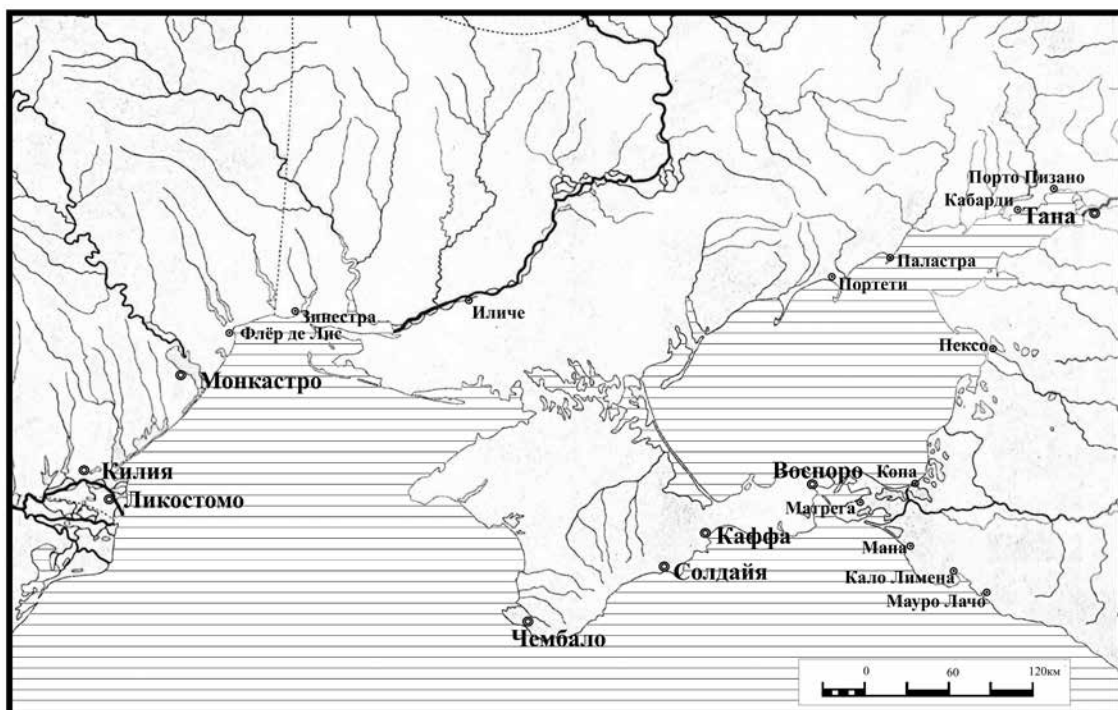

Рис. 1. Карта Латинской Газарии – владений Генуэзской и Венецианской республик в Северном Причерноморье в последней четверти XIV в.

крепости располагался неукрепленный пригород (площадь 2,4 га) (Бочаров, 2015: 143). На Керченском полуострове находились девять селений, зависимых от Воспоро (рис. 1) (Бочаров, 2001: 157–161; 2013: 37–40). На побережье Западного Крыма также существовала сеть из десяти селений (рис. 1), обеспечивших навигацию и как следствие морскую торговлю вдоль берегов Тарханкутского полуострова (Бочаров, Коваль, 2009: 45–46).

Генуэзские чиновники и торговцы присутствовали не только в крымских пунктах, следует отметить города Килия и Ликостомо в дельте Дуная (Русев, 1999: 102–110; Papacostea, 2006: 158–161), далее на восток – город Монкастро (Белгород-Днестровский) (Русев, 1999: 112–119; Papacostea, 2006: 202–210), селение и замок Иliche на реке Днепр (рис. 2). Тана 1304–1475 гг. (Азов) – главное генуэзское поселение на Азовском море. К 1304 г. здесь оформилась генуэзская фактория во главе с консулом площадью около 4,0 га, укрепленная каменной оборонительной стеной (Волков, 1992: 87). На Таманском полуострове находились фактории Копы и Матрега (после брака с дочерью местного феодала в 1419 г. владельцем Матреги становится Симон Гизольфи. Его потомки при поддержке администрации Каффы во второй половине XV в. возводят здесь каменный замок). Далее на кавказском побережье размещались пункты Кало Лимена с замком Батариио (Цемесская бухта) (Устав, 1863: 742) и Мауро Лачо (Геленджикская бухта). Также следует отметить целую сеть пунктов по побережью Чёрного и Азовского морей, которые способствовали каботажному плаванию и торговому обмену и были нанесены на компасные карты порталаны (рис. 2) (список пунктов: Фоменко, 2007: 272–275, 313–331).

В 1475 г. заканчивается эпоха независимого латинского присутствия в Крыму, Приазовье, на Тамани и в северной части Кавказского побережья – армия и флот Османского султана Мехмета II под руководством великого визиря Гедик Ахмед Паши при поддержке татар захватывают Каффу и все генуэзские и венецианские населённые пункты на этих территориях (Мыц, 2009: 419–499), которые вплоть до 1774 г. войдут в качестве отдельной провинции в состав Османской империи. Последними, в 1484 г., падут входившие на тот момент в состав Молдавского княжества города Монкастро и Килия (Гонца, 1984: 33–34, 85).

Исследования, связанные с изучением присутствия выходцев из Западной Европы в Северном Причерноморье, ведутся в отечественной науке уже около двух веков (Никифоров, 1991: 122–128; Еманов, 1995: 6). Сегодня они являются одной из составных частей отечественной и зарубежной византистики. Однако сегодня нет обобщающего термина, который бы объединял такие исследования в рамках исто-

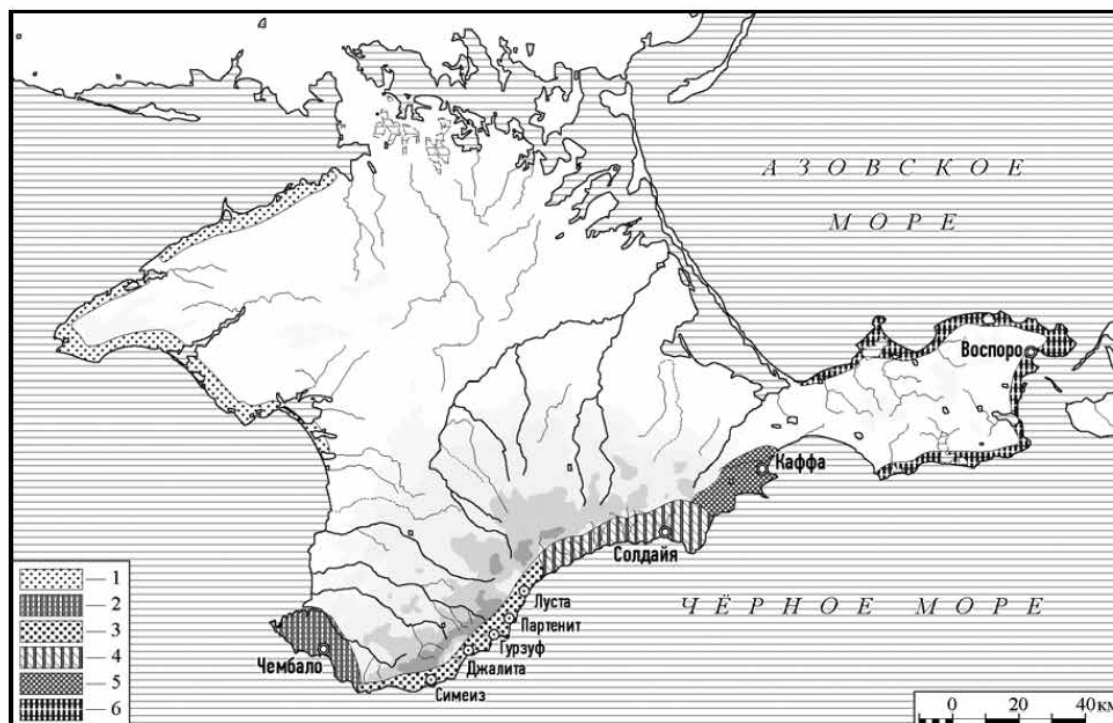

Рис. 2. Карта части Генуэзской Газарии – владений Генуэзской республики на Крымском полуострове в последней четверти XIV в.: 1 – генуэзские территории на Тарханкутском полуострове; 2 – консульство Чембальское; 3 – генуэзские владения на Южном берегу Крыма; 4 – консульство Солдайское; 5 – кампания Каффы; 6 – консульство Воспорское

рической науки. Существует общее понятие Латинской Романии – по формулировке С.П. Карпова, это совокупность владений западноевропейских феодалов, а также итальянских морских республик, Генуи и Венеции, на территории Византийской Империи в целом (Карпов, 2000: 9). Сегодня, в первую очередь в западноевропейских исследованиях, в отдельные области изучения выделяют Генуэзскую Романию (Balard, 1978: 6–7) и Венецианскую Романию (Thiriet, 1959: 2) как предмет для исследования всего комплекса присутствия республик св. Георгия и св. Марка на византийских землях. В рамках Генуэзской Романии принято выделять Генуэзскую Газарию. Под термином «Генуэзская Газария» в подавляющем большинстве случаев понимаются все владения Генуэзской республики на Крымском полуострове (Balard, 1978: 150). В таком случае будет корректным использовать ещё два термина: «Латинская Газария» и «Венецианская Газария». Необходимо подчеркнуть, что это не средневековые термины, отражающие сведения письменных источников, а определения, вводимые в научный оборот сегодня. Попробуем обозначать эти три термина. Если прилагательные латинская, генуэзская и венецианская интуитивно понятны, то топоним Газария (Gazariae) для XIII–XV вв. нуждается в уточнении. Imperio Gazarie так же, как и Imperio Tartarie применялось в Статуте Каффы 1446 г. в отношении государства Золотой Орды, а позднее и для страны её наследницы – Крымского ханства (Устав, 1863: 636, 739, 742, 753). Определение «Латинская Газария» мы можем применять в отношении всей совокупности владений итальянских морских республик Генуи и Венеции в Северном Причерноморье на территориях, входивших в состав Золотой Орды. Таким образом, термином «Латинская Газария» охватывается малая региональная часть более широкого понятия «Латинская Романия». Если термин «Генуэзская Газария» включает в себя всю совокупность генуэзских владений на землях Золотой Орды, то соответственно термин «Венецианская Газария» может обозначать всю совокупность владений Республики св. Марка в северопричерноморских ордынских территориях. И оба термина охватывают некоторую часть более широких понятий Генуэзской Романии и Венецианской Романии. В политическом отношении это были автономные образования в Северном Причерноморье, подчинённые Генуе и Венеции, которые по способу управления были определены М. Баларом как латинократии (Balard, 1998: 17–18).

В географическом выражении это территория северного побережья Чёрного моря (включая крымское) и все побережье Азовского моря с близлежащими территориями от устья Дуная с городами Килия и Ликостомо до Геленджикской бухты (пункт Мавро Лако). Чётких государственных границ в прямом смысле у этой территории не было (рис. 2) – это прибрежные зоны, находившиеся под властью ханов Золотой Орды, а после середины XV в. – под властью их преемников, за исключением генуэзских владений на Крымском полуострове, где такие границы были четко установлены (рис. 1). Предметом археологического изучения Латинской Газарии может быть вся совокупность материальных свидетельств латинского присутствия на очерченной территории – культурные напластования городов, селений, некрополей, якорных стоянок и других памятников, в хронологических рамках XIII–XV вв.

Актуальность введения понятия «археология Латинской Газарии» как составной части исследований по изучению материальной культуры Византии и Золотой Орды подтверждается введением отдельной секции № 8 «Археология Золотой Орды, поздней Византии и Латинской Газарии» в программу работы V (XXI) Всероссийского археологического съезда, который пройдет в октябре 2017 г. в г. Барнаул.

ЛИТЕРАТУРА

- Адаксина, С.Б., Мыц, В.Л. 2015. Формирование малых городов Генуэзской Газарии (на примере фактории в Чембало: 1345–1476 гг.). *Таврические Студии. Исторические науки.* № 7. Симферополь: 12–18.
- Бочаров, С.Г. 1998. Фортификационные сооружения Каффы (конец XIII вторая половина XV вв.). *Причерноморье в средние века.* Вып 3. Отв. ред. С.П. Карпов. СПб.: 82–117.
- Бочаров, С.Г. 2001. Заметки по исторической географии Генуэзской Газарии XIV–XV веков. II. *175 лет Керченскому музею древностей:* материалы междунар. конф. Отв. ред. П.И. Иваненко. Керчь: 157–161.
- Бочаров, С. Г. 2004. Заметки по исторической географии генуэзской Газарии XIV–XV вв. Южный берег Крыма. *О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических:* сб. науч. тр. по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения П.И. Кеппена. Отв. ред. В.Л. Мыц. Киев: 186–205.
- Бочаров, С.Г. 2005. Заметки по исторической географии Генуэзской Газарии XIV–XV. Консульство Солдайское. *Античная древность и средние века.* 36. Екатеринбург: 282–294.
- Бочаров, С.Г. 2007. Рубеж XIII–XIV вв. по материалам керамического комплекса поселения Посидима (Коктебель). *Тезисы 2-й междунар. науч. конф. «Поливная керамика Восточной Европы, Причерноморья и Средиземноморья в X–XVIII вв.* Отв. ред. С.Г. Бочаров. Ялта: 12–18.

- Бочаров, С.Г. 2009. Предварительные результаты археологического исследования укрепления Учансу-Исар. *Взаимоотношения Северного и Западного Причерноморья в античную эпоху и средневековье*. Отв. ред. С.Г. Бочаров, В. Кожокару. Симферополь: 108–114.
- Бочаров, С.Г. 2011. Заметки по исторической географии Генуэзской Газарии XIV–XV веков (Кампанья Каффы). *Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 80-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова*. Отв. ред. Д.В. Васильев, Ю.А. Зеленеев и А.Г. Ситдииков. Казань: 137–145.
- Бочаров С.Г. 2013. Поселения XIII–XV вв. на побережье Керченского полуострова – связи с регионом Кубани. *Материалы Шестой Кубанской Международной археологической конференции*. Отв. ред. А.И. Марченко. Краснодар: 37–40.
- Бочаров, С.Г. 2015а. Генуэзские владения в Крыму во второй половине XIV в. *Былые годы (Bylye Gody)*. 38–1: 808–824.
- Бочаров, С.Г. 2015б. Венецианское присутствие в Крыму и якорная стоянка Провато в 1356–1382 гг. *Стратум Плюс*. Вып. 6: 305–319.
- Бочаров, С.Г. 2015в. Венецианская якорная стоянка у мыса св. Иоанна в Восточном Крыму (конец XIV – первая половина XV вв. *Исторический журнал: научные исследования*. Вып 6 (30): 700–708. DOI: 10.7256/2222–1972.2015.6.17435.
- Бочаров, С.Г. 2015 г. Фортификационные сооружения генуэзского Воспоро. *Причерноморье в средние века*. 9. Отв. ред. С.П. Карпов. СПб.: 127–148
- Бочаров, С.Г. 2016. Историческая география Генуэзской Газарии. *Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды: материалы VII Междунар. конф., посвящ. памяти Г.А. Фёдорова-Давыдова*. Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков. Кишинёв: 263–269
- Бочаров, С.Г., Коваль, В.Ю. 2009. Заметки по исторической географии Генуэзской Газарии XIV–XV вв. (Западный Крым). *Материалы I Международного конгресса по археологии Евразийских степей*. Отв. ред. А.Г. Ситдииков. Казань: 45–46.
- Бочаров, С.Г., Масловский, А.Н. 2015. Солхатская война и её отражение в генуэзской фортификации Восточного Крыма. *Крым в войнах России*. Отв. ред. Г.Г. Матишов. Ростов-на-Дону: 38–45.
- Волков, И.В. 1992. Азовская крепость глазами Эвлии Челеби и русских военных топографов XVII–XVIII вв. *Историческая география Дона и Северного Кавказа*. Отв. ред. В.Е. Максименко и В.Н. Королёв. Ростов-на-Дону: 83–94.
- Гонца, Г.В. 1984. Молдавия и Османская агрессия в последней четверти XV – первой трети XVI века. Кишинёв: Штиница.
- Григорьев, А.П., Григорьев, В.П. 2002. Коллекция золотоордынских документов из Венеции. СПб.: Изд-во СПбГУ.
- Еманов, А.Г. 1995. Север и Юг в истории коммерции. Тюмень: МИ «Рутра».
- Карпов, С.П. 1991. Документы по истории венецианской фактории Тана во второй половине XIV в. *Причерноморье в Средние века*. Отв. ред. С.П. Карпов. Вып. 1. Москва: 191–216.
- Карпов, С.П. 1994а. Кризис Таны 1343 г. в свете новых источников. *Византийский временник*. Т. 55: 121–127.
- Карпов, С.П. 1994б. Пути средневековых мореходов. Черноморская навигация Венецианской республики в XIII–XV вв. М.: Наука.
- Карпов, С.П. 1999. Кризис середины XIV в.: недооцененный поворот? *Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики*. Отв. ред. Г.Г. Литаврин. СПб.: 220–238.
- Карпов, С.П. 2000. Латинская Романия. СПб.: Алетея.
- Карпов, С.П. 2015. Итальянские морские республики и Золотая Орда. Кризис 1343–1349 гг. *Причерноморье в средние века*. 9. Отв. ред. С.П. Карпов. СПб.: 7–42.
- Масловский, А.Н. 2015. Заметки по топографии золотоордынского города Азака. *Генуэзская Газария и Золотая Орда*. Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков. Казань; Симферополь; Кишинёв: 383–411.
- Мыц, В. Л. 2009. Каффа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты. Симферополь: Универсум.
- Никифоров, А.Р. 1991. Проблемы социально-экономической истории генуэзских городов – колоний Крыма в советской историографии. *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. Отв. ред. А.И. Айбабин. Симферополь. № 2: 122–130.
- Русев, Н.Д. 1999. На грани миров и эпох. Города низовий Дуная и Днестра в конце XIII–XIV вв. Кишинёв: ВАШ.
- Сафаргалиев, М.Г. 1996. Распад Золотой Орды. *На стыке континентов и цивилизаций*. М.: Мысль: 277–526.
- Фоменко, И.К. 2007. Образ мира на старинных портоланах. Причерноморье. Конец XIII – XVII в. М.: Индрик.
- Устав. 1863. Устав для генуэзских колоний в Черном море, изданный в Генуе в 1449 г. Пер., вступит. статья и примечания В.Н. Юргевича. *Записки одесского общества истории и древностей*. Т. V: 629–857.
- Balard, M. 1978. La Romanie Génoise (XIIIe – début du XVe siècle). Roma, Genova: Ferraris. T. I.
- Balard, M. 1998. État de la recherché sur la Latinocratie Méditerranée Orientale. A cura di C. Maltezos. Ricci e Poveri nella Società dell’Oriente Grecolatino. Venezia: Giglio: 17–36.
- Bocharov, S. 2015. Vosporo fortress in the system of Genoese fortification of the Crimean peninsula of 14th – 15th centuries. Fond. N. Zugravu. *Classica et Christiana*. 10. Yassi. I. Cuza: 443–459.
- Diplomatarium. 1880. Diplomatarium Veneto-Levantinum, sive Acta et Diplomata res Venetas, Graecas atque Levantis illustrantia. A. 1300–1350 Ed. by G.M. Thomas. P. I. Venetiis.

- Diplomatarium 1899. *Diplomatium Veneto-Levantinum, siva Acta et Diplomata res Venetas, Graecas atque Levantis illustrantia*. A. 1351–1454. Ed. By R. Predelli. P. 2. Venetiis.
- Nystazopoulou Pélékidis, M. 1970. Venise et la mer Noir du XIe au XVe siècle. *Thesaurismata*. Vol. 7: 15–51.
- Papacostea, Ș. 2006. La Mer Noire carrefour des grandes routes intercontinentales 1204–1453. București: Institutul Cultural Roman.
- Pistarino, G. 1988. I Gin dell'Oltremare. Genova: Civico Istituto Colombiano, Studi e Testi. Serie Storica, 11.
- Skrzinska, E. 1928. Inscriptions latines des colonies génoises en Crimée. Genova: Atti della Societa Ligure di Storia Patria. Vol. LVI. 141 p.
- Thiriet, F. 1959. La Romanie Vénitienne au Moyen Age. Paris: La Haye.
- Νυστάζοπουλου, Μ. 1965. *Ἡ ἐν Ταυρικῆ Χερσονσῶ πόλις Σουγδαία*. Αθηναί.

S.G. Bocharov

ARCHAEOLOGY OF LATIN GAZARIA: DEFINITION AND SCIENTIFIC CONTENT

This article introduced into scientific lexicon a new definition – Archaeology of Latin Gazaria in the main system of Latin Romania. Latin Gazaria – land domen of Italian maritime republics of Genoa and Venice in the Northern Black Sea Region on the territories of the Golden Horde. The chronological framework of the 13th – 15th centuries. In geographical borders this area of the Northern coast of the Black Sea (including the Crimean seaside) and all littoral of the Azov Sea with the territories from the Danube river with cities of Kilia and Likostomo to Gelendzhik Bay (Mavro Lako). Determined too the terms Genoese Gazaria and Venetian Gazaria as domen of republics St. George and St. Mark on the territory of the Golden Horde like the components parts of Latin Gazaria.

Key words: The Latin Gazaria, the Genoese Gazaria, the Venetian Gazaria, definition, archaeological content, the Latin presence in the Northern Black Sea Region and the Crimea, the geographic borders, Kilia, Moncastro, Caffa, Tana, Batario.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ СОСТАВ РАННЕМОНГОЛЬСКИХ ПАМЯТНИКОВ ПРИБАЙКАЛЯ И ЗАБАЙКАЛЯ (VII–XIV вв.)*

А.И. Бураев

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ

В сообщении характеризуется антропологический состав раннемонгольской культуры Байкальской Сибири. Предложено объединить сходные по археологическим и антропологическим признакам культуры Прибайкалья, Западного и Восточного Забайкалья в одну и дать ей название раннемонгольской. Проведено сопоставление населения, оставившего памятники монгольского времени на всей территории исследования. Выявлено антропологическое единство носителей средневековых монгольских культур региона VII–XIV вв. Подтверждено близкое сходство бурхотуйцев (шивэй) с населением раннемонгольской культуры. Декларирована монгольская принадлежность племен тюркского времени в Западном Забайкалье. Возможная зависимость от тюрок являлась номинальной. Иначе нельзя объяснить сохранение культурной и антропологической идентичности населения Байкальской Сибири на протяжении VII–X вв. Антропологическая и культурная ситуация в регионе сохранялась и в X–XIV вв. С созданием Монгольской империи население раннемонгольской культуры естественным образом вошло в ее состав.

Ключевые слова: антропология, археология, Байкальская Сибирь, раннемонгольская культура, тюрки, монголы, средневековье.

При возросшем в настоящее время интересе исследователей к истории кочевых империй Евразии представляется небезынтересным изучение ситуации, сложившейся в периферийных по отношению к основной имперской территории областях. Одним из таких регионов является Забайкалье.

Не подлежит сомнению факт сопричастности средневекового населения Забайкалья к судьбам крупнейших военно-политических образований Центральной Азии. Напомним хотя бы об оставшихся за рамками настоящего исследования курьканах. Об их вхождении в уйгурский племенной союз упоминают китайские летописи (Бичурин, 1950: 301; Малявкин, 1983: 168). По-видимому, даже в период кыргызского великодержавия (IX–X вв.), когда ими были разгромлены основные силы уйгурского каганата, курькане сохранили самостоятельность в пределах Прибайкалья. Об этом свидетельствует сообщение китайского автора о том, что на восток кыргызское государство «простиралось до Гулигани» (Бичурин 1950: 354). Однако принимавшие активное участие в перипетиях политической борьбы в Великой степи курькане территориально тяготели к озеру Байкал, располагаясь на обоих его берегах.

* Работа выполнена при финансовой поддержке мегагранта Министерства образования и науки РФ (14.W03.31.0016).

В то же время на большей части территории Забайкалья в период Средневековья проживали другие племена, отличные от курыкан как по археологическим, так и по антропологическим особенностям. В предлагаемой статье они относятся к раннемонгольской культуре. Отметим, что данное наименование связывается в археологической литературе только с западно-забайкальскими памятниками. В Прибайкалье выделяется ряд памятников монгольского периода, признанных однокультурными. В Восточном Забайкалье к рубежу I–II тысячелетия н.э. относится древнемонгольская культура. На наш взгляд, все выделяемые в регионах Байкальской Сибири археологические культуры принадлежат к одному кругу или даже являются одной культурой. Все они резко отличаются от археологического комплекса курумчинской культуры, т.е. от курыкан (гулигань). Географически указанные средневековые монгольские культуры и соответственно их носители располагались, в сравнении с курыканами, существенно ближе к Монголии, где происходили порой судьбоносные перемены в жизни nomадов рассматриваемой эпохи. Средневековые племена Байкальского региона, несомненно, должны были принимать участие в этих событиях.

Автор настоящего сообщения предлагает объединить все памятники, относимые к средневековым монголам, в одну культуру, закрепив за ней наименование раннемонгольской. Название было предложено П.Б. Коноваловым для Западного Забайкалья. Ранее на данной территории выделялись две средневековых археологических культуры: хойцегорская VII–X вв. и саянтуйская XIII–XIV вв. (Сосновский, 1936; Хамзина, 1970; Кызласов, 1981). Первая связывалась с тюркскими племенами, вторая – с монгольскими. Новые данные (Коновалов, Данилов, 1981; Именохоев, Коновалов, 1985; Именохоев, 1988) позволили П.Б. Коновалову сделать вывод о принадлежности хойцегорских и саянтуйских памятников к одной культуре – раннемонгольской, выделяя в ней хойцегорский (VIII–X вв.) и саянтуйский (XI–XIV вв.) этапы. На первом этапе культура имела «смешанную тюрко-монгольскую основу», на втором произошла «полная монголизация населения по обе стороны Байкала» (Коновалов, 1989: 19). В формировании средневекового населения Западного Забайкалья, по мнению П.Б. Коновалова, приняли участие потомки носителей культуры плиточных могил и хунну.

Возможность объединения всех памятников Байкальского региона в рамках одной культуры определяется их археологической схожестью и практически антропологической идентичностью носителей указанных культурных традиций. По крайней мере, собственные палеоантропологические исследования позволяют сделать такое предположение (Бураев, 2000).

Нами были проанализированы все известные на тот момент черепа эпохи Средневековья с территории Прибайкалья и Забайкалья. При значительной гетерогенности средневекового населения региона отчетливо выявилось большое сходство монгольских групп между собой. Кроме того, в каждой из серий присутствуют несколько черепов с европеоидными характеристиками или с явными следами монголоидно-европеоидной метисации, что также объединяет эти группы.

Для предлагаемого сообщения были использованы следующие средневековые монгольские серии: Прибайкалье X–XIV вв., раннемонгольская серия из разных могильников Западного Забайкалья VII–XIV вв., раннемонгольская серия из могильника Енхор (Западное Забайкалье) VII–XIV вв., древнемонгольская серия X–XIV вв. из Восточного Забайкалья. Группы для сравнения были подобраны исходя из археологического сходства, локализации в разных районах Байкальской Сибири и полной унифицированности измерений, сделанных одним инструментом, практически в одно время, одним автором. Кроме того, представилась возможность уточнить у авторов всех раскопок, откуда происходит антропологический материал, датировку и особенности погребений. А в раскопках крупнейшего могильника Енхор в Бурятии удалось принять личное участие.

Все серии составляют средние по длине, широкие, брахикранные, низкие черепа. Лоб узкий, покатый. По величине угла поперечного изгиба лба серия характеризуется выраженной монголоидностью. Затылок довольно широк. Рельефность выражена слабо.

Лицо высокое и широкое, мезогнатное по указателю выступа, ортогнатное по лицевым углам. В альвеолярной части наблюдается небольшой прогнатизм. Горизонтальная профилированность как верхней, так и нижней части лица слабая. Клыковая ямка средней глубины. Скулы выступают слабо.

Высота и ширина носа, мезоринного по указателю, большие. Переносье средней ширины и высоты как абсолютно, так и относительно. Угол выступа носа малый. Повышена изменчивость симотического указателя и угла выступа носовых костей к линии лицевого профиля. Орбиты широкие, высокие по абсолютному размеру, мезоконхные по указателям.

Выше дана общая характеристика серий, которая подходит и к каждой отдельно взятой группе (см. таблицу).

Средние размеры и показатели мужских черепов средневековых монголов Прибайкалья и Забайкалья

№	ПРИЗНАКИ	Прибайкалье X–XIV вв.			Раннемонгольская культура VII–XIV вв. культура X–XIV вв.			Енхор			Древнемонголь- ская		
		n	x	s	n	x	s	n	x	s	n	x	s
1	1. Продольный диаметр	7	180.4	5.6	11	184.3	7.4	18	181.0	7.0	10	180.4	8.8
2	8. Поперечный диаметр	7	154.6	7.2	10	147.0	4.8	19	148.4	5.9	10	147.1	8.7
3	8: 1. Черепной указатель	7	85.70	3.5	10	80.35	5.1	18	82.18	4.5	10	81.70	5.8
4	17. Высотный диаметр (ba-b)	5	129.8	2.7	10	126.9	4.5	16	126.4	5.9	9	129.9	8.5
5	17: 1. Высотно-продольный указатель	5	72.94	1.4	10	69.27	2.6	16	69.44	3.4	9	71.94	3.9
6	17: 8. Высотно-поперечный указатель	5	84.93	5.3	10	86.39	3.9	16	85.14	5.5	9	88.36	8.4
7	20. Высотный диаметр (ro-b)	6	117.1	3.6	10	111.7	3.8	17	112.2	3.8	10	111.8	5.9
8	5. Длина основания черепа	5	101.4	3.3	10	101.1	4.0	16	98.3	3.3	9	100.2	6.7
9	9. Наименьшая ширина лба	7	96.9	5.4	13	89.3	4.4	21	92.6	5.1	10	90.0	6.3
10	9: 8. Лобно-поперечный ука- затель	7	62.65	1.7	10	60.95	3.9	18	61.84	2.8	10	61.97	3.3
11	- Угол поперечного изгиба лба	7	143.2	4.9	13	144.3	4.5	21	144.83	4.3	6	146.35	3.1
12	10. Наибольшая ширина лба	7	125.7	5.8	11	118.7	4.9	19	118.1	4.7	9	118.1	6.5
13	9: 10. Лобный указатель	7	77.03	1.4	11	75.47	4.0	19	78.00	3.9	9	76.19	3.5
14	11. Ширина основания черепа	6	139.8	6.8	9	135.2	2.7	18	137.7	4.8	10	132.0	5.9
15	12. Ширина затылка	7	114.3	4.8	10	112.4	3.8	17	113.1	5.4	9	110.9	7.0
16	32. Угол профиля лба(n-m)	6	79.5	2.7	10	76.5	3.3	16	78.9	4.6	9	78.0	3.7
17	- Угол профиля лба(q1-m)	6	72.5	3.7	10	67.8	3.9	16	71.2	4.2	9	70.3	4.4
18	- Надпереносье (1–6)	7	3.1	0.9	13	2.4	0.6	20	2.05	0.9	10	3.0	1.1
19	- Надбровные дуги (1–3)	7	2.1	0.4	13	2.2	0.4	21	1.7	0.5	10	1.9	0.3
20	- Наружный затылочный бугор (0–5)	6	1.7	1.0	13	1.5	0.7	21	1.2	0.9	9	2.2	1.5
21	- Сосцевидный отросток (1–3)	7	1.9	0.7	13	1.8	0.4	22	1.8	0.6	10	2.2	0.8
22	40. Длина основания лица	5	102.0	3.3	10	98.25	6.0	16	96.3	7.4	8	97.5	5.9
23	40: 5. Указатель выступания лица	5	100.62	2.3	10	97.24	5.2	16	97.98	5.3	8	98.38	4.4
24	43. Верхняя ширина лица	7	110.1	4.9	13	105.5	3.2	18	107.3	4.2	9	106.4	3.5
25	45. Скуловой диаметр	6	143.7	5.8	9	141.9	4.5	18	142.3	4.7	8	141.3	4.4
26	45.8. Горизонтальный фацио- церебральный указатель	6	93.25	2.5	9	96.77	3.7	18	95.82	4.2	8	94.24	3.4
27	9: 45. Лобно-скуловой указа- тель	6	67.50	2.0	9	63.27	3.1	17	64.55	3.3	8	64.64	4.9
28	46. Средняя ширина лица	7	103.9	5.4	13	105.7	5.8	18	105.1	5.7	9	102.8	5.2
29	47. Полная высота лица	3	120.7	14.4	6	125.6	3.2	12	126.1	6.7	5	123.2	4.4
30	48. Верхняя высота лица	7	78.7	5.6	12	78.0	3.1	17	78.5	3.6	9	75.0	3.7
31	48: 45. Верхний лицевой ука- затель	6	54.54	4.1	8	55.18	1.7	16	56.11	2.7	8	53.10	2.7
32	48: 17. Вертикальный фацио- церебральный указатель	5	59.38	5.0	9	61.91	2.3	16	62.26	3.5	8	58.11	4.6
33	51. Ширина орбиты(от mf)	7	42.3	1.5	13	43.3	1.3	17	43.1	2.5	9	42.7	1.8
34	51a. Ширина орбиты(от d)	7	40.1	0.9	12	40.4	1.6	17	41.2	2.5	9	39.7	1.7
35	52. Высота орбиты	7	35.4	1.9	13	35.3	2.1	17	35.0	1.8	9	33.3	1.9

№	ПРИЗНАКИ	Прибайкалье X–XIV вв.			Раннемонгольская культура VII–XIV вв. культура X–XIV вв.			Енхор			Древнемонголь- ская		
		n	x	s	n	x	s	n	x	s	n	x	s
36	52: 51. Орбитный указатель(от mf)	7	83.80	3.9	13	81.60	5.1	17	81.41	4.3	9	78.29	5.2
37	52: 51a. Орбитный указатель (от d)	7	88.27	4.5	12	87.46	5.0	17	85.06	5.1	9	84.18	0.1
38	54. Ширина носа	7	27.3	2.1	13	26.7	2.1	17	27.3	2.2	9	26.6	2.3
39	55. Высота носа	7	57.3	3.5	13	56.8	2.7	17	57.2	2.5	9	55.0	2.4
40	54: 55. Носовой указатель	7	47.80	4.8	13	47.03	1.9	17	47.74	3.2	9	48.31	4.2
41	77. Назомалярный угол	7	146.86	6.2	13	148.6	5.7	19	147.96	4.7	9	147.03	5.3
42	Zm Зигомаксиллярный угол	7	138.73	7.8	12	139.01	5.3	17	139.26	4.4	9	137.10	9.3
43	Dc Дакриальная ширина	7	21.00	2.0	12	19.90	1.7	17	20.79	2.8	8	21.24	2.0
44	DS Дакриальная высота	7	10.40	1.1	12	7.88	2.0	17	9.54	2.1	8	10.3	3.1
45	DS: DC Дакриальный указатель	7	49.93	7.2	12	39.7	10.2	17	46.6	11.7	8	48.2	12.5
46	MC Максиллофронтальная ширина	7	19.34	2.1	13	16.48	1.6	17	19.21	2.1	9	17.97	2.1
47	MS Максиллофронтальная высота	7	6.53	1.0	12	4.27	1.0	17	5.92	1.1	9	5.97	2.1
48	MS: MC Максиллофронтальный указатель	7	34.43	8.2	12	26.04	6.3	17	31.44	8.1	9	33.38	12.0
49	SC Симотическая ширина	7	7.83	1.7	12	5.75	1.3	17	7.78	1.7	10	6.41	1.5
50	SS Симотическая высота	7	3.46	0.8	12	2.68	1.2	17	3.16	0.9	10	3.30	1.5
51	SS: CC Симотический указатель	7	46.29	14.1	12	46.16	14.5	17	41.21	11.3	10	50.25	17.5
52	FC Глубина клыковой ямки	7	5.20	1.9	12	2.99	2.4	16	3.54	1.4	9	2.90	1.7
53	Указатель изгиба скуловой кости (по Бу)	6	22.9	1.2	9	22.91	3.2	17	23.11	2.4		23.22	5.0
54	72. Общий лицевой угол	6	86.3	4.7	10	87.5	2.8	16	89.4	3.1	9	87.3	3.0
55	73. Средний лицевой угол	6	90.5	4.6	10	90.5	3.2	16	92.7	2.7	9	91.1	3.2
56	74. Угол альвеолярной части лица	6	73.18	5.6	10	80.4	7.2	16	79.56	6.2	9	75.92	5.8
57	75. Угол наклона носовых костей	4	61.0	9.8	9	64.9	5.1	11	68.9	6.9	9	62.6	6.3
58	75(1) Угол выступления носа	4	23.75	5.4	10	22.0	5.0	11	20.4	7.2	9	24.8	5.1

Более полную информацию, а также результаты статистического анализа можно получить из монографии автора (Бураев, 2000).

Таким образом, при незначительных различиях средневековые монгольские группы региона характеризуются выраженной гомогенностью и, по нашему мнению, могут быть признаны единым племенным образованием. К сожалению, пока нет верифицированных данных для соотнесения этого племени или союза родственных племен с известными из письменных источников наименованиями. Однако можно отметить, что все рассмотренные группы очень близки с серией бурхотуйской культуры VI–X вв. из Восточного Забайкалья, которую читинские коллеги однозначно связывают с племенами шивэй китайских летописей (Асеев, Кириллов, Ковычев, 1984). По мнению Л.Л. Викторовой, в орхонских надписях эти племена назывались отуз – татарами (Викторова, 1958). Соответственно можно предположить, что носители раннемонгольской культуры были родственны шивэйцам (отуз – татарам) и являлись монголоязычным племенем. В то же время бурхотуйская и раннемонгольская культуры археологически отличны.

Что касается отношения к великим кочевым империям Средневековья, то, скорее всего, для монгольских племен Байкальской Сибири оно было опосредованным. Испытывая на себе несомненное влияние материальной культуры тюрков, раннемонгольское население региона вряд ли принимало особо активное участие в борьбе за власть на просторах Центральной Азии. Вероятно, оно подчинялось тюркским каганам, но, скорее всего, через телеские племена, затем уйгурам, когда, как и в первом случае, значительную роль могли сыграть курыкане. Отметим, что по данным палеоантропологии на всем протяжении рассматриваемого периода (VII–XIV вв.) население Байкальской Сибири сохраняло антропологический состав, монгольский по сути. Можно предположить, что подчинение было чисто номинальным и тюрки физически не присутствовали на данной территории.

В противном случае следует признать, что погребения VII–X вв. пока не обнаружены либо их количество в составе раннемонгольских, давших антропологический материал, а на сегодняшний день это довольно значительная серия, ничтожно мало. Действительно, при существенном отличии населения VII–X вв. от сменивших его монголоязычных племен X–XIV вв. объединенная западнобайкальская серия VII–XIV вв., несомненно, выделилась бы на фоне других монгольских групп региона.

Соответственно с приходом в X в., по сложившемуся и общепринятому мнению, родственных монгольских племен культурная и антропологическая ситуация в регионе не изменилась. С возникновением Монгольской империи население раннемонгольской культуры естественным образом вошло в ее состав, пускай и не без элемента военного принуждения.

ЛИТЕРАТУРА

- Асеев, И.В., Кириллов, И.И., Ковычев, Е.В. 1984. Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья. Новосибирск: Наука.
- Бичурин, Н.Я. (Иакинф). 1950. Т. 1. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л.
- Бураев, А.И. 2000. Средневековое население Прибайкалья и Забайкалья по данным краниологии. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского научного центра СО РАН.
- Викторова, Л.Л. 1958. К вопросу о расселении монгольских племен на Дальнем Востоке в IV в. до н.э. – XII в.н.э. *История и филология стран Востока*. Отв. ред. И.П. Петрушевский, М.Н. Боголюбов. Л.: 41–67. (Уч. зап. ЛГУ. Сер. востоковедческих наук. Вып. 7).
- Именохоев, Н.В., Коновалов, П.Б. 1985. К изучению погребальных памятников монголов в Забайкалье. *Древнее Забайкалье и его культурные связи*. Отв. ред. П.Б. Коновалов. Новосибирск: 69–86.
- Именохоев, Н.В. 1988. Средневековый могильник у с. Енхор на р. Джиде. *Памятники эпохи палеометалла в Забайкалье*. Отв. ред. П.Б. Коновалов. Улан-Удэ: 108–128.
- Коновалов, П.Б., Данилов, С.В. 1981. Средневековые погребения в Кибалино (Западное Забайкалье). *Новое в археологии Забайкалья*. Отв. ред. П.Б. Коновалов. Новосибирск: 64–73.
- Коновалов, П.Б. 1989. Корреляция средневековых археологических культур Прибайкалья и Забайкалья. *Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века*. Отв. ред. Т.М. Михайлов. Новосибирск: 5–20.
- Кызласов, Л.Р. 1981. Средневековые памятники Западного Забайкалья (IX–X вв.). *Стети Евразии в эпоху Средневековья*. Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: 59–61.
- Малявкин, А.Г. 1983. Уйгурские государства в IX–XII вв. Новосибирск: Наука.
- Сосновский, Г.П. 1936. Итоги работы Бурят-Монгольского археологического отряда АН СССР в 1928–1929 гг. *Проблемы Бурят-Монгольской АССР*. Т. 2. Отв. ред. В.В. Обручев. М.; Л.: 318–321.
- Хамзина, Е.А. 1970. Археологические памятники Западного Забайкалья. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во.

A.I. Buraev

ANTHROPOLOGICAL STRUCTURE OF EARLY MONGOLIAN SITES OF THE CISBAIKAL AND TRANSBAIKAL REGIONS (VII–XIV CENTURIES)

In the report the anthropological structure of the early Mongolian culture of the Baikal Siberia is characterized. It is offer to unite cultures of Cisbaikal, the Western and East Transbaikal regions, similar on archaeological and anthropological signs, in one and to give it the name of the early Mongolian. Comparison of the population of the Mongolian period, which left monuments in all territory of research, is carried out. The anthropological unity of representatives of medieval Mongolian cultures of the region of the VII–XIV centuries was revealed. Close similarity of burkhotuyets (shivei) with the population of the early Mongolian culture is confirmed. The Mongolian accessory of tribes of Turks time was declared in the Western Transbaikalia. Possible dependence from Turks tribes was nominal. Otherwise, it is impossible to explain preservation of cultural and anthropological identity of the population of the Baikal Siberia for the VII–X centuries. The anthropological and cultural situation in the region remained and in the X–XIV centuries. With creation of the Mongolian empire the population of the Early Mongolian culture became its native part.

Key words: anthropology, archeology, Baikal Siberia, early Mongolian culture, Turks, Mongols, Middle Ages.

СТАРОКУЙБЫШЕВСКИЙ КОМПЛЕКС ПАМЯТНИКОВ: НОВЫЙ ВЗГЛЯД И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Р.Р. Валиев

Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук республики Татарстан, Казань

В работе приводятся данные по итогам архивных и полевых исследований Старокуйбышевской группы болгарских домонгольских памятников. Приводится краткое природно-географическое описание района исследований, дается анализ изученности археологических объектов, соотнесение предыдущих и современных исследований, рассматриваются проблемы формирования поселенческих систем. Предпринята попытка систематизировать ранее известные и вновь выявленные объекты археологического наследия и на этой основе выделить особенности поселенческой структуры рассматриваемой агломерации.

Ключевые слова: Республика Татарстан, болгарские домонгольские памятники, Старокуйбышевский комплекс, Волжский торговый путь.

Старокуйбышевская группа памятников располагается в прибрежной зоне и на островах в акватории Куйбышевского водохранилища в пределах Спасского района Республики Татарстан. До образования водохранилища данная территория представляла собой пойму и первую надпойменную террасу левого берега р. Волга, изрезанную малыми и средними реками Бездна, Сухая Бездна, Меленка, Грязнуха, Чертык и пр. и многочисленными ручьями, протоками и старичными озерами. Обилие водных источников и природных ресурсов создавало благоприятную среду для обитания человека с древнейших времен. На этом относительно небольшом участке от г. Болгар до н.п. Измери известно более 100 памятников археологии различных исторических эпох от верхнего палеолита до позднего Средневековья.

Куйбышевское водохранилище было образовано в 1955–1957 гг. плотиной Жигулевской ГЭС, в результате его заполнения береговым склоном водохранилища стал уступ второй надпойменной террасы р. Волга. Участки высокой поймы и первой надпоймы вместе с находившимися на них памятниками археологии были почти полностью затоплены. Сохранились только наиболее возвышенные участки первой надпоймы в виде островов и полуостровов, возвышающихся на высоту от 1 до 5 м над уровнем водохранилища по «низкой» воде и почти полностью затопляемые в период половодий.

С 2001 г. на данной территории общей площадью 17979 га образован государственный природный комплексный заказник «Спасский». Он включает в себя 60 островов, на которых локализовано более 100 памятников археологии. В настоящее время треть из них полностью размыты или затоплены.

Старокуйбышевская группа памятников получила свое название от ближайшего населенного пункта – г. Куйбышев (бывш. Спасск), который перед заполнением водохранилища перенесен в совр. г. Болгар. Вследствие этого местность, где раньше располагался г. Куйбышев (Спасск), именуется «Старый город». Соответственно ближайшие памятники получили названия «Куйбышевские» или «Строкуйбышевские».

В ближайшей округе от Старого города, в том числе и на территории бывшего г. Куйбышев, с XIX в. по сегодняшний день выявлено более 20 памятников археологии различных хронологических эпох. Собственно, к болгарским памятникам отнесены 14 объектов, среди которых выделены отдельные находки и клад вещей (Археологическая карта..., 1986: 46–49, 57–58). В процессе дальнейших исследований уточнена их культурно-хронологическая принадлежность, и один объект исключен из числа болгарских памятников (Валиев, 2016). Кроме того, в настоящий момент 3 из них полностью размыты или затоплены. Таким образом, в настоящее время Старокуйбышевская группа объединяет 8 памятников: 1 городище, 5 селищ и 3 могильника, расположенных на расстоянии 250–450 м друг от друга (см. рисунок).

Первые памятники археологии на данной территории были известны еще со второй четверти XIX в., главным образом это визуально хорошо заметные городища, окруженные валами и рвами, а также засечные укрепления позднего Средневековья и Нового времени. В частности, у С.М. Шпилевского, со ссылкой на статью неизвестного автора, сообщается о «признаках древнейшего поселения» на месте г. Спасск (Шпилевский, 1877: 329). Кроме того, в 1869 г. близ г. Спасск был обнаружен клад ювелирных изделий IX–XI вв. (Шпилевский, 1877: 330).

В 1946 г. в Восточном Закамье работала экспедиция под руководством Н.Ф. Калинина, которая выявила и обследовала 78 памятников археологии, в том числе домонгольские болгарские – Старокуйбышевское городище, могильник и два селища (I и II, в настоящий момент размыты) (Калинин, 1946). Им составлено подробное описание городища на момент заполнения водохранилища, снят топографический план, и в целях выяснения характера отложения культурных напластований произведены зачистки обна-

жений и заложен шурф. Согласно описанию Н.Ф. Калинина, «городище расположено на правом берегу р. Бездны внутри полуострова, образованного крупным петлеобразным поворотом реки в полукилометре к северо-востоку от северо-восточного края г. Куйбышева, где стоит здание Педагогич. училища. Территория распаивается под поле подсобного хозяйства училища. Полуостров имеет трапециевидную форму, вытянуто с севера на юг. Площадка городища находится над уровнем реки на 10–13 м. Вост. и зап. край круты, особенно последний, к югу площадь полуострова понижается полого. На севере он оканчивается узким перешейком от 20 до 1 м шириной. Перешеек пересечен двумя валами и двумя рвами, которые к настоящему времени, благодаря размыву, представляются небольшими бугорками. С юга городище защищено валом и рвом длиной 145–150 м. По восточному склону идет ров без вала, не доходящий до северного края городища, видимо, размывтый» (Калинин, 1946: 11–12). Кроме того, северный узкий перешеек отделялся еще одним рвом и валом, шириной 10 и 13 м соответственно. Общая площадь городища составляла 17,2 тыс. м². Результаты разведочного обследования Н.Ф. Калинина были опубликованы (Калинин, 1952; Калинин, Халиков, 1954: 68–71).

Разведочные обследования городища и прилегающих памятников осуществлялось периодически с 1961 г. В результате разведок собран значительный археологический материал, характеризующий материальную культуру городища. Коллекция находок с памятника представлена именковской и домонгольской болгарской керамикой, орудиями труда и оружием, украшениями и прочими предметами из цветных металлов, железа, кости и стекла (Шпилевский, 1877: 330–332; Калинин, Халиков, 1954: 68–70; Казаков, 1979).

В 1984 г. на городище работал отряд М.М. Кавеева (Кавеев, 1985). Раскопки проводились И.Л. Измайловым и А.М. Губайдуллиным в 1987, 1989–1990 гг. Исследователями изучен южный вал, выявлены остатки внутривальных конструкций. Результаты раскопок частично опубликованы (Измайлов, Губайдуллин, 1992).

В 1996 г. А.М. Губайдуллин и М.М. Кавеев продолжили раскопки на памятнике. Ими был заложен раскоп площадью 80 м² в северо-западной части, вдоль обрыва, подвергающегося интенсивной береговой эрозии (Губайдуллин, Кавеев, 1997). Раскопом изучены хозяйственные и жилые постройки XI – начала XIII в. (Губайдуллин, 2012).

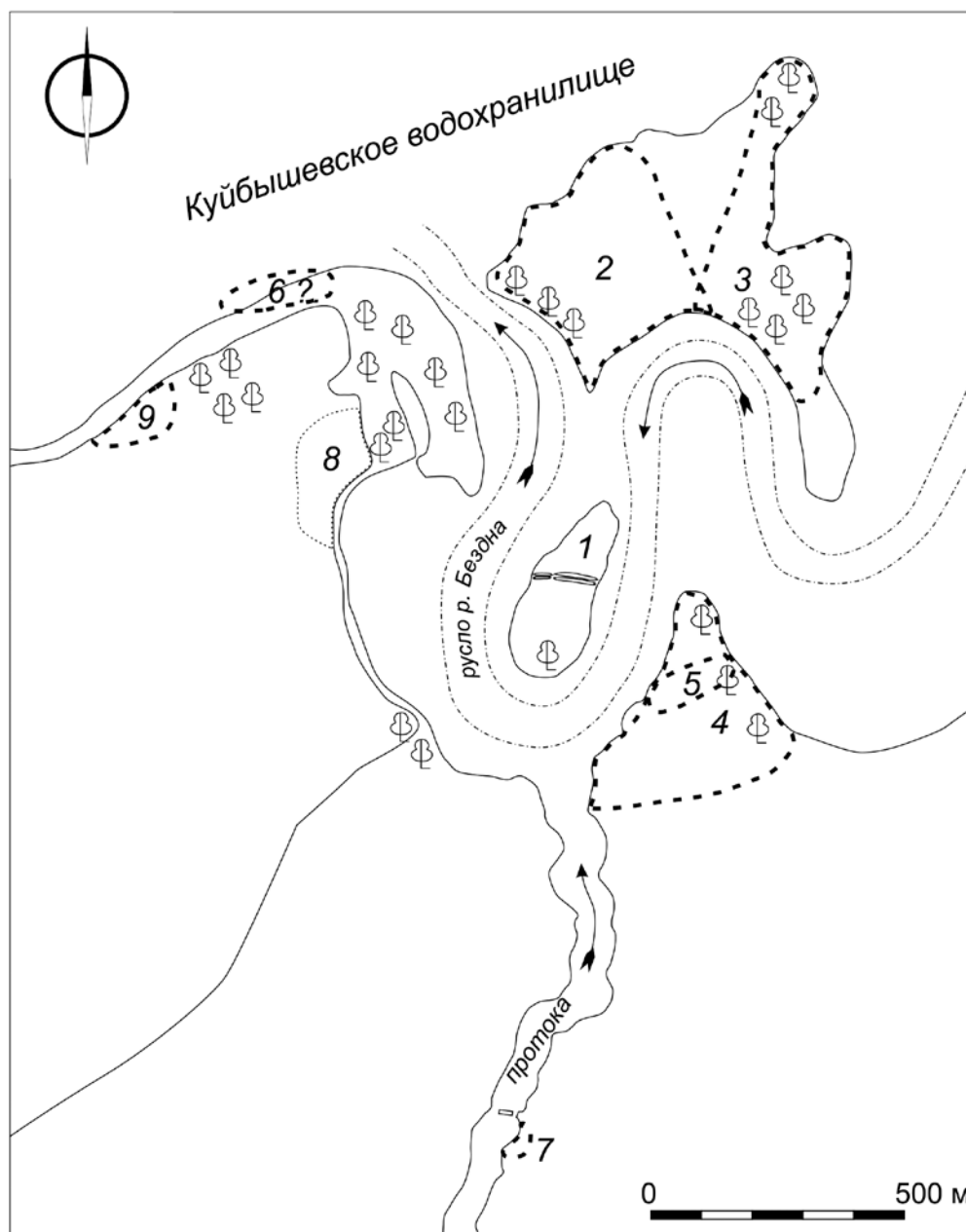
В настоящее время городище сильно размывается водохранилищем, особенно интенсивно разрушается северо-западная и северо-восточная части памятника. В относительно удовлетворительном состоянии находятся только южные укрепления в виде рва и расплывшегося вала. Сохранившаяся площадь городища составляет чуть более 11 тыс. м².

К сожалению, планомерные археологические исследования на памятниках у бывшего г. Куйбышев начали производиться только с 60-х годов XX в., когда территория уже была затоплена (Беговатов, 1988; Зарифуллин, 2006; Казаков, 1964, 1974, 1975, 1979, 1981, 1982; Халиков, 1971). В 1960–1980-е гг. на городище и на прилегающих памятниках неоднократно работал разведочный отряд Е.П. Казакова. Результаты разведок частично опубликованы (Казаков, 1979). Кроме обследования уже известных памятников в 1961 г. Е.П. Казаковым был открыт ряд объектов различных эпох, в том числе болгарские Старокуйбышевские IV и V селища, II могильник.

Старокуйбышевское IV селище располагается в западной части одного из островов в 500 м к северу от городища. До затопления место расположения селища представляло собой участок поймы между правым берегом р. Бездна и её безымянным притоком. Размеры селища 300 x 150 м (Археологическая карта, 1986: 58). По Е.П. Казакову, площадь селища составляет около 100 тысяч м² (Казаков, 1991: 22), что подтверждается последними исследованиями (Валиев, 2016).

На восточной окраине селища располагается Старокуйбышевский I могильник. Он находится в 550 м на северо-восток от городища. Могильник выявлен в 1946 г., обследовался в 1961–1979 гг., а в 1971 г. на памятнике проводила раскопки Е.А. Халикова (Археологическая карта, 1986: 58). В общей сложности разведочными исследованиями на могильнике вскрыты 45 погребений XI–XIII вв. (Халикова, 1986: 118–120). Размываемые погребения данного могильника зафиксированы и во время разведочного обследования 2015 г. (Валиев, 2016).

В 1961 г. археологическим отрядом КФАН СССР на левом берегу р. Бездна в 300 м к югу от городища открыто Старокуйбышевское V селище (Археологическая карта, 1986: 48). Отмечается, что памятник сильно подтоплен, при этом его площадь составляет около 5 га. В последующие годы на памятнике производился сбор вымытых из слоя находок, а также велись исследования объектов, выявленных на

1 - Старокуйбышевское городище	6 - Старокуйбышевский III могильник
2 - Старокуйбышевское IV селище	7 - Старокуйбышевское VII могильник
3 - Старокуйбышевский I могильник	8 - Старокуйбышевское VII селище
4 - Старокуйбышевское V селище	9 - Старокуйбышевское VIII селище
5 - Старокуйбышевский II могильник	

размытых участках селища. Исходя из анализа широкого ассортимента находок, представленных лепной и круговой керамикой, серебряными арабскими дирхемами X – начала XI в., металлическими предметами, изделиями из кости, стекла, глины и камня, памятник датирован X – началом XIII вв. (Кзаков, 1984: 39–64). Памятник интенсивно размывается водохранилищем. Современная его площадь составляет около 57750 м².

В 2015–2016 гг. на Старокуйбышевском V селище были проведены исследования двумя раскопами общей площадью 704 м². Раскопами исследованы два деревянных наземных сооружения, погреб жилища и около 66 хозяйственных и столбовых ям. Жилища представлены срубами размерами 4 x 4 м, в углу которых были устроены печи, сложенные из известняка, кирпичей и глины. После гибели в результате пожара большинства объектов на данном участке появляется кладбище (Валиев, 2016; Валиев и др., 2017: 26–28).

В южной части селища во время разведочного обследования 1961 г. выявлены человеческие костяки. В том же году и во время последующих изысканий здесь вскрыт ряд мусульманских погребений, отнесенных к периоду домонгольской Волжской Булгарии. Памятник получил название Старокуйбышевский II могильник (Археологическая карта, 1986: 48). Погребения, совершенные по мусульманскому обряду, выявлены и в северо-восточной части Старокуйбышевского V селища (Жаказов, 1991: 21, рис. 7). Во время исследований Старокуйбышевского V селища в 2016 г. удалось зафиксировать северную границу Старокуйбышевского II могильника. На раскопе II, заложенном в западной части памятника вдоль береговой линии расчищено 8 погребений, совершенных по мусульманскому обряду. Установлено, что могильник связан с V селищем и возникает сразу после его гибели. Горизонт слоя запустения территории поселения перекрывает могильник, что может свидетельствовать, что могильник является кратковременным.

В 1964 г. разведкой ТАЭ в северо-восточном конце бывшего г. Куйбышев (Спасск) был открыт еще один мусульманский некрополь – Старокуйбышевский III могильник. Он располагался на краю высокой песчаной террасы левого берега р. Бездна, в 700 м к северо-западу от Старокуйбышевского городища (Фахрутдинов, 1975: 128, № 771). В настоящее время памятник полностью размыт.

В 1995 г. И.Р. Газимзяновым на правом берегу протоки левого притока р. Бездна обнаружен размываемый могильник, обозначенный им как «Старокуйбышевский VI». Он располагается в 1,16 км к югу от городища и 0,9 км к югу юго-западу от V селища. В том же году на могильнике расчищены 15 мусульманских погребений. Памятник отнесен к периоду домонгольской Волжской Булгарии (Газимзянов, 1996). Однако результаты исследований не были опубликованы, а также не вошли в итоговый «Свод памятников археологии Республики Татарстан» в 3-х томах, изданный в 2007 г. (Свод..., 2007). Вследствие этого Старокуйбышевским VI могильником обозначен новый некрополь позднее бронзового века, выявленный в 2015 г. в 350 м к северо-востоку от IV селища и 360 м к северу от I могильника (Валиев, 2016). Результаты разведок частично опубликованы (Лыганов и др., 2015: 83–103). Исходя из вышеизложенного болгарский мусульманский могильник, выявленный и исследованный И.Р. Газимзяновым в 1995 г., предлагается обозначить как «Старокуйбышевский VII могильник».

В 2015 г. во время разведок в зоне Куйбышевского водохранилища при обследовании северо-восточной оконечности Спасского острова у края обрывистого берегового склона, на участке протяженностью около 80 м было обнаружено скопление подъемного материала, состоящего в основном из болгарской домонгольской круговой керамики. Указанная территория находится на расстоянии 3,1 км к западу от западной окраины с. Куралово. До заполнения водохранилища исследуемая территория представляла собой левый берег р. Бездна и располагалась в восточной оконечности г. Куйбышев (Спасск) (Валиев, 2016). По ошибочной ссылке предшествующих исследователей (Халиков, 1971: 66) вновь выявленный памятник отождествлен с Старокуйбышевским II селищем (Валиев, 2016). Хотя Старокуйбышевское II селище, впервые выявленное разведочным отрядом Н.Ф. Калинина в 1946 г., располагалось в 1,5 км к востоку от бывшего г. Куйбышев (Спасск), на краю надлуговой террасы (Калинин, 1946). Селище «ныне затоплено водохранилищем» (Археологическая карта..., 1986: 57). В процессе анализа всех имеющихся отчетных материалов и публикаций, посвященных изучению Старокуйбышевской группы памятников, установлено, что данное селище является новым памятником и обозначено как «Старокуйбышевское VII селище».

В 2016 г. здесь проведены исследования раскопом площадью 106 м². Мощность слоя составила 26–112 см. Выявлены 7 объектов X–XIII вв., частично разрушенных поздними перекопами строений г. Куйбышев (Спасск). Одним из объектов (сооружение 9) является ров шириной 380 см и глубиной 220 см от дневного уровня, треугольный в сечении и с канавкой по дну. Он вытянут по оси северо-восток – юго-запад практически параллельно руслу р. Бездна. Ближайшие аналогии – ров Коминтерновского II городища и раннедомонгольский ров Болгарского городища, также частично вытянутый вдоль Иерусалимского оврага. По мнению А.М. Губайдуллина, такого рода оборонительные укрепления датируются началом X в. (Губайдуллин, 2002; 2004: 78–79; 2011: 109–111; 2012: 250–253, рис. 2). Ров на обнаруженном нами памятнике во второй половине домонгольского времени (XII – начале XIII в.) был засыпан, и на его месте располагаются хозяйственные и производственные объекты – гончарный горн и хозяйственные ямы (Валиев, Ситдииков, 2016: 28–29).

Находки с селища представлены в основном круговой болгарской керамикой домонгольского периода. Встречено несколько фрагментов лепных именковских сосудов и керамика салтово-маяцких истоков.

На расстоянии 450 м к западу – северо-западу от Старокуйбышевского VII селища, в северо-восточной оконечности Спасского острова, у края обрывистого берега, на участке протяженностью около

90 м обнаружено скопление подъемного материала. Находки состояли из болгарской домонгольской керамики, фрагментов посуды салтово-маяцких истоков, а также именьковской и срубной культуры. Памятник обозначен как «Старокуйбышевское VIII селище» и находится на расстоянии 3,5 км к западу от западной окраины с. Куралово. До ввода в эксплуатацию Куйбышевского водохранилища исследуемая территория представляла собой левый берег р. Бездна. В позднее время территория являлась частью территории г. Куйбышев (Спасск).

Представляется вероятным, что Старокуйбышевское городище и окружающие его поселения и могильники составляют единую агломерацию, которая существовала в X – начале XIII в. Часть объектов (Старокуйбышевское городище, IV, VII и VIII селища) возникает на месте предшествующих поселений именьковской культуры и находится в 10–15 км от крупнейшей транспортной артерии средневековья р. Волга, у впадения в нее р. Кама (в их старом русле). Это косвенно может свидетельствовать о более раннем освоении этих территорий булгарами и начале процесса их седентеризации не позднее конца IX в., с последующим уплотнением сети поселений в процессе внутренней колонизации в рассматриваемом районе.

Хочется отметить, что помимо собственно своих укреплений жители выделяемой нами агломерации старались использовать существующий ландшафт, который до затопления в 1956 г. представлял собой возвышенные участки, окруженные сетью старичных озер, рек и ручьев в пойме левобережья Волги. Кроме того, ландшафтные особенности дополнялись искусственными линиями обороны, которые археологически отмечаются в виде рва, вытянутого вдоль р. Бездна и прикрывающего городище с запада (см. рисунок).

Освещенные нами проблемы позволяют частично упорядочить представления о Старокуйбышевском комплексе, а также поставить ряд новых вопросов о формировании и развитии поселенческих структур на Волжском торговом пути, являющемся ответвлением Великого шелкового пути. Решение этих вопросов может быть достигнуто с расширением источниковой базы, получаемой в результате археологических исследований. Актуальность проведения работ диктуется в том числе негативным воздействием Куйбышевского водохранилища.

ЛИТЕРАТУРА

- Археологическая карта Татарской АССР: Западное Закамье. 1986. Отв. ред. Н.П. Старостин. Казань: КФАН СССР.
- Беговатов Е.А. 1986о. Отчет по разведочным работам по берегам Куйбышевского водохранилища в пределах ТАССР за 1985 год. (Архив НФ ИА АН РТ).
- Беговатов Е.А. 1988о. Отчет. Разведочные работы по берегам Куйбышевского водохранилища в пределах ТАССР за 1988 год. (Архив НФ ИА АН РТ).
- Валиев Р.Р. 2016о. Отчет об археологической разведке островов и участков береговой линии Куйбышевского водохранилища на территории Спасского района Республики Татарстан в 2015 г.: в 3-х томах. (Архив НФ ИА АН РТ).
- Валиев, Р.Р., Ситдинов, А.Г. 2016. Археологические разведки на территории Спасского района в зоне Куйбышевского водохранилища за 2015 г. *Археологические исследования 2015 г.: Болгар и Свияжск*. Авт.-сост. А.Г. Ситдинов, Р.Р. Валиев, А.С. Старков. Казань: 28–29.
- Валиев, Р.Р., Степанов, Р.А., Ситдинов, А.Г. 2017. Археологические исследования болгарских поселений в зоне водохранилища. *Археологические исследования 2016 г.: Болгар и Свияжск*. Авт.-сост. А.Г. Ситдинов, Р.Р. Валиев, А.С. Старков. Казань: 26–28.
- Газимзянов И.Р. 1996о. Научный отчет по раскопкам VI Старокуйбышевского могильника в 1995 году. (Архив НФ ИА АН РТ).
- Губайдуллин А.М., Кавеев М.М. 1997о. Отчет. Археологические исследования Старокуйбышевского (Кураловского) городища в 1996 г. (Архив НФ ИА АН РТ).
- Губайдуллин, А.М. 2002. Фортификация городищ Волжской Булгарии. Казань: Институт истории АН РТ.
- Губайдуллин, А.М. 2004. Исследование фортификационных сооружений X в. Болгарского городища. *АО в Татарстане: 2002 год*. Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: 78–79.
- Губайдуллин, А.М. 2011. Новые данные по оборонительным сооружениям Болгарского городища X в. *Научный Татарстан*. № 2: 109–111.
- Губайдуллин, А.М. 2012. Коминтерновское II городище. *Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. VIII. Археологические памятники Поволжья и Урала: современные исследования, проблемы сохранения и музеефикации*. Пермь: 250–253.
- Губайдуллин, А.М. 2012. Исследования на Старокуйбышевском городище. *Поволжская археология*. № 2: 223–229.
- Зарифуллин, С.А. 2006о. Отчет по разведочным работам в Спасском районе Республики Татарстан в зоне Куйбышевского водохранилища в 2005 году. (Архив НФ ИА АН РТ).
- Измайлов, И.Л., Губайдуллин, А.М. 1992. Укрепления Старокуйбышевского (Кураловского) городища. *Археологические памятники зоны водохранилищ Волго-Камского каскада*. Казань: 79–89.

- Кавеев, М.М. 1985о. Отчет о разведочно-охранных работах в зоне Куйбышевского водохранилища в пределах ТАССР в 1984 г. (Архив НФ ИА АН РТ).
- Кавеев, М.М. 1985о. Отчет о разведочных работах в зоне Куйбышевского водохранилища в 1984 году. (Архив НФ ИА АН РТ).
- Казаков, Е.П. 1961о. Отчет о разведочных работах IV отряда Татарской археологической экспедиции в 1961 г. (Архив НФ ИА АН РТ).
- Казаков, Е.П. 1967о. Отчет о работах 1-го разведывательного отряда Татарской археологической экспедиции в 1964 г. (Архив НФ ИА АН РТ).
- Казаков, Е.П. 1974о. Отчет об охранных работах в зоне Куйбышевского водохранилища. (Архив НФ ИА АН РТ).
- Казаков, Е.П. 1976о. Отчет об охранно-разведочных работах в зоне водохранилищ Волго-Камского каскада в пределах Татарии в 1975 году. (Архив НФ ИА АН РТ).
- Казаков, Е.П. 1979. Работы в зонах Куйбышевского и Нижнекамского водохранилищ. АО: 177.
- Казаков, Е.П. 1981о. Отчет о работе раннеболгарской экспедиции в 1980 г. (Архив НФ ИА АН РТ).
- Казаков, Е.П. 1981о. Отчет о работе раннеболгарской экспедиции в 1981 г. (Архив НФ ИА АН РТ).
- Казаков, Е.П. 1984. V Старокуйбышевское селище. *Археологические памятники Нижнего Прикамья*. Казань: 39–64.
- Казаков, Е.П. 1991. Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. Казань: Татарское кн. изд-во.
- Калинин, Н.Ф. 1946о. Отчет об археологической экспедиции по рекам Ахтаю и Бездне. (Архив НФ ИА АН РТ).
- Калинин, Н.Ф. 1952. Экспедиция по западным районам татарской АССР. *Краткие сообщения Института истории материальной культуры*. Вып. XLIV: 52–66.
- Калинин, Н.Ф., Халиков, А.Х. 1954. Итоги археологических работ за 1945–1952 гг. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР.
- Лыганов, А.В., Чижевский, А.А., Валиев, Р.Р., Еремин, И.О. 2015. Погребальные памятники начала бронзового века в приустьевом Закамье. *Поволжская археология*. № 2: 83–103.
- Свод памятников археологии Республики Татарстан: в 3 т. 2007. Отв. ред. А.Г. Ситдииков, Ф.Ш. Хузин. Казань: Ин-т истории АН РТ.
- Фахрутдинов, Р.Г. 1975. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань: Таткнигоиздат.
- Халикова, Е.А. 1986. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X – начала XIII вв. Казань: Изд-во Казан. университета.
- Халиков, А.Х. 1972о. Отчет о работах на Куйбышевском водохранилище за 1971 год. Т. 1. (Архив НФ ИА АН РТ).
- Шпилевский, С.М. 1877. Древние города и другие болгарско-татарские памятники в Казанской губернии. Казань: Университетская типография.

R.R. Valiev

STAROKUIBYSHEVSKIY ARCHAEOLOGICAL COMPLEX: A NEW APPROACH AND PERSPECTIVES

The paper presents the results of archival and field research Starodubrovskii group of pre-Mongol Bulgar monuments. Brief natural-geographical description of the study area, the analysis of knowledge of archaeological sites, the mapping of previous and current research considers the problem of formation of settlement systems. An attempt of systematization of previously known and newly identified archaeological heritage sites, and on this basis to highlight the features of the settlement structure in the Metropolitan area.

Key words: Republic of Tatarstan, Bulgarian pre-Mongolian memories, Starokuibyshevskii group monument.

БЫТ НАСЕЛЕНИЯ ЕКАТЕРИНОВСКОГО ГОРОДИЩА

Т.А. Васильева

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток

В статье приводятся материалы, полученные при исследовании Екатерининского городища в Партизанском районе Приморского края. Датируется оно чжурчжэньским временем (XIII в.). Массовый материал, собранный при раскопках жилищ, свидетельствует о повседневной жизни, жизненном укладе и удовлетворении материальных потребностей населения этого городища в необходимых вещах и условиях.

Ключевые слова: Приморье, Средневековье, чжурчжэни, Екатерининское городище, жилища, условия жизни, быт, бытовые вещи.

Материалы, полученные при исследовании горных городищ чжурчжэньского времени в Приморье (XIII в.), свидетельствуют о высоком уровне развития данного региона в период вхождения в состав государства Дун Ся. Наблюдается резкий рост градостроительства на этой территории, подъём экономики.

Существовали строгие каноны по расположению, возведению и планировке городов, а также внутренней планиграфии населенных пунктов.

Располагались горные чжурчжэньские города, как правило, в распадках, выходящих в пойму рек, или на мысах. Речные долины служили для занятия земледелием и скотоводством. Расположение города на возвышенности обеспечивало выгодную в стратегическом плане позицию. Помимо этого по гребню сопки насыпался мощный земляной вал.

Екатериновское городище (XIII в.) находится в Партизанском районе Приморского края. Оно занимает чашевидный склон сопки, разделенный распадком на две части и открытый к востоку, к широкой плодородной долине р. Партизанская (р. Сучан). Земляным насыпным валом протяженностью более 2200 м, возведенным по специальной технологии, огорожена площадь около 27 гектаров. Центральный вход в городище, укрепленный дугообразным траверсом, находится с восточной стороны. С восточной же стороны в валу сделаны два разрыва, которые служили для сброса воды во время сильных ливней.

В юго-западной части города на расстоянии 20 м друг от друга расположены два небольших внутренних города. Третий внутренний город находится в северо-восточной части городища. Здесь были сосредоточены государственные административные учреждения.

В северо-западной части городища возведена усадьба-редут.

Все остальное внутреннее пространство города занято искусственными террасовидными площадками, на которых были построены жилища. При строительстве террас их внешние края укреплялись каменной кладкой для предотвращения осыпания, поскольку возведены они были на склонах сопки. Камнями же были вымощены и дренажные канавы, которые проложены по городищу для сброса воды во время ливней.

По остаткам конструкций, которые удастся проследить при раскопках, было выяснено, что все жилища наземные, деревянные, прямоугольные в плане, площадью от 24 до 45–54 м². В письменных источниках упоминается, что простолюдины жили в низких и тесных жилищах, но вместе с тем есть упоминание об окнах и дверях (История Золотой империи, 1998: 167, 166). Двери закрывались на засовы, защелки, крючки и замки. Находки 32 запорных устройств были встречены в 20 объектах. На Екатериновском городище было найдено пять замков, шесть ключей и шесть пружин из замков. Все замки были цилиндрической формы с пружинными стреловидными замыкателями V-образной формы. Крепились замки на дверях помимо железных пробоев и пробоев с кольцами – специальными запорными устройствами в виде шплинта.

Интерьер чжурчжэньского жилища был весьма прост. Никакой мебели не было. Функции мебели выполняла теплая лежанка – кан. Внутри жилища могли находиться хозяйственные ямы и ступа с коромыслом, на котором крепился пест.

Отапливались все чжурчжэньские жилища каном. «Вокруг помещения (внутри) устраивается земляная постель. Под ней разводят огонь. На этой постели спят, едят, занимаются повседневными делами. Называется она (по-чжурчжэньски) кан. Используется ради тепла» (Воробьев, 1983: 25–26). Даже в XIV в. символом домашнего уюта и счастья считался теплый кан с толстой циновкой (Малявин, 2001: 519).

По форме каны были П-образные (трехсекционные), Г-образные (двухсекционные) и прямые. От длины секции кана зависит площадь нагреваемого отрезка и спального места.

Вся жизнь жителей этого жилища проходила рядом с каном или на нем. На очаге, из которого горячий воздух по дымоходам шел к трубе, готовилась пища. Кан служил столом, здесь занимались делами, принимали гостей, проводили время, играли в игры. Рядом с жилищем мог находиться хозяйственный двор с построенным амбаром, где могли хранить инвентарь или припасы, или просто хозяйственной площадкой, на которой можно было заниматься какими-то делами.

В повседневной жизни человек пользуется массой предметов, которые должны удовлетворять его потребности в жилье, пище, одежде, поддержании определенного уровня существования. Большая часть из них обнаружена при исследовании Екатериновского городища. Это посуда, ножи, ножницы, иголки, шилья, замково-скобяные изделия, крюки, щеколды, навесы, пробои, гвозди, вертлюги, точила, железные кольца и др.

Самыми массовыми находками почти на всех археологических памятниках были остатки посуды. В ходу была металлическая, керамическая, деревянная, берестяная и плетеная посуда. Обломки чугунных котлов с диаметром тулов от 15,5 до 46 см встречены в 16 раскопах. Причем найдены фрагменты днища с бронзовой заклепкой, т.е. котлы подвергались ремонту.

Изделия из глины были обнаружены в 49 раскопах из 71, в большинстве своем это были остатки посуды. Из глины изготавливали станковую и лепную посуду, различную по форме и назначению, письменные и игральные принадлежности, игрушки, украшения и многое другое.

При морфологической характеристике чжурчжэньской посуды (Тупикина, 1996: 8–10) по остаткам венчиков, днищ и даже профилям стенок достаточно достоверно фрагменты можно отнести к определенным типам сосудов.

Керамический материал, собранный на Екатерининском городище, представлен разбитыми остатками станковых и лепных сосудов различных форм, размеров и назначения. Ни одного целого сосуда на этом городище не найдено. Из собранных фрагментов удалось восстановить 20 сосудов. Помимо этого были реконструированы три глазурированных чаши и четыре блюда и фаянсовый флакон с ручками.

Было реконструировано пять сосудов горшковидной формы. У них тулово усеченно-конической или усеченно-шаровидной формы с широким устьем, почти равным диаметру дна. Для больших сосудов характерны трубчатые, полутрубчатые и закругленные венчики. Объем сосудов от 1,3 до 30 л.

Помимо реставрированных сосудов были найдены фрагменты ещё примерно от 25 сосудов горшковидной формы.

На некоторых сосудах видны следы ремонта – просверленные дырочки, которые служили для скрепления разбитых сосудов с помощью шпагата или железных скобок.

Достаточно часто на стенках сосудов встречаются следы задымления и нагара, и служили они в качестве кухонной и тарной посуды.

Восстановлено пять вазовидных сосудов – это сосуды с коническим вытянутым и расширенным в верхней или средней части туловом, выделенной и развернутой горловиной с отогнутым наружу венчиком. Помимо этого были собраны остатки примерно ещё от 27 сосудов вазовидной формы.

На этих сосудах также встречаются следы нагара и задымления. Часто они служили для приготовления пищи.

Удалось собрать шесть сосудов цилиндрической формы – подставок. У них верхняя поверхность плоская, иногда с небольшой чашечкой в центре её или отверстиями различной формы, расположенными в определенной системе. Отверстия разной формы есть и в вертикальной стенке сосудов.

Исследователи не пришли к окончательному выводу о назначении подобных сосудов. Э.В. Шавкунов трактует их как светильники (Шавкунов, 1990: 101, табл. 15–11). Использовались они по принципу жирников. С.М. Тупикина считает их теплотехническими устройствами (Тупикина, 1996: 49–50), которые устанавливались над жаровнями, В.А. Хорев – подставками для подогревания напитков, а О.В. Дьякова – верхним диском гончарного круга (Дьякова, 1991: 248–251). Можно также предположить, что сосуды цилиндрической формы выполняли роль переносных сервировочных столиков-подставок для угощения. В пользу этого предположения говорит и место их находки – во внутреннем городе в жилище, служащем присутственным местом, были обнаружены остатки от десяти сосудов цилиндрической формы. Ещё четыре находились в расположенных рядом строениях. В рядовых же жилищах подобные находки встречены только в семи случаях.

Были найдены два сосуда блюдцевидной формы.

Впервые в Приморье удалось собрать и восстановить сероглиняный бутылевидный сосуд в форме “куриной ножки”. Это высокий (36 см) сосуд с круглым венчиком, округлыми плечиками, переходящими в верхней трети сосуда в шаровидное тулово, сходящее вниз к узкой цилиндрической придонной части, которая у самого дна слегка расширяется. Объем сосуда около 3,3 литра.

Реконструирован один сосуд тазовидной формы. Это большие открытые сосуды с усеченно-коническим туловом с трубчатым или полутрубчатым венчиком.

В раскопах с остатками рядовых жилищ преобладают сосуды горшковидных и вазовидных форм. Количество их колеблется от 1–2 до 4–6. А количество керамики, используемой одним хозяином, обычно бывает в пределах 12–15 сосудов (Васильева, 1983).

Распределение керамической посуды также индивидуально по объектам. В жилищах, как правило, присутствует стандартный набор посуды, необходимый для индивидуального пользования конкретной семьи – сосуды для хранения запасов продовольствия и воды, для приготовления пищи, столовая и парадная посуда. Редко этот набор остается неизменным, но ассортиментный минимум присутствует.

Екатерининское городище относится к тем немногим городищам, на которых встречается керамика, сделанная вручную (Васильева, 2011: 126–132). Это были сосуды горшковидной, вазовидной, чашевидной и банковидной форм.

Посуда для приготовления пищи находилась в каждом жилище. Часть могла быть изготовлена в домашних условиях. Повседневная пища была проста и незамысловата. Она была обусловлена естественными и хозяйственными условиями. Варили мясо, рыбу, дичь, злаки, бобовые. Собирали и заготавливали дикорастущие ягоды, травы, коренья, орехи, грибы и многое другое (Воробьев, 1983: 97–98).

Довольно часто встречаются фарфор и фаянс. Скорее всего, это был привозной материал.

В заполнении культурного слоя жилищ часто встречаются железные ножи. Они универсальны по назначению и могут использоваться как орудия труда, бытовые предметы и оружие. На Екатерининском городище найдено 19 ножей (16 целых и три обломка). Все они железные, однолезвийные. По форме ножевого полотна ножи подразделялись на четыре типа и по назначению были или универсальны, или, имея особую форму, у которой в передней части лезвие закругляется и носок приподнят вверх, служили в качестве раскроечных при работе со шкурами, а также для работы по дереву. У одного ножа был «защип» на спинке. Универсальные ножи были с вытянутым полотном с прямой спинкой, длина лезвия от 4,7 до 11,5 см. Ножи с удлиненным лезвием и изогнутой спинкой имели длину сработанного лезвия от 15,5 до 19,8 см. Ножи с широким прямоугольным полотном служили секирами, резаками. Классификация ножей разработана Н.В. Лещенко (Лещенко, 1993: 40–45).

На городище найдены ножницы. Все они рычажные. Встречались кресала, железные цепи и отдельные звенья, железные кольца разных диаметров и назначений. Были обнаружены вертлюги и их обломки. Неоднократно встречались каменные точила и их обломки. На некоторых видны следы заточки от инструментов. В некоторых жилищах находились обломки каменных жерновов.

Достаточно редко встречаются чугунные «утюжки» и их обломки. Ими разглаживали швы одежды и прожаривали её. Были находки обломков костяных гребней.

Чжурчжэни довольно часто играли в шахматы, шашки, нарды. Каменные игральные фишки были найдены на Екатерининском городище. Часто встречаются альчики – таранные кости косуль, которыми играли в «кости».

Многочисленны находки железных гвоздей. Их размеры колеблются от 2,5 до 10–12 см, хотя встречаются и более массивные гвозди до 15–17 см. Также к крепежному материалу можно отнести массивные шпильки (10–15 см) и многочисленные пробойники. Причем часто на них находят шайбы, а иногда вместо шайб использовались северо-сунские бронзовые монеты с квадратными дырочками. Иногда с пробоем скреплено железное кольцо.

В средневековых китайских письменных источниках сохранилось описание специальностей по удовлетворению бытовых нужд горожан. Это люди, занимающиеся ремонтом одежды, обуви, посуды, чистильщики колодцев, разносчики воды (Стужина, 1979: 114).

Употребление вещей в домашнем быту регламентировалось особыми постановлениями, когда повелевалось умерить «бесчисленные и пустые траты» (История Золотой империи, 1998: 178).

Повседневная жизнь горожан была регламентирована и обусловлена хозяйственно-экономическими условиями данного общества. Потребности в тех или иных предметах удовлетворялись местными производствами и мастерами. Ведь хозяйство чжурчжэней носило комплексный характер с высоким уровнем развития ремесел, земледелия и скотоводства. Наряду с этим была широко развита и торговля с соседними странами.

ЛИТЕРАТУРА

- Васильева, Т.А. 1983. Новые данные о гончарстве на Шайгинском городище (по материалам раскопок 1979 года). *Материалы по древней и средневековой археологии юга Дальнего Востока СССР и смежных территорий*. Владивосток: 80–86.
- Васильева, Т.А. 2011. Лепная керамика Екатерининского городища. *Дальний Восток в древности и средневековье: проблемы, поиски, решения: материалы региональной науч. конф.* Владивосток: ООО Рея: 126–132.
- Воробьев, М.В. 1983. Культура чжурчжэней и государства Цзинь (X в. – 1234 г.). М.: Наука.
- Дьякова, О.В. 1991. Глиняный гончарный круг из Приморья. *Советская археология*, № 2: 248–251.
- История Золотой империи. 1998. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН: 286 с.
- Лещенко, Н.В. 1993. Типология ножей с чжурчжэньских памятников Приморья. *Новые материалы по археологии Дальнего Востока России и смежных территорий: Доклады V сессии Научно-проблемного совета археологов Дальнего Востока*. Владивосток: 40–45.
- Малявин, В. 2001. Китайская цивилизация. М.: Изд. центр «Дизайн. Информация. Картография»; Астрель; АСТ.
- Стужина, Э.П. 1979. Китайский город XI–XIII вв.: экономическая и социальная жизнь. М.: Наука.
- Тупикина, С.М. 1996. Керамика чжурчжэней Приморья XII – начала XIII в. (по материалам археологических исследований Шайгинского городища). Владивосток: Дальнаука: 120 с.

Шавкунов, Э.В. 1990. Культура чжурчжэней-удигэ XII–XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. М.: Наука.

T.A. Vasilyeva

MODE OF LIFE OF EKATERINOVSKOYE ANCIENT WALLED TOWN'S POPULATION

The materials received at a research of the Ekaterinovskiy ancient settlement in Partizansk the region of Primorsky Krai are given in article. It is dated jurchen time (13th century). The mass material collected at excavation of dwellings demonstrates everyday life, a way of life and satisfaction of material needs of the population of this ancient walled town for necessary things and conditions.

Key words: Primorye, Middle Ages, jurchen, Ekaterinovskoe walled town, dwellings, living conditions, life, household things.

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОЧЕВОЙ ПОЛУПЕРИФЕРИИ ЕВРАЗИИ В КОНЦЕ I ТЫС. ДО Н. Э. – X В. Н. Э.*

С.А. Васютин

Кемеровский государственный университет, Кемерово

В статье рассматривается трансформация степной полупериферии Евразии как результат мир-системных процессов в периоды поздней древности и раннего Средневековья. Одним из направлений такой трансформации было усложнение степных сообществ (образование кочевых империй, формирование иерархических социальных систем, участие в международной торговле, урбанизация, появление страт, связанных с торговлей и городским ремеслом, формирование государства, распространение мировых религий). В результате исследования выявлены два цикла (периоды поздней древности и раннего Средневековья) усложнения степных пространств с общей тенденцией возникновения в завершающей стадии синтезных номадно-оседлых политий. Наряду с этим фиксируются специфика развития каждой номадной политии и более сложный характер социально-политической и социокультурной трансформации в рамках раннесредневекового цикла.

Ключевые слова: мир-система, поздняя древность, раннее Средневековье, кочевая полупериферия Евразии, усложнение номадных обществ.

Динамика взаимоотношений мир-системных центров (мировых цивилизаций, «ядер») и кочевой полупериферии неоднократно обсуждалась специалистами (Khazanov, 1984; Barfield, 1989; Барфилд, 2008; Крадин, 2000а, б; 2007: 95–108; Kradin, 2014: 23–26; Васютин, 2011; 2012 и мн. др.). Центры обладали мощными экономическими и людскими ресурсами, в доиндустриальный период, как правило, представляли собой империи. От них исходили мощные токи экономического, политического и социокультурного влияния на соседние территории. К. Чейз-Данн и Т. Холл выделяют четыре основных типа взаимодействий в рамках мир-систем: сеть большегрузных товаров; сеть престижных товаров, значимых для воспроизводства властных структур; политическую / военную сеть (дипломатические и династические связи, военные союзы, конфликты и войны); информационную сеть (идеология, религия, техническая информация и др.). Данные сети объединяли в единое пространство всю ойкумену – центры, полупериферию и периферию (Чейз-Данн, Холл, 2001: 433; 434, 439–443; Hall, 2005: 98–99).

Полупериферийные зоны являются уже более или менее интегрированными в пространство сетевого воздействия соседних цивилизаций через торгово-экономические связи, культурное влияние и нередко находясь в сфере военно-политических интересов либо в прямой зависимости от администрации центра. Полупериферия с учетом взаимодействия с цивилизациями также имела сложные формы экономической деятельности, социальной стратификации, политических институтов и часто играла роль коммуникатора между разными мировыми центрами. Периферия представляла собой обширные пространства (горные, аридные, лесостепные, таежные, островные и т.п.) с ограниченными ресурсами, присваивающим или начальными формами производящего хозяйства, отсутствием городов, слабой социально-политической интеграцией. Ее участие в мир-экономических связях обычно ограничивалось поставками продукции животноводства и промыслов, рабов и полезных ископаемых.

В истории мир-систем наблюдаются смещение центров, их подъёмы и упадки, пульсирующий характер развития (Frank, A.G., Gills 1994; Чейз-Данн, Холл, 2001: 442–443; Крадин, 2007: 97–98 и др.), динамизм полупериферийных и периферийных пространств. Консолидированная в империи или сложные

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 15-21-03001 «Города хуннской империи»).

вождества полупериферия нередко представляла угрозу для центра и даже могла захватить его полностью или частично, с последующим формированием синтезных форм государственности, экономики и культуры (эпоха «шестнадцати варварских царств» в Китае, германские королевства на территории Римской империи, Караханиды, Ляо, Юань и т.д.). В других случаях полупериферия сама становилась новым центром (Арабский халифат, Хазарский каганат, Золотая Орда и др.). Неслучайно К. Чейз-Данн и Т. Холл считали, что полупериферийные регионы были благоприятными зонами «для социальных инноваций», так как могли сочетать элементы периферии и ядра, меньше, чем «ядра были отягощены институциональным бременем» (Чейз-Данн, Холл, 2001: 349).

Под степной полупериферией понимаются расположенные к северу от «пояса цивилизаций» (Китай, Индия, Средняя Азия, Персия, Рим / Византия) степные территории от Внутренней и Внешней Монголии на востоке до нижнего и среднего Подунавья на западе, включая прилегающие периферийные пространства. На данных полупериферийных территориях размещались не только кочевники, но и оседло-земледельческие жители, что способствовало развитию политических, культурных и экономических связей в этих регионах. Кроме того, существовало множество контактных зон, усиливающих системное взаимодействие кочевников с цивилизациями.

Возникновение крупных военно-политических объединений кочевников (скифы, ранние «сарматские» племена, саки, «пазырыкцы» и др.), усложнение социальной иерархии и посредническая роль кочевников в международной торговле отчетливо фиксируется еще в VI–IV вв. до н.э. В этот период осуществлялась циркуляция престижных товаров, произведенных в Китае, Ассирии, Персии, Греции. В последней трети I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э. наблюдались создание крупных земледельческих империй, рост военно-политического могущества и влияние центров (на Дальнем Востоке Цинь, потом Хань, на западе Азии – империя Александра Македонского, затем государства Селивкидов, в Европе – Рим), подъем их экономики, интенсификация торговых и культурных связей. Одновременно с этим в Центральной (Внутренней) Азии возникла первая кочевая империя – держава Хунну, затем Сяньбийская империя, в ходе миграций кочевников на территории земледельцев появились кочевно-оседлые объединения (Парфия, Кушанское царство), в степях, примыкающих к оазисам Средней Азии и Восточного Туркестана, на территории современного Казахстана появились крупные и среднемасштабные кочевые племена (усуни, Кангюй / Канцзюй, Малые юэцжи и др.), в Восточной Европе образовались надплеменные объединения сарматов, кубанских сираков, донских и кавказских алан и т.д. (Бичурин, 1950а: 12, 55, 69, 77, 80–82, 85, 91, 92–93, 102; 1950: 149–151, 153–157, 160, 184–186, 190–198; Крадин, 1996; 2001; 2007: 101–103, 109–145 и др.; Зуев, 2002: 48–49, 90–96; Яценко, 2002: 127–128, 129–133; 2008: 282–306; 2015: 87–98 и др.; Кляшторный, Султанов, 2009: 69–86; Вдовченко, 2015а: 87–96; 2015б: 44–50; и мн. др.). Эти изменения для отдельных степных территорий означали переход от периферийного статуса к полупериферии.

С возникновением империи Хунну развернулась борьба между кочевниками и Китаем за контроль над государствами Восточного Туркестана – транзитными территориями в торговле Китая со странами Среднего Востока и опорной базой для военной экспансии в «Западный край». Империи Хань в итоге удалось на определенное время утвердить свое господство над Восточным Туркестаном, однако это не блокировало для хунну доступ к китайским товарам (шелк, зерно, лаковая посуда, зеркала, колесницы и многое другое), расцвело местное производство престижной продукции, популярной в степной Евразии (Руденко, 1962; Коновалов, 1976; 2008; Миняев, Сахаровская, 2007а, б; Полосьмак, Богданов, Цэвээндорж, Эрдэнэ-Очир, 2008; Цэвээндорж, Эрдэнэ-Очир, Полосьмак, Богданов, 2010; Цэвээндорж, Саруулбуян, 2011; Broosseder, 2011; Erdenebaatar, Iderkhangai, Galbadrakh, Minzhiddorzh, Orgilbaiar, 2011; Polosmak, Bogdanov, Chistiakova, Kundo 2011; Törbat 2011; Эрдэнэбаатар, Идэрхангай, Мижиддорж, Оргилбаяр, Батболд, Галбадрах, Маратхаан, 2015 и др.).

Возникновение городов в монгольских степях – важное свидетельство больших адаптивных возможностей городской культуры и одновременно исторической востребованности процессов урбанизации там, где, казалось бы, сама природа предопределила альтернативные городским формам жизнеобеспечения способы существования человека. Стационарные поселения с валами возникают уже в державе Хунну. Но статус таких «поселений» является проблемным вопросом. Трактовка археологических памятников хуннского времени Гуа дов, Тэрэлжийн Дэрвэлжин, Барс Хот II, Ундэр дов и др. (Данилов, 2004: 37–38, 40–44, 45; Danilov, 2011: 129–136) как городов, исходя из отсутствия следов жизнедеятельности (костей, фрагментов посуды, жилых зон и т.д.), весьма сомнительна. Только на севере империи известен поселенческий комплекс Иволгинское городище (Давыдова, 1985, 1995; Данилов, 2004: 35–37; Крадин, 2002:

81–94, 2007: 211–260; Крадин, Данилов, Коновалов, 2004; и др.), близкое по характеристикам к понятию «ранний город».

В Центральной Азии вслед за господством империи Сяньби последовали вторжения кочевников в Поднебесную, что привело к смещению полупериферии в Северный Китай, где возникли «варварские» царства («эпоха шестнадцати варварских государств»), в то время как степные пространства Монголии по своему положению были ближе к периферийной зоне.

Ситуация в восточном ареале степей Евразии начинает меняться с образованием Жужаньского каганата, но подлинная трансформация полупериферийных и периферийных степных территорий приходится на период раннего Средневековья.

В VI в. фиксируется рост интенсивности товарного и культурного взаимодействия различных регионов Евразии, мир-системные связи приобретают более устойчивый характер. Ключевым «ядром» раннесредневекового мира выступал Китай (Франк, 2002: 197). Огромное значение также имели Персия и Византия. С VIII в. на ведущие позиции выдвинулся Арабский халифат, где была создана единая сеть производства, разветвленных торговых артерий, посредничества, престижного потребления, приобретения товаров общего пользования. Она охватила Передний и Средний Восток, Северную Африку и Средиземноморье. Халифат, таким образом, на несколько столетий стал главным «мотором» развития торговых и культурных коммуникаций между государствами и регионами тогдашней ойкумены и сам был наиболее мощным потребителем продукции из стран Дальнего Востока, Индии, Средней Азии, Европы. В то же время он во многом обеспечивал тогдашнюю мировую торговлю своим серебряным дирхемом и товарами (Фильштинский, 1999: 125–130; Большаков, 2002: 127–128; Коновалова, 2012: 253–254). Данная система не действовала бы, если бы не транзитные территории (Восточный Туркестан, Монголия, Средняя Азия, Кавказ, Восточная Европа и т.д.), политическое обеспечение обмена продукцией, старые и новые торговые пути, соответствующая инфраструктура (рынки, склады, порты, весовые, гостиницы и пр.).

В раннесредневековый период в развитии степных пространств можно выделить два этапа: 1) VI – первая треть IX в.; 2) середина IX – XI в.

На первом этапе отмечался рост активности на Шелковом пути, чему во многом способствовало создание широтной империи – Первого Тюркского каганата, элиты которого продавали шелк, полученный от Китая в качестве даров, в расположенные западнее страны (Персия, Византия). По главной евразийской «дороге» также перевозили иные ткани, драгоценные камни, оружие, пушнину, соль, рабов и пр. Вместе с торговцами перемещались ученые и миссионеры. На данном этапе наблюдается подъем оазисов Восточного Туркестана и Средней Азии, появление новых городов. К примеру, в Семиречье в VI–VII вв. возникли десятки городов, торговых центров, укрепленных местечек (Кляшторный, 1964: 123–127; Байпаков, 1986: 39–98; Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973: 12; Петров, 1981: 5, 112–120; Горячева, 1983: 68, 103 и др.). Отказ Персии пропускать караваны с шелком привел к активному использованию северных торговых участков Шелкового пути (они возникли в древности, но их роль в средние века значительно усилилась), проходивших через Семиречье, степи Казахстана, вдоль Южного Урала и северного побережья Каспийского моря. Отсюда товары через Кавказ и черноморские колонии уходили в Византию. Каганат политически обеспечивал торговлю шелком путем установления контроля над важными торговыми точками Шелкового пути в Восточном Туркестане, Средней Азии, на Кавказе и в Причерноморье. Тюркские наместники и гарнизоны появились в наиболее важных городах и княжествах (Гаочан, Ши, Харашар), а некоторые территории (Кашгар) платили дань (Бичурин, 1950а: 254–255, 273, 279–282, 284, 291 и др.). Тесными были контакты тюркских вождей и согдийцев, осуществлявших торговые сделки (Кляшторный, 1964: 101–119; Гумилев, 1967: 157–159; Лившиц, 1979; Распопова, 1970: 86–90; Байпаков, 1986: 39–40, 92–98; 1989: 338–340, 341–342; Маршак, Распопова, 1989: 423–425 и др.). В Первом Тюркском каганате протекали интенсивные процессы переустройства, связанные с формированием надплеменной власти, ростом элит, развитием военизированных структур и формированием «штата» служилых людей, усложнением общественной иерархии и системы подчинения племенных групп. Политические институты Восточно-тюркского и Второго Тюркского каганатов достигли уровня сложности аналогов земледельческим компаундным чифдомам, но попытки по образцу оседлых народов расширить управленческий аппарат и собирать налоги вызывали неприятие у зависимых племен и приводили к мятежам, разгрому или ослаблению каганата. Тюрки заимствовали у покоренных оседлых некоторые фискальные практики, осуществляли административное регулирование и суд. Эти традиции были унаследованы и Западно-тюркским каганатом. Понадобился длительный процесс адаптации и «вжи-

вания» номадов в условия земледельческо-городской инфраструктуры, прежде чем возникнут подлинные государственные симбиозы кочевого и оседлого населения.

Падение Западно-тюркского каганата в результате экспансии танского Китая в 656–659 гг. не смогло разрушить сложившуюся здесь систему связей кочевников и жителей городов. Об этом говорит история Тюргешского каганата. При тюргешах в Семиречье стали активно развиваться городские центры (Суяб, Невакет, Кува, Актаг и др.), развивалась торговая инфраструктура (рынки, склады, караван-сарай), чеканилась монета с согдийскими надписями и тюркскими тамгами, в ходу были китайская монета и ее местные подделки (Аитова, 2001: 129–130; Камышев, 2000: 131–137). Кочевые вожди, заинтересованные в получении пошлин и налогов, обеспечивали полноценное функционирование торговли в этом регионе. Одновременно с этим развивались раннегосударственные структуры.

В западной части степей с началом децентрализации Западно-тюркского каганата в первой трети VII в. выделились Хазарский каганат и «Великая Болгария» Кубрата. Хазарский каганат стал наиболее мощным военно-политическим и торгово-экономическим актором на юге Восточно-европейской равнины, включив в свой состав Северный Кавказ, восточное Причерноморье, степной Крым, бассейн Дона, низовья Волги и северо-восточное Прикаспие. Хазары выдержали длительное противостояние с арабами, славяне, болгары и другие племена платили им дань. На территории каганата бурно развивалась городская жизнь, шла торговля. Наряду с захваченными городами, такими как Беленджер, Семендер (первая столица), Фанагория, Феодосия и др., в каганате возникли новые города Итиль (вторая столица), Саркел, многочисленные городские поселения в Крыму в Фуллах, Доросе, Суйрене, Кыз-Кермене и др. Через Казахстан и Хорезм в каганат поступали товары, которые затем продавались византийцам (неслучайно Керчь получила у хазар название Карша / Чарша – «рынок») и населению Восточной и Северной Европы. К VIII в. можно определенно говорить о возникновении в Хазарии государства (Новосельцев 1990; 2001). В VI–VII вв. происходит образование сложных вожеств, в которых кочевники господствовали над местным оседлым населением и эксплуатировали их ресурсы (Аварский каганат, Болгарское «ханство» на Дунае).

Уникальным было развитие Уйгурского каганата (745–840), чей экономический подъем во многом определялся расцветом Арабского халифата и мир-системными связями с империей Тан. Из-за захвата Тибетом Ганьсуского коридора торговые пути сместились на север, в монгольские степи («уйгурский путь», «дорога кагана Цаньтяня», «южная уйгурская дорога» – Лубо-Лесниченко, 1988: 380). Уйгуры получили контроль над важнейшей торговой артерией Евразии. В степи возникают города с рынками, сеть поселений и станций со «служителями». Особенно славился Орду-балык – столица каганата («здесь много народу, толкотни, рынков, товаров» – Асадов, 1993: 45, 46, 130, прим. 58). Благодаря обосновавшимся в степи согдийцам и китайцам в Уйгурском каганате возводились города, развивалось ремесло и сельское хозяйство. Согдийские колонисты в Монголии имели устойчивые связи с торговцами из Китая, Восточного Туркестана, Семиречья, Арабского халифата. Распространение манихейства во многом адаптировало уйгурское население к новым социально-экономическим реалиям. Важным ресурсом были поставки уйгурам из Китая монеты и шелка. Причем объемы поставок шелка в каганат в начале IX в. достигли 500 тыс. кусков шелка в год (Бичурин, 1950: 313, 322, 323, 333; Mackerras, 1990: 338; Асадов, 1993: 45, 46; Камалов, 2001: 110; и др.). Шелк как стратегический товар делал мир-экономические связи между Уйгурским каганатом и мусульманским Востоком симметричными. Динамика развития мир-системы и торговых отношений в раннесредневековой Евразии обеспечила расцвет уйгурских городов, способствовала экономическому развитию каганата, введению пошлин и налогов, появлению раннего государства.

Второй этап закрепил тенденцию к усложнению экономических, общественных, политических структур и культурных практик, а также привел к возникновению нового типа имперских институтов, интегрировавших часть территории центров и полупериферию в единое политическое пространство. Заметный к середине – второй половине X в. экономический кризис Арабского халифата во многом компенсировался новым подъемом Византии и империи Сун, развитием ремесленной деятельности вдоль уже сложившихся торговых сетей, повсеместным подъемом старых и появлением новых городов как центров ремесла и торговли (уйгурские княжества Восточного Туркестана Хорезм, Хоросан, Мавераннахр, Иран, Закавказье, Индия и др. территории – Алаев, 2002: 137–138; Артемов, 2002: 265, 267; Бокшанин, 1995: 305, 308–311; Рябинин, Уваров, 2012: 322, 328, 330–332).

На юге Восточной Европы одним из образцов поэтапного роста социально-политической и культурной сложности в IX–X вв. была Дунайская Болгария. Подчинение тюрко-болгарами славянских племен,

сбор с них дани способствовали развитию центральной и провинциальной администрации. Принятие христианства в Болгарии при хане / князе Борисе-Михаиле вело к дальнейшему развитию государственности и культуры (заимствование элементов фискальной системы Византии, государственный суд, законодательство кирилло-мефодиевской традиции, организация христианских школ и пр.). Олицетворением нового статуса Болгарии стала идея князя Симеона о создании империи болгар и греков и провозглашение в 927 г. Болгарского царства с независимой патриархией. Однако во второй половине X – начале XI в. Болгария не выдержало противостояния с Византией и в 1018 г. была окончательно покорена византийцами.

Процессы трансформации полупериферии охватили весь степной пояс Евразии. Показательными были образование на рубеже VIII–IX вв. Кимакского каганата и военно-политическое возвышение Кыргызского каганата. Однако от этих политий по уровню сложности далеко ушли синтезные номадно-оседлые государства Караханидов и Ляо, стремившиеся распространить власть номадных правителей на пространство мир-системных центров, соединить полупериферийную степь с центрами-цивилизациями.

Во второй половине IX – X в. Караханидский каганат превратился из кочевой конфедерации в мощную номадно-оседлую империю с дуальной многоуровневой системой управления, столичными городами – Баласагун (восточный каганат), Кашгар и Тараз (западный каганат), подконтрольными оазисами и городами в Семиречье, Средней Азии, Восточном Туркестане (Фергана, Самарканд, Шаш, Узгенд и др.). Решающую роль в синтезе кочевого и оседлого начал, политической адаптации номадных элит, окончательном превращении Караханидского каганата в государство сыграло принятие около 960 г. ислама (Караев, 1983; Кляшторный, Савинов, 2005: 122–124; Кляшторный, Султанов, 2009: 136–138; Кочнев, 2006: 245–249 и др.). Правители каганата стали полноценными политическими и религиозными лидерами для своих оседлых поданных, а кочевое население постепенно интегрировалось в исламскую цивилизацию.

Типологически близкая к Караханидскому каганату модель номадно-оседлого государства была реализована киданьской империей Ляо. Подчинив северо-восточный Китай, правители Ляо одновременно направляли усилия на контроль степей к югу и северу от Гоби. Караханиды контролировали основные торговые пути, связывающие восточную и западную Азию. Кидани вели торговлю с Уйгурскими княжествами, но приоритетными были меридиональные связи, поскольку центром дальневосточного ареала мир-системы была империя Сун, крупнейший торговый партнер Ляо. Из Сун поступал широкий ассортимент товаров в качестве дани по договору или даров ко дню рождения императора, подарков ляоским послам, верховным сановникам и бюрократам (Е Лун-ли, 1979: 294–299). Кидани в виде товаров, дани и обмена дарами получали от северных кочевых и полукочевых народов лошадей, тонкое белое полотно, женьшень, травы, кедровые орехи, шкуры соболя, горноста, белки, рыси, мед и воск, рыбий клей, шерсть овец и верблюдов, драгоценные камни, речной жемчуг и знаменитых соколов, которых с большим трудом чжурчжени добывали для киданьских правителей, князей и т.д. (Е Лун-ли, 1979: 303, 304, 305, 306, 334). Во владениях шивэй, хуантоу шивэй и шоу шивэй было много меди, железа, золота и серебра. Они славились изготовлением железной и медной утвари, цветных шерстяных тканей (Е Лун-ли, 1979: 328).

Подводя итоги, можно отметить ряд особенностей исторического развития степной полупериферии в последней трети I тыс. до н.э. – X в.н.э.:

1. Зафиксировано два цикла усложнения социально-экономических, политических и культурных практик кочевых сообществ в периоды поздней древности и раннего Средневековья. В рамках каждого цикла прослеживается тенденция к созданию крупных кочевых политий и среднемасштабных объединений. В завершающей фазе циклов наблюдаются формирование номадно-оседлых государств (в первом цикле – «варварские» государства IV – середины V в. в Северном Китае, Кушанское царство, во втором – империя Ляо, Караханидский каганат, Болгарское царство) и социально-политическая дезинтеграция степного пространства с преобладанием периферийных моделей адаптации номадов. В раннесредневековый период как в степи, так и в номадно-оседлых образованиях в целом фиксируются более сложные формы социально-политической интеграции и социокультурной трансформации, чем в эпоху поздней древности.

2. Значимым итогом трансформации степной полупериферии было взаимодействие со странами цивилизационной зоны, посредническая роль в торговле, формирование политических связей, распространение моды на определенные виды престижных вещей, информационные контакты, проникновение религиозных учений.

3. Наивысший уровень сложности, достигнутый в результате трансформации степных сообществ, связан с урбанизацией и возникновением государства.

4. При наличии общих тенденций развитие конкретных номадных сообществ имело ярко выраженную специфику.

5. Мир-системный взгляд на трансформацию степной полупериферии Евразии в периоды поздней древности и раннего средневековья дает еще одну объяснительную модель усложнения социально-политической организации и культурной деятельности у кочевников Евразии.

ЛИТЕРАТУРА

- Аитова, С.М. 2000. Статистический анализ находок древнетюркских монет в Семиречье и Отрарском оазисе. *Изв. Министерства образования и науки республики Казахстан, Национальной Академии наук республики Казахстан*. Сер. обществ. наук. № 1: 125–130.
- Алаев, Л.Б. 2002. Раннесредневековая Индия. *История Востока: в 6 т. Т. 2. Восток в средние века*. Отв. ред. Л.Б. Алаев, К.З. Ашрафян. М.: 131–137.
- Артемов, И.В. 2002. Средняя Азия III–XIII вв. *История Востока: в 6 т. Т. 2. Восток в средние века*. Отв. ред. Л.Б. Алаев, К.З. Ашрафян. М.: 261–131.
- Асадов, Ф.М. 1993. Арабские источники о тюрках в раннее средневековье. Баку: Элм.
- Байпаков, К.М. 1986. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI – начало XIII в.). Алма-Ата: Наука.
- Байпаков, К.М. 1989. Город и степь в эпоху средневековья (по материалам Южного Казахстана и Семиречья). *Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций*. Отв. ред. В.М. Массон. Алма-Ата: 336–345.
- Барфилд, Т. 2008. Теневые империи: формирование империй на границе Китая и кочевников. *Монгольская империя и кочевой мир*. Отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин, Т.Д. Скрынникова. Кн. 3. Улан-Удэ: 14–57.
- Беленицкий, А.М., Бентович, И.Б., Большаков, О.Г. 1973. Средневековый город Средней Азии. Л.: Наука.
- Бичурин, Н.Я. (Иакинф). 1950а. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР.
- Бичурин, Н.Я. (Иакинф). 1950б. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР.
- Бокщанин, А.А. 1995. Китай в X–XIII вв. (Империя Сун. Государство Ляо и Цзинь). *История Востока: в 6 т. Т. 2. Восток в средние века*. Отв. ред. Л.Б. Алаев, К.З. Ашрафян. М.: 298–321.
- Большаков, О.Г. 2002. Арабские завоевания. Халифаты Умайядов и Аббасидов. Распространение ислама. *История Востока: в 6 т. Т. 2. Восток в средние века*. Отв. ред. Л.Б. Алаев, К.З. Ашрафян. М.: 113–131.
- Васютин, С.А. 2011. Роль кочевых империй Монголии в средневековой евразийской мир-системе. *The 10 International Congress of Mongolists being Convened under the patronage of Ts. Elbegedorji, President of Mongolia (9–13 august 2011, Ulaanbaatar): Summaries of Congress papers*. Ulaanbaatar: 41–43.
- Васютин, С.А. 2012. Культурная трансформация северной «варварской» периферии китайской цивилизации (на примере Уйгурского каганата). *Цивилизация и варварство*. Отв. ред. В.П. Буданова. М.: 109–128.
- Васютин, С.А., Пугачев, А.Ю. 2009. Тюрко-болгары, Византия и славяне в конце VII–VIII вв.: модель военно-политической адаптации кочевников в полупериферийной зоне земледельческой цивилизации. *Славяноведение*. № 4: 3–16.
- Вдовченко, Е.В. 2015а. Социальные трансформации в сарматском обществе в I в.н.э. *Stratum plus*. № 4: 85–100.
- Вдовченко, Е.В. 2015б. Уровень сложности сарматских обществ Подонья на основе формальных кросс-культурных методик. *Краткие сообщения Института археологии*. № 239: 43–53.
- Горячева, О.Д. 1983. Средневековые городские центры и архитектурные ансамбли Киргизии (Бурана, Узген, Сафид-Булан). Фрунзе: Илим.
- Гумилев, Л.Н. 1967. Древние тюрки. М.: Наука.
- Давыдова, А.В. 1985. Иволгинский комплекс (городище и могильник) – памятник хунну в Забайкалье. Л.: ЛГУ.
- Давыдова, А.В. 1995. Иволгинский археологический комплекс. Т. I. Иволгинское городище. СПб.: Фонд «Азиатика».
- Данилов, С.В. 2004. Города в кочевых обществах Центральной Азии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН.
- Зуев, Ю.А. 2002. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы: Дайк-пресс.
- Е Лун-ли. 1979. История государства киданей (Цидань го чжи). Пер. с кит., введен., комм., прилож. В.С. Таскин. М.: Наука.
- Камалов, А.К. 2001. Древние уйгуры. VIII – IX вв. Алматы: Изд-во «Наш мир».
- Камышев, А.М. 2000. Местные подражания китайским монетам. *Изв. Министерства образования и науки республики Казахстан, Национальной Академии наук республики Казахстан*. Сер. обществ. наук. № 1: 131–137.
- Караев, О.К. 1983. История Караханидского каганата (X – начало XIII в.). Фрунзе: Илим.
- Кляшторный, С.Г. 1964. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М.: Наука.
- Кляшторный, С.Г., Султанов, Т.И. 2009. Государства и народы Евразийских степей: от древности к Новому времени. СПб.: Петербургское Востоковедение.

- Коновалов, П.Б. 1976. Хунну в Забайкалье (погребальные памятники). Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во.
- Коновалов, П.Б. 2008. Усыпальница хуннского князя в Суджи (Ильмовая падь, Забайкалье). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН.
- Коновалова, И.Г. 2012. Халифат Аббасидов и расцвет арабской культуры. *Всемирная история*: в 6 т. Т. 2. *Средневековые цивилизации Запада и Востока*. Отв. ред. П.Ю. Уваров. М.: 244–259.
- Кочнев, Б.Д. 2006. Нумизматическая история Караханидского каганата (991–1209 гг.). Ч. I. Источниковедческое исследование. М.: ООО Издательский дом «София».
- Крадин, Н.Н. 2000а. Кочевники и земледельческий мир: хуннская модель в исторической перспективе. *Восток*. № 3: 5–16.
- Крадин, Н.Н. 2000б. Кочевники, мир-империи и социальная эволюция. *Альтернативные пути к цивилизации*. Под ред. Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева, Д.М. Бондаренко, В.А. Лынши. М.: 314–336.
- Крадин, Н.Н. 2002. Империя Хунну. М.: Логос.
- Крадин, Н.Н. 2007. Кочевники Евразии. Алматы: Дайк-Пресс.
- Лившиц В.А. 1979. Правители Панча (согдийцы и тюрки). *Народы Азии и Африки*. № 4: 56–68.
- Лубо-Лесниченко, Е.И. 1988. Великий шелковый путь. *Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: очерки истории*. Под ред. С.Л. Тихвинского, Б.А. Литвинского. М.: 352–391.
- Маршак, Б.И., Распопова, В.И. 1989. Кочевники и Согд. *Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций*. Отв. ред. В.М. Массон. Алама-Ата: 416–426.
- Миняев, С.С., Сахаровская, Л.М. 2007а. Ханьская колесница из могильника Царам. *Археологические вести*. № 14: 130–140.
- Миняев, С. С., Сахаровская, Л. М. 2007б. Элитный комплекс захоронения сюнну в пади Царам. *Российская археология*. № 1: 159–166.
- Новосельцев, А.П. 1990. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука.
- Новосельцев, А.П. 2001. Хазарское государство и его роль в истории западной Евразии. *Славяне и их соседи*. Вып. 10. *Славяне и кочевой мир*. Отв. ред. Б.Н. Флоря. М.: 59–72.
- Петров, К.И. 1981. Очерки социально-экономической истории Киргизии VI – начала XIII вв. Фрунзе: Илим.
- Полосьмак, Н.В., Богданов, Е.С., Цэвээндорж, Д., Эрдэнэ-Очир, Н. 2008. Изучение погребального сооружения кургана № 20 в Ноин-Уле (Монголия). *Археология, этнография и антропология Евразии*. № 2: 77–87.
- Распопова, В.И. 1970. Согдийский город и кочевая степь в VII–VIII вв. *Краткие сообщения института археологии*. № 122: 86–91.
- Руденко, С.И. 1962. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М.; Л.: Изд-во АН СССР.
- Рябинин, А.Л., Уваров, П.Ю. 2012. Империя Сун в Китае. *Всемирная история*: в 6 т. Т. 2. *Средневековые цивилизации Запада и Востока*. Отв. ред. П.Ю. Уваров. М.: 322–338.
- Цэвээндорж, Д., Эрдэнэ-Очир, Н., Полосьмак, Н.В., Богданов, Е.С. 2010. Ноён уулын хуннугийн язгууртны булшн 2006, 2009 оны археологийн малтлага судалгааны ур дунгээс. *Археологийн судлал*. Т. 29: 255–273.
- Цэвээндорж, Д., Саруулбуян, Ж. 2011 (гл. ред.). Хуннугийн Өв. Нуудэлдийн анхны төр-Хуунну гурний соёл. Улаанбаатар: ШУА-ийн Археологийн хурээлэн.
- Фильштинский, И.М. 1999. История арабов и халифата (750–1517 гг.). М.: Изд. дом «Муравей-Гайд».
- Франк, А.Г. 2002. Азия проходит полный круг – с Китаем как «Срединным государством». *Цивилизации*. Вып. 5. *Проблемы глобалистики и глобальной истории*. Ред. кол. И.Н. Ионов, Л.П. Репина, В.М. Хачатурян. М.: 192–203.
- Чейз-Данн, К., Холл, Т.Д. 2001. Две, три, много миросистем. *Время мира. Альманах современных исследований по теоретической истории, макросоциологии, геополитике, анализу мировых систем и цивилизаций*. Науч. ред. Н.С. Розов. Вып. 2. *Структуры истории*. Новосибирск: 424–448.
- Эрдэнэбаатар, Д., Идэрхангай, Т., Мижиддорж, Э., Оргилбаяр, С., Батболд, Н., Галбадрах, Б., Маратхаан, А. 2015. Балгасын тал дахь Гол Мод-2-ын Хуннугийн Язгууртны Булшны Судалгаа. Улаанбаатар: Улаанбаатарын Их Сургууль Архуологийн тэнхим.
- Яценко, С.А. 2002. Особенности общественного развития сармато-аланов и их восприятие в других культурах. *Кочевая альтернатива социальной эволюции*. Отв. ред. Н.Н. Крадин, Д.М. Бондаренко. М.: 126–135.
- Яценко, С.А. 2008. Донская Алания как кочевая империя (I в. – середина II в.). *Монгольская империя и кочевой мир*. Отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин, Т.Д. Скрынникова. Кн. 3. Улан-Удэ: 281–310.
- Яценко, С.А. 2015. Группы элит у сарматов. *Элиты в истории древних и средневековых народов Евразии*. Отв. ред. П.К. Дашковский. Барнаул: 86–98.
- Barfield, T. 1989. *The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China, 221 BC to AD1757*. Cambridge: Blackwell.
- Broosseder, U. 2011. Belt Plagues as an Indicator of East-West Relations in Eurasian Steppe at the Turn of the Millennium. *Xiongnu Archaeology. Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia (Bonn Contributions to Asian Archaeology. Vol. 5)*. Ed. by. U. Broosseder, B.K. Miller. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn: 349–424.

- Danilov, S.V. 2011. Typology of Ancient Settlement Complexes of the Xiongnu in Mongolia and Transbaikalia. *Xiongnu Archaeology. Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia (Bonn Contributions to Asian Archaeology. Vol. 5)*. Ed. by U. Brosseder, B.K. Miller. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn: 129–136.
- Frank, A.G., Gills, B. 1994. *The World System: Five Hundred Years or Five Thousand?* London: Routledge.
- Hall, T. D. 2006. [Re]peripheralization, [re]incorporation, frontiers and non-state societies. Continuities and discontinuities in globalization processes. *Globalization and Global History*. Ed. by Barry K. Gills and William R. Thompson. London; New York: 96–113.
- Khazanov, A.M. 1984. *Nomads and the Outside World*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kradin, N.N. 2014. *Nomads of Inner Asia in Transition*. Moscow: URSS.
- Mackerras, C. 1990. The Uighu. *The Cambridge History of Early Inner Asia*. Ed. Denis Sinor. Cambridge: 317–342.
- Polos'mak, N., Bogdanov, E., Chistiakova, A., Kundo, L. 2011. Lacquer Ear-Cups from Burial Mound 20 in Noyon Uul. *Xiongnu Archaeology. Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia (Bonn Contributions to Asian Archaeology. Vol. 5)*. Ed. by U. Brosseder, B.K. Miller. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn: 327–332.
- Törbat, T.A. 2011. Study on Bronze in Xiongnu Graves of Mongolia. *Xiongnu Archaeology. Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia (Bonn Contributions to Asian Archaeology. Vol. 5)*. Ed. by U. Brosseder, B.K. Miller. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn: 315–326.

S.A. Vasyutin

TRANSFORMATION OF NOMADIC HALF-PERIPHERY OF EURASIA IN LATE 1ST MILLENNIUM B C – X CENTURY A D

The article deals with the transformation of steppe periphery in Eurasia as a result of world-system processes in late antiquity and Early Middle-Ages. One of the directions of such transformation was the steppe communities complicacy (formation of nomadic empires? hierarchic social systems, participation in the international trading, urbanization, appearance of strata, connected to trading and urban craft, formation of state, expansion of world religions). The researches resulted in determining two cycles (periods of Late Antiquity and Early Middle Ages) of steppe areas complicacy with general tendency to appearance of nomadic-sedentary polities at the final stage. Besides, the article describes the specificity of development of each nomadic polity and more complicated nature of social and political and social and cultural transformation within the Middle Age cycle.

Key words: world-system, Late Antiquity, Early Middle Age, nomadic half-periphery, complicacy of nomadic society.

КУЛЬТ КОНЯ В АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ МАТЕРИАЛЕ МАРИЙСКО-ЧУВАШСКОГО ПОВОЛЖЬЯ И МАРИЙСКОЙ ВЫШИВКЕ

Е.Е. Воробьева, К.В. Михайлова

Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, Казань

Изучение языческих культов важно при исследовании и осмыслении как известных, так и новых материалов. В ходе археологических исследований средневековых могильников Марийско-Чувашского Поволжья был зафиксирован богатый погребальный инвентарь, среди которого мы можем выделить предметы, связанные с таким языческим культом, как культ коня. В статье предпринимается попытка показать на археологическом материале не только важность данного культа для населения Марийского-Чувашского Поволжья в эпоху Средневековья, но и то, как культ коня сохраняется в народном творчестве, в частности, в марийской вышивке.

Ключевые слова: Марийско-Чувашское Поволжье, могильники, Средневековье, вышивка, язычество, культ коня.

Термин «Марийско-Чувашское Поволжье» условный и используется археологами уже на протяжении более 50 лет, он также относится к территории, расположенной по обеим сторонам реки Волги: на участке от восточной окраины г. Волжск (Республика Марий Эл) до впадения в р. Волга правого притока р. Сура и левого притока р. Ветлуга в пределах современных Ядринского, Моргаушского, Чебоксарского, Мари-Посадского, Козловского районов Чувашии и Горномарийского, Волжского, Звениговского, южной части Килемарского и Юринского районов Марий Эл.

На территории Марийско-Чувашского Поволжья исследовано 14 могильников, датируемых в диапазоне IX–XV вв.: Анаткасинский, Девлетгильдинский, Веселовский, Черемисское кладбище, Юмский, Нижняя стрелка, Дубовский, Русенихинский, Ефанихинский, Кочергинский, Лопьяльский, Кантауров-

ский, Борисокский могильники (Никитина, Воробьева, 2016: 128, рис. 1). Среди зафиксированного богатого погребального инвентаря указанных могильников присутствовали предметы, связанные с культом коня.

Культ коня, возникнув на данной территории намного позже других зооморфных культов, вобрал в себя различные черты предыдущих периодов. В частности, в понимании мари лось-олень является «юмынимне» (небесным конем); созвездие Большой Медведицы по-марийски называется «шордошудыр», то есть созвездие лося-олень (Калиев, 1994: 21).

Распространившись в VIII–IX вв., происходит усложнение образа коня, что отражается в переплетении его с другими культурами, в частности, с культом воды. Связь «конь-вода» хорошо прослеживается на археологическом материале таких памятников, как Нижняя Стрелка, Дубовский, Веселовский могильники (Никитина, 2012). Именно с IX в. на коньковых подвесках появляются привески в виде утиных лапок, изображение которых имело такое же значение, что и изображение водоплавающей птицы в целом. В погребениях могильников Веселовского, Нижней стрелки, Дубовского также встречаются коньковые подвески где верхняя рамка или внутреннее пространство щитка заполнено горизонтальными рядами строенных прямых или волнисто-изогнутых проволочек (Никитина, 2012: 142, 145). Такие подвески снабжены преимущественно лапчатыми привесками, но встречаются также и бутыльчатые (Никитина, 2012: 153, 286). Любопытно отметить, что Л.А. Голубева рассматривает их как идеограмму воды (Голубева, 1966: 85).

В центре подвесок обычно располагались сквозные отверстия в форме круга, треугольника или их комбинации. В традиционной марийской культуре треугольник обозначал чрево женщины, символизируя женское начало (неиссякаемый поток жизненной силы и энергии в природе), а круг – человеческий лик или божественное небесное светило. Располагаясь в середине всей композиции, комбинация этих символов олицетворяла сакральную связь людей с небесными божествами посредством женщины. Символика женского начала (треугольник с нижним острым углом) угадывается также и во внешних контурах подвески.

Повернутые в разные стороны конские головы, по представлениям марийцев, символизировали бинарное устройство мира: верх/низ, право/лево, небо/земля, добро/зло и т.д. Именно эта дуальная особенность одновременно воплощать солнечный свет и земное плодородие отразилась в материализации образа животного.

Женские коньковые подвески имели сильный обереговый статус не только за счет своих композиционно-смысловых элементов, но и за счет звука (шума), которые они издавали при движении. Этот шум отпугивал злых духов, защищал женщину от темного колдовства, а также звал к ней на помощь добрых духов и божеств. Создаваемый звук являлся своеобразным ритмом природы, который окутывал своей жизненной энергией тело женщины.

Традиционно коньковые подвески (бляхи) были выполнены в технике литья с последующей ковкой, штамповкой, гравировкой, инкрустацией, пайкой и т.п.

В технике объемной костяной резьбы выполнен образ, распространившийся в X в. и представляющий из себя скульптурное изображение «коней-уточек». Данные предметы, зафиксированные преимущественно в области грудного отдела, имеют распространение в погребениях Дубовского, Нижней стрелки, Веселовского, Черемисского кладбищ (Никитина, 2012) и Анаткасинского могильника (Воробьева, 2015). На хорошо отшлифованную поверхность «коней-уточек», несмотря на мелкие размеры (длина 1,8–2,2 см, высота 1,5 см) нанесен точечный орнамент, изображающий сбрую коня. Тулово коня схематизировано и в большей степени напоминает силуэт плывущей утки.

Следует отметить, что появление и распространение образа «коня-уточки» неслучайно. Здесь налицо объединение двух практически равнозначных символов. Фиксация в погребении «коней-уточек» позволяет говорить о том, что помимо культа птиц одним из почитаемых животных становится и конь. Высокий сакральный статус домашние животные (быки, кони и др.) приобрели с активным развитием земледельческого хозяйства, так как помогали людям возделывать землю и получать высокий урожай. Марийцы верили, что такие животные были наделены сверхъестественными силами, отличавшими их от людей. Магические способности коня позволяли не только общаться с небесами и богами, но и самим олицетворять земной облик почитаемых людьми божеств.

Предметы, выполненные в форме «коней-уточек», весьма интересны и в то же время сложны для исследования. Однако и этот сложный смешанный образ можно попытаться проанализировать. Анализируя мифологию марийского народа, мы можем предположить, что образ утки связан с представлениями о «верхнем мире», а образ коня – соответственно с образом солнца и восходит к более древней основе: образу оленя или лося, которые также считались обитателями «верхнего мира» в традиционной мифологии мари (Акцорин, 1991: 104). С другой стороны, такое смешение можно объяснить и желанием дополнить функции того или иного образа функциями другого священного животного.

Култ коня существовал в течение долгого времени и оставил глубокий след в духовной культуре населения Марийско-Чувашского Поволжья. Мотив коня широко представлен в марийской вышивке. Широко представлены мотивы отдельных конских голов, расположенных или в основном узоре, или по краю орнаментальной полосы. Это связано с тем, что одежда была «защищена» по подолу, рукавам, вороту орнаментом, имеющим магическую охраняющую функцию (Гаген-Торн, 1960: 40). Наиболее распространенным является мотив парных конских голов, обращенных друг к другу и повторяющихся в таком порядке по всей орнаментальной полосе.

Определенный интерес представляет вышивка с изображением парных коней с седоками. Встречаются также изображения животных, отдаленно напоминающих вздыбленных коней перед деревом. При этом следует отметить, что чаще всего орнаментальные группы с изображениями деревьев встречаются в декоре рукавов. В отличие от узоров головного убора типа нашмак, в которых изображение деревьев дается обычно в виде кустов, на рукавах вышивка прозрачна, имеет стебельковый вид.

На основании вышесказанного можно заключить, что среди зооморфных культов култ коня формируется в первой половине I тысячелетия н.э. и прослеживается в течение долгого времени, вплоть до начала XX в. В культе коня выделяется несколько направлений. Во-первых, это вера в коня как в покровителя, защитника. В результате изображения коня, выполнявшего роль оберега, распространяются первоначально в виде украшений, а позднее присутствуют в вышивке. Во-вторых, это оформление в диалектическом единстве двух противоположных начал – солнечного коня и коня смерти, что, очевидно, связано с картиной мира населения Марийско-Чувашского Поволжья, построенной по принципу семитических противопоставлений.

ЛИТЕРАТУРА

- Акцорин, В.А. 1991. Марийский фольклор: Мифы, легенды, предания. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во.
- Воробьева Е.Е. 2015а. Археологические полевые работы на территории выявленного объекта археологического наследия «Анаткасинский могильник» в Мариинско-Посадском районе Чувашской республики в 2013 г. (Архив ИА РАН. 2015. Ф-1. Р-1. № 34215).
- Гаген-Торн, Н.И. 1960. Женская одежда народов Поволжья (Материалы к этногенезу). Чебоксары: Гос. изд-во.
- Голубева, Л.А. 1966. Коньковые привески из Верхнего Прикамья. *Советская археология*. № 3: 80–98.
- Калиев, Ю.А. 1994. Об астральных представлениях марийцев. *Вопросы марийского фольклора и искусства*. Вып. 11. *Современные проблемы развития марийского фольклора и искусства*. Отв. ред. В.А. Акцорин, В.Г. Кудрявцев. Йошкар-Ола: 15–23.
- Никитина, Т.Б. 2012. Погребальные памятники XI–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья. Казань: Изд-во МарНИИЯЛИ.
- Попов, Н.С. 1981. Погребальный обряд марийцев в XIX – нач. XX вв. *Археология и этнография марийского края*. Вып. 5. *Материальная и духовная культура марийцев*. Отв. ред. Г.А. Архипов, Г.А. Сепеев. Йошкар-Ола: 154–173.

E.E. Vorob'eva, K.V. Mikhailova

CULT OF THE HORSE IN THE ARCHAEOLOGICAL MATERIAL OF THE MARI-CHUVASH OF THE VOLGA REGION AND MARI EMBROIDERY.

Summary: The study of the pagan cults it is important in the study and understanding of both known and new materials. In the course of archaeological investigations of the medieval burial grounds of the Mari-Chuvash of the Volga region were recorded by rich grave goods, among which we can highlight objects associated with this pagan cult, as the cult of the horse. This article is an attempt not only to show, the importance of this cult for the population of the Mari-Chuvash of the Volga region in the middle ages on the archaeological material, but as the cult of the horse is preserved in folk art, in particular, in the Mari embroidery.

Key words: Mari-Chuvash Volga region, burial grounds, medieval period, embroidery, paganism, cult of the horse.

ВОРОТА И ПРЕДВАТНЫЕ УКРЕПЛЕНИЯ ГОРОДИЩ ПРИМОРЬЯ VIII–XI ВВ.*

Е.И. Гельман

*Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток*

В статье рассматриваются основные типы ворот и предвратных укреплений, использовавшихся на средневековых городищах Приморья в период VIII–XI вв. Памятники разделяются на долинные и горные городища, а также включают как однослойные, так и многослойные. Ввиду археологической неизученности ворот в этом регионе рассматриваются внешние признаки устройства ворот: количественные и размерные показатели, способ оформления прохода в городских стенах и конфигурация защитных сооружений ворот.

Ключевые слова: средневековые городища Приморья, устройство ворот, предвратные укрепления.

Для выяснения вопроса о типах ворот, использовавшихся на бохайских городищах, найденных на территории российского Приморья, рассмотрены 18 памятников бохайских, постбохайских и бохайского времени (в том числе четыре имели чжурчжэньский слой) (см. таблицу). Городища VIII–XI вв. разделяются на долинные и горные. Не все рассмотренные памятники имеют надежную культурно-историческую привязку, поскольку остаются слабо изученными.

Главным препятствием при исследовании устройства ворот и их защитных укреплений всех средневековых городищ Приморья является почти полная их неизученность путем археологических раскопок. Это в полной мере касается и памятников рассматриваемого периода. Исключение составляет только Краскинское городище, где совместно с университетом Аояма Гакуин (г. Токио, Япония) изучались и продолжают изучаться Восточные ворота. В силу указанных обстоятельств предметом рассмотрения на данном этапе могут быть только внешние признаки устройства ворот, к которым относятся количественные и размерные показатели, способ оформления прохода в городских стенах и конфигурация защитных сооружений ворот.

Памятники, которые отнесены по имеющимся на сегодняшний день данным к периоду VIII–XI вв., включают 13 долинных городищ и 5 горных (см. таблицу). Среди них три памятника содержат бохайский и чжурчжэньский слои. Все городища можно разделить на 2 группы по устройству ворот и защитных сооружений.

1-я группа. Является наиболее многочисленной и включает городища с одной линией валов, у которых отсутствуют дополнительные защитные сооружения ворот (9 памятников). В ней можно выделить две подгруппы А и В.

Подгруппа А. Для большинства памятников этой подгруппы характерны ворота в виде разрыва вала без дополнительных конструкций. К ним относятся семь долинных и одно горное городище. За исключением двухслойного Новогордеевского городища (рис. 2: 4) остальные памятники однослойные: городища Ариадное, Высокое, Горбатка, Кокшаровка-3, Николаевское-I, Николаевское-II, Окраинка (рис. 1: 1, 3, 4, 7; рис. 2: 2, 3, 5) (Клюев и др., 2014: 85–88; Археологические памятники, 2007: 338–342; 358–361; 362–367; Гельман, 2005: 322; Шавкунов, 1994: 56, рис. 3). Последние два не содержат бохайских материалов, но вполне могут быть отнесены к эпохе Бохая, к его внешней периферии. Количество обустроенных ворот различается от памятника к памятнику. Так, одни ворота имеются у городища Высокое (рис. 1: 3), а максимальное число – четверо ворот – встречено на городищах Горбатка и Окраинка (рис. 1: 4, 2, 5). У остальных памятников сооружались двое-трое ворот. Ширина прохода в воротах на всех памятниках не превышает 4–5 метров.

Подгруппа В. К ней относится один раннебохайский памятник с мохэским слоем – Синельниково-1 горное городище (Болдин, 2001: 122–131). Он имеет одни ворота, которые устроены в виде коридора, образованного двумя участками валов, расположенных параллельно друг другу (рис. 2: 7).

2-я группа. Эта группа городищ включает все памятники, у которых есть защитные сооружения хотя бы у одних ворот (9 археологических памятников). По конфигурации защитных сооружений, сочетанию разных типов ворот выделяются несколько подгрупп.

Подгруппа А. У трех городищ этой подгруппы ворота имеют защитные сооружения прямоугольной/подпрямоугольной или дугообразной формы. Прямоугольная форма защитных сооружений у трех ворот

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ № 14-18-01165 «Города средневековых империй Дальнего Востока».

бохайского Краскинского городища установлена по результатам археологических раскопок (рис. 1: 8). Первоначально ворота были оформлены в виде разрыва в валу, а защитные укрепления были пристроены позднее. Вход в них устроен в короткой стене. У памятника покровской культуры Марёвка-1 (Клюев и др., 2014: 97–100) имеются только одни ворота с подпрямоугольными защитными сооружениями, вход в которые устроен в длинной стене (рис. 1: 9). У многослойного Стеклянухинского городища (включая чжурчжэньский и бохайский слои) сооружены четверо ворот с защитными воротными укреплениями дугообразной формы с проходом на стыке вала и укрепления (рис. 2: 9).

Подгруппа В. К ней относятся четыре памятника, у которых ворота в виде разрыва в валу сочетаются с воротами с защитными укреплениями дугообразной формы. Кокшаровское-1 городище имеет двое ворот первого типа и двое второго типа (рис. 1: 5). У Кокшаровского-2 городища, частично разрушенного рекой, сохранились только двое ворот – по одному каждого типа (рис. 1: 6). Оба памятника содержат бохайский и постбохайский слои (Археологические памятники, 2007: 346–358). У Марьяновского (с бохайским и чжурчжэньскими слоями) городища также двое ворот разного типа, есть небольшое отличие: ворота в виде разрыва в валу укреплены с одной стороны прохода небольшими башнями (рис. 2: 1) (Шавкунов, 1994: 61).

Подгруппа С. Включает один многослойный памятник – Ауровское городище с бохайским и постбохайским слоями (рис. 1: 2) (Шавкунов, Гельман, 2002). Городище имеет двое ворот разного типа. У одних ворот проход в валу прикрыт двумя отводками валов наружу, перпендикулярно основной линии вала (в виде флангов). Другие ворота устроены в сужающейся части городища, где вал близко подходит

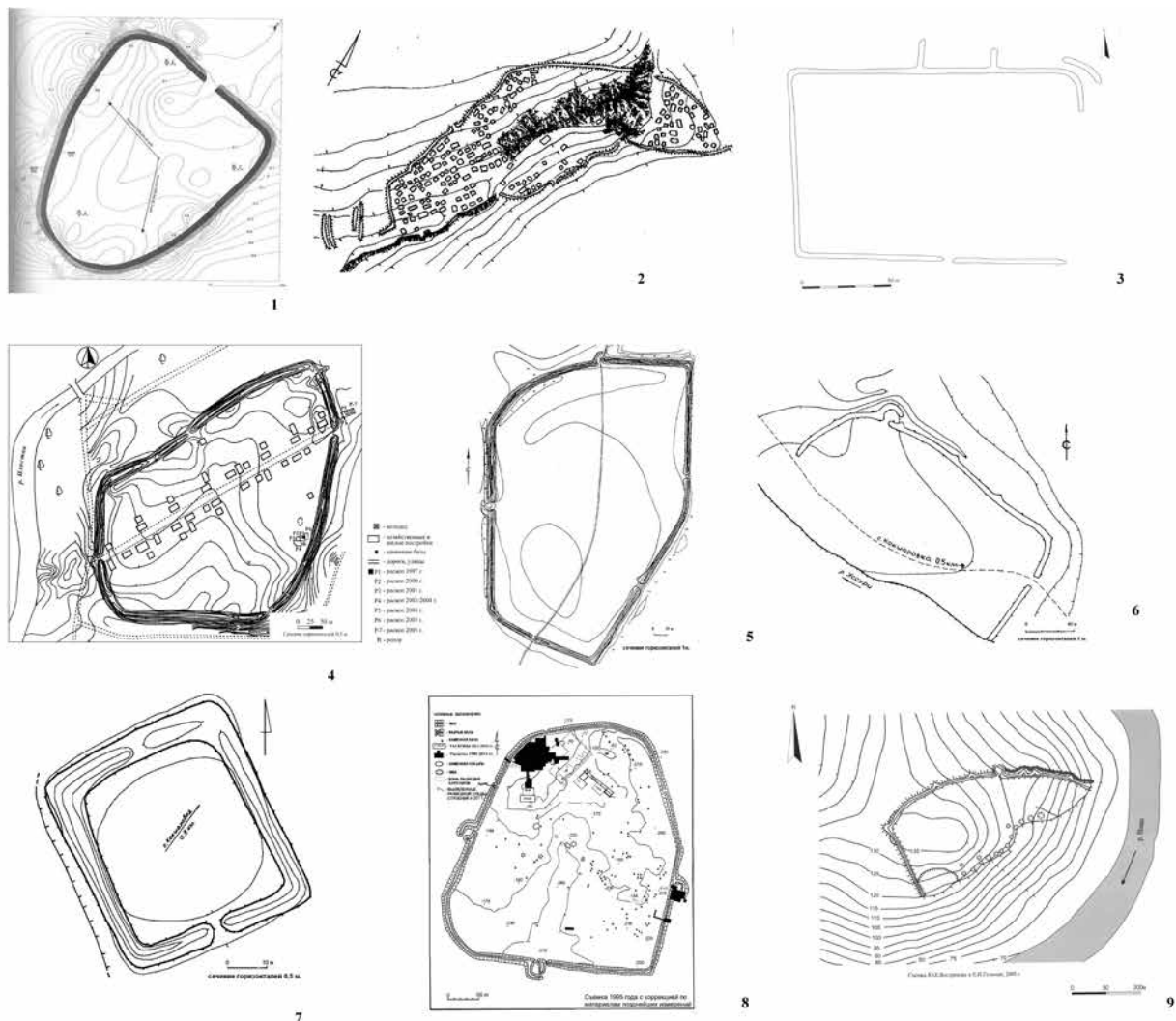

Рис. 1. 1 – Городище Ариадное, 2 – городище Ауровское-4; 3 – городище Высокое; 4 – городище Горбатка; 5 – городище Кокшаровка-1; 6 – городище Кокшаровка-2; 7 – городище Кокшаровка-3; 8 – городище Краскинское, 9 – городище Марёвка-1

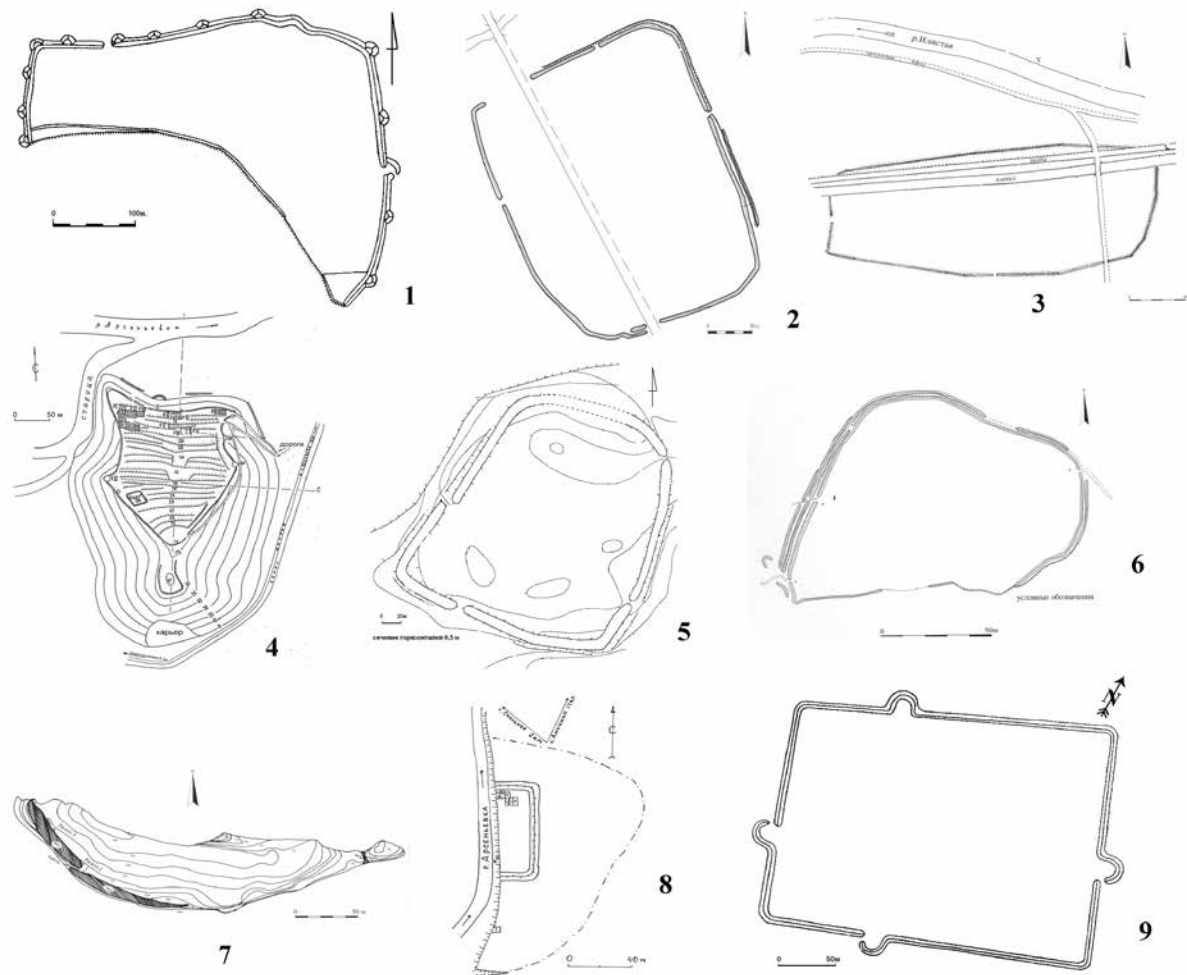

Рис. 2. 1 – городище Марьяновское, 2 – городище Николаевское-1, 3- городище Николаевское-II, 4 – городище Новогордеевское, 5 – городище Окраинка, 6 – городище Отрадинское, 7 – городище Синельниково-1, 8 – городище Смольнинское, 9 – городище Стеклянухинское

к обрыву. В этой точке вал вытянут вдоль обрыва, образуя длинный коридор. Дополнительно вход снаружи памятника прикрывался четырьмя короткими участками валов, выполнявшими роль бруствера.

Подгруппа D. К этой подгруппе относится Отрадинское городище, особенностью которого является тройная линия валов на значительной части периметра стен. Памятник, предположительно, содержит бохайский слой (Шавкунов, 1994: 56). Две внутренние стены сложены из необработанного камня, внешняя – земляная. Памятник имеет четверо ворот в виде разрыва вала, причем для двух проход сооружен через тройную линию валов. Одни из этих ворот снаружи городища напротив входа прикрыты коротким полукруглым участком земляного вала. Проход для третьих ворот устроен на участке с одинарным валом, а четвертые – на стыке одинарного и двойного участков валов.

Выводы. Рассматривая фортификационные сооружения 18 городищ VIII–XI вв., известных на территории российского Приморья, стоит обратить внимание на несколько важных наблюдений об устройстве их ворот:

а) восемь памятников (городища Ариадное, Высокое, Горбатка, Кокшаровка-3, Николаевское-I, Николаевское-II, Новогордеевское, Окраинка) не имели защитных сооружений ворот, которые представляли собой «разрыв»-проход в валу. Из них только многослойное Новогордеевское городище относится к типу горных, остальные – долинные. Количество ворот (от 1 до 4) не связано обязательно с размерами памятников;

б) только один памятник – Синельниковское городище – имеет ворота, оформленные в виде коридора, заключенного между двумя параллельными участками валов. Такой способ сооружения ворот можно рассматривать как самостоятельный прием организации их защиты;

Памятники VIII–XI вв.

№ п/п	Район	Бохайские, постбохайские	Эпоха Бохая	Между Бохаем и Цзинь	Покровские	Периметр	Площадь	Высота вала	Размеры ворот и тип	Тип (горное/долинное)
1	Дальнереченский		Ариадное			420 м	13500 м ²	0,5–1,5 м	Двое в виде разрывов	Долинное
2	Анучинский	Ауровское		+		1250 м	48000 м ²	1,5–3,5 м	Трое ворот в виде разрывов шириной до 2-х м	Горное
3	Черниговский	Высокое				760 м	36000 м ²	1 м	Сохранились одни ворота в виде разрыва	Долинное
4	Михайловский	Горбатка				1250 м	внутри вала – 10 га	3,5–5 м	Четверо ворот в виде разрывов	Долинное
5	Чугуевский	Кокшаровка-1				1645 м	160000 м ²	4–6 м	Двое, с Г-образной защитой, отличается от подобных чжурчжэньских	Долинное
6	Чугуевский	Кокшаровка-2				790 м	39150 м ²	до 4 м	Сохранились одни с Г-образным захабом	Долинное
7	Чугуевский	Кокшаровка-3				186 м	2160 м ²	1,5–2,5 м	Одни в виде разрыва, шириной 4 м	Долинное
8	Хасанский	Краскинское				1380 м	12,6 га	до 2 м	Трое с прямоугольными захабом	Долинное
9	Красноармейский				Марёвка-1	620 м	30241 м ²	1,5–4 м	Одни ворота с прямоугольным захабом	Горное
10	Кировский	Марьянское				900 м	75000 м ²	1–7 м	Двое ворот: одни разрыв с одной башней на фланке, другие с Г-образным захабом с северной стороны	Долинное
11	Михайловский	Николаевское-1				1010 м	Внутри вала – 60785 м ²	2 м	Трое-четверо ворот в виде разрывов	Долинное
12	Михайловский	Николаевское-2				860 м	4 га	1–2 м	Двое ворот в виде разрывов	Долинное
13	Анучинский	Новогордеевское				длина 230 м, ширина 190 м	32500 м ²	0,5–2 м	Трое ворот в виде разрывов, укреплены валами снаружи – напротив ворот	Горное

№ п/п	Район	Бохайские, постбохайские	Эпоха Бохая	Между Бохаем и Цзинь	Покровские	Периметр	Площадь	Высота вала	Размеры ворот и тип	Тип (горное/долинное)
14	Чугуевский		Окраинка	+		405 м	12000 м ²	2–2,4 м	Три разрыва 1,5 м, одни ворота шириной 5 м	Долинное
15	Михайловский	Отрадинское				850 м	5 га	0,5–2 м	Трое в виде разрывов, одни прикрыты отрезками валов с 2-х флангов, одни проходят через тройной ряд валов	Горное
16	Октябрьский	Синельниково-1				700 м	1,3 га	до 3-х м	Одни ворота, которые образуют коридор шириной 2 м и протяженностью 5,5 м, заключенный между двумя каменными стенами вала	Горное
17	Анучинский			Смолинское		145 м	2600 м ²	до 1,5 м	Не сохранились	Долинное
18	Шкотовский	Стеглянухинское				1000 м	60000 м ²	5–7 м	Четверо с С-видными захабами	Долинное

с) три городища (Краскинское, многослойное Стеглянухинское и Марёвка-1) имеют все ворота с однотипными (на одном памятнике) защитными сооружениями (прямоугольными или С-образными);

д) три долинных городища (многослойное Кокшаровка-1, Кокшаровка-2 и двухслойное Марьяновское) имеют два вида ворот: без защиты и с защитными С-образными конструкциями. Только у Марьяновского городища одни ворота в виде «разрыва» в валу прикрыты с одной стороны от входа одиночной башней;

е) два горных городища – многослойное Ауровское и Отрадинское – заметно отличаются от остальных памятников этого времени. Кроме того, что стены памятников возводились с учетом рельефа местности, у обоих городищ в качестве защиты ворот использовались дополнительные поперечные валы перед входом в городище. Две-три линии валов на Отрадинском городище, вероятнее всего, строились в разное время (внутренний вал – каменный, внешние – земляные). Такие укрепления у средневековых городищ чаще встречаются на чжурчжэньских памятниках. Хотя в настоящий момент считается, что городище датируется бохайским временем, не исключено, что археологические раскопки могут принести и другие сведения.

ЛИТЕРАТУРА

- Археологические памятники эпохи палеометалла и раннего средневековья Приморья (по материалам исследований 2006 г.). 2007. Ин-т истории, археол. и этногр. народов Дальнего Востока ДВО РАН; Гос. иссл. ин-т культурного наследия Республики Корея.
- Болдин, В.И. 2001. Городище Синельниково-1 – раннесредневековый памятник Приморья. *Традиционная культура Востока Азии*. Вып. 3. Благовещенск: 122–131.
- Гельман, Е.И. 2005. Археологические исследования на городище Горбатка. Отчет об археологических исследованиях бохайских памятников Приморья в 2004 г. Фонд исследования Когурё. Сеул: 272–444. (Рус., кор. яз.).
- Шавкунов, Э.В. (отв. ред.). 1994. Государство Бохай (698–926 гг.) и племена Дальнего Востока России. М.: Наука.

Шавкунов, В.Э., Гельман, Е.И. 2002. Многослойный памятник Ауровское городище. *Актуальные проблемы дальневосточной археологии*. Владивосток: 75–108. (Тр. Ин-та истории, археол. и этногр. народов Дальнего Востока; т. 11).

Клюев, Н.А., Батаршев, С.В., Гладченков, А.А., Гридасова, И.В., Дорофеева, Н.А., Крутых, Е.Б., Малков, С.С., Морева, О.Л., Слепцов, И.Ю., Якупов, М.А., Юн Хёнг Чжун, Ким Дон Хун, Им Ну Ри. 2014. Археологические памятники эпохи палеометалла и раннего средневековья Приморья (по материалам исследований 2012–2013 годов). Таджон: Ин-т истории, археол. и этногр. народов Дальнего Востока ДВО РАН; Гос. иссл. ин-т культурного наследия Республики Корея. (Рус., кор. яз.).

E.I. Gelman

GATES AND GATE DEFENSE FORTIFICATIONS OF WALLED TOWNS OF VIII–XI C. IN MARITIME REGION

The article considers the main types of gates and their defense fortifications used in the medieval settlements of Primorye in the VIII–XI centuries. All walled towns are divided into valleys and mountain sites, and also include both single-layered and multi-layered. Archaeological investigations of the gate on medieval sites almost were not in this region, so external signs of the gate system are considered: quantitative and dimensional indicators, the way of registering the passage in the city walls and the configuration of the gate protective structures.

Keys words: Medieval settlements of the Maritime Region, gates, pre-battle fortifications.

ВЕЛИКИЕ СТЕНЫ ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА. АНТИЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ АСПЕКТ ИХ ЗНАЧИМОСТИ В МИРОВОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ*

Л.Б. Гмыря

*Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского научного центра РАН, Махачкала*

В статье рассматривается состояние изученности в отечественной историографии проблемы негативных гуманитарных последствий в возведении заградительных рубежей (фортификаций) в V–VI вв. на Восточном Кавказе. Отмечено, что в исследованиях сложилась тенденция идеализации политики размежевания территорий обитания различных этнокультурных образований древности. Автором показана важность изучения проблем гуманитарного характера при определении исторической значимости «Великих стен».

Ключевые слова: Восточный Кавказ, Сасанидский Иран, Византия, заградительные рубежи, Дербент, негативные гуманитарные последствия.

Великое переселение народов, ознаменовавшееся перемещением значительных масс населения из Центральной Азии в Европу, породило ряд глобальных исторических процессов. Наиболее важными из них, как представляется, были: 1) адаптация кочевников-мигрантов к новым территориям обитания («обретение новой родины»); 2) необходимость выработки земледельческими государствами, столкнувшимися с массовой миграцией азиатских племен, принципов сосуществования двух разных по устройству цивилизаций.

Попытки ведущих государств Европы и Ближнего Востока (Западной Римской империи, Византии, Персии) сдерживать продвижение кочевников на подвластные им территории не давали должного результата. Анализ данных письменных источников о событиях последней четверти IV–V вв. показывает, что отсутствие достоверной информации о новом противнике, трагическая недооценка военно-тактических навыков кочевников, слабая организация обороны населенных пунктов, в том числе и разведывательного характера, привели к формированию ошибочных принципов противодействия устремлениям кочевников.

Выделив в наборе военно-тактических приемов кочевников два главных – внезапность нападения на населенные пункты и привлечение к военным операциям значительных по численности войсковых соединений, страны Европы и Ближнего Востока выбрали самый затратный и сложно выполнимый способ защиты. В контактных зонах – местах нахождения международных сухопутных трасс и горных проходов – в короткие исторические сроки (V–VI вв.) были возведены монументальные заградительные рубежи. Технические показатели фортификационных сооружений по замыслу военных инженеров и архитекторов должны были способствовать предотвращению внезапности нападения кочевников.

* Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект № 16-06-00064).

Однако фактор скрытности военной операции у кочевников-мигрантов времени Великого переселения народов являлся одним из основных для достижения цели, но не самым главным, как и фактор привлечения значительного количества войск, задействованных в нападении. По данным письменных источников большое значение придавалось и психологической обработке противника. Неожиданное появление в месте проведения военной операции значительного числа войск имело цель убедить противника в неизбежности его поражения. Но главным в успехе кочевников было военное искусство, которым они обладали в совершенстве, касалось ли это набегов на обширные территории или штурма укрепленных поселений.

В Европе в период V – первая пол. VI в. в спешном порядке усиливались фортификационные сооружения Римской империи, Византией перекрывались горные проходы Крыма, Западного и Центрального Кавказа, Персией при содействии Византии были возведены заградительные рубежи на Восточном Кавказе. К середине VI в. в европейской контактной зоне кочевого и земледельческого миров, протянувшейся вдоль пояса степей, фактически была создана международная система стратегической обороны, призванная изолировать сообщества кочевников-мигрантов от земледельческих государств Европы и Переднего Востока.

Негативный опыт использования Китаем в борьбе с хуннами Великой стены, построенной в 214 г. до н.э., крупнейшими государствами Европы и Переднего Востока в эпоху Великого переселения народов учтен не был. Положительный эффект от монументального фортификационного сооружения высотой 10 м и протяженностью 4 тыс. км Китай так и не получил. Не были просчитаны негативные последствия его сооружения – ближайšie и удаленные во времени. Набеги хуннов на Китай продолжались и в последующие годы (Гумилев, 1998: 63–74). Альтернативные способы сосуществования двух разных социально-экономических систем во взаимоотношениях с государством хуннов правители Китая упорно отвергали. В эпоху Великого переселения народов перед странами, построившими масштабные заградительные рубежи на путях продвижения кочевников-мигрантов, возникли те же проблемы, с которыми столкнулся Китай почти 600 лет назад.

На Восточном Кавказе Сасанидским Ираном при финансовом участии Византии было возведено в V–VI вв. несколько фортификационных линий, перегородивших как Прикаспийскую равнину в наиболее узких местах, так и опасные участки горных проходов (Тревер, 1959: 267–287). Основное назначение монументальных сооружений этого региона, как отмечается в письменных источниках и признается исследователями, – защитить цивилизованные государства Закавказья и Переднего Востока от проникновения многочисленных кочевых племен, переместившихся на территорию Западного Прикаспия из Центральной Азии в эпоху Великого переселения народов.

Равнинные районы Западного Прикаспия периодически становились местом обитания кочевников начиная с эпохи бронзы. В 90-х гг. IV в. в Прикаспии установилось господство азиатских племен, известных из письменных источников под собирательным наименованием «гунны». На протяжении раннего Средневековья в этом регионе поэтапно обосновались различные тюркоязычные племена Центральной Азии – савиры (первое десятилетие VI в.), тюрки (конец VI – первая треть VII в.), хазары (середина VII – 40-е гг. VIII в.), оказавшие существенное влияние на политическую обстановку и этнокультурные процессы на Восточном Кавказе (Артамонов, 2002: 66–99, 199–245).

Данный регион представлял особый интерес для кочевых сообществ эпохи Великого переселения народов. Особенности природно-географической среды (узкая полоса приморских степей, переходящая в низкогорье, обилие речных долин) способствовали их хозяйственной деятельности (Гмыря, 1995: 115–126). Но более важным было стратегическое положение этого региона. Вдоль западного побережья Каспийского моря проходила древняя межконтинентальная сухопутная трасса (Каспийский проход), соединявшая Юго-Восточную Европу и Переднюю Азию. Наличие удобных для контроля естественных проходов, расположенных на межконтинентальной трассе (сужение некоторых участков приморской низменности из-за близкого расположения к берегу моря передовых горных хребтов), а также дорог, ведущих к перевальным путям Кавказа, близость закавказских государств (Армения, Иберия, Кавказская Албания), ставших объектами притязаний кочевников, также делали Западный Прикаспий привлекательным для кочевников (Гмыря, 2009: 10–12). В силу постоянного проникновения в Закавказье через территорию Западного Прикаспия военных контингентов «страны гуннов» этот природный объект обозначался в письменных источниках как «ворота гуннов».

Сасанидский Иран и Византия – главные соперники за господство в Закавказье в период V–VII вв. – несмотря на длительное военное противостояние постоянно обращали внимание на контроль за прохода-

ми (Каспийским и Кавказскими), размещая в местах их расположения значительные силы для предотвращения проникновения кочевников на подвластные им территории Закавказья. В мирных договорах (408, 424, 441, 442 гг.) этих стран предусматривалось равновеликое финансовое участие по охране проходов. Кочевые племена Прикаспия, объединившись в союзы, совершали периодические военные акции в Закавказье, грабя города, захватывая скот, уводя население в плен. Сасанидский Иран и Византия в середине V в. перешли от политики сдерживания устремлений кочевых сообществ Западного Прикаспия к их изоляции посредством возведения в стратегических местах Каспийской сухопутной трассы и в предгорьях Кавказа заградительных линий (валов, крепостных стен).

В настоящее время на Восточном Кавказе известны три заградительные линии обороны (Тревер, 1959: 267–287), возведенные Сасанидским Ираном при участии Византии – Бармакская, Гильгильчайская (Республика Азербайджан) и Дербентская (Российская Федерация, Республика Дагестан).

Бармакская (Бешбармакская) линия обороны расположена на северной оконечности Апшеронского полуострова. Своё начало она берет у горы Бешбармак, перегородив приморский равнинный участок протяженностью 1,75 км. Сохранилась в виде небольших каменных развалов двух параллельных стен с расстоянием 220 м между ними, соединенных у береговой линии поперечной стеной. На горном отроге имеются остатки каменной крепости.

Гильгильчайская (Шабранская) линия обороны расположена в 23 км к северу от Бармакской. Она проходит вдоль русла р. Гильгильчай. Сохранилась в виде вала с оплывшими башенными выступами общей протяженностью в 50–60 км. Она перегораживает не только приморскую равнину шириной 7,7–8,7 м, но отдельными отрезками проходит по предгорьям и горным районам.

Дербентская оборонительная линия расположена в 125 км к северу от Гильгильчайского фортификационного рубежа и примерно в 150 км от Бармакской стены. Она представляет собой комплекс укреплений, включающий городскую цитадель, две отходящие от нее параллельные стены длиной 3,5–3,6 км, перегородившие приморскую равнину между горой Джалган и морем, и Горную стену протяженностью 40 км. Приморский участок Дербентского комплекса состоит из ранней фортификации, возведенной в середине V в. из сырцового кирпича стандартной квадратной формы (цитадель и северная городская стена), и поздней – каменной, датируемой серединой VI в. (цитадель, северная и южная городские стены). Каменные укрепления облицованы крупными, хорошо обработанными блоками, внутренняя часть стен состоит из каменной забутовки на известковом растворе. Горная стена построена по технологии каменной фортификации приморского участка обороны, в наиболее уязвимых местах она усилена фортами (Кудрявцев, 1993: 48–65).

По данным литературных источников (сведения путешественников XVII–XVIII вв.) и обследований, проведенных учеными в XIX – нач. XX в., в Западноприкаспийском регионе существовали остатки еще нескольких заградительных линий, перегораживавших приморскую равнину – Рубасская, Северодербентская и Таркинская (Пахомов, 1933: 39–43; Тревер, 1959: 267–287).

При определении исторической значимости заградительных рубежей в Западноприкаспийском регионе в историографии сложилась тенденция их идеализации как надежных объектов изоляции кочевников. Высоко оцениваются такие показатели крепостных сооружений, как их стратегическое расположение, конструктивные и архитектурные особенности, эффективность в защите государственных границ. Особо отмечается позитивная роль заградительных рубежей в развитии городов в Закавказье (Артамонов, 2002: 137–144; Кудрявцев, 1976: 82–117; 1979: 34–43; 1982: 92–128; 1993: 48–64; Пахомов, 1933: 39–43; Тревер, 1959: 267–287). Наличие государственных системных оборонительных линий воспринимается исследователями в качестве показателя высокого уровня цивилизованности этнокультурных сообществ.

Исследователи заградительных рубежей Западного Прикаспия, подчеркивая их фортификационные и стратегические достоинства, отмечают также колоссальный объем финансовых средств, израсходованных на их сооружение Ираном и Византией. Приводят также факты использования военнопленных в строительных работах и массового перемещения с территории Ирана подвластных этнических сообществ для охраны фортификационных сооружений в Прикаспии (Гаджиев, Касумова, 2006: 98–114). Однако эти обстоятельства не рассматриваются исследователями с точки зрения деструктивности социально-экономических процессов как в регионе нахождения заградительных фортификаций, так и в самих Иране и Византии. Они упоминаются лишь как сопутствующие явления значимых для истории событий, способствовавших изоляции кочевых сообществ, какими являлись монументальные фортификации Западного Прикаспия.

Однако по данным письменных источников и материалам археологических исследований фиксируются и негативные последствия искусственного размежевания в Западном Прикаспии территорий обитания скотоводческих племен и оседло-земледельческого населения. Они проявлялись в нарушении налаженных международных экономических связей, ухудшении социально-экономического положения конфликтующих сторон, обострении военно-политической обстановки в приграничных районах. Государствами тратились огромные средства на возведение оборонительных рубежей, их охрану и периодическое восстановление разрушенных объектов. В течение многих десятилетий отвлекались значительные людские ресурсы на создание оборонительных линий, велики были трудозатраты по добыче строительных материалов и их обработке.

Наиболее разрушительными последствиями возведения заградительных рубежей на Восточном Кавказе следует признать блокаду древней международной Каспийской сухопутной трассы, которая оказывала негативное воздействие на социально-экономическое положение населения не только данного региона, но и многих народов, связанных с этой торговой коммуникацией потребностями экономики.

Важно отметить, что деструктивный характер заградительных рубежей, блокирующих международные торговые трассы, отмечался в ближайшем окружении правителей Персии. Армяноязычный автор «Истории агван» (Кавказской Албании) Мовсес Каланкатуаци передал критическое отношение высших слоев Персидского государства к внешней и внутренней политике иранских шахов в период изнурительных войн с Византией в VI – первой половине VII в. Среди ряда обвинений в адрес шаха Хосрова II Парвиза, высказанных тайно после поражения Ирана в 627 г., было и такое: «... доколе проходы дорог будут заперты, и будут препятствовать выгодам разных стран нашего отечества...» (Мовсес Каланкатуаци, 1861: 113).

Эта ценная информация о критическом отношении высших слоев Персидского государства к заградительной политике шахов, препятствующей выгодным торговым отношениям с другими странами, перекликается с отмеченными в письменных источниках сведениями о стремлении кочевых сообществ Восточного Кавказа к наличию свободных рынков в пограничных районах с земледельческими государствами. У Мовсеса Каланкатуаци имеются также данные о требовании Западно-Тюркского каганата к Кавказской Албании, находившейся под протекторатом Персии, не только добровольного признания власти тон-ябгу-кагана, а также сдачи городов и крепостей, но и обеспечения «... торговли войскам моим...» (Мовсес Каланкатуаци, 1861: 121). Требования носили ультимативный характер. Западно-Тюркский каганат, выступивший союзником Византии в кампании 626–628 гг. Ирано-Византийской войны, после поражения Персии в 626 г. претендовал на господство в Кавказской Албании.

Почти 180 годами ранее те же требования о свободной торговле в пограничных районах были предъявлены Аттилой Западно-Римской империи. В договоре между сторонами отмечалось, что «... ярмарки должны быть равноправны и безопасны для римлян и для уннов...» (Приск Панийский, 1948: 676).

Китай в долговременном противостоянии с государством хуннов также столкнулся с проблемой приграничных рынков. Одним из основных требований хуннов к Китаю было обеспечение свободной торговли в пограничных районах. Китайские правители в лучшие времена соглашались предоставлять хуннам фиксированную завуалированную дань товарами (шелк, рис, пряности и др.), но открывать свои рынки для кочевников им было невыгодно в системе подушного налогообложения населения (Гумилев, 1998: 99). После возведения Великой стены (214 г. до н.э.) хунны воевали с Китаем еще 62 года, когда по договору 152 г. до н.э. были впервые открыты пограничные рынки для свободного обмена. Это событие способствовало длительным (20 лет) мирным отношениям хуннов с Китаем (Гумилев, 1998: 101).

Возможность свободной торговли в пограничных районах земледельческих государств была для кочевников жизненно необходимой. Они добивались организации равноправных рынков от всех государств, с которыми устанавливали контакты. Несовпадение социально-экономических интересов государственных образований кочевых сообществ и крупных земледельческих империй Азии и Европы являлось одним из существенных факторов, способствующих изнурительным военным конфликтам. Альтернативные способы организации взаимодействия крупных империй с кочевниками (мирные договоры, перекрестные браки правящих родов, выплата фиксированной дани кочевникам, договоры о военном сотрудничестве, практика свободной торговли в приграничных районах) практически не рассматривались. Господствовала идея надежной изоляции кочевых сообществ путем сооружения мощных заградительных рубежей в контактных зонах.

При строительстве монументальных фортификаций не учитывались ни потенциальные возможности войск кочевников, ни состав их вооружения. Мовсес Каланкатуаци дал художественное описание

штурма Дербентских укреплений тюрками в 627 г., в котором ярко просматриваются тактические приемы кочевников. «Видя страшную опасность со стороны безобразной, гнусной, широколицей, без ресничной толпы, которая в образе женщин с распущенными волосами устремилась на них, содрогание овладело жителями; особенно при виде метких и сильных стрелков, которые как бы сильным градом одождали их и как хищные волки, потерявшие стыд, бросились на них и беспощадно перерезали их на улицах и площадях города.

Как огонь проникает горящий тростник, так входили они в одни двери и выходили в другие, оставив там деяния хищных птиц и зверей...» (Мовсес Каланкатуаци, 1861: 105).

Исходя из данных Мовсеса Каланкатуаци тюрки при штурме Дербента применили как психологические приемы устранения защитников крепости, так и военно-тактические: привлечение значительного числа войск, стремительность нападения, одновременный пуск стрел в защитников всем войском. Автор отметил высокую военную подготовку тюрков – силу и меткость лучников. Действия тюрков при штурме Дербента автор сравнил со стремительностью распространения огня в тростниковых зарослях.

В исследованиях утвердилось положение, что кочевники-мигранты эпохи Великого переселения народов не владели методами штурма крепостей. Из данных Мовсеса Каланкатуаци, Дербент был взят тюрками в 627 г. без применения штурмовых орудий. Сработали численное превосходство штурмующих, профессионализм воинов и стремительность атаки. Но при долговременной осаде укрепленных населенных пунктов кочевниками использовались изобретенные ими штурмовые орудия, оригинальность которых высоко оценивалась военными специалистами Старого света и Ближнего Востока.

По свидетельству Приска Панийского, гуннами Аттилы при штурме хорошо укрепленного г. Наисс в 441 г. были применены два вида передвижных орудий штурма крепостных сооружений: 1) колесные тараны для разлома стен, защищенные сооружением из плетня с кожаным покрытием, выдерживавшим даже огневые атаки защитников; 2) также колесное приспособление для лучников, защищенное аналогично таранам и снабженное окнами для прицельной стрельбы (Приск Панийский, 1948: 677).

Прокопий Кесарийский с восторгом отзывался об изобретенных прикаспийскими гуннами-савирами облегченных таранах, защищенных аналогично описанным Приском Панийским, но переносных, что давало возможность их использовать в гористой местности (Прокопий Кесарийский, 1950: 407–408). Они впервые были применены наемным отрядом савир при штурме византийцами г. Петры в 551 г., а при осаде византийского Археополя в 551 и 553 гг. персы потребовали от привлеченных отрядов савир соорудить аналогичные тараны (Прокопий Кесарийский, 1950: 419).

Амбициозные проекты по сооружению в эпоху Великого переселения народов заградительных рубежей, направленные на изоляцию кочевых сообществ, основывались на ошибочных представлениях о военно-тактических возможностях кочевников. Как правило, масштабные фортификации возводились в кратчайшие сроки, при этом не учитывался экономический потенциал государств (финансовые, материальные и людские ресурсы). Тяжелые условия труда приводили к значительным потерям строителей. Отмечается, что при строительстве Великой Китайской стены погибло много рабочих, которых захоронили в земляной насыпи Стены (Гумилев, 1998: 67). Непозволительное расточительство государственных средств масштабным строительством Великой стены, приведшее к подрыву экономической базы Китая, осуждалось в китайской среде. Императора Цинь Ши-хуанди упрекали в том, что «... не перенося и малейшего стыда, не дорожа силами народа, сбил Долгую стену на протяжении 10000 ли...» (Гумилев, 1998: 319).

Практически те же проблемы возникли и на Восточном Кавказе после сооружения Дербентских укреплений. Мовсес Каланкатуаци, урожденный Кавказской Албании, с горечью отмечал, что для построения «дивных стен» «великого города Чога» (Дербента) «... цари персидские изнурили страну нашу, собирая архитекторов и изыскивая разные материалы для построения великого здания, которое соорудили между горой Кавказом и великим морем восточным...» (Мовсес Каланкатуаци, 1861: 105). Речь идет о сооружении в сер. VI в. каменной фортификации Дербента.

Великие стены эпохи Великого переселения народов – это выдающееся явление мировой культуры. Монументальные фортификационные сооружения являются своеобразными памятниками не только техническим возможностям их создателей, но и значительной роли в мировом процессе кочевников, противостояние с которыми принесло невосполнимые потери противостоящим сторонам. Насколько они были оправданы, вопрос дискуссионный, но бесспорной, как представляется, является необходимость исследования негативных последствий возведения заградительных рубежей в контактных зонах земледельческих и скотоводческих цивилизаций.

Анализ данных письменных источников показывает, что роль равноправных свободных рынков в пограничных зонах была в процессах Великого переселения народов основной. Государственные образования скотоводов не претендовали на территории земледельческих стран, они занимали специфические экологические ниши, благоприятные для ведения хозяйственной деятельности. Их основные требования сводились к организации свободной взаимовыгодной торговли в пограничных районах. Но повсеместно, в Азии или Европе, эта необходимость для них закрывалась. Возможно, Великие стены – это запечатленные в камне свидетельства торговой войны крупнейших империй античности и раннего средневековья с государствами кочевников.

Какое значение придавалось контролю над рынками двумя ведущими государствами эпохи Великого переселения народов – Персией и Византией – свидетельствует содержание некоторых статей мирного договора, заключенного между ними в 562 г. «Постановлено было первое: чтоб Персы не позволяли ни Уннам, ни Аланам, ни другим варварам переходить в римские владения ущелием, называемым Хорузон, и вратами Каспийскими, и чтоб Римляне ни в это место, ни в другие пределы мидийского государства не посылали войска на Персов... Пятое: утверждено, чтоб Саракины и какие бы то ни было торговцы варварских народов, зависящих от обоих государств, не проходили дорогами необычными, но следовали через Нисивий и Дары, а также, чтоб они, без позволения правительства, не ездили в чужие области; а если дерзнут поступать против того, что постановлено, то есть, провозить товары мимо таможи и будут пойманы начальствующими на границах вместе с товарами, которые везут с собою, ассирийские ли это товары или римские, то имеют быть переданы кому следует для должного наказания...» (Менандр Византиец, 1860: 342–343).

Речь в источнике идет о системе функционирования внутренней торговли между двумя государствами – Персией и Византией. Внешние рынки, в частности в пограничных районах с кочевниками Восточного Кавказа, так и не были открыты вплоть до гибели Персидского государства под ударами Арабского Халифата в середине VII в.

Объем источниковой базы о заградительных рубежах, возведенных на Восточном Кавказе Сасанидским Ираном при финансовом участии Византии в V–VI вв., долгое время оставался стабильным. Но в 2014 г. было открыто еще одно монументальное фортификационное сооружение Сасанидского Ирана, находящееся в 20 км южнее Дербента, в долине р. Рубас, в месте расположения Паласа-сыртского курганного могильника последней четверти IV – первой пол. V в.

Раскопками вновь выявленного культурного объекта, проведенными в 2014 г. (охранные исследования) и 2016 г. (раскопки на площади 200 м²), были определены характерные особенности этого сооружения – его монументальность, фортификационный характер и типологическая близость строительных приемов и использованных материалов с Дербентскими каменными укреплениями сер. VI в. Исследование памятника находится на начальном этапе. Определенных данных о его назначении пока не получено.

В 2016 г. был вскрыт 20-метровый отрезок оборонительной стены, ориентированный

Рис. 1. Рубасская фортификация. Вид с севера

в меридиональном направлении (ЮВ–СЗ), а не в широтном, как дербентские городские стены. Длинная стена сохранилась на высоту 2,2 м. Она имела дугообразную форму, ее выпуклый внешний фасад был направлен к востоку (рис. 1–3). Стена состояла из 2 панцирей и внутренней забутовки. Панцири сложены из крупных обработанных каменных блоков и внутренней забутовки, включающей колотый камень, гальку разного размера и утрамбованный грунт. Фасады стены сооружены по разным технологиям. Внешний фасад сооружен постелистым способом (10 рядов кладки), внутренний – с использованием постелистого способа и технологии «тычок–ложок». При сооружении внутреннего фасада стены использованы крупные каменные блоки длиной до 2 м, в кладке внешнего фасада – блоки длиной 1,0–1,5 м. Внешний фасад стены имел ступенчатую конструкцию, обусловленную необходимостью придания стене дугообразной формы. Ширина стены на ее верхнем уровне составляет 3,4 м, с учетом ее выступающего основания – 4 м. Стена имеет продолжение к югу (к береговой линии реки) и к северу (в сторону предгорьев).

Конструкция стены получила повреждения при выборе местными жителями, обнаружившими памятник, 30 крупных каменных блоков, что значительно затрудняет исследование фортификационного сооружения. По некоторым данным на месте поврежденного участка сооружения находилась воротная башня.

Остатки Рубасской фортификации, погребенные селевыми отложениями р. Рубас, сохранились очень хорошо. Это дает возможность детального изучения технологических приемов первичной обработки каменных блоков, из которых возводились кладки стен, а также специфических приемов их подтески во время сооружения структурных объектов. Удастся проследить также ряд вспомогательных строительных приемов, используемых для выдерживания горизонтальности кладки. Детальные материалы раскопок памятника дают возможность не только оценить уровень профессионализма строительных рабочих, но и определить задачи, которые ставились при возведении Рубасской фортификации (сроки строительства, уровень прочности построек, соотношение с рельефом местности, учет направления угроз и методов штурма фортификаций и др.).

Впервые на Восточном Кавказе выявлена фортификация с дугообразной формой оборонительной стены, функциональную необходимость которой предстоит выяснить. Особенность Рубасской фортифика-

Рис. 2. Рубасская фортификация. Вид с юга

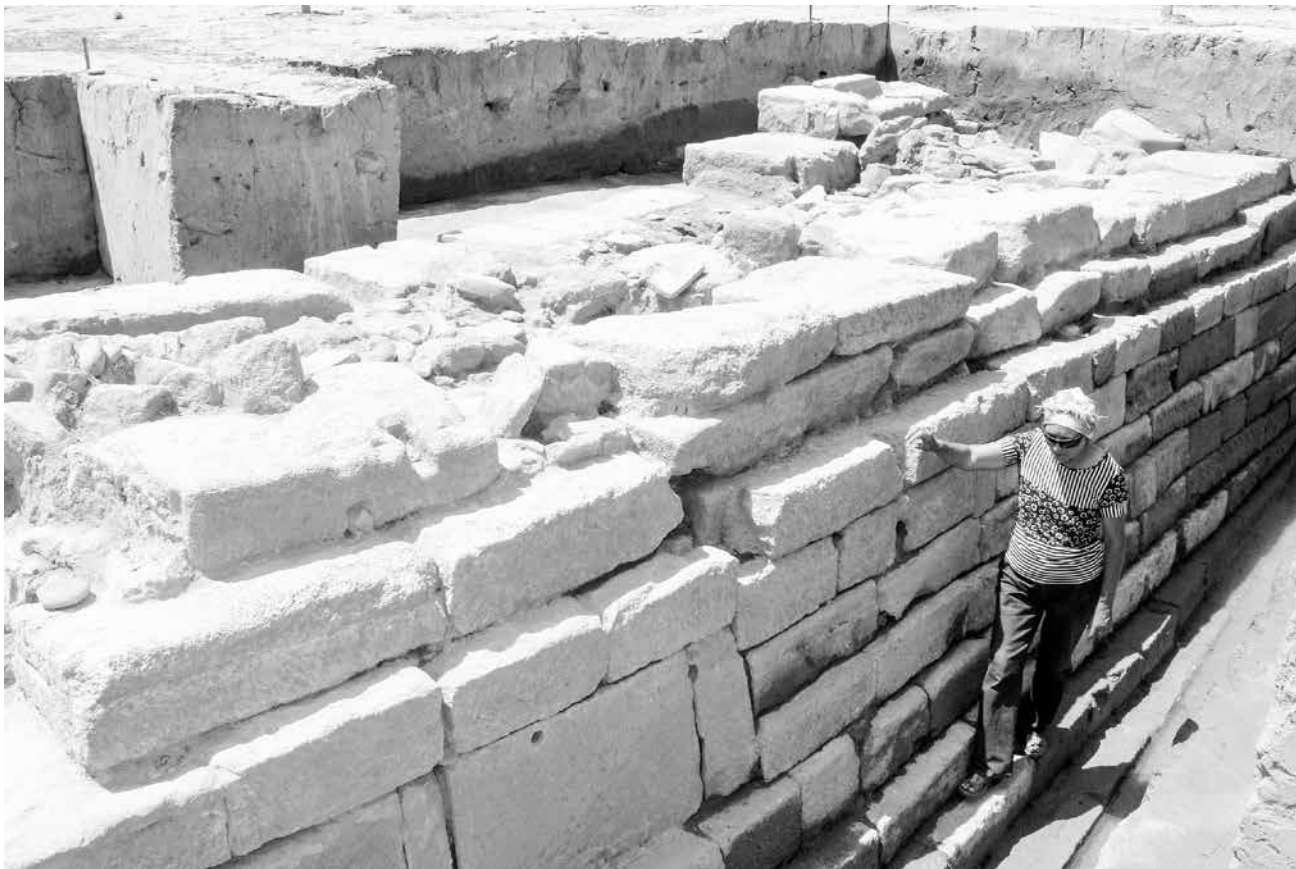

Рис. 3. Рубасская фортификация. Восточный фасад. Вид с юго-востока

кации состоит также в том, что длинная оборонительная стена вытянута в меридиональном направлении, а не широтном, т.е. она не перегораживает приморскую равнину, а проходит параллельно ей. Необычно и то, что она возведена на низком берегу р. Рубас, тогда как наиболее высокая точка береговой линии находится на противоположном, скалистом берегу реки.

Новые материалы о заградительных рубежах эпохи Великого переселения народов и современные методы исследования фортификаций способствуют получению объективных данных об организации и функционировании системы стратегической обороны в одном из важнейших макрорегионов с исторически сложившимся военно-стратегическим положением, каким являлся Восточный Кавказ.

ЛИТЕРАТУРА

- Артамонов, М.И. 2002. История хазар. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ.
- Гаджиев, М.С., Касумова, С.Ю. 2006. Среднеперсидские надписи Дербента VI века. М.: Вост. лит.
- Гмыря, Л.Б. Прикаспийский Дагестан в эпоху Великого переселения народов. Могильники. Махачкала: ДНЦ РАН.
- Гмыря, Л.Б. 1995. Страна гуннов у Каспийских ворот. Махачкала: Даг. кн. изд-во.
- Гмыря, Л.Б. 2009. Религиозные представления населения Прикаспийского Дагестана в IV–VII вв. Махачкала: Наука, ДНЦ.
- Гумилев, Л.Н. 1998. История народа хунну: в 2-х книгах. Сост. и общ. ред. А.И. Куркчи. Кн. 1. М.: Институт ДИ–ДИК.
- Кудрявцев, А.А. 1976. Город, не подвластный векам. Махачкала: Даг.кн. изд-во.
- Кудрявцев, А.А. «Длинные стены» на Восточном Кавказе. *Вопросы истории*. № 11: 31–43.
- Кудрявцев, А.А. 1982. Древний Дербент. М.: Наука.
- Кудрявцев, А.А. 1993. Феодалный Дербент: пути и закономерности развития города в VI–середине XIII в. М.: Наука.
- Менандр Византиец. 1860. Мендора Византийца продолжение истории Агафиевой. Пер. с греческого С. Дестуниса. Византийские историки. СПб.
- Мовсес Каланкатуаци. 1861. История агван Мойсея Каганкатваци, писателя X века. Пер. с армянского К. Патканьян. Санкт-Петербург.
- Пахомов, Е.А. 1933. Крупнейшие памятники сасанидского строительства в Закавказье. *Памятники истории материальной культуры*. № 9–10: 39–43.

Приск Панийский. 1948. Готская история. В.В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Ч.1. Греческие писатели. *Вестник древней истории*. № 4: 675–677.

Прокопий Кесарийский – Прокопий из Кесарии. 1950. Война с готами. Пер. с греческого С.П. Кондратьева. М. Тревер, К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании IV в. до н.э. – VII в.н.э. М.; Л.: АН СССР.

L.V. Hmyria

THE GREAT WALLS OF THE EASTERN CAUCASUS. ANTI CIVILIZATIONAL ASPECT OF THEIR IMPORTANCE IN THE WORLD HISTORICAL PROCESS

The article discusses the state of knowledge in the national historiography problem of negative social consequences on the construction of protective boundaries (fortification) in the V–VI centuries the Eastern Caucasus. It is noted that in studies of the trend is the idealization of the disengagement policy areas habitat of various ethno-cultural formations of antiquity. The author of the study shows the importance of the humanitarian problems in the determination of the historical significance of the «Great Wall».

Key words: East Caucasus, Sassanid Iran, Byzantium, protective boundaries, Derbent, the negative humanitarian consequences of the isolation of ethnic and cultural education policy.

ДЕТАЛИ РУКОЯТИ И НОЖЕН МЕЧА ИЗ МОГИЛЬНИКА СРОСТКИ-I (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК М.Д. КОПЫТОВА В ПРЕДГОРЬЯХ АЛТАЯ)*

В.В. Горбунов, А.Л. Кунгуров, А.А. Тишкин

Алтайский государственный университет, Барнаул

Представлены результаты изучения железного меча с деталями из цветного металла, которые располагались на рукояти, перекрестии и ножнах. Все находки хранятся в Бийском краеведческом музее. Они были обнаружены в 1925 г. при раскопках одного из курганов на памятнике Сrostки-I. Приводится краткая история публикации найденного оружия. Даются размеры, а также описания меча и других деталей. Рассматриваются изображения львов и элементов растительного орнамента на навершии, бляхах-накладках, перекрестии и скобах с обоймами. С помощью портативного рентгенофлюоресцентного спектрометра фиксировался химический состав сплавов. Очерчивается круг аналогий деталям рассматриваемого меча в памятниках IX–XI вв. и указываются возможные связи изображений львов со среднеазиатскими и восточноевропейскими традициями в искусстве.

Ключевые слова: Алтай, Бийский музей, эпоха Средневековья, сrostкинская культура, меч, рукоять, перекрестие, ножны, изображения львов, рентгенофлюоресцентный анализ.

Курганный могильник Сrostки-I, расположенный на горе Пикет в Бийском районе Алтайского края, входит в число крупных средневековых некрополей на юге Западной Сибири и является эпонимным памятником выделенной археологической культуры 2-й половины VIII – XII вв. Его первооткрывателем был археолог-любитель М.Д. Копытов, раскопавший в 1925 г. 39 курганов. Коллекция полученных находок хранится в Бийском краеведческом музее им. В. Бианки под № 849. По описи в ней значатся 242 предмета. Эти вещи сразу привлекли внимание исследователей, и особое место среди них по праву занял железный меч с деталями из цветного металла, украшенными изображениями львов. Сам могильник по обнаруженному инвентарю датируется 2-й половиной IX – 1-й половиной X в. и отражает развитую стадию сrostкинской культуры (Горбунов, Тишкин, 2014: 55).

В 1928 г. С.М. Сергеев, составивший заметку о работах М.Д. Копытова, отметил, ссылаясь на мнение С.И. Руденко, что указанный меч персидской работы и датируется эпохой Сасанидов (Сергеев, 1998: 189). В заметке упоминается о фотоснимке находки. В архиве Бийского музея, в папке «Материалы С.М. Сергеева», имеется старая фотография, где меч показан полностью смонтированным на щите. На ней видны черен с металлическим навершием и двумя бляхами, перекрестие и клинок, на котором расположены две скобы с парными обоймами (одна находится чуть ниже перекрестия, другая – ближе к середине клинка).

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16-18-10033 «Формирование и эволюция систем жизнеобеспечения у кочевых социумов Алтая и сопредельных территорий в поздней древности и средневековье: комплексная реконструкция», а также в рамках реализации гранта Правительства РФ (Постановление № 220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор № 14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

Первый рисунок сроткинського меча «со львами» опубликовал С.В. Киселев. На нем присутствовала только одна бляха и вне рукояти, а навершие размещено на окончании клинка. В публикации даны параметры меча, рассмотрены изображения львов на перекрестии, обоймах с «петлями» и «наконечнике» ножен, которым приведены различные (в том числе сасанидские и более поздние иранские) аналогии, сделан вывод об их передневожточном происхождении и датировке не ранее конца IX в., а также представлено заключение, что сам меч изготовлен из волнистой (струйчатой) дамасской стали (Киселев, 1949: 312–313, табл. LVIII-5).

В дальнейшем сроткинський меч неоднократно использовался исследователями в археологических и оружиеведческих работах (Савинов, 1976: табл. I. –24; Худяков, 1981: 116, рис. 1, 5; Горелик, 2001: 97, рис. 3; Горбунов, 2006: 60, рис. 52). Несмотря на широкую известность, в научной литературе приводились разные данные о его размерах, устройстве рукояти (прямая или наклонная) и расположении отдельных деталей (навершие рукояти или наконечник ножен). Прорисовки изображений были либо слишком мелкими, либо схематичными, а их конструктивные особенности, материал и технология изготовления совсем не рассматривались. Не подтвердилось пока и предположение об изготовлении меча из дамасской стали. По крайней мере металлографический анализ двух мечей из сроткинської коллекции М.Д. Копытова показал, что они откованы из кричного железа без следов каких-либо дополнительных технологических операций (Зиняков, 1988: 156).

Объективным обстоятельством, препятствовавшим подробному изучению меча, являлось его постоянное нахождение в стационарной экспозиции Бийского музея за стеклянными витринами. Авторы данной публикации осматривали и исследовали важную находку в 1990, 1995, 1997 и 2016 гг. Но лишь в последнем случае с любезного разрешения главного хранителя музея Н.И. Заниной удалось размонтировать стенд и поработать с деталями из цветного металла: провести фотофиксацию, сделать зарисовки и осуществить рентгенофлюоресцентный анализ. В результате были получены данные, существенно дополняющие имевшиеся сведения.

Железный меч представляет собой прямой и однолезвийный клинок, который в поперечном сечении имеет килевидный абрис. Его длина составляет 83 см. Ширина в районе основания оказалась 4 см, в середине – 3,4 см, перед закруглением к острию – 3 см. Толщина у основания 1 см, а в середине 0,6 см. Черен меча (также железный и прямой) в поперечном сечении имеет прямоугольный абрис. Его длина около 12 см, ширина ближе к основанию 2,5 см, толщина там же 0,8 см. Переход черена в клинок, к сожжению, разрушен (рис. 1, 1).

Навершие рукояти в виде «колпачка» состоит из двух половинок. Его основу в продольной плоскости составляет овально-прямоугольная фигура с прямым нижним краем и закругленным верхним. Этот край выражен двумя уступами. Со стороны спинки меча навершие снабжено сложнофигурным отростком, напоминающим растительные завитки. Наибольшая длина изделия 8,2 см, длина основной части 5 см, ширина 4 см, толщина 1,5 см. Обе половины навершия выполнены в технике ажурного литья и имеют небольшие повреждения боковых сторон со стороны лезвия меча. Первая (лицевая) половина отлита более качественно. В ее центральной части изображен «грифолев», стоящий на трех лапах, с поднятой правой передней лапой. У него загнутый назад и раздвоенный хвост (пропущенный между лап), к которому примыкает лист растения. Видна косматая грива, глаз, открытая пасть, напоминающая клюв грифа. Вокруг фигуры располагаются десять отверстий. Сама она заключена в два ряда валиков, ближний из которых образует своеобразный геральдический щиток. Внутренняя часть отростка этой половины заполнена растительным побегом с листьями. Вторая (тыльная) половина отлита менее качественно и сильно затерта. На ней изображен такой же «грифолев» с обломанным или недолитым окончанием хвоста. Вокруг фигуры 12 отверстий. Орнамент на отростке отсутствует, но есть круглое отверстие (рис. 1, 2). Для изготовления рассмотренных деталей использовался сплав, основу которого составляла медь. Рентгенофлюоресцентным спектрометром зафиксировано присутствие в нем цинка, свинца и олова, а также золочение внешней поверхности изделий.

Две бляхи-накладки под пальцы руки крепились в торце рукояти со стороны лезвия меча (рис. 1, 1). В фондах музея сохранился только один такой предмет (длина 3,3 см, наибольшая ширина и высота по 1,4 см). Бляха имеет фигурно-ромбовидную форму с сильно выступающей центральной частью, заканчивающейся полусферой. От нее отходят четыре растительных завитка, направленных друг к другу. На

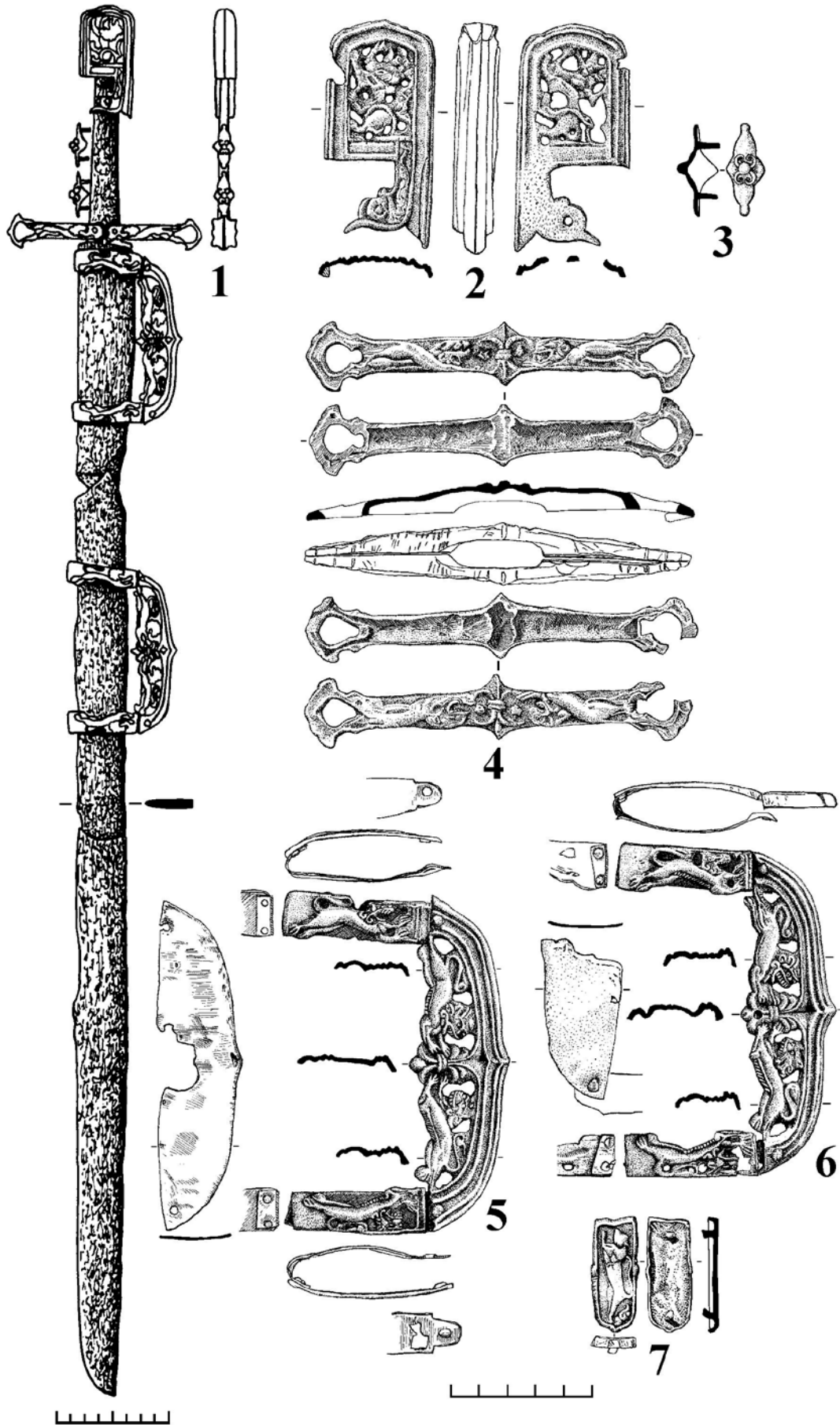

Рис. 1. Сросткинский меч «со львами». Пояснения в тексте

боковых сторонах изделия находятся треугольные лопасти, резко опущенные вниз (рис. 1, 3). С тыльной стороны у сохранившейся бляхи имеются два штыря длиной 0,7–0,8 см.

Перекрестие меча в продольной плоскости имеет крестовидный абрис. Его основу составляет прямоугольник с двумя треугольными выступами по центру и расширенными фигурными прорезными окончаниями. В поперечной плоскости абрис перекрестия напоминает вытянутый ромб. Его длина 14 см, ширина (по центру) 2,4 см, толщина (по центру) 2,3 см. Наибольшая ширина окончаний 2,5 см, ширина ровных участков в среднем 1,2 см. Перекрестие состоит из двух половинок, когда-то соединенных между собой пайкой. В средней части они имеют выемки, образующие подовальное отверстие. Со стороны клинка его размеры 4,5 x 1 см, со стороны черена – 3,4 x 1,3 см. Обе половинки сделаны в технике литья. Первая более рельефна. Она являлась лицевой (парадной) стороной. В центре изображена пальметта с двумя пятиконечными звездами по бокам, которые разделяют прыгающих навстречу друг другу двух львов. У животных показаны одна передняя и две задние лапы, распластанный хвост, подчеркнуты открытые пасти с рядом верхних зубов, завитками переданы гривы. Рельеф второй половины перекрестия более заглажен, но изображения на ней полностью аналогичны. Это свидетельствует о ношении меча на левом боку и постоянном соприкосновении данной части с одеждой воина. Одно из окончаний этой половинки частично обломано, но недостающий фрагмент сохранился припаянным к лицевой половине (рис. 1, 4). Зафиксированный сплав может характеризоваться как сложная латунь. Отмечена позолота на внешней поверхности, в том числе на бортиках.

Первая скоба с двумя обоймами крепилась ближе к устью ножен (основанию клинка). Наибольшая длина изделия (между обоймами) 12,3 см, ширина (включая скобу и обоймы) 8,2 см. Лицевые части изделия демонстрируют ажурное рельефное литье, тыльные – плоское литье. Скоба состоит из лицевой и тыльной пластин фигурно-скобчатой формы. Размеры лицевой пластины – 12,1 x 3,6 x 0,2 см. На ее поверхности проходит три линии валиков, две из которых повторяют абрис внешней боковой стороны, а третья (более тонкая) смыкается с рельефной пальметтой в центре изделия. По бокам пальметты изображены два льва, прыгающих навстречу друг другу. У них показаны все четыре лапы с пальцами, два глаза, нос, открытая пасть с верхним рядом зубов. Гривы животных переданы завитками, а на брюхе полосками обозначена шерсть. Хвосты львов загнуты к спине, но их окончания отведены назад и раздвоены, напоминая растительный лист. Фигуры львов оконтуривают по три отверстия. У верхнего и нижнего края пластины есть два отверстия с расклепанными штифтами, соединяющими ее с обоймами. Тыльная пластина имеет размеры 12 x 3 x 0,1 см. Ее центральная часть у ровной боковой стороны либо повреждена, либо не долита. У верхнего и нижнего края есть два отверстия (одно повреждено) для крепления с обоймами. Кроме этого в пластине пробиты еще три мелких отверстия, возможно, связанных с креплением портупейного ремня. Обе обоймы от первой скобы имеют одинаковую конструкцию и декор. Каждая из них собрана из двух выгнутых пластинок, образующих овал. Пустое пространство внутри составляет 4,7 x 1,5 см. Лицевые пластины прямоугольные, размерами 5,7–6 x 1,4–1,7 x 0,2 см. Для крепления к скобе у них плечиками выделены язычки с отверстиями. На поверхности пластин изображено по льву, которые полностью идентичны львам на скобе. Их фигуры оконтуривают по три и четыре (одно обломано) отверстия. Тыльные пластины менее массивны, их размеры 6 x 1,5 x 0,1 см. Они соединяются с лицевыми частями парными расклепанными штырями и в этих местах сильнее загнуты. Свободные окончания их заужены срезами и снабжены отверстиями под скобу. Вероятнее всего, первоначальная сборка пластин скобы с обоймами подразумевала крепление одним штифтом сразу четырех отверстий, но сейчас это соединение разрушено (рис. 1, 5).

Вторая скоба с двумя обоймами крепилась ближе к середине ножен. Расстояние между ближними обоймами обеих скоб составляло около 10 см. Наибольшая длина изделия 12,2 см, ширина 7,8 см. По конструкции, технике литья и декору это изделие полностью аналогично предыдущему, но имеет худшую сохранность. Размеры лицевой пластины скобы 11,6 x 3,5 x 0,2 см. Отличается круглым углублением в пальметте. От тыльной пластины скобы сохранилось меньше половины изделия (размерами 5,6 x 3 x 0,1 см). Она соединена с обоймой штифтом и имеет одно мелкое отверстие. Параметры лицевых частей обойм 5,7 x 1,5–1,7 x 0,2–0,3 см, тыльных частей 6 x 1,4 x 0,1 см. Пустое пространство внутри обойм 4,7 x 1,5 см (рис. 1, 6). Рентгенофлюоресцентный анализ показал наличие позолоты на лицевых пластинах скоб и обойм, которые сделаны из сложной латуни. Все тыльные пластины оказались медными.

Рассмотренные детали рукояти и ножен сросткинского меча достаточно оригинальны и не находят точных аналогий. Отметим лишь наиболее близкие им изделия: «колпачок»-навершие рукояти и две бляхи-накладки из могильника Сростки-I (раскопки М.Н. Комаровой), скобу с обоями из могильника Шабаново-3 в Кузнецкой котловине и похожие вещи из кимакских памятников Восточного Казахстана (Савинов, 1998: рис. 2, 4, 7; Илюшин, 1998: рис. 14, 2; Петенева 2001: рис. 1). Все они датируются в пределах 2-й половины IX – 1-й половины XI в. Непрямые аналогии изображениям львов, помимо прототипов в сасанидской и согдийской торевице, можно найти в поясной гарнитуре кимаков и кыпчаков, на рукоятях и ножнах хазаро-мадьярского длинноклинкового оружия (Киселев, 1949: 312; Арсланова, 1963: табл. I, 8; Акишев, 1987: рис. 102, 2; Горелик, 2001: 95–97, рис. 2).

В заключение важно отметить, что в 2014 г. при раскопках крупного кургана со рвом на могильнике Сростки-I (Горбунов, Тишкин, Серегин, 2015) рядом с мелкими обломками меча был найден бронзовый наконечник ремня с похожим по стилю изображением прыгающего льва (рис. 1, 7). Не исключено, что наконечник происходит из могилы, раскопанной ранее М.Д. Копытовым, и составляет один комплекс с мечом, являясь деталью портупейного ремешка от его ножен.

ЛИТЕРАТУРА

- Арсланова, Ф.Х. 1963. Бобровский могильник. *Изв. АН Казахской ССР. Сер. общественных наук. Вып. 4:* 68–84.
- Акишев, К.А. 1987 (ред.). Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата: Наука.
- Горбунов, В.В. 2006. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. 2. Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та.
- Горбунов, В.В., Тишкин, А.А. 2014. Курганный могильник Сростки-I: история изучения и современные исследования. *Изв. Алтайского гос. ун-та. № 4/2 (84):* 54–67.
- Горбунов, В.В., Тишкин, А.А., Серегин, Н.Н. 2015. Основные итоги и дальнейшие перспективы изучения раннесредневекового памятника Сростки-I. *Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. 21.* Отв. ред. А.А. Тишкин, В.П. Семибратов. Барнаул: 75–83.
- Горелик, М.В. 2001. Парадные кабарские клинки. *Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. II. Археология, антропология, палеоклиматология.* Гл. ред. А.Б. Белинский. М.: 93–100.
- Зиняков, Н.М. 1988. История черной металлургии и кузнечного ремесла древнего Алтая. Томск: Изд-во Томск. ун-та.
- Илюшин, А.М. 1998. Курганная группа Шабаново-3. *Вопросы археологии Северной и Центральной Азии.* Отв. ред. А.М. Илюшин. Кемерово; Гурьевск: 54–78.
- Киселев, С.В. 1949. Древняя история Южной Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР.
- Петенева, Г.Г. 2001. Декоративное оформление рубяще-колющего оружия средневековых кочевников Прииртышья. *История и археология Семиречья. Вып. 2.* Отв. ред. А.Н. Марьяшев, Ю.А. Мотов. Алматы: 87–99.
- Савинов, Д.Г. 1976. Расселение кимаков в IX–X веках по данным археологических источников. *Прошлое Казахстана по археологическим источникам.* Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: 94–104.
- Савинов, Д.Г. 1998. Сросткинский могильник (раскопки М.Н. Комаровой в 1925 г. и С.М. Сергеева в 1930 г.). *Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. № 3.* Отв. ред. В.И. Соенов. Горно-Алтайск: 175–190.
- Сергеев, С.М. 1998. Курганные погребения близ с. Сростки Бийского округа. Краткая характеристика. *Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. 9.* Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.Б. Шамшин. Барнаул: 187–190.
- Худяков, Ю.С. 1981. Вооружение кочевников Приалтайских степей в IX–X вв. *Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии.* Отв. ред. Ю.С. Худяков. Новосибирск: 115–132.

V.V. Gorbunov, A.L. Kungurov, A.A. Tishkin

DETAILS OF THE HANDLE AND THE SCABBARD OF THE SWORD FROM THE SROSTKI-I VILLAGE BURIAL (ON THE EXAVATION MATERIALS OF M.D. KOPYTOV IN ALTAI FOOTHILLS)

The article presents the results of the research into an iron sword with non-ferrous metal parts located on the handle, the crosshairs and the scabbard. All the finds are stored in Biysk museum. They were discovered in 1925 during the excavation of one of the mounds on the Srostki-I monument. The article provides a brief history of the found weapon publication with the dimensions and the descriptions of the sword and other items. Consideration is given to the pictures of lions and the elements on floral ornament on the pommel, plaques, crosshairs and cage holders. The chemical composition of the alloys was fixed with the help of the portable X-ray fluorescence spectrometer. The outline is made of the analogues of the sword under research in the monuments of 9–11 centuries and consideration is given to the possible links of the lions' images with Central Asian and Eastern European traditions in art.

Key words: Altai, Biysk Museum, the era of the Middle Ages, Srostki culture, sword hilt, cross, sheath, lion image, X-ray fluorescence analysis.

ГОБИЙСКИЕ ГОРОДИЩА МОНГОЛЬСКОГО ВРЕМЕНИ (НА ПРИМЕРЕ КОМПЛЕКСА ХАТАНБУЛАГ)*

С.В. Данилов¹, **Н.В. Именохоев¹**, **А.И. Симухин¹**, **Б.З. Нанзатов¹**, **А. Очир²**, **Л. Эрдэнэболд³**

¹*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Россия, Улан-Удэ);*

²*Международный институт по изучению кочевых цивилизаций (Монголия, Улан-Батор);*

³*Монгольский государственный университет науки и технологии (Монголия, Улан-Батор)*

Культурное наследие Монгольской империи включает в себя различные аспекты исследования на ее обширных территориях. В данной статье представлен комплекс городищ, находящихся в местности Хатанбулаг Восточно-Гобийского аймака. Его особенностью является нахождение нескольких укрепленных городищ между двумя укрепленными высотами Бунхан и Тахилалт. Комплекс датирован периодом расцвета Монгольской империи.

Ключевые слова: Монгольская империя, городище, Средневековье, план.

Первые сведения о памятнике привел монгольский археолог Х. Пэрлээ, который ограничился лишь краткой сводкой (1961: 147). Краткое описание на основе подъемного материала и устных легенд дал историк Г. Гантогтох (2010: 46–48). В 2012 году в рамках совместного исследовательского проекта по составлению электронной карты древних и средневековых городов Центральной Азии комплекс городищ был исследован коллективом авторов под руководством С.В. Данилова.

Комплекс расположен в 23 км на юго-восток от сомона Хатанбулаг на уположенных склонах предгорной равнины к югу от хребта, протянувшегося по линии восток-запад (рис. 1, 1). По предварительной датировке памятник относится к периоду расцвета монгольской империи. С севера памятник ограничен невысокими холмами, постепенно переходящими в горный массив с плоскими безлесыми вершинами, среди которых выделяются две доминирующих над местностью горы Бунхан и Тахилалт. С юга открывается широкая остепненная равнина. Поверхность равнины подвержена сильной ветровой эрозии, в результате которой местами возникли песчаные холмы, барханы. Уположенный склоновый участок, на котором находятся исследуемые памятники, представляет собой горную степь с балками, оврагами, промоинами, возникшими в результате дождевых, талых и селевых потоков, бегущих с хребта.

Один из уникальнейших археологических памятников юга Монголии состоит из шести городищ разной конфигурации, сосредоточенных на территории между горами Барууншивээ и Зууншивээ, дистанция по вершинам которых составляет 3 км.

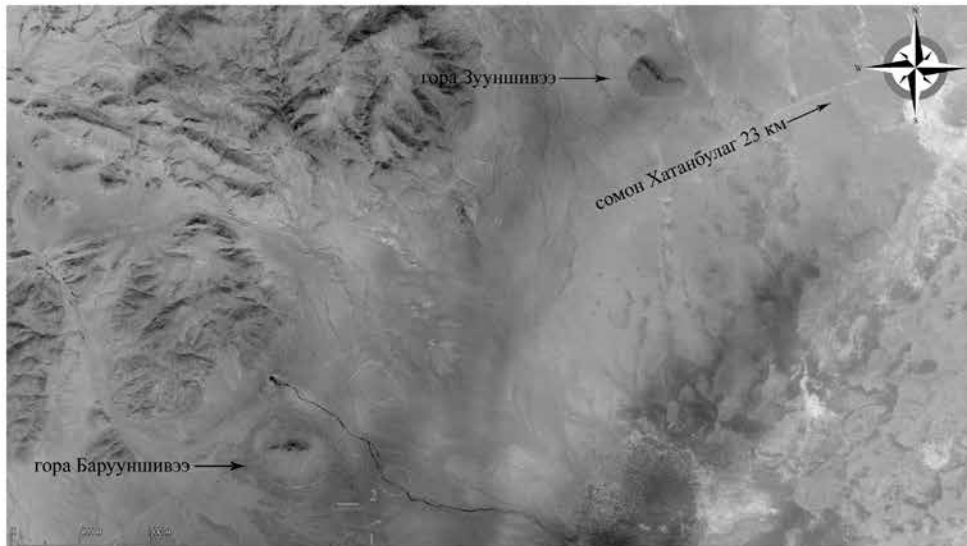
Хатанбулаг-1 расположен на правом берегу ручья в 450 м к юго-востоку от горы Барууншивээ (рис. 1, 1). На ровной степной поверхности, подверженной эрозии, просматриваются остатки разрушенного вала. Сохранившаяся дугообразная часть вала с южной и западной сторон поселения возвышается над современной поверхностью земли на 30–40 см и имеет длину около 140 м. Тело вала состоит из дресвы с суглинком и щебнем и едва выделяется по структуре от окружающей почвы.

На сохранившейся части стены просматриваются остатки двух слившихся из-за развала привратных башен. Одна из них имеет 4-угольную в плане форму, вторая башня аналогична, но несколько больших размеров. Напротив ворот имеется серповидная насыпь, возможно, такое же укрепление, как и на следующих городищах.

Севернее и северо-восточнее дуги вала участок покрыт небольшими песчаными барханами, за которыми при натурном осмотре остатков городища обнаружено не было. Однако при анализе спутникового снимка SAS.Планета в 100 м на восток от предвратного укрепления прослеживаются валы уже отдельного от дуги городища, ориентированного длинной осью с юго-запада на северо-восток, азимут составляет 49 градусов. Валы на этих сторонах также дугообразной формы, северо-западный вал и отчасти юго-западный и северо-восточный валы подвержены природному фактору разрушения, однако контуры на снимке их все же читаются. Лучше проецируется немного выгнутый наружу юго-восточный вал, с участками его размыва и небольшой полукруглой возвышенностью длиной около 15 м напротив разрыва вала – вероятно, ворота, что схоже с предвратной конструкцией остальных объектов (рис. 1, 2).

Хатанбулаг-2 расположен в 310 м на восток от г. Бурууншивээ и в 80 м севернее первого городища на относительно ровной поверхности, слабо наклоненной в южную сторону, покрытой песчаными котловинами и буграми с верблюжьей колючкой (рис. 1, 1).

* Работа выполнена при финансовой поддержке мегагранта Министерства образования и науки РФ (14.W03.31.0016).

1

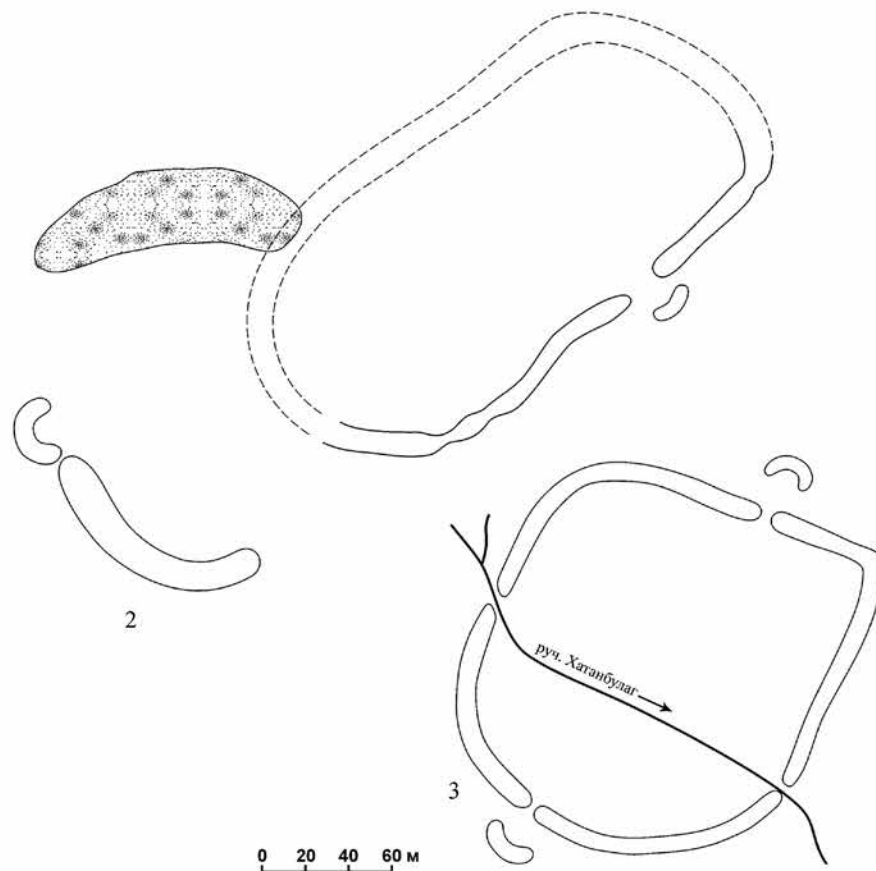

Рис. 1. Спутниковый снимок SAS. Планета комплекса городищ Хатанбулаг (1–6) гор Барууншивээ и Зууншивээ (1).
Топографические планы городищ Хатанбулаг - 1, 2 (2, 3)

Площадь поселения имеет подокруглую в плане форму, за исключением прямого восточного угла и обнесена валом шириной от 10 до 12 м и высотой до 1,6 м. По длинной оси городище ориентировано по линии юго-запад – северо-восток, азимут составляет 25 градусов. Юго-западный вал наиболее выпуклой формы, длиной около 170 м, северо-западный – 130 м, северо-восточный – 136 м, юго-восточный – 130 м. Вал сложен из суглинка и мелкой дресвы. С северо-запада на юго-восток через оборонительные валы и площадь поселения протекает небольшой ручей из источника Хатанбулаг (рис. 1, 3). Внутреннее пространство поселения ровное, без следов каких-либо строений. В настоящее время часть городища покрыта белесоватым налетом.

В центре каждого из четырех сегментов городища наблюдаются 6–7-метровое понижение оборонительного вала и скопления камней подпрямоугольной формы в плане – остатки въездных ворот и привратных башен.

С наружной стороны перед воротами прослеживаются руинированные остатки оборонительных сооружений в виде серповидных удлиненных овалов, почти сливающихся с современной поверхностью.

Хатанбулаг-3 был выявлен при работе со спутниковыми снимками программы SAS.Планета (рис. 1, 1). Визуальный осмотр территории комплекса при работе экспедиции 2012 г. не дал подобных результатов. Основанием для интерпретации данных со снимка как части городища послужили близость расположения и типичная для этих памятников оставшаяся форма дугообразного вала и наличие конструкции у восточного вала, схожей с предвратными укреплениями. Объект расположен в 330 м на северо-восток от городища Хатанбулаг-2, в 500 м восточнее г. Барууншивээ и ориентирован слабофиксируемой западной стороной на север. Северная часть разрушена под действием временного водотока со склонов хребта. Лучшей сохранности, можно предположить, южный дугообразный вал и оставшаяся часть восточного. На краю последнего наблюдается конструкция, похожая на остатки предвратного сооружения (рис. 2, 1).

Хатанбулаг-4 расположен к северо-востоку от основания горы Барууншивээ на расстоянии 280 м (рис. 1, 1). По длинной оси городище ориентировано на северо-запад, азимут по западной стене составляет 309 градусов. Площадь поселения ограничена валами и имеет подпрямоугольную в плане форму с закругленными углами. Длина валов следующая: северо-западный – 175 м, северо-восточный – 215 м, юго-восточный – 162, юго-западный – 215 м (рис. 2, 2).

Стены городища представляют в настоящее время расползшиеся валы. Ширина северо-западного вала 14 м, юго-восточного до 10 м, юго-западного и юго-восточного колеблется от 7 до 9 м. Высота их различна, так как поверхность некоторых участков размыва селевыми потоками. Наиболее хорошо сохранились стены в южной, более приподнятой, части городища, здесь их высота достигает до 1,5 м. Фортификационные стеновые конструкции, вероятно, возведены глинобитным способом, одним из вариантов технологии «ханьту».

В оборонительной системе городища со всех сторон были сооружены ворота: с северо-запада и юго-востока по 5 м шириной, с юго-запада и северо-востока по 19–20 м. Ворота в поселение с двух сторон укреплялись: на северо-западной и юго-восточной сторонах 10-метровыми привратными башнями подпрямоугольной формы, на юго-западной и северо-восточной – округлыми, диаметром до 4 м, от которых сохранились руины в виде развалов камней. Напротив ворот, с наружной стороны, на расстоянии 8 м сохранились руинированные остатки оборонительных сооружений в виде серповидных овалов длиной от 24 до 28 м, шириной 12–13 м. Высота примерно такая же, как и у окружающих валов.

Внутри площади поселения в 19 м от северной стены, напротив ворот, зафиксированы руины подпрямоугольного в плане здания размером 5 x 7 м. Здание было возведено на глинобитной платформе.

Во внутреннем южном углу в небольшой промоине рядом с валом был обнаружен подъемный материал в виде медных гвоздей с литой полусферической шляпкой диаметром до 1 см и загнутыми концами стержней на расстоянии 0,8–1 см от шляпки; корродированные фрагменты железных пластин длиной до 2 см и шириной 0,5–0,7 см; фрагмент сероглиняного венчика с подовальным профилем крупного глазурованного сосуда.

Хатанбулаг-5 расположен на расстоянии 350 м на северо-восток от Хатанбулага-4 и в 850 м в этом же направлении от г. Барууншивээ (рис. 1, 1). Городище сооружено на неровной, «пересеченной» поверхности. Такое место расположения предопределило степень сохранности памятника.

Из сооружений сохранились фронтальные, привратные и предвратные башни, следы въездных ворот. Городище имело подквадратную форму в плане с разновеликими сторонами: северная имела длину 137 м, восточная – 141 м, южная – 142 м, западная – 152 м. Азимут составляет около 20 градусов (рис. 2, 3).

На северной стороне сохранились следы 10-метровых въездных ворот, с обеих сторон которых были сооружены из камня привратные башни четырехугольной формы размером 3 x 5 м. Высота сохранившегося развала до 1 м. Перед воротами на расстоянии 12 м серповидная насыпь – предвратная башня размером 4 x 17 м. От ворот в западную сторону прослеживается два ряда крупных камней, входивших когда-то в конструкцию вала (облицовка вала – опалубка). Северо-западный угол имеет закругленную форму.

Наиболее сохранившаяся южная сторона оборонительного вала имеет ширину от 4 до 5 м, состоит из щебня и крупной дресвы, по своей структуре почти не отличается от окружающей почвы. Практически в центре вала 6-метровые въездные ворота, ограниченные с двух сторон привратными башнями

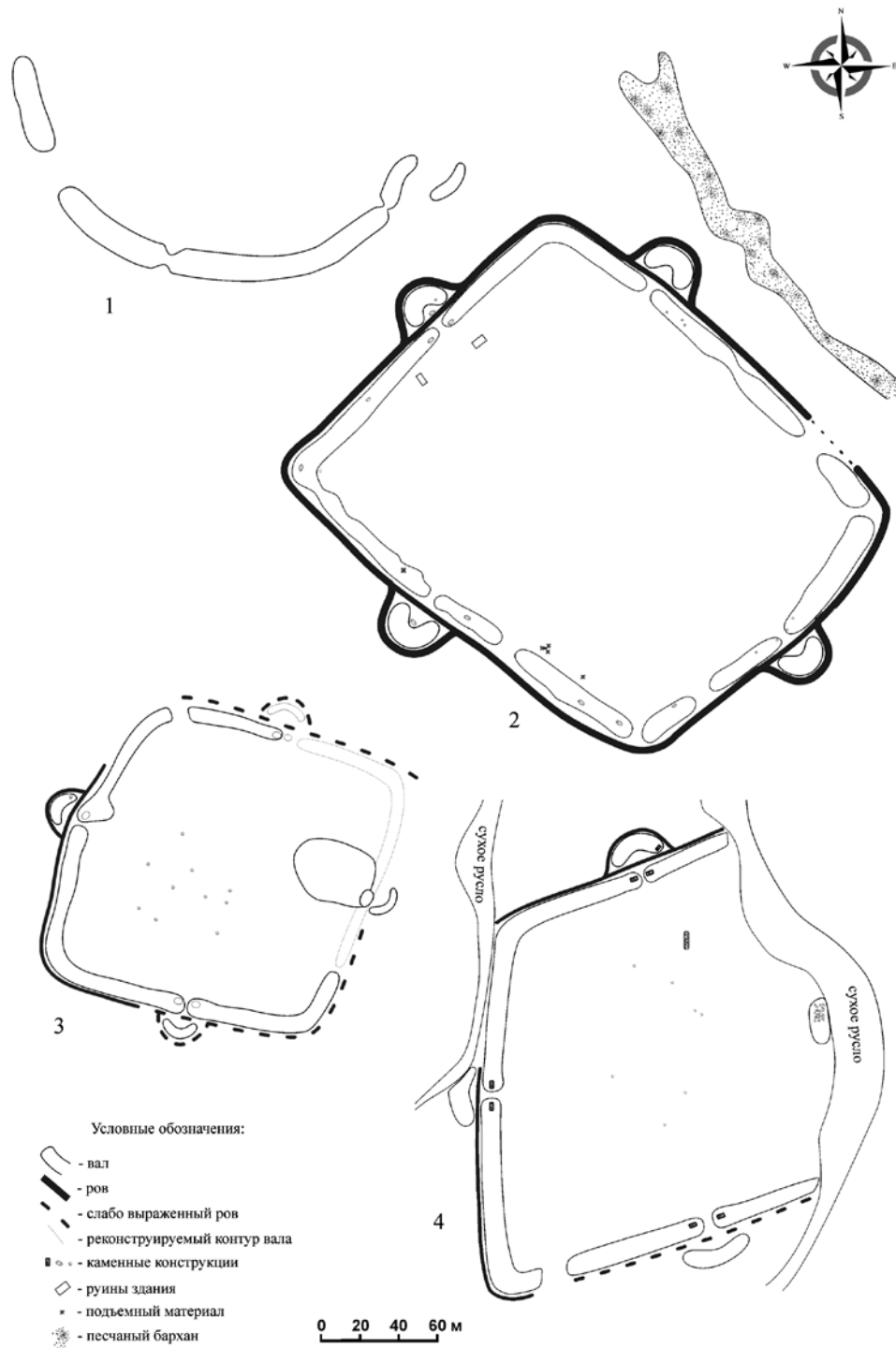

Рис. 2. Топографические планы городищ Хатанбулаг - 3, 4, 5, 6 (1, 2, 3, 4)

подквадратной формы размерами 4 x 4 м, от которых сохранились лишь нижние камни, едва выступающие над уровнем вала. Перед воротами на расстоянии 12 м серповидная насыпь – предвратная башня с размерами 3 x 15 м. В западную сторону вал на небольшое расстояние полностью исчезает, и его следы прослеживаются по двум рядам каменной облицовки стены. Юго-западный угол закруглен и сохранился в виде сплошной каменной кладки.

Западные 3-метровые ворота сохранились в виде двух привратных башен, имеющих размеры: 6 x 5,5 м и 7 x 8 м. Башни, скорее всего, имели четырехугольную форму и состояли из крупных камней.

Хатанбулаг-6 расположен на расстоянии 630 м на северо-восток от городища Хатанбулаг-5 или в 770 м юго-западнее г. Зууншивээ (рис. 1, 1). Памятник дислоцирован на предгорном пологом шлейфе

и является самым близким к г. Зууншивээ. С запада ограничен более глубоким сухим руслом, с восточной же стороны размыв привел к полному разрушению вала. Площадь городища ограничена 6–7-метровыми валами и расположена на неровной каменистой поверхности. Городище первоначально имело ромбовидную в плане форму, ориентировано западной стеной протяженностью 186 м на север. В настоящее время фортификационные сооружения частично разрушены. Восточный вал полностью смыт горными потоками вместе с северо-восточным и юго-восточным угловыми соединениями. Южный сохранился не полностью, и частичные разрушения наблюдаются на пути водных потоков. Северный вал имеет длину 128 м, южный 173 м (рис. 2, 4).

Северная стена (вал) сложена из щебня, крупной дресвы и глины. В 73 метрах от северо-западного угла сохранились 2-метровые ворота с двумя четырехугольными в плане привратными башнями, выложенными крупными камнями на довольно значительную высоту – 1,5 м (восточная башня) и 1,7 м (западная башня). Размеры самих башен в основании: 6 x 6 и 7 x 5 метров соответственно. Восточная часть въездных ворот (башня) чуть лучше сохранила свои очертания. Перед воротами на расстоянии 18 м сооружена предвратная серповидная башня с размерами 6 x 23 м. Все сооружение по периметру оштукатурено каменной кладкой.

От восточного вала и въездных ворот сохранилась лишь одна привратная башня размером 6 x 4 м, разрез которой виден в борту русла.

На южном валу, сооруженном из щебня и крупной дресвы, сохранились въездные ворота в виде двух развалившихся четырехугольных в плане башен. 5-метровые ворота с двух сторон окружены башнями, сооруженными из крупных камней по периметру с заполнением из щебня и крупной дресвы. Восточная башня, лучшей сохранности, имеет размеры 4 x 7 м, западная крупнее – 5 x 10 м. Высота развалов башен достигает 1,5–2 м. Перед южными воротами на расстоянии 19 м возведено предвратное укрепление серповидной формы, сохранившееся в виде холма из щебня и дресвы с размерами 6 x 29 м.

Гора Барууншивээ расположена на западной оконечности комплекса, ее высота по скальным выходам составляет около 35 м, по данным GPS – 1135 м. Гору с юго-востока, юга и юго-запада опоясывает насыпной вал шириной до 5–6 м и высотой от 1 до 1,5 м из глинистой земли, дресвы, щебня, мелкого и среднего камня (рис. 1, 1). Следы частичной выемки грунта наблюдаются с внутренней стороны. В юго-западной части вала имеется проход – ворота, перед которыми с внешней стороны возведена предвратная башня. На террасовидной площадке между валом и самой горой с юго-восточной, южной и юго-западной сторон склона – обилие фрагментов керамики разных видов, относящихся к Средневековью; там же найдены небольшой скребок красноватого цвета из яшмовидного кремня, нуклеус классической формы (гобийский-?) из прозрачного халцедона (?), отщепы, нуклеус палеолитического типа.

Гора Зууншивээ с седловиной и скальной вершиной высотой по GPS 1140 м вытянута с юго-востока на северо-запад. Она вся обнесена валом, повторяющим округлые контуры горы общей протяженностью около 1720 м. Ширина 3 м и высота до 1,5 м, вал местами сильно разрушен, однако видно, что конструкция всего сооружения не едина, наблюдается панцирь, когда между рядами камней внутри наблюдается засыпка из грунта. Перед семью воротами, расположенными на дистанции от 190 до 420 м, наблюдаются серповидные конструкции, между последними и воротами наблюдаются каменные кладки (рис. 1, 1).

Заключение. Конфигурация городищ, их расположение в окружающем ландшафте, технология возведения оборонительной системы – валов, двусторонняя облицовка их камнем, строительство привратных и предвратных укреплений говорят о традиционных методах монгольского зодчества периода Монгольской империи (Данилов, 2014). Этот комплекс можно внести в список городов Монгольского времени наряду с Каракорумом и Хирхирой (см.: Крадин, 2016).

В пользу этой датировки говорят и найденные фрагменты керамических изделий, характерных для этого времени. Однако при визуальном исследовании объектов археологического комплекса Хатанбулаг массового строительного материала – кровельной черепицы и строительного кирпича – не встречено. На площади городищ не отмечены градостроительная планировочная структура, скопления стилобатов-платформ зданий или сооружений. Все это свидетельствует о своеобразных условиях возникновения этого комплекса поселений, его функциональном назначении и долговременности его существования. Вероятно, в силу специфических условий кочевого скотоводческого хозяйства, в условиях преобладания кочевого образа жизни и сложившейся к началу XIII в. политической ситуации на территории Монголии продолжал существовать «передвижной» куренный способ кочевания. О размерах куреня можно судить по мусульманским источникам: «... В ту эпоху тысячу кибиток, располагавшихся таким образом, считали

за один курень» (Рашид-ад-дин, 1952: 86). К этому «передвижному» типу городских поселений, вероятно, можно отнести и комплекс городищ Хатанбулаг. Косвенным подтверждением этому могут стать многочисленные находки на территории памятника чугунных втулок телег разных размеров. Необходимость телег, телег-кибиток у монголов XI–XII вв. вызывалась потребностью в быстром перемещении с места на место. При постоянных набегах, нападениях и войнах всякого рода телега-кибитка была полезнее вьючного животного, когда надо было как можно скорее уходить от врага. Стан из кибиток с поставленными на них юртами мог быть очень подвижен. Впоследствии в XIII в. существование кибиток поддерживалось дальними походами и большими перекочевками, вызываемыми обилием стад.

Известные материалы по городам монгольского времени показывают, что в XIII веке на территории коренного обитания монголов формировалась собственная городская культура, имевшая традиционные центральноазиатские корни.

ЛИТЕРАТУРА

- Гантогтох, Г. 2010. Хатны булгын бэхлэлт суурин. *Acts Historica*. Tomus XI, F.6: 46–48.
- Данилов, С.В. 2014. Города Центральной Азии эпохи Монгольской империи XIII – XIV вв. Вестник Бурятского государственного университета. Серия Гуманитарные исследования Внутренней Азии, № 1:4–14.
- Крадин, Н.Н. 2016. Об изучении городов Монгольской империи в Монголии и Забайкалье. *Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды*. Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Сидиков. Ялта: 39–42.
- Пэрлээ, Х. 1961. Монгол ард улсын эрт, дундад үеийн хот суурины товчоон. Улаанбаатар.
- Рашид-ад-Дин. 1952. Сборник летописей. Т. 1. Кн.2. М.: Изд-во Академии наук СССР.
- Владимирцов, Б.Я. 1934. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л.: Изд-во Академии наук СССР.

[S.V. Danilov], N.V. Imenokhoyev, A.I. Simukhin, B.Z. Nanzatov, A. Ochir, L. Erdenabold
 GOBIAN FORTIFIED SETTLEMENTS OF MONGOLIAN TIME (ON THE EXAMPLE OF THE KHATANBULAG COMPLEX)

The cultural heritage of the Mongolian Empire includes various aspects of research on its vast territories. This article provides a set of forts located in Qatanbulag of East-Gobi (Dornogov') aimag of Mongolia. Its feature is the presence of several fortified settlements between the two fortified heights Bunkhan and Takhilalt. The complex dates back to the heyday of the Mongol Empire.

Key words: Mongolian Empire Central Asia, fort, medieval, plan.

ПОГРЕБЕНИЯ ЕНИСЕЙСКИХ КЫРГЫЗОВ НА АЛТАЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКОВ КОРГОН-I И ЧИНЕТА-II)*

П.К. Дашковский

Алтайский государственный университет, Барнаул

В статье рассматриваются результаты исследования курганов кыргызской культуры на могильнике Чинета-II на Алтае. В погребениях, совершенных по обряду кремации, обнаружен разнообразный сопроводительный инвентарь, который включал преимущественно комплекс вооружения, предметы поясных наборов и снаряжения лошади. Раскопанные курганы относятся к двум этапам развития локального варианта кыргызской культуры на Алтае – яконурскому (вторая половина IX – первая половина X в.) и ак-ташскому (вторая половина X–XI вв.).

Ключевые слова: кыргызы, Алтай, Центральная Азия, Средневековье, погребальный обряд, инвентарь.

Создание и падение Кыргызского кагана – одна из наиболее ярких страниц в истории кочевников Сибири и Центральной Азии эпохи Средневековья. В этой связи раскопки памятников кыргызской культуры на Алтае представляют существенный научный интерес для современного кочевниковедения. В 1999 г. экспедиция АлтГУ под руководством автора исследовала курганы № 7–8, 10 эпохи Средневековья на могильнике Коргон-I (Усть-Канский район Республики Алтай) (Дашковский, 2001). К культуре енисейских кыргызов относится курган № 8, диаметр каменной насыпи которого достигал 9 м, а высота 0,6 м. Насыпь была сложена из каменных сланцевых плит, уложенных послойно вплотную друг

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ-МинОКН Монголии «Историко-этнографическое изучение развития религиозного ландшафта в трансграничном пространстве Южной Сибири и Монголии» (проект № 16-21-03001 а(м)).

к другу. В кургане обнаружены погребение по обряду кремации, а также пять железных трехлопастных наконечников стрелы, железный нож и железный четырехдырчатый распределитель ремня. Принципы классификации оружия дистанционного боя разработаны Ю.С. Худяковым и В.В. Горбуновым для материалов эпохи Средневековья Алтая (Худяков, 1990: 190–191; Горбунов, 2006: 27–43). В данном случае предполагается воспользоваться более детальной классификацией, предложенной В.В. Горбуновым (2006: 27–32), согласно которой найденные в кургане № 8 железные наконечники стрел можно отнести к одной группе – железных, одному разряду – черешковых, к двум разделам – трехлопастных и трехгранных, к одному отделу – геометрическим, заостренным и трем типам (10, 12, 29) наконечников стрел. Другая категория находок, обнаруженная в кургане № 8, – это черешковый однолезвийный нож. Общая длина сохранившейся части ножа 6,5 см. Нож аналогичного типа найден и в одном из курганов на могильнике Яконур (Худяков, 1990: 199, рис. 1, 18). Еще одна находка в погребении представлена распределителем ремня диаметром 4,6 см. Полных аналогий указанной вещи автору не известно, однако есть вещи, достаточно близкие к данному экземпляру. В частности, в Туве, в кургане № 1 из могильника Ангор-Хову и в кургане № 18 из могильника Шанчиг обнаружены аналогичные распределители ремня, но не с четырьмя, а с тремя отверстиями (Длужневская, Семёнов, 1990: 78–80). Трехдырчатый распределитель ремня, но с несколько иными особенностями найден в кургане № 97 Зевакинского могильника в Восточном Казахстане (Арсланова, 1972: табл. V, 1).

В 2001–2005 гг. Краснощековская археологическая экспедиция под руководством автора проводила изучение памятников кыргызской культуры на могильнике Чинета-II, расположенном в 1–1,4 км к юго-востоку от с. Чинета (Краснощековский район Алтайского края) на второй надпойменной террасе р. Иня (Дашковский, 2015). Среди исследованных объектов 4 кургана оказались с погребениями по обряду кремации, а также одно впускное захоронение с кремацией в погребальное сооружение сrostскинской культуры. Курганы № 10–13 могильника Чинета -II располагались в южной части могильника рядом с группой объектов сrostскинской культуры в пределах одного сакрального пространства. Курган № 10 имел диаметр насыпи, сооруженной в 2–4 слоя камней, 8,5 м, а высота до 0,6–0,75 м. Под каменной наброской обнаружено погребение по обряду кремации. Кальцинированные кости человека вместе с погребальным инвентарем были помещены на уровень древнего горизонта на достаточно обширной площади. В северной половине погребения обнаружены два железных наконечника стрелы, фрагмент железного ножа, четыре бронзовые бляшки и одна пряжка из бронзы. В восточной части захоронения найдены еще одна бронзовая пряжка и ее фрагмент, бронзовые шарики, образовавшиеся в то время, когда вещи находились на погребальном костре, конский зуб.

Важно обратить внимание на то, что две небольшие овальные бронзовые портупейные пряжки на коротких щитках подпрямоугольной формы отличались друг от друга. Одна пряжка обладала округлым окончанием щитка, а вторая – треугольным. Указанные изделия имеют устойчивые аналогии в памятниках кыргызской культуры IX–X вв. в Хакасии, Туве и Восточном Казахстане: Тюхтятский клад (Евтюхова, 1948: рис. 131), могильники Тора-Тал-Арты (Нечаева, 1966: рис. 9, 4), Шанчиг (Кызласов, 1969: рис. 35, 8), Зевакинский (Арсланова, 1972: табл., IV, 19) и др. Кроме того, в северной части погребения была обнаружена небольшая яма-тайник округлой формы диаметром 0,65 м и глубиной до 0,33 м, в которой находились четыре железных наконечника стрелы, которые, согласно классификации В.В. Горбунова (2006: 32–33), можно отнести к типу 24 (вариант в) – трехгранно-трехлопастных ассиметрично-ромбических с шайбовидным упором. Другие три изделия можно отнести к типу 29 (вариант а) – трехгранных ассиметрично-ромбических с шайбовидным упором наконечников стрел (Дашковский, 2015).

Курган № 11 находился в 5,75 м к югу от кургана № 10 (рис. 6). Диаметр каменной насыпи кургана, сложенной в 2–3 слоя из камней, составлял с севера на юг 5 м, с запада на восток 4,75 м, а высота 0,6 м. Под насыпью кургана обнаружено погребение на уровне древнего горизонта, представлявшее собой скопление кальцинированных костей человека, золы, углей, различных бронзовых и железных предметов, которое имело вытянутую в направлении запад–восток овальную форму длиной 2,3 м и шириной 1,65 м. При разборе погребения были обнаружены следующие вещи: железная двойная накладка и четыре штифта (пробой) с фиксирующими пластинами от седла, две целых бронзовых пряжки на коротких щитках подпрямоугольной формы с треугольным окончанием и один фрагмент аналогичного изделия, бронзовые капельки, железное кольцо с отверстиями на расплюснутых окончаниях, тренчик.

Следует подчеркнуть, что железные штифты, использовавшиеся для крепления составных элементов седел, встречаются достаточно редко в кыргызских курганах. В частности, они выявлены в погребении 1 кургана № 3 могильника Новофирсово VII на Алтае, датированного IX–X вв. (Алехин, 1990: рис. 6, 2–3).

Курган № 12 находился в 4,25 м к югу от объекта № 11 (рис. 6). Диаметр насыпи, сложенной в 2–3 слоя из камней, составлял с севера на юг – 4,25 м; а с запада на восток 4,25 м. Высота объекта достигала 0,4–0,6 м. Под насыпью кургана, в южной его половине, обнаружено погребение по обряду кремации, совершенное на уровне древнего горизонта. Захоронение представляло собой скопление кальцинированных костей человека, золы, углей, различных бронзовых и железных предметов, которое было вытянуто с юга на север. При разборе северной половины насыпи обнаружено железное навершие плетки в виде клюва птицы. Традиция использования кочевыми народами плетки для управления лошадей и даже в качестве предмета вооружения достаточно хорошо фиксируется со скифского времени и вплоть до этнографической современности (Бородовский, 1993; и др.). Навершие плетки в виде головы птицы известны в разных памятниках Западной и Южной Сибири эпохи Средневековья (Кызласов, 1983: табл. XVIII, 1–5; Выборнов, 2007: 235; и др.).

В 0,35 м западнее кремированных останков человека найдено железное тесло. Тесла встречаются в погребениях разных тюркоязычных кочевников эпохи Средневековья. С.П. Нестеров (1981), проанализировав тесла из тюркской, кыргызской, сросткинской культур Южной Сибири, выделил два типа с учетом принципа соотношения втулки и лезвия. К первому типу относятся тесла, у которых ширина лезвия и ширина несомкнутой втулки равновелики или последняя немного шире. Второй тип представлен теслом с «плечиками», у которого ширина лезвия больше ширины несомкнутой втулки. При этом тесла первого типа, по мнению С.П. Нестерова (1981: 172), были распространены в VI–VIII вв., а второго – в VIII–X вв. Б.Б. Овчинникова (1990: 58–60), обобщив спустя почти десятилетие материал по теслам из погребений тюркоязычных кочевников, выделила три их типа, подразделенные еще в зависимости от размеров на подтипы. При этом выделенные ею первый и третий типы совпадают с типологией С.П. Нестерова. Второй тип, предложенный Б.Б. Овчинниковой, является переходным от первого к третьему и характеризуется тем, что внешний контур тесел имеет намеченную талию – «плечики» – при переходе от места насадки к рабочему краю.

Экземпляр тесла из кургана № 12 могильника Чинета-II относится ко второму типу (или к третьему типу (подтип а), по Б.Б. Овчинниковой) – тесло с «плечиками». Тесла такого типа, по мнению Б.Б. Овчинниковой (1990: 59), наиболее распространены в X–XII вв., хотя в Хакасии они известны и в более ранний период – в культуре чаатас в VI–VII вв. Нужно отметить, что тесла с «плечиками» обнаружены в разных кыргызских захоронениях в Туве, Хакасии и Восточном Казахстане, в частности, в кургане № 3 могильника Эйлиг-Хем III (Грач, Савинов, Длужневская, 1998: 43, табл. XX, 23), на некрополях Тора-Тал-Арты (Нечаева, 1966: рис. 20, 2) и Шанчиг (Кызласов, 1969: рис. 34.), курганах № 97, 100 Зевакинского могильника (Арсланова, 1972: табл. III, 1; IV, 17) и др. По своему назначению тесло, вероятно, носило многофункциональный характер. Следует обратить внимание на вывод С.П. Нестерова о том, что такая категория вещей встречается в погребениях тюрок с конем вместе с набором предметов вооружения легковооруженного всадника, поэтому оно могло использоваться в качестве рубящего оружия ближнего боя (Нестеров, 1981: 172). В последующем ученые обратили внимание на сочетание тесла в комплекте с предметами вооружения кыргызского воина (Грач, Савинов, Длужневская, 1998: 37). В кургане № 12 могильника Чинета-II также обнаружено тесло в комплекте с многочисленными предметами вооружения воина.

Среди находок предметов вооружения ближнего боя особо нужно отметить кинжал. Согласно классификации средневековых кинжалов (Горбунов, 2006: 79) экземпляр из данного кургана можно отнести к типу 23 – железный двухлезвийный с треугольной формой клинка с линзовидным сечением и с гладким черенком. Аналогичного типа кинжалы на Алтае обнаружены в памятниках тюркской культуры Кудыргэ, датированных в пределах второй половины VI – первой половины IX в. (Горбунов, 2006: 81).

Наибольшее количество находок представлено железными наконечниками стрел, которые обнаружены в северной части захоронения. Обнаруженный 21 экземпляр железных черешковых наконечников стрел можно распределить по восьми типам, по классификации В.В. Горбунова: тип 9 (вариант г), тип 11 (варианты в, г), тип 16 (вариант в), тип 23 (вариант б), тип 25 (вариант а), тип 42 (вариант в), тип 49 (вариант а), тип 59 (вариант а) (Дашковский, 2015). В 0,25 м западнее скопления наконечников стрел найдены две портупейные округлые пряжки на коротких щитках подпрямоугольной формы. При этом щиток у одной пряжки имел треугольное окончание, а у второй – округлое. Еще один предмет – бронзовая основная пряжка на коротком подпрямоугольном щитке – выявлена в западной части захоронения. Аналогии таким предметам приведены выше при рассмотрении бронзовых пряжек из курганов № 10, 11.

Среди находок в западной части захоронения также выявлены другие детали поясного набора – два наконечника ремня с треугольным окончанием, четыре бронзовых бляхи, а также железная пластина, кольцо и ряд фрагментов металлических изделий. Следует отметить, что наконечники ремней разных типов – достаточно частая находка в кыргызских курганах Хакасии и Тувы. При этом такие предметы торевтики часто богато орнаментированы (Кызласов, 1969; Грач, Савинов, Длужневская, 1998; Король, 2008; и др.). Обнаруженные же в кургане № 12 могильника Чинета-II два наконечника ремня были украшены циркулярным орнаментом. Исследователи указывают на достаточно широкую распространенность такого орнамента в эпоху Средневековья в Хакасско-Минусинской котловине и за ее пределами благодаря простоте его исполнения (Кызласов, Король, 1990: 98, табл. XXI, 15).

Курган № 13 располагался в 14,5 м к югу от объекта № 12. Диаметр насыпи, сооруженной из камней в 2–4 слоя, составлял 6,5 м, а высота 0,6–0,75 м. Под каменной насыпью кургана, в восточной его части, обнаружено погребение по обряду кремации, совершенное в небольшой ямке, ориентированной по линии ЮВ – СЗ и имеющей следующие параметры: 1 x 0,42 x 0,14 м от уровня материка. На дне могилы у северной стенки расчищено компактное скопление кальцинированных костей человека. В остатках кремации найдены капли бронзы, фиксирующая пластина от шпенька и бронзовый гвоздик в куске обугленного дерева. Отдельно в западной части могильной ямы лежали железные вещи, побывавшие в огне. Среди находок представлены удила с витыми звеньями и стержнем, крюковыми внутренними и 8-видными внешними окончаниями. В одном из больших отверстий внешних окончаний зафиксирована скоба псаля. Удила аналогичного типа достаточно хорошо известны в кыргызских памятниках IX–X вв. н.э. Алтая, Тувы, Хакасии и Восточного Казахстана: к. № 8 некрополя Карболиха VIII, к. № 4 памятника Гилево XV (Могильников, 2001: рис. 34, 7; 30, 12), к. № 1, 3 могильника Эйлиг-Хем III (Грач, Савинов, Длужневская, 1998: 33–34), к. № 1 некрополя Ангор-Хву (Длужневская, Семенов, 1990: рис. 2, 11), Тюхтатский клад (Евсюкова, 1948: рис. 134), к. № 1 Кезеелиг-хол (Худяков, 1982. рис. 5, 2), к. № 97 Зевакинского могильника (Арсланова, 1972: табл. V, 7), Шанчик (Кызласов, 1981: рис. 33Ю 28) и др. При этом нужно обратить внимание на то, что на удилах из могильника Эйлиг-Хем III из Тувы восьмеркообразные внешние кольца расположены в перпендикулярных плоскостях. На экземплярах удил из могильника Чинета-II с Алтая и ряда памятников Хакасии и Восточного Казахстана, наоборот, восьмеркообразные витые кольца находятся в одной плоскости. Исследователи отмечают, что витые стержни удил в сочетании с восьмеркообразными внешними кольцами, расположенными в одной плоскости, были широко распространены в IX–X вв. не только у кыргызов, но и у других народов, находившихся под их влиянием (Грач, Савинов, Длужневская, 1998: 33). В данном случае интересно отметить, что аналогичного типа удила были обнаружены автором в кургане № 9 могильника Чинета-II, датированном второй половиной IX в. и относящемся к грязновскому этапу сrostкинской культуры. В погребении также найден небольшой железный однолезвийный черешковый нож. Данная категория вещей встречается в памятниках кыргызов в соседних с Алтаем регионах (Кызласов, 1981: рис. 33, 31; Арсланова, 1972: табл. III, 3–4; табл. IV, 18; Грач, Савинов, Длужневская, 1998, табл. XVIII, 37–33). Типология и хронология этой категории из кыргызских памятников пока еще не разработана детально, но наиболее близкий экземпляр по своим морфологическим признакам найден в кургане № 100 Зевакинского могильника (Арсланова, 1972: табл. IV, 18). Из предметов вооружения в погребении обнаружено 17 железных черешковых наконечников стрел, которые можно, опять же по классификации В.В. Горбунова (2006), отнести к следующим типам: тип 9 (вариант г), тип 11 (вариант в), тип 25 (вариант а), типу 28 (вариант б), тип 34 (вариант б), тип 39 (вариант а), тип 57 (вариант а) (Дашковский, 2015).

Кроме непосредственно курганов кыргызской культуры на могильнике Чинета-II было обнаружено еще впускное кыргызское захоронение в курган № 1, который относится к сrostкинской культуре (Дашковский, 2015). К кыргызскому типу вещей, обнаруженных в процессе разбора насыпи, относятся прокаленные на огне железная витая заколка и наконечник стрелы четырехгранный вытянуто-ромбической формы с цилиндрическим упором. Примечательно, что предметы женского туалета встречаются достаточно редко в кыргызских погребениях. Близкие аналогии заколке из кургана № 1 известны в кыргызских памятниках Хакасии (Кызласов, 1983: 41–42, табл. XXV, 32–33). При этом на экземпляре из могильника Чинета-II навершие заколки представлено в виде двух спиралей, развернутых вовнутрь, в то время как в заколках из Хакасии, наоборот – наружу.

Следует отметить, что наиболее массовые находки, железные наконечники стрел, обнаруженные при исследовании курганов № 1, 10–13 могильника Чинета-II, имеют широкие аналогии в памятниках

кыргызской культуры Тувы, Хакасии, Алтая и Восточного Казахстана. Поскольку данная категория инвентаря детально проанализирована В.В. Горбуновым (2006), в т.ч. в аспекте времени появления и существования отдельных типов, отметим только, что железный черешковый наконечник вытянуто-ромбической формы с цилиндрическим упором из кургана № 1 (тип 37) является, вероятно, наиболее поздним из всех рассмотренных типов наконечников из могильника Чинета-II. Ромбические и вытянуто-ромбические наконечники характерны для кыргызских памятников XI–XII вв., в то время как в период великодержавия во второй половине IX–X вв. преобладали трехлопастные и трехгранно-трехлопастные (Худяков, 1990: 192–194, рис. 3; Горбунов, 2006: 40–41, рис. 33; и др.), которые в наибольшем количестве и представлены в кыргызских погребениях некрополя Чинета-II. В целом приведенный анализ сопроводительного инвентаря позволяет датировать курганы № 10–13 второй половиной IX в., а впускное кыргызское захоронение в кургане № 1 сросткинской культуры – XI в. Изучение серии курганов кыргызской культуры на могильнике Чинета-II и некоторых других памятников на Алтае позволило исследователям более детально подойти к проблеме культурно-хронологического характера, которая ранее поднималась Л.Р. Кызласовым, И.Л. Кызласовым, Д.Г. Савиновым, Г.В. Длужневской, Ю.С. Худяковым и другими учеными. В частности, в рамках кыргызской культуры А.А. Тишкин и В.В. Горбунов предложили выделить два этапа ее развития на Алтае, обозначив их по наиболее хорошо изученным на тот период памятникам: яконурский (вторая половина IX – первая половина X в.) и ак-ташский (вторая половина X – XI вв.). Первый этап (840 – около 950 г.) соответствует «эпохе великодержавия» Кыргызского каганата и характеризуется наивысшим могуществом кочевого государства. Вторым этапом (около 950–1050 г.) отмечен распад Кыргызского каганата на княжества Киргиз и Кэм-Кэмджиут (Тишкин, Горбунов, 2002). Следует отметить, что в процессе дальнейших разработок периодизации культуры определенные перспективы имеет не только сравнительный анализ вещевого комплекса, но и радиоуглеродное датирование. Опыт такого исследования уже получен автором при изучении могильника Чинета-II, в ходе которого из кыргызских курганов № 10, 12 были отобраны три пробы (Дашковский, 2011). В результате полученные калибровочные данные по двум пробам обуглившейся древесины и угля (СОАН-5858. 1300 ± 45 лет; Le-7424. 1100 ± 70 лет) в принципе согласуются с временем пребывания кыргызов на Алтае. Третья проба, сделанная на основе анализа кальцинированных костей, оказалась непригодна для исследования.

ЛИТЕРАТУРА

- Алехин, Ю.П. 1990. Енисейские кыргызы на Юго-Западном Алтае. *Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии*. Новосибирск: 62–75.
- Арсланова, Ф.Х. 1972. Курганы с трупосожжением в верхнем Прииртышье. *Поиск и раскопки в Казахстане*. Алма-Ата: 53–73.
- Бородовский, А.П. 1993. Плетни и стеки в экипировке раннесредневекового всадника юга Западной Сибири. *Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока*. Новосибирск: 179–189.
- Выборнов, А.В. 2007. Снаряжение коня у коренного населения Среднего Енисея позднего средневековья и начала Нового времени (по материалам археологических памятников). *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. Т. 6. Вып. 3: 221–237.
- Горбунов, В.В. 2006. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II. Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та.
- Грач, А.Д., Савинов, Д.Г., Длужневская, Г.В. 1998. Енисейские кыргызы в Центре Тувы. Эйлиг-Хем III как источник по средневековой истории Тувы. М.: Фонд-Пресс.
- Дашковский, П.К. 2001. Коргон-I новый памятник культуры енисейских кыргызов в Горном Алтае. *Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья*. Барнаул: 16–23.
- Дашковский, П.К. 2011. Культура енисейских кыргызов на Алтае и сопредельных территориях: современные направления исследования. *Тюркологический сборник. 2009–2010 гг.* М.: 130–151.
- Дашковский, П.К. 2015. Кыргыз на Алтае в контексте этнокультурных процессов в Центральной Азии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та.
- Длужневская, Г.В., Семенов, В.А. 1990. Кыргызские курганы правобережной Тувы. *Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии*. Новосибирск: 76–85.
- Евтюхова, Л.А. 1948. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан.
- Король, Г.Г. 2008. Искусство средневековых кочевников Евразии. Очерки. М.; Кемерово: Кузбассвузиздат.
- Кызласов, И.Л. 1983. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. М.: Наука.
- Кызласов, Л.Р. 1969. История Тувы в средние века. М.: Наука, 1969.
- Кызласов, Л.Р. 1981. Тюхтятская культура древних хакасов. *Степи Евразии в эпоху средневековья*. М.: Наука.

- Кызласов, Л.Р., Король, Г.Г., 1990. Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. М.: Восточная литература.
- Нестеров, С.П. 1981. Тесла древнетюркского времени в Южной Сибири. *Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии*. Новосибирск: 168–172.
- Нечаева, Л.Г. 1966. Погребения с трупосожжением могильника Тора-Тал-Арты. ТТКАЭЭ. М.; Л.: Наука. Т. 2: 108–142.
- Овчинникова, Б.Б. 1990. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X вв. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та.
- Тишкин, А.А., Горбунов, В.В. 2002. Культурно-хронологические схемы изучения истории средневековых кочевников Алтая. *Древности Алтая*. Вып. 9. Горно-Алтайск: 82–91.
- Худяков, Ю.С. 1982. Кыргызы на Табате. Новосибирск: Наука.
- Худяков, Ю.С. 1990. Кыргызы в Горном Алтае. *Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая*. Горно-Алтайск: 186–201.

P.K. Dashkovskiy

BURIAL MOUNDS OF THE YENISEI KYRGYZ IN THE ALTAI (ON MATERIALS OF BURIAL GROUNDS OF KORGON AND CHINETA II)

The article discusses the results of the study of burial mounds of the culture at the burial Chineta-II in the Altai. In burials committed by cremation, discovered a variety of supporting tools, which included mainly the complex weapons, items of belt sets and horse equipment. Excavated barrows belong to two stages of development of the local variant of the culture in the Altai – ekonomskom (second half of IX – first half of X centuries) and AK-russkomu (second half of X – XI centuries).

Key words: Kyrgyz, Altay, Central Asia, middle ages, funeral ceremony, equipment.

КРЕПОСТЬ КЛЮЧИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ*

О.В. Дьякова, Е.В. Сидоренко, В.В. Шевченко, В.Э. Шавкунов

*Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток*

Каменная крепость Ключи является уникальным археологическим памятником, содержащим разновременные культурные комплексы от мезолита до позднего Средневековья (лидовская культура эпохи раннего металла, мохэская, бохайская, чжурчжэньская культуры Средневековой эпохи, артефакты юаньского времени). Во все времена крепость Ключи служила охранно-сторожевым объектом, прикрывавшим и контролировавшим вход в бухту Джигит Японского моря. В данном месте сходились две дороги: сухопутная и морская. В эпоху Средневековья крепость Ключи прикрывала серию взаимосвязанных мохэских, бохайских, чжурчжэньских объектов: портовое городище Красное Озеро, жилое Куналейское городище, административное городище Джигитовское, перевальную крепость Поднебесная. Городища и крепость связывала сигнальная связь типа «огневого телеграфа». Функционировала крепость в эпоху позднего Средневековья, в юаньское время.

Ключевые слова: крепость, городище, чжурчжэни, мохэ, культура юань, керамика, стрелы Приморье.

Каменная крепость Ключи расположена в горно-таёжной зоне Тернейского района Приморского края в 2,5 км к востоку от бывшего пос. Ключи, в 26 км к северо-востоку от пос. Пластун, в 1 км к западу от устья р. Джигитовка, впадающей в одноименную бухту Японского моря. Крепость возведена на каменном останце горного отрога Сихотэ-Алиня, имеющего ключевое стратегическое положение, позволяющего осуществлять двойной контроль: входа в бухту Джигит со стороны моря и конечной точки сухопутной магистрали, подходившей со стороны перевала Поднебесный, связывавшего восточную и западную стороны Сихотэ-Алиня. Впервые крепость обследовалась в 1907 году В.К. Арсеньевым, повторно через 66 лет (1973 г.) О.В. Дьяковой (Дьякова 1974а), в 1997 г. детальный глазомерный план крепости снят В.И. Дьяковым, в 2002 г. О.В. Дьяковой выявлена нижняя площадка с культурным слоем (Дьякова, 2003а), в 2012–2016 гг. Амуро-Приморской археологической экспедицией (рук. О.В. Дьякова) на памятнике проводились разведочные, топографические и стационарные исследования. Крепость Ключи относится к горным городищам; по форме – овално-серпантинообразная; по размерам – малая; по фортификациям – без башен, со стрелковыми гнёздами; по составу вала – каменная; по планиграфии – террасированная, без внутреннего города и редута, с простыми входами; по назначению – охранно-сторожевая (рис. 1) (Дьякова, 2009: 92–97). Проведенные на памятнике стационарные исследования показали, что сопка использовалась носителями нескольких археологических культур на протяжении как минимум

* Работа выполнена при поддержке грантов РГНФ (проект № 15-01-131); Президиума ДВО РАН (проект № 16-I-1-028э).

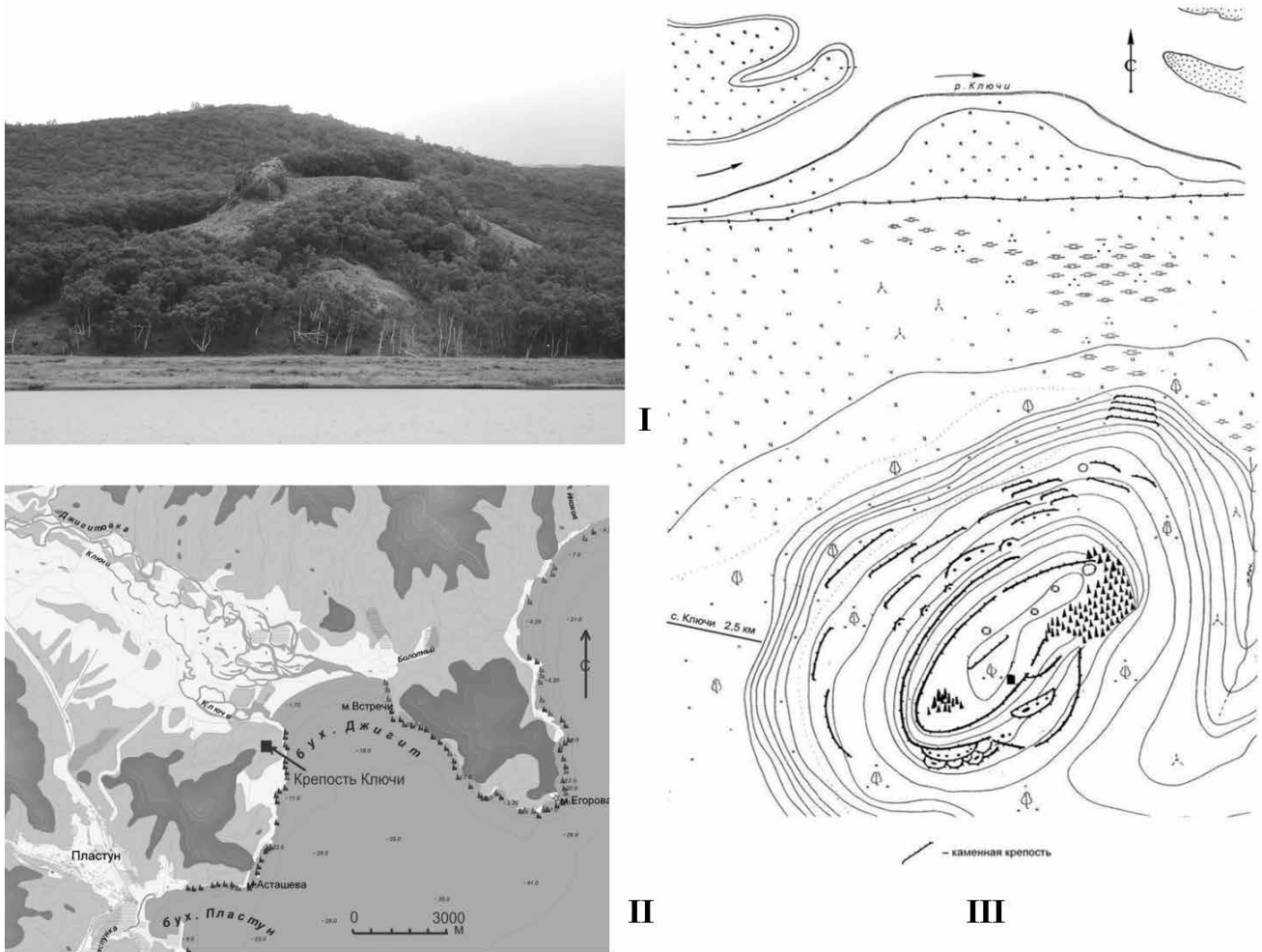

Рис. 1. I – Крепость Ключи. Вид с севера; II – место расположения крепости Ключи; III – план крепости Ключи (глазомерная съёмка В.И. Дьякова)

полутора тысяч лет, но не исключено, что десяти тысяч лет. Об этом свидетельствует полученный при раскопках материал (около 2 тыс. артефактов), краткий анализ которого предлагается в данной работе.

Эпоха раннего металла. Первыми обитателями данного места являлись носители куналейской группы лидовской культуры, датируемой I тыс. до н.э. – началом I тыс. н.э. Эпоха раннего металла представлена серо-коричневым суглинком, частично сохранившимся в виде пятен и линз на материке под черной супесью и камнями. В результате активной эксплуатации крепости в средние века комплексы эпохи раннего металла оказались в переотложенном состоянии, чаще всего в грунте, цементирующем каменные кладки. В инситу состоянии сохранился лишь один участок в кв. Б/1–2; А/2. С куналейской группой лидовской культуры связаны лепные сосуды амфоровидной формы трёх видов: *вид 1* – сосуды со слегка изогнутой шейкой (рис. 2: 1, 3); *вид 2* – сосуды с прямой высокой или укороченной шейкой (рис. 2: 2, 4); *вид 3* – сосуды с горловиной в виде раструба (рис. 2: 5). Орнамент сосредоточен в зоне стыка горловины и тулова и представлен налепными валиками подтреугольной и сегментовидной формы либо рядами прочерченных параллельных линий. О куналейской атрибуции свидетельствуют венчики Г-образной формы различной модификации. Сосуды аналогичны изделиям Куналейского городища (Дьякова, Сидоренко, 2002: 23, 25, 27, 31; Сидоренко, 2007: 92–97, 248–258), также расположенного в долине р. Джигитовка в пределах видимости с сопки Ключи. В раскопе обнаружены многочисленные плоские гальки одного размера, являвшиеся, видимо, фишками игры типа Го.

Кроме того, в коллекции содержалась серия галечных отщепов с острым по периметру рабочим краем. Традиция получать отщепы с гладкой поверхностью со шлифованной или галечной заготовки является одним из культурно значимых признаков лидовской культуры (Дьяков, 1989: 151–152; Сидоренко, 2007: 116). Особо необходимо отметить артефакты из белёсого и светло-бежевого кремнистого сланца

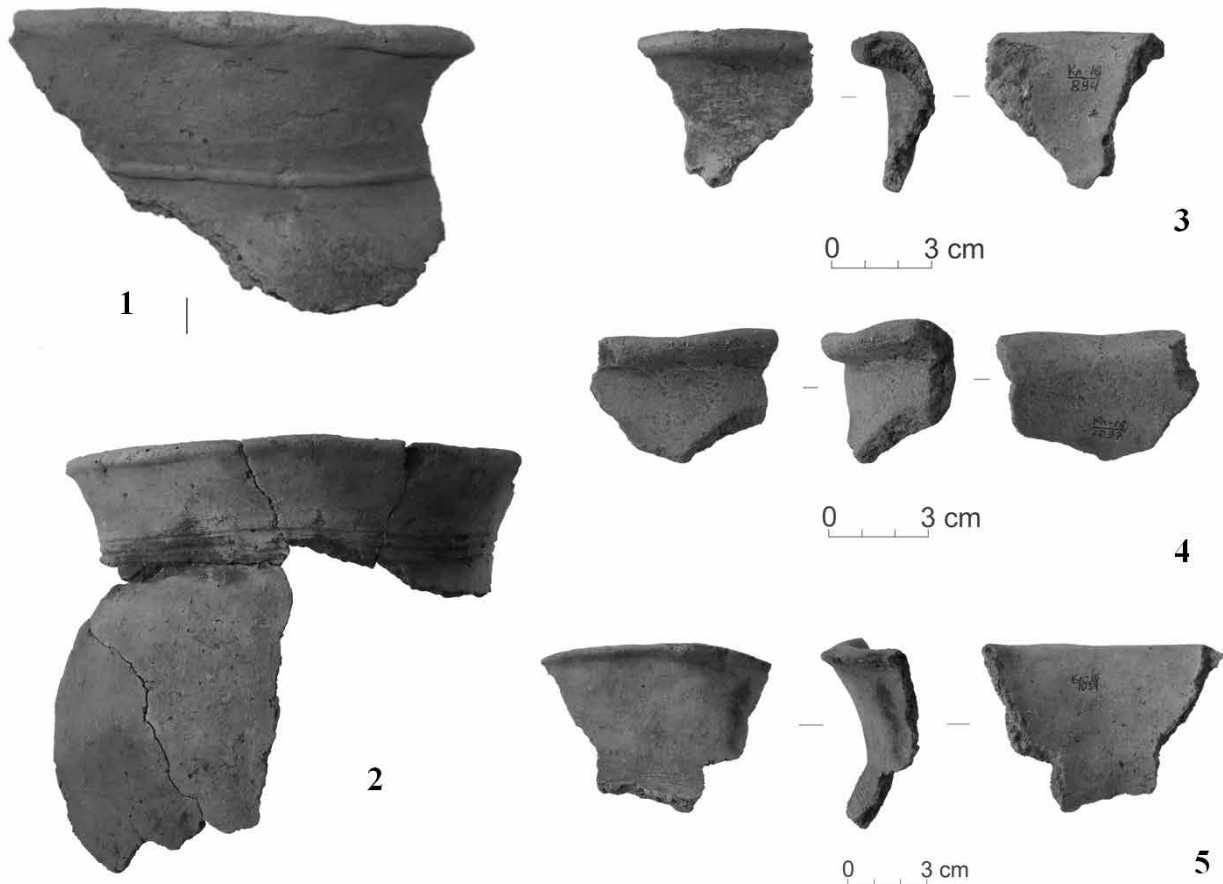

Рис. 2. Крепость Ключи. Материал куналейской группы лидовской культуры эпохи раннего металла (1–5 – керамика)

(туф?): концевой скребок с округлым рабочим краем, средние и мелкие отщепы с вентральной подтеской ударного бугорка. Эта группа артефактов может принадлежать лидовской культуре. Но поскольку материал схож с устиновскими туфами, то нельзя исключать наличие здесь более древнего мезолитического слоя. Тем более, что аналогичная ситуация выявлена на многослойном памятнике Куналейское городище, расположенном в пределах видимости, где патинированные артефакты обнаружены как в переотложенном, так и в инситу залегании в надматериковом слое белесой глины за пределами средневековых и палеометаллических комплексов (Дьякова, Сидоренко, 2012: 402–411).

Вывод. Впервые это место привлекло внимание людей, видимо, ещё десять тысяч лет назад, т.е. ещё в эпоху мезолита. Но подтверждение данного тезиса требует дальнейших исследований. Судя по количеству артефактов длительное использование данного места как стратегического пункта осуществлялось в эпоху раннего металла носителями лидовской культуры (куналейская группа), датируемой I тыс. до н.э. – началом I тыс. н.э. Следы фортификационных сооружений лидовской культуры пока не обнаружены. Они могли быть уничтожены в эпоху Средневековья при возведении на этом месте каменной крепости. В то же время естественная стратегическая орография вполне позволяла лидовцам обходиться без каких-либо укреплений. Сопка с северо-западной, северной и северо-восточной сторон была защищена рекой и морем, а южную сторону прикрывали крутые склоны. Если вал и был, то, вероятнее всего, с южной стороны при подходе к сопке. Но в любом случае в эпоху раннего металла памятник Ключи являлся важным стратегическим объектом, осуществлявшим контроль над проходившими здесь морской и сухопутной магистралями (Дьякова, 2009: 92–97).

Эпоха Средневековья. Представлена на памятнике Ключи тремя культурами: *мохэской*, *бохайской* и *чжурчжэньской*. К мохэским и бохайским комплексам относятся две каменные кладки шириной 1,0–1,5 м, разделяющие две разноуровневые площадки (перепад высот составляет 30–36 см). На верхней (западной) площадке зафиксирован выложенный камнями очаг подпрямоугольной формы размером 100 × 70 см с деревянной обкладкой изнутри и глиняной обмазкой, о чем свидетельствуют крупные куски обмазки с отпечатками древесины. Мощность очагового оранжево-черного прокала 20–25 см. Основная

концентрация находок зафиксирована в расчищенном от камней коридоре между каменными кладками. В слое черной супеси найдены: два фрагмента круглой бронзовой ажурной бляхи со щитком амурского типа (рис. 3: 5), железные наконечники стрел (рис. 3: 4, 14), бусины и их обломки (рис. 3: 10, 12, 13), лепная керамика мохэского типа (рис. 3: 1; 4: 14), бохайская керамика когурёского происхождения (рис. 4: 5, 8, 9, 10), железные наконечники стрел (рис. 3: 4, 14).

Лепная керамика (категория I). Представлена: 1) сосудами мохэского типа горшковидной и вазовидной форм с наклепным валиком под венчиком либо гладким, либо орнаментированным косыми насечками; 2) сосудами с косым устьем, встречающимися на памятниках найфельдской группы (Благословенное-II, Мыс Теплый, Падь Куркуниха), датируемые по радиоуглероду IV–V вв.

Керамика, доработанная на круге (категория II). Представлена: 1) бохайскими сосудами когурёского происхождения горшковидной формы с горизонтально прочерченными бороздами по внешней кромке валика и по плечикам; 2) пароварками.

Каменные бусы. Представлены двумя типами: 1) цилиндрическим (рис. 3: 9, 10); 2) прямоугольным с одним и двумя отверстиями (рис. 3: 7, 8, 12, 13). Прямоугольные бусы с двумя отверстиями являются частями наборного браслета.

В 2016 г. на городище Ключи было найдено несколько предметов из железа и чугуна. Среди них 3 плоских черешковых наконечника стрел двух типов: параболовидный и пламевидный.

Плоские наконечники стрел. Представлены двумя типами: *параболовидным и пламевидным.* 1). Параболовидные (2 экз.) с небольшой шейкой (рис. 3: 4, 14). Длина пера 35 мм и 32 мм, ширина 15 мм и 14 мм. Данный тип наконечников стрел характерен для мохэских и бохайских памятников, реже приморских чжурчжэней (Шавкунов В.Э., 1993: табл. 1, тип 13б). 2). Пламевидный (1 экз.) (рис. 3: 6). Имеет небольшие шипы и шейку. Длина пера 23 мм, ширина 11 мм. Данный тип широко распространен

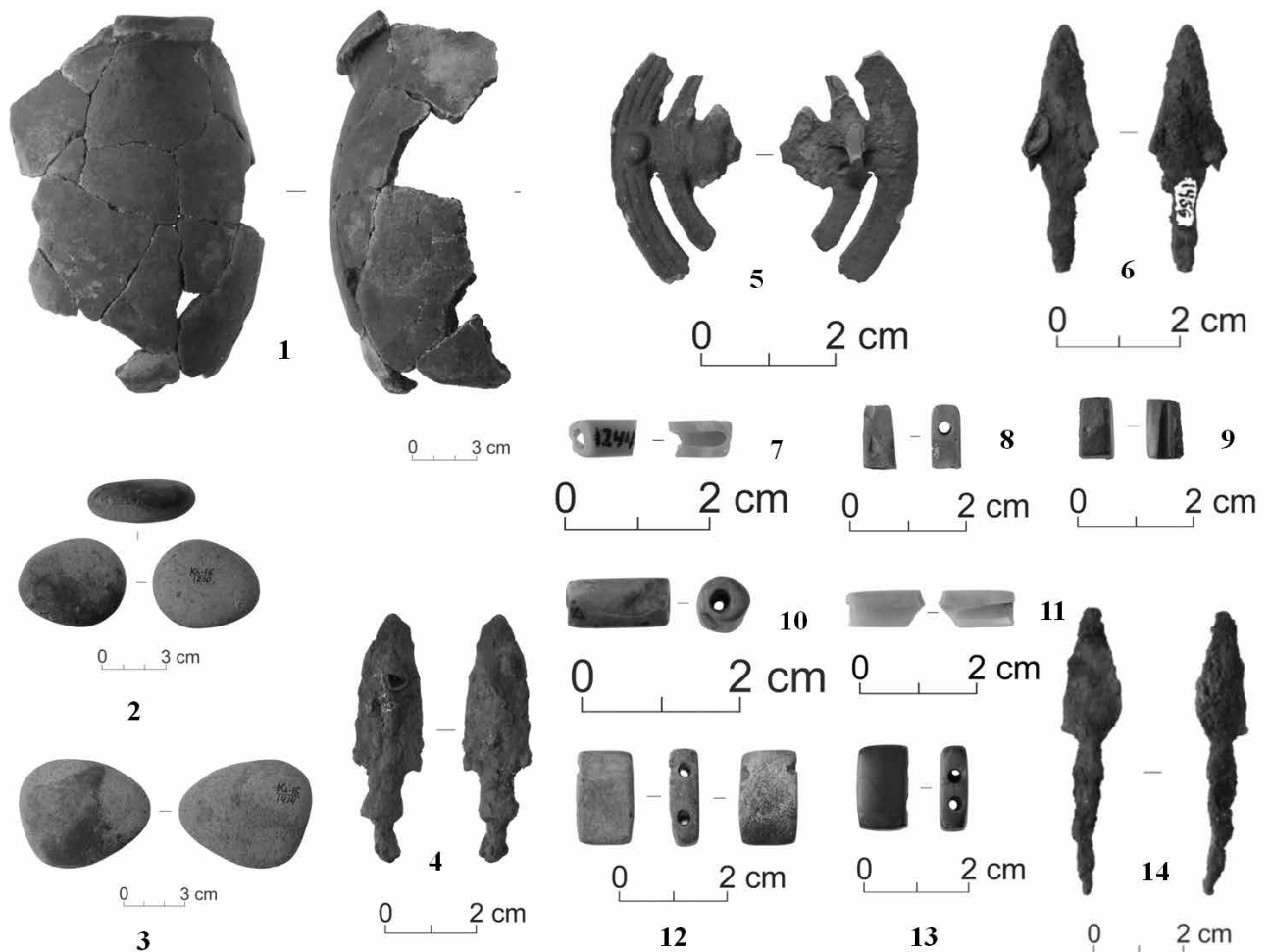

Рис. 3. Крепость Ключи. Артефакты мохэ-бохайского времени (1 – керамика; 2–3, 7–13 – камень; 5 – бронза; 4, 6, 14 – железо)

у средневековых тунгусо-маньчжуров и у смольнинцев. Основным отличием является наличие у накопечников стрел шипов.

Чугунные изделия представлены двумя обломками втулок колеса, фрагментами котла. Размер изделий и качество чугуна втулок по своей характеристике соответствуют бохайской культуре.

Фортификационные сооружения. Представлены валами с гнездами для стрелков, стенами, возведенными из скальника без цементной связки, что соответствует традициям когурёского военного зодчества. Характерной особенностью данной каменной крепости является то, что её строили из скальных выходов этой же сопки, т.е. разбирая её на материал (рис. 1: 1).

Вывод. Сооружение каменной крепости Ключи и оформление её фортификаций приходится на бохайский период истории Приморья (VII–X вв. н.э.). Строительные традиции возведения крепости восходят к когурёскому зодчеству. Наличие на памятнике лепной керамики мохэского типа свидетельствует, что населением являлись тунгусо-маньчжурские племена мохэ. Сочетание когурёских и мохэских традиций в фортификации и керамике было возможным на начальном этапе существования государства Бохай (698–926). Как известно из нарративных источников, после разгрома в 668 г. Китаем государства Когурё часть его населения вошла в состав тунгусо-маньчжурского государства Бохай. Согласно археологическому материалу это были военные зодчие и ремесленники-гончары. В нарративных источниках когурёсцы присутствуют в административно-управленческом аппарате.

Чжурчжэньская культура. Представлена комплексом в кв. В/4–5 в виде впускной заполненной черной супесью глубокой ямы размером 100 × 70 см, обложенной крупным скальником. С запада к ней примыкала другая яма, также обложенная камнями. Дополнительная изоляция ям в виде прослойки хорошо просеянного песка позволяет предположить расположение в этом месте трубы. Возле края большой ямы залегали крупные фрагменты глиняной обмазки с отпечатками древесины. В комплексе обнаружены железная скоба (рис. 4: 4) и развал крупного кругового толстостенного сероглиняного сосуда типа корчаги (рис. 4: 3). С внешней стороны венчика сосуда по массивному валику нанесен горизонтально прочерченный орнамент в виде борозд, по плечикам оттиснут пояс штампованного декора с квадратными

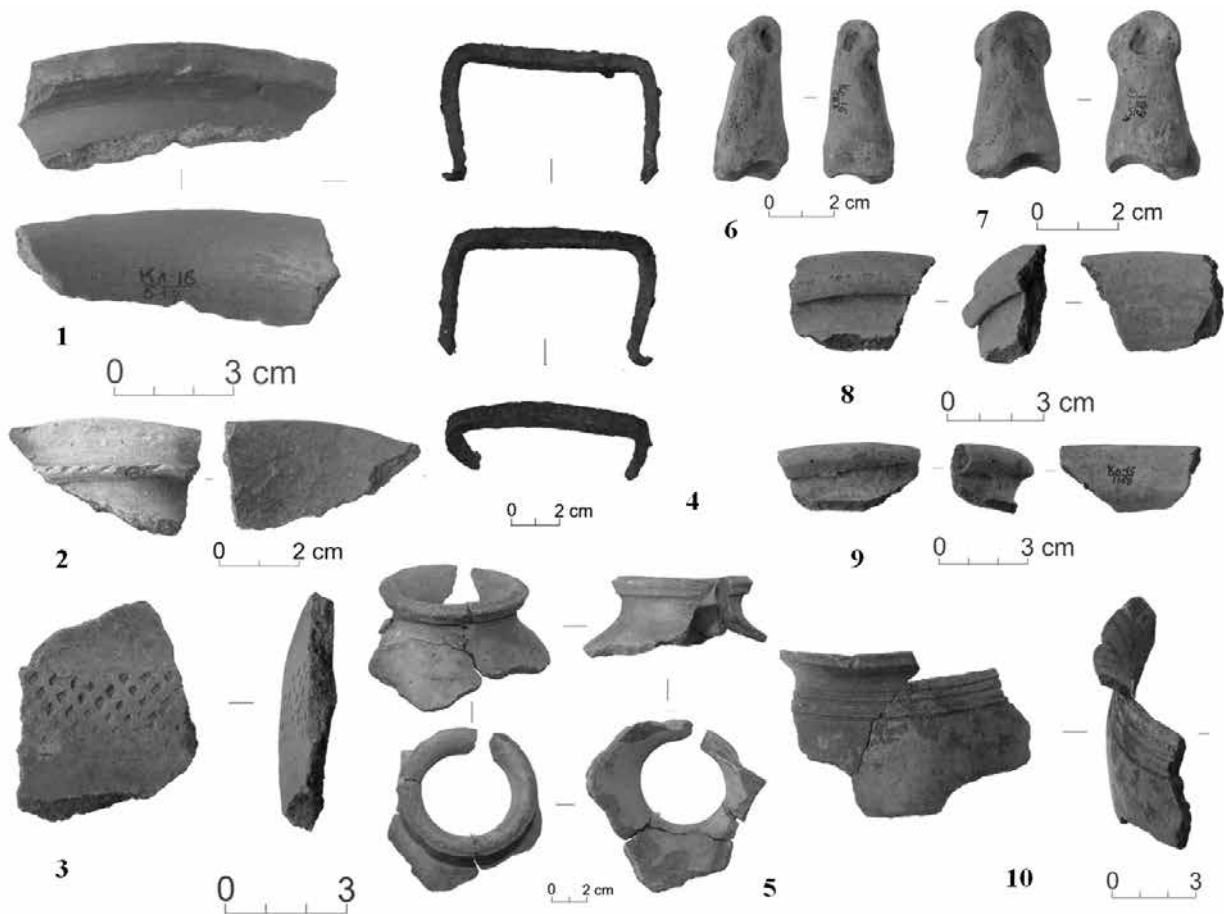

Рис. 4. Крепость Ключи. Средневековые артефакты (1–3, 5, 8–10 – керамика; 4 – железо; 6–7 – кость)

ячейками. Железная скоба изготовлена из узкой и длинной пластины толщиной 3 мм, шириной 16 мм, длиной 90 мм. Шипы скобы разные. Один шип относительно широкий, до 20 мм длины, второй шип более узкий, длиной до 30 мм. Края скобы без следов заточки или намеренного утончения, т.е., вероятно, она предназначалась для скрепления каких-то деревянных досок или бревен.

Вывод. Поздний комплекс крепости Ключи функционировал не только в чжурчжэньское, но и в юаньское время. Он явно одновременен чжурчжэньскому слою Куналейского городища периода государства Восточное Ся (1217–1234). А поскольку контрвал Куналейского городища датирован по радиоуглероду юаньским временем, это означает, что осада городища была уже после падения чжурчжэньской империи Цзинь и Восточного Ся. Поэтому обойти крепость Ключи монголы не могли – все дороги вели к ней.

Заключение. Таким образом, стационарные исследования крепости Ключи показали, что это поликомпонентный памятник. Он содержит культурные комплексы эпохи раннего металла в виде куналейской группы лидовской культуры I тыс. до н.э., средневековой эпохи в виде мохэской, бохайской и чжурчжэньской культур. По функциональному назначению крепость Ключи являлась охранно-сторожевым (таможенным) пропускным пунктом, во все времена прикрывавшим и контролировавшим вход в бухту Джигит Японского моря. В этом месте соединялись две дороги: сухопутная, пролежавшая от перевала Поднебесный вдоль бассейна р. Джигитовка до побережья Японского моря, и морская, ведущая на север к Татарскому проливу и в Японию. Аналогичная ситуация прослеживается в эпоху Средневековья. Крепость Ключи прикрывала серию взаимосвязанных бохайских объектов: долинное городище квадратной формы Красное Озеро (порт), горное Куналейское городище (жилое), долинное городище квадратной формы Джигитовское (административное), перевальную квадратную крепость Поднебесная (контрольно-пропускную). Все указанные городища хорошо просматриваются с крепости Ключи, безусловно, между ними существовала сигнальная связь типа «огневого телеграфа». Функционировала крепость в чжурчжэньское и, вероятно, в юаньское время.

ЛИТЕРАТУРА

- Дьяков, В.И. 1989. Приморье в эпоху бронзы. Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета.
- Дьякова, О.В. 1974о. Итоги весенней археологической разведки 1973 года по изысканию памятников железного века в Дальнегорском и Тернейском районах Приморского края (Архив ИА РАН. 1974. Р-1. № 4984).
- Дьякова, О.В. 2003о. Отчет о работах Амуро-Приморской археологической экспедиции в 2002 г. на городищах Куналейское, Красное озеро и разведочных работах в Кавалеровском, Дальнегорском и Тернейском районах Приморского края (Архив ИИАЭНДВ. 2003. Ф. 2. Оп. 1. Д. 557).
- Дьякова, О.В. 2009. Военное зодчество Центрального Сихотэ-Алиня. М.: Восточная литература.
- Дьякова, О.В. 2014. Государство Бохай: археология, история, политика. М.: Восточная литература.
- Дьякова, О.В. 2014о. Отчет о работе Амуро-Приморской археологической экспедиции на крепости Ключи в Тернейском районе Приморского края в 2013 г. (Архив ИИАЭНДВ ДВО РАН. 2014. Ф. 1. Оп. 2. № 752).
- Дьякова, О.В., Сидоренко, Е.В. 2002. Древние и средневековые культуры северо-восточного Приморья (по материалам Куналейского городища). *Актуальные проблемы Дальневосточной археологии*. Отв. ред. О.В. Дьякова, А.Л. Ивлиев. Владивосток: 7–45.
- Дьякова, О.В., Сидоренко, Е.В. 2012. Первые обитатели Куналейского городища. *Первобытные древности Евразии: к 60-летию Алексея Николаевича Сорокина*. Отв. ред. С.В. Ошибкина. М.: ИА РАН: 402–411.
- Сидоренко, Е.В. 2007. Северо-восточное Приморье в эпоху палеометалла. Владивосток: Дальнаука.
- Шавкунов, В.Э. 1993. Вооружение чжурчжэней XII–XIII вв. Владивосток: Дальнаука.
- Шавкунов, В.Э. 2010. Предметы вооружения с городища Шайга–Редут. *Военное дело в Азиатско-Тихоокеанском регионе с древнейших времен до начала XX века*. Владивосток: Дальнаука. Вып.1: 55–61.

O.V. Dyakova, E.V. Sidorenko, V.V. Shevchenko, V.E. Shavkunov
FORTRESS KLUCHI IN HISTORICAL RETROSPECTIVE

A stone fortress named as Kluchi is a unique archaeological site, containing different-cultural complexes from the Mesolithic to the Late Middle Ages (The Lidovsky culture of early metal era, the Mokhe, Bohai, and Jurchen's culture of medieval era, artifacts of the Yuan dynasty times). At all the times, the fortress of *Kluchi* served as a security-guard object, covered and controled the entrance to the bay of Djigit of the Sea of Japan. Two roads converged at this point: the land and the sea roads. During the Middle Ages the fortress of *Kluchi* covered series of interrelated objects of Mokhe, Bohai, and Jurchen cultures, which included a sea fort named as *Red Lake*, a residential settlement *Kunaley*, an administrative settlement named as *Dzhigitovsky*, a saddle castle named as *Celestial*. Ancient settlements and the fortress were connected by signals of the "fire telegraph" type. The fortress was acting in the late Middle Ages (during the times of the Yuan dynasty).

Key words: Fortress, Jurchen, Mohe culture, yuan ceramics, arrows Primory.

СНАРЯЖЕНИЕ ВЕРХОВОГО КОНЯ У ЯКУТОВ В XIV – НАЧАЛЕ XX В.

В.М. Дьяконов

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск;
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток*

Работа посвящена описанию комплекса конского снаряжения у якутов. Источниками исследования стали археологические и этнографические коллекции музеев. Снаряжение верхового коня у якутов, состоящее из двух основных частей – оголовья (узды) и седла со стременами, имеет близкие аналогии в формах, технологии изготовления и терминологии у народов Южной Сибири и Центральной Азии. Параллели элементам конной упряжи раннеякутских погребений XIV–XVII вв. обнаруживаются в усть-галькинской культуре кочевников-скотоводов Южного Приангарья и Верхней Лены XII–XIV вв. Вместе с тем в якутском комплексе конского убранства, безусловно, есть и специфические черты, ярко показывающие его самобытность.

Ключевые слова: Якутия, позднее Средневековье, лошадь, конское снаряжение, седла, стремяна, удила, узда, оголовье коня.

Якуты (саха) – самый северный скотоводческий народ в мире, оторвавшийся в средние века от основной группы родственных им народов и культур кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Традиционно, исторически – это народ конных полукочевых, сезонно-мигрирующих скотоводов среди таежных охотников, рыбаков и оленеводов Севера. Ареал распространения якутской культуры представляется дисперсным, «островным» не только по языку, но и по своему традиционному жизненному укладу – хозяйству и быту, связанному с коневодством как основой жизненного мира саха. Предки якутов, оказавшись в окружении иноэтничного мира, сумели не только сохранить ядро кочевой культуры – коневодство, но и выработать особую стратегию северного номадизма (Романова и др., 2016). Коневодство было основным занятием якутов. Лошадь была не только средством передвижения, её мясо испокон веков служило лучшей пищей для якутов, из кобыльего молока делался кумыс, из шкур – одежда, из конского волоса – веревки, нити, сети и другие изделия. В мифологии и пантеоне божеств айыы у якутов видное место занимает Джэсёгэй – покровитель лошадей и рогатого скота, способствующий их размножению.

Убранство верхового коня является одним из наиболее значимых элементов традиционной культуры якутов. Детали конского снаряжения – часто встречаемая категория инвентаря в материалах археологических раскопок, массово представлены в этнографических музейных коллекциях. Вместе с тем специальных работ, посвященных снаряжению верхового коня у якутов в позднем Средневековье и новом времени, нет. Эта тематика рассмотрена или кратко описана в рамках общей характеристики культуры якутов либо рассматривается попутно при изучении других аспектов в трудах И.В. Константинова (1971), А.И. Гоголева (1990, 1993), Р.И. Бравиной и В.В. Попова (2008), Э. Крюбези и А.Н. Алексеева (2012). Археологические и этнографические коллекции музеев содержат богатейший материал по снаряжению верхового коня у якутов в XIV – начале XX вв., позволяющий провести их детальную классификацию, но этот материал чрезвычайно разрознен и в большинстве своем не опубликован. Надо отметить, что такая же ситуация прослежена при исследованиях и других скотоводческих народов Сибири (Ткаченко, 2009).

Наиболее ранние археологические данные о скотоводстве в Якутии относятся к VI–XIII вв. (Алексеев, 2013), но массовый материал по коневодству появляется в Центральной Якутии в XIV–XVI вв. во время существования кулун-атахской раннеякутской археологической культуры. К этому времени относятся самые древние находки деталей снаряжения верхового коня. Так, в Сергеляхском погребении середины XV – начала XVI в., принадлежавшем конному воину, были найдены железные стремяна, удила, подпружная пряжка, декоративные бляшки и тройники-распределители ремней оголовья. Эти элементы снаряжения коня имеют прямые аналогии в усть-галькинской культуре кочевников юга Средней Сибири XII–XIV вв. и ещё раз наглядно свидетельствуют о прямой связи якутов со средневековыми скотоводами Предбайкалья (Бравина и др., 2016). В погребениях Тиит Баппыт и Ожулун (Дьёсулен), датированных 1440–1660 гг. (Crubezy, Alexeev, 2007: 51; Мир древних..., 2012: 66–67), а также в погребении Кудук IV черепа мужчин покоились на седлах, что признается одним из маркирующих признаков раннеякутских погребений. Изделия, относящиеся к категориям предметов снаряжения верхового коня, зафиксированы в 7 раннеякутских погребениях XIV–XVII вв., что составляет 43,7 % взрослых погребений (Бравина, Дьяконов, 2015: 30). В археологических материалах XVIII в. элементы конского убранства были также широко распространены (Константинов, 1971: 125–131). Кроме того, в погребальной практике якутов встречаются разнообразные обычаи погребения лошадей как вместе с умершими людьми, так

и в отдельных ямах на могильниках, воздушные и наземные погребения лошадей, кремации, погребения отдельных частей жертвенного коня. В этих погребениях тоже часто фиксируются предметы конского снаряжения (Бравина, Попов, 2008: 142–158).

В целом снаряжение коня у якутов состоит из двух основных частей – оголовья (узды) и седла со стременами. Предметы снаряжения верхового коня у якутов включают седла, стремяна, узду, уздечную и седельную гарнитуру.

Седло по-якутски – *ыгыыр*. Деревянный остов (ленчик) якутского седла состоит обычно из двух полок, передней и задней лук (лука по-якутски – *бүргэ*). Полки обычно имеют форму досок со слегка скруглёнными углами, к которым через отверстия кожаными ремешками крепятся луки. Передние луки, как правило, высокие, а задние – низкие. На поздних материалах различаются передние луки у мужских и женских седел. Первые имеют преимущественно округлые очертания, а последние – прямоугольные или трапециевидные. Задние луки обычно округлые. Луки имеют внизу резко преломленные крылья и глубокие прямоугольные или дугообразные выемки, возвышающие их над хребтом коня. В некоторых случаях в излучине передней луки имеется рожок – наклоненная вперед головка. На одном седле из Кэнтского музея Верхневилуйского улуса такой рожок имеет вид стилизованной головки лошади. Ленчик седла обычно обтягивался кожей, под которой имелись набивные подушки, наполненные сеном или пухом.

На полках ленчика и сбоку лук седел, как правило, имеются железные петли – торока (якут. – *торгүү*), к которым крепятся при помощи колец или напрямую ремни подпруги (якут. – *дырим*) и путлища. В погребении XV–XVII вв. Ожулун (Дьёсулен) петли торока закреплены через отверстия к удлиненным железным пластинам, которые, по-видимому, крепились к ленчику. К этим петлям, в свою очередь, крепятся железные фигурно изогнутые крючки (Жирков, 2004: табл. 33, 1).

Луки некоторых седел, особенно парадных (например, свадебных) обиты металлическими (серебряными) пластинами, которые чрезвычайно разнообразно и богато украшались узорами, рисунками и надписями. Иногда седла декорированы всевозможными металлическими украшениями. На передних луках поздних седел обычно имеется металлический крючок (якут. – *хонсуоччу*) для временного прикрепления повода. Крючки встречаются как простые железные, так и бронзовые или латунные. Последние часто представляют стилизованную морду лошади. Иногда на них наносился орнамент, год изготовления и даже вензель хозяина.

Другая деталь снаряжения верхового коня – стремяна (якут. – *ингэнэ*). И.В. Константинов и А.И. Гоголев выделяли два типа якутских стремян (Константинов, 1971: 128–129; Гоголев, 1990: 109). К первому типу они отнесли стремяна с плоскими расширенными подножками. Второй тип охарактеризован так: «На плоскости подножий второго типа ближе к краям делалось два разреза. Затем длинные стороны растягивали, и образовывалась овальная фигура с продольным мостом» (Гоголев, 1990: 109). Стремяна обоих типов имели округлую форму и низкие прямоугольные или слегка округленные цельнокованные петли над дужкой (Константинов, 1971: 129; Гоголев, 1990: 109). По нашим наблюдениям, якутские стремяна весьма разнообразны как по технике изготовления, так и по своей форме. Встречаются как железные стремяна, так и выполненные из цветных металлов, а также из дерева. По форме проёма выделяется несколько типов стремян: арочный, кувшинообразный, полуовальный, овальный, округлый, многоугольный. Подножки бывают цельнокованные, прорезные и ажурные сложнофигурные. По форме подножки выделяется несколько подтипов: подпрямоугольные, вытянуто-овальные, линзовидные, подпрямоугольные прорезные, вытянуто-овальные прорезные, округлые прорезные.

Петли стремян делятся на несколько отделов, уточняющих форму верхней части дужки, служащей для крепления стремени к путлищу. Выделяется 6 отделов: 1) безушковые, у которых путлище подвязывалось непосредственно к верхней части дужки; 2) одноушковые, у которых к слегка выделенному проковкой верху дужки прикован стержень-перекладина; 3) двушковые, у которых верх дужки расщеплен сверху и раскован в форме овала, а ниже прикован дополнительный стержень-перекладина, что создает на дужке два разнонаправленных ушка; 4) восьмёрковидные, у которых ушко образовано скручиванием дужки восьмёркой; 5) невыделенно-пластинчатые, у которых верхняя часть дужки оформлена цельной расплющенной прямоугольной или полуовальной пластиной, в которой имеется прямоугольный вырез путлища; пластина располагается непосредственно на дужке; 6) шарнирные, у которых в верхней части дужки имеется отверстие, в которое при помощи стерженька закрепляется фигурная пластина с ушком; форма пластин чрезвычайно разнообразна.

На некоторых стременах имеется инкрустация. Есть также парадные женские стремена с петельками внизу подножки, к которым, по-видимому, крепились металлические подвески. Кроме металлических стремян в музейных коллекциях обнаружены и весьма простые стремена из ивовых прутьев и с деревянными подножками.

К деталям седельной гарнитуры относятся также ремни подпруги и подпружные пряжки (якут. – *дьирим, холун*). Ранние якутские пряжки, судя по находке из Сергеляхского погребения середины XV – начала XVI вв., изготавливались из железа (Бравина и др., 2016: 94). В более позднее время рамку пряжки стали изготавливать из цветного металла, а язычок – из железа. Поздние пряжки богато украшались. По форме пряжки делятся на подпрямоугольные, квадратные и округлые.

Удила (якут. – *устуган*) вместе с оголовьем и поводом (якут. – *тэшин, көнтөс*) составляют узду (якут. – *үүн*), одевавшуюся на голову коня для его смирения и управления им. Удила в материалах якутских погребений и поселений, а также в этнографических коллекциях музеев – все двусоставные, с железными звеньями грызла равной или же неравной длины. Трензеля (псалии) удил кольчатые. Изготавливались они в основном из железа, но есть также из цветных металлов. Большинство трензелей гладкие, четырёхугольные или же округлые в сечении, но встречаются также и витые трензеля. Особняком стоят парадные трензеля со сложнофигурным перекрестием из фондов Нюрбинского музея дружбы народов им. К.Д. Уткина. На трензелях парадных удил часто встречаются обоймы (крепления ремней оголовья и повода) самой разной формы. В Вилюйском краеведческом музее экспонируются удила типа пелям, но их местное якутское происхождение вызывает сомнения.

Кроме удил встречаются металлические детали недоуздка (якут. – *сулар*), состоящие обычно из изогнутой пластины с отверстиями для ремней по краям и одним округлым отверстием посередине, в которое вставлялся округлый в сечении стержень-шпенек. В этот шпенек через поперечное отверстие у его нижнего конца заводилось кольцо, на которое могло быть надето еще несколько колец. На эти кольца крепились ремни недоуздка.

Уздечные ремни изготавливались из кожи, волосяных веревок, материи. Они украшались металлическими бляхами, пластинами и другими украшениями. В Сергеляхском погребении найдены железные детали оголовья узды, комплект которых представлен железными тройниками – распределителями ремней и фигурными накладными бляшками (Бравина и др., 2016: 94, 97), имеющими аналоги в усть-талькинской культуре кочевников юга Средней Сибири XII–XIV вв. (Николаев, 2004: 93–94, 137, 224; рис. 43, 3–12). На парадных оголовьях XIX – начала XX вв. ремни украшались искусно орнаментированными серебряными пластинами.

Заслуживает внимания также внешнее убранство якутской лошади. Украшения для него служили чепраки (якут. – *чанпараах*), покрывавшие круп лошади, и кычмы по бокам седла, тщательно расшивавшиеся металлическими бляшками и бисером. Под седло ложился потник (якут. – *буутай*), делавшийся из сена или войлока.

В целом снаряжение верхового коня у якутов имеет близкие аналогии в формах, технологии изготовления и терминологии у народов Южной Сибири и Центральной Азии – бурятов, алтайцев, хакасов, тувинцев, киргизов и казахов. Параллели элементам конной упряжи раннеякутских погребений XIV–XVII вв. обнаруживаются в усть-талькинской культуре кочевников-скотоводов Южного Приангарья и Верхней Лены XII–XIV вв. Вместе с тем в якутском комплексе конского убранства, безусловно, есть и специфические черты, ярко показывающие его самобытность.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев, А.Н. 2013. Ранние кочевники в Якутии. *Вестн. СВФУ им. М.К. Аммосова*. Т. 10. № 5: 62–69.
- Бравина, Р.И., Попов, В.В. 2008. Погребально-поминальная обрядность якутов: памятники и традиции (XV–XIX вв.). Новосибирск: Наука.
- Бравина, Р.И., Дьяконов, В.М. 2015. Раннеякутские средневековые погребения XIV–XVII вв.: совокупность маркирующих признаков. *Северо-Восточный гуманитарный вестник*. № 3 (12): 27–32.
- Бравина, Р.И., Дьяконов, В.М., Николаев, Е.Н., Петров, Д.М., Сыроватский, В.В., Багашев, А.Н., Пошехонова, О.Е., Слепченко, С.М., Ражев, Д.И., Алексеева, Е.А., Зубова, А.В., Кузьмин, Я.В. 2016. Комплексное исследование раннеякутского Сергеляхского погребения середины XV – начала XVI в. *Вестн. археологии, антропологии и этнографии*. № 4 (35): 90–109.
- Гоголев, А.И. 1990. Археологические памятники Якутии позднего средневековья (XIV–XVIII вв.). Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та.

- Гоголев, А.И. 1993. Якуты: (Проблемы этногенеза и формирования культуры). Якутск: Якут. ун-т.
- Жирков, Э.К. 2006. Отчёт о работе Заречного отряда археологической экспедиции ЯГУ в Мегино-Кангаласском и Чурапчинском улусах Республики Саха (Якутия) в полевой сезон 2004 года (Архив ИА РАН. Р-1. № 26288).
- Константинов, И.В. 1971. Материальная культура якутов XVIII века (по материалам погребений). Якутск: Якут-книгоиздат.
- Крюбеси, Э., Алексеев, А.Н. (ред.). 2012. Мир древних якутов: опыт междисциплинарных исследований (по материалам Саха-французской археологической экспедиции). Якутск: Издательский дом СВФУ.
- Николаев, В.С. 2004. Погребальные комплексы кочевников юга Средней Сибири в XII–XIV вв.: усть-галькинская культура. Владивосток; Иркутск: Изд-во Института географии СО РАН.
- Романова, Е.Н., Игнатъева, В.Б., Дьяконов, В.М. 2016. Степная сага коневодов Арктики: от древних времен до недавних событий. *Этнографическое обозрение*. № 4: 9–19.
- Ткаченко, И.Д. 2009. Снаряжение верхового коня у кочевников Сибири и Центральной Азии (опыт историко-этнографического исследования): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.
- Crubezy, E., Alekseev, A.N. 2007. Chamane Kuys, jeune fille des claces. Paris: Editions Errance.

V.M. Dyakonov

EQUIPMENT A RIDEABLE HORSE OF YAKUTS IN XIV – EARLY XX CENTURIES

The work is devoted to describing of the complex of horse equipment of Yakuts. The research sources became archaeological and ethnographic collections of museums. Equipment a rideable horse of Yakuts consists of two main parts – the headband (reins) and the saddle with stirrups. The horse equipment of Yakuts has close analogies in forms and manufacturing technology, in terminology to the peoples of South Siberia and Central Asia. Parallels for elements of horse harness of Early Yakut burials XIV–XVII centuries BC was found in Ust-Talkin culture of the nomadic herders of the South Angara region and the Upper Lena in XII–XIV centuries BC. However, Yakut complex of horse harness has specific characteristics that clearly show his identity.

Key words: Yakutia, Late Middle Ages, horse, horse equipment, saddles, stirrups, bits, bridle, headband of horse.

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ДРЕВНЕМАРИЙСКОГО БАРКОВСКОГО СЕЛИЩА (XIII–XV ВВ.): МЕЖДУ РУСЬЮ И ОРДОЙ

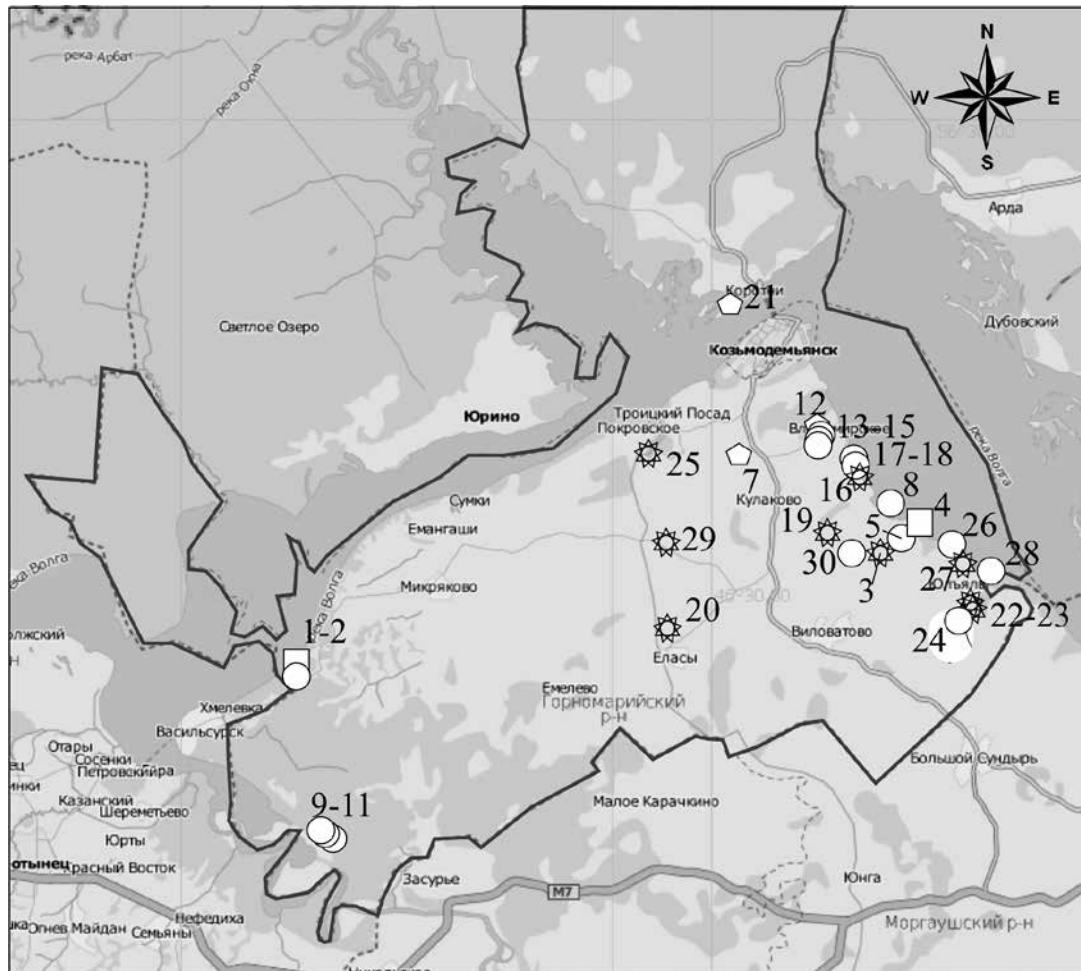
Д.Ю. Ефремова

Национальный музей Республики Марий Эл им. Тимофея Евсеева, Йошкар-Ола

Расположение Барковского селища XIII–XV вв. определяет его уникальный характер. Памятник находится на правом берегу р. Волга, около 8 км к северо-востоку от устья р. Сура. Результаты археологических исследований поселения отражают особенности исторических событий XIII–XV вв.: периода консолидации марийского народа, формирования Московского государства, складывающихся этнокультурных связей в Поволжье. Среди находок широко представлены как древнерусские (личного благочестия), так и золотоордынские (монеты) предметы.

Ключевые слова: Марийское Поволжье, топография, Средневековье, контактная зона, марийцы, Русь, Золотая Орда, материальная культура, культурные связи.

Барковское селище (XIII–XV вв.) расположено на правом берегу р. Волга, около 8 км к северо-востоку от устья р. Сура (см. рисунок). В отличие от синхронных памятников, поселение удалено к юго-востоку от коренной волжской террасы приблизительно на 790 м. Занимает два мыса, образованных вытянутым с запада на восток оврагом, по дну которого протекает ручей. Селище было обнаружено в октябре 2010 г. в ходе проверки информации, поступившей от жителей д. Барковка, о несанкционированных раскопках около памятника археологии регионального значения Барковское (Чортово, Чертово) городище. В результате поиска кладоискательских шурфов в 750 м к юго-востоку от городища выявлены фрагменты керамики, цилиндрические замки новгородского типа, предметы из черного металла. В 2011–2013 гг. в рамках республиканской целевой программы «Культурное наследие Республики Марий Эл на 2009–2013 гг.» отрядом Марийской археологической экспедиции (МарАЭ) под руководством Д.Ю. Ефремовой проведены спасательные работы. При поддержке учащихся Емешевской школы Горномарийского района и воспитанников Люльпанского детского дома Медведевского района Республики Марий Эл было изучено 360 м². Культурный слой селища представлен следующими напластованиями: дерн – от 1 до 5 см; черный пестроцветный слой с находками – от 20 до 38 см; серо-коричневый пестроцветный суглинок – от 10 до 48 см. В ходе археологических работ на Барковском селище изучены остатки древних сооружений:

- - селища
- - городища
- ⬠ - могильники
- ☼ - святилища

Памятники первой половины II тысячелетия н.э. в правобережной части Марийского Поволжья:

1 – Барковка. Городище, неопр.; 2 – Барковка. Селище, XIII–XV вв.; 3 – Важнангер. Жертвенник I, втор. пол. XIII–XVI в.; 4 – Важнангер. Жертвенник II (?); 5 – Важнангер. Селище, сер. II тыс.н.э.; 6 – Важнангерское (Мало-Сундырьское) (Аламнер) городище, XIV–XV вв.; 7 – Кадышево. Кладбище I, XIV–XVI вв.; 8 – Ключево. Селище, неопр.; 9 – Красное Селище. Селище II, XIII–XIV вв.; 10 – Красное Селище. Селище III, XIV в.н.э.; 11 – Красное Селище. Селище IV, XIV–XV вв.; 12 – Нижние Шелаболки. М-к, неопред.; 13 – Нижние Шелаболки. Селище I, XIII–XV вв.; 14 – Нижние Шелаболки. Селище II, неопр.; 15 – Нижние Шелаболки. Селище III, неопр.;	16 – Носёлы. Жертвенник, XIII–XV вв.? 17 – Носёлы. Селище II, XIII–XIV вв.; 18 – Носёлы. Селище III, XII–XIV вв.; 19 – Пикузино. Жертвенник, XV в.? 20 – Писералы. Жертвенник, втор. пол. XIV–XVII в.; 21 – Рутка. Могильник, XII–XIII вв.; 22 – Сауткино. Жертвенник I, XIII – нач. XV в.; 23 – Сауткино. Жертвенник II, неопред.; 24 – Сауткино. Селище, XIV–XV вв.; 25 – Сиухинское святилище, XIII – XIX вв.; 26 – Шунангер. Селище III, XII–XIII вв.; 27 – Юльялы. Жертвенник, XV – сер. XIX в.; 28 – Юльялы. Селище, XIV–XV вв.; 29 – Юнга-Пернянгаши. Жертвенник, XIII–XV вв.; 30 – Яндушево. Селище, неопред.

два погребя (размерами 286 x 380 см, 300 x 324 см, глубиной 108–127 см), овин (размерами 200 x 194 см, глубиной 88 см), наземные постройки: дом с глиняной печью (42 м²), летняя кухня «кудо». На планиграфии поселения прослеживается определенная закономерность – погребя расположены вдоль береговой линии, хозяйственные ямы вынесены за жилую площадь. На селище, преимущественно в объектах, обнаружено большое количество предметов: фрагменты посуды (горшки, миски, предположительно сковородки), пряслица и рыболовные грузила; изделия из черного (замки и ключи новгородского типа,

пробои, ножи, рыболовные крючки, иголки, зубила, резцы, использовавшиеся в ювелирном ремесле; гири для безмена) и цветного (предметы личного благочестия, украшения из проволоки, поясные накладки, золотоордынские монеты) металла. Керамическая коллекция Барковского селища представлена 5888 фрагментами. К сожалению, полных профилей не восстановлено. По заключению А.И. Михеевой, вся керамика на поселении выполнена способом скульптурной лепки. Лепная керамика составляет в среднем 17%, круговая – 83%. К особенностям памятника относится содержание следов ручного заглаживания на круговой керамике. Орнаментирована керамика крайне редко. Среди орнаментов преобладает однородная волна, в 9 случаях на днищах выявлены клейма. Анализ читаемых знаков показывает аналогии как в русских древностях, так и Волжской Булгарии (Биляра, Болгара) (Кокорина, 2002: 162, 208, 364, 365; рис. 106, 68, 135; Васильева, 2007: 53–61; Тропин, 2004: 145, рис. 78, 38).

К технологическим особенностям керамики относится большой процент шамота в круговой посуде. Поселение хорошо датируется шестью золотоордынскими монетами. А.З. Сингатуллиной определены 2 серебряных дирхема хана Джанибека (Сарай ал-Джудит), отчеканенных в 50-е годы XIV в. и обрезанных, вероятно, в 70–80-е годы XIV в. Относительную датировку слоям селища дают три предмета личного благочестия. Датировка первого, аналогичного найденному на поселении Красное Селище II (XIII–XV вв.), приведена в публикации 2012 г. (Михеева, Ефремова, 2012: 387, 391). Второй крест, размерами 21 x 16 мм, с рельефно обозначенным в центральной части средокрестия ромбом и загнутым ушком в виде пластинки, не имеет точных аналогий. По технике оформления концов и пропорциям он близок к крестам с Никулицына городища (Макаров, 2001: 19, 45, рис. 59, 2). Подобные кресты получили распространение на Руси в период XIV–XV вв. (Полубояринова 1997: 207). Близкие по форме кресты из слоя XIV – нач. XV в. г. Новгород не имеют дополнительных выступов на концах (Седова, 1981: рис. 16, 8). Третий крест, размерами 30 x 40 мм, относится к криноконечным с рельефными дугами в средокрестии и концами, образующими парные выступы на лопастях. В центре средокрестия имеется слабочитаемое ромбовидное углубление. Концы боковых и нижней лопастей украшены удлиненными выпуклыми овалами с двойными ушками, оглавие – в виде бусины. Обратная сторона гладкая. Подобные по форме кресты (только меньших размеров) приводятся в каталоге С.Н. Кутасова и А.Б. Селезнёва и датируются XIV – серединой XV в. (Кутасов, Селезнёв, 2010: № 360), встречаются они в Московской обл. (Сарачева, Сапрыкина, 2004: рис. 93, 13; Чудновец, 2006: рис. 58) и на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище в Марийском Поволжье (Никитина, Михеева, 2006: 129–130, рис. 55, 2).

По размерам Барковское селище является одним из наиболее крупных населенных пунктов данной эпохи, расположенных в пределах «горной стороны» расселения марийцев: Барковское селище – 14215 м², Важнангерское селище – 8300 м², Носельские селища I, II, III – 5251 м², Ключевское селище – 3000 м², Шартнейские селища I, II – 5000 м², Шунагерское III селище – 7200 м² (Михеева, 2006: 133–136), Юльяльское селище – 8020 м² (по мнению А.И. Михеевой – 22078 м² (Михеева, 2006: 136), Сауткинское селище – 11248 кв.м, Шелаболкинские селища I, II, III – 39948 м² (Ефремова, 2012: 86, 98, 210), Красноселищенские II, III поселения – 13850 м², Красноселищенское IV – 28000 м² (Никитина, 2002: 274). Обращает на себя внимание тот факт, что большинство из известных селищ периода XIII–XV вв. имеют сложную топографию – располагаются на нескольких мысах. Картографирование археологических объектов показывает, что часть из них находится в контактных зонах расселения марийцев на правом берегу р. Волга: Барковское и Красноселищенские II, III в западной части (тяготеют к р. Сура), Сауткинское и Юльяльское селища – в восточной (вдоль к р. Сундырь), тем самым маркируя территорию расселения группы горных мари на правом берегу р. Волга (см. рисунок). Характеризуя эпоху XIII–XIV вв. исследователи отмечают сложную политическую обстановку, вызванную монголо-татарским нашествием, которая привела к нарушению стабильного развития Поволжского региона, что отрицательно сказалось на социальном и экономическом развитии местных народов. На этом фоне выгодно отличается территория правобережья р. Волга от низовьев р. Сура до р. Сундырь.

Появление во второй половине XIII в. долговременных поселений (функционировавших вплоть до XV в.), в том числе в XIV в. административного центра в виде Важнангерского (Мало-Сундырского) городища (Никитина, Михеева, 2004), характеризует стабильную экономическую ситуацию и, вероятно, процесс консолидации марийского населения. К этому же времени относится появление культовых центров, сложившихся деревенских округ: в районе Важнангерского, Шартнейского, Яндушевского селищ появляется Важнангерское святилище; рядом с Носельскими II и III и Ключевским селищами – Носельский жертвенник, а напротив Сауткинское селища – Сауткинский жертвенник (см. рисунок). Эти данные несколько противоречат ранее высказанному предположению о развитии у марийцев в харак-

теризуемую эпоху «неполной земледельческой оседлости» (Никитина, 2002: 134). Кроме того, анализ археологических находок на Барковском поселении показывает одновременное хождение древнерусских предметов и золотоордынских денег. По мнению А.Г. Бахтина, территория проживания «черемис» играла особую роль в истории взаимоотношений русских княжеств и Волжской Булгарии/Золотой Орды: XIII век стал периодом, когда Марийский край становится «нейтральной пограничной полосой между Русью и Ордой», а в дальнейшем (вплоть до образования Казанского ханства) становится зоной, переходящей то под русское, то под ордынское влияние (Бахтин, 2012). По мнению исследователя, русская колонизация не заходила за р. Сура, что способствовало сохранению мирной жизни и активному культурному заимствованию, вплоть до домостроительства и некоторых обычаев. Однако археологические данные, напротив, свидетельствуют об устойчивых местных традициях, при некотором подражании как болгарским (ручки на сосудах), так и русским мастерам. Исследование данного поселения очень важно для изучения средневековой истории финно-угорских народов Поволжья и существенно дополняет немногочисленные письменные свидетельства, содержащие скудную информацию, зачастую ограниченную простым упоминанием о существовании «черемис» и незначительных связанных с ними фактах (Бахтин, 2012: 113–114).

Дальнейшее изучение Барковского селища позволит воссоздать более реалистичную картину жизни марийского средневекового поселения, оказавшегося в «центре» борьбы двух сильных соседей – Руси и Орды.

ЛИТЕРАТУРА

- Бахтин, А.Г. 2012. Марийский край в XIII–XVI веках: очерки по истории. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т.
- Васильева, Н.Б. 2007. Средневековые гончарные клейма (по материалам раскопок на ул. Бурмагиных, 20). *Археология Вологды. История и современность*: Сб. статей. Вологда: 53–61.
- Ефремова, Д.Ю. 2012о. Отчет о результатах разведочных работ на территории Горномарийского района РМЭ летом 2011 года. Т. 2. (НРФ МарНИИЯЛИ. 2012. Оп. I. Д. 1146).
- Кокорина, Н.А. 2002. Керамика Волжской Булгарии второй половины XI–начала XV в. Казань.
- Кутасов, С.Н., Селезнёв, А.Б. 2010. Нателные кресты, крестовключенные и крестовидные подвески X–XV веков. М.: Искатели.
- Макаров, Л.Д. 2001. Древнерусское население Прикамья в X–XV вв.: учеб. пособие. Ижевск: Изд-во УдГУ.
- Михеева, А.И. 2006. Поселения Марийского Поволжья в эпоху средневековья (XIII–XV вв.): дис... канд. ист. наук: 07.00.06. Ижевск.
- Михеева, А.И., Ефремова, Д.Ю. 2012. Барковское селище: предварительные итоги исследования 2011 года. *Тр. Камской археолого-этнографической экспедиции*. Вып. VIII. *Археологические памятники Поволжья и Урала: современные исследования проблемы сохранения и музеефикации*. Общ. ред. А.М. Белавина. Пермь: Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т.
- Никитина, Т.Б. 2002. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). Йошкар-Ола: МарНИИ.
- Никитина, Т.Б., Михеева, А.И. 2006. Аламнер: миф и реальность (Важнангерское (Мало-Сундырское) городище и его округа). Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ.
- Полубояринова, М.Д. 1997. Русские вещи и мастера в Золотой Орде. *Древняя Русь. Быт и культура*. М.: Наука.
- Сарачева, Т.Г., Сапрыкина, И.А. 2004. Ювелирные изделия. *Средневековое поселение Настасьино*. М.: Институт археологии Российской академии наук (Тр. Подмосковной экспедиции ИА РАН. Т. 2).
- Седова, М.В. 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука.
- Тропин, Н.А. 2004. Сельские поселения XII–XV вв. южных территорий Рязанской земли. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та.
- Чудновец, А.А. 2006. Каталог средневековой мелкой пластики. М.: Изд-во «Триада-фарм».

D. Yu. Efremova

ARCHAEOLOGICAL RESEARCH OF THE ANCIENT BARKOVSKY SELISCHE (XIII–XV C) – BETWEEN RUSSIA AND THE GOLDEN HORDE

The location of the monument The Barkovskoe Selische XIII–XV has determined its unique character. The monument is located on the right bank of The Volga river and at a distance of about 8 km to the north-east of the Sura River. The results of the archeological researches allow to overview historical data about establishing features of ethnocultural relations in The Volga Region and entering of this territory into Moscow region. Among the archaeological finds there are widely represented both the Old Russian (personal piety) and Golden Horde (coins) items.

Key words: Mari Volga region, the topography, the Middle Ages, the contact area, Mari, Russia, the Golden Horde, material culture, cultural ties

KINGDOM OF KORYO AND ITS RELATIONS WITH NEIGHBOURS*

L.V. Zabrovskaja

*Institute of History, Archaeology and Ethnography of Far Eastern Branch
of Russian Academy of Sciences, Vladivostok*

Koryo Kingdom was forced to carry defensive wars with its neighbours – the Khitans, Jurchens and Mongols in the north and reflect the raids of Japanese pirates in the south.

The result of these wars was a formation of the Korean nation. This process accompanied by migration of Korean peasants on new sparsely populated land of the north-east of the country and their assimilation with the Jurchen, which led to the linguistic and cultural borrowing.

The government of Koryo kingdom was able to successfully balance among difficult external international environment. As a result, Koryo was able to preserve its statehood, as well as to expand its territory to the west and north-east, turning the rivers of Yalu and Tumen in natural boundaries.

Key words: China, Koryo, Khitan, Jurchen, Mongols, trade contacts.

The establishment of the Korean kingdom of Koryo (Goryeo) (918–1392) was an important event in the formation of the Korean nation and the definition of its role among the nations of the Far East.

The time of establishment of the kingdom of Koryo was a difficult period for all the peoples of the Far East in their quest to create their own states and to cooperate with its neighbours. The history of the kingdom of Koryo – is a story of constant defensive wars with neighbouring states and tribal alliances.

In the 993, 1010 and 1018 years the kingdom of Koryo had to repel the aggression of Khitan Liao Empire (907–1125), whose troops captured the capital Kegĕn and ravaged the entire country. Due the creation of a strong army, which numbered 300 thousand soldiers, and building fortifications the kingdom of Koryo was able to rebuild the country and promote its north-western border to the mouth of the Yalu River (Rim, 1979: 75–76). After exhausting wars with the Khitans the rulers of Koryo had realized the need to change the tactics of interaction with militarily stronger neighbours and chose the path of the external manifestations of humility.

During the time of a reflection of Khitan's invasion, Koryo government maintained friendly relations with Sung China. Both countries exchanged embassies and actively traded. Chinese merchants brought to Koryo tea, silk, medicines, spices, books, receiving in exchange ginseng, silver, gold, furs (Encyclopedia, 2004: 223–224).

During the 12th-13th centuries Koryo's peasants settled on vacant lands of the north-east of the Korean Peninsula. This area was a homeland to the Jurchen people who in 1115–1226 founded the Jin Empire.

Finnish Prof. Juha Janhunen believes that the military and economic resources of Koryo and Jin “were for a long time roughly equal entities”, which forced both sides not to fight, and to seek ways for peaceful coexistence (Janhunen 1996: 152). The kingdom of Koryo, where the dominant religions were Buddhism and Confucianism, tried not to fight with the neighbours, but peacefully co-exist with them.

The Empire of Jin plan to expand its territory to the south and conquer Sung China, therefore it maintains peaceful contacts with Koryo. In turn, the kingdom of Koryo, in its relations with the Jurchen Jin Empire led a flexible policy and chooses in 1126 to acknowledge of himself as a vassal state (Janhunen 1996: 152). In this way it was able to continue its existence as a formally separate state and avoid ruinous wars.

Prolonged contact between Koryo and Jurchen subjects left a significant mark on the culture and linguistic features of their languages. There were preserved some cultural parallels between the both peoples, which include, among other things, such an important phenomenon as a regional variety of female shamanism. There are many linguistic borrowings in Korean language. Due intensive direct interaction between Koryo and Jurchen subjects it was affecting both the lexical and the structural properties of both languages. This was due to close contacts between Koryo, Khitan and Jurchen people.

Prof. Juha Janhunen believes that close contacts have led to borrowing vocabulary and grammatical changes made in the languages of these three peoples of the Far East. He also believes that the population of the Empire of Jin and Koryo was bilingual (Janhunen, 1996: 153). After the fall of the Empire of Jin the rulers of Koryo continued to maintain links with disparate Jurchen clans, considering them as Koryo vassals (Kurbanov, 2002: 210–211).

During 1230–1231 the kingdom of Koryo had to repulse the aggression of the Mongolian Yuan Empire. For preserving its statehood Koryo kings pleaded themselves as vassals of Yuan Empire, sent a tribute and took the

* The Russian Foundation for Humanities supported the paper (Project № 15-01-00131).

Mongolian princess as wives. This helped to avoid the transformation the kingdom of Koryo into a province of Empire of Yuan, but not saved from the constant looting and theft captive of the population. During a hundred years of Mongol's domination over Koryo they hijacked more than 200 thousand residents of the country (Rim, 1979: 80–81).

In the middle of the 14th century Koryo had again to reflect the invasion of the foreign conquerors. It was the Chinese rebel groups, who fought against the Mongolian troops, and eventually turned into a gang of robbers. These rebels wore decals – red scarf, so they were called “Red Heads”.

In 1359 three thousand troops of “Red Heads,” crossed the River of Yalu and captured the north-western lands of Koryo, but was soon supplanted by Koryo troops across the river. In 1361–1362 about 20 thousands of “Red Heads” again invaded Koryo, capturing its capital and robbing people. At this time, the combined forces of Koryo's commanders finally defeated them and drove for the River of Yalu.

Simultaneously with the armies of invaders in the north-west of Koryo's lands there were robbed by Japanese pirates on the south coast. The hostile environment of Koryo exhausted the internal forces of the country and caused the population to poverty.

At the end of the 14th century the relations of Koryo and disparate Jurchen tribes, who lived along the Rivers of Yalu and Tumen, occupied an important place in the Koryo's foreign policy. The main occupation of the Jurchen tribes were fishing and hunting. They showed interest in contacts with Koryo, from which they obtained different types of cereal, tissue, which exchanged for cattle, horses and fur. Living on the right bank of the River of Yalu Jurchens were subordinate to authorities of Koryo and were active in trade with Koryo people, but it was not an obstacle for the frequent attacks against Koryo population and took them into slavery (Chungguo, 1989: 198).

Koryo authorities treated them as their subjects (vassals), the court awarded them by titles and gave them various ranks, took their gifts. Koryo authorities had peaceful contacts with the Jurchens, permitted trade relations not only along of the River of Yalu (Amnok-gan), but also on the right bank of the River of Tumen, where permanent market places were organized in 1406. There was barter trade by Korean grain, fabrics, agricultural equipment, utensils in exchange for Jurchen's horses and fur.

In addition, the Koryo government encouraged the resettlement of Koryo peasants to the sparsely populated the north-east border lands and assimilation with the Jurchens. Also welcomed the resettlement of Jurchen clans and tribes into the territory of Koryo and the adoption of Koryo citizenship.

Particular attention was paid to the Jurchen leaders, who came to the Koryo court with gifts in the form of tribute. Royal Treasury paid for their travel and accommodation in the capital, encouraged by their marriage to the royal relatives.

Simultaneously with the “pacification of the northern barbarians” Koryo government sought to oust the Jurchen from the right bank of Tumen, turning the river into a natural boundary between the two nations.

To do this, they not only resettled farmers along the right bank of the Tumen River, but also to build the military fortress in the middle and lower reaches of the river. In 1409–1410 Udege came from the north and united with the Jurchen uryanha, then they committed a series of attacks on Korean fortress. There were military clashes with the Jurchen tribes of uryanha and odori during twenty years, until they were driven out in the highlands. Only in the first half of the 15th century Korean authorities were able to “pacify” the Jurchens of uryanha, rather than resorting to military action against them, and building capacity, much coaxing their leaders with gifts, giving them honorary titles, providing them with livestock and grain.

This policy of the Korean government provoked discontent and suspicion among Ming China, whose emperors considered Jurchens as their vassals and afraid anti-Chinese conspiracy between their leaders and rulers of Korea.

Thus, throughout the history of its existence, the Kingdom of Koryo was compelled to fight defensive wars with its neighbours – the Khitans, Jurchens and the Mongols in the north and reflect the raids of Japanese pirates in the south. It was a formation of the Korean nation in the course of these wars and local conflicts. This process was accompanied by a migration of Korean peasants on new sparsely populated lands of the north-east of the country and their assimilation with the Jurchens, and the assimilation of the population of the Kingdom of Koryo from the invaders, which led to the linguistic and cultural borrowings.

The government of the kingdom of Koryo were able to successfully balance a difficult foreign policy situation. This was the result of well thought-out foreign policy, which consisted in the military-political cooperation with China, the transformation of the individual Jurchen tribes in his vassals, reconciliation with

others by establishing trade relations and food supplies. As a result, the Kingdom of Koryo became a subject to stronger neighbours, could save their state, as well as to expand its territory to the west and north-east, turning the rivers of Yalu and Tumen in natural boundaries.

ЛИТЕРАТУРА

- Курбанов, С.О. 2002. Курс лекций по истории Кореи: с древности до конца XX в. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та.
 An Encyclopedia of Korean Culture. 2004. Ed. Suh Cheong-Soo. Co-editors Bernard Rowan, Cho Yoon-jung. Seoul: Hanseobon.
 Janhunen Juha. 1996. Manchuria. An Ethnic History. Helsinki: Vammalam Kirjapaino O.
 Rim Sang Jong. 1979. An Outline of Korean Culture. Pyongyang: Foreign Languages Publishing House.
 Чжунго лиши сюэ сы ши нянь. 1989 = Сорок лет изучения истории Китая. Историографический обзор. Пекин: Шуму вэньсянь чубаньшэ.

Л.В. Забровская

КОРОЛЕВСТВО КОРЁ И ЕГО ОТНОШЕНИЯ С СОСЕДЯМИ

Королевство Корё вело оборонительные войны со своими соседями – киданями, чжурчжэнями и монголами на севере страны и отражало набеги японских пиратов на юге.

В ходе этих войн шло формирование корейской нации. Этот процесс сопровождался миграцией корейских крестьян на новые малозаселенные земли северо-востока страны и их ассимиляцией с чжурчжэнями, что приводило к языковым и культурным заимствованиям.

Власти королевства Корё смогли успешно балансировать в сложной внешнеполитической ситуации. В результате Корё сохранило свою государственность, а также расширило территорию страны на западе и северо-востоке, превратив реки Амноккан и Туманган в естественные рубежи.

Ключевые слова: Китай, Корё, кидани, чжурчжэни, монголы, торговые связи.

О ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ ТРАДИЦИЯХ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА НА НИЖНЕЙ ВОЛГЕ

Ю.А. Зеленева

*Институт археологии им. А.Х. Халикова, Казань;
 Марийский государственный университет, Йошкар-Ола*

В статье рассматривается вопрос об идентичности причин формирования и схожести процессов развития городских центров на востоке и западе Монгольской империи. Отмечаются также общие элементы в планировке и архитектурной структуре этих городов. Своеобразие градостроительства на востоке и западе Монгольской империи связано с влиянием традиций местного (завоёванного) населения на этот процесс.

Ключевые слова: археология, город, Центральная Азия, Нижнее Поволжье, XIII–XIV вв.

До монгольского завоевания на Нижней Волге было очень немного поселений вообще, городские же поселения археологически пока определяются очень слабо. Письменные данные говорят о городе Итиль, который существовал в VIII–X вв., и городе Суммеркент XI–XIII вв. Археологически они пока не атрибутируются. Есть ещё несколько домонгольских поселенческих археологических объектов, например Мошаик, но города это или нет – пока не ясно.

Первым городом Нижнего Поволжья в золотоордынский период стал Сарай (Сарай ал-Махруса, неправильное, но распространённое название Сарай Бату), основанный в 1254 году.

В период расцвета кочевого хозяйства его носители отрицательно относились к осёдлому образу обитания. Но ставки ханов и вождей являясь передвижными, представляли собой скопление огромного количества юрт, повозок, т.е. прообраз города (Крадин, Скрынникова, 2007: 430). Скорее всего, именно из них и вырастали впоследствии стационарные ханские ставки, перераставшие в города.

С.А. Плетнева считает, что города появляются у кочевников на третьей стадии кочевания, т.е. фактически при переходе их к оседлости: «Богатая аристократия стремилась к отделению своих жилищ от рядового населения; для этого они ограждали участки земли (обычно на высоких береговых холмах). Так возникали своеобразные замки. Обычно владельцы проводили в них зиму, а летом откочевывали из замка в степь. Около замков группировались поселения, образуя своего рода гнезда. Если замок стоял на удачном месте (при скрещении торговых путей), то гнездо в целом перерастало в степной город. Таков

был путь «от кочевий к городам» (Плетнева, 2003: 17). По аналогичной схеме происходил переход к городской жизни и в ордынском обществе. Только вместо замков здесь возникают неукрепленные усадьбы, вокруг которых группируются постройки социальных низов.

Очень похоже формировались городские поселения в Центральной Азии. Города у монголоязычного населения Центральной Азии начали появляться в X–XI вв. Сами же традиции градостроительства уходят в IX в. и связаны с уйгурским и киданьским влиянием (Киселев, 1965: 14).

Принцип образования города на ранее пустом месте характерен для восточных государств, особенно деспотического типа. Как правило, на востоке главной причиной, определяющей основание города, являлась его административная функция. Другие факторы – экономические, военные и прочие – также играли свою роль, но являлись чаще всего второстепенными (Федоров-Давыдов, 1994: 11).

Монгольская политическая элита восприняла эту восточную градообразовательную традицию. Скорее всего, на монголов оказала влияние китайская модель градообразования. Возможно, она была воспринята не напрямую, а через чжурчженское, уйгурское, тангутское влияние или влияние других близких монголам по образу жизни народов, но воспринявших элементы китайской культуры.

Особенно ярко это проявляется при образовании столичных городов. Здесь всегда действовал принцип: «где хан, там и центр империи», независимо от того, была ли это степная ханская ставка, или это было стационарное поселение. Аналогичная ситуация наблюдается во всех окружающих монголов этнокультурных формированиях Восточной Азии, откуда она и была заимствована культурой монголов.

В монгольских степях отмечается такой факт, как наличие на довольно большой площади концентрации юрт и шатров, связанных с ханской ставкой. Здесь практически в любом месте мог возникнуть единый центр. Н.Н. Крадин вслед за Н. Сираиси полагает, что могут возникать места плотного расселения, по крайней мере в зимний период, и обозначает такое явление как периурбанизм (Крадин, Скрынникова, 2006: 433). В связи с этим можно упомянуть о том, что весь берег Ахтубы от её истока и до большой дельты Волги представляется также плотно заселённым участком, правда уже на другой стадии – стадии развивающегося урбанизма, но принципы его формирования те же, что и на раннем этапе формирования городов-ставок Центральной Азии.

Наиболее полно этот принцип проявился при основании имперской столицы – города Каракорум, который возник в местности, непригодной для полноценного функционирования значительного городского центра. Именно поэтому он и прекратил свое существование фактически сразу после того, как отсюда была перенесена ханская ставка.

Первичная планировка нижневолжских городов имеет все черты монгольской традиции. Много сходства с планировкой Каракорума. Основным ее элементом является отсутствие центра города в том виде, в котором мы привыкли его видеть в Европе и на Руси. В соответствии с принципами градообразования, сложившимися в Золотой Орде, усадьбы хана и других представителей социальных и административных верхов располагаются по степи без видимого порядка, не создавая определенного городского центра. Отсутствуют также городские стены, которые в других цивилизациях и являются одним из главных отличий городского от негородского поселения, что и отражено в этимологии русского слова «город». То есть в ордынском и монгольском городе отсутствует цитадель как его укрепленный центр.

Свободное расположение построек, без какой-либо планировочной структуры, которое характерно для золотоордынского города в первоначальном его виде, а также отсутствие укреплений вокруг него затрудняет определение границ города. Проблема определения границ золотоордынских городищ не решена даже для хорошо изученных памятников.

Хирхинское городище имеет усадебную планировку (Киселев, 1965: 24–25). Центральное сооружение – цитадель, по С.В. Киселеву, тоже усадьба, но укрепленная. В то же время, хотя С.В. Киселев пишет о наличии укрепленных усадеб к западу от усадьбы, именуемой им цитаделью, он не считает их какими-либо военными сооружениями (Киселев, 1965: 28). Укрепление вокруг так называемой цитадели также не производит впечатления серьезного оборонительного сооружения. Ров очень неглубокий. Вал мог быть остатками разрушенной глиняной стены (Киселев, 1965: рис. 18, 7). Правда, С.В. Киселев отмечает две такие стены с заполнением между ними, но развалины такой мощной двойной стены должны были быть намного больше, чем выявлено при ее раскопках (Киселев, 1965: 46–47).

Не были укреплены и все пять городов XIII–XIV вв. в Туве, поэтому у их исследователей даже возникало сомнение в городской принадлежности изучаемых поселений (Киселев, 1965: 61–62). Городище Ден-терек, относящееся к началу XIII в., имеет усадебную планировку (Киселев, 1965: 63, рис. 28; Федоров-Давыдов, 1994: 14).

Некоторые центральноазиатские традиции прослеживаются и в архитектурных и строительных приёмах золотоордынских городов.

Полы зданий на Хирхиринском городище и городище Ден-терек выкладывались кирпичом, как на золотоордынских городищах Поволжья (Киселев, 1965: 29, 84–85, рис. 46). Кирпич древнемонгольских городов квадратный, как и в золотоордынских городах (Киселев, 1965: 65). Здания на городище Ден-терек изнутри были оштукатурены алебастром (Киселев, 1965: 89). Крыши покрыты красноглиняной черепицей (Киселев, 1965: 90–91).

Каны Хирхиринского городища и городища Ден-терек (Киселев, 1965: 30–31, 67–68) могут быть прототипами канов в золотоордынских городах Поволжья. Г. А. Федоров-Давыдов, поддерживая мнение В. Л. Егорова, считает, что П- и Г-образные каны могут рассматриваться как реминисценция центральноазиатских канов (Федоров-Давыдов, 1994: 75).

Керамическая черепица нижеволжских городов имеет аналогии находкам на Хирхиринском городище (Киселев, 1965: 35). Такая черепица украшалась по выпуклой стороне узором. Обычно это идущие поперек пояски из семи прочерченных острием параллельных линий, между которыми размещены волнистые ленты, арочки, фестоны, образованные такими же семью параллельными линиями (Киселев, 1965: 36–37). Данная черепица датируется XI–XIII вв. и на Хирхиринском городище появляется в начале XIII в. под влиянием мастеров из городов Приморья того времени (Киселев, 1965: 43).

Таким образом, города как в Центральной Азии, так и в Нижнем Поволжье возникают при трансформации кочевых ставок знати в осёдлую ставку, которая постепенно обретает вид и функции города. Постепенно, по мере переселения в эти города зависимого населения из покорённых стран, их облик меняется с преобладанием дальневосточных черт (китайских) в Центральной Азии и мусульманских в Поволжье.

ЛИТЕРАТУРА

- Киселев, С. В. (ред.). 1965. Древнемонгольские города. М.: Наука.
 Крадин, Н. Н., Скрынникова Т. Д. 2006. Империя Чингис-хана. М.: Вост. лит.
 Плетнева, С. А. 1982. Кочевники средневековья. М.: Наука,
 Федоров-Давыдов, Г. А. 1994. Золотоордынские города Поволжья. М.: Изд-во МГУ.

Y. A. Zeleneev

ABOUT THE CENTRAL ASIAN TRADITIONS OF URBAN PLANNING IN THE LOWER VOLGA REGION

The article considers the identity of the reasons for the formation and similarity of the development of urban centers in the east and west of the Mongolian Empire. The common elements in the planning and architectural structure of these cities are stressed. The peculiarity of urban planning in the east and west of the Mongolian empire is connected with the impact of the traditions of the local (conquered) population on this process.

Key words: archeology, city, Central Asia, Lower Volga region, XIII–XIV centuries.

КАРАКОРУМ И САРАЙ: ОСОБЕННОСТИ ГРАДООБРАЗОВАНИЯ, СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЕ

Э. Д. Зиливинская

Институт этнологии и антропологии РАН, Москва

В статье рассматриваются две столицы – Каракорум, столица Монгольской империи, и Сарай, столица Золотой Орды. Оба города возникли как скопление аристократических усадеб. В XIV веке в Сарае центрами городских кварталов становятся мечети. В Каракоруме усадебные и дворцовые здания строились по китайским образцам. В Золотой Орде за основу была взята типично среднеазиатская планировка, а принципы организации пространства были заимствованы в Центральной Азии.

Ключевые слова: Монгольская империя, Золотая Орда, столицы, усадьбы, дворцы, мечети, медресе, бани.

В XIII в. в Монгольской империи, государстве, основанном кочевниками, начинают строиться города. В 30-е гг. на берегах Орхона, в долине Далалха-Тала, по приказу Великого каана Угэдэя закладывается столица империи Каракорум, а через несколько десятилетий в Нижнем Поволжье Бату основывает Сарай, столицу улуса Джучи. Оба города возникли в пустынной местности, где не было традиций оседлости. Интересно сравнить эти города и попытаться найти общие черты.

О строительстве Каракорума сообщает Рашид-ад-дин: «Так как он [Угедей] еще раньше привез с собой из Китая разных ремесленников и мастеров всяких ремесел и искусств, то приказал построить в [своем] юрте Каракоруме, где он по большей части в благополучии пребывал, дворец с очень высоким основанием и колоннами, как и приличествует высоким помыслам такого государя. Каждая сторона того дворца была длиной в полет стрелы. Посредине воздвигли величественный и высокий кушк и украсили то строение наилучшим образом и разрисовали живописью и изображениями и назвали его «карши» [дворец]. [Каан] сделал [его] своим благословенным престольным местом. Последовал указ, чтобы каждый из [его] братьев, сыновей и прочих царевичей, состоящих при нем, построил в окрестностях дворца по прекрасному дому. Все повиновались приказу. Тогда те здания были окончены и стали прилегать одно к другому, то [их] оказалось целое множество» (Рашид ад-Дин, 1960: 40). Из этого отрывка видно, что Каракорум состоял из отдельных усадеб.

Неизвестно, как формировались золотоордынские города в XIII в. Г.А. Федоров-Давыдов предполагал, что этот процесс происходил так же, как и в Монголии (Федоров-Давыдов, 1994: 14). Это вполне вероятно, но точных доказательств у нас нет. Следует отметить, что слои XIII в. в настоящее время на золотоордынских городищах почти не исследованы, поэтому все рассуждения о первоначальной структуре золотоордынского города во многом гипотетичны. Однако усадебная планировка сохраняется на протяжении всего периода существования Золотой Орды, и в настоящее время мы имеем достаточно сведений об усадьбах XIV в. Усадьбы феодальной знати и зажиточных горожан занимали значительную площадь – 5000–10000 м² (Егоров, 2000: 268), вероятно в связи с этим все исследованные на данный момент усадьбы раскопаны лишь частично. Тем не менее структура их в общем и целом достаточно изучена. Крупные усадьбы состояли из дома владельца, жилищ прислуги, хозяйственных построек. Каждая усадьба имела свой водоем (хаус) и была обнесена забором (дувалом). Часто на ее территории располагались ремесленные мастерские, продукция которых использовалась внутри усадьбы и при избытке могла поступать на рынок. Г.А. Федоров-Давыдов подчеркивал сходство структуры усадеб Царевского городища с усадьбами Каракорума (Мухамадиев, Федоров-Давыдов, 1978: 89; Киселев, 1965: 128, рис. 80).

Несмотря на значительную степень исследованности золотоордынских городов XIV в. до сих пор невозможно сделать исчерпывающие выводы об их структуре. Это связано прежде всего с огромными размерами городских центров. Так, широкомасштабные раскопки Селитренного городища, площадь которых составляет в настоящее время около 30000 м², затронули лишь небольшую часть памятника, общая площадь которого не менее 15 км². Можно констатировать, что города Золотой Орды имели усадебно-уличный характер застройки и там отсутствовали кварталы сплошной застройки, характерные для большинства городов Востока.

Тем не менее раскопки аристократического района Сарая (Селитренное городище) содержат данные, которые позволяют предположить, каким именно образом происходило сложение городской структуры во времена хана Узбека. Район этот, расположенный между буграми Кучугуры и Красный, возник в 30-е гг. XIV в. Здесь был исследован общественный центр, состоящий из Джума мечети, здания медресе или ханака, а также общественной бани-хаммам (Zilivinskaya, 1997: 29–36; Зиливинская, Васильев, 2011: 204–213). Общественные постройки окружали дома рядового населения. Также в этом районе были исследованы четыре большие аристократические усадьбы.

Самым значительным зданием в этом комплексе была большая мечеть. Она состояла из двух помещений – молитвенного зала и пристройки в северо-западной части здания. Молитвенный зал мечети был квадратным в плане, размерами 36,5 x 35,5 м. Главный вход в него оформлен массивным порталом, который был обращен к площади. Еще два входа с порталами меньшей величины были сделаны в западной и восточной стенах. Пространство к западу от мечети занимали жилые дома. С южной стороны мечети находился некрополь, состоявший из нескольких мавзолеев, склепов и могил с кирпичными надгробиями (мастаба). К востоку от мечети располагалось большое многокомнатное здание, которое по ряду признаков также можно считать общественной постройкой, связанной с мусульманской религией – медресе или ханака. Здание, исследованное частично, скорее всего, имело прямоугольную форму и состояло из ряда помещений, окружающих внутренний двор. К югу от большой мечети располагалась общественная баня-хаммам, предназначенная для зажиточных слоев населения. Фасад ее находился напротив главного портала мечети и восточного отрезка ее северной стены. Баню и мечеть разделяла площадь или улица шириной 11 м. К северу от бани находились жилые кварталы. Здесь раскопано несколько домов с деревянными и сырцовыми стенами. Рядом с одним из домов обнаружены основания

трех юрт. Наличие их свидетельствует о присутствии в городах кочевников или о сохранении кочевых традиций в среде городского населения.

Стратиграфические исследования показали, что первой на этом участке была построена мечеть. Стены ее ориентированы по сторонам света с отклонением от меридиана к востоку на 30 градусов. Баня, медресе и жилые дома были построены позднее, и их стены параллельны стенам мечети.

В этом же районе исследованы четыре крупные аристократические усадьбы. О том, что хозяевами этих усадеб являлись именно верхи золотоордынского общества, свидетельствует наличие в домах больших парадных залов, предназначенных для приемов. Несмотря на то что крупные усадьбы, окруженные дувалом, составляли целые кварталы города, они также были вписаны в городскую планировку. Свидетельством этого является тот факт, что стены их имеют такое же направление, как стены мечети и окружающих ее построек. Это доказывает, что в XIV в. город строился по единому плану. Вероятно, при разбивке каждого нового района сначала возводилась мечеть, ориентированная по кыбле, а к ней привязывались остальные здания.

Таким образом, в XIV в. золотоордынские города, хотя и сохранили усадебную планировку, отнюдь не являлись беспорядочным скоплением усадеб. Они строились по четкому плану, имели широкие улицы и были хорошо благоустроены.

Можно сравнить и наиболее важные здания, из которых состояли Каракорум и Сарай.

Дворец Угедая и другие постройки Каракорума были построены в китайских традициях. Это хорошо видно из описаний его Г. Рубруком, а также другими путешественниками. Письменные источники подтверждаются археологическими материалами. Раскопки предполагаемого дворца Угедая в Каракоруме экспедицией С.В. Киселева, а также исследования синхронных по времени дворцовых зданий на р. Хирхира, в Кодуйском городке и на городище Дён-терек показали, что они были построены в китайских традициях (Киселев, 1965: 138–165, 329–369). Исследованные здания представляли собой многоколонные композиции, поставленные на высокие земляные платформы, облицованные кирпичом и камнем. Базами деревянных колонн, поддерживающих крышу, служили массивные гранитные блоки, квадратные или с цилиндрическими выступами. Крыша была из поливной черепицы с характерными концевыми дисками и отливами. Здания не имели отопления и использовались только для церемониальных целей. Правда, современные исследователи считают «дворец Угедая» в Каракоруме буддийским храмом XIII в. (Hüttel, 2005: 140–146), но назначение других дворцовых зданий не вызывает сомнений.

В Сарае и некоторых других городах Нижнего Поволжья также исследованы крупные усадебные здания, которые можно считать настоящими дворцами (Зиливинская, 2011а: 102–112; 2011б: 91–132). Здания возведены из обожженного и сырцового кирпича, в оформлении их использованы поливные изразцы, резной ганч, ганчевые решетки-панджара с цветными стеклами. В основном усадебные дома Сарая имеют довольно четкую планировку. Прямоугольные в плане здания разделены меридиональными стенами на несколько рядов помещений. Центральный ряд состоит из входного тамбура, расположенного с южной стороны, и парадного зала, который является композиционным центром здания. С северной стороны может быть сделан еще один вход с тамбуром. С двух сторон от этого ряда помещений находятся жилые и хозяйственные комнаты. Группировка помещений вокруг центрального зала, который часто снабжен парадным айваном, характерна для дворцовых построек Среднего Востока, и в частности Средней Азии. На связь с этим регионом указывают строительная техника, строительные материалы и архитектурный декор. Тем не менее здесь нельзя видеть простое заимствование. В Золотой Орде парадные помещения организованы по «монгольским» принципам, то есть вход всегда находится с южной стороны, а парадный айван – с северной. В зодчестве других стран этот принцип не имеет значения, и парадные помещения ориентированы произвольным образом. Анализ планировочных особенностей усадебных зданий Сарая позволил предположить, что в парадных залах здесь происходили церемонии, подобные приемам во дворцах великого каана, описанным Рубруком, Плано Карпини и Марко Поло. То есть в Золотой Орде типично среднеазиатская планировка была соединена с монгольскими принципами организации пространства, в результате чего возник новый, оригинальный тип дворцовых зданий.

Сходство Сарая с Каракорумом ограничивалось в основном наличием усадебной застройки. В остальных аспектах городской жизни превалировало влияние мусульманского Среднего Востока. В качестве основных общественных зданий здесь строились мечети с минаретами, медресе, ханака, бани-хаммам. Мемориальные постройки были представлены мавзолеями. Несмотря на то что, согласно письменным источникам, в Сарае, как и в других городах Золотой Орды, жили христиане (несториане, православные, католики), буддисты и иудеи, культовые постройки этих религий археологически не исследованы.

Еще одно отличие двух столичных городов Монгольской империи заключается в наличии или отсутствии внешних укреплений. В 30-е гг. XIII в. Каракорум был обнесен крепостной стеной и превратился в укрепленный лагерь, в котором каан оставлял семью во время походов. В отличие от Каракорума Сарай не имел укреплений, поэтому площадь его достигала огромных размеров (более 15 км²). Только в 60-е гг. XIV в., во время «великой замятни», здесь был сделан невысокий вал, окружающий часть города.

ЛИТЕРАТУРА

- Егоров, В.Л. 2000. Города Руси и Золотой Орды в XIII–XIV вв. – общее и особенное. *Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья*: материалы науч. конф. М.: 263–272.
- Зиливинская, Э.Д. 2011а. Традиции архитектуры Среднего Востока в усадебном домостроительстве Золотой Орды. *Археология, этнография и антропология Евразии*. № 2: 102–112.
- Зиливинская, Э.Д. 2011б. Очерки культового и гражданского зодчества Золотой Орды. Астрахань: Изд. дом «Астраханский университет».
- Зиливинская, Э.Д., Васильев, Д.В. 2011. Раскопки общественного центра в аристократическом районе Сарая. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. № 1: 204–213.
- Киселев, С.В. 1965 (ред.). *Древнемонгольские города*. М.: Наука.
- Мухамадиев, А.Г., Федоров-Давыдов, Г.А. 1978. Раскопки усадьбы на Царевском городище. *Вестн. МГУ*. № 3: 75–98.
- Рашид-ад-дин, 1960. Сборник летописей. Т. 2. М.; Л.
- Федоров-Давыдов, Г.А. 1994. Золотоордынские города Поволжья. М.
- Zilivinskaya, E. 1997. The Golden Horde city pattern: evidence from excavations. *Urbanism in Medieval Europe: Papers of the «Medieval Europe Brugge 1997» Conference*. Vol. 1. Zellik: 29–36.
- Hüttel, H.-G. 2005. Der Palast des Ogedei Khan. Die Ausgrabungen des Deutschen Archäologischen Instituts im Palastbezirk von Karakorum. *Dschingis Khan und seine Erben. Das Weltreich der Mongolen*. Bonn, München: 140–146.

E.D. Zilivinskaya

KARAKORUM AND SARAI: FEATURES OF TOWN FORMATION, SIMILARITY AND DIFFERENCE

This article discusses two capitals – Karakorum, the capital of the Mongol Empire, and Sarai, the capital of the Golden Horde. Both cities have emerged as a cluster aristocratic estates. In the fourteenth century in Sarai centers city blocks are the mosques. The Karakoram estate and palace buildings were built on the Chinese model. The Golden Horde was taken as a basis for a typical Central Asian layout and principles of the organization of space were taken in Central Asia.

Key words: Mongolian Empire, Golden Horde, capitals, manors, palaces, mosques, madrassas, baths.

О ДОЛЯСКОМ КОМПЛЕКСЕ В МАТЕРИАЛАХ ГОРОДИЩА ХЭРМЭН-ДЭНЖ, МОНГОЛИЯ*

А.Л. Ивлиев¹, Н.Н. Крадин¹, Л. Эрдэнэболд²

¹Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток;

²Монгольский технический университет, Улан-Батор

В ходе археологических раскопок городища Хэрмэн-дэнж в Заамар сомоне Центрального аймака Монголии среди типично ляоского материала встречены фрагменты керамики с декором и следами технологических приемов, не характерных для культуры киданей и империи Ляо. Декор этих фрагментов сходен с орнаментами на сосудах тюркских и Уйгурского каганата. Также и найденные на городище строительные материалы – черепица, её концевые диски, плакетка гуймянь, кирпичи – не свойственны киданьским памятникам и частично находят аналогии в более раннее время. Авторы приходят к выводу о наличии на этом памятнике более раннего культурного комплекса, вероятнее всего, связанного с обитавшим здесь в VII–VIII вв. племенем пугу.

Ключевые слова: Монголия, городище Хэрмэн-дэнж, кидани, империя Ляо, уйгуры, керамика, черепица.

В ходе раскопок городища Хэрмэн-дэнж в 2010–2013 гг. наряду с киданьскими материалами времени империи Ляо (916–1125 гг.) встречена серия изделий – фрагментов сосудов, строительных материалов – не характерных для культуры Ляо и киданей. В данной работе дается их описание и делается попытка их датировки и культурно-исторической интерпретации.

Возглавляемая Н.Н. Крадиным и А. Очиром Российско-монгольская археологическая экспедиция начиная с 2004 года вела археологические исследования киданьских городищ империи Ляо на территории

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ № 14-18-01165 «Города средневековых империй Дальнего Востока».

Монголии. Экспедицией обследовались (включая раскопки) городища: Чинтолгой-балгас (2004–2008 гг.), Эмгэнтуйн-хэрэм (2009, 2013 гг.), Хэрмэн-дэнж (2010–2012 гг.). Исследуемые городища находятся в долине р. Тола. В 924 г. кидани впервые пришли в эти места. Тогда киданьское войско во главе с основателем династии Ляо Елюем Абаоцзи «пошло походом на тухуней, дансянов, цзубу», «остановились в древнем городе хуйху (уйгуров – *А.И.*)» (Ляо ши: цз. 2). Этот «древний уйгурский город» был столицей уйгурского каганата, расположенной в долине Орхона. Спустя 70 лет, в правление ляоского императора Шэн-цзуна, государство киданей активизировало свою политику на северо-западной границе. В 1004 г. империя Ляо в долине р. Тола создала систему городов-крепостей с военными гарнизонами для контроля над племенами цзубу на северо-западной границе.

Эти города-крепости находятся на вытянутой с северо-востока на юго-запад линии на расстоянии 12–28 км друг от друга в следующем порядке: Хэрмэн-дэнж, Улаан-хэрэм, Чинтолгой-балгас, Харбухын-балгас.

Городище Хэрмэн-дэнж находится на правом берегу р. Тола, примерно в 28 км на юг от центра Заамар сомона Центрального аймака Монголии. Впервые городище обследовалось монгольскими археологами в 2002–2003 гг. (Очир и др., 2005). В 2005 г. раскопки на городище производились Монгольско-голландской экспедицией, а в 2013 г. раскопки указанной выше Российско-монгольской экспедиции 2010–2012 гг. были продолжены Монгольско-российской экспедицией под руководством Л. Эрдэнэболда и А.Д. Цыбиктарова. Хэрмэн-дэнж представляет собой комплекс из семи памятников, пять из которых являются окруженными земляными валами остатками городков или усадеб, а два – следами неукрепленных поселений. Раскопки велись на окруженном высокими валами самом крупном городище, получившем название Хэрмэн-дэнж-5. Это городище в плане имеет форму трапеции, основанием обращенной к югу. Как многие киданьские городища, оно разделено внутренней стеной на северную и южную части. В средней части внутренней стены есть ворота. На стенах городища есть угловые башни и 6 фронтальных. Единственные ворота в городище находятся в восточной части южной стены. В районе ворот городская стена образует изгиб внутрь городища. Стены городища образованы из слоев утрамбованной земли, сохранились довольно хорошо, высота их отдельных частей всё ещё составляет от 4 до 10 метров. Снаружи от стен прослеживается ров. Длина городских стен по периметру составляет 1926 м, площадь городища около 20 га. Внутри городища на поверхности земли видны следы улиц и строений. Восточнее городища есть следы жилых кварталов (Хэрмэн-дэнж-4), с запада к городищу примыкает пустое пространство, огороженное земляным валом.

В ходе исследований 2010–2012 гг. в северной и южной частях городища были заложены 4 раскопа общей площадью около 190 м² (раскоп 2 в северной части городища; раскоп 3 в северо-восточном углу южной части городища, раскоп 4 в центре южной части, раскоп 5 в разрыве северной стены городища). В верхнем горизонте двух раскопов были обнаружены остатки жилищ с канами. В нижнем горизонте вскрыты котлованы хозяйственных ям. Как в жилищах, так и в ямах подавляющее число находок – фрагменты и целые керамические сосуды, костяная щетка, железные наконечники стрел и др. – аналогичны таким изделиям из других ляоских памятников (Крадин и др., 2013; Kradin et al., 2015). В то же время среди найденных фрагментов керамических сосудов есть экземпляры, отличающиеся от типичной ляоской керамики.

Ниже опишем эти фрагменты из раскопов № 2–4 сезонов 2010–2012 гг. Все эти фрагменты сделаны на гончарном круге. В глине черепков есть примесь частиц камня.

Фрагмент 2010-43 с нанесённым штампом декором из вписанных друг в друга ромбов (2-й пласт раскопа 2 в северной части городища). Черепок в изломе и внутренняя поверхность бурые, наружная поверхность черная. Сверху декор ограничен прочерченной горизонтальной линией. Также декор сглажен прочерченной горизонтальной полосой шириной около 3 мм (рис. 1: 1).

Фрагмент 2012-2 из первого пласта раскопа 4 (южная часть городища). Нанесенный штампом декор похож на вписанные ромбы, но местами близок к косым рядам меандра. Черепок тёмно-серый, почти черный (рис. 1: 2).

Фрагмент 2010-80 с нанесенным штампом декором поднят на поверхности близ южных ворот городища. Декор напоминает рисунок из вписанных ромбов, но разделен на колонки из косых линий и «галочек» оттиснутыми сверху по нему вертикальными линиями. Сверху ограничен прочерченной горизонтальной линией. Черепок бледно-бурый, наружная поверхность серая (рис. 1: 4).

Единичные фрагменты сосудов с подобным декором были встречены и в 2013 г. в раскопе 6 (2013-9, 9/2, 11/2, 24, 27).

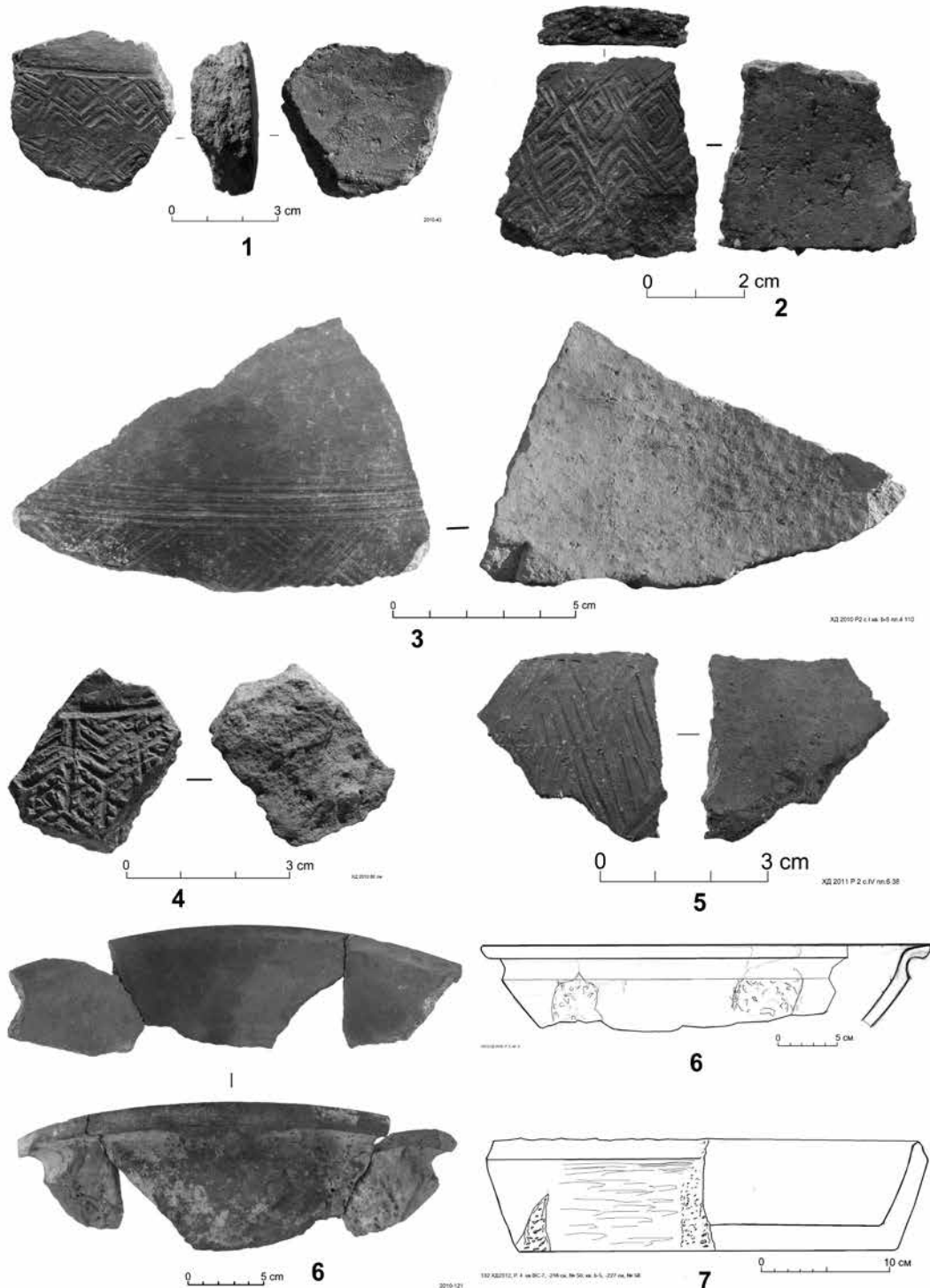

Рис. 1. Керамика доляоского комплекса городища Хэрмэн-дэнж: 1–5 – фрагменты сосудов с нанесенным штампом декором, 6–7 – фото и графическая реконструкция сосудов на ножках

Фрагмент плечика сосуда 2010–110 (раскоп 2, пласт 4). Черепок и внутренняя поверхность светло-серые. Внешняя поверхность темно-серая. В районе покатых плечиков проходит горизонтальный поясok шириной 1,4 см, состоящий из 5–6 параллельных бороздок, нанесенных прокатыванием штампа либо прочерчиванием. Ниже этим же инструментом нанесены взаимопересекающиеся наклонные полосы из 5–7 бороздок. Выше этого декора вся поверхность покрыта сплошным лощением преимущественно горизонтального направления. Внутренняя поверхность сосуда имеет следы выбивки с многочисленными круглыми выпуклинами диаметром 2–3 мм (рис. 1: 3). Такая же выбивка есть на внутренней поверхности фрагмента 2010-125, найденного на уровне 3-го пласта в этом же секторе раскопа.

Фрагмент 2011-38 (раскоп 2, пласт 6) с нанесенным штампом декором в виде множества смежных треугольников с разнонаправленной штриховкой. Декор довольно близок к рисунку вписанных ромбов. На внутренней поверхности слабо заметные следы выбивки с круглыми выпуклинами. Поверхности тёмно-серые, черепок в сердцевине красно-бурый (рис. 1: 5).

Выбивка с выпуклинами на внутренней поверхности встречается и на ряде фрагментов сосудов без декора. Девять таких фрагментов, отдельные довольно крупные, найдены на уровне 9-го пласта в яме № 5 раскопа 2. Общая форма сосудов не восстанавливается, есть фрагменты выпуклого тулова, плоского дна. Диаметр тулова одного сосуда должен быть не менее 36 см (2011-116/11). На внутренней поверхности стенки тулова видны стыки глиняных лент, из которых формовался сосуд (2011-116/12). Выбивка с круглыми выпуклинами наблюдается на внутренней поверхности стенок сосуда начиная от их стыка с днищем (2011-116/13). Также фрагмент придонной части сосуда с такой же выбивкой найден на уровне 6-го пласта в раскопе 4 (2012-92/2). Диаметр дна этого сосуда около 34 см. В этом же раскопе на уровне 7-го пласта найдены ещё два фрагмента стенок сосуда со следами выбивки с круглыми выпуклинами на внутренней поверхности (2012-121).

На фрагменте стенки сосуда из 8-го пласта раскопа 4 такие же, как у описанных выше фрагментов, следы выбивки на внутренней поверхности дополнены следами сетчатого штампа из узких горизонтальных и широких вертикальных выпуклых линий на наружной поверхности (2012-133).

Фрагмент 2010–91 с декором из вписанных дуг и точек (раскоп 2, пласт 3). Черепок и внутренняя поверхность этого фрагмента светло-серые, наружная поверхность черная. Такой декор достаточно часто встречался на керамике городища Чинтолгой-балгас. При этом иногда он был в сочетании с типично киданьским декором в виде нанесенных роликовым штампом клиновидных оттисков, что свидетельствует об изготовлении этих сосудов уже в ляоское время (Крадин, 2011: 116–118). Видимо, и здесь этот фрагмент следует отнести, скорее, к ляоскому комплексу, нежели к более раннему.

Возможно, что к доляоской керамике относится и найденный в раскопе 2 сосуд 2010–121 в виде мелкой миски с сильно наклоненными наружу стенками и следами налеха ножек. Графическая реконструкция показывает, что ножек должно быть семь. Венчик отогнут наружу. Венчик от стенки на внешней поверхности отделяет широкий горизонтальный желоб, в котором стенка становится тоньше почти в два раза. Диаметр венчика 40 см (рис. 1: 6). Фрагмент аналогичного сосуда 2012–132 со следами налеха 6 ножек найден в 8-м пласте раскопа 4. Как и у сосуда из раскопа 2 черепок бурый, внутренняя поверхность обоих сосудов бурая, наружная – серая. Ножки не сохранились, но места их прилепа на стенки имеют большое количество мелких треугольных в плане ямок. Стенки наверху имеют желоб, такой же, как и у сосуда из раскопа 2. Диаметр дна 30 см (рис. 1: 7).

Сферический сосуд (2012–125). Сохранилась его верхняя часть от вершины до сужения тулова ниже экватора. Глина черная с мелкими частицами белого камня. Наружная поверхность почти черная, толщина стенок 0,7–1,1 см. Сосуд имеет форму приплюснутой сверху сферы. Вершина сферы образована глиняной лепешкой, границы прилепа которой видны на внутренней поверхности сосуда. От вершины сосуда до зоны на 1,5 см ниже экватора на поверхности прочерчены горизонтальные борозды, в плане образующие спираль. Борозды пересекаются частыми вертикальными с небольшим наклоном линиями оттисков гребня. На сохранившейся ниже части шириной около 1,5 см орнамента нет. Сохранившаяся часть сосуда имеет высоту 7 см, диаметр сосуда 15,6 см, толщина стенок 0,7–1,1 см (рис. 2: 1). В какой-то степени декор сосуда имеет аналогии в декоре описанной выше керамики.

Именно такая керамика с нанесенным штампом либо гребнем декором и с круглыми выпуклинами на внутренней поверхности без примеси ляоской была собрана на памятниках Хэрмэн-дэнж-2 (2010–149/8, 154, 155) и Хэрмэн-дэнж-3 (2010–156), находящихся восточнее городища Хэрмэн-дэнж-5.

Сравнение декора описанной выше керамики показывает её сходство с сосудами эпохи тюркских и Уйгурского каганатов (Ancient ceramic ..., 2016: 170, fig. 79, 188–193, fig. 93–95; Šmahelová, 2009: 337, fig. 14; Wright, Amartūvshin, 2009: 357, fig. 6).

На наличие на этом городище более раннего, чем Ляо, комплекса указывают и найденные здесь строительные материалы.

Плоская и желобчатая черепица этого памятника по своим параметрам соответствует дальневосточной средневековой черепице VII–XIII вв. и не может служить основанием для более детальной датировки. Хотя примечательно отсутствие находок орнаментированных концевых отливов плоской фронтальной черепицы, характерных для Ляо и отсутствовавших в танскую эпоху. Найденные здесь концевые диски

Рис. 2. Керамика и строительные материалы доляского комплекса городища Хэрмэн-дэнж: 1 – сферический сосуд, 2 – плакетка гуймянь, 3 – фрагмент кирпича (раскоп 2, пласт 5), 4 – концевой диск фронтальной желобчатой черепицы

черепицы не имеют аналогов среди дисков ляоской эпохи. Фрагменты дисков найдены как в раскопе 2 в северной части городища, так и в раскопе 3 в его южной части. В 2013 г. в разведочном раскопе в северной части памятника найдены целые экземпляры (рис. 2: 4). Диаметр диска около 12 см, толщина 1,2–2,3 см. Диски имеют широкий низкий бордюр и большую, окруженную кольцевым валиком выпуклую выпуклинку в центре. Орнаментальное поле заполнено жемчужником вдоль бордюра и с наружной стороны от кольцевого валика и вытянутыми по вертикали выпуклыми точками в центральной части. Видимо, эти точки являются стилизованными лепестками лотоса – характерного сюжета декора таких дисков.

Различия в размерах деталей у разных экземпляров говорят о наличии нескольких шаблонов, с которых оттискивался декор дисков. В целом такой декор с большой выпуклиной в центре характерен для танской эпохи (VII–IX вв.) и является анахронизмом для Ляо. Имеющиеся публикации дисков с розеткой лотоса в Монголии увязывают с тюркскими памятниками. В связи с этим и учитывая наличие более ранней керамики, примешивающейся к ляоскому материалу, можно предположить, что и черепица с такими дисками должна здесь относиться к доляоскому времени. Концевые диски черепицы Хэрмэн-дэнжа полностью идентичны дискам, найденным на тюркском памятнике Унгэту (VIII в.) в долине Толы (Войтов, 1981). Сравнение с материалами по концевым дискам черепицы из Лояна показывает, что стилизация декора в виде цветка лотоса, представляющая его в виде крупных и мелких точек вокруг центральной выпуклины, появляется в районе столицы Китая во времена династии Суй (581–618 гг.), бытует в Тан (618–907 гг.) и отмечается также на отдельных дисках сунского времени (960–1127 гг.). Однако больше всего их, к тому же в наиболее близком к хэрмэн-дэнжским исполнению, наблюдается здесь во времена династии Тан (Чэн, 2007, рис. 274, 288, 291, 305–311, 318–320, 330, 364, 365, 395, 401).

Не менее показательной в отношении датировки является находка в разведочном раскопе 2013 г. глиняной плакетки гуймянь (кит. «лик черта»), украшавшей торец гребня на черепичной кровле (рис. 2: 4). Такая деталь известна на уйгурских памятниках VIII в., она сохранилась до наших дней в архитектуре Кореи, однако среди строительных материалов Ляо и Цзинь её уже нет. По своему исполнению плакетка Хэрмэн-дэнжа ближе всего к аналогичным изделиям из могильника Людиншань раннего и среднего периодов Бохая (VIII в.) (Людиншань..., 2012: 59, 65–66, табл. 60) и из столицы Силла в Кёнджу (VII–начало X в.) (Kyongju..., 1989: 138–139).

Найденные на городище Хэрмэн-дэнж кирпичи на одной широкой стороне имеют следы прямоугольного штампа с оттисками веревки (рис. 2: 3), они отличаются от характерных для Ляо кирпичей, в частности городища Чинтолгой-балгас, у которых одна широкая сторона имеет параллельные глубокие борозды.

Всё это заставляет думать, что на городище Хэрмэн-дэнж должен быть ранний слой, предшествующий ляоскому. Однако в раскопах этот слой не был выявлен. Возможно, что он был полностью уничтожен ляоской застройкой. В связи с этим авторы исследования ранее уже высказывали мнение в пользу того, что Хэрмэн-дэнж как раз и был первым киданьским городом в долине Толы, построенным в 994 г. на месте старого уйгурского города Кэдунь и сохранившим это название (Крадин и др. 2013; Kradin et al., 2015). Здесь следует упомянуть о находке в 3 км от городища погребения с эпитафией «военного губернатора (дуду) округа Цзиньвэйчжоу, начальника управления (фуцзюнь) Пугу» Российской-монгольской экспедицией под руководством С.В. Данилова и А. Очир (Очир и др., 2013). Согласно тексту эпитафии начальник управления Пугу «умер от болезни в своем племени в 3-й год эры правления И-фэн (678 г.)». Учитывая рассмотренные выше материалы, мы можем предполагать, что Хэрмэн-дэнж в VII–VIII вв. был главной ставкой вождей племени Пугу и соответственно местонахождением учрежденного на основе этого племени танского округа Цзиньвэйчжоу.

ЛИТЕРАТУРА

- Войтов, Е.В. 1981. Элементы архитектурного декора из древних памятников Центральной Монголии. *Научные сообщения Музея искусств народов Востока*. Вып. 15. М.: 41–59.
- Крадин, Н.Н. 2011 (ред.). Киданьский город Чинтолгой балгас. М.: Вост. лит.
- Крадин, Н.Н., Ивлиев, А.Л., Очир, А., Саранцева, С.Е., Васютин, С.А., Ковычев, Е.В., Эрдэнэболд, Л. 2013. Предварительные результаты исследований городища Хэрмэн-дэнж в 2012 г. в Монголии. *Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири*. Отв. ред. М.В. Константинов. Чита. Ч. II: 59–65.
- Людиншань... 2012: Людиншань бохай муцзан: эрлинлинсы – эрлинлинцзю нянь цинли фацзюэ баогао (Бохайские погребения на горе Людиншань: отчет об обследовании и раскопках в 2004–2009 гг.). Институт археологии провинции Цзилинь, Бюро по охране и изучению памятников истории и культуры города Дуньхуа. Пекин: Изд-во Вэньбу (六顶山渤海墓葬: 2004–2009年清理发掘报告 / 吉林省 文物考古研究所, 敦化市文物管理所 编著. –北京: 文物出版社, 2012).
- Ляо ши. 1987. (История династии Ляо). Сост. Тото и др. Пекин: Чжунхуа шуцзюй (《辽史》 (元) 脱脱等编: 中华书局).
- Очир, А., Энхтур, А., Эрдэнэболд, Л. 2005. Из исследования киданьских городов, городищ и других сооружений в Монголии. *Динамизм людей, вещей и технологий в Северо-Восточной Азии в средние века*: Международный симпозиум. Владивосток, 2005. Т. 1. Токуо: Chuo University: 101–110.
- Очир, А., Данилов, С.В., Эрдэнэболд, Л., Цэрэндорж, Ц. 2013. Эртний нүүдэлчдийн бунхант булшны малтлага, судалгаа (Төв аймгийн Заамар сумын Шороон бумбагарын малтлагын тайлан) (Древнее погребение кочевни-

ков – раскопки, исследование: Отчет о раскопках памятника Шороон бумбагар в Замаар сомоне Центрального аймака). Улаанбаатар: Международный институт кочевых цивилизаций; Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (на монгольском языке).

Чэн Юнцзянь. 2007 (ред.-составитель). Лоян чу ту вадан (Концевые диски черепицы, найденные в Лояне). Пекин: Кэсюэ чубаньшэ (洛陽出土瓦当 / 程永建 编著. – 北京: 科学出版社, 2007年).

Ancient ceramic... 2016: Archaeological relics of Mongolia. Vol. 6. Ancient ceramic potteries of Mongolia. Ulaanbaatar: Mongolian Academy of Sciences. Institute of History and Archaeology.

Kradin, N.N., Ivliev, A.L., Ochir, A., Erdenebold, L., Vasiutin, S.A., Sarantseva, S.E., Kovychev, E.V. 2015. Khermen Denzh town in Mongolia. *The Silk Road*. Vol. 13: 95–103.

Kyongju... 1989. Kyongju National Museum. Seoul: Kyongju National Museum (in Korean and English).

Šmahelová, L. 2009. Kül Tegin monument and heritage of Lumír Jisl – the expedition of 1958. *Current archaeological research in Mongolia*. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie Rheinische Friedrich-Wilhelm-Universität: 325–341.

Wright, J., Amartuvshin, C. 2009. “Unseen by eye, unheard by ear”: The archaeology of the early türks at Baga Gazaryn Chuluu, Mongolia. *Current archaeological research in Mongolia*. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie Rheinische Friedrich-Wilhelm-Universität: 349–363.

A.L. Ivliev, N.N. Kradin, L. Erdenebold

ABOUT PRE-LIAO COMPLEX IN MATERIALS OF KHERMEN-DENZH ANCIENT TOWN IN MONGOLIA

In the process of archaeological excavation of Khermen-denzh ancient town in Zaamar sum of the Central aimag of Mongolia fragments of ceramics with decoration and traces of technology non-specific for the culture of Khitan and Liao Empire were found among the typical Liao materials. Decoration of these fragments is similar with ornaments of vessels of Turkic and Uighur kaghanates in Mongolia. Also, construction materials – tiles, roof end tile discs, *guimian* tablet, bricks – are unusual for Khitan sites and often find analogies in the earlier epochs. Authors come to conclusion that this site has one more cultural complex, earlier than the one of Khitan. It is possible that this complex is attributed to Pugu tribe which lived here in VII–VIII cc. AD.

Key words: Mongolia, Khermen-denzh ancient town, Khitan, Liao Empire, Uighur, ceramics, tiles.

ВООРУЖЕНИЕ УЛУСА ДЖУЧИ (ЗОЛОТОЙ ОРДЫ) XIII–XV ВВ. В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ ОРУЖИЯ ЕВРАЗИИ: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

И.Л. Измайлов

Институт археологии им. А.Х. Халикова

АН Республики Татарстан, Казань

Улус Джучи возник в результате военных походов и завоеваний, и вся история этой средневековой империи во второй половине XIII – начале XV в. была историей войн, междоусобиц и битв. Комплекс вооружения Золотой Орды складывался на основе принесенных с востока, в основном из Центральной Азии, тюрко-монгольских традиций оружия, но восточноевропейская среда с ее развитыми ремесленно-торговыми связями с мусульманским и средиземноморским мирами оказала влияние на его развитие. Комплекс вооружения Улуса Джучи, где ведущую роль играл набор оружия латной кавалерии, являлся динамичной системой, активно развивался на протяжении XIV–XV вв., где был выработан ряд оригинальных форм, которые получили распространение на просторах Азии и Европы.

Ключевые слова: Улус Джучи (Золотая Орда), история оружия, комплекс вооружения, история войн, социальная организация, военно-служилое сословие, рыцари средневековой Евразии.

Улус Джучи (Золотая Орда) на протяжении двухсот лет являлся одним из крупнейших государств средневековой Евразии. Золотая Орда возникла в результате военных походов и завоеваний, и вся история этой средневековой империи во второй половине XIII – начале XV в. была историей войн, междоусобиц и битв. Неудивительно, что эта эпоха стала временем сложения и развития оригинального комплекса вооружения, военного искусства и освоения военно-технических новинок.

Складывался он на основе принесенных с востока, в основном из Центральной Азии, тюрко-монгольских традиций оружия, но восточноевропейская среда с ее развитым ремеслом и торговыми связями, особенно с мусульманским и средиземноморским мирами, оказала влияние на развитии золотоордынского оружейного комплекса (Измайлов, 1997; Горелик, 2002). Постепенно на территории Улуса Джучи

происходило становление клановой и военно-административной системы и сформировался комплекс вооружения и конского снаряжения, близкий, но не идентичный другим государствам Чингизидов.

Вооружение и военное дело Улуса Джучи давно привлекает внимание исследователей (историографический очерк см.: Кушкумбаев, 2011: 6–22) и опирается на солидную источниковедческую базу как письменных и изобразительных источников, так и археологических материалов (Горелик, 2002; Горелик, Измайлов, 2009; Кушкумбаев, 2010). Большой объем информации создает известные сложности для сбора и единообразного изучения всего объема данных, затрудняя детальный анализ комплекса вооружения. Представляется необходимым создание общей базы данных предметов вооружения с территории Улуса Джучи.

Тем не менее уже сейчас можно констатировать, что комплекс вооружения воинов Улуса Джучи представлял собой полный набор вооружения – от оружия ближнего (сабли, копья, топоры, булавы, кистени, кинжалы, боевые ножи) и дистанционного (луки, стрелы, приспособления для стрельбы) боя до доспеха (панцири, шлемы, щиты и другие средства защиты), а также конской и всаднической амуниции. Одновременно в период XIV в. воины Улуса Джучи начинают использовать огнестрельное оружие – пушки («тюфяк»). Весь этот набор оружия являлся динамичной системой, развиваясь и изменяясь в соответствии с вызовами военной практики. Например, самое массовое клинковое оружие – сабли – к XV в. становятся длиннее (до 100–120 см), а их обоюдоострый конец приобретает клиновидную форму. Все эти новшества определенно связаны с усилением доспеха, для разлома которого требовался тяжелый клинок с возможностью нанесения колющего удара. В XIII–XIV вв. постепенно снижается количество специализированных пик и увеличивается количество типов универсальных копий. Меняется и стрелковый (саадачный) набор, включая конструкцию луков и набор стрел.

Судя по анализу значительного объема предметов вооружения как из могильников, так и из поселений, основу его составляло вооружение латной кавалерии с типичным для нее набором доспехов и вооружения: пластинчатые доспехи, шлемы с масками и полумасками, кольчужные доспехи, пики, сабли и булавы (Горелик, 2002; Горелик, 2011). Если судить по количеству, то подобные комплексы составляют около 10% всех погребений с инвентарем (Иванов, 2011: 72–77; Чхаидзе, Дружинина, 2013: 171–178; Потемкина, 2013–2015: 666–81; Измайлов, 2012: 66–85). Даже учитывая случайность количества всех изученных погребений и подобных находок, мы должны сделать вывод о том, что со всеми возможными оговорками эта цифра наглядно демонстрирует процент знатных латников в татарском войске (Измайлов, 2012: 66–85). Следует отметить, что в Европе и в Азии периода Средневековья, где количество рыцарей ни в одном войске практически никогда не дотягивало до этого значения, именно тяжеловооруженная конница господствовала на полях сражений, определяя своими действиями исход сражения (Измайлов, 2009: 409–431; Горелик, 2011; Измайлов, 2012: 66–85). Нет никаких оснований полагать, что в Улусе Джучи дело происходило иным образом. Именно татарская аристократия – военно-служилое сословие Золотой Орды, обладающее полным набором оружия и воинского снаряжения, была главной силой ее войска, долгое время определяя направление и характер эволюции ее военного дела.

В последнее время часто возникает вопрос о соотношении оружия привозного и собственного производства в Золотой Орде (см.: Кулешов, 2010: 73–97). Вопрос представляется надуманным. Главным аргументом здесь является довод «от противного». Поскольку в открытых кузнечных и металлургических мастерских в городах Улуса Джучи не обнаружены склады с оружием, то это, на взгляд авторов этой гипотезы, является фактом отсутствия подобного производства. На это можно сказать только то, что с таким же успехом можно игнорировать достижения золотоордынских мастеров в ювелирном деле, поскольку мастерских с полуфабрикатами из золота и серебра так и не найдено. Кроме того, подобный аргумент с легкостью может быть обращен и в обратную сторону – в Италии, Анатолии и Египте, откуда якобы в массе поступало оружие для золотоордынского войска, также не открыто никаких мастерских для его массового производства. Есть и другой аргумент подобного же рода – не найдено ни одной мастерской в городах Руси, где бы были обнаружены остатки производства такого сложного и дорогого оружия, как мечи, тогда как ни у кого нет ни малейших сомнений в том, что подобное производство было, и не в одной мастерской, надежным свидетельством чему служат мечевые клейма – надписи на кириллице. Поскольку на ряде золотоордынских сабель открыты подобные же клейма, то их следует считать сохранившимися образцами местного массового производства.

Но аргумент против производства оружия в городах Золотой Орды не может быть принят во внимание и по другой причине – мы опираемся не только на данные археологии, но на весь комплекс источ-

ников, а он явно свидетельствует словами очевидцев, что оружие в империи Чингиз-хана производилось в массовом порядке и на собственной базе. В городах и ставках беков Улуса Джучи эта традиция получила дальнейшее развитие, и уже в середине XIII в. вооружение по татаро-монгольским образцам начинает производиться на Руси и с успехом использоваться в военном деле различных княжеств. Можно прямо сказать, что кроме отдельных дорогих раритетных предметов оружия, являвшихся предметом торговли (арабский меч, топор из Подонья, булава из мамлюкского Египта и другие подобные), все остальные производились на месте и собственными ремесленниками. Вообще, трудно себе вообразить, что какие-либо аристократы будут в массовом порядке закупать оружие и снаряжение для себя и своих людей. Дело в том, что качественное оружие всегда было дорогим и чем оно было лучше, тем дороже. Если бы татарская знать закупала свое воинское снаряжение, то она бы просто разорилась, поскольку никакая военная добыча не окупала бы ее затраты на качественное оружие. У этого ответа есть и другая сторона – зачем закупать дорогое оружие, если можно побеждать соседей, применяя более простое? А если мы знаем, что все соседи Золотой Орды обладали качественным комплексом вооружения, то равное им по силам татарское войско не могло не иметь собственного тяжелого вооружения.

Но и это еще не главное. Возможность приобрести с помощью торговли или как трофей то или иное оружие еще не означает, что его смогут использовать и применять, не говоря уже о том, что всякое вооружение со временем требует ремонта и обновления. Утверждать, что в Золотой Орде не было собственного производства качественного оружия – все равно, что доказывать отсутствие у татар военно-служилого сословия и всей связанной с ним социальной среды. Историки и археологи, опираясь на комплекс источников, полагают, что общество Улуса Джучи имело развитый характер феодального сословного типа. В таком обществе аристократия непременно опирается на соответствующие социальные институты – военные слуги, дружина и т.д., а в военной сфере формирует слой профессиональных воинов со строго определенной структурой военной организации. Подобное общество не может не иметь устойчивой хозяйственной основы и развитого ремесла, включая и оружейное. Соответственно общество подобного типа в период Средневековья не может не иметь латной кавалерии как основного рода войск. Могут быть различные нюансы в наборе вооружения, наличии или отсутствии того или иного оружия, качестве доспеха или его типа, но суть остается неизменной – важнейшим родом войск была и остается латная кавалерия.

Если в обществе нет соответствующей социальной организации, то никакое заимствование отдельных предметов оружия не спасает от поражения при столкновении с более развитым в военно-социальном отношении обществом. Это было верным в древности, остается верным и до сих пор. Факты из истории военного дела слишком многочисленны и убедительны. Достаточно обратить внимание на военное дело мордовских племен, которые в IX–XI вв. заимствовали передовые для того времени предметы вооружения, включая сабли, кольчуги и пики, но, не имея развитого социального строя, постепенно утратили самостоятельность, попали под военно-политическое влияние соседних государств и к XII в. их комплекс вооружения деградировал. Этот пример самым наглядным образом свидетельствует о неразрывной связи социального строя с военной организацией и комплексом вооружения.

В период Средневековья ни одно общество не могло просто заимствовать некоторые виды оружия, поскольку, как и в современной войне, любое оружие надо не только иметь, но и уметь его правильно применять и использовать. Нельзя просто вооружить часть своего войска рыцарским оружием, чтобы добиться победы. Восстания крестьян в разных концах Европы показывают, что одним вооружением дело не исчерпывается, поскольку немногочисленные рыцарские отряды с легкостью разгоняли многотысячные крестьянские армии. Точно также и в Восточной Европе и на Ближнем Востоке, когда монголо-татары, используя передовую тактику боя и осады, имея качественное оружие и массированно используя латную кавалерию на направлении главного удара, довольно легко наносили поражения своим противникам, имеющим тяжеловооруженную кавалерию (булгары, русские, венгры, поляки и немцы). Но уже при столкновении с адекватно вооруженными мамлюками, применявшими такую же тактику, успеха не имели.

Иными словами, войска Улуса Джучи использовали развитый комплекс вооружения, и это факт не только исторический, но и археологический. С успехом использовать можно только тот комплекс вооружения, который сложился традиционно, который является плотью от плоти своим, от производства до использования. Это не может быть случайным набором боевых средств, заимствованным в разных регионах, а является цельным комплектом достаточно унифицированных боевых средств. При этом ком-

плекс вооружения имел социально-сословную привязку. Эта неразрывная связь между латной кавалерией и развитой социальной организацией настолько прочна, что как не существовало рыцарства без латной конницы, так и латной конницы без сословия аристократов. Недаром стойкие пехотные подразделения возникли там, где не было сильного служилого сословия.

Важно отметить, что отдельные предметы вооружения и даже весь его комплекс оказал серьезное влияние на изменения в наборе оружия и системе военного дела. Эти процессы были, в частности, характерны для русских княжеств XIII–XV вв. (Кирпичников, 1976). Произведенные в Улусе Джучи предметы вооружения проникали в Сибирь и Центральную Азию, где оказали существенное влияние на развитие всего комплекса вооружения (Бобров, Белоусова, 2015: 156–165). Этого бы не происходило без передовых для своего времени оружейной производственной базы и набора вооружения.

Итак, комплекс вооружения Улуса Джучи, в котором традиции, принесенные монголами с Востока, наслоились на ремесленную и воинскую традицию Восточной Европы, активно развивался на протяжении XIV–XV вв. и выработал целый ряд оригинальных форм, новшеств, которые получили мировое признание и популярность на просторах Азии и Европы у самых различных народов – от поляков и русских до сибирских народов, китайцев и арабов.

ЛИТЕРАТУРА

- Бобров, Л.А., Белоусова, Н.Е. 2015. Находки золотоордынского вооружения в Азии и проблема влияния оружейных комплексов Восточной Европы на военное дело народов Сибири, Центральной и континентальной Восточной Азии XIII–XV вв. *Золотоордынская цивилизация*. Вып. 8. Казань: 156–165.
- Горелик, М.В. 2002. Армии монголо-татар X–XIV вв.: воинское искусство, оружие, снаряжение. М.: Восточный горизонт.
- Горелик, М.В. 2011. Монгольская латная кавалерия и ее судьбы в исторической перспективе. *Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения*. Казань: 47–58.
- Горелик, М.В., Измайлов И.Л. 2009. Военное дело Улуса Джучи. Вооружение. *История татар с древнейших времен*. В 7-ми тт. Т. 3. *Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в.* Казань: 396–405.
- Иванов, В.А. 2011. Вооружение золотоордынского войска в историческом и археологическом контекстах: где истина? *Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения*. Казань: 72–77.
- Измайлов, И.Л. 1997. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X – начала XIII в. Магадан; Казань: СВНЦ ДВО РАН.
- Измайлов, И.Л. 2009. Военное дело Улуса Джучи. Организация войска. Военное искусство. *История татар с древнейших времен*. В 7-ми тт. Т. 3. *Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в.* Казань: 409–431.
- Измайлов, И.Л. 2012. Погребально-поминальная обрядность и комплекс вооружения древнего и средневекового населения (к постановке проблемы). *Поволжская археология*. № 2: 66–85.
- Измайлов, И.Л. 2013. Военное искусство Улуса Джучи во второй половине XIV – начале XV в. *От Онона к Темзе: Чингисиды и их западные соседи: к 70-летию М.Г. Крамаровского*. Ред.-сост.: В.П. Степаненко, А.Г. Юрченко. М.: 253–272.
- Кирпичников, А.Н. 1976. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л.: Наука.
- Кулешов, Ю.А. 2010. Производство и импорт оружия как пути формирования золотоордынского комплекса вооружения. *Золотоордынская цивилизация*. Вып. 3. Казань: 73–97.
- Кушкумбаев, А.К. 2010. История военного дела кочевников Золотой Орды XIII–XV вв.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Алматы.
- Кушкумбаев, А.К. 2011. Историография истории военного дела кочевников Улуса Джучи. *Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения*. Казань: 6–22.
- Потёмкина, Т.М. 2013–2015. Этнокультурный контекст восточноевропейских позднекочевнических погребений с защитным доспехом. *Батыр*. № 6: 66–81.
- Чхаидзе, В.Н., Дружинина, И.А. 2013. Отражение социальной стратификации в погребальной обрядности кочевников степного Предкавказья золотоордынского времени: продолжение дискуссии. *Поволжская археология*. № 2: 171–178.

I.L. Izmailov

ARMS OF JUCHI ULUS (GOLDEN HORDE) IN THE CONTEXT OF THE HISTORY OF WEAPONS OF EURASIA: PROBLEMS OF STUDY

Улус Джучи возник в результате военных походов и завоеваний, и вся история этой средневековой империи во второй половине XIII – начале XV в. была историей войн, междоусобиц и битв. Комплекс вооружения Золотой Орды складывался на основе принесенных с востока, в основном из Центральной Азии, тюрко-монгольских традиций оружия, но восточноевропейская среда с ее развитым ремесленно-торговыми связями с мусульманским

и средиземноморским мирами оказали влияние на его развитие. Комплекс вооружения Улуса Джучи, где ведущую роль играл набор оружия латной кавалерии, являлся динамичной системой, активно развивался на протяжении XIV–XV вв., где был выработан ряд оригинальных форм, которые получили распространение на просторах Азии и Европы.

Key words: Ulus Juchi (Golden Horde), weapon history, arms complex, weapon history, war history, the social organization, military-servant estate, knights of medieval Eurasia.

СТРЕМЕНА ВИЗАНТИИ (VII–XII ВВ.): ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИМЕРЫ (ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ)

В. Йотов

Региональный Исторический музей Болгарии, Варна

Можно перечислить много изображений византийского искусства, где представлены стремена, но большинство из них очень стилизованы или повреждены. Более четко представлены стремена в миниатюрах парижской рукописи Гомилий Григория Богослова; в миниатюрах так наз. Сакра Паралела и на иконе-диптихе «Святые воины Теодор и Георгий» из собрания Синайского монастыря Святой Екатерины.

Сравнивая изображения стремей и археологические примеры, можно предположить, что стремена треугольной и прямоугольной / арковидной формы были известны мастерам византийских миниатюр.

Ключевые слова: византийское оружие и снаряжение, стремена, рукописи, иконы, номады, катафрактарий.

В литературе о военном деле периода Средневековья есть исследования, посвященные происхождению и ранней истории стремей – предположительно, Индия, Китай, первым археологическим свидетельствам в Европе (авары, протоболгары), теоретическому изучению снаряжения (более подробно смотри: White, 1964: 1–38; Никоноров, 2003: 263–267; Тишкин, 2004). Были сделаны археологические типологии стремей с территории России, Украины, Словакии, Болгарии (Йотов, 2004: 139–160 и указ. литература) и др. А.Н. Кирпичников и А.В. Крыганов отметили, что ... *выделены две основные формы стремей, сложившиеся в раннем Средневековье на территории всей Евразии. Одна представлена округлыми стременами кочевого Востока, другая – треугольными («каролингско-викингскими») оседлого Запада...* (Кирпичников, 1973: 43; Крыганов, 1989: 113).

Одновременно с этим нужно отметить, что специально о стременах Восточной Римской империи – Византии за период VII–XII вв. сказано не так много (за период XIII–XIV вв. смотри: Babuin, 2007: 119–152).

С одной стороны, это объясняется тем, что в этот период конница в империи состояла из наемников / федератов, которые присоединялись к византийской армии группами с собственными конями и снаряжением (Kolias 2012: 89). Нужно учитывать также, что «нет и достаточно свидетельств того, что стремена были широко распространены в коннице раннесредневековой Византии» (Никоноров, 2003: 263).

С другой стороны, судя по трактату «Стратегиконе» Маврикия, в начале VII в. стремена уже были знакомы византийцам (Маврикий, 2004: 68, 93). К концу IX – началу X в. они являются частью стандартной экипировки византийской кавалерии, о чем сказано в «Тактики Льва» императора Льва VI (White, 1974: 26).

Кроме письменных источников есть и немало художественных изображений того времени, где представлены стремена. На некоторые из этих изображений обратил внимание еще Lynn White в его часто цитируемой в связи средневековыми стременами книге, но представил только два изображения (White, 1974: 25, fig. 1–2). Нужно учитывать мнение T.G. Kolias, который в книге «Byzantinische Waffen», где рассматриваются в основном письменные источники, специально предупредил, что использование художественных изображений для выяснения византийского оружия и снаряжения, обязательно нужно связывать с археологическими находками (Kolias, 1988: 33–35).

Художественные изображения стремей в некоторых византийских источниках

Можно перечислить много изображений византийского искусства, где представлены стремена, но большинство из них очень стилизованы или повреждены.

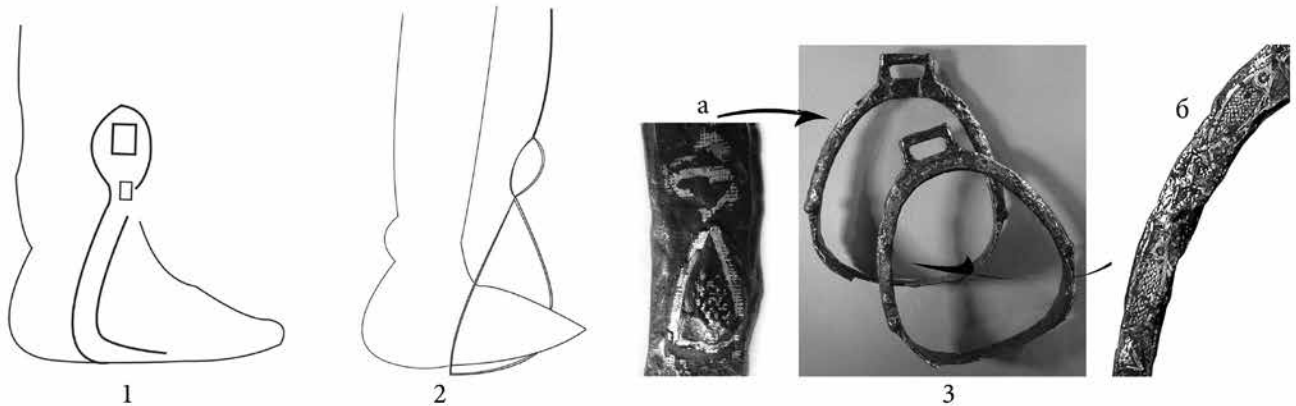

Рис. 1. 1. Прорисовка стремени из «Сцены из жизни императора Константина (306–337)» (рукопись конца IX в.; Paris. Gr. 510. f. 440r); 2. Прорисовка стремени из рукописи Sacra Parallela (рукопись середины IX в.); 3. Пара стремян из могильника (вторая половина X в.) – на дужках изображения рыб и стремян (!)

Более четко представлены стремена в миниатюрах парижской рукописи Гомилий Григория Богослова; в миниатюрах так наз. Сакра Параллела и на иконе диптих «Святые воины Теодор и Георгий» из собрания Синайского монастыря Святой Екатерины.

Знаменитая рукопись «Гомилий Григория Богослова» (Homilies of St. Gregory of Nazianus) относится к концу IX в. (сделана в Константинополе в 879–882 гг.). Стремена треугольной формы (рис. 1: 1) представлены на л. 409 и л. 440 (Brubaker, 1999: fig. 40; 45).

Рукопись Sacra Parallela относится где-то к середине IX в. Стремена треугольной формой (рис. 1: 2) изображены на нескольких миниатюрах (Weitzmann, 1979: folios 31; 107; 329), но лучше на л. 329.

На иконе диптих «Святые воины Теодор и Георгий» из собрания Синайского монастыря Святой Екатерины стремена (рис. 2: 1) имеют прямоугольную / арковидную форму (Weitzmann, 1976: 72–73).

Археологические примеры византийских стремян

До недавнего времени на территории Балканского полуострова (и на других территориях империи) известно не так много ранних стремян, но в последние годы публикации, посвященные вооружению и снаряжению Средневековья (периода VII–XI вв.), увеличили счет на несколько десятков (Йотов, 2004; Бугарски, 2007: 251–267; 2013: 33–48).

Треугольные стремена

В свое время M. Schulze-Dörrlamm определила одну группу стремян треугольной формы – «birneförmiger». Она отметила, что невозможно сказать точно, но можно допустить скандинавское или хазарское, не исключено и византийское происхождение (Schulze-Dörrlamm, 1988: 422–423, Abb. 47, Liste 23).

Сравнивая изображения стремян на л. 409 и л. 440 Гомилий Григория Богослова и л. 329 в так наз. Сакра Параллела, можно предположить, что эта треугольная форма стремян была знакома мастерам византийских миниатюр. Это вовсе не означает, что стремена треугольной формы являются византийскими – по сути их можно определить как венгерские (Йотов, 2007: 171–180) – а точнее они были широко распространены и известны. В «Тактики Льва» в примерах и для оружия, и для снаряжения конца IX – начала X в., часто упоминаются венгры как носители определенной военной культуры.

Недавно была опубликованна пара стремян такой формы из могильника второй половины X в. из Венгрии (Langó, 2013: 147; fig. 12), что, на мой взгляд, подтверждает эту гипотезу. На дужках серебром инкрустированы изображения рыб и стремян (!); рис. 1: 3: а-б).

Прямоугольные / арковидные стремена

Есть статья, в которой предпринята попытка именно определить, какие были ранние византийские стремена на Балканах. Правда, авторы основываются лишь на двух стременах (рис. 2: 2–3), найденных на памятнике Царичин град в Сербии, в слое конца VI – начала VII в. (Ivanišević, 2009: 135–277). К этим двум стременам можно добавить подобное по форме стремя (рис. 2: 4) из известного комплекса Вознесенки (конец VII – начало VIII в.; Гринченко, 1950: 37–63; табл. 1–4). Они имеют арковидную форму корпуса и широкую подножку. Два века позже – за X–XI вв., подобная форма стала основной в византийских стре-

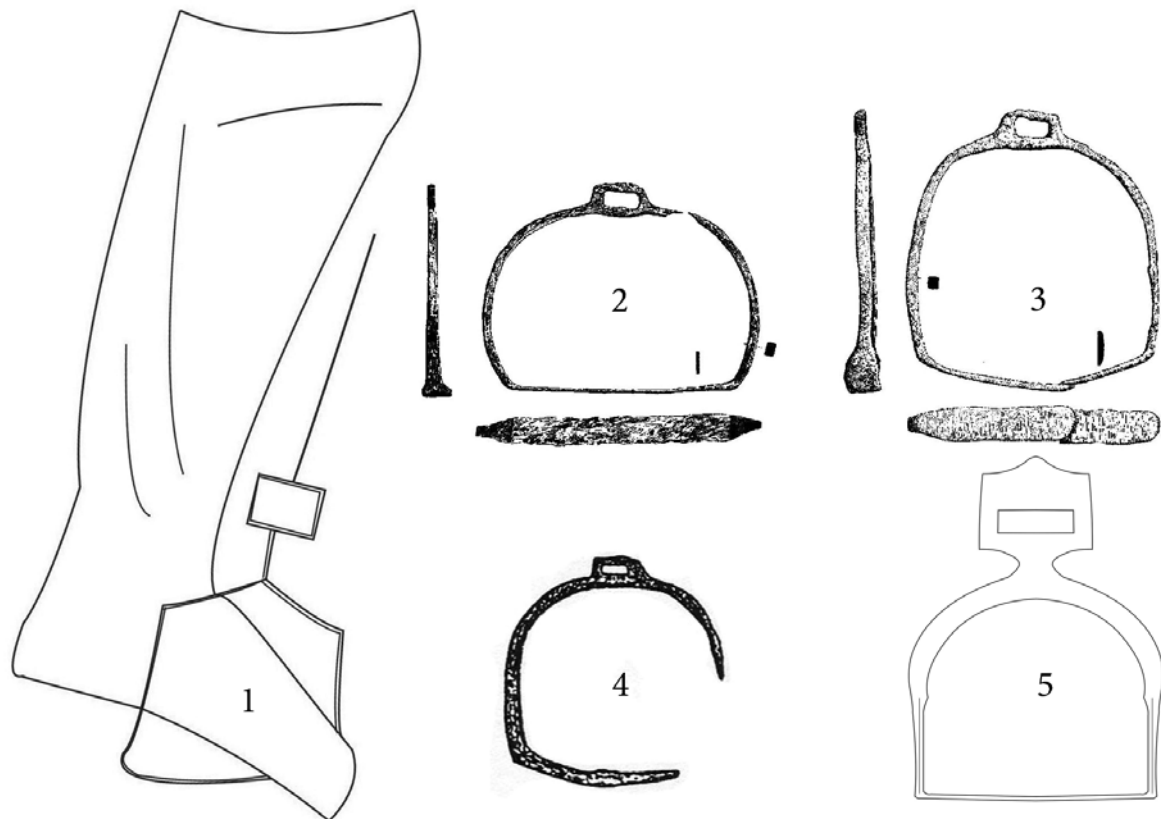

Рис. 2. 1. Прорисовка стремени с иконы-диптиха «Святые воины Теодор и Георгий» из собрания Синайского монастыря Святой Екатерины; 2, 3. Стремена из Царичин-града, Сербия (слой конца VI – начала VII в.); 4. Стремя из комплекса Вознесенки (конец VII – начало VIII в.); 5. Стремя, найденные в Стамбуле (Константинополь), сейчас хранятся в музее Бодрума, Турция

менах – больших по размеру; в отличие от кочевнических стремьян (до 200 граммов), они больше по весу (300–350 граммов) и вероятно использовались для тяжелых всадников (Йотов, 2012: 116–119). Одно такое стремя найдено и в Стамбуле (Константинополь) – сейчас хранится в музее Бодрума, Турция (рис. 2: 5).

Таким образом, эти стремьяна, датируемые второй половиной VII – концом XI в., позволяют сравнивать византийские изобразительные источники и надежные археологические находки.

ИСТОЧНИКИ

Маврикий 2004 = Стратегикон Маврикия. СПб., 2004 (Алетья).

ЛИТЕРАТУРА

- Бугарски, И. 2007. Остата из Стрежева: узенгије у рановизантијском контексту. Ниш и Византија, V: 251–267.
- Бугарски, И. 2013. Нов налаз византијске узенгије из Рујковца. *Лесковачки зборник*, LIII: 33–48.
- Грінченко, В.А. 1950. Пам'ятка VIII ст. коло с. Вознесенки на Запоріжжі. *Археологія*, III: 37–63.
- Йотов, В. 2004. ВЪоръжението и снаряжението от българското средновековие (VII–XI в.). Варна.
- Йотов, В. 2007. Относно датировката на сборната находка от Стрежево, Битола. *Проблеми на прабългарската история и култура*. 4–2. София: 171–180.
- Йотов, В. 2012. Стремена степей и стремьяна Византии. *История и культура средневековых народов степной Евразии*. Барнаул: 116–119.
- Кирпичников, А.Н. 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. САИ, E1–36. Л.: 43–55.
- Крыганов, А. 1989. Восточноевропейские кочевнические стремьяна второй половины VII–X вв. *Вестник Харьковского университета. История*. № 343. Вып. 23: 108–114.
- Никоноров, В.П. 2003. К вопросу о роли стремьян в развитии военного дела. *Степи Евразии в древности и средневековье*, 2. СПб.: 263–267.
- Тишкин, А.А., Горбунов, Т.Г. 2004. Методика изучения снаряжения верхового коня эпохи раннего железа и Средневековья. Барнаул.
- Babuin, A. 2007. О ίπλος και η εξάρτησή του κατά την ύστερη βυζαντινή εποχή. *Βυζαντινά*, 27: 119–152.
- Brubaker, L. 1999. Vision and Meaning in Ninth-Century Byzantium: Image as Exegesis in the Homilies of Gregory of Nazianzus. Cambridge.

- Ivanišević, V., Bugarski, I. 2009. Les étriers byzantins: la documentation du Balkan central. Le cheval dans les sociétés Antiques et Médiévales. Strasbourg: 135–277.
- Kolias, T.G. 1988. Byzantinische Waffen. Wien.
- Kolias, T.G. 2012. The Horse in the Byzantine World”. Le cheval dans les sociétés antiques et médiévales. Actes des Journées internationales d'étude. Turnhout: 87–97.
- Langó 2013 = Langó P., Zs. Siklósi, 10. századi temető Balatonújlak–Erdő-dűlőn. *A honfoglalás kor kutatásának legújabb eredményei*. Tanulmányok Kovács László 70. születésnapjára. Monográfiák a Szegedi Tudományegyetem Régészeti Tanszékéről, 3, 2013, 143–160 (Révész L., M. Wolf (eds.)).
- Schulze-Dörlamm, M. 1988. Untersuchungen zur Herkunft der Ungarn und zum Beginn ihrer Landnahme im Karpatenbecken. JRGZM, 35, 2: 373–478.
- White, L.T. 1974. Medieval Technology and Social Change. Oxford.
- Weitzmann, K. 1976. The Monastery of Saint Catherine at Mount Sinai: The Icons. Vol. 1. From the Sixth to the Tenth Century. Princeton, N. J.
- Weitzmann, K. 1979. The Miniatures of the Sacra Parallela: Parisinus Graecus 923. Princeton.

V. Yotov

STIRRUPS OF BYZANTIUM (7TH–12TH CENTURIES): ARTISTIC SOURCES AND ARCHAEOLOGICAL EXAMPLES: QUESTIONS AND ANSWERS

You can list many images of Byzantine art, where stirrups are represented, but most of them are very stylized or damaged. The stirrups are more clearly presented in the miniatures of the Paris manuscript “Homilies of Gregory the Theologian” in the so-called manuscript “Sacra Parallela” on the icon diptych “The holy warriors St. St. Theodore and George” from the collection of the Sinai monastery of St. Catherine.

Comparing the images of stirrups and archaeological examples, it can be assumed that the stirrups with a triangular and rectangular / arch shape were familiar to the masters of the Byzantine miniatures.

Key words: Byzantine weapons and equipment, stirrups, manuscripts, icons, nomads, cataphracts.

РАСКОПКИ МОГИЛЬНОГО КОМПЛЕКСА ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ «АТ-ДАБАН» («АТ-БЫРАН») В ДОЛИНЕ ЭРКЭЭНИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЯКУТИИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ РАБОТ САХА-ФРАНЦУЗСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В 2016 ГОДУ)

*Н.С. Курьянов^{1,4}, Е. Crubézy^{5,8}, S. Duchesne⁶, P. Gérard^{5,8}, V. Mougin⁵, A. Géraut⁷, C. Petit⁵,
С.К. Колодезников¹, В.В. Попов³, Л.Г. Романова^{1,8}, А.Н. Алексеев², Р.И. Бравина²*

¹Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, Якутск; ²Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск; ³Якутский государственный объединенный музей истории и культуры народов Севера, Якутск; ⁴Алтайский государственный университет, Барнаул; ⁵Centre national de la recherche scientifique, UMR5288 – Laboratoire AMIS, Paris, France; ⁶Institut National de Recherches Archéologiques Préventives, Paris, France; ⁷Médecin hospitalier à l'Institut de Médecine Légale, Strasbourg, France; ⁸Université de Toulouse, Toulouse, France

Долина Эркээни в Хангаласском районе – одна из трех главных долин Центральной Якутии, которая являлась родовой территорией самого крупного якутского военачальника XVII в., полубогатого Тыгына. В 1933 г. Г.В. Ксенофонтовым в Жерском и Октемском наслегах были раскопаны могилы потомков Тыгына – Мазары Бозекова и Софрона Сыранова (реальных исторических лиц). Начиная с 1986 г. раскопками якутских погребений на родовых землях «тыгынидов» в местности «Ат-Дабан» (или «Ат-Быран») занимались Ф.Ф. Васильев, Н.П. Проккопьев, С.К. Колодезников, в 2002 и 2016 гг. такие работы были продолжены Саха-французской археологической экспедицией (MAFSO), в 2015 г. – Р.И. Бравиной. В статье отражены результаты раскопок 2016 г., в ходе которых были получены новые материалы, позволяющие заключить важность исследования такого крупного могильника для изучения этнической истории якутов XVII–XVIII вв.

Ключевые слова: Ат-Быран, Ат-Дабан, Саха-французская археологическая экспедиция Хангаласский улус, Центральная Якутия, Эркээни, позднее Средневековье, погребения, якуты, MAFSO.

Долина Центральной Якутии Эркээни протяженностью более 40 км является одной из трех основных долин (и самой южной из них) левого берега Средней Лены, наряду с *Туймаадой* (где располагается

г. Якутск) и *Энсиэли*. В административном отношении в настоящее время входит в состав Хангаласского района Республики Саха (Якутия), на ее территории располагаются четыре наслега – Техтюрский, Октемский, Жерский и Немюгюнский. Русские письменные источники свидетельствуют, что ранее (с 1632 г.) данные земли входили в состав более крупной Хангаласской (Кангаласской) волости, с 1725 г. – улуса. В 1860 году улус был разделен на Западно-Кангаласский (с 1937 г. – Орджоникидзевский, с 1992 г. – современный Хангаласский) и Восточно-Кангаласский (ныне – часть современного Мегино-Кангаласского района) улусы (Борисов, 2010).

Исторические предания и местный фольклор отводят Эркээни особое почетное место: так, в отдельных сказаниях говорится, что именно эта долина стала первым пристанищем легендарных предков якутов на Средней Лене – *Омогоя* и *Эллэя* (Исторические предания и рассказы якутов, 1960: 65; Эллэйада, 1977: 21, 35–36, 38, 48), а прямой потомок Эллэя – кангаласский князец Тыгын (вероятно, реально существовавшая историческая личность), самый могущественный из предводителей якутских родов в дорусскую эпоху, за что последующая народная молва именовала его «царем», после победы над тунгусами сделал ее своей резиденцией (Борисов, 2010: 54; Ушницкий, 2014: 102). Согласно документам русской администрации, начиная с XVII века земли долины Эркээни были закреплены за потомками Тыгына («тыгынидами») и будучи их родовыми территориями передавались по праву наследования (Токарев, 1945: 293). Кангаласские князцы, наследники Тыгына на протяжении XVII–XVIII вв. играли важную роль в якутском тойонате и управлении краем: в особенности внук Тыгына – известный по многочисленным архивным документам *Мазары Бозеков* (1633–1703 гг.), добившийся в результате двух поездок в Москву в 1676 и 1679 гг. к царю Алексею Михайловичу признания якутского улусного самоуправления и расширения привилегий местной администрации, а также правнук Бозекова – *Сафрон Сыранов* (1719–1805 гг.), являвшийся полномочным якутским депутатом Уложенной Комиссии 1767 г., созданной правительством Екатерины II и избранный в 1793 г. первым общеякутским главой (Борисов, 2010: 109–116). Обе могилы были раскопаны в Жерском наслеге Западно-Кангаласского улуса в 1933 г. известным ученым – историком, этнографом, фольклористом Г.В. Ксенофонтовым, являющимся самим уроженцем этих мест (Бравина, Попов, 2008: 8, 20).

Интерес к долине Эркээни обусловлен еще и тем, что этимология родового имени кангалассцев (як. *хангалас*) тесно увязывается исследователями с племенем «*канглы*», возникшим в XI–XII вв. в Приаральских степях и участвовавшим в этногенезе значительного числа тюркских народов – киргизов, казахов, башкир и др. (Гоголев, 1993: 38–39; Ушницкий, 2014: 70). Но несмотря на значимость исторических процессов, протекавших в Эркээни в Средневековье и новое время, количество памятников этого времени известно немного. По имеющимся опубликованным данным, первые работы в Хангаласском районе в рамках изучения якутских памятников позднего Средневековья были произведены Н.Н. Грибановским в 1919 г. – им были вскрыты пять якутских воздушных захоронений – арангасов (Бравина, Попов, 2008: 19). Далее, как было упомянуто, в 1933 г. раскопками погребений известных исторических личностей занимался Г.В. Ксенофонтов, а в 1955 г. четыре могилы изучались сотрудниками Института языка, литературы и искусства Якутского филиала АН СССР – И.Д. Новгородовым и В.И. Капитоновым (Там же: 26–27). В 1977 г. А.И. Гоголевым было раскопано, возможно, парное захоронение в местности Кумахтаах Малтааны Октемского наслега (Гоголев, 1980: 10).

В 1986 г. Ф.Ф. Васильевым были начаты раскопки на территории молочно-товарной фермы *Арга-Сайлык* Жерского наслега (см. Публичную кадастровую карту Росреестра: кадастровый номер земельного участка 14:32:130203:449). Сегодня эту местность жители называют *Ат-Быран* (як. – лошадиная гора, сопка), именуя так самую высокую в обозримом окружении гору (232 м БСВ), также эти земли известны под названиями *Туекей Мыраана* или *Истээх* (так они упоминаются у Г.В. Ксенофонтова), но в современном обиходе не употребляются. Сам же Ф.Ф. Васильев дал название данной местности как *Ат-Дабан* (як. – лошадиный подъем, перевал), чем создал путаницу с не существующим сегодня поселком «Ат-Дабан», удаленным от г. Покровск на 148 км, который в 1950-е годы в результате укрупнения колхозов был соединен с поселками Ой-Муран и Харыйалаах в одно ныне функционирующее село Едей Хангаласского района. Всего Ф.Ф. Васильевым было обнаружено более 20 захоронений, четыре из которых им было изучено (Прокопьева, Яковлева, 2016: 187). К сожалению, данные материалы не были опубликованы и не вошли в научный оборот.

В 1996–1997 гг. раскопки в этой же местности были продолжены Н.П. Прокопьевым и С.К. Колодезниковым, где ими были открыты четыре погребения и одно захоронение коня. Получен-

ные данные были частично опубликованы А.Н. Прокопьевой и К.М. Яковлевой в 2016 г. (Прокопьева, Яковлева, 2016: 186–191), а сведения по захоронению подростка с боевым оружием (*кылыс*), именуемое Ат-Дабан (координаты в системе WGS-84: N61°39'15.9'', E129°15'44.7''), упоминается в части публикаций (Бравина, Попов, 2008: 118; Попов, Николаев, 2008: 204–205; Бравина, Дьяконов, 2015: 27–28), сами же материалы раскопок хранятся в Музее археологии и этнографии СВФУ. В 2002 г. сахо-французской археологической экспедицией (фр. Mission Archéologique Française en Sibérie Orientale, далее – MAFSO) здесь же были открыты три памятника XVIII–XIX вв. – Ат-Дабаан I–III (Мир древних якутов, 2012: 142–145). В 2015 г. Р.И. Бравина продолжила исследования данного могильника, открыв четыре погребения (два из них относятся к XVI–XVII вв.), которые она обозначила как Ат-Быран I–IV (Бравина, Дьяконов, 2015: 31).

Подобный разлад в названиях, которые не отображены на известных топографических картах, серьезно затрудняют работу по составлению списка изученных погребений долины Эркээни, когда становится неясным, проводились ли кем-то ранее археологические работы на намеченных территориях или нет. По этой причине, продолжая раскопки в данной местности в 2016 г., мы решили продолжить уже принятую в вышеприведенных научных публикациях традицию придерживаться названия Ат-Дабан, чтобы не создавать для будущих исследователей путаницы. Всего в ходе работ было обнаружено и изучено два взрослых мужских погребения, три взрослых женских и одно захоронение коня. Исходя из предметного состава вещей, труположения, особенностей могильных конструкций данные памятники предварительно датируются нами XVII–XVIII вв. При этом какого-либо влияния или присутствия элементов христианской традиции (вроде наличия православного надмогильного или нательного креста, свечей, сложения рук на груди, и т.п.) не отмечено ни в одном из них. Все изучаемые объекты не имели сохранившихся надмогильных построек (за исключением их незначительных остатков) и были выражены в рельефе преимущественно могильными, подчас – слабо различимыми провалами.

Памятники Ат-Дабан IV–VI, VIII–IX приручены к части мысовидных 25–55-метровых террас коренного левобережья Средней Лены на участке между двумя распадками: западным, где по направлению с севера на юг протекает русло р. Улах (также здесь имеется крупный водоем, называемый озером Эбэ-Кюель) и безымянным восточным, тоже бывшим когда-то в отдаленную геологическую эпоху речным руслом. На этих террасах Г.В. Ксенофонтовым в 1933 году была раскопана могила Мазары Бозекова, но точное ее местоположение до сих пор не определено. Погребения, исследованные Р.И. Бравиной в 2015 г. (Ат-Быран I–IV), расположены северо-восточнее от памятников 2016 г., ближе к восточному распадку. У подошвы данных террас на всем обозримом участке с запада (вытекая из водоема Эбэ-Кюель) на восток протекает р. Улах (Уулаах), и все исследованные на террасах памятники расположены по левую сторону реки. Погребение Ат-Дабан VII находится по правую сторону р. Улах на равнинной территории, образованной в результате распашки земель под сельскохозяйственные угодья. Заметным современным ориентиром могут служить пять установленных в советский и постсоветский периоды коновязных столбов – сэргэ, с надписями «Улах СПТУ-17», «МВД Октемский – 75 лет», «Ысыах-88». В этой же местности проводили свои раскопки Ф.Ф. Васильев в 1986 г., Н.П. Прокопьев и С.К. Колодезников в 1996–1997 гг., а также экспедиция MAFSO в 2002 г. – памятники Ат-Дабан I–III (рис. 1).

Памятник Ат-Дабан IV. Координаты памятника в системе WGS-84 – N61°39'06.2'', E129°15'21.0''. Могильное пятно: l – 230 см, b – 70–92 см. Погребение принадлежит взрослому мужчине 25–30 лет, покоящемуся на глубине 60 см от дневной поверхности в листовенничном гробу-долбленке (колоде) (l – 187 см, b – 32–43 см), вложенном в гробовину (як. *тэбиэх*) из толстых листовенничных горбылей и плах (l – 250 см, b – 59–70 см). Могила ориентирована по направлению запад–восток. Костяк длиной 167 см положен на сложенную вдвое жеребьячью шкуру и лежит на спине, руки вытянуты вдоль тела, головой обращен на запад. Головной убор представлен соболиной шапкой, подбитой заячьим мехом, рядом положен шейный ворот типа боа из соболиных хвостов. Наплечная одежда состоит из верхнего кожаного пальто, частично отороченного мехом соболя, и внутренней рубашки из хлопчатобумажной ткани типа «даба» синего цвета. На поясе кожаный ремень (l – 94 см, b – 2 см) с бронзовыми заклепками круглой формы. Ноговицы из лошадиной шкуры мехом наружу, подвязаны в области колен. Обувь (торбаза) сохранились фрагментарно, внутри отмечены травяные стельки. Сопроводительный инвентарь: конское седло (l – 52 см, b – 22 см, h – 15 см), охотничья пальма с древком (як. *батыя*) (l – 115 см), специально переломанный надвое лук (l лука – 146 см) с остатками налучья, хорошо сохранившийся колчан (l – 90 см, b – 15 см) из продыmlенной кожи с геометрическим тиснением наружной части, с колчаным

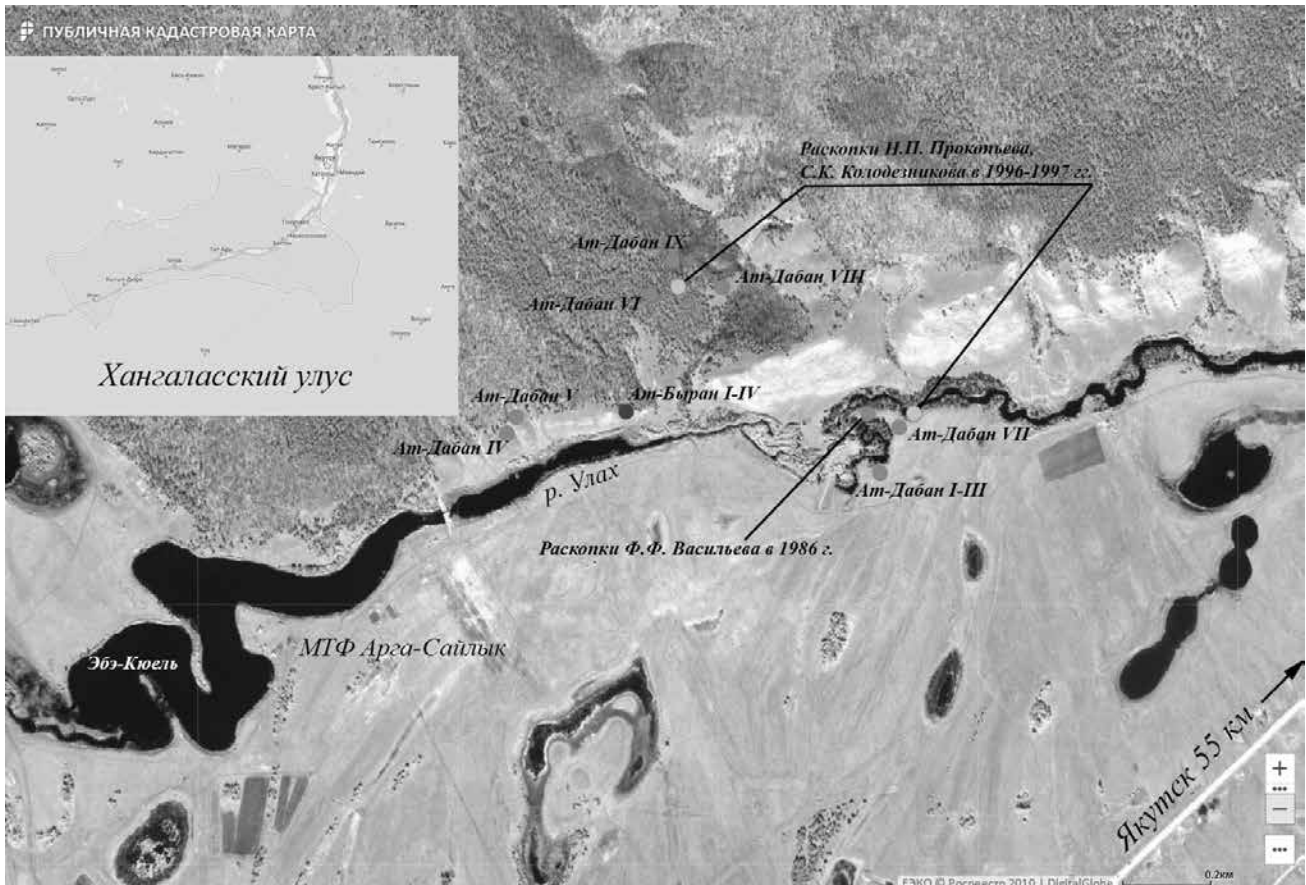

Рис. 1. Карта расположения известных погребений могильника Ат-Дабан (Ат-Быран) в Хангаласском улусе Республики Саха (Якутия)

крюком и стрелами, деревянные ножны (l – 21 см, b – 3 см, s – 0,4–0,5 см), два подпружных железных стремени (d – 12–13 см, s – 0,8 см) и ременная упряжная пряжка. В берестяную сумку (сложенную из двух пластов), напоминающую по форме портфель (l – ок. 40 см, b – ок. 29 см, h – ок. 25 см), положено большое количество лошадиных костей. Посуда: берестяной туес трапециевидной формы (d – 20–22 см, h – 13–14 см), внутри него находится деревянная чаша типа пиалы (як. кытыя) (d – 16 см) с остатками молочных продуктов.

Памятник Ат-Дабан V. Координаты памятника в системе WGS-84 – N61°39′06.5″, E129°15′21.2″. Находится в 2,5 м в сторону северо-востока от Ат-Дабан IV. Могильный провал: l – 225 см, b – 107 см, h – 17 см, могильное пятно: l – 245 см, b – 145 см. Захоронение молодого коня до 3 лет, лежащего на глубине 70–100 см от дневной поверхности в специально вырытой для него яме (l – 184 см, b – 86 см), ориентировано по линии запад-восток. Конь находится в лежачем положении в анатомическом порядке, с подогнутыми под себя ногами, черепом упирается на запястье передней левой конечности. Длина зафиксированного костяка коня – 162 см. В зубы коня положены симметричные железные удила, в области крупа отмечена перекрученная веревка из конского волоса, в задней части – деревянная плашка и фрагмент кожи (?) мехом наружу.

Памятник Ат-Дабан VI (рис. 2). Координаты памятника в системе WGS-84 – N61°39′15.9″, E129°15′42.8″. Расположен в 28 м западнее погребения подростка «Ат-Дабан», раскопанного Н.П. Прокотьевым и С.К. Колодезниковым в 1996 г., и в 96 м севернее захоронения Ат-Быран III, исследованного Р.И. Бравиной в 2015 г. Остатки надмогильного сооружения сохранились в виде одной торцевой лиственничной плахи, зафиксированной с восточной стороны. Погребение принадлежит женщине пожилого возраста (более 50 (60?) лет), покоящейся на глубине 40 см от дневной поверхности в заметно продавленном лиственничном гробу-долбенке (колоде) (l – 254 см, b – 40–53 см), крытом сверху прошитой берестой и вложенном в гробовину (l – 275 см, b – 80–90 см), состоящую из небольших тонких лиственничных досок (l одной доски – не более 106 см, s – 2–4 см), также крытую сверху прошитой

Рис. 2. Женское погребение Ат-Дабан VI

орнаментированной берестой. Могила ориентирована по линии запад–восток. Костяк длиной 157 см лежит на спине, правая рука согнута в локте и покоится на тазу, левая вытянута вдоль тела, головой обращен на запад. Отмечаются сросшиеся переломы левой большеберцовой кости и одного левого десятого ребра. Между зубами верхней и нижней челюстей зажата половина железных удил – одно кольцо с грызлом. Вторая их половина находится у изголовья (d колец – 7 см), наряду с четырьмя положенными перпендикулярной формы – деталями узды, крепившимися, вероятно, к ременной части. Головной убор не определен, возможно состоял из меха соболя; также к убору относится бронзовый диск (d – 12,6 см) (як. *туосахта*), традиционно нашиваемый на теменную часть убора, отмечаемый в районе затылка. Верхняя наплечная одежда представлена выделанным из конской кожи пальто до уровня колен с опушкой из соболя (як. *тангалай*), с бисерными и бронзовыми аппликативными вставками, а также рядом бронзовых подвесок круглой (в технике ажурного литья) и треугольной форм, а также литыми кольцами с навершиями в виде двух

разнонаправленных конских головок. Внутренней одеждой, по-видимому, служило короткое кожаное платье-безрукавка. В области пояса отмечена железная ременная пряжка (l – 5,7 см). Кожаные натазники богато расшиты белым и синим бисером, облик ноговиц не ясен; внутри кожаной обуви (торбазов) отмечаются фрагменты, напоминающие остатки чулок или носков (як. *кянчи*), сами торбаза имели подвязки.

Личные украшения женщины представлены гривной с тремя петлеобразными изгибами из перекрученного медного дрота (d обруча – ок. 18,5 см), фиксируемой на шее, а также обнаруженными у изголовья слева бронзовыми изделиями – двумя скрепленными между собой ручными браслетами (d – ок. 5,5 см) и тремя сургучными перстнями-печатками, связанными кожаным узелком вместе с двумя серьгами в виде «знака вопроса» (с нанизанными на их проволочное основание крупными белыми бусинами и опоясками из мелкого черного бисера). Еще одна точно такая же серьга отмечается в области правого уха (l серег – 8 см).

Сопроводительный инвентарь: разошедшееся конское седло – сохранилась только передняя лука бордового цвета с передними вставками в виде медных, крытых железом, прямоугольных и круглых пластинок, с железными кольцами и ручками, и два железных стремена (d одного стремена – 11,5 см).

Железный продырявленный котел с заплатками (d – ок. 40 см, d основания – 24 см, h – 17 см, s – 0,3 см), внутри которого находилась деревянная кытья (d – 21 см, d поддона – 12,5 см, h – 10,5 см), внутри нее – берестяной туес (d – 9,5 см, h – 5 см). В области правой берцовой кости лежал железный нож в деревянной рукояти (1 клинка – 14 см, 1 рукояти – 10,6 см), имеющей бронзовую обкладку с нанесенной на нее разноцветной эмалью, сам нож вложен в ножны из березы, помещенные внутри кожуха. В районе грудной клетки отмечена мелкая бронзовая эмалированная подвеска (1–2 см), аналогичная рукоятке ножа по цвету и оформлению орнамента. Поминальная пища (тризна) представлена четырьмя обрезанными и одним необрезанным ребрами коня и помещена в пространство между стенками гроба и гробовины с северной стороны в районе ног.

Памятник Ат-Дабан VII. Координаты памятника в системе WGS-84 – N61°39'06.7'', E 129°15'21.0''. Удален к югу от русла р. Улах на 31 м, от пяти коновязных столбов к западу на 49 м и от погребения Ат-Дабан I к северо-востоку на 126 м. Могильный провал ориентирован по линии запад-восток и имеет прямоугольную форму: l – 287 см, b – 123 см, h – 15 см, могильное пятно: l – 265 см, b – 80–95 см. Погребение принадлежит старому мужчине (все зубные альвеолы заросли), покоящемуся на глубине 50 см от дневной поверхности в листовенничном гробу-долбленке (колоде) (l – 231 см, b – 60 см, h – 31 см), вложенным в гробовину (l – 247 см, b – 70 см, h – 45 см) из толстых (s – 14–15 см) листовенничных плах. При осмотре выяснилось, что плахи крышки гробовины разрушены и частично сломаны, крышка гроба смещена в сторону, а сам костяк переверошен. Вероятно, ранее погребение уже вскрывалось (раскопки Ф.Ф. Васильева?). Костяк длиной более 170 см положен на лошадиную меховую подстилку и лежит на спине, головой обращен на запад. Верхняя одежда – пальто из конской шкуры, подбитое изнутри заячьим мехом, шапка – из лисьего меха, от натазников же остались только четыре железных кольца. Сопроводительный инвентарь: березовый посох (l – 111 см), сумка из бересты из трех прошитых пластов, скрепленных сургугом, с двумя конскими ребрами и одним позвонком внутри (тризна), остатки чаши кытья с четырьмя резными линиями на поверхности, также отмечаются фрагменты деревянных ножен.

Памятник Ат-Дабан VIII. Координаты памятника в системе WGS-84 – N61°39'16.7'', E 129°16'21.6''. Удален от Ат-Дабан VI на 146 м в сторону востока–юго-востока и от Ат-Быран III на 153 м в сторону северо-востока. Является самым восточным погребением из всех исследованных на террасах, находясь практически на крайнем мысу распадка. Могильный провал ориентирован по линии запад–восток и имеет следующие размеры: l – 223 см, b – 106 см, h – ок. 10 см. Остатки надмогильного сооружения зафиксированы на глубине 20 см от дневной поверхности и представляют собой один листовенничный венец (l – 255 см, b – 106–116 см), сложенный в обло, когда торцевые жерди кладутся на продольные сверху (s жердин – 10–15 см). Погребение принадлежит молодой женщине (около 25 лет, возможно чуть старше или моложе), покоящейся на глубине 50 см от дневной поверхности в гробу (l – 180 см, b – 50–54 см, h – 20–25 см) с продавленной крышкой, сложенной из четырех листовенничных досок (s – 3–5 см) – двух продольных и двух поперечных. Костяк длиной 144 см лежит на спине, головой обращен на запад, левая рука согнута в локте и положена ладонью вниз на левое бедро, правая покоится на тазу. Череп неестественно запрокинут лицом к западной стенке гроба, находясь на расстоянии от нижней челюсти (погребение было потревожено землеройной деятельностью суслика). Отмечается тонкокостность скелета – видимо, при жизни девушка выглядела довольно изящной и хрупкой. Одежда представлена фрагментарно, вероятно, была одета в короткое кожаное пальто с окантовкой, обшитое сзади бисером голубого и белого цветов. От шапки сохранился только внутренний бисерный декор (голубого, белого и черного цветов). Облик остальных деталей одежды не прослеживается. Украшение натазника представлено крупными бело-сине-голубыми бусинами, с которых свисают два ряда медных спаек (всего 18 шт.) из трех колечек каждая (1 одной спайки – ок. 3 см), часть таких же спаек отмечается в области груди. Личными украшениями являются три традиционные серьги (на левом ухе – одна, на правом – две) в виде «знака вопроса» на медной проволочной основе с крупными темно-синими и белыми бусинами (1 серег – ок. 7 см).

Памятник Ат-Дабан IX. Координаты памятника в системе WGS-84 – N61°39'17.5'', E 129°15'47.2''. Удален от погребения подростка с кылысом Ат-Дабан на 60 м в сторону северо-востока и от памятника Ат-Дабан VIII на 84 м в сторону северо-запада. Могильный провал ориентирован по линии запад-восток и имеет следующие размеры: l – 190 см, b – 85 см, h – 11–12 см. Погребение принадлежит очень старой женщине за 60 лет (возможно, около 80), покоящейся на глубине ок. 70 см от дневной поверхности

в листовничном гробу (l – 199 см, b – 45–60 см, h – ок. 30 см), состоящем из толстых (s – 10 см) двух продольных и двух поперечных плах, с прогнутой крышкой. Костяк длиной 148 см лежит на спине, головой обращен на запад, руки вытянуты вдоль тела, пальцы левой кисти сжаты. Отмечается ярко выраженный сколиоз скелета (в последние годы жизни ходила, сильно сторбившись), на левом локте имеется след от перелома. Одежда не сохранилась. В ногах лежит мешок из продымленной кожи с костями лошади (тризна?). Личные украшения – пара медных проволочных серег с тремя белыми бусинами и двумя медными пронизками (1 серег – 6 см) – были зафиксированы в правореберной части (видимо, были положены под одежду).

Вещевой могильный комплекс, половозрастная характеристика погребенных и особенности их топографического размещения дают возможность предполагать и их различный социальный или родовой статус: например, представителей зажиточного или главенствующего сословия (Ат-Дабан IV, VI), незамужней сестры или дочери (Ат-Дабан VIII), старой женщины-прислуги (Ат-Дабан IX). Сопоставляя полученные материалы с данными раскопок прошлых лет можно определенно утверждать, что исследуемая территория является сосредоточением значительного числа погребений (всего нами пока насчитано 35 захоронений, включая лошадиные) и представляет, по нашему мнению, крупное родовое кладбище. С учетом высокого положения кангаласских родов в якутском обществе в XVII–XVIII вв. более тщательное и дальнейшее планомерное исследование данного объекта даст возможность конкретизировать как материальное выражение такого значимого статуса, так и особенности их внутривидовых связей.

ЛИТЕРАТУРА

- Борисов, А.А. 2010. Социальная история якутов в позднее Средневековье и новое время (опыт комплексного исследования). Новосибирск: Наука.
- Бравина, Р.И., Попов, В.В. 2008. Погребально-поминальная обрядность якутов: памятники и традиции (XV–XIX вв.). Новосибирск: Наука.
- Бравина, Р.И., Дьяконов, В.М. 2015. Раннеякутские средневековые погребения XIV–XVII вв.: совокупность маркирующих признаков. *Северо-Восточный гуманитарный вестник*. № 3 (12): 27–32.
- Гоголев, А.И. 1980. Историческая этнография якутов. Якутск: ЯГУ.
- Гоголев, А.И. 1993. Якуты (проблемы этногенеза и формирования культуры). Якутск: ЯГУ.
- Исторические предания и рассказы якутов (в двух частях). 1960. М.; Л.: Академия наук СССР. Ч. 1.
- Ксенофонтов, Г.В. (сост.). 1977. Элэйада: материалы по мифологии и легендарной истории якутов. М.: Наука.
- Крюбези, Э., Алексеев, А.Н. (ред.). 2012. Мир древних якутов: опыт междисциплинарных исследований (по материалам Саха-французской археологической экспедиции). Якутск: Издательский дом СВФУ.
- Попов, В.В., Николаев, В.С. 2008. Захоронения животных в обрядовой практике саха-якутов XV–XX вв. *Известия лаборатории древних технологий*. № 6: 194–212.
- Прокопьева, А.Н., Яковлева, К.М. 2016. Украшения эпохи позднего средневековья Якутии (по материалам могильника Ат-Дабаан). *Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая*. Отв. ред. П.В. Мандрыка. Красноярск: 186–191.
- Токарев, С.А. 1945. Общественный строй якутов XVII–XVIII вв. Якутск: Якутгиз.
- Ушницкий, В.В. 2014. Вопросы изучения ранней этнической истории и родového состава народов Якутии. Якутск: ИГиИПМНС СО РАН.
- N.S. Kirjanov, E. Crubézy, S. Duchesne, P. Gérard, V. Mougin, A. Géraut, S. Petit, S.K. Kolodeznikov, V.V. Popov, L.G. Romanova, A.N. Alekseev, R.I. Bravina
THE EXCAVATION OF THE LATE MEDIEVAL “AT-DABAN” (“AT-BYRAN”) BURIAL COMPLEX IN THE ERKEENI VALLEY IN CENTRAL YAKUTIA (BASED ON SAKHA-FRENCH ARCHAEOLOGICAL EXPEDITION IN 2016)
- The Erkeeni valley in Khangalassky region, one of the three main valleys of Central Yakutia, was the ancestral territory of semi-legendary Tygyn, the greatest Yakut commander of the 17th century. In 1933 G.V. Ksenofontov excavated the graves of Mazara Bozekov and Sophron Syranov, the descendants of Tygyn (real historical persons) in Zhersky and Oktemsky naslegs (districts). Since 1986 F.F. Vasilyev, N.P. Prokopiev, S.K. Kolodeznikov conducted the excavations of yakutian burials on the ancestral lands of “tygynids” (the descendants of Tygyn) in the “At-Daban” (or “At-Byran”) region; in 2002 and 2016 such activity was conducted by the Sakha-French archaeological expedition (MAFSO) and in 2015 by R.I. Bravina. The article presents the results of the excavations in 2016, during which the new materials were obtained, which allow to conclude the importance of investigation of such a large burial complex for the study of the Yakut ethnic history of the 17–18 centuries.
- Key words:** At-Byran, At-Daban, the Sakha-French archaeological expedition, Khangalassky region, Central Yakutia, Erkeeni, the late Middle Ages, burials, the Yakuts, MAFSO.

ОСОБЕННОСТИ ПЛАНИГРАФИИ АРХИТЕКТУРНОГО КОМПЛЕКСА НА ГОРОДИЩЕ КОКШАРОВКА-1 В ПРИМОРЬЕ*

Н.А. Ключев, И.В. Гридасова

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток

В статье подведены итоги раскопок городища Кокшаровка-1 в 2008–2014 гг. Авторы дают описание и анализ планиграфии архитектурного комплекса, расположенного на платформе в северной части городища. Делается вывод, что архитектурный комплекс был построен в традициях средневекового китайского градостроительства.

Ключевые слова: Приморье, эпоха раннего Средневековья, городище Кокшаровка-1, архитектурный комплекс.

За период своего непродолжительного существования государство Бохай достигло высокого уровня социально-экономического и культурного развития. На сегодняшний день отечественными и зарубежными историками и археологами накоплены обширные сведения о духовных и материальных аспектах жизни бохайского населения. Гораздо менее изученным является постбохайский период, особенно на территории Приморья. В какой-то мере эту лауну позволили закрыть исследования на городище Кокшаровка-1.

Городище расположено в центральном Приморье в 3 км к северо-востоку от с. Кокшаровка в пойменной долине р. Уссури. Оно представляет собой укрепленное валом и рвом поселение около 16 га. В плане городище неправильной формы, близкой к прямоугольнику. С северной и западной его сторон имеются 2 входа, оборудованные Г-образными траверсами.

Исследования на городище Кокшаровка-1 продолжались на протяжении 7 полевых сезонов (2008–2014 гг.). Выяснилось, что городище возникло еще в бохайское время и просуществовало определенное время после гибели государства Бохай. Подтверждением этого стали раскопанные остатки уникального для приморской археологии объекта – погибшего при пожаре архитектурного комплекса, состоящего из семи зданий с большим внутренним двором и хозяйственными постройками (см. рисунок).

Весь комплекс был возведен на прямоугольной искусственной земляной платформе в северной части городища и обнесен каменной оградой. Ограда представляет собой стену, сложенную из обломков горных пород, скрепленных глиной. За все время работ вскрыто около 200 м каменной стены, что составляет примерно 65 % от ее общей протяженности. Полностью раскопаны только северная и восточная стены ограды, западная и южная стены вскрыты частично. Протяженность северной стены – 89 м, восточной – 67 м. Ширина основания ограды составляет от 1,2–1,4 до 2–2,5 м. Высота ограды в современном состоянии варьирует от 20–25 до 60–80 см, но, судя по значительному количеству камней в осыпи, реальная высота ее была более 1 м.

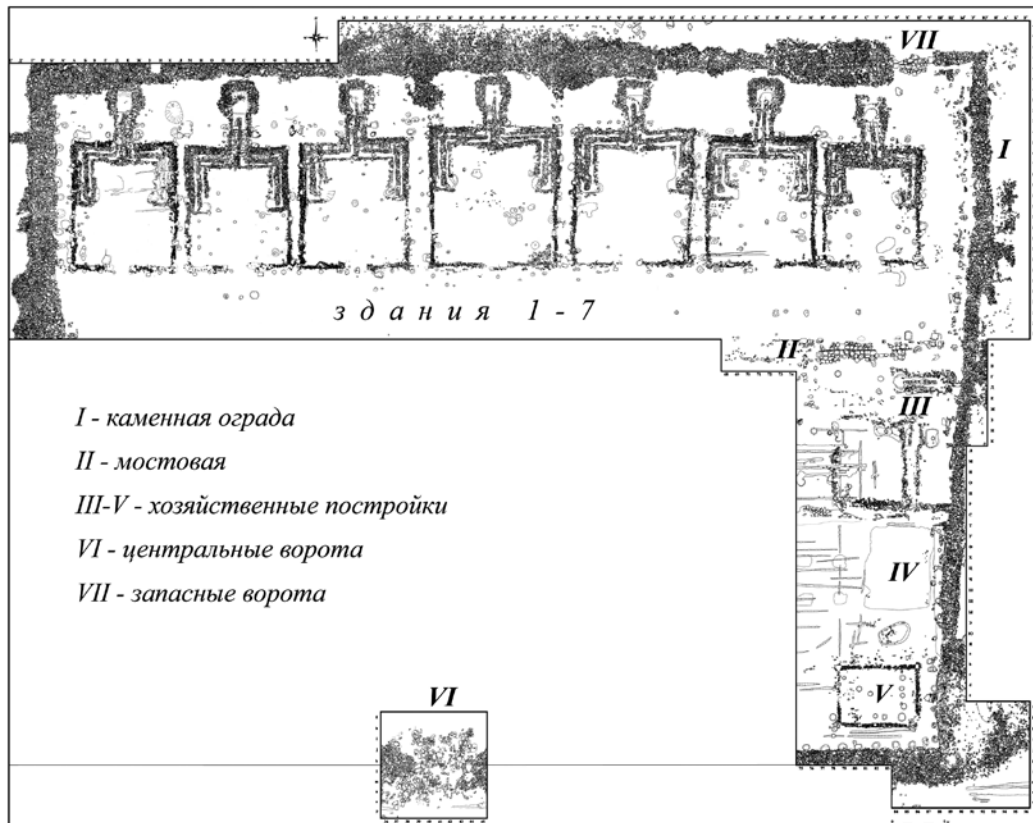
В плане ограда не совсем прямоугольной формы. Северная и южная стены расположены параллельно друг другу. Восточная стена, проходя перпендикулярно северной, в 16 м от северо-восточного угла ограды поворачивает к юго-юго-западу под углом 5°. Аналогичная конфигурация отмечена и у частично вскрытой западной стены.

Вдоль ограды с внутренней стороны были выявлены ряды столбовых ям. 9 ям располагаются вдоль западной стены, еще 23 ямы обнаружены в юго-восточном углу ограды (15 ям вдоль восточной стены и 8 вдоль южной стены). Все эти ямы, по всей видимости, были столбовыми и служили для укрепления ограды.

В северной части платформы находится ансамбль из семи зданий. Все 7 построек располагаются по оси запад-восток. Здания имеют схожее строение, отличаясь лишь размерами, и представляют собой ориентированные по сторонам света прямоугольные в плане постройки. Сохранились только сложенные из камней фундаменты строений. Помещение внутри каждого здания разделено на 2 половины: северную и южную. Перегородкой могла служить глинобитная стенка на основе плетеной конструкции либо небольшая раздвижная ширма.

Северную половину зданий занимает П-образный двухканальный кан с двумя топками. Дымоходы проходят вдоль стен и через разрыв в северной стене выходят к трубе, вынесенной за пределы постройки на 1,5–3 м. Квадратное в плане основание труб размерами 3 × 3 м сложено из камня в виде колодца. Сама конструкция кана занимает от 21 до 29,5 % от внутренней площади помещений.

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ № 14-18-01165 «Города средневековых империй Дальнего Востока».

План архитектурного комплекса на северной платформе городища Кокшаровка-1

В центральной части южной стены каждого здания находится выход шириной около 2 м. Между собой постройки разделены узкими коридорами шириной 0,6–2 м.

Исходя из размеров и площади сооружений (табл. 1), их можно разделить на 3 группы: небольшие (здания № 1, 2, 7), средние (здания № 3, 6), большие (здания № 3, 4). Самым крупным является центральное здание № 4, самым маленьким – здание № 7.

Обращенные на юг главные фасады всех зданий располагаются на одной линии, при этом задние стены сооружений выдвинуты на север на разную длину. Однако основания всех труб, вынесенных за пределы зданий, также расположены на одной линии. Исключение составляет только труба здания № 7, которая смещена к югу на 1,5 м. Общая площадь всех семи зданий составляет 1133 м², протяженность по линии южных фасадов – 78 м. Такое расположение зданий позволяет предположить, что все они составляли единый ансамбль с крышами, примыкающими друг к другу и образующими своеобразные ярусы.

Анализ фундаментов стен свидетельствует, скорее всего, о каркасном принцип возведения построек (Всеобщая история архитектуры 1971). Несущими конструкциями являлись столбы и балки.

Таблица 1

№ здания (с запада на восток)	Размеры по внешнему периметру			Размеры по внутреннему периметру			Площадь кана	
	длина, м	ширина, м	площадь, м ²	длина, м	ширина, м	площадь, м ²	площадь, м ²	% от площади помещения
1	12,2	9,7	118,3	11	8,8	96,8	27,5–28	29
2	11,8	10	118	10,6	9	95,4	28	29
3	12,4	11	136,4	11,5	10	115	34	29,5
4	13,2	12	158,4	12,4	11,2	139	29,5	21
5	13	11,5	149,5	12,5	10,5	131,3	33	25,1
6	12,7	10,4	132,1	11,5	9,6	110,4	30	27
7	11,5	9,4	108,1	10	8,7	87	23	26,4

На глинобитной платформе по периметру будущего сооружения устанавливались каменные плоские базы. С восточной и западной сторон симметрично располагалось по 6 баз на расстоянии 1,6–2 м друг от друга в зависимости от размеров зданий. По южной стороне проходило также 6 баз: 2 базы ограничивали выход в центральной части, 2 базы устанавливались в юго-восточном и юго-западном углах, еще 2 базы располагались между ними. Симметрично им с северной стороны устанавливались 4 или 6 баз: 2 по углам дымоходных каналов и по одной между ними и угловыми базами, еще 2 базы, как и в южной стене, могли устанавливаться в северо-восточном и северо-западном углах. Все базы имели подсыпку из мелкой речной гальки. Следует отметить, что в конструкции фундаментов некоторых зданий отмечено наличие дополнительных каменных баз, что может быть связано с ремонтом построек. На каменные базы устанавливались деревянные столбы, являющиеся основой стен. Всего в конструкции зданий использовалось 22–24 опорных столба. Деревянные стойки по верху связывались балками, на которых крепилась конструкция крыши. Фундамент стен выкладывался из речной гальки и скальных обломков, скрепленных между собой глиняным раствором. Ширина фундаментов в среднем составляет 30–40 см, высота не превышает 25 см. Стены, по всей видимости, были сделаны из горизонтально уложенных плах и тонких бревен, вставленных в пазы стоек каркаса и обмазанных глиной, смешанной с травой.

В восточной части платформы была раскопана часть внутреннего двора, где находились хозяйственные постройки. От комплекса из семи зданий их отделяет протянувшаяся с востока на запад мостовая.

Фрагмент мостовой, представляющей собой «тротуар» шириной около 2 м и сложенный из крупных плоских гранитных плит, был обнаружен в 7 м к югу от фасадов зданий № 6 и 7.

К югу, в 5 м от мостовой, обнаружены остатки фундаментов двух строений. Строения № 1 и № 2 расположены рядом на одной линии. Друг от друга их отделяет узкий коридор шириной 0,9 м. Строение № 2 примыкает к восточной стене ограды. Оба сооружения прямоугольные в плане, длинной стороной ориентированы по оси север–юг. Общая площадь, занимаемая постройками, составляет около 98 м². Фундамент строений сложен из окатанного речного галечника и необработанного камня. К сожалению, кладка фундаментов стен сооружений сильно разрушена продольными и поперечными пахотными бороздами. Базы под опорные столбы сохранились только в северо-восточном и юго-восточном углах сооружения № 1, в северо-западном и юго-восточном углах частично сохранилась галечная подсыпка. Вход в постройки, видимо, находился с северной стороны. Внутри строений и в коридоре между ними обнаружено скопление керамической посуды, в частности, пароварок, крупных корчаг. По всей видимости, обе постройки использовались для бытовых нужд. Этот факт подтверждает и расположенный перед ними открытый очаг для приготовления пищи, оборудованный дымоходными каналами и трубой. Вся конструкция очага расположена по оси запад–восток. Очаг соединяется с двумя дымоходными каналами длиной 2,5 м, которые примыкают к основанию трубы размерами 2 x 2 м, расположенной в 0,5 м от восточной стены. Конструкция очага, дымоходных каналов и трубы аналогична той, что использовалась при сооружении отопительной системы в зданиях.

В 0,4 м от юго-западного угла строения № 1 расположен фрагмент еще одной мостовой, протянувшийся по линии запад–северо-запад – восток–юго-восток. Мостовая шириной около 1 м вымощена плоскими обработанными каменными плитами.

В 1,5 м к югу от строений № 1 и № 2 обнаружена подсыпка фундамента и баз некоего наземного сооружения, конструкция и назначение которого остаются неясными. Прямоугольное пятно серо-коричневой супеси с речной галькой размерами 6–6,5 x 8 м располагается в 1–1,2 м от восточной стены ограды и вытянуто по оси север–юг. К западу от него выявлено еще 4 пятна серо-коричневой супеси с включениями речной гальки. Пятна округлой формы размерами около 1–1,2 x 1–1,4 м. Они располагались симметрично на расстоянии около 2,2 м друг от друга. Каких-либо иных конструктивных деталей от этого сооружения не сохранилось.

В юго-восточном углу платформы была раскопана литейная мастерская (строение № 3), а также остатки кузнечного горна. Развал горна находился в 0,5 м от восточной стенки фундамента мастерской и примыкал к восточной стене ограды. Он представлял собой скопление прокаленных камней вперемешку с фрагментами древесного угля и жженой обмазки. Перед ним лежала крупная плоская плита размерами около 60 x 70 см.

Сама мастерская представляет собой остатки фундамента прямоугольного в плане сооружения, ориентированного длинной стороной по оси запад–восток. Площадь постройки составила 48 м². Внутри строения обнаружено семь ям, расположенных вдоль восточной и южной кладки фундамента на

Таблица 2

№ строения	Размеры по внешнему периметру			Размеры по внутреннему периметру		
	длина, м	ширина, м	площадь, м ²	длина, м	ширина, м	площадь, м ²
1	9	7	63	7,7	6	46,2
2	9	3	18	7,7	2,7	20,79
3	8	6	48	7	5	35

расстоянии 1 м от нее и на небольшом удалении (25–50 см) друг от друга. Ямы достаточно глубокие (до 0,5 м), диаметром 0,5–0,7 м. Вероятнее всего, они имели хозяйственное назначение. Возможно, в них были вкопаны деревянные колоды, а также крупные сосуды. Неясно, в каком месте находился вход в сооружение. Более того, наличие горна с внешней восточной стороны постройки позволяет предположить, что стена в этой части могла и вовсе отсутствовать, а конструкция мастерской могла быть оформлена в виде навеса. Внутри и возле постройки были обнаружены фрагменты от 12 тиглей, а также обломок литейной формы.

Размеры хозяйственных сооружений значительно меньше, чем размеры зданий (табл. 2), они не имеют отопительной системы. По остаткам фундаментов, конструкция которых аналогична конструкции фундаментов семи зданий, можно судить, что хозяйственные постройки, вероятно, так же, как и здания, были деревянными, каркасно-столбовой конструкции.

Следует отметить, что в результате геофизических исследований, проведенных под руководством Е.А. Бессоновой, были обнаружены магнитные аномалии, позволяющие предположить наличие сооружений в юго-западном углу платформы, а также в центральной части двора, которые остались не исследованными раскопами (Бессонова, Клюев, Ивлиев, Зверев, 2011: 127).

Раскопаны два входа на платформу – центральный и запасной. Центральные ворота были сооружены в средней части южной стены ограды и представляют собой проход, вымощенный крупными плоскими гранитными плитами на ширину 5,5 м и длину около 7 м. Сама конструкция ворот, по всей видимости, имела 6 опорных столбов, от которых сохранились базы, а также галечная подсыпка. Столбы располагались по 3 с восточной и западной сторон, симметрично, на расстоянии 2,5 м друг от друга.

Запасные ворота небольшие, находятся в северо-восточном углу каменной стены и представляют собой вымостку из плоских камней размерами 3,7 × 2 м. В своей конструкции они имели пару опорных столбов (по одному с западной и восточной стороны). Вероятно, эти ворота служили «черным ходом», поскольку от хозяйственных построек вдоль восточной ограды к ним имеется проход.

Весь комплекс сооружений, возведенный на прямоугольной насыпной платформе и окруженный каменной стеной, очевидно, являлся главным административным объектом на памятнике. Расположение его в северной части городища соответствует планировочной структуре столичных городов Китая в VII–XIII вв., а также государства Бохай (698–926 гг.). (Клюев, Ивлиев, 2013). Полученные с городища радиоуглеродные даты укладываются во временной промежуток начала IX – конца X в. (Городище Кокшаровка-1 ..., 2012; Археологические памятники ..., 2015). Исследователями отмечается, что архитектурный ансамбль из семи зданий имеет как сходство с дворцами бохайских столиц (занимаемая площадь, наличие отопительной системы, конструкция труб), так и некоторые отличия от них (отсутствие черепичной крыши, колоннадной конструкции и собственной платформы у зданий) (Клюев, Ивлиев, 2013).

Раскопами 2008–2014 гг. вскрыто более 50 % от всей площади комплекса. Проведенный анализ расположения раскопанных сооружений на северной платформе городища Кокшаровка-1 позволил выявить следующие особенности в их планировке:

- 1) прямоугольная в плане или близкая к прямоугольной форма построек;
- 2) строгая ориентация по сторонам света;
- 3) наличие осевой симметрии в расположении зданий, их структурных элементах, а также в конструкциях других объектов;
- 4) расположение построек по периметру прямоугольного двора;
- 5) размещение главных зданий в северной части комплекса, вспомогательных (хозяйственных) построек в его восточной и, по всей вероятности, западной частях;
- 6) расположение главных ворот в южной части архитектурного комплекса.

Перечисленные принципы планировки, соответствуют модели традиционной китайской застройки, оказавшей огромное влияние на развитие градостроительства бохайского государства (Лучкова, Задвернюк, 2012: 55–64).

ЛИТЕРАТУРА

- Бессонова, Е.А., Клюев, Н.А., Ивлиев, А.Л., Зверев, С.А. 2011. Реконструкция застройки городища Кокшаровка-1 геолого-геомагнитными методами. *Вестник ДВО РАН*. Владивосток. № 1: 122–129.
- Клюев, Н.А. (ред.). 2012. Городище Кокшаровка-1 в Приморье: итоги раскопок российско-корейской экспедиции в 2008–2011 годах. Тэджон: Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН; Государственный исследовательский ин-т культурного наследия Республики Корея. Т. 1.
- Клюев, Н.А., Ивлиев, А.Л. 2013. Уникальный архитектурный комплекс на городище Кокшаровка-1 в Приморье. *Россия и АТР*. № 3: 104–116.
- Клюев, Н.А. (ред.). 2015. Археологические памятники Кокшаровка-1 и Кокшаровка-8 в Приморье. Тэджон: Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН; Государственный исследовательский ин-т культурного наследия Республики Корея. Т. 1.
- Лучкова, В.И., Задвернюк, Л.В. 2012. Градостроительство древнего и средневекового Китая: Учеб. пособие. Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та.
- Прибыткова, А.М. (ред.). 1971. Всеобщая история архитектуры. Л.; М.: Стройиздат. Т. 9.

N.A. Kluyev, I.V. Gridasova

FEATURES OF ARCHITECTURAL COMPLEX LAYOUT ON KOKSHAROVKA-1 WALLED TOWN IN PRIMORSKI REGION

In paper are summed up excavation of Koksharovka-1 walled town in 2008–2014. Authors give description and analysis of architectural complex layout on the platform in north part of walled town. It is concluded that the architectural complex has been constructed in traditions of medieval Chinese town-planning.

Key words: Primorski region, Early Middle Ages, Koksharovka-1 walled town, architectural complex.

МОГИЛЬНИК БОЛЬШАЯ КАНГА-1 И ЕГО МЕСТО В АРХЕОЛОГИИ ПРИАРГУНЬЯ*

Е.В. Ковычев¹, Н.Н. Крадин², А.В. Харинский³

¹Забайкальский государственный университет, Чита;

²Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток;

³Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск

Материалы могильника Большая Канга-1 позволяют составить общее представление об этнических, культурных и миграционных процессах, происходивших в данном регионе в эпохи неолита, бронзы, раннего железа и средневековья. Значительная часть этих материалов послужила основой для выделения в этом районе Дуройской культуры II–IV вв., связываемой с древнемонгольскими племенами сяньби. В статье дается обобщенная характеристика данного могильника.

Ключевые слова: Приаргунье, могильник, погребальный обряд, археологическая культура, жертвоприношения, сяньби.

Среди археологических древностей российского Приаргунья могильник Большая Канга-1 занимает особое место. Оно определяется не только полнотой изученности данного памятника, но также хронологическим и типологическим разнообразием входящих в его состав погребений. Фактически, в границах одного могильника сконцентрированы погребения, относящиеся к разным историческим эпохам (от неолита до позднего средневековья) и к разным археологическим культурам. Часть из них хорошо известна по исследованиям в других районах Забайкалья; часть впервые открыта именно на этом могильнике, но уже имеет аналогии в соседних памятниках, а отдельные погребения до сих пор представлены в единственном варианте.

Такое необычное сочетание погребений позволяет представить в целом этнокультурную, миграционную, а отчасти и политическую ситуацию, имевшую место на территории Юго-Восточного Забайкалья

* Работа выполнена при финансовой поддержке мегагранта Министерства образования и науки РФ (14.W03.31.0016).

на протяжении более трех тысячелетий. При этом выводы, сделанные на основе анализа материалов могильника, корректируются и дополняются материалами других приаргунских памятников, в том числе расположенных в ближайшем соседстве. Речь идет, в первую очередь, о группе памятников из окрестностей с. Дурой и о памятниках горы Большая Канга, которых насчитывается более двух десятков. К могильникам, при этом, добавляются жертвенно-поминальные объекты (в том числе погребения-кенотафы) и многочисленные поселения (вплоть до эпохи палеолита). Имеются также одиночные и парные (групповые) погребения, а среди могильников выделяются детские некрополи. Подробное и обстоятельное изучение всех этих памятников дело будущего; мы же пока ограничиваемся краткой характеристикой могильника Большая Канга-1.

Необычным представляется прежде всего место расположения могильника. Он обнаружен в 7 км к востоку от с. Дурой, Приаргунского района Забайкальского края, за двумя Дуройскими озерами, на южном склоне горы Большая Канга, которая выдвинута в пойму р. Аргунь. Могильник занимает один из закрытых уступов указанного склона горы, ограниченного с двух сторон глубокими, изогнутыми лощинами. Уступ имеет языковидную форму, вытянут с юга на север в виде зауженной в центре трапеции, расширен и уплощен в нижней части. Верхняя часть свободно переходит в обычный склон горы, и здесь повсеместно встречаются отдельные погребения, могильники и другие типы памятников. При этом многие из них занимают более удобные площадки, нежели та, на которой располагается могильник Большая Канга-1. Создается впечатление, что люди использовали это место именно потому, что оно закрыто от постороннего взгляда склонами горы и болотистой поймой реки, подходящей к могильнику с юга. Мы склонны объяснять это нестабильностью этнической или политической ситуации в данном регионе, особенно в те моменты, когда совершались захоронения. Именно тогда людям приходилось прятать погребения близких в закрытых местах, маскировать их под скальные выходы или включать в состав чужих могильников. Другое объяснение, связанное с обычным признанием более ранних могил могилами предков, возможно, тоже справедливо, однако материалами других могильников Большой Канги мало подтверждается.

Отметим также, что могильник Большая Канга-1 смещен к восточной половине уступа и большинство погребений сконцентрировано в его нижней части. При этом отдельные погребения примыкают к восточному краю лощины, а некоторые находятся и на другой стороне ее. Всего в могильнике насчитывалось более 65 погребений, но часть их уничтожена старой солдатской траншеей, пересекающей уступ в нижней половине; небольшая часть разрушена бортами лощины, и от них сохранились только отдельные камни верхних перекрытий, разрозненные кости людей и животных, остатки жертвенных очагов и инвентаря. Нами на могильнике вскрыто 59 погребений.

На поверхности все они представлены характерными для каждой эпохи и археологической культуры каменными выкладками, которые, в силу плотной их концентрации, нередко налегают друг на друга. И хотя при этом нарушается целостность более ранних выкладок, но такая необычная концентрация погребений и особенности структурирования их в пределах отдельных групп позволяют даже визуально отмечать их временные различия. По мере же раскрытия погребений количество подтверждающих факторов увеличивается кратно. Это отражается и в особенностях погребального обряда, и в инвентаре, найденном в могилах.

Самые ранние погребения датируются эпохой неолита. Их два, и оба они разрушены склоном лощины. Сохранились отдельные камни верхних перекрытий, разрозненные кости людей (фрагменты черепа, зубы, ребра, позвонки, фаланги рук, плечевая кость руки), размытые пятна охры и зубы животного (возможно, собаки?). Одно из погребений (№ 24), судя по структуре зубов и небольшим размерам найденных костей человека, могло принадлежать ребенку. Именно поэтому в погребение были положены 11 мелких и средних по размерам микропластинок из яшмы и халцедона, но без подработки. Зато в другом погребении (№ 20-а) обнаружены пять подвесок из атрофированных резцов марала, с отверстиями в верхней части, и 19 наконечников стрел «даурского типа», изготовленных из длинных пластин светло-коричневой по цвету яшмы, подработанных мелкой ретушью с вентральной стороны по краям, острию и насаду. Бросается в глаза, что они стандартизированы по форме, размерам и способу ретуширования. Такие наконечники обычно встречаются в материалах ранненеолитических поселений Юго-Восточного

Забайкалья; в погребениях они, как правило, отсутствуют или заменяются наконечниками других форм и типов. Датировка их колеблется в рамках V–IV тыс. до н.э. Наличие их в погребении № 20-а, да еще в таком количестве, несомненно указывает на одну из особенностей неолитических культур Приаргунья в столь раннее время.

Вариативны также погребения эпохи энеолита и бронзы. Как и предыдущие, они пострадали от вторичных врезок позднего времени, но основные черты погребального обряда сохранили. Мы выделяем шесть таких погребений. Пять из них имели сверху плоские каменные выкладки овальной формы, а одно (№ 43-с) прямоугольную. Умершие были похоронены на спине, в вытянутом положении, головой на восток. Наиболее ранним можно считать погребение № 14-а, в котором найдены каменные и костяные изделия, а также фрагменты керамики с отпечатками колотушки. Среди каменных изделий имеется круглый в плане халцедоновый скребок, обработанный мелкой ретушью по всему периметру, две уплощенные подвески из амазонита и пять бронзовых пуговиц, украшенных по краю насечками или спирально-вихревыми завитками. Особенно выделяются четыре костяных наконечника стрел, изготовленных из тонких и длинных ребер мелких животных, с уплощенными черешками и абсолютно маленькими боеголовками треугольной и четырехугольной формы. В Восточном Забайкалье такие наконечники почти не известны, но часто встречаются в памятниках ранней бронзы в Западном Забайкалье и Прибайкалье, датируемых глазковским временем (конец III тыс. до н.э. – XIII в. до н.э.).

В других погребениях эпохи бронзы найдены различные медные и бронзовые украшения, подвески, зубчатые и восьмерковидные накладки на ремни, кольца-браслеты, пуговицы, бусы из камня и ракушечника, поделки из кости, предметы конской сбруи (в том числе роговой псалий с двумя отверстиями в центре). Основная масса изделий типична для памятников эпохи бронзы всего этого региона, в зависимости от хронологической и культурной принадлежности погребений (Дятчина, 2011: 59–66). Но мы бы хотели обратить внимание на погребение № 15-а, относящееся к кругу памятников дворцовой культуры Восточного Забайкалья (XIII–VIII вв. до н.э.). Оно было частично разрушено более поздним впускным захоронением (II–IV вв.), расположенным перпендикулярно первому. Умерший был похоронен на спине, головой на восток, в окружении семи черепов животных (3 лошади и 4 овцы), уложенных на бок или затылочной частью вниз. В погребении найдены: костяной наконечник стрелы с плоским насадом, амазонитовая бусина, концевой скребок на отщепе и две медные зубчатые накладки. До работ на Большой Канге «дворцовские» погребения в этом районе известны не были. Считалось, что они ограничиваются, преимущественно, лесостепными районами Восточного Забайкалья. Открытие погребения дворцовой культуры в Приаргунье лишний раз указывает на значимость характеризуемого могильника для воссоздания историко-культурной ситуации в этом регионе. К тому же на данном памятнике было исследовано и погребение культуры плиточных могил, которое датируется эпохой поздней бронзы–раннего железа (VIII–III вв. до н.э.). В погребении найдена ножка глиняного сосуда-трипода типа «ли». Хронологическая шкала, таким образом, выстраивается по раскопанным погребениям вплоть до хуннского времени.

Хуннское присутствие в этом районе отслеживается не только по многочисленным фрагментам типично хуннской посуды, как ручного, так и гончарного производства, но и по серии различных предметов украшений, включая каменные и бронзовые изделия, относящиеся к поясной и конской гарнитурам. Среди последних имеются поясные бляхи и стилизованные изображения животных, выполненные в типично хуннском, «агрессивном» стиле. Кроме того, на могильнике Большая Канга-1 было обнаружено несколько целых глиняных сосудов, изготовленных из плотно отформованного серого теста. Особенно выделяются два больших вазообразных сосуда, с узкой горловиной, широким туловом и плоским дном, на котором имеются отпечатки гончарных шипов. Поверхность их носит следы вертикальных расчесов, а плечики украшены арочным орнаментом, заключенным между двумя горизонтальными линиями. Они были спрятаны под большую плиту, примыкавшую к нижней части погребения № 3. Жертвенное предназначение этих сосудов очевидно, поскольку само погребение относилось к другой, более поздней, но самой многочисленной на могильнике группе захоронений. Общее количество их превышает цифру 50. В 90-е годы XX в. эти погребения послужили существенной основой для выделения в Приаргунье дуройской археологической культуры. Она датирована исследователями II–IV вв. и связана с монголоязычными племенами сяньби, оставшимися в Юго-Восточном Забайкалье, после ухода основной массы

их на юг (Ковычев, 2006: 255–256). Детальную характеристику памятников данной культуры, открытых и исследованных в могильнике Большая Канга-1, мы представим в отдельной работе; здесь же отметим, что по особенностям погребального обряда и по составу погребального инвентаря указанные погребения мало чем отличаются от погребений могильников Дурой-I, и Дурой-II, расположенных по соседству. Зато кангинские материалы привносят многие важные подробности, которые отсутствуют в дуройских памятниках.

Речь идет, в первую очередь, о фиксации в могильнике Большая Канга-1 различных вариантов захоронения взрослых и детей, способов жертвоприношений (включая использование глиняных сосудов), о находках берестяных колчанов и берестяных туесков (в том числе с изображениями юрт, кибиток, сценок перекочевков – всего того, что характерно для погребений сяньби более раннего времени), бронзовых и золотых украшений (включая пластинчатые гривны), бус, пронизок и т.д. Часть этого материала находит аналогии не только в памятниках ранних сяньби, относящихся к зоргольской культуре (I в. до н.э. – II в.н.э.) (Яремчук, 2011: 67–76), но и в погребениях второй половины I тыс., объединенных в рамках бурхотуйской и дарасунской культур, а также в материальной культуре киданьского и раннемонгольского времени (конец I – нач. II тыс.). Именно это обстоятельство дает нам право говорить о том, что в материалах могильника Большая Канга-1 далекое прошлое Юго-Восточного Забайкалья предстает, как зеркальное отражение происходивших когда-то культурно-исторических, миграционных и этнических процессов.

ЛИТЕРАТУРА

- Дятчина, Н.Г. 2011. История исследования памятников периода перехода от неолита к бронзовому веку в Приаргунье. *Человек и его время*. Чита: 59–66.
- Ковычев, Е.В. 2006. Некоторые вопросы этнической и культурной истории Восточного Забайкалья в конце I тыс. до н.э. – I тыс.н.э. *Известия лаборатории древних технологий*. Вып. 4. Иркутск: 242–258.
- Яремчук, О.А. 2011. Элементы хуннской культуры в памятниках сяньби (на примере могильника Зоргол-I). *Человек и его время*. Сб. мат. Чита: 67–76.

E.V. Kovychev, N.N. Kradin. A.V. Kharinsky

BURIAL GROUND BOLSHAIYA KANGA-1 AND ITS PLACE IN ARCHAEOLOGY OF ARGUN RIVER AREA

The materials a burial ground Bolshaiya Kanga-1 give a general idea about the ethnic, cultural and migration processes that took place in this region in the Neolithic, Bronze Age, Early Iron Age and the Middle Ages. Significant part of these materials was the basis allocating in the area of Duroyskaya culture II–IV centuries, associated with ancient Xianbei. The article gives a generalized description of this burial ground.

Key words: Argun River, mortuary customs, archaeological culture, sacrifice, burials, Xianbei.

БУДДИЗМ В ЧУЙСКОЙ ДОЛИНЕ НА ЮЖНОЙ ГРАНИЦЕ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ: ЭТАПЫ И НАПРАВЛЕНИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ

В.А. Кольченко

*Институт истории и культурного наследия Национальной академии наук
Кыргызской Республики, Кыргызстан, Бишкек*

В статье показывается относительная массовость буддийских памятников Чуйской долины и их некоторая территориальная обособленность. В виде таблицы приведены датировки буддийских объектов, данные им при раскопках, и приводятся аргументы к их пересмотру. Предлагается концепция двух этапов в распространении буддизма в Чуйской долине – китайском (сер.-кон. VII – сер. VIII в.) и северо-индийском (IX–XI вв.).

Ключевые слова: Чуйская долина (Кыргызстан), Средневековье, буддизм, этапы распространения.

Чуйская долина в Средние века в определенном смысле являлась буддийским оазисом в пустыне небуддийских территорий – вокруг нее в радиусе 300–500 км памятники буддизма не известны.

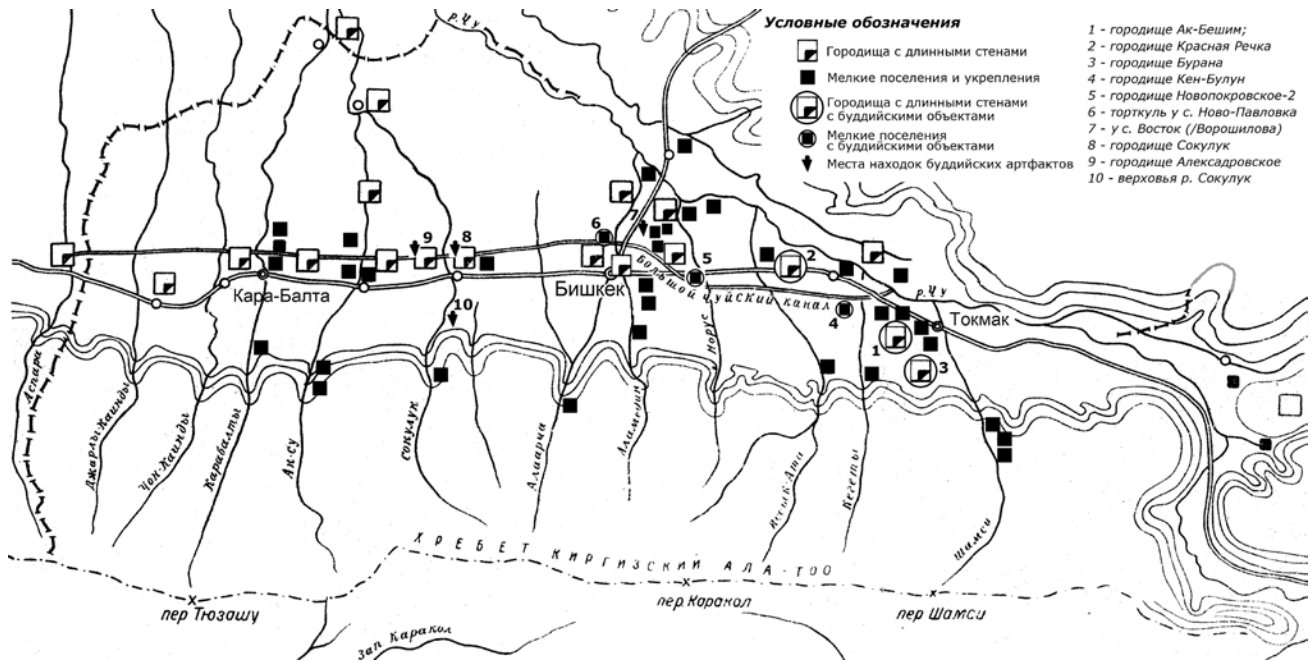
В результате археологических исследований в Чуйской долине были раскопаны или предполагается наличие архитектурных объектов средневекового буддизма на шести городищах. Все они сконцентрированы в восточной и, отчасти, центральной части долины.

Достаточно подробно изучены пять буддийских сооружений на двух городищах: два объекта на Ак-Бешиме – так называемые Первый (АБ-1) (Кызласов, 1959: 160–227) и Второй (АБ-2) (Зяблин, 1961) буддийские храмы; три объекта на Красной Речке – так называемые Первый (КрР-1) (Кожемяко, 1989: 17–21; 1989а: 25–38), Второй (КрР-2) (Кожемяко, 1989: 22–24; 1989а: 38–40; Горячева, Перегудова, 1996: 172–176; Перегудова, 1995) буддийские храмы и храм буддийского монастыря (КрР-3) (Торгоев и др., 2012; 2014). Также имеются неполные данные о двух архитектурных объектах – один на том же Ак-Бешиме (АБ-0) (Бернштам, 1941: 96–99; Чуйская долина, 1950: 19, 29–30, 47–55), а другой – у с. Ново-Павловка на северо-западной окраине современного Бишкека (Бернштам, 1943: 22; Чуйская долина, 1950: 92–93, 131–133). Кроме того, на основании нахождения серий буддийских артефактов предполагается наличие буддийских строений еще на трех городищах Чуйской долины – Бурана, Кен-Булун, Новопокровское-2. Еще в четырех пунктах долины – в верховьях р. Сокулук и близ с. Восток (Ворошиловское), городищах Сокулук и Александровское – известны единичные буддийские находки (рис. 1) (Чуйская долина, 1950: 91, 98, 120–121, 133, табл. LX; Памятники ..., 1983: 62–63; Мкртычев, 2002: 169). Поэтому можно утверждать, что буддизм в средневековой Чуйской долине был значимым культурным явлением и одной из ведущих религиозных систем – стационарных культовых объектов зороастризма/маздаизма, христианства и ислама для Средневековья известно меньше.

Архитектурные буддийские объекты в первичных публикациях получили следующие датировки (см. таблицу).

Одним из основных критериев для ранних дат (VI–VII вв.) объектов АБ-1, АБ-2 и КрР-2 исследователям служили находки тюргешских и тухусских монет на полах и в подстилающих слоях. Начало эмиссии монет тюргешей определяется относительно просто – не ранее нач. VIII в., когда это племя, согласно китайским источникам, становится во главе «десятистрельного народа». С хронологией тухусских монет вопрос не закрыт до настоящего времени. На основании стратиграфического факта нахождения монет тухусов ниже монет тюргешей при раскопках АБ-1 О.И. Смирновой была предложена гипотеза о более ранней дате тухусских монет – VII в. (Смирнова, 1958). Опираясь на эту гипотезу как на факт, были да-

№ п/п	Объект	Годы полевых исследований	Руководитель полевых исследований	Датировка, предложенная первыми исследователями объектов
Буддийские объекты на городище Ак-Бешим				
1	АБ-0	1939–1940	А.Н. Бернштам	XI–XII / IX–X вв.
2	АБ-1	1953–1954	Л.Р. Кызласов	VII–VIII вв.
3	АБ-2	1954–1958	П.Л. Зяблин	С VI–VII в. до кон. VII – нач. VIII в.
Буддийские объекты на городище Красная Речка				
4	КрР-1	1940 1961–1962	А.Н. Бернштам П.Н. Кожемяко	2-я пол. VIII–X в. С 20-х гг. VIII в. до IX в. / X в. / сер. X в.
5	КрР-2	1940 1961–1962 1980–2000-е	А.Н. Бернштам П.Н. Кожемяко В.Д. Горячева	не датировал VII–VIII вв. VII–VIII / IX вв.
6	КрР-3	2010–2015	А.И. Торгоев В.А. Кольченко	С нач. VIII в. до X – нач. XI в.
Предполагаемые на основании находок буддийские объекты на других городищах				
7	Торткуль у с. Ново-Павловка	1941, надзорные работы при сооружении БЧК	А.Н. Бернштам	VIII–X вв.
8	Городище Новопокровское-2	нач. 1960-х гг., комплекс случайных находок		VII–VIII вв. (Горячева, Перегудова) VIII–X вв. (Т.В. Грек)
9	Городище Кен-Булун	2000-е гг., комплекс случайных находок		X–XI вв. (Т.К. Мкртычев)
10	Городище Бурана	нач. 2000-х гг.		?

Карта средневековых городищ Чуйской долины с обозначением памятников с буддийскими объектами (на основе карты: Кожемяко, 1959)

тированы вышеназванные объекты. Однако хорошо известно, что тюркешские монеты, как и тухусские, имели хождение вплоть до перехода на мусульманский монетный стандарт, что произошло в Чуйской долине в X в. Значит, и отмеченная стратиграфия монетных находок на АБ-1 могла быть моложе. К тому же некоторые современные взгляды на время появления тухусских монет, основанные на значительно большей источниковедческой базе, переносят начало их отливки к сер. VIII в., а хождение – до IX–X вв. (Камышев, 2002: 61). Пересмотр гипотезы О.И. Смирновой по тухусским монетам автоматически ведет к пересмотру и датировки трех хорошо исследованных буддийских объектов.

Почти во всех исследованных объектах – АБ-1, АБ-2, КрР-1, КрР-2 и КрР-3 – планировочное решение храмовой части достаточно единое – цела/святилище в обводе коридоров/галерей. Технологические приемы и строительные материалы также близки – стены сооружаются из сырцового кирпича и пахсы с нарезкой на блоки. Толщина стен – 1,3–2,6 м – обусловлена необходимым запасом прочности для несения сводов и куполов из сырцового кирпича.

В свете вышеизложенного мы полагаем, что строительство пяти изученных буддийских объектов (АБ-1, АБ-2, КрР-1, КрР-2 и КрР-3), сооруженных в единой технологической традиции, в связи с пересмотром хронологии нумизматического материала должно датироваться примерно одним временем – началом VIII в.

Особняком стоит частично исследованный объект АБ-0. Его кирпичные стены из сырцового кирпича мелкого формата (24 x 17 x 6 см и 33 x 20 x 7,5 см) с использованием отдельных жженных кирпичей размером 34 x 16,5 x 5,5 см в их основании тонки – от 0,4 до 0,95 м. Строение было перекрыто черепичной кровлей. Планировка, как мы ее понимаем, не подразумевала целы/святилища в обводе коридоров/галерей; скорее мы имеем большой постамент/пьедестал (10 x 3,5 м) для выставления культовой скульптурной композиции с какими-то непонятного назначения конструкциями внутри и узкими «техническими» проходами вдоль боковых стен при отсутствии стены с фасадной стороны (Чуйская долина, 1950: 51–52; Бернштам, 1941: 98; Кольченко, 2016). Предложенная автором раскопок датировка (см. таблицу), на наш взгляд, сильно омоложена. Для определения возраста объекта ключевыми являются два фрагмента каменной стелы и случайно найденная более целая аналогичная стела с изображением реликвария китайского типа (Чуйская долина, 1950: табл. XXIII-2, 3; Табалдиев, 2003), которые по надежно датированным аналогам не известны после 1-й четверти VIII в. (Мкртычев, 2002: 121–123). А это может означать, что и само строение воздвигли не позднее этой даты. Но жженный кирпич в кладке стен, кажется, противоречит такому выводу.

При исследовании всех архитектурных буддийских объектов Чуйской долины исследователи справедливо указывали на аналоги глиняной и каменной скульптуре и настенным росписям в памятниках Китая и Восточного Туркестана (Чуйская долина, 1959: 55; Бернштам, 1952: 169–171; Кызласов, 1959: 193–202; Зяблин, 1961: 50–52). Лишь нахождение в святилище КрР-2 фрагментов надписей чернилами на бересте, выполненных брахми, могут указывать и на иные направления культурных связей и влияний на средневековых буддистов Чуйской долины (Горячева, Перегудова, 1996: 174–176).

Несколько иная ситуация с мелкой бронзовой буддийской пластикой. В сюжетах ажурных бронзовых с позолотой блях из АБ-1 исследователи видят согдийские темы (Кызласов, 1959: 208–209; Маршак, Распопова, 1996: 129; Мкртычев, 2002: 166). Ряд небольших статуэток определяется как китайский импорт или местные редуцированные воспроизведения с китайских образцов; все они датируются по вэйским и танским аналогиям (Мкртычев, 2002: 162–166). Но есть третья группа статуэток с более поздней датой изготовления – от IX до XI в., которая определяется как импорт из княжеств Северной Индии (Мкртычев, 2002: 166–171). Этим же временем (IX–XI вв.) датируется небольшая серия индуистской бронзовой пластики из примерно тех же княжеств Северной Индии.

Из сопоставления изложенных фактов с данными письменных источников можно сделать некоторые выводы, в том числе ранее четко не артикулированные. Во-первых, историю буддизма в Чуйской долине нужно начинать с информации о проезде через нее в 629/630 г. китайского монаха Сюань Цзана, который на некоторое время останавливался в столице западно-тюркского каганата г. Суяб, локализуемого на городище Ак-Бешим. В своих Записках он ничего не говорит о буддизме в Суябе, его окрестностях и долине в целом (Сюань Цзан, 2012: 40). В агиографической биографии пилигрима, написанной учениками Сюань Цзана, сообщается об изложении им основ буддизма перед западно-тюркским Шеху-каганом и его свитой, воспринятом как нечто новое (Тугушева, 1991: 5–7). Из этого следует, что к исходу первой трети VII в. буддизма в Чуйской долине не знали.

На протяжении 2-й пол. VII в. – 1-й пол. VIII в. правители танского Китая, проводя экспансионистскую западную политику, несколько раз захватывали Суяб (источники однозначно говорят об этом для 678, 692, 748 гг.) и периодически включали его в состав своей административной единицы «четыре гарнизона» (Малявкин, 1991: 46–48; Лубо-Лисниченко, 2002). Для закрепления на захваченной территории вокруг Суяба в 679 г. ими была возведена крепостная стена¹ (СТШ, цз. 108 (по: Лубо-Лисниченко, 2002: 117)), а между 692 и 705 гг. по эдикту императрицы У-хоу (У Цзэтянь) о постройке в каждом округе империи посвященных Майтрее храмов Даюнь сооружен буддийский храм² (Forte, 1994). Наличие китайского гарнизона, строительство за государственные танские средства храмов (первоначально, надо полагать, для обслуживания китайских контингента и администрации) способствовали постепенному распространению буддизма и строительству в Суябе (=Ак-Бешиме) и других ближайших к нему городах буддийских храмов, о которых сказано вначале. В этом контексте вполне логичным выглядит факт использования на первом этапе в истории буддизма в Чуйской долине китайских (и восточно-туркестанских) стандартов и образцов в их декоре при использовании местных строительных приемов.

За 50–70 лет периодического китайского присутствия должна была сформироваться сангха из местных адептов. После вынужденного ухода Китая в сер. VIII в. не только из Чуйской долины, но и из Восточного Туркестана его влияние и культурное доминирование, что вполне естественно, резко снижаются. Потребности местной сангхи стали восполняться иными культурными импульсами. Вот и появляются в Чуйской долине изделия из северо-индийских княжеств. Причем с учетом политической ситуации того времени, когда активно исламизировалась вся Средняя Азия и проход через нее для неисламских элементов был закрыт, они могли попадать через восточно-туркестанские Хотан и Кашгар. Оба эти владения, особенно Хотан, имели с Индией устойчивые давние связи – даже их письменность была на основе брахми (Восточный Туркестан..., 1992: 75–76). Хотанский буддизм отчасти выдержал исламизацию Восточного Туркестана в нач. 2-го тысячелетия – после разгрома и осквернения буддийских храмов они восстанавливаются и продолжают функционировать, а в одном из них создается в первой половине XI в. т.н. уйгурская (т.е. тюркская, хаканская!) версия биографии Сюань Цзана (Тугушева, 1991: 24). Возможно, в этот второй этап в истории буддизма в Чуйской долине, потеряв поддержку власти в связи с общей децентрализацией в рамках т.н. карлукского каганата и постепенной исламизацией, буддизм вынужден был сменить форму существования – вместо активного строительства новых храмов и монастырей появляются мобильные служители с переносными алтарями. А старые объекты, сооруженные на первом этапе, доживают свой век и погибают, лишившись притока новых адептов и, вместе с ними, средств к поддержанию строений; происходит это в середине–конце X в.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Этой крепостной стеной нужно считать, по нашему мнению, стену вокруг шахристана-2/киданьского квартала/рабада (названия разных исследователей для одной и той же структурной части городища Ак-Бешим), внутри которой на поверхности и в раскопах встречается черепица китайского типа.

² Суябский храм Даюнь исследователи вслед за Г. Клоусоном отождествляют с объектом АБ-1 (Clauson, 1961; Forte, 1994; Кызласов, 2006: 298–300). Однако частично раскопанный А.Н. Бернштамом буддийский объект АБ-0, с учетом изложенной аргументации по передатировке на основании стелы и его локализации внутри шахристана-2, с большим основанием может претендовать на это.

ЛИТЕРАТУРА

- Бернштам, А.Н. 1941. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе.
 Бернштам, А.Н. 1943. Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала. Фрунзе.
 Восточный Туркестан в древности и раннем Средневековье: Этнос, языки, религии. 1992. М.: Наука, Гл. ред. восточной литературы.
 Горячева, В.Д., Перегудова, С.Я. 1996. Буддийские памятники Киргизии. ВДИ. № 2.
 Зяблин, Л.П. 1961. Второй буддийский храм Ак-Бешимского городища. Фрунзе.
 Камышев, А.М. 2002. Раннесредневековый монетный комплекс Семиречья: История возникновения денежных отношений на территории Кыргызстана. Бишкек.
 Кожемяко, П.Н. 1959. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе.
 Кожемяко, П.Н. 1998. Отчет о полевых археологических работах на Краснореченском городище в 1961 г. *Красная Речка и Бурана*. Фрунзе.
 Кожемяко, П.Н. 1989а. Отчет о раскопках на Краснореченском городище в 1962–1963 гг. *Красная Речка и Бурана*. Фрунзе.
 Кольченко, В.А. 2016. К интерпретации раскопок на городище Ак-Бешим в 1939–1940 гг. *Актуальные проблемы историко-культурного наследия Казахстана: прошлое, настоящее, будущее*. Материалы МНПК к 70-летию проф. Мадияра Елеуова. Ч. 1. Алматы.
 Кызласов, Л.Р. 1959. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953–1954 гг. ТКАЭЭ. М. Т. 2.
 Кызласов, Л.Р. 2006. Городская цивилизация срединной и Северной Азии. М.: Восточная литература.
 Лубо-Лисниченко, Е.И. 2002. Сведения китайских письменных источников о Суябе (городище Ак-Бешим). Суяб–Ак-Бешим. СПб.
 Малявкин, А.Г. 1989. Танские хроники о государствах Центральной Азии. Новосибирск: Наука.
 Маршак, Б.И., Распопова, В.И. 1996. Согдийцы в Семиречье. *Древний и средневековый Кыргызстан*. Бишкек.
 Мкртычев, Т.К. 2002. Буддийское искусство Средней Азии (I–X вв.). М.
 Памятники культуры и искусства Киргизии. 1983. *Каталог выставки*. Л.
 Перегудова, С.Я. 1995. О втором буддийском храме Краснореченского городища (к реконструкции плана святилища). *Из истории и археологии древнего Тянь-Шаня*. Бишкек.
 Смирнова, О.И. 1958. О классификации и легендах тюркешских монет. УЗИВ. Т. 14.
 Сюань-цзан. 2012. Записки о западных странах [эпохи] Великой Тан (Да Тан си юй цзи) / Сюань-цзан; введ., пер. и коммент. Н.В. Александровой. М.: Вост. лит-ра.
 Табалдиев, К.Ш. 2003. Буддийская плита из Ак-Бешима. *Буддизм и христианство в культурном наследии Центральной Азии*. Бишкек.
 Торгоев, А.И., Кий Е.А., Кольченко, В.А., Викторова, О.С., Казимирова, Р.А., Кулиш, А. 2012. Новый буддийский памятник в Чуйской долине (Северная Киргизия). СГЭ. СПб. LXX.
 Торгоев, А.И., Кольченко, В.А., Кий, Е.А., Кулиш, А.В. 2014. Буддийский монастырь городища Красная Речка (некоторые итоги работ 2010–2013 гг.). *Древние цивилизации Средней Азии*. М.
 Тугушева, Л.Ю. 1991. Уйгурская версия биографии Сюань-Цзана. М.: Главная редакция вост. лит-ры.
 Чуйская долина. 1950. Труды Семиреченской археологической экспедиции. М.; Л. (МИА № 14).
 Clauson, G. 1961. Ak-Beshim–Suyab. *JRAS*. Vol. 93.
 Forte, A. 1994. An Ancient Chinese Monastery excavation in Kirgiziya. *CAJ*. Vol. 38, N 1.

V.A. Kolchenko

BUDDHISM IN THE CHUI VALLEY ON THE SOUTHERN BORDER OF THE EURASIAN STEPPES IN THE MIDDLE AGE: STAGES AND DIRECTIONS OF DISTRIBUTION

The paper shows the relative mass of the Buddhist sites in the Chui valley and some of their territorial isolation. The datings of Buddhist objects obtained during the excavations and arguments to review them are given in the form of table. The concept of two following stages of spreading of Buddhism in the Chui valley are suggested: Chinese (mid – end of VII – mid VIII centuries) and North-Indian (IX – XI centuries).

Key words: Chui Valley (Kyrgyzstan), the Middle Ages, Buddhism, distribution stages.

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КОНДУЙСКОГО ГОРОДКА*

Н.Н. Крадин¹, С.Е. Бакшеева¹, Е.В. Ковычев², С.Д. Прокопец¹

¹Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток;

²Забайкальский государственный университет, Чита

В полевых сезонах 2015–2016 гг. проводились исследования на территории Кондуйского городка – средневекового дворцового комплекса времени Монгольской империи на территории Забайкалья. В результате исследования раскопан летний павильон, расположенный на платформе. Основания стен выложены из кирпича, в основаниях стен установлены каменные базы (основания колонн). Крыша постройки была покрыта черепицей. Конек и карнизы кровли украшены керамическими скульптурами, вход с кирпичным пандусом располагался с южной стороны. Согласно радиоуглеродному анализу памятник датируется первой половиной XIII в.

Ключевые слова: археология, монголы, кочевая империя, Чингис-хан, дворец, архитектура, черепица.

Кондуйский городок находится в юго-восточной части Забайкальского края, в Борзинском районе, примерно в 7 км к югу от села Кондуй, в долинах рек Кондуй и Барун-Кондуй, которые являются притоками р. Урулюнгуй, впадающей в Аргунь. Примерно в 60 км на юго-восток находятся Хирхириновское городище и другие памятники монгольского времени (могильник Окошки и усадьба Алестуй). Кондуйский городок является памятником истории федерального значения. Площадь территории объекта культурного наследия согласно данным 2013 г. составила около 120 га, линейные размеры памятника 1400 x 900 м (рис. 1).

Памятник представляет собой остатки дворцового комплекса и синхронной ему периферии монгольского времени. Он состоит из главного дворцового здания, расположенного в центре, окружавших его конструкций (ворота, павильоны и др.), а также находящихся поблизости других построек (жилые здания, вспомогательные помещения, печи для обжига строительных материалов и т.д.). Дворец и другие здания с колоннами были возведены на платформах; при их строительстве использовались каменные базы-опоры, кирпичи, полы были выложены керамическими плитами, кровля покрывалась черепицей, коньки украшены кровельной скульптурой. Керамические материалы покрыты разноцветной глазурью (Киселев, 1965).

Дворцовый комплекс был построен в синкретичной монгольско-китайской традиции. При первом рассмотрении такие элементы, как симметричное, строгое размещение объектов по оси север–юг, распо-

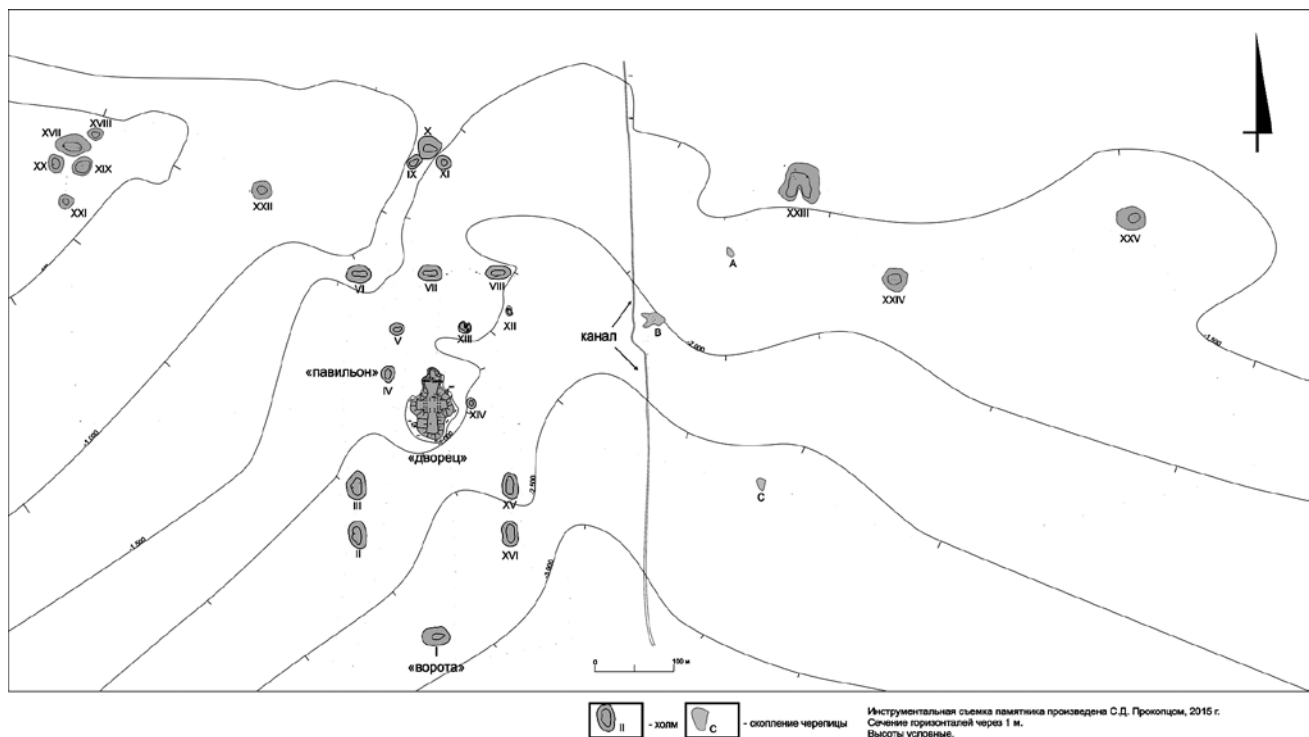

Рис. 1. План Кондуйского городка

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ № 14-18-01165 «Города средневековых империй Дальнего Востока».

ложение в центре ансамбля дворца и др., свидетельствуют о китайской архитектурной традиции. Однако строгое соблюдение принципа расположения всех вспомогательных построек к северу от главного места и открытый вид на юг (монг. хурээ) свидетельствуют о степных традициях организации пространства (Лбова, Васильева, 1992: 145–146).

В начале XIX в. строительные материалы городка – кирпичи, гранитные основания драконов и базы были использованы русскими казаками и крестьянами под фундаменты домов села Кондуй, а также строительства в 1806 г. церкви Рождества Пресвятой Богородицы и Св. Мучеников Кирика и Улиты (Н.П. Крадин, Н.Н. Крадин, 2016). Кроме этого материалы вывозились в агинские степи для возведения Цугольского дацана в 1801 г. (Кузнецов, 1925: 22).

Исследования памятника имеют длительную, более чем двухвековую историю. Впервые городок упомянут в 1818 г. в «Сибирском вестнике» Г. Спасским. Однако еще в 1798 г. П.К. Фроловым был выполнен первый план древних строений Кондуя. Огромную роль в изучении городка сыграли русские горные инженеры XVIII–XIX в. – П.К. Фролов, А. Таскин, А. Павлуцкий. Сделанные ими планы и описания содержат важную информацию и дают возможность выполнить мониторинг изменений состояния остатков городка, позволяют произвести более полную его реконструкцию (Уманский, 1962: 114–117; Павлуцкий 1867: 489–491; Таскин, рукопись; Киселев, 1965: 325–328). Многие особенности памятника в настоящий момент уже не фиксируются: они разрушены природными факторами и хозяйственной деятельностью населения.

В начале 60-х годов XIX в. небольшие раскопки на памятнике производил А. Павлуцкий, после него в 1889 г. А.К. Кузнецов (Кузнецов, 1925). Последний дал очень подробное описание, составил план, собрал подъемный материал, траншеями исследовал несколько построек: центральное здание, южные ворота и проч. Центральный дворец, южные ворота и северо-западная беседка были исследованы в советское время экспедицией под руководством С.В. Киселева в 1957–1958 гг. (Киселев, 1965: 324–369). Были заложены раскопы общей площадью 2,5 тыс. м². в разных частях памятника, снят глазомерный план. По мнению исследователя, дворцовый комплекс был построен в китайском стиле. Вокруг центрального здания располагался парк с флигелями, беседками и даже бассейном, который заполнялся водой.

К сожалению, во второй половине XX века весь комплекс неоднократно распахивался. В 2002 г. памятник посетил А.Р. Артемьев и собрал там подъемный материал (Артемьев, 2005: 16). Впервые нашей экспедицией городок был обследован в сентябре 2008 г. Затем в 2011–2012 гг. проводились работы по уточнению плана памятника и изучению окружи. В частности, были обследованы места двух каменоломен. В 2015 г. была произведена подробная инструментальная съемка и начаты раскопки северо-западного павильона дворцового комплекса, который на плане был обозначен как здание № VI. Раскопки проводились в течение двух полевых сезонов в 2015–2016 гг.

Размеры холма (местные жители называют их бутанами) до раскопок составляли 36 x 20 м. Здание было вытянуто длинной стороной по линии запад–восток. Оно было расположено на искусственной платформе и имело прямоугольную форму. Общая вскрытая площадь раскопа в двух полевых сезонах составила 465 м².

По периметру здания располагалась внешняя кирпичная стенка, которая, вероятно, предотвращала расползание насыпной платформы. Высота стенки не менее 23–25 см в 4–5 кирпичей. Расстояние между этой стенкой и стеной здания примерно 60 см. Пространство забутовано камнями, обломками кирпичей и землей. Далее находилась стена здания. Можно предположить, то основные стены были сделаны из дерева, а основания – из кирпичей и камней. Основание стен здания были выполнены в два ряда кирпичей и забутованного землей, обломками кирпичей и камнями пространства между ними. Общая ширина стены составляет около 80 см. Высота основания стены в три-четыре кирпича. Размер длинной стороны здания (по линии запад–восток) по внешней стороне постройки около 23 м. Короткая сторона здания (по линии север–юг) до 9 м.

Внутри основания стены и на углах постройки располагались каменные базы колонн квадратной формы неодинаковых размеров. Самая маленькая база 46 x 46 см, толщиной около 10–12 см (кв. F'6,7), большая – 56,5 x 65 (кв. B'13/14). Две из баз имели квадратные отверстия в центре размером 9,5 x 9,5 см. Базы располагались на стандартном расстоянии друг от друга в среднем – 3–3,5 м. В восточной части постройки расстояние между каменными базами составляло 4,5 м.

Во время разборки внутренней части постройки на уровне пола найдено большое количество дерева, вероятно, фрагментов от деревянных колонн. Согласно предварительному анализу, колонны делались

из сосны. Пол в здании был выложен кирпичом квадратной и прямоугольной формы. Использовались два различных варианта выкладки пола. Внутри помещения каменные базы обнаружены не были, однако кирпичный пол не был однородным и ровным: в нескольких местах располагались углубления, где кирпичей не было. Возможно, они были выбраны в период разграбления памятника для использования при строительстве Кондуйской церкви и Цугольского дацана.

Вход в здание располагался с южной стороны и был оформлен в виде пандуса (рис. 2). Пандус находится посередине длинной южной стены постройки. В плане сверху пандус выглядел как равнобедренная трапеция. Его размеры следующие: широкое основание трапеции, примыкающее к зданию – 3,70 м, узкое основание трапеции (вход на пандус) – 1,95 м, боковые стороны трапеции (боковые грани по уровню погребенной дневной поверхности) – 2,54 м, боковые грани пандуса – 2,27 м. Боковые грани и грани оснований были оформлены стоящими на ребре кирпичами в один или два ряда. Угол подъема пандуса 13,5 градуса. Высота пандуса от уровня древней поверхности – 0,55 м. Поверхность пандуса, как и пол в здании, был выложен кирпичом в 12 рядов, если смотреть с севера на юг. Кирпичи, которым был облицован пандус, сильно разрушены, в сравнении с кирпичами боковых граней. Это свидетельство того, что поверхность пандуса подвергалась интенсивной нагрузке. Подобной нагрузке подвергались пандусы дворцового здания (Киселев, 1965: 338, рис. 179).

Крыша дворца в основном была покрыта простой сероглиняной черепицей. Любопытно, что кровля вдоль северной стены, над пандусом имела украшение в виде черепицы с отливами. Декор на их поверхности двух типов. Кроме черепицы, конек крыши постройки украшали керамические кровельные скульптуры драконообразных существ. Находки ее очень фрагментарны, они покрыты глазурями зеленого, желтого и белого цвета. Надо напомнить, что помимо уничтожения памятника строительными работами в начале XIX в., на протяжении многих лет приезжающие сюда туристы и местные жители вынесли огромное количество подъемного материала и, в первую очередь, глазури и фрагментов украшений.

Нами было найдено несколько фрагментов черепицы, покрытой зеленой и желтой глазурью, три незначительных по своим размерам фрагмента концевых дисков, а также узких черепиц, образывавших конек и скаты кровли. Глазури, покрывавшие кровельные изделия, сохранились неплохо, предположительно, они свинцовые; полупрозрачные, имеют блеск и прочно держатся на черепке.

Кирпичи и половые плиты имели стандартные размеры и форму, причем они соответствовали размерам целой и археологически целой черепицы: длина кирпича 31–34 см, ширина 14,8–17 см, толщина 4,8–5,5 см. Плиты квадратной формы, размером 30–32 см, толщиной 5–5,5 см. Некоторые из кирпичей имели потеки зеленой глазури на поверхности. Черепица закреплялась в кровле с помощью очень толстого слоя очень густого известкового раствора, который до сих пор хорошо сохранился на некоторых изделиях, и имеет такую плотную консистенцию, что его невозможно снять. Иногда в раствор подмешивалось некоторое количество травы.

Рис. 2. Кондуйский городок. Северо-западный павильон. Зачистка по уровню пола. Вид с юга

Находки, обнаруженные внутри здания, очень немногочисленны. Это несколько железных гвоздей, каменное точило, две игральные фишки из черепицы и галечника, фрагменты бронзовой обкладки и фольги (?), а также небольшие фрагменты фарфоровых и фаянсовых сосудов, кости животных. Интересно, что кости молодого ягненка были найдены в основании стены. Кроме этого в переотложенном состоянии найдена серия интересных каменных изделий. Собранные материалы (кости, дерево, уголь) были отобраны и переданы для определений специалистам естественно-научных методов.

Таким образом, строительные материалы (кирпичи, черепица, каменные базы) в целом аналогичны найденным на центральном дворце, с учетом того что дворец был масштабнее и лучше украшен. Поскольку следов отопительной системы обнаружено не было, можно предположить, что постройка являлась летним павильоном.

Как писали дореволюционные исследователи (Кузнецов, 1925: 36), камень для изготовления гранитных баз добывали неподалеку. В 2012 г. нами было обследовано предполагаемое место каменоломни в 16 км к северо-востоку в пади Могойтуй. Это крутой каньон правого берега р. Могойтуй, где расположено много выходов гранита. Также была обследована каменоломня в районе горы Эке-Булаг в пади Барун-Нарын, которая находится на расстоянии 31 км к юго-западу от Кондуйского городка. Здесь также много выходов гранита.

Удалось зафиксировать технологию изготовления плит. В подходящие куски гранита на расстоянии 6–8 см друг от друга бились углубления прямоугольной формы длиной 4–5 см и шириной 1–2 см. В результате получалось линия предполагаемого разлома, похожая на пунктир. Далее, видимо туда вбивались клинья. Похожая технология была зафиксирована в каменоломнях около Каракорума – столицы монгольской империи (Vemmann et al., 2011: 127).

Кроме этого в 2012 г. нами был обнаружен памятник, относящийся непосредственно к Кондуйскому городку. В 3,5 км к востоку от с. Кондуй к краю от дороги, ведущей в с. Ковыли зафиксированы остатки в общей сложности 11 возвышенностей разной формы, предположительно, печей для обжига керамических строительных материалов. Памятник, к сожалению, отчасти разрушен проселочными дорогами, ирригационными сооружениями и проложенным кабелем. На вновь открытом памятнике археологии был собран богатый подъемный материал, представленный в основном, обломками глазурованных керамических строительных материалов – кирпича и кровельной черепицы, фрагментов облицовочных плит и кровельной скульптуры. В юго-западной части памятника имеется участок, на котором собраны остатки шлаков. Одна из предполагаемых печей разрушена, вокруг лежало большое количество кирпича, покрытого зеленой глазурью. Еще одна имела вид подковы. Кроме этого в северо-западной части памятника

были зачищены остатки стены в виде обнажившихся двух рядов кирпича, длиной около 1,6 м.

По всей видимости, здесь располагалась мастерская по обжигу керамических строительных материалов. Керамика покрыта глазурью зеленого и желтого цветов и полностью аналогична находкам из Кондуйского городка. Вероятно, здесь производились необходимые строительные материалы для возведения дворцового комплекса.

Из материалов наших раскопок 2015 г. были получены калиброванные радиоуглеродные даты, которые позволили уточнить хронологию памятника (рис. 3).

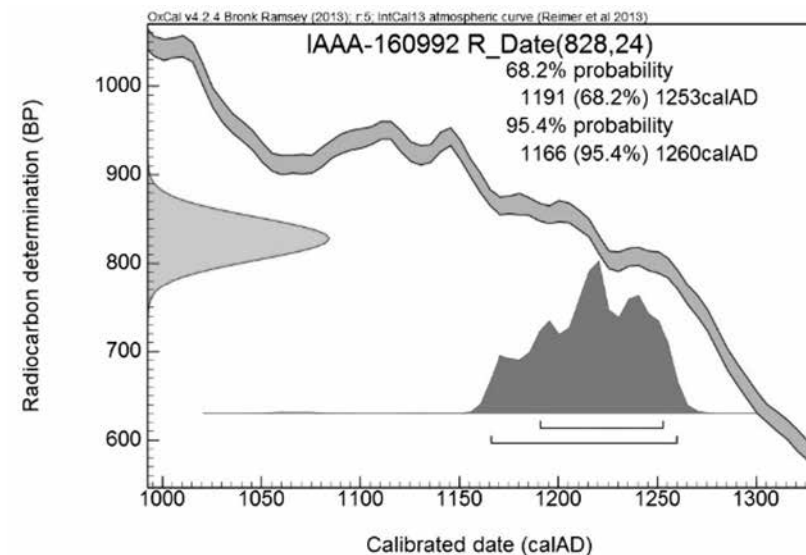

Рис. 3

Согласно этим данным, памятник датируется по первой сигме 1191–1253 гг. (1σ 68,2%) и по второй сигме 1166–1260 гг. (2σ 95,4%). Таким образом, время строительства дворца приходится на период расцвета империи Чингис-хана и время правления в монгольской исторической прародине Хасара и его наследников хасаридов.

Мы выражаем искреннюю благодарность за помощь в радиоуглеродном датировании проф. Н. Сираиси (университет Ниигата).

ЛИТЕРАТУРА

- Артемьев, А.Р. 2005. Новые исследования древнемонгольских городов Восточного Забайкалья. *Вестник ДВО РАН*. № 2: 3–18.
- Киселев, С.В. (ред.). 1965. Древнемонгольские города. М.: Наука.
- Крадин, Н.П., Крадин, Н.Н. 2016. Кондуйские древности. *Вопросы истории*. № 12: 133–138.
- Кузнецов, А.К. 1925. *Развалины Кондуйского городка и его окрестности*. Владивосток: Книжное дело.
- Лбова, Л.В., Васильева И.Г. 1992. К вопросу о развитии принципов планировочной структуры древнемонгольских городов. *Археологические памятники эпохи Средневековья в Бурятии и Монголии*. Отв. ред. П.Б. Коновалов. Новосибирск: 145–160.
- Таскин, А. Донесение по осмотру древних развалин с представлением медной монеты с монгольской надписью и рисунка кондуйским развалинам (Государственный архив Забайкальского края. Ф. 31. Оп. 1. Д. 867).
- Павлуцкий, А. 1867. Краткое описание так называемых чудских древностей, имеющих вблизи кличкинского серебро-свинцового рудника, с указанием нахождения их и в других местах нерчинского горного округа. *Записки Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества*. Кн. IX и X. Ред Н.И. Калинин. Иркутск: Типография Окружного штаба: 475–507.
- Уманский, А.П. 1962. О судьбе собраний П.К. Фролова. *Алтай: литературно-художественный и общественно-политический альманах*. Барнаул: Алтайская правда: 114–117.
- Bermann, J., Höllmann, T., Ahrens, B., Kaiser, T. and shing Müller, S. 2011. A Stone Quarry in the Hinterland of Karakorum, Mongolia, with Evidence of Chinese Stonemasons. *Journal of Inner Asian Art and Archaeology*. Vol. 6, 6: 101–136.
- N.N. Kradin, S.V. Baksheeva, E.V. Kovychev, S.D. Prokopets
NEW STUDIES OF KONDUI TOWN

In the seasons of 2015–2016, the excavation were realized out on the territory of the Kondui site – unique palace of Mongolian empire from Russian Transbaikalia. There was studied a summer pavilion located on a platform. The walls are made of two lines bricks. The stone bases of columns were placed between walls lines. The roof of the building was covered with tiles. The ridge and end of the roof are decorated with ceramic sculpture. The entrance of the building was located on the south side and was made of the brick ramp. The results of pavilion calibrate dated by C14 is 1191calAD – 1253calAD (1σ 68.2 %) and 1166calAD – 1260calAD (2σ 95.4 %).

Key words: archaeology, Mongols, nomadic empire, Chinggis Khan, palace, architecture, roof.

РЕТРОСПЕКТИВА ИССЛЕДОВАНИЙ Л.Л. ГАЛКИНА НА СТЕКЛОДЕЛАТЕЛЬНОЙ МАСТЕРСКОЙ СЕЛИТРЕННОГО ГОРОДИЩА

Д.О. Кутузова¹, Е.Е. Воробьева²

¹*Учебно-научный археолого-этнологический центр МарГУ, Йошкар-Ола;*

²*Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, Казань*

С 1959 г. по настоящее время идет археологическое изучение одного из крупнейших и уникальных историко-культурных объектов Российской Федерации – Селитренного городища (города Сарай аль-Махруса, столицы Улуса Джучи). За время археологического изучения золотоордынского города было исследовано более 45000 м², на которых обнаружены жилые кварталы, ремесленные мастерские преимущественно с различными предметами из стекла. Данный артефакт привлек внимание исследователей, в результате чего было опубликовано ряд статей. Среди них работы Л.Л. Галкина, Н.Н. Бусятской, Ю.Л. Шаповой и др. В данной статье на основе ретроспективы проводится анализ исследований стеклоделательной мастерской Селитренного городища в 1965–1969 гг. и в 2016 г.

Ключевые слова: Селитренное городище, Сарай аль-Махруса, Астраханская область, Харабалинский район, ретроспективный метод, стеклоделательная мастерская, Л.Л. Галкин, бусы.

Селитренное городище (город Сарай аль-Махруса – столица Улуса Джучи (Золотая Орда)) расположено на берегу р. Ахтуба в Харабалинском районе Астраханской области. Селитренное городище является памятником археологии федерального значения и по праву считается одним из крупнейших археологических объектов Российской Федерации. С 1959 г. (Пигарев, 2015: 23) и по настоящее

время Селитренное городище исследуется Поволжской археологической экспедицией (далее ПАЭ) ИА РАН, ИА АН РТ и экспедицией МарГУ, руководство которой осуществлялось в разное время А.П. Смирновым (1958–1972 гг.), Г.А. Федоровым-Давыдовым (1973–1981 гг.), В.В. Дворниченко (1982–2000 гг.), Ю.А. Зеленевым (с 2000 г.) (Дворниченко, Егоров, Зеленева, 2002: 72). За годы изучения золотоордынской столицы учеными было раскопано свыше 45000 м² территории города (Пигарев, 2015: 27–46). При исследовании Селитренного городища в 1965–1969 гг. было обнаружено большое количество находок из стекла – бусы, браслеты, перстни, отходы производства. В 1967 г. отрядом ПАЭ АН СССР под руководством Л.Л. Галкина (Бусятская, 1973: 217) на северном склоне бугра Кучегуры данного городища была обнаружена стеклоделательная мастерская золотоордынского времени. В ходе исследований данного объекта было выяснено, что в мастерской изготавливались браслеты, перстни и бусы. Исследователем были зафиксированы остатки технологических объектов (стекловывудных печей) и большое количество изделий, их фрагментов и заготовок (Галкин, 1967: 246). Это послужило основанием для Н.Н. Бусятской специального изучения стеклянных бус из стеклоделательной мастерской Селитренного городища. Итогом целенаправленного изучения бус стала статья «Стеклянные бусы Селитренного городища» (Бусятская, 1973), в которой исследователь приводит морфо-технологическую классификацию и создает собственную типологию бус с привлечением широкого круга аналогий.

Изучением непосредственно самой мастерской занимался Л.Л. Галкин. Остатки производственных сооружений он разделяет на два типа, условно называя их «поды печей» и «поды горнов» (Галкин, 1984: 213). Доказательством того, что это были печи и горны стеклоделательной мастерской является то, что в них были зафиксированы стеклянные перстни, браслеты, бусы и заготовки для бус. При описании бус Л.Л. Галкин использовал классификацию Н.Н. Бусятской, основанную на технологии изготовления. Не останавливаясь подробно на классификации бус, Л.Л. Галкин лишь дополняет схему Н.Н. Бусятской и отмечает те технологические приемы в изготовлении бус, которые можно восстановить при знакомстве с браком мастерской (Галкин, 1984: 216). В отличие от Н.Н. Бусятской, которая включает медальоны в классификацию бус (Подразряд Д, Отдел II) Л.Л. Галкин выводит их в отдельную категорию украшений – медальоны (Галкин, 1984: 217). Аналогичным образом были рассмотрены и следующие украшения из стекла – перстни, вставки для перстней, браслеты.

Изучением химического состава стекла, из которого были изготовлены бусы, занималась Ю.Л. Щапова. Исследователь относит стекло из мастерской к двум классам стекла, известным в древности. Отличительной особенностью стекла, по мнению Ю.Л. Щаповой, являлось невысокое содержание щелочных земель (Щапова, 1984: 222). При этом Ю.Л. Щапова отмечает и низкое качество получаемого стекла – наличие в нем не растворившегося сырья, пузырьков и т.д. По мнению Ю.Л. Щаповой, мастера слабо владели техникой изготовления украшений из стекла. Это наводит исследователя на мысль о том, что специализация мастеров Сарай аль-Махруса была иной (Щапова, 1984: 224). Аналогии стекол из мастерской Селитренного городища по химическому составу Ю.Л. Щапова находит на глазурях керамики Средней Азии (Щапова, 1984: 223).

В 2016 г. в ходе осмотра территории Селитренного городища на отвалах раскопа IV-1967 г. был собран подъемный материал – шлак стекла, фрагменты браслетов и колец, заготовки для бус и их глазков, целые бусы. При создании типологии бус с отвалов раскопа IV-1967 г. учитывались морфо-технологические признаки. На основе технологии изготовления стеклянные бусы разделены на группы, обозначенные римскими цифрами. Все бусы, собранные с отвалов раскопа IV-1967 г. Селитренного городища, относятся к группе навитых бус IV – технологическая группа по З.А. Львовой (Львова, 2008). При описании учитывались такие морфологические признаки, как наличие или отсутствие декора, форма поперечного сечения (отдел) и продольного (тип), цвет. Бусы визуально разделены на бусы и бисер. Общее количество бус, поднятых с отвала раскопа IV-1967 г. – 117 экз. Группа IV подразделяется на две подгруппы: подгруппа А – бусы без декора (общее количество 104 экз.) и подгруппа Б – бусы с декором (общее количество 13 экз.). Рассмотрим более подробно каждую подгруппу.

Подгруппа А – бусы без декора, общее количество 104 экз., что составляет 88 % от 117 экз. В данной подгруппе условно можно выделить бисер и бусы. Бисер составляет 81 экз. – 77,9 % от 104 экз.

Из них: целых – 54 экз., 27 экз. – фрагменты. Отдел (поперечное сечение) – округлые, диаметр 0,4 см. Цвет – черный, голубой, белый, желтый, зеленый, оранжевый. Бусы – 23 экз. (22,1 % от 104 экз.), из них: целых – 13 экз., 10 экз. – фрагменты. Отдел (поперечное сечение) – округлые, граненые; тип (продольное сечение) – бочонковидная, зонная, шаровидная, цилиндрическая; диаметр 0,3–1,5 см. Цвет – желтый, голубой, черный, оранжевый, фиолетовый.

Подгруппа Б – бусы с декором, общее количество 13 экз., что составляет 12 % от 117 экз. Среди них четко выделяются глазчатые бусы – 10 экз., из которых: целых – 1 экз., 9 экз. – фрагменты, что затрудняет классификацию. Декор – с реснитчатыми глазками, цвет основы – желтый и голубой; реснички – коричнево-белые, у двух бусин реснички коричнево-белые с зеленой серединкой. Средний диаметр 0,8 см. Отдел (поперечное сечение) – округлые, тип (продольное сечение) – бочонковидные. Бусы с одноцветными белыми глазками, цвет основы черный – 1 экз. Диаметр бусины 1 см. Отдел (поперечное сечение) – овал, тип (продольное сечение) – эллипсоидная. Бусина с накладным орнаментом (желтая полоска), цвет основы черный – 1 экз. Бусина фрагментированная, что затрудняет определение поперечного сечения, тип (продольное сечение) – шаровидная. Диаметр бусины 1,0 см. Бусина декорирована белой зигзагообразной линией, цвет основы черный – 1 экз. Форма бусины неопределенная, диаметр 0,5 см.

Таким образом, проведенные в 2016 г. исследования и полученный в их результате материал дают нам возможность продолжить изучение стеклоделательной мастерской, обнаруженной в 1967 г., с применением современных научных методов. Эти работы помогут определить уровень развития сложного технологического процесса – стеклодельного мастерства в золотоордынской столице.

Также следует отметить, что в процессе визуального обследования территории, изучения научного отчета Л.Л. Галкина (Галкин, 1967) было выяснено, что в 1967 г. исследовалась только незначительная часть стеклоделательной мастерской. Расширение площади раскопа на этой территории и привлечение современных методов исследования может дать возможность не только получить более качественную информацию о применяемых технологиях производства изделий из стекла в золотоордынской столице, но и сделать сравнительный анализ с предметами импортного производства.

ЛИТЕРАТУРА

- Пигарев, Е.М. 2015. Гончарное производство золотоордынского города Сарай (Селитренное городище). Йошкар-Ола.: Мар. гос. ун-т.
- Бусятская, Н.Н. 1973. Бусы Селитренного городища. *Советская археология*. № 1: 217–224.
- Галкин, Л.Л. 1984. Стеклодельная мастерская на городище Селитренное. *Советская археология*. № 2: 213–222.
- Дворниченко, В.В., Егоров, В.Л., Зеленева, Ю.А. 2002. Поволжская археологическая экспедиция: история создания, организация и основные результаты исследований. *Поволжье и сопредельные территории в средние века*. Труды ГИМ. Вып. 135: 71–77.
- Шапова, Ю.Л. 1984. Химико-технологическое изучение стекол из мастерской на городище Селитренное. *Советская археология*. № 2: 222–225.
- Львова, З.А. Стекланные бусы Старой Ладоги как исторический источник. 2008. http://chernov-trezin.narod.ru/ZLATA_LVOVA.htm (дата обращения: 20.01.2017).

D.O. Kutuzova, E.E. Vorobyeva

RETROSPECTIVE OF L.L. GALKIN INVESTIGATIONS AT THE GLASS WORKSHOP IN SELITRENNOYE ANCIENT TOWN

From 1959 to the present, is the archaeological study of one of the largest and unique historical and cultural objects of the Russian Federation – Selitrennoe city-site (Saray al-Mahrous city, the capital of the Ulus of Jochi). During the archaeological study of the Golden Horde city has been studied more than 45000 square meters, where were found residential neighborhoods, craftsmanship, mostly it are various items of glass. This artifact has attracted the attention of researchers, the result of which was published a number of articles. Among them are works by L.L. Galkina, N.N. Bosityatsky, J.L. Shapova and etc. This article analyzes research glasswork Selitrennoe city-site in 1965–1969 years and 2016 year on the basis of the retrospective method.

Key words: Selitrennoe city-site, Saray al-Mahrous city, Astrakhan region, Kharabali district, retrospective method, glasswork, L.L. Galkin, beads.

THE SPREAD OF BARLEY (*HORDEUM VULGARE*) INTO NORTHERN JAPAN AND ITS ROLE IN THE HUNTER-GATHERER ECONOMY OF THE HOKKAIDO OKHOTSK CULTURE (5th–10th CENTURY AD)*

C. Leipe¹, E.A. Sergusheva², S. Müller³, R.N. Spengler III⁴, T. Goslar⁵, H. Kato⁶, M. Wagner⁷,
A.W. Weber⁸, P.E. Tarasov¹

¹Freie Universität Berlin, Berlin, Germany; ²Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia; ³Freie Universität Berlin; Germany & German Archaeological Institute, Berlin, Germany; ⁴New York University, New York, USA; ⁵Adam Mickiewicz University, Poznan, Poland & Poznan Radiocarbon Laboratory, Poznan, Poland; ⁶Hokkaido University, Sapporo, Japan; ⁷German Archaeological Institute, Berlin, Germany; ⁸University of Alberta, Edmonton, Canada & Aix-Marseille Université, Aix-en-Provence, France

Archaeobotanical analysis at the Hamanaka 2 archaeological site (Rebun Island, Hokkaido Prefecture) provides a new record of naked barley and its possible use in the economy of the Okhotsk culture of northern Japan during 5–10th century AD. Numerous barley grains dated with the AMS radiocarbon method suggest that the Okhotsk communities of northern Japan, traditionally viewed as pure hunter-fisher-gatherers, likely developed a more complex economy with elements of agriculture. Morphological characteristics of the barley seeds from Rebun Island and comparative analysis results further suggest that the appearance of naked barley (*Hordeum vulgare* var. *nudum*) in the northern Hokkaido region is closely connected with the RFE region, while hulled barley variety, associated with Satsumon culture sites of southern Hokkaido, was likely propagated by cultural influence from central and southern Japan.

Key words: Archaeobotanical analysis, spread of barley, Okhotsk culture, hunter-gatherers, agriculture, Hokkaido, Russian Far East, 1st Millennium AD.

Besides studying the timing and locations of crop domestication, two of the most important themes in the archaeobotanical sciences have been (1) how cereals spread into different regions of the world and (2) how prehistoric cultures switched to productive economies, i.e., moved from foraging to farming. Researchers are reconstructing the dispersal of barley and other crops of the Southwest Asian agricultural package out of their ‘core area’. In addition to rapidly dominating the economy of peoples in Neolithic Europe, this crop spread eastward across the Asian mainland reaching its eastern end i.e. the Korean Peninsula and the Primorye Region in the Russian Far East (RFE) around 1500 cal yr BC (Kim, 2013: 518) and after 400 cal yr BC (Sergusheva, Vostretsov, 2009: 214), respectively. The only archaeobotanical data we have for its spread into the northwest Pacific islands comes from the Japanese archipelago, with no studies thus far conducted in Sakhalin and the Kurils (Kuzmin, Rakov, 2011: 105). In Japan, intensive and widespread cultivation of barley, as well as rice and wheat does not appear to have been present prior to the Initial Yayoi period on Kyushu ca. 1000–900 cal yr BC and around 100 cal yr BC on north-eastern Honshu (Habu, 2014: 736). Thus, the Jomon/Yayoi transition in central and southern Japan marks the switch from an economy dominated by foraging to one based on agricultural production. In contrast, local Jomon populations of Hokkaido continued a foraging lifestyle (D’Andrea, 1995: 583) until the middle of the 1st millennium AD when they were replaced by Okhotsk cultural communities in the north and by Satsumon cultural communities in the central and the southern parts of the island (Hudson, 2007: 14). Both of the latter cultures are commonly identified as hunter–fisher–gatherers (Weber et al., 2013: 7–8); however, their archaeological remains show evidence for the use of metals and the cultivation of crops (Crawford, 2011: 338–339). The extent of their productive economy has not been fully studied.

The archaeobotanical samples analysed in this study were collected from the Okhotsk cultural layers of the archaeological shell-midden site Hamanaka 2 located on the northern coast of Rebun Island, which lays 45 km east of the northern tip of Hokkaido Island (Fig. 1c–e). So far ongoing excavations recovered human and dog burials, pig remains, ceramic and lithic artefacts, and abundant remains of sea mammals, fish, and shellfish spanning the occupation periods of the Late, Final, and Epi-Jomon as well as Satsumon, Okhotsk, and Ainu cultures (Lynch et al., in press) between the 2nd millennium BC and mid-19th century AD (Müller et al., 2016 and references therein). This study focuses on samples from the five (IIIa–e), of the in total eight (IIIa–V), Okhotsk culture layers at the Hamanaka 2 site, which contain domesticated plant remains. In total, we have analysed 54 flotation samples from Okhotsk culture contexts, of which 25 contained remains of domesticated barley. From the samples, about 900 seeds and seed fragments of domesticated barley and wild plants were extracted and arranged

* The work was financially supported by the German Research Foundation (grant LE 3508/1-1).

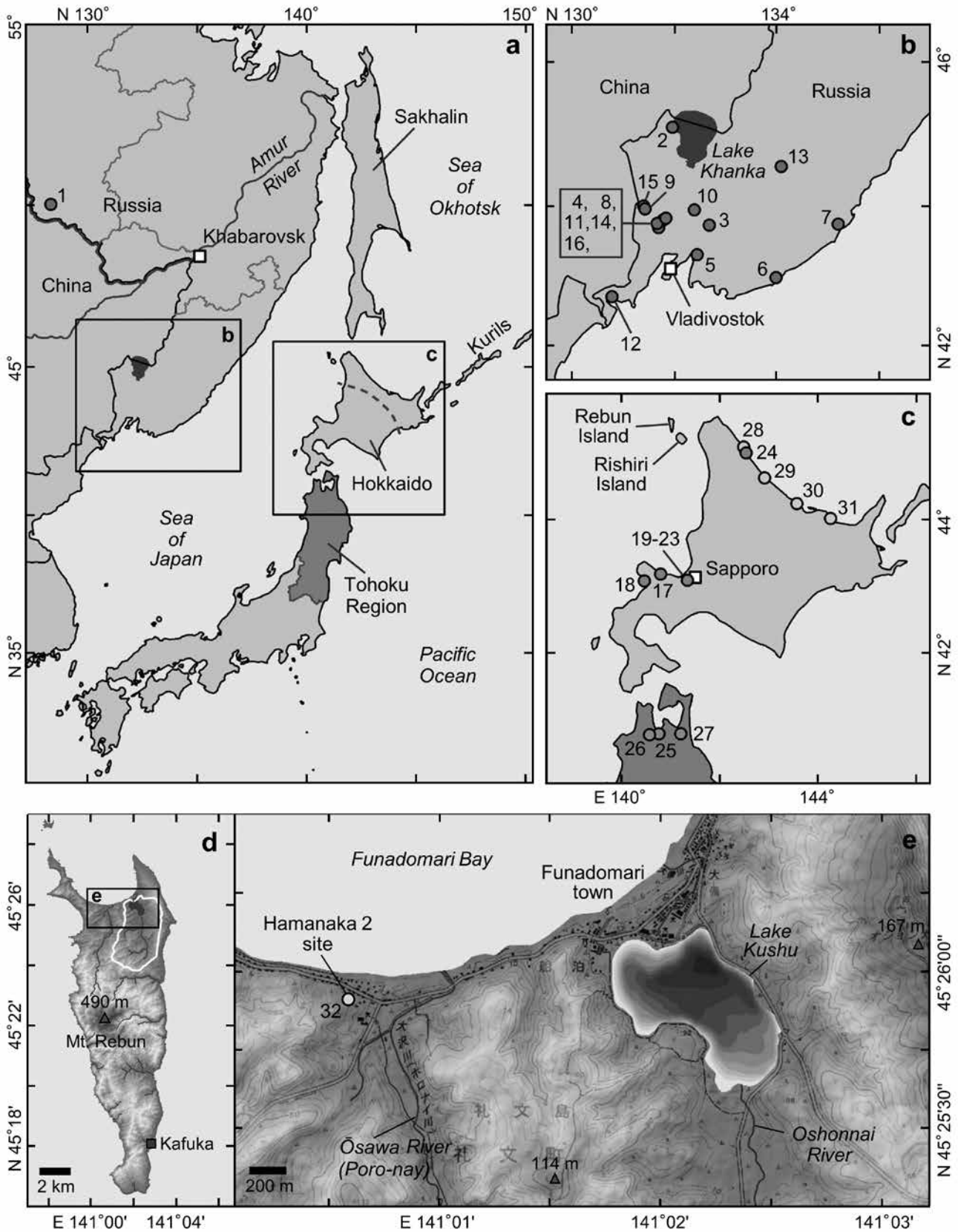

Fig. 1. Location maps of the study region, Hamanaka 2, and other archaeobotanical records discussed in the text (after Leipe et al., in review). Map compilation showing (A) the location of the study region in the northwest Pacific region; (B) the southern Primorye Region (Russia); (C) the Hokkaido and northern Tohoku regions; (D) Rebun Island; and (E) the northern part of Rebun with the Hamanaka 2 archaeological site. Dots illustrate the locations of Okhotsk culture (28–31), Satsumon culture (17–24), Heian period (25–27), and the RFE Iron Age–Eastern Xia State (1–16) barley records used for seed morphological comparison (see Fig. 2). The dashed line marks the proposed boundary of where the two barley morphotypes (naked and hulled barley) dominate

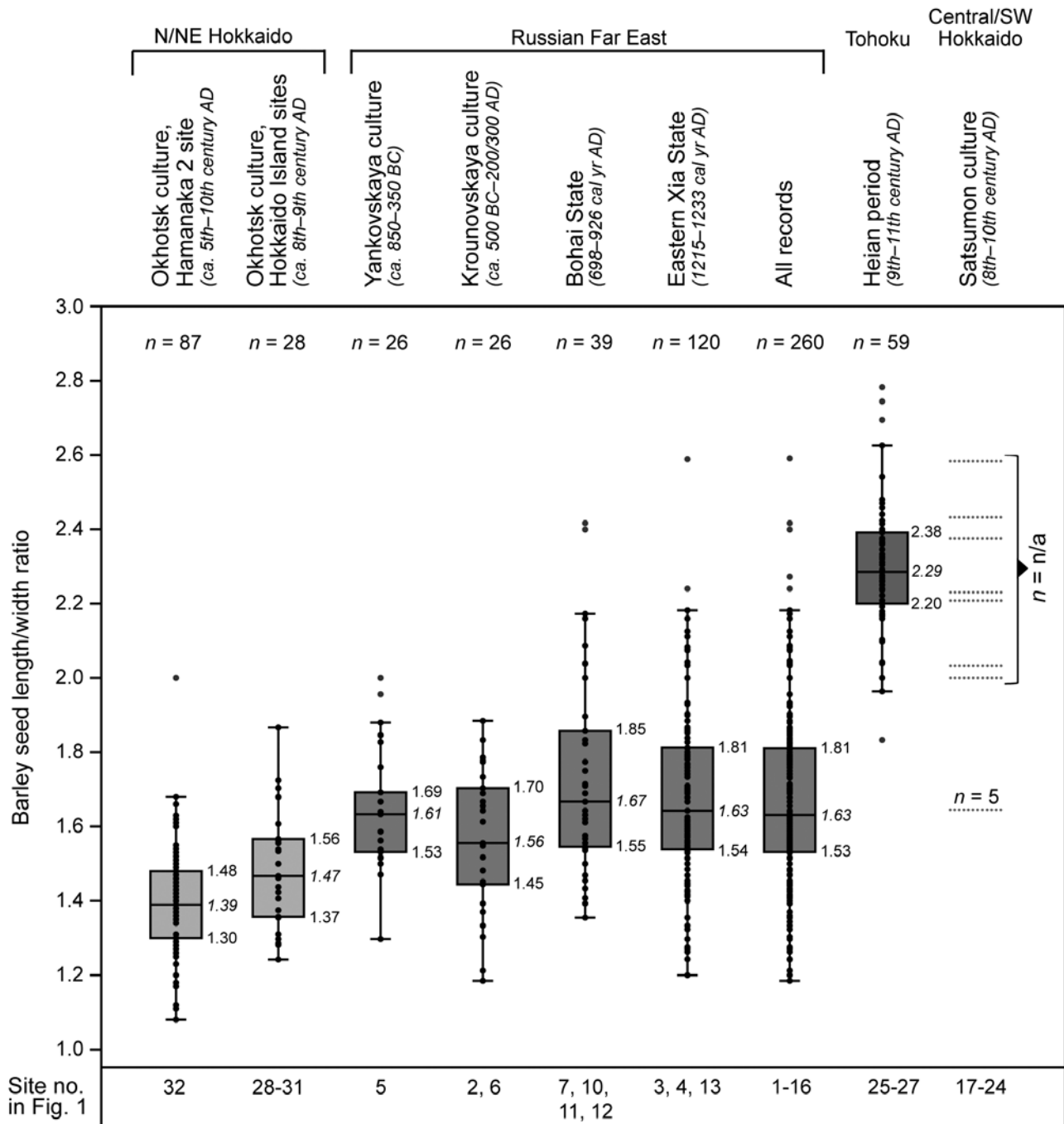

Fig. 2. Box-plots showing the L/W ratio distribution of barley seeds from the Hamanaka 2 Okhotsk culture layers (this study) and of selected records from other regions (after Leipe et al., in review). The boxes delineate the 25–75% quartiles (regular font) with the median (italic font) shown as an inset horizontal line. Dotted horizontal lines indicate arithmetic means of Satsumon barley populations. Sample size (if know) and site numbers used in Fig. 1 are provided. Ages are given in calendar years

into 22 categories. The assemblage also contains around 27 unidentifiable seed fragments and 67 unidentified seeds (see Table 1 for a summary). Six-rowed naked barley (*Hordeum vulgare* var. *nudum*) remains ($n = 318$) are the only domesticated plant contained in the Hamanaka 2 assemblages. We measured 87 well-preserved barley caryopses for length (L), width (W), and thickness (T) dimensions, with mean and median values of 4.13, 2.98, and 2.32 mm and 4.10, 3.00, and 2.30 mm, respectively. Given these measurements, biometric parameters like L/W (mean = 1.39, median = 1.39) or L/T (mean = 1.79, median = 1.77) ratios were inferred (Fig. 2) in order to correlate the morphology of different seed populations. {Lynch, #2343}

In Total, we have directly dated 13 barley remains from five archaeological layers (IIIa–e). The results of the AMS radiocarbon dating suggest the presence of barley at the Hamanaka 2 site during a time period of

450 years (440–890 cal yr AD, 68% confidence interval). This time period roughly corresponds to the Okhotsk culture settlement phase in northern Hokkaido as indicated by previous archaeological studies. Given the age of the oldest barley seed (F2014-037-003, 440–600 cal yr AD, 68% confidence interval), the Hamanaka 2 layer IIIe, together with the single dated grain (428–573 cal yr AD, 95% confidence interval; Yamada, 1995) from the Oumu site (no. 29 in Fig. 1c) represents, to our knowledge, the earliest well-documented record of domesticated barley in the Hokkaido Region. Our results imply that barley was significant and had a long-term role in diet during the peak of the Okhotsk culture in the region. The use of barley is also evident at other Okhotsk culture sites in north-eastern Hokkaido (Fig. 1c; Yamada, 2004). In addition, remains of foxtail and broomcorn millet are reported from several excavations (Yamada, 2004: 134). Japanese palaeobotanists have argued that these crops were used for ritual purposes (e.g. Yamada, 1996: 60); however, this is hard to defend seeing that they appear in so many domestic contexts across such a large time period.

Table 1. Sample-specific total counts of selected macrobotanical remains and floated litres from the Okhotsk culture layer units of Hamanaka 2. Unless otherwise stated, the shown plant taxa represent seed remains

Sample ID	Layer	Volume (litres)	Hordeum vulgare var. nudum	Hordeum/Triticum type	Phellodendron amurense	Rhus/Toxicodendron sp.	Vitis sp.	Actinidia sp.	Malva sp.	Polygonum sp.	Chenopodium album	Cyperus sp. (root tubers)	Unidentified seed	Unidentifiable seed fragments	Sum (not including fragments)
F2013-065	IIIa	14		1						4	16		1	1	22
F2013-071	IIIa	13		1	1					1	3		1		7
F2013-075	IIIa	13	1	1											2
F2013-081	IIIa	15	2			1		1			1		1		6
F2013-097	IIIa	15	3	1	6	8	1	6	1		1	2	3		32
F2013-137	IIIa	20	1		1			1		1					4
F2014-007	IIIa	11	1												1
F2013-129	IIIb	14	2	1								1			4
F2013-135	IIIb	10	11	8	1	20		4				1	3	3	48
F2013-145	IIIb	13	13	5		47	3	9		7	8		11		103
F2013-147	IIIb	11	24	3	15	66	67	82	2	6	4		16	12	285
F2013-153	IIIb	10	16	3	4	12	1	5		2	3	1	3		50
F2014-005	IIIb	12.5	2	1											3
F2014-009	IIIb	10	4	6		38		2					2		52
F2014-059	IIIb	12	1												1
F2013-095	IIIc	15	5	3	1	12	2						1	2	24
F2013-139	IIIc	15	16	8		1				1			3	1	29
F2013-141	IIIc	15	15	9		3	1	5		1	5		1	1	40
F2013-155	IIIc	16	12	5			1	1		1	4		3		27
F2013-161	IIIc	10	14	6	1	6	1	2			5		8		43
F2013-163	IIIc	15	1	1		3						2			7
F2014-011	IIIc	12	57	5		8			5			2	9	4	86
F2014-019	IIIId	12	19	9		1				1	1			3	31
F2014-113	IIIId	12	10	6		39				1					56
F2014-037	IIIe	8	3	2									1		6
sum		324	233	85	30	265	77	118	8	26	51	9	67	27	969

One reason why some scholars have been resistant to accepting that barley and other cereals were dietary supplements may be that the Okhotsk are generally regarded as a specialised hunter-gatherer culture with a subsistence strongly focusing on maritime food resources. This traditional view of a coastal foraging society has been bolstered by recent isotope studies of Okhotsk culture people bone remains (e.g. Naito et al., 2010; Tsutaya et al., 2014), which revealed a high proportion (ca. 90%) of absorbed protein derived from marine resources. However, our findings together with results of previous studies illustrate that the Okhotsk relied on a wide range of natural and domesticated foods. Besides the suggested strong focus on exploiting marine resources, the Okhotsk people appear to have employed a broad spectrum of wild terrestrial plant fruits and root tubers (this study, Table 1; Hudson, 2004: 297), hunted a variety of terrestrial mammals (Befu and Chard, 1964: 3), and also maintained domesticated dogs (Amano, 2003: 116) and pigs (Hudson, 2004: 296) as part of their food economy. Given the combination of foraging, animal husbandry and the use of barley and other cereals over a wide spatio-temporal array, crop cultivation as a supplementary portion of Okhotsk subsistence seems more plausible. This case study further augments existing examples of (“complex”) hunter-gatherers, occupying the “middle ground” which separates hunting–fishing–foraging societies exclusively depending on wild food resources and agriculturalists with a major focus on managing and producing domesticated plants and animals (e.g. Harris, 1989; Pringle, 1998; Smith 2001). The Okhotsk culture may thus be confidently placed somewhere between the traditionally accepted boundaries between foraging and agriculture.

Regarding the prehistoric spread of domesticated barley throughout Eurasia, the assemblages from Okhotsk and Satsumon sites in Hokkaido, so far, represent the north-eastern edge of this dispersal. The most straightforward inference would be that the barley used by the Okhotsk was derived from Satsumon groups spreading northwards into the central and south-western part of Hokkaido. In contrast, based on seed morphological data (L/W ratios), Japanese scholars hypothesised in previous studies that Okhotsk barley originated from neighbouring regions on the Asian mainland. (e.g. Yamada, 1996; Yamada, 2004; Yamada, Tsubakisaka, 1995). Here, we review their approach by supplementing the available seed morphological datasets, with eleven (partly unpublished) assemblages from the RFE (Fig. 1a and b), three records from northern Tohoku (Fig. 1c), and the measurements of the Hamanaka 2 site barley. The Okhotsk (naked) barley, which appears to be the most compact of all gathered records (Fig. 2), in terms of shape is more similar to its counterparts found in both earlier and later (ca. 850 cal yr BC–1000 cal yr AD) sites located along coastal regions across the Sea of Japan (i.e. southern Primorye, Fig. 1c) and in the Amur River basin (Fig. 1a), as opposed to grains recovered from contemporaneous Satsumon culture sites situated in central and southern Hokkaido (Fig. 1c). Both the Satsumon and Heian grains, which are morphologically similar to each other (Fig. 2), appear generally longer and narrower than those used by the Okhotsk culture. This confirms earlier claims of Japanese scholars that the later grain populations represent hulled barley (Yamada, 2004: 140) and corroborates the hypothesis that the naked Okhotsk barley originated in the continental RFE Region. This also means that the barley used by the Okhotsk culture was either derived by exchange with continental populations (e.g. Mohe culture, Bohai State) from across the Sea of Japan or was brought along and cultivated by the Okhotsk culture from their region of origin (i.e. the lower Amur River basin). Unfortunately, no palaeobotanical studies have been conducted in the lower Amur River basin or on Sakhalin Island, which would have allowed us to trace back potential pathways of a southward barley introduction to Hokkaido. However, the results of the morphological analysis suggest that naked and hulled barley spread eastward through Asia and were introduced into the Japanese archipelago via different routes. While the area where hulled barley is recovered parallels the distribution of the Yayoi culture (south-western and central Japan) and the Satsumon culture (south-western and central Hokkaido), naked barley possibly propagated from Primorye and adjacent regions during the Okhotsk culture spread, into Sakhalin Island and northern/north-eastern Hokkaido. After the two barley phenotypes were independently introduced to Hokkaido, the boundary between both barley domains (Fig. 1a) possibly existed for about 400 years across the island region until the beginning of the assimilation/replacement of Okhotsk populations by Satsumon culture groups (ca. 1000 cal yr AD; Hudson, 2004: 303).

Further evidence for a close relationship between the Okhotsk culture and Iron Age/medieval populations from the East Asian continent comes from analogies in subsistence economy as described by Sergusheva and Vostretsov (2009: 213–215). Like the Okhotsk, the Yankovskaia culture (ca. 850–350 cal yr BC; Sergusheva, Vostretsov, 2009: 213), which inhabited the coastal regions of today’s northern Korea and southern Primorye, based its subsistence mainly on a wide range of marine resources. Remains of millets (broomcorn and foxtail

millet) and naked barley found at the majority of sites suggest that these domesticates also played a role in diet there. Primorye Region, in particular, saw a subsequent two-step advance in agricultural practices by the introduction of additional crops (e.g. wheat and hemp) during the Krounovskaia/Tuanjie culture (ca. 500 BC-200/300 cal yr AD; Sergusheva, Vostretsov, 2009: 214) and cultigens including hulled barley, soy beans, and buckwheat along with the establishment of early states (e.g. Bohai State) after the middle of the 8th century AD. Despite this progress in agriculture, hunting, fishing, and gathering has continuously been an additional part of the diet. In addition, pig and dog breeding is evidenced during the Yankovskaia and the Krounovskaia/Tuanjie cultures (Okladnikov and Brodyansky, 1984: 108; Yamaura, 1982: 162). These subsistence traits place the above mentioned cultures of coastal RFE and northern Korea also in Smith's middle ground (Smith, 2001), thus somewhere between foraging and agriculture. Archaeobotanical data also show that during the Yankovskaia culture millet and barley cultivation was not the main part of the food economy, and was probably not practiced at every archaeological site (Sergusheva, Vostretsov, 2009: 213–214). Although crop cultivation seems to have been intensified by the Krounovskaia/Tuanjie culture, there is evidence that these groups, likely due to climatic cooling at the end of the 3rd century AD, partly gave up agricultural practices and re-intensified the exploitation of wild resources (Yanushevich et al., 1990: 22–23). This, on the one hand, emphasises that the transformation towards agriculture is not necessarily a unidirectional progression, as it was once regarded, but is a reversible process. On the other hand, it suggests that crops probably had a long-term utility as complementary foods. This might apply to Okhotsk groups, which retained their once-adopted (low-level) agricultural food production as they migrated and adapted to the maritime landscapes of the Sea of Okhotsk.

REFERENCES

- Amano, T. 2003. What is the Okhotsk culture? *Epi-Jomon and Okhotsk Culture. Editors-in chief T. Nomura, H. Utagawa. Sapporo: 110–33* (in Japanese).
- Befu, H., Chard, C.S. 1964. A Prehistoric Maritime Culture of the Okhotsk Sea. *American Antiquity*. N 30(1): 1–18.
- Crawford, G.W. 2011. Advances in Understanding Early Agriculture in Japan. *Current Anthropology*. N 52(S4): S331–S45.
- D'Andrea, A.C. 1995. Archaeobotanical evidence for Zoku-Jomon subsistence at the Mochiyazawa site, Hokkaido, Japan. *Journal of Archaeological Science*. N 22(5): 583–95.
- Geospatial Information Authority of Japan. 2012. Topographic map Funadomari 1:25,000.
- Habu, J. 2014. Early sedentism in East Asia: From Late Palaeolithic to early agricultural societies in insular East Asia. *The Cambridge World Prehistory 3 Volume Set. Editors-in-chief C. Renfrew, P. Bahn. Cambridge: 724–41*.
- Harris, D. 1989. An evolutionary continuum of people–plant interaction. *Foraging and Farming: The Evolution of Plant Exploitation*. Editors-in-chief D. Harris, G. Hillman. London: 11–26.
- Hudson, M.J. 2004. The perverse realities of change: world system incorporation and the Okhotsk culture of Hokkaido. *Journal of Anthropological Archaeology*. N 23(3): 290–308.
- Hudson, M.J. 2007. Japanese beginnings. *A Companion to Japanese History. Editor-in-chief W.M. Tsutsui. Malden: 13–29*.
- Jarvis, A., Reuter, H.I., Nelson, A., Guevara, E. 2008. Hole-filled Seamless SRTM Data V4. International Centre for Tropical Agriculture (CIAT).
- Kim, M. 2013. Wheat in ancient Korea: a size comparison of carbonized kernels. *Journal of Archaeological Science*. N 40(1): 517–25.
- Kuzmin, Y.V., Rakov, V.A. 2011. Environment and prehistoric humans in the Russian Far East and neighbouring East Asia: Main patterns of interaction. *Quaternary International*. N 237(1–2): 103–8.
- Leipe, C., Sergusheva, E.A., Müller, S., Spengler III, R.N., Goslar, T., Kato, H., Wagner, M., Weber, A.W., Tarasov, P.E. *In review*. Barley (*Hordeum vulgare*) in the Okhotsk culture (5th-10th century AD) of northern Japan and the role of cultivated plants in hunter-gatherer economies. PLOS ONE.
- Lynch, S.C., Kato H., Weber, A.W. *In press*. Obsidian resource use from the Jomon to Okhotsk period on Rebun Island: An analysis of archaeological obsidian. *Journal of Archaeological Science: Reports*.
- Müller, S., Schmidt, M., Kossler, A., Leipe, C., Irino, T., Yamamoto, M., Yonenobu, H., Goslar, T., Kato, H., Wagner, M., Weber, A.W., Tarasov, P.E. 2016. Palaeobotanical records from Rebun Island and their potential for improving the chronological control and understanding human–environment interactions in the Hokkaido Region, Japan. *The Holocene*. N 26(10): 1646–60.
- Naito, Y.I., Chikaraishi, Y., Ohkouchi, N., Mukai, H., Shibata, Y., Honch, N.V., Dodo, Y., Ishida, H., Amano, T., Ono, H., Yoneda, M. 2010. Dietary reconstruction of the Okhotsk culture of Hokkaido, Japan, based on nitrogen isotopic composition of amino acids: implication for correction of ^{14}C marine reservoir effects on human bones. *Radiocarbon*. N 52: 671–81.

- Okladnikov, A.P., Brodyansky, D.L. 1984. The Krounovsky culture. *The archaeology of the Siberian South and the Far East. Novosibirsk*: 100–14 (in Russian).
- Pringle, H. 1998. The Slow Birth of Agriculture. *Science*. N 282(5393): 1446.
- Sergusheva, E.A., Vostretsov, Y.E. 2009. The advance of agriculture in the coastal zone of East Asia. *From foragers to farmers – Papers in honour of Gordon C. Hillman*. The Krounovsky culture. *The archaeology of the Siberian South and the Far East. Editors-in-chief A.S. Fairbairn, E. Weiss. Oxford*: 205–19.
- Smith, B.D. 2001. Low-Level Food Production. *Journal of Archaeological Research*. N 9(1): 1–43.
- Tsutaya, T., Naito, Y.I., Ishida, H., Yoneda, M. 2014. Carbon and nitrogen isotope analyses of human and dog diet in the Okhotsk culture: perspectives from the Moyoro site, Japan. *Anthropological Science*. N 122(2): 89–99.
- Weber, A.W., Jordan, P., Kato, H. 2013. Environmental change and cultural dynamics of Holocene hunter–gatherers in Northeast Asia: Comparative analyses and research potentials in Cis-Baikal (Siberia, Russia) and Hokkaido (Japan). *Quaternary International*. N 290–291: 3–20.
- Yamada, G. 1995. Cereals of the Okhotsk Culture. Sapporo: History Museum of Hokkaido (in Japanese).
- Yamada, G. 1996. The plants utilized during the Okhotsk cultural period. *Bulletin of Historical Museum Hokkaido*. N 24: 49–66 (in Japanese).
- Yamada, G. 2004. Two types of barley during the Satsumon Culture period. *The Establishment of Ainu Culture. Sapporo*: 133–42 (in Japanese).
- Yamada, G., Tsubakisaka, A. 1995. Propagation of cultivated plants from the continent. *Final Report on the Research Project of the Historical and Cultural Exchange of the North. Sapporo*: 107–34 (in Japanese).
- Yamaura, K. 1982. On bone-axes, -spatulas and -hoes of the Okhotsk Culture. *Bulletin of the Department of Archaeology of the University of Tokyo*. N 1: 151–66 (in Japanese).
- Yanushevich, Z.V., Vostretsov, Y.E., Makarova, S.V. 1990. The palaeoethnobotanical finds in Primorye. Vladivostok (in Russian).
- К. Лайпе, Е.А. Сергушева, С. Мюллер, Р.Н. Спенглер, Т. Гослар, Х. Като, М. Вагнер, А.В. Вебер, П.Е. Тарасов РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЯЧМЕНЯ (*Hordeum vulgare*) НА СЕВЕРЕ ЯПОНСКОГО АРХИПЕЛАГА И ЕГО РОЛЬ В ЭКОНОМИКЕ ОХОТНИКОВ И СОБИРАТЕЛЕЙ ОХОТСКОЙ КУЛЬТУРЫ РЕГИОНА ХОККАЙДО В V–X ВЕКАХ Н.Э.

Анализ ботанических остатков из культурных слоев стоянки Хаманака 2, расположенной на острове Ребун в префектуре Хоккайдо, позволил получить новые данные о распространении ячменя обыкновенного и возможном его использовании в экономике охотской культуры на севере Японского архипелага в V–X веках н.э. Многочисленные находки зерен ячменя, датированные радиоуглеродным методом, свидетельствуют о том, что охотская культура, традиционно рассматриваемая как культура охотников, рыболовов и собирателей, на самом деле могла иметь более сложный экономический уклад с элементами земледелия. Морфологические особенности зерен ячменя с острова Ребун и результаты проведенного сравнительного анализа позволяют сделать вывод о том, что появление компактной разновидности (*Hordeum vulgare* var. *nudum*) на севере Хоккайдо связано с территорией российского Дальнего Востока. Распространение же удлиненной формы ячменя, встречающейся в слоях археологической культуры Сацумон на юге Хоккайдо и на севере Хонсю, скорее всего обусловлено тесными связями с центральными и южными регионами Японии.

Ключевые слова: археоботанический анализ, распространение ячменя, охотская культура, охотники и собиратели, земледелие, Хоккайдо, российский Дальний Восток, 1-е тысячелетие н.э.

Рис. 1. Карты района исследований с указанием расположения географических и археологических объектов, упоминаемых в работе (Leire et al., in review). (A) положение района исследований в СЗ части Тихоокеанского региона; (B) Приморье и юг Дальнего Востока; (C) Хоккайдо и северный Тохоку регион; (D) остров Ребун; (E) северная часть острова Ребун со стоянкой Хаманака 2. Разноцветные точки указывают распространение археологических памятников Охотской культуры (28–31), Сацумон (17–24), Хейян (25–27) и железного века на Дальнем Востоке (1–16) с находками ячменя, использованными для морфометрического анализа (см. рис. 2). Пунктирной линией обозначена возможная граница между областями доминирования двух морфотипов ячменя (голозерный и пленчатый).

Рис. 2. Графики, отражающие соотношение длины и ширины (L/W ratio) зерен ячменя из слоев охотской культуры стоянки Хаманака 2 (настоящее исследование), в сравнении с данными из других районов (Leire et al., in review). Прямоугольные боксы отражают 25–75%-ный интервал значений L/W, горизонтальные линии – медианные значения. Горизонтальные пунктирные линии отражают средние арифметические значения L/W в образцах ячменя из культурных слоев Сацумон. Также указаны: общее количество зерен в образце (если известно), номера исследованных объектов (как на рис. 1) и календарный возраст образцов.

Таблица 1. Количество обнаруженных макроостатков семян (если специально не оговаривается) и объем исследованных отложений (в литрах) из слоев охотской культуры стоянки Хаманака 2.

КОЧЕВОЙ МИР И МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОСУДАРСТВ ПРИМОРЬЯ

Н.В. Лещенко

*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
ДВО РАН, Владивосток*

В работе рассматривается взаимовлияние культуры кочевников и средневековых государств российского Дальнего Востока, в частности музыкальной культуры. Выделяются этапы развития музыкальной культуры, связанной с теми или иными социально-экономическими условиями развития кочевых обществ. Анализируются наиболее часто используемые музыкальные инструменты в тех или иных случаях. Использование музыкальных инструментов связывается с шаманскими обрядами, а также с различными целями в повседневной жизни. На более поздних этапах развития общества расширяется круг использования инструментов для развлечения придворной знати. Это прослеживается на средневековых фресках эпохи Ляо (907–1125 гг.) из Внутренней Монголии.

Ключевые слова: кочевой мир, средневековые государства Приморья, музыкальная культура, варган.

Кочевые народы оказали определенное влияние на культуру средневековых государств Дальнего Востока. Это нашло свое отражение в памятниках материальной культуры, изобразительном искусстве и архитектуре, музыкальной культуре.

В эпоху Средневековья на территории российского Дальнего Востока существовали государства Бохай (698–926), чжурчжэньская империя Цзинь (1115–1234), государство Дун Ся (1215–1233).

Культура кочевников имеет ряд типологических отличий от культуры оседлых народов, связанных с особенностями развития обществ. Кочевники часто выступали в роли потребителей многих видов материальной культуры, в том числе и художественных изделий, которые сами кочевники не производили.

Музыкальная культура кочевников слабо изучена. На ранних этапах развития номадических обществ есть свидетельства о музыкальных инструментах. При описании военных действий печенегов упоминаются трубы (Заходер, 1967: 74). Музыка в кочевых культурах не выделялась в самостоятельный вид искусства, в основном она использовалась для сопровождения словесного творчества, в различных обрядах, а также при ведении боевых действий, а на более поздних этапах развития – для развлечения при дворах кочевой знати. Некоторые исследователи вообще не выделяют типологически музыку кочевников из общего пласта фольклорной музыки традиционных культур (Груббер, 1965: 6–44).

В осознании кочевника музыка и музыкант активно участвуют в структурировании Космоса, его Гармонии (Мухамедиулы, 2010: 811). В музыкальной культуре дальневосточных государств, в частности в Китае, музыка является лишь следствием космогенеза, ниспосланная свыше. Это отражено в легенде о Фэнхуан. Он научил людей посредством музыки поддерживать установленный космический порядок. Мифическая птица посылает мастеру музыкальную гармонию, а он изготавливает двенадцать бамбуковых флейт, копируя тона мужских (янь) и женских (инь) звуков (Рифтин, 1987: 574).

У кочевников часто шаман является музыкантом. Играя, он путешествует в образах различных животных, воплощающих верхний (птицы) и нижний (змеи) миры (Мухамедиулы, 2010: 811). Дальневосточные государства по своему характеру были многоукладными, и здесь могли исповедоваться различные религиозные мировоззрения, шаманизм был одним из основных, наряду с буддизмом, даосизмом (Шавкунов, 1990: 167). Атрибутика шаманизма присутствует на многих памятниках эпохи государства Бохай и Цзинь (Государство Бохай, 1994: 193; Лещенко, 1994: 69–79; 2002: 188–193; Шавкунов, 1990: 155–168).

Связи с культурой кочевников прослеживаются и в китайских музыкальных инструментах. Струнный инструмент со смычком из конского волоса был создан кочевниками Центральной Азии и распространился по странам Востока и Западной Европы. Смычковые инструменты, «заимствованные в древности у Северных кочевых народов» и называемые китайцами *хуцинь*, образовали целую группу инструментов (Музыкальный энциклопедический словарь, 1991: 609).

В эпоху Средневековья изображения музыкальных инструментов кочевников можно проследить по сценам на фресках. Так, на фресках эпохи Ляо (907–1125 гг.) из Внутренней Монголии мы находим аналогии многим инструментам, изображенным на зеркале, найденном на Шайгинском городище в Приморье (Шавкунов, 1976: 21, рис. 44). Это было зеркало с изображением 11 музыкальных инструментов (рис. 1). Все музыкальные инструменты были перевиты лентами. На тыльной стороне зеркала были изображены: лира, поверх которой прочерчен знак большого чжурчжэньского письма, далее от нее по ходу часовой стрелки расположены губной орган, четырехструнная лютня, большая поперечная флейта,

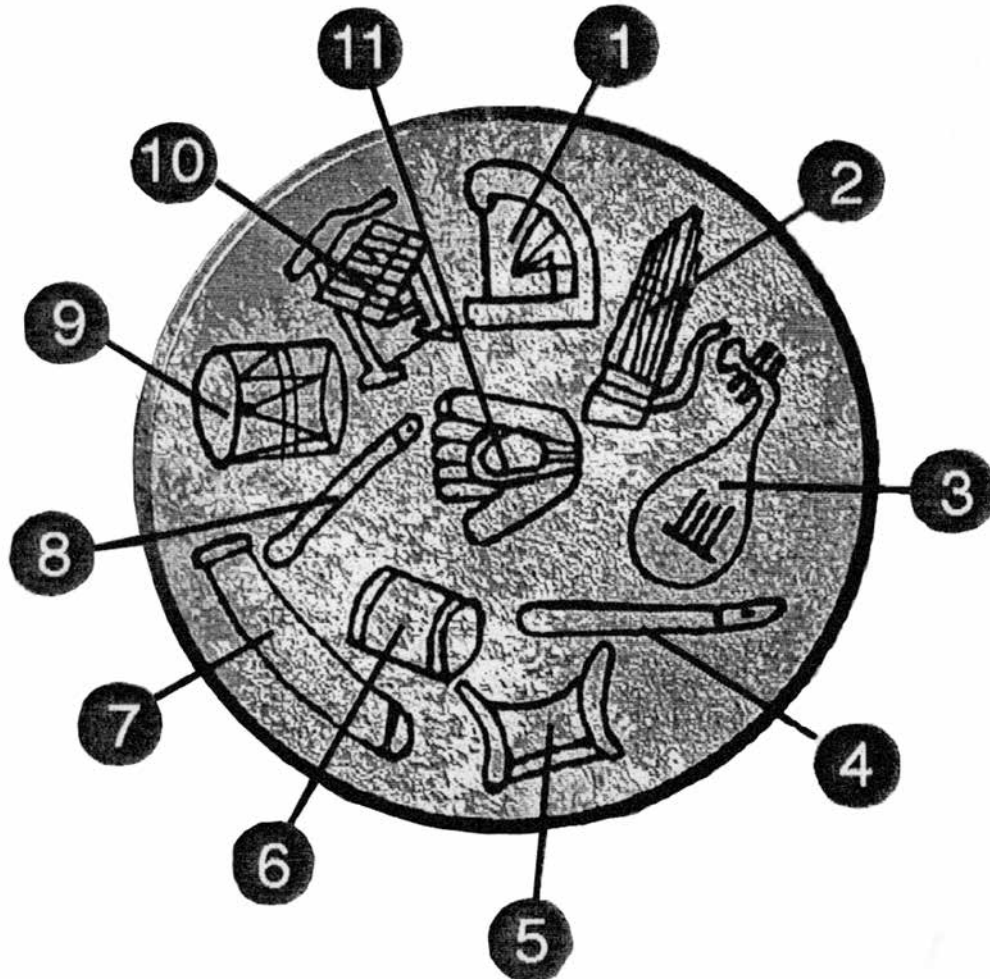

Рис. 1. 1 – арфа; 2 – губная гармоника с резонаторными трубками; 3 – лютня; 4 – поперечная флейта; 5 – многоствольная флейта; 6 – двухсторонний барабан с цилиндрическим корпусом; 7 – продольная цитра; 8 – продольный аэрофон; 9 – односторонний барабан; 10 – рама с 16 пластинками; 11 – хлопушки-кастаньеты

флейта Пана, барабан, цитра, малая поперечная флейта, двухсторонний ручной барабан, рама с 16 звучащими камнями, а в центре зеркала под полусферической формы петелькой помещено изображение кастаньет. Впоследствии в монографии Э.В. Шавкунов более детально рассматривает зеркало, сравнивая его с аналогами из Забайкалья и Семиречья (Казахстан, часть Киргизстана). Все инструменты расположены в виде раскручивающейся к краю диска по ходу часовой стрелки или по ходу солнца спирали (Шавкунов, 1993: 41–42). Первоначально Э.В. Шавкунов считал это зеркало чжурчжэньским, т.к. на изображении лиры был выбит знак большой чжурчжэньской письменности (Шавкунов, 1981: 103). Впоследствии он пересматривает свою точку зрения и приходит к выводу, что оригиналы этого типа зеркал с летающими музыкальными инструментами произведены в тангутском государстве Си Ся, т.к. этот мотив был распространен в XII–XIII вв. в буддийской иконографии тангутов (Шавкунов, 1993: 42). Чжурчжэни же изготовили лишь копию. В.В. Подмаскин уточнил названия музыкальных инструментов: 1 – арфа; 2 – губная гармоника с резонаторными трубками; 3 – лютня; 4 – поперечная флейта; 5 – многоствольная флейта; 6 – двухсторонний барабан с цилиндрическим корпусом; 7 – продольная цитра; 8 – продольный аэрофон; 9 – односторонний барабан; 10 – рама с 16 пластинками; 11 – хлопушки-кастаньеты (Подмаскин, Турмов, 2015: 12). На фреске в могиле № 1 на восточной стене светового колодца изображено несколько музыкантов, играющих на различных инструментах. Четверо играет на продольных флейтах, один человек бьет в «пайбань» – китайский ударный инструмент, а у другого в руках трещетки (Inner Mongolia Murals in Liao Dynasty, 2009: 160). На фреске с южной стены могилы № 3 прорисована сцена с двумя музыкантами, бьющими в барабан деревянными колотушками (Inner Mongolia Murals in Liao Dynasty, 2009: 172). На западной стене фреска с другими музыкантами, играющими на продольной флейте (Inner

Mongolia Murals in Liao Dynasty, 2009: 173). На фреске, расположенной перед входом в могилу № 6, с захоронением чиновника, нарисовано пять женщин в ниспадающих одеждах. Изображение одной исполнительницы сохранилось лишь фрагментарно, поэтому весьма трудно определить инструмент, на котором она играет, зато остальные четверо просматриваются отчетливо. Одна из них играет на поперечной флейте, другая танцует, следующая дует в продольную флейту, а последняя играет на лунной юэнцинь – четырехструнном инструменте с круглым или восьмиугольным корпусом (Inner Mongolia Murals in Liao Dynasty, 2009: 255).

На фресках встречаются сцены с изображением летающих музыкантов с инструментами. Эта фреска находится в знаменитом гроте Кицзыл, на северо-западе Китая, провинция Синьцзян, г. Пайчэн. В этой уйгурской провинции расположено в горах более 236 гротов, датируемых IV–VIII вв. (Magnificent Frescos from the Great Tang Dynasty, 2005: 123).

Варганы со средневековых памятников Приморья (VI–XIII вв.).

На средневековых памятниках Приморья зафиксированы единичные находки и изображения музыкальных инструментов. Наиболее близки из них к музыкальной культуре кочевников губные варганы. Они обнаружены на Шайгинском, Смольнинском, Николаевском-I городищах, городище Андрианов Ключ (Шавкунов, 1989: 5–11; Шавкунов, 2007: рис. 85; Лещенко, Прокопец, 2015: 222–235; Макиевский, 2013: рис. 85).

На Шайгинском городище, в жилище № 73 была найдена так называемая бронзовая шпилька (Шавкунов, 1989: рис. 7). На самом деле это варган. В верхней части есть отверстие для крепления язычка. В 2007 г. на Смольнинском городище, датируемом IX–XI вв., был найден железный варган (Шавкунов, 2007: рис. 85). Он представлял собой узкую двузубую, сужающуюся к концам, скобу. Общая длина ее составляла 9,6 см, а ширина от 2,8 до 1,1 см. Максимальная ширина и толщина каждого зубца достигала 0,5–0,6 см. Между зубцами этого изделия была прикреплена тонкая пластинка, шириной 0,5 см, часть которой оказалась отломанной.

В 2013 г. при раскопках Николаевского-I городища, в юго-восточной части, был найден железный варган. Это первая находка варгана на бохайском городище в Приморье. Сделан он был из выгнутого железного стержня. Верх закруглен, посередине шпенек. Внутри железная пластина, к которой крепился язычок. Сам язычок не сохранился. Общая длина варгана 8 см, ширина 1,9–0,9 см, плавно сужается книзу. Длина сохранившейся части пластины 2,3 см.

В 2013 г. на городище Андрианов Ключ, в Партизанском районе Приморского, при исследовании памятника мохэского времени (V–VI вв.) был обнаружен варган (Макиевский, 2013: рис. 44–3). Длина изделия 6 см, ширина в верхней части 1,2 см. Большая часть язычка отломана. Поселение датировано предварительно, возможно и более длительное его существование. Даже проверочный шурф выявил большое количество вещевого материала, в том числе и из железа, что редко для памятников мохэской культуры. Поселение обладает сложной внутренней планировкой: дороги, квартальное разделение в виде строительства на отдельных террасах-платформах (Макиевский, 2013: 17). Варган, обнаруженный на Смольнинском городище, и варган с городища Андрианов Ключ по форме полностью идентичны варгану с Николаевского-I городища.

Варган был одним из любимых и широко используемых инструментов у кочевых народов. Его использовали для проведения свадебных, похоронных обрядов, им сопровождалась различные плачи, звукоподражания. Шаманы сопровождали звуками варгана перемещения по трем мирам, изменяя тембр и тип вибраций. Обычные жители играли на варгане в часы досуга и отдыха. В древности считалось, что игра на варгане очищает сознание, укрепляет жизненную силу человека, гармонизирует функции всех органов. В музыкальной культуре народов Сибири (тувинцы, ханты, саха, алтайцы) широко использовались различные типы варганов (Шейкин, 2002: рис. 9). Изготавливались они из кости, металла. Играли как на дуговых варганах, так и на пластинчатых. Алтайский варган полностью идентичен изделию с приморских памятников (Шейкин, 2002: рис. 9, 6). Назывался он «лютневый варган», или комыс.

Кочевой мир соприкасался с культурами многих народов и, конечно, повлиял на различные области культуры, в том числе и на музыкальную. Это прослеживается и в определенном наборе инструментов. Если у ранних кочевников музыкальные инструменты используются в военных походах, для устрашения противника, как, например, трубы или барабаны, то в дальнейшем, взаимодействуя с культурами других народов и привнося в них что-то свое, музыка звучит при различных обрядах, проводимых шаманами.

Незаменимым самозвучающим инструментом у кочевников и средневековых народов Дальнего Востока служит варган. Он как нельзя лучше отражает всю гамму человеческих эмоций. Варган издает вибрирующие звуки богатейшего тембра и диапазона, от самых низких до самых высоких. Помимо самого инструмента, в рождении звуков участвует организм человека: пальцы рук, органы дыхания, речи, брюшной пресс. На более поздних этапах развития, с образованием государств музыка служит инструментом для развлечения при дворах кочевой знати. На средневековых памятниках, относящихся к эпохе Дун Ся на территории Приморья, мы находим также свидетельства разнообразия музыкальных инструментов. Чжурчжэни, по крайней мере, уже знают о существовании новых светских музыкальных инструментов. Их уже одиннадцать: арфа; губная гармоника с резонаторными трубками; лютя; поперечная флейта; многоствольная флейта; двухсторонний барабан с цилиндрическим корпусом; продольная цитра; продольный аэрофон; односторонний барабан; рама с 16 пластинками; хлопушки-кастаньеты. Это набор светских музыкальных инструментов, пригодных для состава хорошего оркестра. Изображения подобных инструментов встречаются на фресках эпохи Ляо (907–1125 гг.) из Внутренней Монголии. Такое обилие инструментов подводит к мысли о развитии музыкальной культуры того времени, тесно связанной с тюркско-монгольскими традициями. Происходит взаимопроникновение и взаимообмен культур между кочевым миром и государственными образованиями Дальнего Востока в эпоху Средневековья.

ЛИТЕРАТУРА

- Грубер, Р.И. 1965. Всеобщая история музыки. М.
- Заходер, Б.Н. 1967. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. 2. М.
- Лещенко, Н.В. 1994. Глиняные изделия с бохайских памятников приморья. *Медиевистские исследования на Дальнем Востоке России*. Владивосток: 69–79.
- Лещенко, Н.В. 2002. Терракотовое навершие из Краскинского городища. *Традиционная культура Востока Азии*. Вып. 4. Благовещенск: 188–193.
- Лещенко, Н.В., Прокопец, С.Д. 2015. Средневековые музыкальные инструменты (по материалам памятников Приморья). *Россия и АТР*. № 4: 222–235.
- Макиевский С.В. 2013о. Отчет об археологической разведке в Партизанском районе Приморского края в 2013 году. (Архив ИИАЭНДВ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. № 748).
- Музыкальный энциклопедический словарь. 1991. М.: Сов. энциклопедия.
- Мухамедиулы, А. 2010. Музыкальная культура кочевников Центральной Азии и Китая. *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. Т. 12. № 3(3): 808–813.
- Подмаскин, В.В., Турмов, Г.П. 2015. Музыкальные инструменты народов мира в визуальной антропологии (XX–XXI вв.). Владивосток: ИИАЭНДВ ДВО РАН.
- Рифтин, Б.Л. 1987. Фэнхуан. Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 2. М.
- Шавкунов Э.В. 1976о. Отчет об археологических исследованиях на Шайгинском городище в Приморском крае в 1976 году. (Архив Института археологии АН СССР. Р-1. № 6170).
- Шавкунов, Э.В. 1981. Описание бронзовых зеркал из Приморского края и их датировка. *Материалы по археологии Дальнего Востока СССР*. Владивосток: 93–110.
- Шавкунов, Э.В. 1989. Некоторые аспекты культурогенеза чжурчжэней в свете новейших археологических исследований. *Новые материалы по средневековой археологии Дальнего Востока СССР*. Владивосток: 5–11.
- Шавкунов, Э.В. 1990. Культура чжурчжэней-удигэ XII–XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. Москва: Наука.
- Шавкунов В.Э. 2007о. Отчет об археологических работах в Приморском крае в 2007 году. (Архив ИИАЭНДВ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. № 612).
- Шавкунов, Э.В. 1993. Тайны древних зеркал. Владивосток: Дальпресс.
- Inner Mongolia Murals in Liao Dynasty. 2009. Beijing, Wenwu.
- Magnificent Frescos from the Great Tang Dynasty. 2005. Compiled by Li Guozhen. Shaanxi Tourism Publishing House China.

N.V. Leshchenko

NOMADIC WORLD AND THE MUSICAL CULTURE OF THE MEDIEVAL STATES OF PRIMORYE

This paper examines the mutual influence of the cultures of nomads and medieval States of the Russian Far East, in particular in the musical culture. Highlights the stages of development of musical culture associated with certain socio-economic conditions for the development of nomadic societies. Analyzed the most often played musical instruments in certain cases. The use of musical instruments associated with shamanic rites, as well as in the daily life of the people. In the later stages of the development of society is expanding the range of instruments used for the entertainment of the courtiers. This can be seen in the medieval frescoes of the era of the Liao (907–1125), was from Inner Mongolia.

Key words: nomadic world of the medieval state of Primorye, musical culture, the Jew's harp.

NOTES ON MARCO POLO AND THE KUMISS CEREMONY AT XANADU*

Xiaolin Ma

Nankai University, China, Tianjin

This paper compared Marco Polo's description of the ceremony of sprinkling milk of white mares at Xanadu (Shangdu) with various Chinese sources in the aspects of procedure of the ceremony, white mares and date of the ceremony, which can further strengthen the authenticity of Marco Polo's narrative. Evidenced from Chinese sources, the date of the ceremony recorded by Polo would only correspond to the year 1276 when Marco Polo probably stayed at Xanadu.

Key words: Xanadu, Marco Polo, kumiss ceremony, Chinese sources.

The ceremony of sprinkling the white *kumiss* “mare milk wine” to worship *Mōngke tengri* “eternal heaven” is the highest ritual in the Mongol court. Serruys (1974) made a good introduction based on various sources including Marco Polo's *Description of the World* (Moule & Pelliot, 187). When describing Xanadu or Shangdu, Marco Polo provided more vivid information than most other sources. The most questionable term which attracted scholars' attention is the name of the tribe who can drink the milk of the white mares except the lineage of the Kaan. Among the variants, *horiad*(F) or *oriat*(VB) seems closest to the original form. Pelliot listed five possible ethnonyms, among which *Oyirat* was proposed by prominent scholars such as Pauthier and Yule, but Pelliot himself seems to prefer *Qongghirat*~*Onggiratd* (1959–63, II, 744–745). No matter whom this tribe should be identified with, Polo is definitely right on the fact that drinking the milk of the white mare was a special honor, which can be confirmed by the *YS* (3015) stating “according to the old tradition of the court, no one except the imperial family are allowed to drink the milk of the white mare”. Polo's narrative still deserves a detailed analysis in order to justify how much its authenticity is. While other scholars made some general discussion, Serruys' work remains unsurpassed. I would like to present some sources which have not been seen by Serruys, and can shed some new lights on the reconstruction of the history of Kumiss ceremony performed by the Mongols.

Procedure of the ceremony

Serruys did not mention late Yuan literati Xiong Mengxiang 熊梦祥's gazetteer *Xijin zhi*, in which the procedure of the kumiss ceremony was recorded as follows (XJZ: 221),

On the 7th day of the seventh lunar month [...] On this day at Upper Capital (Shangdu), [the emperor] ordered Shaman, Shamaness, and *Taishi yuan* “academy of imperial astronomers” to select an auspicious day for sprinkling mare milk. After the sprinkling, shafts of carts point towards south, to wait for the next month. 上京于是日命师婆涓吉日，勅太史院涓日，洒马戾，洒后车辘轳指南，以俟后月...

On this month (eighth lunar month), the chancellor presents a memorial that [as] *Taishi*, Shaman and Shamaness all recognize a certain day as auspicious, assemble at a certain place. Every one comes with mares, and loads kumiss in carts. 是月也，元宰奏太史、师婆俱以某日吉，大会于某处，各以牝马来，以车乘马潼。

The personnel who selected the date for the emperor are *Taishi* “imperial astronomer” and *Shipo* “shaman and shamaness”. Polo related, the *astrologers* and the *idolaters* have told the great Kaan that he must sprinkle some of this milk through the air and on the land. The *Taishi* corresponds to Polo's astrologers, while shaman and shamaness indicate idolaters as Polo's idolaters refer to all non-Christians and non-Muslims, including Buddhists, Taoists and shamanists.

In Polo's narrative, the Qa'an left Shangdu on the same day when the Kumiss ceremony took place. This fact can be confirmed by various Chinese sources, such as *XZJ* cited above, and middle 14th century poet Yang Yunfu's remark that “the kumiss banquet is opened to start the journey [to Dadu]开马娘子宴，始奏起程” (*LJZY*, Chapter 2, f. 1b-2a).

Ramusio's recension of Marco Polo has a unique information about the fact that the king himself with his own hands pours much of the milk hither and thither to the honor of his gods, which can be evidenced by *YS* (1781):

The Mongols rose from north steppe, and have the ritual to worship heaven. Plain clothes and simple sacrificial instruments were preferred. The emperor and empress performed by himself and herself, and the royal family assisted the sacrifice.

* The work is supported by National Social Science Foundation of China (project No.15CZS023).

White mares

Polo stated that “it is true that he has a breed of white horses and of mares white as snow without any other colour, and they are a vast number, that is that there are more than ten thousand mares”. Odoric de Pordenone who visited China under the Mongols in the 1320s, related that royal nobles presented a great number of white horses (*blans chevaulx*) to the emperor (Andreose & Ménard 2010: 54–55). In 1333, Sadula 萨都刺 (1982: 163) arrived Shangdu and wrote down a poem as follows,

Mare wine for worshipping heaven was sprinkled on the field, where wind blew through sands and grass was fragrant. White mares like clouds moved towards northwest. Princes were granted purple camels and silver vessels.

All above demonstrated the great number of white mares. A more precise number comes from a passage, as Serruys already pointed out, about *ündür* 酝都 (*YS*: 2554) which was the name of the cart carrying the milk. Every autumn, when the emperor went from Shangdu to Dadu, fifty *ündürs* were selected. There were forty mares for each *ündür*. Thus fifty *ündürs* amount 2,000 mares. Fat and milk-yieldable mares were also selected every spring when the emperor went from Dadu to Shangdu, which probably numbered the same as autumn. Then the mares selected each year would amount 4,000. Polo’s number more than 10,000 is logical that less than 40 percent mares were selected.

Date of the ceremony

In Polo’s book, the Qa’an held kumiss ceremony and left Shangdu on August 28th. Ramusio recension attests the complete expression as the 28 day of the moon of the month of August. It is known that Qubilai’s birthday is 28th of the eighth lunar month (September 23rd, 1215), which in Polo’s narrative becomes the 28th day of the moon of the month of September. In this sense, Polo used the day in Chinese calendar and the month in western calendar. Thus the kumiss ceremony must be on the 28th day of the seventh lunar month.

Serruys (11–13) already noticed the ceremony date varied from early summer, around solstice, or autumn. It seems that ever since Qubilai’s reign, all the recorded dates are in autumn except for one material (*YS*: 1924) attesting 24th of the sixth lunar month. But I argue this isolated material reflects a mixture of Mongols and Chinese culture, and should not be considered as an old Mongols’ imperial tradition. In autumn, the recorded dates include 8th of the eighth lunar month (1252) (*YS*: 1781), around middle autumn (*XJZ*: 205). Despite *LJZY* noted that “each eighth lunar month the kumiss banquet is opened to start the journey [to Dadu]”, we should keep in mind the emperor left on the same date, then it could be as early as late seventh lunar month. For example, in his “Hucong shi houxu” (Postscript for the poems when accompanying the emperor) 扈从诗后序 which described the emperor’s journey in 1352, Zhou Boqi (周伯琦, 1298–1369) accounted the emperor left Shangdu on 22nd day of the seventh lunar month (in *Jia*: 336–337).

According to Zhou Boqi, the emperor departed Shangdu on the 22nd day of seventh lunar month, and arrived Dadu on the 13th day of eighth lunar month. It took twenty one days on the road. Take Polo’s 28th day of the seventh lunar month as the date of departure and Kumiss ceremony, Qubilai would arrive Dadu on the 19th day of the eighth lunar month. As *YS* usually gives the date of arriving Dadu, we can compare the data when Polo stayed in China during 1275–1292.

We have no direct data for the year 1277, 1287, 1290 or 1291 in *YS*. 1277 and 1287 should be ruled out, as Qubilai still stayed in Shangdu in the eighth month. Between 1275 and 1292, the only appropriate year would be 1276. Qubilai performed kumiss ceremony and departed Shangdu on the 28th day of the seventh month, and took twenty days to arrive Dadu on the 18th day of the eighth month. Considering that all the other years show too much divergence, 1276 appears to be a perfect answer. That year happens to be the second year when Marco Polo arrived Shangdu.

Concluding remarks

Comparing Marco Polo’s description of the Ceremony of sprinkling Milk of White Mares at Xanadu with various Chinese sources, the details of the procedure almost always tally with each other. The date of the ceremony was chosen contingently by the court with suggestions by astrologists and shamans every year. Polo’s “the 28 day of the moon of the month of September” corresponds to the 28th day of the seventh moon in Chinese calendar. After the ceremony, the Qa’an departed Xanadu for Dadu. Evidenced from Chinese sources, only in 1276 Qubilai might have performed the ceremony on the 28th day of the seventh moon. At that time Marco Polo probably stayed at Xanadu.

REFERENCES

Andreose, A., Ménard, P. 2010. *Le Voyage en Asie d’Odoric de Pordenone: traduit par Jean le Long OSB – Itineraire de la peregrinacion et du voyaige (1351)*, Paris: Droz.

- Jia Jingyan 贾敬颜 2004. *Wudai song yuan ren bianjiang xingji shisan zhong shuzheng gao* 五代宋元人边疆行记十三种疏证稿, Beijing: zhonghua shuju.
- LJZY- Yang Yunfu 杨允孚. *Luanjing zayong* 滦京杂咏, edition of Zhibuzu zhai congshu 知不足斋丛书.
- Moule, A.C. & Pelliot, P. 1938. *Marco Polo the Description of the World*, London: G. Routledge & sons, Limited.
- Pelliot, P. 1959–63. *Notes on Marco Polo*, Paris: Imprimerie Nationale.
- Serruys, H. 1974. *Kumiss Ceremonies and Horse Races*, Wiesbaden: Harrassowitz.
- Sadula 萨都刺. 1982. *Yamen ji* 雁门集, Shanghai: Shanghai guji chubanshe 上海古籍出版社.
- Suluge 苏鲁格 & Song, Changhong 宋长宏. 1994. *Religious History in Chinese Yuan Period* 《中国元代宗教史》, Beijing, Renmin chubanshe 人民出版社.
- Suluge, 2006. *Religious History of the Mongolians* 蒙古族宗教史, Shenyang: Liaoning minzu chubanshe 辽宁民族出版社.
- Takata, H. 高田英樹. 2013 (trans.). *Three mss. of Devisement du Monde* 世界の記, Nagoya: Nagoya University Press.
- XJZ- *Xijin zhi jiyi* 析津志辑佚, 1983. Beijing: Beijing guji chubanshe 北京古籍出版社.
- YS- *Yuan Shi* 元史, 1976. Beijing: zhonghua shuju 中华书局.
- Imai, Hidenori. 今井秀周 2007. “The Religious Ceremony of the Tien (天) of the Mongol: Between the Mongol Empire and the Yuen Dynasty” *モンゴルの祭天儀式: モンゴル帝国から元朝の間について*, *Bulletin of Tōkai Women's College* 東海女子大学紀要, 26: 1–17.

THE SOCIAL POLICY OF THE KHITAN EMPIRE (LIAO DYNASTY)

Pierre Marsoné

École Pratique des Hautes Études, France, Paris

Peoples like Khitan, Jurchen or Mongols, who sometimes played an important role in Chinese history, are traditionally considered as “Barbarians” and until now their image is often that of conquerors mainly able to make war, plunder or massacre. A more accurate study of the Liao dynasty shows the Khitan rulers ability of combining both martial and civil policies. On the one hand, Liao dynasty emperors enforced conventional measures regarding justice. On the other hand, on the demand of the local people, Liao rulers often kept good officers at their office and the State took measures against corruption. An accurate reading of the annals of the History of the Liao points out more original social measures. The communication deeper examines this policy in order to evaluate its place in the history of China.

Key words: Khitan – History of China – Social policy.

The Turko-Mongolic or Tungusic peoples that have governed more or less extended regions of China throughout history are often seen as conquerors. In peoples' minds their martial character (武) is evident but their civil character (文) is unknown. A general, abstract approach to such a question is not possible. The designation ‘Northern peoples’ (北方民族) is artificial in so far as Turks, Mongols, Khitan, Jurchen, and Manchus had profoundly different ways of life, with some being nomadic peoples and others not. They also had different visions of conquest: the Mongols desired to go to the ends of the earth whilst the Khitan were soon satisfied with a given territory. Moreover, they did not act in the same way during the initial periods of conquest and after several decades of close contact with Han populations.

Therefore it is not possible to treat the question of the civil government of the Northern peoples in a comprehensive manner without first having studied its various concrete aspects. To contribute to this discussion, I wish to evoke some aspects of the judicial and social policies of the Khitan rulers of the Liao dynasty. A systematic and close reading of the *Liaoshi* reveals that the Khitan monarchs had a judicial and social policy that was far more intense than could have been imagined and that on several occasions they used their authority to decree that a rich group amongst the population was to pay for the poorest.

I. Concern for justice: appeals to the emperor and the revision of sentences

The Khitan displayed a particularly marked concern that justice be done and that the victims of unjust trials be able to assert their right to appeal a sentence. In the first years of his reign Abaoji, the founder of the dynasty, created a Bell Office. The plaintiffs who came to ring its bell could appeal to the emperor to review a judgment. This sort of office was not a pure invention of the Khitan. An institution with the same name had already been created in 432 by another Northern people, the Tabghach, who founded the Northern Wei dynasty. The Khitan Bell Office, later abolished by Muzong, was re-established in 971 (Baoning 3) under the name ‘Drum Office for Appeals to the Emperor’ (登聞鼓院) [Hucker: ‘Public Petitioners Drum Office’]. In spite of the mention of a drum in the name, the instrument used to appeal to the emperor continued to be, or soon re-became, a bell.

In 1039 Xingzong reiterated that if a plaintiff rang the bell and called on the emperor, accusing the Northern Government of partiality, the emperor should be informed of all.

This special bell office existed alongside a more common and continuous custom in Chinese history – that of the review of judgments (錄囚). This system of review and rectification of judgments by the central authority goes back to the Han dynasty. It was, however, applied in a very variable manner depending on the dynasty. Under the Liao, the emperor himself regularly reviewed judgments. Sometimes he would even send high-ranking officials to review judgments in the regions of the empire. This was the case, at least, in 963, in 1016, and in 1017.

In the tenth month of 1043, Shengzong ordered that heavy sentences in all regions be reported to him and he sent officials to examine the sentences. On another occasion, although we do not know for what precise reason, the high-ranking official Gao Zheng was sent to inspect the prisons of all the regions, and in the 3rd month of 1046 the emperor showed his concern for the monitoring of sentencing by decreeing that every region was to report annually to the throne all condemnations proclaimed.

According to the statistics that can be drawn from the official histories, the dynasty that carried out the most intense review of judgments was the Ming (75 occurrences). What is surprising is that the *Liaoshi*, which is very brief in comparison with the other official histories, ranks second with 46 occurrences. The *Jinshi*, two and a half times the length of the *Liaoshi*, mentions *luqiu* only once. These few statistics allow us to conclude that a concern for justice manifested in the revision of judgments was certainly not a particularity of the Northern peoples but that, in Chinese history, it is most characteristic of two regimes: the Khitan and the Ming.

II. Struggle against corruption

After the justness of sentencing, the struggle against corruption is another state undertaking whose social impact is significant. We have few precise figures for this phenomenon in Liao society, but the dynasty's annals shows that the struggle against corruption was particularly close to the heart of the Shengzong emperor. On his ascension to the throne a campaign against corruption and for filial piety was undertaken. In the very terms used to launch the campaign, the emperor ordered the left and right ministers of the three capitals, the left and right secretaries (*pingzhangshi*), the cabinet chiefs of the viceroys and imperial commissioners, the judges of military affairs and the administrative supervisors to uphold equity and not to seek to please through partiality. If assistants of district magistrates witnessed unjustified requisitions on the part of prefectural officials, they were not to obey with servility but to observe and listen in order that this might be used in the evaluation [of their superiors]. If a commoner whose parents were still alive lived elsewhere, the village was to be allowed to lead an investigation and punish him. As for those who were filled with filial piety and where three generations lived under the same roof, the door of their house should be honoured. As the emperor was only three years old at the time of this proclamation, it certainly emanated from his mother, the Empress Dowager Chengtian.

However after the death of Chengtian, Shengzong also regularly took measures to fight against corruption. The *Liaoshi* speaks at times of *shouqiu* 受賂, at times of *shouluo* 受賂, and at other times of *zangwu* 贓汙. In the seventh month of 1019 Shengzong decreed that if it came to light that inner and outer officials had accepted bribes in the course of their service, they were not be allowed to blame their descendants or servitors, and in 1026 he decreed that if it became known that members of the imperial clan had accepted bribes they were to be punished in the same manner as ordinary citizens.

The application of these rigorous measures was, however, variable. In 1037, when the Grand Southern King Yelü Xinning was found guilty of having concealed embezzlement that should have been severely punished and his servitors and servants were convicted of taking bribes, he was sentenced to be beaten with the blunt side of a sword and was dismissed from his office. His cabinet chief was accused of servile complacency, and his servitors and servants of error. However, although they were condemned to death, the emperor pardoned them. In 1040 this concern to have officials of probity appears again with a decree stipulating that those who had broken the law could not occupy a post in the administration, and that officials were not to neglect their duties through drunkenness, “except during marriages and funerals”.

III. Distribution of relief to disaster-stricken populations

The distribution of relief to disaster-stricken populations that had suffered bad harvests due to drought, flooding or plagues of locusts is an important social measure often mentioned in the *Liaoshi*. However this sort of measure is regularly enacted under all dynasties, and does not need to be developed on particularly. I will remark that the usual term for relief provided by the state is *zhen* 賑[濟], but in the *Liaoshi*, with two exceptions only, the character *zhen* is always written with its homophone 振. This replacement is somewhat strange because, even in the *Jinshi*, the character used is 賑. That being said, relief is sometimes specially destined for the poor

of a given population. This was the case in 1018 when Shengzong sent relief to the two prefectures of [Bai] Chuanzhou and Raozhou, “and for the poor of the Central Capital”.

IV. Tax exemptions

Aid given to disaster-stricken populations could also be in the form of exemption (免, 復) from taxes. In the third month of 985, after having consulted the registers of the tribes, Shengzong, remarked that the households of the Niela and Uwi tribes were few and their burden heavy, and resolved to dispense them [from corvées]. Exemptions from taxes could also concern refugee households. This was the case in 992 when the refugees of Shuozhou were exempted from taxes for three years, or in 997 for other non-specified “migrants”. Similar measures were taken for Pingzhou in 1001 and, following a bad harvest, for the population of the Supreme Capital (Shengjing) in 1043.

V. Attention to the poor

Perhaps the most remarkable aspect of the social policy of the Khitan is the attention given, from the very highest level that of the emperor, to the poorest members of the population. This attention often appears spontaneous and direct. We can find examples of it in the very first years of the empire, under the reign of Abaoji. The annals record that in the 6th month of 922, Abaoji sent the Army of Eagles to attack the “south-western tribes”, perhaps the Tangut. On the order of the emperor, the goods obtained were not divided amongst officers and soldiers as is often the case, but distributed to the poor. From the reigns of Jingzong and Shengzong, the attention given to the poor becomes more marked. In 976, Jingzong sent five emissaries to search the land for the widowed and for orphans and to bring them relief. In the 2nd month of 983, the empress dowager visited the newly finished tomb of Jingzong and distributed gifts of varying values to the workers who had built it. In 988, Shengzong accepted the proposition of the imperial commissioner of Datongjun to increase the exchange price for grain so as to profit the poor. In 994 the emperor offered plough oxen to poor households of the Army Command of the Southern Capital. In 1019, the emperor visited a market and exceptionally amnestied the convicts who had been assigned there.

There is another case where an imperial decree was the direct result of an injustice and repaired a crying inequality. During the Qianheng era, the families of merchants (yunweihu 云(運)為戶) of the Supreme Capital obtained excessive rates of interest as well as avoiding corvée duties. Shengzong ordered that when the value of the interest surpassed the principle, the sum would be turned over to the administration to be redistributed to the poor.

Other times, the annals mention more precisely that the poor of the population were aided, again upon the order of the emperor, but, instead of by the state in general, by the rich amongst the ethnic group to which they belonged. A first example, although ambiguous, can be linked to this phenomenon. In the 12th month of 928 when, on the proposition of Yelü Yuzhi, Taizong deported the population of Dongdan in order to make Dongping (today's Liaoyang) the first Southern Capital of the Khitan, it was ordered that the wretched who could not transport themselves be nourished by the elite of the nation and the rich and would belong to them. The presence of a dimension of solidarity in this measure is debatable since the aid provided by the rich had its counterpart in a form of enslavement of the beneficiaries. But there are other examples where the rich were called upon without receiving a benefit in counterpart. For example, in the second month of 997, the emperor ordered that the rich members of the Pinbu tribe were to come to the relief of its poorest. In the sixth month of 1028, after the interim Great Northern King Yelü Zhengliu had memorialized that in the eleventh month of that same year the crown prince was going to marry and that the clans should prepare the tent of the meeting of the families (*huiqin zhi zhang*), the emperor ordered 30 rich households to finance it. Sometimes it is the Imperial Secretariat that takes the initiative of proposing such measures. In 985, just before the exemption from corvées of the Niela and Uwi mentioned above, the Imperial Secretariat had reported that a majority of Khitan households liable for corvées were in difficulty and had asked that they be replaced by rich households.

In corollary with the decisions mentioned above, it is possible to make an important remark about Khitan society more generally: even after many decades of cohabitation with the Han and the adoption of a number of elements of their culture, the Khitan did not develop into a society composed of more or less wealthy social classes, but remained a society constituted of clans and tribes inside of which both rich and poor were to be found. Inside of these constitutive groups, even inside those that belonged to the aristocracy, we find people in need. This is also confirmed by another measure: in the 4th month of 984 the emperor ordered that gifts be made

to noblewomen who were widows. It is not impossible that the widowed noblewomen were in fact the wives of officers that had fallen in the battles against the Song of the preceding years. However that is not specified in the annals.

Finally, two anecdotes conform the remark of K.A. Wittfogel that inside the Yelü clan itself there were both rich and poor: even the patriarchal houses, that is to say the descendants of the uncles and brothers of Abaoji, included members in need, since in 1042 Xingzong gave subsidies to them. Again, towards the end of the dynasty, the emperor Daozong redistributed silks to the poor of the Wuyuan 五院 tribe. The Wuyuan were, alongside the Liuyuan 六院, one of the two tribes that issued from the partition of the Diela 迭剌 tribe that had been commanded by Abaoji himself. This Diela tribe was the tribe of the Yelü, the imperial clan of the Liao. Diela, and after them Wuyuan or Liuyuan, whilst not necessarily nobles, surely possessed a certain prestige. This historical anecdote demonstrates that this prestige quite visibly did not preclude them having poor in their midst.

VI. Attention to frontier populations

Another aspect of the policy of appeasement and assistance of the Khitan emperors was more specifically directed towards frontier populations. In 986, learning that Duli and Yali whom he had sent to the Uighurs and the Heliege had been detained by the Zhubugu, Shengzong ordered the Susa to deliver goods and silver to the Zhubugu and to inform them that he looked after distant peoples. If in this case the aid to distant peoples was forced by events, in other cases it was undertaken more freely. In the 6th month of 989, Shengzong ordered that livestock of all sorts be given to the poor of the frontiers. Shengzong was extraordinarily clear-sighted with regard to the possible abuses and exactions of his own administration. Thirty years later, in 1020, when he received a complaint from the Commissariat for the Repression of the South West accusing the Songxi, a Tangut clan, of being late in delivering their tribute, and, by implication, likely to rebel, and asking to place them under administrative surveillance, Shengzong did not hesitate to publicly denounce his administration without mincing his words, in a rescript that the annals have preserved for us: “The small peoples of the frontier must furnish a regular annual tribute. However the frontier officials are tyrannical. They exact and accumulate without measure so that the tribes are terrorised and cannot act as they would wish to. Only honest and conscientious officials and officers who will show them benevolence and confidence and will not plunder them are to be sent, and the tribes will spontaneously show themselves to be docile.” Shengzong would not have criticised his own administration so sharply if he did not have good reason to do so.

VII. The good officials of the Khitan Liao dynasty

It would be unjust to draw too black a picture of the officials of the Khitan Empire from the above anecdote. On numerous occasions, the annals mention local populations asking to keep a prefect whose mandate was arriving at its end, and the emperor agreeing to leave the high-ranking official in place: in 987 the Niela asked for and were granted the right to keep their imperial commissioner Sageli, whose administration was good. It was the same for the prefect of Yanzhou, Li Shouying, in 990, for the imperial commissioner of Wudingjun, Han Dechong, in 993, and for the imperial commissioner of Changningjun, Xiao Jieli, in 994. In 1020 again, when the Commissioner for the Repression of the South West reported the Dijiu and the Diliede saying that the administration of their imperial commissioner Hanliu was good and that, although he should be replaced, they wished to keep him, the emperor ordered that the successes of his administration be officially presented before the court.

Conclusion

Thus, the government of the Khitan, in a general manner and regularly – and apparently more so than other dynasties – promoted social peace through a dual policy, judicial and economic. Their social policy was not limited to the conventional relief of disaster-stricken populations, nor even to exceptional measures demonstrating the attention of the sovereign for the labours of his people such as when, in the 7th month of 1045, the emperor forbade his escort to trample on crops. It was much more intense and diversified. In its judicial aspects, apart from the conventional amnesties decreed on the occasion of events fortunate for the empire, on which there is no need to dwell, the Khitan sovereigns took pains, from the very first years of the Yelü empire, to frequently review sentences, to expedite, when necessary, the resolution of backlogged judicial affairs, and, above all, to offer the possibility of a direct appeal to the judgment of the emperor if people felt they were victims of an injustice. As well as this attention to particular cases, the benevolence of the Khitan emperors was manifested to entire groups of the population. This was the case on the occasions when they agreed to leave in place a good official on the demand of a local population, and is even more evident when they unilaterally decreed that a given part

of the population that was in difficulty should be aided by the state, or by the rich of the social group to which it belonged. This attitude seems to have been so normal in the Khitan world that it was sometimes proposed to the emperor by the highest level of the administration. This benevolent attitude of the Liao emperors towards their people seems markedly different from that of the emperors of other Chinese dynasties. This seems at least to be supported by a rapid statistical comparison of the key terms. Without claiming to have exhausted the possibilities of the debate, these pages launch the idea that the Khitan had a social policy that was remarkable and unique in the history of China, the discussion resting open for a better comparative analysis with other dynasties.

П. Марсон

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КИДАНЬСКОЙ ИМПЕРИИ (ДИНАСТИИ ЛЯО)

Народы вроде киданей, чжурчжэней или монголов, иногда игравшие важную роль в истории Китая, традиционно считались «варварами» и до сих пор их образ часто представляется в виде завоевателей, способных в основном воевать, грабить или убивать с особой жестокостью. Более тщательное исследование династии Ляо показывает способность киданьских правителей к сочетанию военной и гражданской политики. С одной стороны, императоры династии Ляо усиливали традиционные меры в отношении правосудия. С другой стороны, по требованиям местных жителей ляоские правители часто держали хороших чиновников в их учреждениях, и государство предпринимало меры против коррупции. Тщательное прочтение хроник «Истории Ляо» указывает на более оригинальные социальные меры. Данная работа (досл. «сообщение». – *А.И.*) глубже исследует эту политику с целью оценить её место в истории Китая. (Перевод А.Л. Ивлиева)

Ключевые слова: кидани, история Китая, социальная политика.

ЯЗЫЧЕСТВО В ЗОЛОТООРДЫНСКОМ АЗАКЕ. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О ВЕРОТЕРПИМОСТИ

А.Н. Масловский

Азовский музей-заповедник, Азов

В статье рассматриваются археологические данные, свидетельствующие о широком распространении язычества среди жителей Азака. Приводятся следующие группы находок. 1. Следы проведения языческих ритуалов. 2. Одиночные погребения на территории усадеб. 3. Погребения в заброшенных жилищах. 4. Языческие могильники. 5. Амулеты. Делается вывод об отсутствии преследований язычников в Азаке.

Ключевые слова: язычество, амулет, погребальный обряд, веротерпимость.

Среди исследователей, занимающихся изучением Золотой Орды, широко распространено мнение, о том, что ислам был государственной религией этого государства. Споры идут о деталях, как, например, о времени принятия мусульманства ханом Узбеком. При этом факты, противоречащие этому, объявляются несущественными. В их числе, в частности, свидетельства о сохранении большого числа язычников, что было бы недопустимо в исламском государстве. Не претендуя на исчерпывающий анализ в короткой работе, попытаюсь дать обзор находок, полученных в ходе раскопок Азака.

Будучи крупным городом, он должен был быть центром распространения ислама. Таковым он, очевидно, и выступает у Ибн-Батутты (Тизенгаузен, 1884: 284–285). В отличие от людей писания, язычники-многобожники не должны были бы рассчитывать на снисходительное отношение мусульман. Это иллюстрируется сообщением И. Барбаро о том, что в его время язычники в кочевой орде были вынуждены скрывать свою веру (Барбаро..., 1971: 146). Очевидно, что в XIV в. положение язычников в кочевой степи было иным, на что собственно и указывают письменные источники (Барбаро..., 1971: 140). Но каким было положение в крупном городе поблизости от мечетей и медресе?

Свидетельств существования язычников в Азаке достаточно много. Их можно разделить на три основные группы. 1. Следы проведения ритуалов. 2. Погребения, совершенные по языческому обряду. 3. Предметы, так сказать, личного благочестия – амулеты. Оговоримся, что о еще одной группе потенциальных свидетельств – языческих святилищах – ничего определенного сказать нельзя. Даже более капитальные постройки – мечети и церкви в Азаке исследованы в единичных случаях. Возможно, святилища просто еще не попали в пределы раскопок. Они могли иметь очень скромное оформление и размеры, и просто не идентифицируются, или язычники Азака, что вероятнее всего, не имели стационарных святилищ.

Тем интереснее следы проведения языческих ритуалов. Наиболее показателен комплекс из двух купольных печей, располагавшихся на границе одного из городских кладбищ и пустыря (Гудименко, Масловский, 1994: 167, рис. 2). Его назначение – ритуальное очищение людей, выходящих с кладбища. О подобном очищении у монголов говорится у Карпини (Путешествия..., 1957: 33). Совсем не обязательно, что в данном случае комплекс принадлежал монголам. Подобный обряд мог существовать и у других этнических групп. Также в пределах кладбищ зафиксированы ямки-тайнички с развалами сосудов, использовавшихся, скорее всего, при совершении погребальных обрядов (Волков, 1989: 8; Гудименко, Масловский, 1994: 169, рис. 3).

Зафиксированы также обряды, привязанные к домашнему очагу. На раскопе по ул. Толстого, 96Б в 2013 г. в очаге в поливной кружке местного производства было найдено два онгона, один из которых фрагментирован (Гончарова, Широченко, 2016: 73, рис. 24, 1–2) (см. рисунок, 15, 16). Также в очаге на раскопе по ул. Толстого, 41 был найден амулет из метаподий и пальцевых фаланг собаки (см. рисунок, 9). Другие находки можно отнести к этой группе менее уверенно. В раскопе по ул. Толстого, 28 в тандыре в слое золы найдена низка стеклянных бус, бронзовая миска и монеты (Гудименко, 1997: 25) без следов воздействия огня. Неоднократно в очагах находили различные сосуды.

Отдельной категорией идут строительные жертвы. Так, под бронзолитейными печами были расчищены скелеты трех собак; под хлебопекарным тандыром – скелет гуся и чучело овцы (Белинский, Масловский, 2001: 43–44). Очевидно, что в большинстве случаев опознать с уверенностью следы совершения обрядов проблематично. Например, являются ли компактно уложенные в погребенную почву бытовые предметы жертвой или это просто клад? Для чего был сделан запас из нескольких сотен лопаток молодых особей мелкого рогатого скота (Гончарова, Широченко, 2016: 67): для гаданий или для совершения иных обрядов? А в большинстве своем они, подобно обряду, упомянутому И. Барбаро, просто не оставляли следов.

Погребения, совершенные по языческому обряду, исследованные в Азаке, можно разделить на три группы.

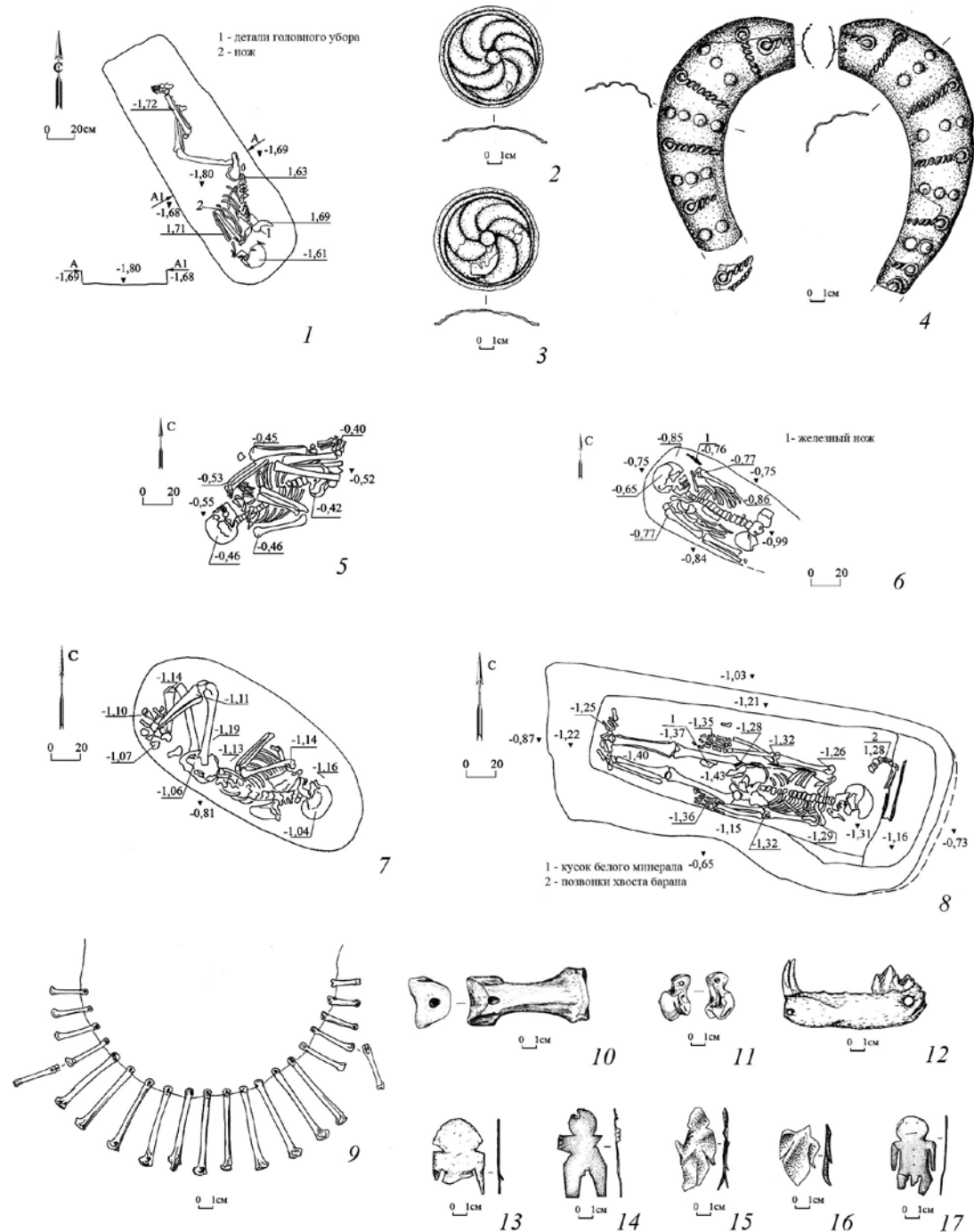
1. Одиночные погребения, совершенные на территории жилых усадеб, на которых люди, вероятно, и проживали. Встречены как погребения кочевников (Масловский, 2012: 172, рис. 1, 1–13; 2013: 125, рис. 3) так и иных этносоциальных групп. Они, как правило, сопровождаются скудным погребальным инвентарем. Среди них особо выделим погребение женщины с юго-восточной ориентировкой с деталями головного убора и железным ножом (см. рисунок, 1–4). Мы склонны связывать его с мордовским этносом (Гончарова, Широченко, 2016: 103). Вероятно, к этой же группе следует относить заложные погребения. Их самым ярким примером является погребение ребенка, спрятанного в нишу в стенке заброшенного погреба, уложенного на живот, с частичным расчленением и массивным топором поверх скелета (Масловский, 2010: 237).

2. Особой группой языческих погребений являются захоронения в заброшенных жилищах, расчищенные минимум в 6 комплексах, в количестве от 2 до 6. Они зафиксированы в различных районах города. Во всех случаях погребенные уложены вдоль стен, иногда в специально вырезанные ниши. Ориентировка, очевидно, была несущественна, поскольку в пределах одного жилища встречены и меридиональные и широтные, и противолежащие ориентировки. Все погребения безинвентарны.

3. Последней и самой яркой группой языческих погребений являются языческие могильники. На настоящий момент их известно два. Они расположены рядом, на склонах Кирсановой балки, и отчасти сливаются друг с другом. Лучше исследован могильник, расположенный к западу от Кирсановой балки. Здесь изучено свыше 130 погребений. Он резко отличается от всех иных могильников города (Масловский, 2010: 190). Помимо значительного числа захоронений с инвентарем, наиболее примечательна, вероятно, широкая вариабельность ориентировок, вариантов труположения и специфических особенностей погребального обряда (см. рисунок, 5–8). Например, в погребение 134 был уложен хвост барана (очевидно, курдюк) (см. рисунок, 8).

На этом же могильнике встречены и мусульманские захоронения. Причем нельзя уверенно говорить о том, что они более поздние. Наиболее вероятным представляется предположение о том, что данный могильник оставлен мордвой.

Могильник на восточной стороне Кирсановой балки известен хуже. Судя по раскопаным в 2016 г. захоронениям с северо-восточной ориентировкой и типичным для подкурганых погребений инвентарем (ножницы, зеркало, кресала), этот могильник оставлен оседавшими в городе кочевниками. Здесь также зафиксированы и исламские погребения.

Раскоп по просп. З. Космодемьянской, 54 (2014 г.):

- 1 – план погребения № 1;
- 2–4 – медные позолоченные пластины.

Раскоп по ул. Московская, 95 (2006–2007 гг.):

- 5 – план погребения № 107;
- 6 – план погребения № 112;
- 7 – план погребения № 133;
- 8 – план погребения № 134.
- 9 – амулет из костей собаки (раскоп по ул. Толстого, 41, Жилище 14, Очаг 1 (2000 г.));
- 10 – амулет из верблюжьей кости (раскоп по ул. Ленинградской, 71 яма 1 (1997 г.));
- 11 – амулет из кости собаки (раскоп по ул. Московская 38/40, Р-V, яма 3 (1999 г.));
- 12 – амулет из кости волка (раскоп по ул. Дзержинского, 49, яма 8 (2008 г.));
- 13–17 – медные онгоны (раскопы: 13 – ул. Ленинградская, 98 (2014 г.);
- 14 – ул. Московская, 95 (2006 г.);
- 15–16 – ул. Толстого, 96Б, Жилище 2, Очаг 1 (2013 г.);
- 17 – ул. 50лет Октября, (1990 г.)

Подчеркну, что эти два могильника входят в большую внешнюю дугу могильников, образовавшуюся вокруг города Азака только в период правления хана Узбека (Масловский, 2016: 292–293). Вполне очевидно, что участки земли под кладбища отдельным общинам отводились представителями городской администрации.

Завершая обзор языческих захоронений, следует сказать, что самостоятельной темой является выявление отдельных языческих захоронений на других городских некрополях. Если на языческих могильниках встречены погребения мусульман, очевидно, бывших членами данной этнокультурной общины, то и на исламских могильниках мы можем обнаружить погребения язычников, бывших соплеменниками мусульман. Такие захоронения имеются, но их рассмотрение требует значительно большего объема работы.

Последней группой свидетельств присутствия в городе язычников являются амулеты, аналоги христианских крестов и мусульманских коробочек с цитатами из Корана. Оставим вне нашего рассмотрения предметы, так сказать, двойного назначения – бусы и другие детали костюма и украшений. Наиболее примечательны две категории предметов. Это прежде всего, амулеты из костей животных (собаки, волка, медведя, верблюда) (см. рисунок, 9–12). Амулеты сделаны преимущественно из костей дистального отдела конечностей, но есть и амулеты из челюстей и отдельных зубов. Ислам резко отрицательно относится к амулетам из костей и зубов животных, поскольку это несомненные идолы.

Второй категорией являются медные онгоны (см. рисунок, 13–17). Их на настоящий момент найдено 17 ед. Встречены они преимущественно в юго-восточных районах Азака. Два из них, как уже указывалось, использованы при совершении какого-то обряда (см. рисунок, 15, 16). Еще два найдены на территории кладбищ (см. рисунок, 13, 14). Причем один из них (см. рисунок, 13) был сломан еще в древности. С учетом того что юго-восточный район города имел значительно более редкую застройку и исследован значительно слабее центра города, число онгонов впечатляющее. Данные небольшие идолы также должны были вызывать резко негативное отношение ислама.

Мы не учли другие категории амулетов, но и двух приведенных категорий достаточно, особенно если учесть, что ни одной достоверной находки футляров для хранения изречений из Корана при раскопках в Азаке нет, а число христианских крестов значительно уступает числу языческих амулетов.

Разумеется, относительно любой отдельной находки можно возразить, что это следствие нестойкости в вере новообращенных мусульман или христиан и снисходительности золотоордынских улемов, мулл и кадиев, и привести примеры, скажем, использования амулетов высшим христианским духовенством. Но само количество свидетельств, а особенно наличие отдельных языческих могильников указывает на то, что язычники в Азаке исповедовали свои верования вполне открыто, не опасаясь преследований. При этом речь идет о группах, которые нельзя было приравнять к зиммиям, как например, зороастрийцев.

На мой взгляд, данная картина совсем не исламской, а именно монгольской веротерпимости – лишнее свидетельство того, что мнение об исламе как государственной религии Золотой Орды является явным преувеличением.

ЛИТЕРАТУРА

- Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в., 1971. Л.: Наука.
- Белинский, И.В., Масловский, А.Н. 2001. Раскопки в г. Азове по улице Толстого в 2000 году. *Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1999–2000 гг.* Вып. 17. Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: 38–47.
- Волков, И.В. 1989. Охранные раскопки мусульманского могильника в г. Азове. *Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1988 г. (Тезисы докладов к семинару)*. Азов: 7–11.
- Гончарова, С.М., Широченко, Э.Б., Харенко, М.В., Гончаров, М.Ю., Масловский, А.Н., Минаев, А.П., Юдин, Н.И. 2016. Археологические исследования в городе Азове в 2013–2014 годах. *Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2013–2014 г.* Вып. 29. Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: 50–126.
- Гудименко, И.В., Масловский, А.Н. 1994. Новые данные о мусульманских городских могильниках золотоордынского Азака (по материалам раскопок 1992 г.). *Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1992 году*. Вып. 12. Ред. В.Я. Кияшко. Азов: 162–177.
- Гудименко, И.В. 1997. Спасательные археологические раскопки в городе Азове и Азовском районе. *Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1994 г.* Вып. 14. Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: 73–77.
- Масловский, А.Н. 2010. Археологические исследования в городе Азове и Азовском районе в 2007–2008 годах. *Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2007–2008 гг.* Вып. 24. Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: 182–242.

- Масловский, А.Н. 2012. Золотоордынский Азак и кочевники. Пути интеграции в городскую жизнь и влияние на судьбу города. *История и культура средневековых народов степной Евразии: Материалы II Международного конгресса средневековой археологии Евразийских степей (Барнаул, сентябрь 2012 г.)*. Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: 171–174.
- Масловский, А.Н. 2013. Кочевники в золотоордынском Азаке. *Город и степь в контактной евро-азиатской зоне. Труды ГИМ*. Вып.184. *Материалы III международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения профессора Г.А. Федорова-Давыдова (1931–2000)*. Отв. ред. В.Г. Рудаков. М.: 121–127.
- Масловский, А.Н. 2016. Топография городских могильников золотоордынского Азака и их влияние на общегородскую планировку. *Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды. Материалы Седьмой Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова*. Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков. Казань, Ялта, Кишинев: 290–293.
- Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. 1957. М.: Географиздат.
- Тизенгаузен, В.Г. 1884. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб.

A.N. Maslovskiy

PAGANISM IN GOLDEN HORDE AZAK. ARCHAEOLOGICAL INFORMATION ABOUT TOLERATION

The article contains archaeological data, proving the fact of widespread existence of pagan cult among the Azak citizens. Here are categories of artifacts mentioned. 1. Traces of pagan rituals. 2. Single burials on farmstead territories. 3. Burials in abandoned houses. 4. Pagan graveyards. 5. Amulets. A conclusion is made about the lack of persecution of pagans.

Key words: amulet, the funeral ceremony, religious tolerance.

ТОРГОВЫЕ, ВОЕННЫЕ И ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ДОРОГИ ТЮМЕНСКОГО И СИБИРСКОГО ХАНСТВА: ЗАПАДНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

Д.Н. Маслюженко, Е.А. Рябина

Курганский государственный университет, Курган

Торговые, дипломатические и военные отношения связывали государства постордынского мира в сложную систему. Не были исключены из нее Тюменское и Сибирское ханства. Для их функционирования был необходим налаженный обмен купцами и дипломатами. Для этого была сохранена и реконструирована ранее существовавшая разветвленная сеть дорог и путей с переправами через реки. Были изучены основные маршруты различных внешних взаимоотношений на западном направлении из Сибири через Урал в Поволжье и Прикамье. В статье представлен опыт локализации в пространстве некоторых походов и миссий XV–XVI вв. Выбор их маршрута был тесно связан не только с удобством, но и с доступностью в контексте союзных внешнеполитических отношений.

Ключевые слова: Тюменское ханство, Сибирское ханство Шибаниды.

Представить историю позднесредневекового государства, вышедшего из чингизидской политической традиции, вне локального кочевания местных номадов под руководством степной элиты и глобального движения купеческих караванов, военных отрядов и посольских миссий невозможно. Очевидно, что не являлись исключениями и те политические объединения, которые образовались на северной периферии постордынского пространства, т.е. на юге Западной Сибири. По мнению А.В. Головнева, «Ното mobilis оставался ключевой фигурой геополитики до позднего средневековья, когда последние кочевые вулканы угасли под прессом военных технологий и политических идеологий» (Головнев, 2009: 420). При этом маршруты разных передвижений в силу сибирской экологии и ландшафтов должны были быть достаточно похожими.

Со второй четверти XV по начало XVII в. здесь последовательно функционировали Узбекское, Тюменское и Сибирское ханства династии Шибанидов. Р.Ю. Почекаев считает, что местные правители не только сами были участниками торговли, особенно пушниной, но и активно поддерживали местное купечество во внутренней и внешней торговле, что отчасти продолжало политику их предшественников периода Улуса Джучи (Почекаев, 2013: 142–145). Купеческие караваны могли не только перевозить товары и информацию, дипломатические послания и поминки, но и сопровождать небольшие посольства, как это следует из сибирско-бухарских отношений 1590-х гг. (Беляков, Маслюженко, 2016: 234–235). При этом А.В. Матвееву удалось доказать существование дорожной системы Сибирского ханства во

второй половине XVI в. и показать ее возможные истоки в предшествующее время (Матвеев, 2014: 47–60). Несмотря на это Г.Х. Самигулов пишет: «А вот то, что этих дорог в Южном Зауралье к началу русского расселения было довольно много... Этот момент до дня сегодняшнего для многих является не очевидным». Причем, он замечает, что это были именно дороги, «по которым можно было проехать на повозке, а не только пройти пешком» (Самигулов, 2012: 34).

Основатель будущей ханской династии Шибан б. Джучи, получивший удел в Южном Зауралье, Центральном и Северном Казахстане в 1242–1243 гг., должен был обеспечивать функционирование проходившей здесь части имперского ямского пути (Костюков, 2008 г.). По всей видимости, этим продолжали заниматься и его наследники, благодаря чему на юге Западной Сибири появлялись зеркала и монеты из ордынского Поволжья. Г.Н. Гарустович на основании Брик-Алгинского и ряда других кладов предполагает, что в период Великой Замятни караваны шли из Булгарского улуса в Западную Сибирь по территории Южного Приуралья (Гарустович, 2012: 166). А.В. Матвеев предположил, что образование ханства Абу-л-Хайра с центром в Чимги-Туре в конце 1420-х гг. произошло на перекрестке широтного пути из Поволжья через Уфимские степи в Туру (т.н. Казанской дороги) с меридиональным прииртышским путем из Центральной Азии в Сибирь (Матвеев, 2014: 48). Исходя из этого маршруты западного направления должны были наследовать именно конкретным дорогам и путям, сложившимся в золотоордынский период, когда поддержка торговли была одной из функций ханской власти. Их значение сохранялось и в XVII в., когда эти земли вошли в состав Московского государства.

Несмотря на понимание значимости этих маршрутов, путей и дорог для торговли, дипломатии и войны, имеющиеся письменные и археологические источники не всегда позволяют нам конкретизировать маршруты этого движения для отдельных дипломатических миссий и военных походов, которые лучше всего представлены именно на западном (приуральском, поволжском, московском) направлении. В целом принято реконструировать несколько традиционных путей сообщения через Уральские горы: 1) Вишерско-Лозьвинский путь (с Вычегды или Камы до г. Чердынь, по Вишере, Велсу, Лозье по Тавде и Тоболу в Искер); 2) дорога по Сылве и Чусовой через Урал, Тагильский (Тюменский) волок на Тагиле, Туру до г. Чимги-Туры; 3) Казанская дорога по р. Кама через Уфимские степи на верховья Исети в Чимги-Туру и Явлы-Туру. Авторы вполне правы, что выбор с учетом горных перевалов и речных переправ был невелик, при этом крайне западным пунктом были Тюменские ворота г. Казань, а на востоке они шли до Чимги-Туры и Искера (Бахрушин, 1955: 92–109; Матвеев, 2014: 54–55).

Наиболее подробная информация по западному направлению имеется для Тюменского ханства периода правления там трех братьев Ибрахима (Ибака), Мамука, Агалака и Кутлука б. Ибрахима в период 1469–1510? гг., а также правления в Сибири внука Ибрахима Кучума (1563–1600 гг.).

С учетом территории расположения рассматриваемых ханств можно поставить под сомнение удобство Вишерско-Лозьвинского пути, поскольку в его рамках тюменские и сибирские купцы должны были значительно увеличивать продолжительность и протяженность своего путешествия. По этой же причине еще более он был неудобен для использования дипломатам и воеводам ханств. Знакомство с этим путем русских могло быть связано с торговлей пушниной с «угорскими» княжествами, вассалитет которых в отношении шибанидских государств, по крайней мере, до 1570-х гг. является довольно спорным и малоизученным допущением исследователей. Именно русско-пелымские отношения определили выбор этого маршрута русскими воеводами во время известного похода 1483 г. (Маслюженко, Рябинина, 2014: 115–123).

Второй и третий маршруты были экономически и хронологически выгоднее для тюменских и сибирских тюркских групп, к тому же была возможность их совместить, перейдя с Чусовой на Исеть. По всей видимости, географически второй маршрут был удобнее и для походов Шибанидов на Пермскую землю (набег Кутлука в 1505 г., походы 1563–1564 гг., Мамет-Кула в 1573 г. и Али б. Кучума в 1582 г.).

Кроме того, именно на нем разворачивалась конкуренция между торговцами разных стран и их представителями. В 1475 г. «Татарове Казаньстии побили Устюжан на Каме 40 человек, идучи к Тюмени торгом» (ПСРЛ, 1901: 158). В 1481 г. в «Архангелогородском летописце» указано «Андрей Мишев с шилники и устюжаны ходили в Великую Пермь, да побили вогуличь под Чердынем, а на Каму шедши, да встретили гостей да тюменских тотар, да пограбили» (ПСРЛ, 1982: 95). Конфликты явно могли быть связаны с международной обстановкой. В 1470-е гг. тюменский хан Ибрахим проводил совместную внешнюю политику с ногайскими биями, для которых Казань была одним из важнейших торговых партнеров. В то же время устюжане однозначно находились в сфере расширения русской зоны политического и экономического влияния в Приуралье и Поволжье. Поскольку купцы часто рассматривались и как

потенциальные шпионы, то все это в совокупности могло привести к означенным конфликтам, а также к стремлению устюжских купцов торговать с Сибирью в обход владений Ногайской Орды и Тюменского юрта через земли союзной Перми Великой.

В целом эта дорога была удобна для сообщения из Москвы в Сибирь по течению рек, а обратный путь был возможен либо против течения, либо же посуху ее доступность ограничивалась зимним периодом при условии движения по замерзшим рекам. Однако большинство сибирских посольств прибывало в Москву в осенний период. При всей условности подсчетов в таком случае посольство должно было затратить на свой путь не менее 2–2,5 месяцев по воде. В силу не совсем ясных обстоятельств именно через Пермь и владения Строгановых будут ходить в 1560–1570-е гг. сибирские послы Кучума в Москву и русские послы Ивана IV в Сибирь. Скорее всего, для русских послов это объясняется более безопасным проходом по территории, на большей части которой распространялась Московская власть, чем по территории не всегда лояльных ногаев. Значимость этого пути подчеркивается и известным спором за «Тахчею», расположенную как раз на стратегически важных переправах Чусовой и Сылвы (Самигулов, 2016: 224–234). Тем не менее, несмотря на сложность маршрута, это не останавливало тюменцев и сибирцев, что следует из перечисленных выше походов на Пермь. Поэтому когда в Строгановской летописи говорится о событии 1573 г.: «Маметкул, собрався с своими мурзами и уланами ратью на Чусовую реку дороги проведывати: куда бы ему итти ратью... и в Пермь великую» (Летопись Сибирская..., 1821: 10), скорее всего, речь не идет о разведывании конкретного маршрута, который был хорошо знаком, что показывает предшествующий опыт походов. В связи использованием маршрута от владений Строгановых в Сибирь торговцами и послами возникает вопрос о причинах «блужданий» Ермака на первом этапе похода, что может объясняться тем, что его изначальное направление или цель, возможно, не были четко определены.

В свою очередь третий маршрут использовался непосредственно для достижения Казани. Существовали различные варианты маршрута Старой Казанской дороги (Самигулов, 2013: 75–86). Чертежи С.У. Ремезова и его сыновей в 1697–1700 гг. показывают существование разветвленной сети дорог и путей по северному (высокому) берегу р. Тобол, которые пересекались с различными маршрутами с юга из степной зоны. С этой реки можно было уйти по притокам на Яик (Урал) и в Ногайские степи, которыми правили союзные Шибанидам Едигеевичи, чья поддержка использовалась как в военных действиях, так и в переговорах с Москвой. Отношения ногайских биев и сибирских Шибанидов носили постоянный характер, что делало соответствующие дороги хорошо известными и проторенными. Кроме того, возможность выбора этого степного маршрута известна по походам хана Ибрахима на Большую Орду и Астрахань, по нему шли послы от Ибрахима в Москву, а позднее, видимо, послы от Тайбугидов в 1555–1563 гг., что объясняет их совместный с ногаями приход в Москву. По этой же дороге могли отступить в степи проигравшие в Сибири лидеры (например, Агалак и его двоюродный брат Ак-Курт, сын Кучума Али). При этом путь через горные перевалы мог быть удобнее для торговцев, в то время как сибирская конница и дипломатические миссии чаще могли идти именно через союзные Ногайские степи. Путь через горы мог использовать и хан Агалак, который в 1499 г. при поддержке казанского князя Урака, но без ногаев, совершил поход на Казань. Путь по Старой Казанской дороге был короче почти в три раза, чем второй маршрут, им пользовались до конца XVII в., несмотря на постоянные запреты московского правительства (Вилков, 1990: 39–46; Самигулов, 2011: 50–53).

Чаще всего мы лишь знаем о начальном и конечном пункте походов, миссий и караванов, что не позволяет реконструировать сами их маршруты, а также определить время их отправления, сезонность проходимости путей и периодов использования. Кроме того, до конца не ясно то, когда в рамках западного направления тюменские и сибирские дипломаты и воеводы переходили границы своего государства. В отношении последнего вопроса при всей кажущейся оптимальности именно Уральских гор как границы между сибирскими и поволжскими государствами ситуация могла быть сложнее. Уже Абу-л-Хайр претендовал на сбор ясака не только с Чимги-туры, но и Булгара, претензии на Приуралье и Поволжье высказывали большинство тюменских и сибирских Шибанидов. Отчасти они могли опираться на существующие маршруты перекочевков, в рамках которых зауральские номады в летнее время могли выпасать скот в Приуралье, что приводило к возможности перераспределения части коллективов по обе стороны гор. Исходя из этого территории кочевания до Прикамья в его южной части могли рассматриваться как владения тюменских и сибирских династов, что позволяло им оказывать прямое влияние на приуральское население (История татар Западного Приуралья, 2016: 250–263), используя для этого именно дороги Тюменского и Сибирского ханства.

ЛИТЕРАТУРА

- Бахрушин, С.В. 1955. Научные труды. Т. 3. Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII вв. Ч. 1. М.: Изд-во АН СССР.
- Беляков, А.В., Маслюженко, Д.Н. 2016. Сибирско-бухарско-ногайские отношения в свете переписки бухарского хана Абдаллаха с сибирским ханом Кучумом. *Stratum plus*. № 6: 229–243.
- Вилков, О.Н. 1990. Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI – начала XVIII в. Новосибирск: Наука.
- Гарустович, Г.Н. 2012. След великой замятни (Местонахождение XIV века у деревни Брик-Алга). Уфа: Гилем.
- Головнев, А.В. 2009. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург: УрО РАН. Волот.
- История татар Западного Приуралья. 2016. Т. 1. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства. Коллективная монография. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ.
- Летопись Сибирская, содержащая повествование о взятии Сибирских земель русскими, при царе Иоанне Васильевиче Грозном; с кратким изложением предшествовавших оному событий. 1821. СПб.: Тип. Департамента народного просвещения.
- Маслюженко, Д.Н., Рябина, Е.А. 2014. Поход 1483 г. и его место в истории русско-сибирских отношений. *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. № 1 (24): 115–123.
- Матвеев, А.В. 2014. История сухопутных путей сообщения Омского Прииртышья (средневековье – новое время). Омск: Издательский дом «Наука».
- Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). 1901. Т. 12. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб.: Типография И.Н. Скороходова.
- Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). 1982. Т. 37. Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. Л.: Наука.
- Почекаев, Р.Ю. 2013. К вопросу о государственном регулировании торговли в Сибирском ханстве. *Сулеймановские чтения: сборник статей XVI-й Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 75-летию Булата Сулейманова*. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та: 142–146.
- Самигулов, Г.Х. 2011. Историография «Казанских дорог». *Вестник Южно-Уральского государственного университета*. № 9 (226): 50–53.
- Самигулов, Г.Х. 2012. Исторические дороги Зауралья и их роль в основании слобод и острогов Южного Зауралья XVII века. *Вестник Челябинского государственного университета. История*. № 34 (288): 30–35.
- Самигулов, Г.Х. 2013. Дорога: часть и целое: осмысление дороги в разных масштабах восприятия. *Научный диалог*. № 6 (18): История. Социология. Этнография: 75–87.
- Самигулов, Г.Х. 2016. О локализации области Тахчей в XVI веке. *Научный диалог*. № 6 (54): 224–236.

D.N. Maslyuzhenko, E.A. Ryabinin

TRADE, MILITARY AND DIPLOMATIC ROADS OF TYUMEN AND SIBERIAN KHANSHIP: WESTERN DIRECTION

Commercial, diplomatic and military relations connected states of the Post-Horde world in a complex system. The Tyumen and Siberian khanates were not excluded from it. For their functioning was necessary the well-run exchange of merchants and diplomats. For this aim, the pre-existing road network with stream crossings was kept and reconstructed. The main routes of various external affairs in the westerly direction from Siberia through the Urals to the Volga region and the Kama River area were investigated. The article presents the experience of localisation in space of several campaigns and missions in the XV–XVI centuries. A selection of the route was closely associated not only with the convenience but also with the accessibility in the context of the allied foreign policy relations.

Key words: Tyumen khanate, Siberian khanate, Shibanids.

«ПОСЛЕДНИЕ ИЗ МОГИКАН» (О ТРАДИЦИОННОМ СПОСОБЕ ОГНЕДОБЫЧИ ОЛЕНЕВОДАМИ ЧУКОТКИ В XXI ВЕКЕ)

О.А. Митько

Новосибирский государственный университет, Новосибирск

В августе 2007 г. археологи из научных центров Москвы, Санкт-Петербурга и Кемерово, исследовавшие памятник наскального искусства Пегтымель на Чукотке, стали участниками «Дня молодого оленя». Он отмечался вставшей на стойбище чукотской семьей оленеводов. Одной из основных составляющих празднования явилась добыча огня традиционным для чукчей способом – с помощью огневого прибора: деревянной доски, лучка и сверла. Во время празднования прошло обучение самого молодого члена семьи, молодой девушки, навыкам вытирания «нового», «чистого» огня. Известно, что уже в конце XIX в. на северо-востоке континента огонь в основном добывали сверлением в ритуальных целях. Причем если береговые чукчи, как и их соседи – коряки, к началу XX в. практически утратили традицию ритуального использования «охранителей», то у кочевых групп она в той или иной форме, часто латентной, сохранялась на протяжении всего советского периода.

На наш взгляд, возрождение в XXI в. архаичной традиции получения огня с помощью деревянного огневого прибора связано с хозяйственной деятельностью: при семейной форме собственности на олених стада человек может рассчитывать в основном на собственные силы и, как его предки, ищет помощь в магических силах окружающей природы Крайнего Севера. Возвращение традиционного образа жизни и хозяйственного уклада, связанного с системой жизнеобеспечения, восстанавливает и мировоззренческие модели, переплетающиеся с разными элементами религиозно-обрядовой практики.

Фиксация наблюдаемого обряда процесса обучения «высверливания нового» огня основана на наблюдательно-описательном методе с фотодокументацией основных операций. Введение в научный оборот фотоматериалов делает их полноценным источником при изучении такой безгранично обширной темы, как взаимосвязь «человек–огонь» в ее историческом развитии.

Ключевые слова: Чукотка, Крайний Север, огнедобыча, береговые чукчи, коряки.

O.A. Mitko

”THE LAST OF THE MOHICANS” (ABOUT THE TRADITIONAL METHOD OF OBTAINING FIRE BY REINDEER HERDERS OF CHUKOTKA IN THE 21ST CENTURY)

In August 2007, in the area of Pegtymel in Chukotka, the Chukchi family of reindeer herders celebrated the ritual feast ”The Day of the Young Deer“. Archaeologists from the scientific centers of Moscow, St. Petersburg and Kemerovo, who visited the monument of rock art in the area, attended the celebration. They fixed the main events of the holiday. One of the central ceremonies of the traditional holiday was the production of fire traditional for the Chukchi way. They used a fire device for this: a wooden plank in the shape of a human figure and a drill. In addition, the oldest woman taught one of the members of the family, a young girl, the methods of obtaining a ”new“, ”pure“ fire.

It is known that already at the end of the 19th century, in the northeast of Eurasia, fire for ritual purposes was mined by drilling. The coastal Chukchi, like their neighbors, the Koryaks, by the beginning of the 20th century, practically lost the tradition of ritual use of ”okhraniteley“. In the nomadic groups of the Chukchi, it was often hidden, preserved throughout the Soviet period.

In our opinion, the revival in the XXI century of the archaic tradition of obtaining fire with the help of a wooden fire device is associated with the restoration of traditional economic activities. With a family form of ownership of reindeer herds, a person can rely mainly on his own resources and how his ancestors seek help in the magical powers of the natural environment of the Far North. The return of the traditional way of life and the economic structure associated with the life support system, restores and worldview models, interwoven with different elements of religious and ritual practice.

Fixation of the observable rite of the process of learning to ”drill out a new“ fire is based on the observational-descriptive method with photo-documentation of the basic operations. The introduction into scientific circulation of photographic materials makes them a full-fledged source in the study of such an infinitely vast topic as the relationship ”man – fire“ in its historical development.

Key words: Chukotka, Far North, fire-producing, coastal Chukchi, Koryaks.

МИР-СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ В АРХЕОЛОГИИ НА ПРИМЕРЕ ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ

В.И. Мордвинова

Институт археологии Крыма РАН, Симферополь;

Институт всеобщей истории РАН, Москва

В статье анализируются возможности применения мир-системного подхода в археологии. Дается определение сетей взаимодействия, рассматриваются их основные свойства: содержание (выраженное через предмет взаимодействия), масштаб и длительность. На примере предметов сарматского звериного стиля показываются возможности применения мир-системного подхода как интерпретационной модели для археологического материала. В частности, паттерны распространения этих вещей в погребальных комплексах Северного Причерноморья нескольких хронологических периодов, скорее всего, отражают сети взаимодействия политических элит и их изменение.

Ключевые слова: мир-системный подход, знаки власти, сети взаимодействия, политические элиты, звериный стиль.

Феномен звериного стиля с самого начала его исследования рассматривался как этнографическая особенность народов, обитавших в древности в Северном Причерноморье (Толстой, Кондаков, 1890; Rostovtzeff, 1929). Предметы звериного стиля раннего периода считались принадлежавшими скифам, в то время как более поздние экземпляры были ассоциированы с сарматами. М.И. Ростовцев связывал

факт существования различий между скифским и сарматским искусством с этническими различиями между этими народами. В качестве отличительных черт сарматского звериного стиля Ростовцев называл полихромиию (использование многоцветных вставок) и преимущественное изображение сцен терзания и борьбы животных (Rostovtzeff, 1929: 55–56).

Согласно преобладающей точке зрения, предметы «нового звериного стиля» оказались в Северном Причерноморье вместе с очередной «волной» мигрантов с дальних восточных территорий, как результат их «инфильтрации» в среду местного населения (Rostovtzeff, 1929: 106; Засецкая, 1980; 1989; Скрипкин, 1990). Основным методическим недостатком этой концепции является исходное положение, согласно которому появление в материальной культуре новых категорий предметов или предметов нового облика происходит вследствие миграций и этнических трансформаций. Не принимается во внимание возможность распространения предметов звериного стиля и их археологизации в виде ключевых элементов погребального ритуала под влиянием других факторов, в частности политического.

В рамках этнической модели звериный стиль сарматского времени обычно рассматривается как «народное искусство». При этом практически все находки предметов сарматского звериного стиля обнаружены в погребениях элиты (случайные находки, видимо, также составляли часть подобных комплексов). В большинстве случаев они изготовлены из драгоценных металлов и очевидно являются предметами престижа. Связь с элитарной культурой делает предметы звериного стиля важным источником для изучения культурно-политических процессов в древних обществах Северного Причерноморья, поскольку элита разного происхождения играла наиболее активную роль в политической жизни любого общества. Этот информационный потенциал источника до сих пор не задействован. Поэтому представляется целесообразным использование для изучения феномена звериного стиля инструментария мир-системного анализа как наиболее эффективного на сегодняшний день способа выявления и характеристики социальных связей различного масштаба.

Мир-системный метод изучения объективной реальности впервые был сформулирован И. Валлерстайном в начале 70-х годов XX в. (Wallerstein, 1974), в период повсеместного сближения гуманитарного и естественнонаучного знания, наряду с появлением «новой археологии» (Renfrew, Bahn, 1991: 34). Мир-система – это совокупность одновременно функционирующих сетей взаимодействия социальных групп различного масштаба и степени сложности. При этом сети взаимодействия – это системы каналов связей, функционирующие через посредство отдельных индивидуумов и их групп. Под мир-системным анализом в широком смысле подразумевается способ познания социальной реальности, при котором не национальные государства, но мир-системы являются базовой единицей социального анализа (Wallerstein, 1974, 2004; Chase-Dunn, Hall, 1997; Kardulias, Hall, 2008). Отмечается, что применение данного метода предоставляет дополнительные возможности в изучении многокультурных систем и динамики социальной эволюции (Chase-Dunn, Hall, Turchin, 2007: 133).

Чейз-Данн и Холл утверждают, что разные виды взаимодействия различаются по своим пространственным характеристикам и степени значимости для функционирования мир-систем. Они выделяют несколько видов сетей, различающихся по масштабу: (1) информационные сети; (2) предметы престижа; (3) политические / военные сети; (4) товары массового потребления (Chase-Dunn, Hall, 1997). По мнению исследователей, крупнейшие сети – это те, посредством которых осуществляется перемещение информации. Обычно более узким является сетевое взаимодействие, основанное на обмене товаров престижа или роскоши. Следующая по масштабу сеть включает политики, которые находятся в союзе или в состоянии войны друг с другом. Наиболее мелкие сети – это те, которые основаны на разделении труда в производстве предметов, удовлетворяющих основные повседневные потребности, таких как продукты питания и сырье (Chase-Dunn, Hall, Turchin, 2007: 135).

Сразу после выхода первых работ, в которых мир-системный подход был использован для анализа социально-экономической системы новейшего времени, стало понятно, что этот метод может быть также применен к ряду культурно-политических ситуаций древней истории (Ulf, 2009: 85). Базовые элементы мир-системного анализа практически сразу вошли в употребление археологов и историков древних обществ (см.: Kardulias, Hall, 2008: 573). Особенно плодотворным с методической точки зрения было объяснение причин появления аналогичных или сходных артефактов в различных культурах не следствием одностороннего влияния одной культуры на другую, а как результат существования системы связей. При этом многие положения теории мир-систем последовательно подвергались критике со стороны археоло-

гов (см.: Feinman, 1999). В числе прочего отмечалось, что приверженцы этого метода концентрируются преимущественно на моделях широкого пространственного масштаба, игнорируют роль неутилитарных (престижных) товаров в создании системно значимых межрегиональных связей, уделяют слишком мало внимания исследованию развития внутри «периферийных» обществ (Feinman, 1999: 53–54; Ulf, 2009: 85).

Несмотря на сравнительно долгое существование мир-системного метода, он практически не применялся для исследования археологических культур Северного Причерноморья. В то же время именно этот регион мира идеально подходит для изучения мир-систем древности. Само его географическое положение обусловило его роль как медиатора во взаимоотношениях различных мировых цивилизаций и экономических систем Старого Света. На этой территории сосуществовали различные хозяйственно-культурные типы. Здесь мир оседлых цивилизаций в процессе колонизации, видимо впервые, столкнулся с миром кочевников. В дальнейшем Северное Причерноморье было включено в сферу интересов Римской империи и стало частью созданной под ее гегемонией мир-системы. Для исследования археологических культур Северного Причерноморья в целом и разработки отдельных вопросов в частности мир-системный метод необходимо скорректировать.

Сети взаимодействия характеризуются определенными свойствами, а именно содержанием (выраженным через предмет взаимодействия), масштабом и длительностью.

Предметом взаимодействия могут быть вещи и идеи (мысленные прообразы каких-либо действий, предметов, явлений или принципов). Механизмы функционирования сетевого распространения вещей и идей имеют некоторые различия. Так, для восприятия идеи необходимым условием является определенный уровень взаимопонимания между ее поставщиком и реципиентом. Идея не может быть принята, если она не разделяется, хотя бы частично, принимающей стороной. В случае с вещами это необязательно. Возможна ситуация, когда назначение и смысл предмета могут быть полностью перекодированы реципиентом.

Те четыре вида сетей, которые описаны в трудах по мир-системному анализу, были выделены, по всей видимости, по предмету взаимодействия (см.: Chase-Dunn, Hall, Turchin, 2007: 135). Однако эта схема, наверно адекватная для анализа обществ нового и новейшего времени, не вполне применима к обществам древности. Так, в коллективах, организованных по типу “segmentary society” и “chiefdom” (Renfrew, Bahn, 1991: 155), к которым относились, судя по данным письменных источников, «варвары» Северного Причерноморья (Мордвинцева, 2016а), а также в греческих городах-государствах информационные сети типа масс-медиа отсутствовали. Их роль в определенной степени выполняли монеты как универсальное средство пропаганды (Абрамзон, 1995), а также предметы искусства, в концентрированном виде несущие в себе идеологическую информацию. Представляется, что по предмету взаимодействия можно выделить три основных вида сетей, связанных с (1) повседневной жизнью, (2) военным делом и (3) властной/символической сферой (к которой относятся и средства пропаганды). Они базируются на коммуникации соответствующих социальных групп, которые определены Жоржем Дюмезилем как функциональная триада “Nährstand, Wehrstand, Lehrstand” (Dumézil, 1977: 25–30), т.е. рядовые общинники, воины, жрецы. Такое разделение вполне соответствует уровню сложности обществ, которые будут подвергаться анализу.

Под масштабом сети понимается географический диапазон ее функционирования в конкретный промежуток времени. По этому признаку можно определить уровень межгруппового взаимодействия – от локального (в рамках локальной общины) до глобального (собственно «мир-системного»). Очевидно, что сети любого вида могут быть разного масштаба, в зависимости от функции распространяемого предмета и степени универсальности его возможного применения. Чем проще идея, чем универсальнее вещь, тем большим количеством смыслов он может быть наделен, и соответственно тем шире может быть сеть его распространения.

Длительность функционирования определенной сети – это показатель стабильности связей социальных групп, которые она объединяет. Соответственно констатация начала и прекращения функционирования конкретной сети является знаком разрыва этих связей (особенно, когда одновременно прекращается взаимодействие всех или большинства сетей) или изменения их контента и/или паттерна.

Все перечисленные свойства сетей взаимодействия древних обществ отражены в археологическом материале. Масштаб сетей взаимодействия различных социальных групп посредством вещей / идей в определенном хронологическом диапазоне может быть зафиксирован с помощью картографирования их находок. Хотя идеи нематериальны, но некоторые из них, особенно относящиеся к идеологической

сфере, выражены в материальной культуре: изображениях на предметах, в элементах погребального обряда, организации сакрального пространства (например, святилищ и некрополей), конструкции зданий и т.п. Поэтому идеи зафиксированные в форме определенных категорий изобразительного материала (от отдельных мотивов до стилей) и других форм реализации идей тоже можно картографировать и таким образом определить сеть их распространения. Сопоставление карт распространения вещей / идей в различные хронологические периоды позволит сделать предположение о начале, длительности и прекращении функционирования этих сетей. Это представление о содержании, масштабах, длительности и механизмах функционирования сетей взаимодействия можно применить для выявления и характеристики культурно-исторических процессов в Северном Причерноморье, в том числе на материале предметов сарматского звериного стиля.

Поскольку предметы звериного стиля украшены изображениями, то они одновременно относятся и к сфере вещей, и к сфере идей, а их распространение так или иначе было связано с идеологической сферой, в которой они могли выполнять роль средств пропаганды. В качестве идеи употребление сюжетов и мотивов, традиционно относимых к звериному стилю, зарождается на Ближнем Востоке, в частности в искусстве Шумера и Аккада третьего тысячелетия до н.э. Как отмечал М.И. Ростовцев, «однажды появившись, звериный стиль никогда не умирал в Месопотамии и Малой Азии. Ассирийское искусство переняло его и развило все его особенные черты... То же самое относится в большей степени к персидскому искусству, особенно к персидской торевице и ювелирному искусству» (Rostovtzeff, 1929: 8). Однако к началу исследуемого периода предметы звериного стиля были распространены уже на обширном пространстве, в том числе на территории древних государств – в Иране, Бактрии (клад Окса), Китае, а в среде варваров – в степной и лесостепной Евразии. Общий художественный язык этих изделий, хотя возможно по-разному понимавшийся в различных частях этого пространства, тем не менее объединил в одну сеть несколько центров цивилизации и периферийных зон. Наличие такой обширной сети является, видимо, свидетельством того, что кочевники степного пояса Евразии могли быть своеобразными посредниками в контактах между двумя великими цивилизациями древности – Ираном и Китаем. В эпоху Средневековья этот феномен получил название Великого шелкового пути. При этом известно, что кочевников Северного Причерноморья объединяло с древним Ираном также языковое и культурное единство, что, несомненно, облегчало их взаимодействие.

Помимо сферы идей предметы звериного стиля относятся также к сфере вещей. Все эти вещи изготовлены из драгоценных материалов, обнаружены в погребальных комплексах элиты и являются предметами престижа, позволявшими взаимодействовать обладателям властных полномочий.

Престижные вещи могут быть отнесены к двум категориям: (1) предметы, подчеркивающие высокий социальный статус, и (2) предметы, выражающие высокий социальный статус, или символы власти.

Предметы первой группы можно, в свою очередь, подразделить на (а) редкости (диковинные, необычные в данной культуре и вследствие этого ценные вещи); (б) ценности (такие как импортная посуда и драгоценные украшения), которые непосредственно не относились к определенному социальному статусу; (с) «неутилитарные» вещи (предметы, сделанные специально для ритуальных целей); (д) утилитарные вещи, но представленные в необычно большом количестве (нем. «Übersausstattung»).

Предметы второй группы – символы власти или инсигнии. В широком смысле, термин «инсигнии» обозначает институализированные предметы, символизирующие право на осуществление должностных полномочий (Бак, 2003).

Распространение погребений элиты, содержащих сходные символы власти, может являться отражением существовавшей в то время сети политических контактов. Такая работа была мной представлена в докладе, прочитанном в мае в Оренбурге (Мордвинцева, 2016б). Повторю здесь основные выводы.

Большая часть предметов звериного стиля в разные периоды сарматской эпохи относилась к инсигниям власти. Их появление / исчезновение в варварских контекстах Северного Причерноморья вероятнее всего было связано с изменением сетевых контактов политических элит.

Так, после прекращения феномена скифского звериного стиля новое появление предметов звериного стиля приходится на кон. II – нач. I в. до н.э., т.е. на период правления Митридата Евпатора. Этот потомок династии Ахеменидов присоединил Боспорское царство к своей империи и в последний период его жизни имел резиденцию в Пантикапее. Скорее всего, он прибыл на Боспор со своим двором, т.е. с придворными, челядью, ремесленниками. Интересно в этой связи, что большинство золотых гривен с зооморфными

окончаниями обнаружено в пределах Азиатской части Боспора, в курганах боспорской знати (Ахтанизовская, Буерова могила, Анапа, Артюховский курган). Возможно, появление двора понтийского царя на Боспоре подкрепило иранскую идентичность восточных и северо-восточных соседей Боспорского царства, что отмечал и М.И. Ростовцев. На Нижней Волге и в Прикубанье в этот и более поздний период отмечается практика изготовления собственных инсигний власти, выполненных в зверином стиле. Тенденция использовать зооморфные образы в декоре инсигний еще более усиливается в I – I-й пол. II в. н.э., когда комплексы с такими предметами концентрируются на границах Боспорского царства – на Нижнем Дону / междуречье Волги и Дона, и в верховьях Кубани (поздние комплексы Зубовско-Воздвиженской группы и «Золотое кладбище»). Со 2-й пол. II в. н.э. в погребения элиты перестали помещать инсигнии, выполненные в зверином стиле. Их заменяют предметы другого облика, близкие формам, известным в северо-восточных провинциях Римской империи. Не исключено, что стремление быть включенными в сеть политических связей, сформированных в рамках такой мощной мировой империи как Рим, сделало неактуальным использование некоторых символов, указывающих на близкое родство с иранским Востоком, с которым Рим находился в этот период в состоянии перманентной войны.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон, М.Г. 1995. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М.: Москва.
- Бак, Я. 2003. Словарь средневековой культуры. М.: Российская политическая энциклопедия.
- Засецкая, И.П. 1980. Изображение «пантеры» в сарматском искусстве. *Советская археология*. № 1: 46–55.
- Засецкая, И.П. 1989. Проблемы сарматского звериного стиля. *Советская археология*. № 3: 35–47.
- Мордвинцева, В.И. 2016а. Формирование концепции культурно-исторических процессов в варварском мире Северного Причерноморья в III в. до н.э. – сер. III в. н.э. *История и археология Крыма*. 3: 178–199.
- Мордвинцева, В.И. 2016б. Предметы звериного стиля как инсигнии (на материале погребений варварской элиты Северного Причерноморья III в. до н.э. – сер. III в.н.э.). *Материалы IX Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории»*. Отв. ред. Л.Т. Яблонский, Л.А. Краева. Оренбург: 189–196.
- Скрипкин, А.С. 1990. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та.
- Толстой, И., Кондаков, Н. 1890. Древности времен переселения народов. Русские древности в памятниках искусства. Вып. 3. СПб.: Типография Министерства путей сообщения.
- Chase-Dunn, C., Hall, Th.D. 1997. Rise and Demise: Comparing World-Systems. Boulder, CO: Westview Press.
- Chase-Dunn, Ch., Hall, Th.D., Turchin, P. 2007. World-Systems in the Biogeosphere: Urbanization, State Formation and Climate Change Since the Iron Age. *The World System And The Earth System. Global Socioenvironmental Change And Sustainability Since The Neolithic*. Hornborg, A., Crumley, C. L. (eds.). Walnut Creek: 132–148.
- Dumézil, G. 1977. Les dieux souverains indo-européens. Paris: Gallimard.
- Feinman, G.M. 1999. The Changing Structure of Macroregional Mesoamerica: The Classic-Postclassic Transition in the Valley of Oaxaca. *World-Systems Theory in Practice. Leadership, Production, and Exchange*. Kardulias, P.N. (ed.) Lanham; Boulder; New York; Oxford: Rowman & Littlefield: 53–62.
- Kardulias, P.N., Hall, Th.D. 2008. Archaeology and world-systems analysis. *World Archaeology*. 40, 4: 572–583.
- Renfrew, C., Bahn P. 1991. Archaeology. Theories, Methods and Practice. London: Thames and Hudson.
- Rostovtzeff, M.I. 1929. The Animal Style in South Russia and China. Princeton; London: Princeton University Press.
- Wallerstein, I. 1974. The Modern World-System I: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century. New York.
- Wallerstein, I. 2004. World-Systems Analysis: An Introduction. Durham, NC: Duke University Press.
- Ulf, Ch. 2009. Rethinking Cultural Contacts. *Ancient West and East*. 8: 81–132.

V.I. Mordvintseva

WORLD-SYSTEM APPROACH IN ARCHEOLOGY: FOCUSING ON ANIMAL STYLE OF SARMATIAN TIME IN EURASIA AS AN EXAMPLE

The article analyzes possibilities of applying the world-system approach in archeology. There is given a definition of interaction networks, their main properties are examined: content (expressed through the object of interaction), scale and duration. On the example of objects of the Sarmatian animal style, the possibilities of using the world-system approach as an interpretational model for archaeological material are shown. In particular, patterns of distribution of these things in the burial complexes of the Northern Black Sea region of several chronological periods most likely reflect the interaction networks of political elites and their development.

Key words: world-system approach; emblems of power; interaction networks; political elites; Animal Style.

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ НАСКАЛЬНЫЕ НАДПИСИ В ОКРЕСТНОСТЯХ СЕЛА НОВОСЕЛОВО (КРАСНОЯРСКИЙ КРАЙ): ИЗУЧЕНИЕ И ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ*

А.Н. Мухарева

*Кемеровский государственный университет;
Музей-заповедник «Томская Писаница», Кемерово*

Статья посвящена тюркским руническим надписям, найденным в окрестностях с. Новоселово (Красноярский край) на севере Хакасско-Минусинской котловины, где рунические памятники единичны. Первая эпитафия была обнаружена на отдельно стоящей плите в 1904 г. и в то же лето вывезена А.В. Адриановым в Красноярский краевой краеведческий музей. В научный оборот она была введена сравнительно недавно, после чего через несколько лет Н.В. Леонтьев зафиксировал новую наскальную руническую надпись на утесе Городовая Стена. Летом 2016 г. в ходе осмотра тагарского могильника юго-восточнее оз. Интиколь на плите ограды кургана была выявлена еще одна надпись. На Городовой Стене и камне ограды тагарского кургана кроме надписей скальные поверхности содержат изображения, часть из которых соотносится с эпохой раннего Средневековья.

Ключевые слова: тюркские рунические надписи, наскальные изображения, Хакасско-Минусинская котловина, раннее Средневековье.

В бассейне Среднего Енисея к настоящему времени известно значительное число памятников тюркского рунического письма, первые открытия которого связаны с экспедицией Д.Г. Мессершмидта, снаряженной для всестороннего изучения Сибири. Большая часть этих памятников была выявлена в центре и на юге Хакасско-Минусинской котловины. Что касается севера, то до настоящего времени тюркские рунические надписи здесь единичны и весьма ценен каждый вновь обнаруженный памятник. В связи с этим представляют интерес надписи в окрестностях с. Новоселово (Новоселовский район Красноярского края), зафиксированные здесь наряду с другими археологическими объектами (погребениями, рисунками на скалах и курганных камнях) эпохи раннего Средневековья.

Самой северной рунической надписью на Среднем Енисее долгое время считалась надпись на узких ребрах огромной, изначально плоской плиты песчаника, происходящей из местности Тугутюп на левом берегу Енисея, в 15 км южнее современного с. Новоселово (Кормушин, 1997: 129). В настоящее время две части этой стелы хранятся в Красноярском краевом краеведческом музее, куда их привез в 1904 г. А.В. Адрианов, уже тогда отметив, что «до настоящего времени отдельные камни с руноподобными надписями севернее р. Теси не встречались; обычным местом их нахождения была Абаканско-Уйбатская степь и места к югу от нее». Этот же был найден «около 20 верст севернее, на 55 параллели, близ границы Минусинского и Ачинского уездов» (Адрианов, 1906: 91).

О памятнике А.В. Адрианову сообщил Б.Н. Туров – один из его «сотрудников-корреспондентов по собиранию материала для археологической карты Енисейской губ» (Там же). Выехав на место, «на 10-й приблизительно версте от д. Яновой, в направлении SO-235°» исследователем действительно была обнаружена отдельно стоящая «плита из красного, слоистого, волнистого, щелеватого песчаника», которая «была вкопана в землю на глубину аршина и с широких боков укреплена в земле плитками» (Там же: 92).

А.В. Адрианов, указав размеры плиты («длина ... 309 см, ширина внизу 70 см, сверху 46 см, толщина не одинаковая на всем протяжении плиты – от 11 до 15 см»), отметил, что надпись выполнена «на обоих узких боках ... тогда как на широких сторонах нет никаких следов выбивки». На одном ребре он зафиксировал 59 знаков, а на другом – 66, обратив внимание на особую манеру их нанесения на одну из граней: «вырезаны очень неглубоко, но широким (до 4 мм) и гладким штрихом, с отвесными с обеих сторон бортиками, что делает буквы весьма отчетливыми». Обе надписи им были эстампированы (эстампажи получили номер XXII₁₋₄), одна из них фотографирована; для надежности «на глаз» был сделан «карандашный рисунок» (Там же: 93).

После осмотра плиты, обозначенной «Писаница Тугутюпская», А.В. Адриановым было принято решение «тотчас же выкопать ее и увезти на особой подводе до паровой пристани». «Удалось благополучно выкопать и погрузить плиту на дроги», но «пошедший дождь сделал очень скользкой и подъезд к пристани и сами дроги и те жерди, на которых пришлось спускать плиту с дрог на усыпанный галькой берег. Несмотря на принятые предосторожности ... более тяжелый конец плиты соскользнул с подло-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект №15-31-01271а2 «Комплексное изучение наскальных изображений эпохи раннего Средневековья на памятниках Алтае-Саянского региона и Монголии»).

женной жерди, упал на землю, и плита переломилась пополам» (Там же). Тем не менее две половины плиты доставили паромом в Красноярск и первоначально положили «перед входом в Музей на помосте парадной галереи здания», откуда «ученики народных училищ, помещающихся в одном с Музеем здании, одну половину плиты сбросили с галереи вниз и разбили ее на две части; по счастью, отломилась часть, находившаяся в земле на месте первоначальной установки плиты и не содержащая надписи», после чего куски были помещены «в одну из зал Музея» (Там же: 92, 93). С глубоким сожалением исследователь пишет о том, что «не сумели обойтись с этим драгоценным памятником древности с той бережливостью, к какой он обязывает» (Там же: 93).

Один из фрагментов Тугутюпской плиты и сегодня можно увидеть в экспозиции Красноярского краевого краеведческого музея (второй находится в фондохранилище), тем не менее долгое время памятник не привлекал внимания специалистов. Первый, кто распознал в этой плите находку А.В. Адрианова, был Л.Р. Кызласов (Кормушин, 1997: 129), хорошо знакомый с архивными материалами этого исследователя. В научный оборот памятник был введен практически одновременными публикациями И.Л. Кызласова (1979) и Д.Д. Васильева (1981: 53–57), получив обозначение Е-120 (Васильев, 1976: 75; 1983: 44, 124). При этом И.Л. Кызласов представил не только знаки на сохранившихся в музее фрагментах, но и прорисовку всей надписи, сделанную А.В. Адриановым на месте обнаружения плиты (Кызласов, 1979). Позднее, в ходе исследования енисейских эпитафий, к надписи на Тугутюпской плите неоднократно обращался И.В. Кормушин (1997: 129–133; 2008: 162, 163). Несмотря на различия в чтении и переводе надписи, все исследователи единодушны в том, что на плите представлена эпитафия, каких довольно много среди енисейской рунической письменности (Васильев, 1981: 56; Кызласов, 1979; 1994: 181; Кормушин, 1997: 132; 2008: 163).

Вторая тюркская руническая надпись в этом районе была обнаружена в 1982 г. сотрудником Минусинского регионального краеведческого музея Н.В. Леонтьевым на утесе Городовая Стена во время полевых разведочных работ (Мухарева, 2016: 145). Необходимо отметить, что это местонахождение, расположенное на правом берегу Енисея, почти напротив с. Новоселово, – один из первых памятников наскального искусства Сибири, привлечших внимание исследователей. Крашенные рисунки Городовой Стены дважды в ходе поездки (18 февраля и 26 сентября 1722 г.) были осмотрены участниками Первой академической экспедиции после того, как они «услышали, что на “Городовой Стене”, т.е. на возвышенном и крутом берегу Енисея, вырезаны разные языческие надписи» (Мессершмидт, 1888: 17, 18). Но тогда обнаружить надписи не удалось. Участники экспедиции, «прибыв туда ... увидели только несколько изображений...», тем не менее, 18 февраля художник «Карл Шульман срисовал их» (Там же: 15), а 20 мая рисунки эти были отправлены в Петербург (Там же: 18). Однако, несмотря на интерес участников Первой академической экспедиции к рисункам на Городовой Стене, а также краткие упоминания о Новоселовской писанице в работах исследователей XIX в. (Дэвлет, 1996: 31, 37, 43), впервые наиболее полно были исследованы наскальные рисунки на утесе Городовая Стена только в 1983 г. (Боковенко, Леонтьев, 1985).

Помимо копирования разновременных наскальных изображений особое внимание в ходе работ было уделено раннесредневековой рунической надписи, вырезанной двумя горизонтальными строками на одном из скальных выходов утеса. Позднее, в 2003 г., все материалы, оставаясь неопубликованными, были переданы Н.В. Леонтьевым в фонды музея-заповедника «Томская Писаница», где хранятся по настоящее время (Научно-вспомогательный фонд № 7929–7937), тогда как обнаруженная им надпись быстро становится предметом внимания специалистов. Практически сразу прорисовка рунической надписи Н.В. Леонтьева и соответствующая ей транслитерация текста, получившего обозначение «Е-144. Новоселово», были изданы Д.Д. Васильевым (1983: 46, 81), который несколько позднее вновь возвращается к прочтению теперь уже новой «самой северной рунической надписи на Енисее» (1986). И.Л. Кызласов в том же 1983 г. самостоятельно копирует надпись (1985, 2013: 272), в дальнейшем также неоднократно обращаясь к этому тексту (1985, 1994: 191–193; 2013).

В мае–июне 2004 г. Городовая Стена была осмотрена сотрудниками лаборатории археологии Красноярского педагогического университета им. В.П. Астафьева в рамках исследований петроглифов правого берега Красноярского водохранилища в районе с. Новоселово (Заика, Дроздов, Макулов, 2005: 159). Помимо общего описания скального массива и копирования наскальных изображений, было уделено внимание рунической надписи (Там же: 159, рис. 1), однако опубликованы были лишь предварительные результаты работ (Там же).

В чтении и переводе рунического текста на утесе Городовая Стена, а также в определении его характера, между специалистами существуют разногласия. Так, Д.Д. Васильев предлагает историческое

объяснение надписи, определяя ее основное назначение в засвидетельствовании прав на территорию и призыве соседей-соплеменников к мирным отношениям (1986: 55). По предположению исследователя, надпись отмечает один из конечных пунктов похода, в результате которого кыргызы были подчинены тюркам, и может быть датирована первой половиной VIII в. (Там же: 56).

И.Л. Кызласов, не принимая данное объяснение, первоначально определяет текст как философский, включив его в группу «хвалебных» надписей (1994: 191). Позднее, указывая на религиозный смысл текста, написанного от имени манихейского проповедника и отражающего духовные искания древнехакасского общества в раннем Средневековье, исследователь определяет время его создания X в. (2013: 289, 290).

Летом 2016 г., в ходе выявления и документирования раннесредневековых петроглифов, выполненных на скалах и курганных камнях юга Красноярского края, нами была обнаружена еще одна руническая надпись (см. рисунок), насколько известно, не представленная пока в научной литературе. Рунические знаки (см. рисунок, 2) были зафиксированы при осмотре сохранившейся части когда-то большого тагарского могильника, расположенного юго-восточнее оз. Интиколь, значительная часть которого к настоящему времени уничтожена в результате распашки земель. Две строки надписи нанесены на южную широкую грань одного из угловых камней небольшого, предположительно, четырехкаменного кургана. Ровная скальная поверхность камня не подвержена биообрастателям и довольно хорошей сохранности, что, вероятно, и определило выбор раннесредневекового автора. Знаки, высота которых варьируется от 2 до 3,5 см, выполнены тонкими резными линиями. Однако, несмотря на их четкость и хорошую сохранность, не все символы удалось проследить наверняка.

Примечательно, что кроме этих строк на камне были зафиксированы гравированные изображения, поверх которых наносили рунический текст (см. рисунок, 1). Тончайшие, едва заметные линии, зачастую более поверхностные, чем те, которыми выполнены знаки, заполняют грань почти целиком, образуя слож-

Фрагмент композиции на камне ограды тагарского кургана близ оз. Интиколь (Новоселовский район Красноярского края):
1 – прорисовка фрагмента композиции; 2 – прорисовка рунических знаков

ные и многочисленные палимпсесты. Предварительный анализ композиции позволяет также соотносить время ее создания с эпохой раннего Средневековья.

В целом, в раннее Средневековье рунические надписи нередко наносили на те же поверхности, что и наскальные рисунки. Сопровождаемые надписями раннесредневековые композиции неоднократно были зафиксированы на памятниках региона (Сулекская писаница) и сопредельных территорий (Калбак-Таш, Туэкта, Кургак, Саргол, и мн. др.). Как правило, нанесение рисунков предшествовало текстам, на что указывают такие признаки, как размещение рунических знаков между изображениями или «огибание» последних, вследствие чего менялось направление строки. Это подтвердилось и при очередном обследовании рунической надписи на утесе Городовая Стена, предпринятым нами в июне 2016 г. На плоскости с надписью, наряду с ранее известными выбитыми изображениями, было выявлено одно гравированное, а также многочисленные прочерченные линии, не складывающиеся в фигуры. Вероятнее всего, текст был нанесен уже в последнюю очередь, с учетом хорошо заметных выбитых изображений и игнорирования гравированных.

В ходе документирования многофигурных раннесредневековых композиций и рунических надписей на вышеуказанных памятниках нами использовалась методика фотосъемки больших плоскостей отдельными фрагментами с последующим монтажом полученных кадров в единое изображение. В результате того что такие изображения имеют высокое разрешение и превосходят реальные размеры плоскости в несколько раз, в дальнейшем по увеличенному фотоизображению становится возможным выявление мелких деталей и получение цифровой прорисовки высокого качества (см. рисунок).

Данную работу планируется продолжить, поскольку рунические тексты, включенные в состав наскальных композиций, не только способствуют хронологической атрибуции последних, но и позволяют глубже проникнуть в их семантику. К настоящему времени накоплен значительный корпус текстов енисейской письменности, а также опыт их расшифровки. Вместе с тем обнаружение еще одной надписи в северной части Минусинской котловины не только открывает новые перспективы для дальнейшего поиска и изучения раннесредневековых рунических текстов, но и демонстрирует, что раннесредневековое население региона, в равной степени владевшее письменностью, было активно вовлечено в общеисторические процессы.

ЛИТЕРАТУРА

- Адрианов, А.В. 1906. Писаницы Енисейской губернии. Томск. (Архив музея археологии и этнографии Сибири ТГУ. Д. 55).
- Боковенко, Н.А., Леонтьев, Н.В. 1985. Обследование петроглифов на юге Красноярского края. *Археологические открытия 1983 года*. М.: Наука: 192.
- Васильев, Д.Д. 1976. Памятники рунической письменности азиатского ареала. *Советская тюркология*. № 1: 71–81.
- Васильев, Д.Д. 1981. Древнетюркская эпиграфика Южной Сибири. II. *Тюркологический сборник 1977 года*. М.: 51–62.
- Васильев, Д.Д. 1983. Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. Л.: Наука.
- Васильев, Д.Д. 1986. Самая северная руническая надпись на Енисее. *Turcologica 1986. К восьмидесятилетию академика А.Н. Кононова*. Л.: 53–56.
- Дэвлет, М.А. 1996. Петроглифы Енисея. История изучения (XVIII – начало XX вв.). М.: ИА РАН.
- Заика, А.Л., Дроздов, Н.И., Макулов, В.И. 2005. Новоселовские писаницы (итоги археологических исследований 2004 г.). *Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия*. Красноярск: 159–161.
- Кормушин, И.В. 1997. Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. М.: Наука.
- Кормушин, И.В. 2008. Тюркские енисейские эпитафии: грамматика, текстология. М.: Наука.
- Кызласов, И.Л. 1979. Тугутюпская стела с древнехакасской эпитафией. *Советская тюркология*. № 5: 90–96.
- Кызласов, И.Л. 1985. Институт отшельничества в Древнехакасском государстве (Енисейские надписи нового жанра). *Вопросы советской тюркологии. Тезисы докладов и сообщений*. Ашхабат: Отд-ние лит-ры и языка Академии наук СССР: 352–354.
- Кызласов, И.Л. 1994. Рунические письменности евразийских степей. М.: Восточная литература.
- Кызласов, И.Л. 2013. Енисейская руническая надпись с иранским заимствованием. *Труды Государственного Эрмитажа: [Т. 62]: События, их предшественники, современники и наследники: на основе материалов конференции «События дома и на чужбине», посвященной памяти Бориса Ильича Маршака (1933–2006)*. СПб.: 266–294.
- Мессершмидт, Д.Г. 1888. Извлечение из путевого дневника Д.Г. Мессершмидта. *Радлов, В.В. Сибирские древности. Т. 1. Вып. 1. (Материалы по археологии России. № 3)*. СПб.: 9–19.
- Мухарева, А.Н. 2016. Писаница на утесе Городовая Стена: история изучения и современное состояние. *Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения)*. Кемерово: Кузбассвузиздат: 144–147.

A.N. Mukhareva

EARLY MEDIEVAL ROCK INSCRIPTIONS IN THE SURROUNDING AREA OF THE NOVOSELOVO VILLAGE (KRASNOYARSK REGION): THE STUDY AND PICTORIAL CONTEXT

The article concerns the Turkic runic inscriptions found near the Novoselovo village (Krasnoyarsk region) in the north of the Khakass-Minusinsk basin, where the runic sites are rare. First epitaph was found on a free-standing stove in 1904 and in the same summer it was exported to the Krasnoyarsk Regional Museum by A.V. Adrianov. It was published relatively recently, and in several years N.V. Leontiev found a new rock runic inscription on the cliff Gorodovaya Wall. Another runic inscription was discovered in the summer of 2016 during the inspection of Tagar mound to the south-east of the lake Intikol, on one of the fence boards. The rock surfaces of the sites Gorodovaya Wall and stone fences of Tagar mound except inscriptions contain images, some of which relate to the early Middle Ages.

Key words: Turkic runic inscriptions, rock carvings, Khakas-Minusinsk basin, the early Middle Ages.

КОЧЕВНИКИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА: ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО И ВЗАИМОВОЗДЕЙСТВИЕ (XIII–XV вв.)

Е.И. Нарожный

Непубличное акционерное общество «Наследие Кубани», Краснодар

Северокавказские кочевнические комплексы документируют присутствие здесь половцев и кочевников Северо-Восточного Причерноморья, еще с хазарского времени оставивших под одной насыпью погребения 1–2 лошадей, сопровождавшихся кремациями в сосудах и ингумациями в простых ямах и в каменных ящиках. События первой трети XIII в. кардинально меняют ситуацию. Несколько элитарных комплексов времени «поколения внуков Чингисхана» реально связывать с «монголами» конца 1230-х гг., когда распространяются и другие: центральноазиатские, дальневосточные, южносибирские кочевые группы. В 1260-х гг. здесь расселяются и кочевники из Пруто-Поднепровского домена Ногай и Поросья (черные клубуки). Погребения в «сырцовых оградках», неправомерно атрибутируемые как «мазары», «склепы-мавзолеи» или «мавзолеи», не являются таковыми, так как это сугубо наземные надгробия. «Оградки» – подкурганные «склепы», распространение которых связано с использованием кирпича в погребальной практике, а также с использованием кирпичных сооружений на городских некрополях Золотой Орды. Одобрение использования кирпича в погребальной практике первой пол. XIV в., принятое исламскими законодателями, лишь попытка упорядочить уже сложившуюся практику. С XIV в. связан и отказ от традиционных ориентировок погребенных, замененных на «всеобщую» и единообразную западную ориентировку погребенных, что совпадает с другой новацией эпохи. Известно, что часть половецких каменных изваяний простояла на изначальных местах вплоть до XIX в. Некая их часть была «скрыта» в курганах. Подавляющее количество изваяний (традиционно-семантический образ «первопредка» (?)) подвергается «ритуальному захоронению» символа (?). Инновации могли стать востребованными лишь той частью кочевого населения, которое родилось и выросло в реалиях Золотой Орды, испытав и восприняв мощное государственное (?) воздействие, в т.ч. в процессе исламизации государства, что и определило указанные изменения.

Ключевые слова: средневековые номады, Северный Кавказ, Золотая Орда, центральноазиатские кочевники, чжурчжэни Дальнего Востока, южносибирский этнокомпонент, половцы, исламизация.

Развивая ранее высказывавшиеся наблюдения относительно этнокультурного представительства кочевых групп населения на территории Северного Кавказа в XIII–XV вв. (Нарожный, 2005б, 2007б: 204–212; Дружинина и др., 2011 и ср.: Spinel, 2014: 332–335; Нарожный, Охонько, 2011; Нарожный, 2011а: 164–169; 2012: 138–142; и др.), отметим следующее. Актуальность подобных исследований справедливо подчеркнул В.А. Иванов: «дисперсность ... публикаций по археологии кочевников Золотой Орды не формирует цельного информационного поля по культуре этого населения, что, в свою очередь, формирует несколько односторонний образ Золотой Орды/Улуса Джучи» даже «в обобщающих исторических исследованиях» (Иванов, 2015: 16).

Фиксируемый состав «домонгольского» населения в регионе представлен не только половцами, археологические комплексы которых относят ко времени не ранее XII в. В Северо-Восточном Причерноморье еще с хазарского времени обитали многочисленные кочевые группы, вплоть до золотоордынского времени, характеризующиеся устойчивыми признаками погребальных обрядов – захоронения в курганах малого диаметра, насыпанных из грунта с каменными набросками над округло-овальными или квадратно-подпрямоугольными оградками из булыжника либо же без них. Внутри конструкций – скелеты 1–2 лошадей на боку, нередко с саблей между конечностями. Единичны случаи обнаружения столбика-коновязи в центральной части подкурганного пространства. Сопровождались они кремациями

в разнотипных керамических сосудах, нередко сосуществовавших под одной насыпью с ингумациями в грунтовых ямах или каменных ящиках (Нарожный, 2012: 138–142). Попытки идентификации захоронений с «касаками», «кашаками» и «каогами» К. Багрянородного (Пьянков, 2001: 199–213) недостаточно убедительны. В конце раннего Средневековья (Виноградов, 1980: 6–10) или же в более позднее время (Трепавлов, 2002: 20, 61–62) фольклорно-этнографическое наследие региона зафиксировало неких тюрк-«борганов», название которых является «прозвищем», а не этнонимом (Нарожный, 2004: 193–201), ныне объясняют с позиций тюркских языков – «ходивший, передвигающийся» (Виноградов, 1980: 6–13), что позволяет рассматривать их в едином историко-культурном контексте с «бродниками» письменных источников, фиксировавших их не только в Приазовье, но и в других регионах, т.к. название «бродников» ныне связывают со спецификой их жизненного уклада, определяемого глаголом «бродить» (Князький, 1996: 61–65). Если упоминания «бродников» перестают встречаться после их участия в битве на Калке, то северокавказские «борганы» продолжают играть активную роль не только в золотоордынское время, но и гораздо позднее. Документальные источники XVI–XVIII вв. хорошо знают «Брагунское княжество» (Магомадова, 2010: 142–144) с центром в «Брагунской деревне» (совр. сел. Брагуны в Чечне).

События 1222 г., связанные с первым вторжением монголо-татар на Северный Кавказ, противостояние им со стороны алано-половецкого альянса и последовавшее разъединение вчерашних союзников, вместе с дальнейшей погоней за половцами, тем не менее не затронули основной территории региона (Нарожный, 2008а: 70–75). Предположительный их маршрут движения наглядно отражает картографическая сводка половецких каменных изваяний Северного Кавказа (Нарожный, Соков, 2016: 225–231). Уход монголо-татар на Калку с территории Северного Кавказа способствовал кратковременному возрождению прежних социально-экономических и политических отношений, например, с Закавказьем (Нарожный, Цуциев, 2016: 247–268). Ситуация изменилась после окончания второй военной кампании конца 1230-х гг. Разгром основной части региона способствовал и изменению этнокультурной ситуации (Нарожный 2007б: 204–212). С этого момента фиксируется приток центральноазиатского кочевого компонента и сопутствовавших им кочевых племен.

Центральноазиатские кочевники. Это единичные и в основном погребальные комплексы (Крамаровский, 1995: 193–195; Горелик и др., 2010: 97–100; Нарожный, 2010а: 101–104; и др.), сопоставляются с элитными захоронениями «поколения внуков Чингисхана» (Крамаровский, 1995: 193–195) или же приближены к «сороковым–семидесятым годам XIII в.» (Крамаровский, 2001: 65). Другие погребения, с северной (при наличии сезонных отклонений) ориентировкой, бытуют вплоть до XIV в., датируются, например, металлическими зеркалами, широко употреблявшимися в Золотой Орде и пр. (Миллер, 1941: 242; Пиотровский, 1941: 247–248; Басов, Нарожный, 2005: 199–215; Нарожный, 2005а: 226–243; 2011а: 164–169; и др.). Сопутствующие им археологические материалы немногочисленны, но четко указывают на свое изначальное происхождение. Среди них выделяется небольшая коллекция предметов дальневосточного (чжурчжэньского) происхождения (Нарожный, 2007а: 60–67). Недостаточно полно документированные – поясная пряжка, детали поясной гарнитуры, пара брелоков-нэцкэ, наконечник копья с боковым крюком и пр. (Нарожный, 2003б: 261, рис. 9, 2, 3; 2007а: 63, рис. 3, 1–4) – пока не дают твердых оснований для их увязки с обиходом собственно чжурчжэньских воинов, увлеченных монголами в их движении на Северный Кавказ еще в 1222 г. Вероятнее, что находки – «трофеи» монголов, привнесенные на Северный Кавказ (Нарожный, Соков, 2016: 233, прим. 6 и ср.: Rogers, 2012: 233). В числе иных привнесений, распространившихся не только здесь, но и на других территориях Золотой Орды уже после 1222 г., были наконечники копий (Басов и др., 2003: 105–111, 110, рис. 1, 2–6), имеющие прямые аналогии в раннесредневековых захоронениях киданей в Монголии (Худяков, Цзвээдорж, 1988: 22–28). Распространение на Северном Кавказе чжурчжэньских по происхождению копий с боковым крюком (Нарожный, 2003: 261, рис. 9, 2, 3; 2007а: 63, рис. 3, 1–4) происходило посредством монголов, что иллюстрирует П. Карпини. По его свидетельству, «у некоторых из них (монголов. – *Е.Н.*) есть копья, и на шейке железа копья они имеют крюк, которым, если могут, стаскивают человека с седла» (Путешествия, 1957: 31). Судя по уточненной датировке находок китайских монет с Северного Кавказа (Петров, 2013: 197, прим. 2), они также являются «трофейными» привнесениями на территорию региона (Нарожный, 2015: 64–68); к ним тяготеют и деревянные подражания некоторым типам металлических ковшей с разными вариантами оформления «драконообразных» ручек (Нарожный, 1996: 13–22) из высокогорной Ингушетии, которая, однако, в систему политико-экономического диктата Золотой Орды так и не попала (Нарожный Е.И., Нарожный В.Е., 2009: 353–367).

Подобного рода заимствования, вероятно, довольно длительное время использовались центральноазиатскими кочевниками в их восточноевропейской повседневности, что, к примеру, документируют находки упоминавшихся выше чжурчжэньских брелоков-нэцкэ в инвентаре женского захоронения, совершенного внутри значительно более поздней сырцово-красной «оградки» Новопавловского могильника (Нарожный, Охонько, 2007: 140, рис. 31, 7–8).

Южносибирский этнокомпонент: документируется отдельными находками, зафиксированными на Кавказских Минеральных водах, которых события 1222 г. не затронули (Нарожный, 2008а: 70–75; Нарожный, Соков, 2016). Если в Поволжье распространение таких предметов относят к раннему Средневековью, в нашем регионе, впрочем, как и на Среднем Дону, вероятнее всего следует связывать с кочевниками из Южной Сибири (?), в конце 1230-х годов участвовавших в завоевании Северного Кавказа Чингидами (Нарожный, 2000а: 16–20).

Черные клобуки: развивая версию Г.А. Федорова-Давыдова 1966 г. (Федоров-Давыдов, 1966: 153, 156, карта), мы предположили: миграция являлась реальной и происходила в рамках перемещения в составе кочевников не только из южнорусских степей Поросья, но и из Пруто-Поднепровского домёна Ногая. Золотоордынский темник в 1260 г. вместе с крупными военными силами был размещен под Дербентом, возглавив череду военных столкновений с Ильханами Ирана, что подтверждал и М. Поло (Книга..., 1950: 233–235). Другая часть его войска, включая черных клобуков, принимает непосредственное участие в противостоянии вассально зависимой от Хулагуидов Грузией по обе стороны от раздельной линии на т.н. дороге Запада (Нарожный, 1997а: 46–48; 2000а: 16–20; 2000б: 138–150; 2003а: 212–232). Пограничье на данной «дороге», судя по лаконичным данным армянского историка XIII в. Гайтона (он же Гетум Патмич), находилось где-то на линии современной границы Абхазии с сочинским Причерноморьем (Мирный, 1956: 78; Нарожный, 1997а: 46–48). В «тылу» золотоордынских владений в этом микрорегионе и находились выше упоминавшиеся кочевые группы населения Северо-Восточного Причерноморья, фиксируемые еще с хазарского времени (Нарожный, 2012: 138–142), которые и были усилены черными клобуками. Последнее ныне подтверждает, хоть и немногочисленный, археологический материал, включая и выявленные следы прямой их этнокультурной миксации с местным кочевым населением (Армарчук, Малышев, 1997: 92–114; Армарчук, 2006: 201–216; Армарчук, Дмитриев, 2014: 125, кург. 10, 2, 128, кург. 14, 27). В ограниченном микрорегионе встречены и позднейшие дериваты черноклобуцких украшений (тип IV по Г.А. Федорову-Давыдову), но с асимметричной напускной бусиной (Нарожный, 2003а: 217).

Одни авторы признают возможной миграцию черных клобуков на Северный Кавказ лишь как «ограниченного воинского контингента» (Анфимов, Зеленский, 2002: 143–147). Однако подобные миграции больше напоминают характерные как для тюрок, так и для монголов процессы «освоения новых территорий» (Кляшторный, 1975: 29–30; Жуковская, 1988: 25–30). В таких случаях «перекочевки айлами, хогонами, ордами» (Жуковская, 1988: 25). Сегодня статистическая обработка известных археологических материалов из региона позволяет полагать, что: переселение черных клобуков на Северный Кавказ длительное время определило этнокультурную специфику региона, а «их потомки и через сто лет продолжали составлять основную часть кочевого населения этого региона» (Иванов, 2015: 61). Соглашаясь с тезисом лишь отчасти, заметим, что некоторые авторы скептически относятся к гипотезе, и особенно, к возможности пребывания черных клобуков в Поволжье (Блохин, Петров, 2013: 37–50). Скептики совершенно не учитывают, например, результатов статистической обработки кочевнических комплексов Южного Урала, Приуралья и, отчасти, Поволжья, продемонстрировавшей наличие у них заметного количества признаков, сближающих их с черными клобуками (Иванов, 1990; Нарожный, 2003а: 212–232). Данное обстоятельство делает вполне актуальным и предположение Н.А. Баскакова о возможном участии потомков черных клобуков в этногенезе каракалпаков, что и отразил, к примеру, в своем «Гимне» этой республики:

*«Тебя, народ Кипчака и Огуза,
Потомков древних черных клобуков,
В составе Древнерусского союза,
Храни, Аллах, от бед и всех врагов ...»*

(Баскаков, 1997: 30)

Потомки кочевого населения Северо-Восточного Причерноморья, включая и смешавшиеся с черными клобуками группы, появляются не только в районе современных Анапы и Крымска (Дружинина,

2016: 215–216; Мокрушин и др., 2016: 221–224; Нарожный, Соков, 2014: 407–410). Позднее отдельные их погребения фиксируются на Средней Кубани (Нарожный, 2010б: 266–267) и на Ставропольском плато (Мокрушин и др., 2016: 223–224).

Специфическими особенностями XIV в. становятся некоторые изменения, наблюдаемые не только на северном Кавказе. В первую очередь, широко распространяется подкурганый обряд захоронений в сырцовых конструкциях, среди специалистов, породивших терминологический разнобой в их обозначении: «мазары», «склепы-мавзолеи», «мавзолеи» и «оградки», характерные не только для золотоордынского Поволжья (Зиливинская, 2015: 86–105): Судя по публикациям А.А. Биссембаева, В.А. Кригера, Д.В. Марыксина, такие подкурганные сооружения учтены на территории Западного Казахстана; В.А. Иванов, В.А. Кригер и И.В. Матюшко собрали и обобщили сведения об аналогичных сооружениях на Южном Урале и в Оренбуржье. Л.В. Яворская, Э.Д. Зиливинская и др. обобщили сведения о таких погребальных конструкциях в золотоордынском Поволжье. Ныне они хорошо известны по работам В.И. Мамонтова, М.В. Мыськова и др. из Волго-Донского междуречья; исчерпывающая их сводка с территории Подонья создана и опубликована В.Н. Чхаидзе. Сегодня подкурганные сооружения из сырцового, а иногда и из жженого кирпича хорошо известны как в Калмыкии, так и на Северном Кавказе (Нарожный 1988: 159–172; Нарожный, Охонько, 2007: 27–57 и сл.; Бабенко, 2009: 18–26; 2012: 193–230; и др.) Более адекватным представляется их обозначение как подкурганных склепов, т.к. иные терминологические их определения относятся не к подкурганным, а к наземным погребальным сооружениям. Отсутствует единая точка зрения в этнокультурной принадлежности этих, как правило, социально значимых погребальных традиций, впрочем, как и погребенных в них. Дальнейшее осмысление проблемы представляется перспективным вкупе с изучением кирпичных погребальных сооружений на городских некрополях Золотой Орды. Представляется, что не специальные решения исламских законодателей спровоцировали указанную традицию (Нарожный, 2014: 147–153), а наоборот – распространение традиции вызвало к жизни необходимость узаконить данную новацию.

Известны и случаи перемещения в северокавказские владения кочевников с территории Ирана, как это было в случае бегства в Золотую Орду эмира Чупана, принятого здесь ханом Узбеком, затем отправившего войско перебежчиков на «войну с черкесами» Северного Кавказа (Нарожный, 2011б: 20–29).

Еще одной спецификой становится почти полное и повсеместное вытеснение «старых» (традиционных) ориентировок в погребениях (восточная у половцев и северная у центральноазиатско-монгольских?) на массовую и единообразную, головой на запад (с сезонными отклонениями) (Нарожный, 2005б: 22–23, рис. 2, рис. 3, 32, рис. 11, рис. 31 и др.; Нарожный, Охонько, 2007: 117, рис. 8), что наблюдается в рамках единых некрополей. При этом отдельные захоронения таких некрополей совершались не только в характерных подбоях, но и скорченно на правом боку (Нарожный, 2005б: 34, рис. 12 и др.). Новации подобного рода совпадают и с явлением другого порядка. Наряду с известными случаями сохранения половецких каменных статуй на изначальных местах установки (святилища?) в целом ряде документально подтвержденных случаев сохранились там вплоть до начала XX в. (Минаева, 1964: 167–196), что опровергает высказывавшееся ранее мнение о якобы сознательном уничтожении таких изваяний монголами, тем более что и монголы на своей родине создавали и почитали свои изваяния в период с XIII по XVII в. (Баяр, 1985: 148–159; 2002: 167–178; и др.). На некоторых изваяниях изображены предметы, имеющие аналогии золотоордынского времени (Нарожный, 2003б: 253–259, рис. 1–7 и др.), а это позволяет предполагать о сохранении традиции использования статуй и их идеологической семантики и в золотоордынское время. На Северном Кавказе такие статуи бытуют наряду с поздними (золотоордынское время) дериватами статуй «древнетюркских» типов (Нарожный, 1999: 58–62). Однако известны случаи «сокрытия» отдельных изваяний во «весь рост» вкопанных насыпь курганов (Нарожный, 2003б: 264, рис. 12; 265, рис. 13; 266, рис. 14 и др.). Другие статуи были уложены плашмя (Нарожный, 2003б: 266, рис. 15), как и погребения, «головой» на запад под насыпями курганов малых диаметров. Рассматривались подобные случаи как «новый» ритуал населения, родившегося и выросшего в реалиях воздействующего влияния Золотой Орды. Реальность такого явления воспринимается разными авторами далеко не однозначно (Усманова и др., 2016: 99). Тем не менее его можно рассматривать как процесс *ритуальных захоронений статуй, как символов* «старых» и традиционных культов, что могло стать следствием исламизации в Золотой Орде (Нарожный, 2003б: 265–274; 2005б: 171–190; Нарожный, Охонько, 2007: 58–85; Нарожный, 2013: 60–61; и др.). Однако процесс этот затронул далеко не всех.

Политические дразги второй пол. XIV в., вторжение войск эмира Тимура приводят к медленному угасанию золотоордынских владений на Северном Кавказе, хотя еще длительное время активно здесь

представлены потомки «брагунцев», обособившихся в «Брагунское княжество» в районе слияния Терека и Сунжи. На нижнем Тереке источники фиксируют «тюменцев», еще некоторое время существовавших в рамках другого феодального образования – «Кавказской Тюмени». Все слабеющая активность кочевых подразделений Большой Орды, а затем Малых Ногаев, ряда адыгских образований совершенно иным образом изменили политическую ситуацию и этнокарту региона, с XVI в. оказавшейся в сфере политико-экономической активности уже русского государства в системе сложных его взаимоотношений с Османской империей и другим восточными государствами, постепенно вовлекая все большую часть региона в орбиту своей жизнедеятельности.

ЛИТЕРАТУРА

- Анфимов, И.Н., Зеленский, Ю.В. 2002. К вопросу о датировке предметов из разрушенного позднекочевнического комплекса у станицы Староминской. *Материалы и исследования по археологии Кубани*. Вып. 2. Отв. ред. И.И. Марченко. Краснодар: КубГУ: 143–147.
- Армарчук, Е.А., Малышев А.А. 1997. Средневековый могильник в Цемесской долине. *Историко-археологический альманах*. Вып. 3. Отв. ред. Р.М. Мунчаев. Армавир; Москва: АКМ: 92–114.
- Армарчук, Е.А. 2006. «Половецкие серьги». *Средневековая археология евразийских степей. МИА Поволжья. Вып. 3. Сборник статей к юбилею проф. С.А. Плетневой*. Отв. ред. Ю.А. Зеленева. Йошкар-Ола: МарГУ: 201–216.
- Армарчук, Е.А., Дмитриев, А.В. 2014. Цемдолинский курганно-грунтовой могильник. М.; СПб.: Нестор-История.
- Бабенко, В.А. 2009. Сырцовые погребальные сооружения эпохи Золотой Орды в Центральном Предкавказье и Калмыкии. *Донские древности. Вып. 19: Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Материалы IV Международной конференции, посвященной памяти проф. МГУ Г.А. Федорова-Давыдова (30 сентября – 3 октября 2008 г.)*. Отв. ред. Л.Т. Яблонский. Азов: АКМ: 18–26.
- Бабенко, В.А. 2012. Погребения эпохи Золотой Орды в сырцовых оградках на территории Центрального Предкавказья. *Степи Европы в эпоху средневековья*. Т. 11. Отв. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДГУ: 193–230.
- Баскаков, Н.А. 1997. Гимн Каракалпакстана. *90 лет Н.А. Баскакову. А.Н. Баскакову от коллег и учеников*. Отв. ред. Э.Р. Тенишев. М.: Языки русской культуры: 30.
- Басов, В.И., Нарожный, Е.И., Тихонов, М.П. 2003. О двух типах наконечников копий с территории Северного Кавказа. *Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа*. Вып. 2. Отв. ред. Е.И. Нарожный. Армавир: АГПУ: 105–111.
- Басов, В.И., Нарожный, Е.И. 2005. Новые позднекочевнические комплексы с территории Северного Кавказа (публикация материалов, часть 1). *Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа*. Вып. 5. Отв. ред. Е.И. Нарожный. Армавир: АГПИ: 199–215.
- Баяр, Д. 1985. Каменные изваяния из Сухэ-Баторского аймака (Восточная Монголия). *Древние культуры Монголии*. Отв. ред. Р.С. Васильевский. Новосибирск: Наука: 148–159.
- Баяр, Д. 2002. Иконографические и художественные особенности каменных изваяний средневековых монголов. *Центральная Азия и Прибайкалье в древности*. Отв. ред. М.В. Константинов, А.Д. Цыбиктаров. Улан-Удэ; Чита: Изд-во БурГУ: 167–178.
- Блохин, В.Г., Петров, П.А. 2013. Средневековые комплексы с височными подвесками из Волгоградского Поволжья. *Российская археология*. № 3: 37–50.
- Виноградов, В.Б. 1980. Мавзолей Борга-Каш и ранняя история ногайцев. *Проблемы этнической истории народов Карачаево-Черкессии*. Отв. ред. В.П. Кобычев. Черкесск: Ставропольское кн. изд-во: 6–13.
- Горелик, М.В., Огюцкий, И.В., Охонько, Н.А. 2010. Погребение знатного воина раннезолотоордынского времени в Ставропольском крае. Батыр. *Традиционная военная культура народов Евразии*. № 1. М.: 97–100.
- Горелик, М.В. 2010. Находки на Ставрополье и сложение монгольской имперской культуры. Батыр. *Традиционная военная культура народов Евразии*. № 1. М.: 105–109.
- Горелик, М.В. (ред.). 2011. *Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н., Нарожный Е.И. Средневековые кочевники в Восточном Приазовье*. Армавир; Москва: АГПИ-ИА РАН.
- Дружинина, И.А. 2016. Нижнее Закубанье в XIII–XIV вв.: на границе культур и природных зон. *Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды. Материалы Седьмой Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова*. Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдинов. Казань; Ялта; Кишинев. Stratum plus: 215–218.
- Жуковская, Н.Л. 1988. Категории и символика традиционной культуры монголов. М.
- Зиливинская, Э.Д. 2015. Что же такое подкурганые сырцовые оградки XIII–XIV вв. в Нижнем Поволжье? *Российская археология*. № 1: 86–105.
- Иванов, В.А. 1990. Этнические процессы в степной и лесостепной полосе Южного Урала и Приуралья в VII–XIV вв.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.: ИА РАН.
- Иванов, В.А. 2015. Кочевники Золотой Орды: история, культура, религия. Уфа: Изд-во БГПУ.

- Кляшторный, С.Г. 1975. Представления древних тюрок о пространстве. *Письменные источники и проблемы истории культуры народов Востока. XI. Годичная сессия ЛО ИВАН СССР*. Отв. ред. П.А. Грязневич. Л.: ЛО ИВАН СССР: 29–30.
- Книга Марко Поло. 1950. М.: АН СССР.
- Князький, И.О. 1996. Русь и Степь. М.: РГНФ.
- Крамаровский, М.Г. 1995. Монгольская золотая пластинка из коллекции Халили. *Эрмитажные чтения 1986–1994 гг. памяти В.Г. Луконина*. Отв. ред. Е.В. Зеймаль. СПб.: ГЭ: 193–199.
- Крамаровский, М.Г. 2001. Новые материалы по истории культуры ранних Джучидов: воинские пояса конца XII–первой половины XIII вв. (источниковедческие аспекты). *Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани: 1223–1556 гг.* Отв. ред. М.А. Усманов. Казань: ИИ АН РТ: 43–81.
- Магомадова, Т.С. 2010. Брагунское княжество – феодальное владение в Чечне XVII. *Вестник Академии наук Чеченской республики*. № 1 (12): 142–144.
- Миллер, М.А. 1941. Ст. Моздок. *Археологические исследования в РСФСР. 1934–1936 гг. Краткие отчеты и сведения*. Отв. ред. В.В. Гольмстен. М.; Л. Изд-во АН СССР: 238–242.
- Минаева, Т.М. 1964. К вопросу о половцах на Ставрополье по археологическим данным. *Материалы по изучению Ставропольского края*. Вып. 2. Ставрополь: Ставропольское кн. изд-во: 167–196.
- Мирный, С.М. 1956. «Le flor des estoires de terres d'Orieint» Гайтона как историко-географический источник по Востоку и по истории монголов». *Советское востоковедение*. № 5: 72–82.
- Мокрушин, В.П., Нарожный, Е.И., Соков, П.В. 2016. О внутренней топографии поселения XIII–XV вв. «Железнодорожное-1» (Крымский район Краснодарского края): предварительные наблюдения. *Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды. Материалы Седьмой Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова*. Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдинов. Казань; Ялта; Кишинев. Stratum plus: 221–224.
- Нарожный, Е.И. 1988. К этносоциальной атрибуции городского населения Терско-Сулакского междуречья по материалам мусульманских захоронений эпохи Золотой Орды). *Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа*. Отв. ред. Т.Б. Тургиев. Орджоникидзе: СОГУ им. К.Л. Хетагурова: 159–172.
- Нарожный, Е.И. 1996. Несколько деревянных изделий XIII–XIV вв. с территории Северо-Восточного Кавказа. *Вопросы северокавказской истории*. Вып. 1. Отв. ред. В.Б. Виноградова. Армавир. АГПИ: 13–22.
- Нарожный, Е.И. 1997а. «Дорога Запада» грузинского «Хронографа» XIV в. *Кубань в истории России. Ч. 1: Археология и краеведение Кубани*. Отв. ред. И.И. Марченко. Краснодар: КубГУ: 46–48.
- Нарожный, Е.И. 1999. О каменной статуе из Черкесского музея (По поводу историко-культурной атрибуции Т.М. Минаевой и Х.Х. Биджиева). *III «Минаевские чтения»: Материалы научной конференции*. Отв. ред. А.А. Кудрявцев, Н.А. Охонько. Ставрополь: СГУ и СГКМ: 58–62.
- Нарожный, Е.И. 2000а. О находках дальневосточных и южно-сибирских предметов XIII века на Северном Кавказе. *Вопросы северокавказской истории*. Вып. 5. Отв. ред. В.Б. Виноградова. Армавир: АГПИ: 16–20.
- Нарожный, Е.И. 2000б. Черные клобуки на Северном Кавказе (О времени и условиях переселения). *Археология восточноевропейской лесостепи*. Вып. 14. *Евразийская степь и лесостепь в эпоху раннего средневековья*. Отв. ред. А.Д. Пряжин. Воронеж: ВГУ: 138–150.
- Нарожный, Е.И. 2003а. Половцы или черные клобуки? (По поводу критических замечаний И.Н. Анфимова и Ю.В. Зеленского). *Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа*. Вып. 2. Отв. ред. Е.И. Нарожный. Армавир: АГПИ: 212–232.
- Нарожный, Е.И. 2003б. О половецких изваяниях и святилищах XIII–XIV вв. Северного Кавказа и Дона. *Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 3: Половецкое и золотоордынское время. Сборник научных трудов*. Отв. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДГУ ИА НАН Украины: 245–274.
- Нарожный, Е.И. 2004. Борганы Северного Кавказа (историко-этнографический аспект проблемы). *Дикаревские чтения (10): Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2003 год*. Отв. ред. М.В. Семенцов. Краснодар: Мир Кубани: 193–201.
- Нарожный, Е.И. 2005а. О некоторых находках XIII–XIV вв. с территории «Грозненской области» (по материалам личного архива грозненского краеведа М.П. Севостьянова). *Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа*. Вып. 5. Отв. ред. Е.И. Нарожный. Армавир: АГПИ: 226–243.
- Нарожный, Е.И. 2005б. Средневековые кочевники Северного Кавказа (Некоторые дискуссионные проблемы этнокультурного взаимодействия эпохи Золотой Орды). Армавир: АГПИ.
- Нарожный, Е.И. 2007а. Чжурчжэньские предметы эпохи средневековья на территории Северного Кавказа. *Археология, этнография и антропология Евразии*. № 46: 60–67.
- Нарожный, Е.И. 2007б. Этнокультурный состав кочевого и оседлого населения северокавказских владений Золотой Орды: некоторые итоги и перспективы изучения. *Средневековая археология Евразийских степей. Материалы Учредительного съезда Международного конгресса. Серия: Археология Евразийских степей*. Т. 1. Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: ИИ АН РТ: 204–212.

- Нарожный, Е.И. 2008а. О событиях 1222 года на Северном Кавказе (Листая страницы «Историй ...» различных уголков Северного Кавказа). *Культурная жизнь Юга России*. № 3. Краснодар: КГУКИ: 70–75.
- Нарожный, Е.И. 2008б. Этнокультурные процессы XIII–XIV вв. на Северном Кавказе (по историко-археологическим данным). *Труды II (XVIII) Всероссийского Археологического съезда в Суздале 2008 г.* Т. 2. Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров. М.: ИА РАН: 490–494.
- Нарожный, Е.И. 2010а. Шлем из разрушенного кочевнического погребения у пос. Семеновод. *Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии*. М. № 1: 101–104.
- Нарожный, Е.И. 2010б. Позднекочевническое захоронение из-под г. Новокубанска (Новокубанский район Краснодарского края): некоторые аспекты датировки и культурной атрибуции. *Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. (Магас. 26–30 апреля 2010 г.). Тезисы докладов международной научной конференции*. Отв. ред. М.Б. Мужухоев. Магас: Пилигрим: 266–267.
- Нарожный, Е.И. 2011а. Кочевнические погребения из-под Усть-Лабинска (Некоторые комментарии к сведениям Н.И. Веселовского). *МИА Северного Кавказа*. Вып. 11. Отв. ред. Е.И. Нарожный. Армавир: АГПИ: 164–169.
- Нарожный, Е.И. 2011б. Об одной «войне» против черкесов. *Золотоордынская цивилизация*. Вып. 4 (Сборник светлой памяти проф. М.А. Усманова). Отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань: ФАН: 20–29.
- Нарожный, Е.И. 2012. Средневековые кочевники Восточного Причерноморья. *Кочевые цивилизации народов Центральной Азии: история, состояние проблемы. Сборник материалов III Международной научно-практической конференции*. Отв. ред. Н.И. Дроздов. Красноярск; Кызыл: Изд-во Краснояр. ГПУ им. В.П. Астафьева: 138–142.
- Нарожный, Е.И. 2013. Половцы Северного Кавказа (Некоторые итоги и перспективы изучения). *Тюркские кочевники Евразии (кимаки, кипчаки, половцы...)*. Серия: *Тюркские племена и государства Евразии в древности и в средние века*. Вып. 2. Казань; Ихлас ИИ им. Ш. Марджани АН РТ: 48–76.
- Нарожный, Е.И. 2014. Конфессиональный синкретизм XIII–XV вв. в погребальных обрядах населения Северного Кавказа. *Религия в истории России и Центральной Азии. Материалы II Международной научной конференции*. Отв. ред. П.К. Дашковский. Барнаул: АГУ: 147–153.
- Нарожный, Е.И. 2015. О находках китайских монет XIII в. на территории Северного Кавказа. *Вестник Академии наук Чеченской республики*. № 4 (29): 64–68.
- Нарожный, Е.И., Нарожный, В.Е. 2009. Горы Восточного Придарьяля и золотоордынские владения. *Донские древности*. Вып. 10: *Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Материалы IV Международной конференции, посвященной памяти профессора МГУ Г.А. Федорова-Давыдова (30 сентября – 3 октября 2008 г.)*. Отв. ред. Л.Т. Яблонский. Азов: АКМ: 353–367.
- Нарожный, Е.И., Соков, П.В. 2014. Могильники № 1 и № 2 золотоордынского времени поселения «Железнодорожное-1» (Крымский район Краснодарского края). *Труды IV (XX) Всероссийского Археологического съезда в Казани*. Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, А.Г. Ситдииков. Казань: ИА АН РТ- К(П)ФУ-ИА РАН-ИАЭ Сиб. отд-е РАН- ИИМК РАН: 407–410.
- Нарожный, Е.И., Соков, П.В. 2016. География событий 1222 года на северном Кавказе. *Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды. Материалы Седьмой Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова*. Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков. Казань; Ялта; Кишинев. *Stratum plus*: 225–231.
- Нарожный, Е.И., Охонько, Н.А. 2000. Новые раннедзючидские комплексы Северного Кавказа. *IV «Минаевские чтения» по археологии, этнографии и музееведению Северного Кавказа: Материалы региональной конференции*. Отв. ред. А.А. Кудрявцев, Н.А. Охонько. Ставрополь: СКМ: 27–31.
- Нарожный, Е.И., Охонько, Н.А. 2007. Новопавловский могильник XIV в. в системе евразийских древностей. *МИА Северного Кавказа*. Вып. 7. Армавир; Ставрополь: АГПИ-СКМ.
- Нарожный, Е., Охонько, Н. 2011. Новопавловский кочевнический могильник эпохи Золотой Орды. Публикация материалов. Saarbrücken. Lambert Academic Publication.
- Нарожный, Е.И., Цуциев, А.А. 2016. Северный Кавказ в период с 1222 г. по конец 1230-х годов (по грузинским монетным находкам). *Рах Mongolica и Евразийские потрясения XIII–XIV веков*. Санкт-Петербург; Кишинев; Одесса; Бухарест. *Stratum plus*. № 6: 247–268.
- Петров, П.Н. 2013. Некоторые аспекты восточной нумизматики -исторического источника (I). *Золотоордынское обозрение*. № 2: 191–216.
- Пиотровский, Б.Б. 1941. [Раскопки у] ст. Моздок. *Археологические исследования в РСФСР. 1934–1936 гг. Краткие отчеты и сведения*. Отв. ред. В.В. Гольмстен. М.; Л.: Изд-во АН СССР: 242–249.
- Путешествия в восточные страны ПIANO Карпини и Гильома Рубрука. 1957. М.
- Пьянков, А.В. 2001. Касоги-касахи-кашаки письменных источников и археологические реалии Северо-Западного Кавказа. *Материалы и исследования по археологии Кубани*. Вып. 1. Отв. ред. И.И. Марченко. Краснодар: КубГУ: 199–213.
- Трепавлов, В.В. 2002. История Ногайской Орды. М.: Восточная литература РАН.

- Усманова, Э.Р., Ермоленко, Л.Н., Марычев, Т.К., Антонов, М.А. 2016. Гендерная символика на средневековом каменном изваянии. *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология, этнология, антропология*. Т. 17. Иркутск: 94–108.
- Федоров-Давыдов, Г.А. 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: МГУ.
- Худяков, Ю.С., Цэвээдорж, Д. 1988. Реконструкция комплекса вооружения панцирного воина из памятника Цогт-Хиргист-Хоолой в Гоббийском Алтае. *Проблемы военной истории народов Востока*. Вып. 1. Отв. ред. М.В. Горелик. М.: ИВ АН СССР: 22–28.
- Rogers, J.D. 2012. Inner Asian States and Empires: Theories and Synthesis. *Journal of Archaeological Research*. Т. 20, N 3: 205–256.
- Spinel, V. 2014. [Рецензия]: I.A. Druzhinina, V.N. Chkhaidze, E.J. Narozhnyi. Средневековые кочевники в Восточном Приазовье [Nomazii medievali din partea răsăriteană a Mării de Azov], ed M.V. Gorelik, Armavir-Moscova. 2011. 266 p. *Arheologia Moldovei*. Bd. XXXVII. București-Suceava: 332–335.

E.I. Narozhnyi

NOMADS OF THE NORTH CAUCASUS: ETHNOCULTURAL REPRESENTATION AND INTERACTION (XIII–XV CENTURIES)

The North Caucasian nomadic complexes documented the presence in the region of the Polovtsians and nomads of the North-Eastern Black Sea coast region, since the Khazar era left here under one mound 1–2 burials of horses, accompanied by the cremation in the vessels and inhumations in the simple pits and stone boxes. The events of the first third of XIII century radically changed the situation. Several elite complexes of time of "generation of grandsons of Genghis Khan" possible associate with "Mongols" of the end of 1230-th, when was started the spreading of other Central-Asian, far-Eastern, South-Siberian nomadic groups. In 1260-ies, here are settled and the nomads from the Pruto-Podnestrovskogo domain of Nogai and Porosye (black hoods). The burials in "syrtsovih ogradkah" are wrongly attributed as the "mazars", "crypt-mausoleum" or "crypt", because – this is exceptionally ground based tombstones. "Ogradki" – this is beneath barrow "crypts", spreading of which is connected with the using of brick in the funerary practice, as well as with the using of brick structures on urban cemeteries of the Golden Horde. Approval of the use of brick in the funerary practice of first half of XIV century, approved by Islamic lawyers – just attempt to streamline an already existing practice.

With the XIV century linked and rejection from the traditional orientation of buried, replaced by "universal" and uniform western orientation, which is coincides with other novations of the epoch. It is known that part of polovtsian stone sculptures stood on their original places until the XIX century. Some part of them was "hidden" under mounds. An overwhelming number of stone sculptures (traditionally-semantic image of "ancestor" (?)) undergoes a "ritual burial" of the symbol. These innovations could be relevant only to that part of nomadic population, which was born and grown up in realities of the Golden Horde, experiencing and perceiving strong state influence (?), including a process of islamization of the state, which determined these changes.

Key words: Medieval nomads, the North Caucasus, the Golden Horde, Central-Asian nomads, jurchens of Far East, South-Siberian ethnical component, polovtsians, islamization.

ТЮРКИ НА ВЕЛИКОМ ШЕЛКОВОМ ПУТИ

А.А. Нуржанов

Институт археологии им. А.Х. Маргулана, республика Казахстан, Алматы

Великий шелковый путь занимает особое место в истории развития международных отношений. Он был не только мировой торговой артерией, но также являлся этосом (каналом) дипломатических отношений, обеспечивающим межкультурный коммуникативный диалог между различными странами. Великий шелковый путь проложил так называемый духовно-этнический и эстетический мост для культурной интеграции и морального обогащения различных народов. Формировался большой интерес к товарам, знаниям и культурам друг друга. Поэтому развитие Великого шелкового пути является крупным культурным событием в истории человечества.

Ключевые слова: Тюрки, цивилизация, Шелковый путь, согдийцы, караван сарай, генезис.

Шелковый путь оказал огромное влияние на формирование, политического, экономического и культурного устройства стран, через которые он проходил. Одним из главных достоинств шелкового пути являлось то, что в нем были заинтересованы все страны, расположенные вдоль этих караванных путей в течение длительного периода истории, т.к. он развивал экономические, культурные отношения между странами. Каждое государство стремилось, чтобы именно по его территории проходили караванные пути, обеспечивая развитие торговли и процветание страны.

В середине VI в. н.э. на политическую арену в Центральной Азии вступает новое государственное образование – Тюркский каганат. Тюрки занимают сначала территорию от Алтая до Сырдарьи, заключают союз с Ираном и громят государство эфталитов, затем продвигаются до Причерноморья. Обладая огромными богатствами, полученными в качестве дани от Китая и во время войн, они были заинтересованы в активном развитии торговли на Великом шелковом пути, поддерживая согдийских купцов. Поскольку значительная часть южных трасс находилась под контролем сасанидского Ирана, Дизабул каган в 567 г. направил в Иран посольство во главе с согдийским купцом Маниахом с целью совместно контролировать торговые трассы. Однако шах Хосров I, приняв посольство и купив привезенный шелк, демонстративно сжег его на площади столицы. Не имело успеха и второе посольство кагана, которое было даже отравлено (Ртвеладзе, 2001: 43). Это был прямой призыв к войне. Тогда каган направил посольство во главе с тем же купцом Маниахом непосредственно в Византию, через Бухару, Хорезм вокруг северного берега Каспийского моря и через Кавказ. Были заключены торговый и военный договоры. Император Византии Юстин II отправил ответное посольство во главе со стратегом восточных земель Земархом, который даже участвовал в походе тюрков против Ирана (Деступис, 1861: 66).

Древнейшее упоминание о городе Таласе (Тараз) содержится в сочинении византийского историка Менандра Протектора.

Об значении этого труда писала З. Удальцова: Рассказ Менандра о первом знакомстве Византии с Тюркским каганатом Дизавула – явление выдающееся в ранней византийской историографии. Недаром до наших дней этот рассказ используется как источник по истории древних тюркских народов. По истине жемчужиной сочинения Менандра является описание посольства Византийского дипломата Зимарха в Страну Тюрков. Этот рассказ наполнен выразительно яркими, красочными деталями, в известной мере может соперничать с рассказом Приске о посольстве греков ко двору Аттилы (Удальцова, 1984: 33).

Так были установлены стабильные торговые отношения между Тюркским каганатом и Византией по северному пути. Сохранились и удивительно интересные вещественные следы торговли с Византией и участков этого пути. В средневековых городах Средней Азии и Казахстана найдены византийские золотые монеты VI–VII вв. н.э. и подражания им. В VI культурном слое г. Тараза найден византийский золотой солид. На Av имелось погрудное изображение Юстиниана I в шлеме с копьем в правой руке, левая рука была прикрыта щитом. На Rv изображена богиня победы в хитоне, держащая длинный и широкий крест (Массон, 1951: 97).

Важную роль в торговле на Великом шелковом пути играли территории современного Казахстана. В VI–VII вв. наиболее оживленным становится путь из Китая на запад через Юго-Восточный и Южный Казахстан. Такое перемещение пути можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, весь этот торговый путь, с юга от Хинганских гор до Причерноморья, находился под контролем тюркских каганов, которые сумели обеспечить полную безопасность прохождения караванов. Доказательством тому являются слова Сюана Цзяня: «...к западу от Суяба находятся несколько десятков городов. У каждого города есть свой правитель. Хотя они независимы друг от друга, но подчиняются тюркскому кагану» (Бичурин, 1950: 125). Во-вторых, тюркские каганы и тогдашнее общество тюрков являлись крупными потребителями товаров. В-третьих, дорога через Фергану в VII в. стала опасной из-за междоусобиц.

Через Шелковый путь проходило основное число посольских и торговых караванов в VI–XIV вв. В течение столетий он претерпевал изменения: одни участки приобретали особое значение, другие, напротив, некоторые города и торговые фактории на них приходили в упадок. Так, в VI–VIII вв. основной была трасса Сирия – Иран – Средняя Азия – Южный Казахстан – Таласская долина – Чуйская долина – Иссык-Кульская котловина – Восточный Туркестан. Ответвление этого пути: еще один маршрут выходил на трассу из Византии через Дербент в Прикаспийские степи – Мангышлак – Приаралье – Южный Казахстан (Байпаков, 1998: 12).

В эпоху Средневековья города и поселения средневекового Казахстана не являлись простыми транзитными пунктами. Они были экспортными пунктами большого количества самых разнообразных товаров своего производства – и ремесленного и сельскохозяйственного.

По свидетельству письменных источников, из владений тюркских каганов вывозились металлы и готовые металлические изделия от парадных сосудов и драгоценных металлов до различных видов вооружения: луки и стрелы, мечи и доспехи, изделия из кожи, среди которых особо отмечались таразские кожаные седла с высокими луками, ковры и войлок, ткани и одежда, украшения из самоцветов и цветного стекла, лекарственные и красящие вещества.

Основная градостроительная политика в период Великого шелкового пути, на наш взгляд – концентрация промышленности и населения в городских центрах. Так, крупные города в ту эпоху – Отрар, Испиджаб, Тараз, Суяб, Баласагун, согласно имеющимся источникам, очень развитые в экономическом и культурном плане, были крупными торгово-ремесленными центрами. Описание г. Баласагун дается в исследованиях И. Баролиной и других исследователей: «У северных склонах киргизского хребта, в живописной Шуйской долине, юго-западнее современного города Токмака, высится одинокий минарет причудливой кирпичной кладки. Это знаменитая башня Бурана, архитектурный памятник начала XI века. Небольшой холм, находящийся неподалеку от нее, скрывает развалины старинной мечеты. Остатки бугров и развалин молчаливо свидетельствуют о том, что некогда здесь был средневековый город, окруженный крепостными валами и украшенный монументальными постройками. Город этот – Баласагун, первая столица тюркского государства караханидов, простиравшегося в XI–XII вв. на огромной территории от западного Китая до берегов Амударьи» (Маргулан, 1950: 30).

Тюркская растительная орнаментация получила поистине евразийское распространение: не только у кочевников степной зоны, но и в Суйском и Танском Китае, Согде, Византийской империи. Она стала своеобразным художественным «языком» древнетюркской эпохи и отражением социального престижа и имущественного положения. Ею украшены согдийские серебряные сосуды и древнетюркские серебряные и позолоченные пояса, дорогое клинковое оружие и китайский шелк, одежда суйского императора Вэнь-ди и золотой головной убор тюркского Бильге-кагана. Феномен распространения и популярности растительной орнаментации можно сопоставить лишь с распространением «звериного стиля» в евразийских степях в скифо-сакскую эпоху.

Наиболее популярным орнаментальным мотивом у древних тюрков был извивающийся побег с попеременно отходящими от него цветками. У детально изображенных цветков можно различить бутон ромбической формы и три значительно более длинных и закрученных лепестка. Иногда побег образует сложное симметричное сочетание лепестков.

Традиционно и совершенно справедливо расцвет в использовании растительной орнаментации древними тюрками, а также другими кочевыми оседло-земледельческими этносами большинство исследователей относит к VIII в. Согдийцы заимствовали у китайцев и древних тюрков подобную орнаментацию и творчески переработали.

Значительно большее сходство с согдийской пальметтой обнаруживают симметричные растительные композиции на предметах тюркской торевтики, хотя и они не являются полностью тождественными среднеазиатским образцам. Наличие выделенного точечного или кружкового фона тоже сближают согдийские и тюркские изделия из металла. Нельзя не согласиться с выводом Б. Маршака, что «степь, заселенная кочевниками, жадно впитывала искусство передовых народов, была посредником между весьма отдаленными странами и сама внесла ощутимый вклад в арсенал форм и приемов у мастеров оседлых народов» (Маршак, 1971: 178).

Говоря о собственно тюркских традициях, следует обратить внимание на мотив всадника, стреляющего на ходу, обернувшись назад, – классический сюжет, отражающий реалии кочевой жизни и популярный во многих видах искусства. Появление его в искусстве городов связано с влиянием кочевой среды (Пугаченкова, 1981: 48). Изображение стреляющего на ходу всадника было широко распространено также в согдийском и иранском искусстве, но в разных случаях сюжет получает различную интерпретацию и стилистическую интонацию. Для Согда все еще сохраняется романтическое понимание образа, передающего, по выражению Л.И. Ремпеля, идеал «степного витязя Средней Азии». Это проявляется в более динамичной, живой трактовке сюжета, экспрессивной выразительности всей сцены: эти черты в согдийском искусстве проявляются в результате тюркского влияния. Классическим образцом данной группы является блюдо с изображением «согдийского всадника» (VI–VII вв. или начало VIII в., Эрмитаж). Стилистические особенности изображения дают основание рассматривать блюдо как продукт тюрко-согдийской культуры.

Тюркское влияние проявилось в согдийских металлических кружках, а через них в керамике (Маршак, 1965: 68). Интересен тонкостенный кувшин с широким цилиндрическим горлом и носиком-сливом. Основная композиция орнамента на этом сосуде не пересекающиеся линии. Она была остроумно разработана путем повторяющихся мотивов рога барана (кошкар муйиз). Орнамент из рогов, покрывающий корпус кувшина, – отзвуки сакского искусства.

В Таласской долине длительные процессы взаимосвязи оседлого населения городов с кочевым миром способствовали проникновению в городскую среду кочевников, «принесших в искусство мотивы,

ранее применявшиеся в украшении одежды, жилища, домашней утвари. Благодаря выработанным веками орнаментальным приемам на коже, дереве, войлоке, кости и металле, оседавшие в городах тюрки, карлуки, кимаки, кыпчаки и караханиды смогли воспроизводить их на гончарных изделиях и в архитектуре и тем самым способствовать расцвету орнаментального искусства» (Сенигова, 1974: 35).

В Жетысу встречается монументальная скульптура древних тюрков с птицей в руке вместо чаши или кубка, женские фигуры. Такие стилистические признаки, как манерное изображение пальцев руки, держащей чашу, изогнутая линия бровей, увеличенно миндалевидные глаза, характерны в большей степени для Жетысу изваяний и могли появиться под влиянием согдийского искусства.

Влияние тюркской художественной культуры проявилось не только в тюркской – виде искусства, традиционно высокоразвитого в среде степных племен, но и в таких сугубо «городских» видах, как резной штук Кулана, Суяба, Нижнего Барсхана. Четыре объемные глиняные головки, вероятно, были портретными изображениями реальных людей – мужчин знатного тюркского происхождения. Подобные портретные изображения мужчин с выраженной индивидуальностью можно увидеть среди коропластики Согда и Усрушаны VI–VII вв.

В танскую эпоху благодаря Великому Шелковому пути, этому своеобразному мосту, протянутому между разными цивилизованными мирами, кочевая или степная цивилизация являлась полноправным культурным партнером Китая.

В провинции Гансу в КНР, где на рубеже тысячелетий проживали усунь, до того пока они неперекочевали в долину р. Иле, в 1969 г. была обнаружена бронзовая статуэтка коня. Его нашли в могильнике, относящемся к Ханьскому периоду. В бронзовой статуэтке запечатлен конь в состоянии стремительного бега, под копытом задних ног изображена летящая птица. Этот выдающийся памятник культуры ученые называют «мчащийся скакун» или «стремительно-скачущий конь, попирающий летящую ласточку». Сегодня фигурка бронзового коня является для китайцев прекрасным символом Евразийского Шелкового пути. Это еще одно косвенное доказательство того, что для китайцев этот путь был «конским», а «шелковым» он стал для открывших его европейцев.

В VI–X вв. установились отношения Китая с Тюркскими каганатами, возникшими на территории Монголии, а затем распространившимися по всей Великой степи, в тюркский период истории конь был поднят на недостижимую высоту. Обратимся к высеченным строкам памятника Кюль-Тегину в переводе С.Е. Малова. Здесь описано тринадцать решающих сражений Кюль-Тегина. При этом первые свои подвиги он совершил в 16 лет в пешем строю, удостоился звания «мужа» богатыря. И только ему исполнился 21 год, он смог броситься на врагов, кажется, сев на чужого боевого коня, соответствующего богатырю. Этот конь пал, Кюль-Тегин садился на коня белой масти девять раз, один раз на гнедого и дважды – бурого и один раз на серого коня. Более всего ему служили кони Шалчы белой масти, на них Кюль-Тегин сражался три или четыре раза. Слово «шал» в древнетюркском языке означает то же, что и «алп», отважный, человек, богатырь, меткий стрелок (Древнетюркский словарь, 1969: 32, 115).

Особое внимание привлекает развитие культуры тюрков под влиянием Великого шелкового пути. Она находилась в широком контакте с могучими странами других народов мира. И, так пишут исследователи, «связи эти возрастали по мере того, как усиливалось влияние тюрков в Средней Азии» (Стеблева, 1984: 265). На примере огузских героических сказаний «Книге моего деда Коркута» мы видим предметный мир и идеи Шелкового пути. Целую плеяду замечательных гениев тюркской классической научной и художественной мысли подарил человечеству именно Великий шелковый путь в наивысший период своего развития.

Одним из высших достижений эпохи стало создание и широкое распространение древнетюркской письменности, которая обладала двумя существенными и неоспоримыми достоинствами – автохтонностью и аутентичностью (Кумек, 2009: 232). Сотни письменных памятников сохранились на Алтае и Монголии, Хакасии и Туве, в Восточном Туркестане и Жетысу, в Поволжье и на Дунае. Древнетюркская письменность была наиболее приспособленной для передачи фонетических закономерностей тюркских языков и диалектов. Очевидно, необходимость в письме возникла из нужд административной, хозяйственной и дипломатической практики, из потребности фиксации государственных актов и традиций.

Для Жетысу выделяется манихейское сочинение на тюркском языке колофон рукописи «Ики йылтыз ном» (Священная книга двух основ), переписанной в Таразе в середине IX в., сочинение относится к дидактическому жанру (Кляшторный, 1992: 357).

Крупнейшим из философов-энциклопедистов второй половины X в. был Абу Насыр аль-Фараби ат Турки (около 870–950 гг.), сын тюркского военачальника, родом из г. Фараба (Отрара). Первоначальное

образование аль-Фараби получил в своем родном городе, продолжив его в Бухаре, Дамаске, Багдаде. Он, как никто до него из тюрков, не только освоил наследие древнегреческих философов, но и сумел донести его до народов Центральной Азии; аль-Фараби написал ряд оригинальных сочинений, и многие ученые Средневековья считали его своим учителем. В комментариях к «Метафизике» Аристотеля, «Об основных идеях философии», «О взглядах жителей современного города» и в других трудах аль-Фараби рассматривает ряд важнейших вопросов о сути познания, природе человеческого общества, о происхождении государства, а также причинах социального неравенства.

Философия аль-Фараби не отличалась последовательностью, материалистические тенденции в ней причудливо переплетались с идеалистическими. Однако социально-утопические воззрения аль-Фараби, гуманные и прогрессивные в своей основе, сыграли в свое время важную роль в развитии мировой науки (Кумеков, 1979: 101–102).

Особое внимание заслуживает художественное творчество двух выдающихся тюркоязычных ученых-энциклопедистов, философов, литераторов Караханидского ханства Юсуфа Хас-Хаджиба ал Баласагуни и Махмуда ибн Хусейна Махмуда ал-Кашгари. Их литературное и научное наследие изучается не одно столетие, историография насчитывает десятки работ. Появление их в эту эпоху – закономерное явление, ибо тюркский мир к XI в. достиг апогея общественно-политической, экономической и культурной жизни.

Исследование ученых свидетельствуют о передовой роли Востока в период Средневековья. Однако глубинные стороны этого явления отмечены более рельефными событиями, оказавшими прогрессивное влияние гуманистических тенденций. В этом плане известный ученый В. Бартольд замечает, «что одной из главных культурных заслуг тюрков-мусульман было создание обширной литературы, с которой произведения античных авторов не могли бы выдержать никакого сравнения» (Бартольд, 1993: 123).

Материальная и духовная культура тюркских каганатов, с одной стороны, прошла несколько этапов своей эволюции, с другой, как и любая культура, развивалась в активном взаимодействии и взаимовлиянии с культурами других народов, как родственных кочевых, так и оседлых (согдийская, китайская). Оба эти процесса нашли отражение в археологическом материале. Древние тюрки, объединив, пусть и на короткий период, большую часть Евразии в рамках Первого Тюркского каганата, способствовали активизации межкультурных и межэтнических контактов. Несомненно, функционирование Великого шелкового пути сыграло в этом значительную роль. В результате активных контактов, торговли происходит нивелировка многих категорий предметов близких культур (Нуржанов, 2007: 115–118).

Таким образом, Великий шелковый путь имел важное экономическое и политическое значение в жизни народов Азии и Европы. Его история – это история широкого культурного взаимодействия и взаимобогащения культур являются основой мира и прогресса для всего человечества. Впервые в истории человечества он соединил различные страны и народы, связал их материальную, художественную и духовную культуру.

ЛИТЕРАТУРА

- Байпаков, К.М. 1998. Средневековые города Казахстана на Великом шелковом пути. Алматы: Наука.
- Бартольд, В.В. 1993. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. Алматы: Жалын.
- Бичурин, Н.Я. 1950–1953. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л.: Т. I–III.
- Деступис, С. 1861. Византийские историки. Санкт-Петербург.
- Древнетюркский словарь. Л. 1969.
- Кляшторный, С.Г. 1992. Памятники древнетюркской письменности. *Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос, языки, религии*. Отв. ред. Б.А. Литвинский. М.: Наука.
- Кумеков, Б.Е. 1979. Развитие науки и культуры. История Казахской ССР. Т. 2. Алма-Ата: Наука: 101–102.
- Кумеков, Б.Е. 2009. Тюркская степная цивилизация Великой степи Евразии. *Археология Евразийских степей*. Вып. 2. Казань: 232.
- Маргулан, А.Х. 1950. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата.
- Маршак, Б.И. 1965. Керамика Согда VI–VII вв. как историко-культурный памятник: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.: Наука.
- Маршак, Б.И. 1971. Согдийское серебро. *Очерки по восточной торевтике*. М.: Наука.
- Массон, М.Е. 1951. К вопросу о взаимодействиях Византии и Средней Азии по данным нумизматики. Труды САГУ. Ташкент. Вып. 23: 4.

- Нуржанов, А.А. 2007. Взаимодействие степных и оседлых цивилизаций в эпоху Тюркских каганатов в Семиречье. *Материалы Учредительного съезда Международного конгресса. Казань, 14–16 февраля. 2007.* Т. 2: 115–118.
- Пугаченкова, Г.А. 1981. К датировке и интерпретации трех предметов «восточного серебра» из коллекции Эрмитажа. *Средняя Азия ее соседи в древности и средневековье.* М.: 48.
- Ртвеладзе, Э.В. 2001. Тюркеша-правителя Чача. *Нумизматика Центральной Азии.* V. Ташкент: 43.
- Сенигова, Т.Н. 1974. Орнаментальные узоры на керамических сосудах VI–IX веков. *В глубь веков.* Алма-Ата: 35.
- Стеблева, И.В. 1984. Древняя тюркоязычная литература. *История всемирной литературы.* IX вв. Т. 2. М.: Наука.
- Удальцова, З.В. 1984. Дипломатия ранней Византии. М.

A.A. Nurzhanov

TURKS ON THE GREAT SILK ROAD

The Great Silk Road has a special place in the history of international relations. He was not only the global trading artery, but also was the ethos (channel) diplomatic relations, providing intercultural communicative dialogue mezhdurazliyanymi countries. The Great Silk Road has made the so-called spiritual–ethnic and aesthetic bridge for cultural integration and moral enrichment of different nations. It forms a great interest in the products, knowledge and cultures of each other. Therefore, the development of the Silk Road is a major cultural event in the history of mankind.

Key words: Turks, civilization, the Silk Road, sogdeytsy, caravanserai, genesis.

ЗОЛОТООРДЫНСКИЕ ГОРОДА НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ (К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ МАЛЫХ ГОРОДОВ)

Е.М. Пизарев

Институт археологии им. А.Х. Халикова АН Республики Татарстан, Казань

В работе рассматриваются малые города (городища) золотоордынского времени, расположенные в дельте р. Волга. Дается краткое описание результатов их полевых исследований, время возникновения, их функциональные особенности. Предлагается к рассмотрению административно-территориальная структура ханского домена, состоящая из столичного города Сарай (Сарай ал-Махруса, Сарай ал-Джедид) и пяти малых городов, выполняющих функции административных и экономических микрорегиональных центров. Ставится вопрос об выделении малых городов из общего числа золотоордынских поселений и городищ, для чего предлагаются критерии для подобного выделения.

Ключевые слова: Улус Джучи, Золотая Орда, дельта Волги, ханский домен, малый город, Сарай, Саксин, Суммеркент, Ахтубинское городище, Красноярское городище, Хаджи-Тархан, городище Мошаик, Самосдельское городище.

В XIII в. на евразийском пространстве образовалось новое огромное государство Монгольская империя, северо-западная часть которого превратилась в государство Джучидов (Улус Джучи), называемое обычно Золотой Ордой. Экономическим и политическим центром (ханским доменом) Улуса являлось Нижнее Поволжье. Именно здесь пересекались все основные торговые магистрали, находился основной путь кочевой ханской ставки (орды) и располагались столицы государства и некрополь золотоордынских ханов. На этой ранее свободной от урбанистических процессов территории в золотоордынский период появились крупные городские центры, такие, как Укек, Гюлистан (Царевское городище), Сарай (ал-Махруса, ал-Джедид, Селитренное городище), Хаджи-Тархан (городище Шареный Бугор), и десятки более мелких городищ и поселений.

Изучению различных аспектов возникновения и развития золотоордынского города были посвящены работы Ф.В. Баллода (Баллод, 1923), Г.А. Федорова-Давыдова (Федоров-Давыдов, 1994), В.Л. Егорова (Егоров, 1985). За последние двадцать–тридцать лет география археологических исследований золотоордынской культуры расширилась, что повлияло на увеличение объема информации, вводимой в научный оборот. Благодаря этому были достигнуты серьезные успехи в осмыслении проблематики золотоордынского города. Это привело к появлению новой темы, обозначенной Л.Ф. Недашковским, посвященной проблеме становления и динамики развития крупных золотоордынских городов Нижнего Поволжья и их окружи (Недашковский, 2010). Им были подробно рассмотрены четыре крупнейших золотоордынских городища Нижнего Поволжья (Укекское, Царевское, Селитренное и Шареный Бугор) и многочисленные памятники, входящие в их окружу. Эти города являлись административными финансово-экономическими центрами, т.е. «городами власти», не только ханского домена, но и всего государства. В них располагались монетные дворы, промышленность, международные торговые рынки.

Однако остается немало открытых вопросов, связанных с административно-территориальным устройством государства и его внутренней политикой. Одним из таких проблемных вопросов является слабая изученность сельских поселений и малых городов Золотой Орды, которые в научной литературе привычно называются одним термином – городища. Между тем их значение для изучения истории Улуса Джучи велико. Являясь центрами административного управления и играя роль опорных пунктов, они были центрами ремесла и торговли. Созданные как опорные пункты на основных магистралях (ключевых точках) торговых путей, эти города в основном так и не стали крупными экономическими центрами, выполняя роль административных центров небольших микрорегионов, входящих в вилайет Сарай и подчиненных к крупным и столичным городам. На наш взгляд, малым городом в Золотой Орде можно считать населенный пункт, не имеющий собственного монетного двора (т.е. финансово-политического статуса), имеющий товарное производство, обладающий собственной округой, являющийся центром микрорегиона, выполняющий какую-либо государственную функцию. Однако некоторые из них благодаря политическим процессам, протекавшим в государстве, значительно изменяли свой статус.

В нашей работе мы хотели бы рассмотреть ситуацию, связанную с административно-территориальным устройством южной части ханского домена – дельты р. Волга. Здесь с предмонгольских времен сохранилась целая сеть сельских поселений и городищ, плавно вошедших в общую экономическую конструкцию Улуса Джучи. Об этом свидетельствует и такой факт, что в XIV и даже XV в. бытовала традиция наименования центральных областей Улуса Джучи областью Саксин (Пигарев, 2016: 188). Если в середине XIII в. основными городскими центрами Золотой Орды были Болгар, Хорезм и Крым, то в XIV в. таким становится Сарай в дельте Итиля (Федоров-Давыдов, 1994: 10). Волжская дельта, на территории которой находятся практически все известные нам золотоордынские памятники Астраханской области, формируется рекой Волга и ее крупными рукавами – реками Ахтуба, Бузан, Бахтемир, Старая Волга, Кизань, Болда, Кигач. Главные рукава при своем движении к Каспийскому морю веерообразно разветвляются на многочисленные протоки и ерики, при впадении в Каспийское море Волга насчитывает порядка 800 устьев (Атлас..., 1997: 4).

К настоящему времени на территории южной (дельтовой) части Астраханской области известно 59 поселений или усадебных комплексов и 6 городищ: Селитренное, Красноярское, Ахтубинское, Мошаик, Шареный Бугор, Самосдельское (Пигарев, 2010: 347–350). Из них Селитренное городище является остатками столицы Улуса Джучи, крупнейшим его городом Сарай (ал-Махруса, ал-Джедид). Для рассмотрения поднятой темы рассмотрим городища Шареный Бугор, Красноярское, Ахтубинское, Мошаик, Самосдельское, отнесенные нами к типу малых городов.

Городище Шареный Бугор – город Хаджи-Тархан находится в черте современного города Астрахань, на его северо-западной окраине на правом берегу Волги, между поселками Стрелецкое и Новолесное; сохранившаяся площадь более 300 га. Западная, северная и южная стороны города занимают многочисленные усадьбы, расположенные на бэровских буграх растянувшихся на многие километры. Основная его часть сильно разрушена течением Волги. Несмотря на то что памятник известен достаточно давно, археологические исследования на его территории проводились в малых объемах. В 1966 г. экспедицией под руководством А.М. Мандельштама и В.И. Филипченко был заложен раскоп 110 x 104 м. В ходе этих работ были обнаружены землянки, многочисленные ямы, две крупные печи для обжига керамики. В 1984 г. В.В. Плаховым восточнее центральной части городища был обнаружен комплекс усадьбы с четырьмя землянками. Подробная история его изучения представлена Р.А. Гузейровым (Гузейров, 2004: 3–16).

По всей видимости, на протяжении конца XIII – середины XIV в. основной функцией города было контролирование волжской торговой магистрали, он стал крупным узлом транзитной торговли на пути Восток–Запад. Кроме этого, он являлся административным центром «микрорегиона», в округу которого входили поселения, расположенные на правом берегу р. Волга. Во время «великой замятни» ситуация на Нижней Волге резко изменилась. Расположение Хаджи-Тархана на правом берегу Волги, определенная обособленность от Сарая, экономический потенциал, основанный на торговом транзите, значительно повысили статус города. В конце 60-х гг. XIV в. им владел Хаджи-Черкес. С 1374–1375 гг. начинается регулярная чеканка серебряной монеты на местном монетном дворе, продолжающаяся до середины XV в. (Зайцев, 2004: 17, 28) и медных пулов (Гончаров, 1997), а Хаджи-Тархан становится «городом власти». Впоследствии город неоднократно переходил из рук в руки многочисленных ханов-Чингизидов, пока в конце XV в. не стал столицей Астраханского ханства (Зайцев, 2004: 35).

Красноярское городище находится в с. Красный Яр Астраханской области, на слиянии р. Бузан и Маячная. Размеры его составляют около 50 га (Недешковский, 2010: 125). Городище располагалось

в стратегически важном месте – в точке разделения главных протоков Волги (р. Ахтуба и Бузан), там, где была возможность осуществлять контроль за водной магистралью, соединявшей Верхнюю и Среднюю Волгу с Каспийским морем. Археологическое изучение Красного Яра началось в конце 1980–1990-х гг. П.В. Казаковым, Е.В. Шнайштейном и С.Б. Артемьевым. Общая площадь раскопов составила около 300 м². В ходе работ было обнаружено и исследовано более 20 хозяйственных ям различного назначения, остатки 4 жилых домов и 8 погребений. Здесь были зафиксированы остатки производства глазурованной керамики. В ходе изучения остеологических материалов грунтового могильника «Маячный бугор», являющегося городским некрополем, было обращено внимание на наличие дефектов на зубах женских костяков. Антропологами было высказано мнение, что зафиксированные дефекты на зубах могли возникнуть в процессе выделывания снастей для рыбной ловли либо в результате перекусывания, перетиранья или держания нитей при изготовлении тканей, ткацких изделий или шерстяных нитей при прядении. Находки, связанные с сельским хозяйством (жернова, фрагменты дигирных сосудов, серпы, зерна проса, дынь, арбузов, винограда), говорят о развитом ирригационном земледелии. О значительном месте рыболовства в хозяйстве жителей свидетельствуют многочисленные костные останки рыб осетровых и частиковых пород, находки железных рыболовных крючков и сетевых грузил. За время исследований 1989–1990 гг. на раскопах было найдено 18 медных и 3 серебряные монеты. Все монеты золотоордынской чеканки. Из них самая ранняя монета с тамгой дома Джучи относится к концу XIII в. Большинство монет приходится на 20–30-е гг. XIV в., т.е. на время правления хана Узбека. Самая поздняя монета чеканена в 791 г. (Пигарев, 2016а: 90–93). Предполагаемое название города – Кизиль. По-видимому, Красноярское городище, образованное во второй половине XIII в., являлось административным центром микрорегиона, в округу которого входило несколько сельских поселений (Пигарев, 2016б: 172, 175). Кроме того, находясь в стратегически важном месте – в точке разделения главных протоков Волги, город, возможно, выполнял функцию таможенного пропускного пункта на восточной границе ханского домена.

Ахтубинское городище расположено у пос. Комсомольский Астраханской области на левом берегу р. Ахтуба. Размеры его около 5 км². Археологическое изучение проводилось в 1989–1994 гг. В.В. Плаховым. В ходе этих исследований были обнаружены остатки крупных архитектурных объектов, которые являлись мавзолеями, дворцами или административными зданиями (Плахов, 2008: 125–139). В этом месте русло Ахтубы сужается, образуя удобные переправы, отсюда же прокладывается кратчайший путь к волжской переправе в районе Хаджи-Гархана. Нумизматический материал, обнаруженный при раскопках, относится к периоду правления хана Токтамыша. По предположению исследователя здесь находился город Орду Муаззам (Плахов, 2008: 125). Интересны данные топонимики. Городище находится в местности Ак-Сарай (Белый дворец), здесь также протекает ерек Ай-Сарал (Лунный дворец?). Возможно именно здесь в середине XIII в. располагалась ханская ставка (Орда) и появились постройки раннего Сарая.

Городище Мошаик находится на восточной окраине г. Астрахань, на правом берегу р. Болда, у современного поселка Мошаик. Река Болда является одним из основных волжских рукавов. Площадь городища составляет более 180 га. Городище возникает на рубеже XII–XIII вв. Местоположение городища Мошаик в самой узкой части волжской дельты позволяет предположить, что оно обслуживало переправу. Городище Мошаик является наиболее вероятным претендентом на то, чтобы локализовать на нем г. Суммеркент (Васильев, 2016: 153). Изучение керамического комплекса памятника показало присутствие в его культурных слоях, помимо керамики золотоордынской эпохи, материала домонгольского времени, более известного по исследованиям Самосдельского городища (Попов, 2008: 207). Комплекс монет, собранных в окрестностях Мошаика, укладывается в хронологические границы от начала XIV в. до 20-х гг. XV в. (Гречкина, 2013: 98). На наш взгляд, в период экономического развития Улуса Джучи для усиления управленческой структуры домена и контроля над водными торговыми магистральями возникла необходимость в организации еще одного малого административного центра. Для достижения этих целей на месте старого доордынского поселения возник новый административно-территориальный центр под возможным названием Суммеркент. О его экономической стабильности свидетельствует то, что за сто лет своего существования он имел устойчивое денежное обращение, представленное надежной цепочкой монет, последовательно сменявших друг друга в денежном деле Золотой Орды (Гречкина, 2013: 99).

Самосдельское городище располагается на правом и левом берегах Волги, изучается с 1990 г. по наше время. Размеры памятника составляют около 2 км², при мощности культурного слоя в островной части до 2–3 м. На городище за время исследований было вскрыто около 800 м², на которых изучены наземные дома с канами и суфами, землянки, юртообразные жилища, обработан огромный комплекс лепной

и гончарной керамики (Недашковский, 2010: 128–129). Культурные пласты памятника делятся на два периода – домонгольское и золотоордынское время. Самосдельское городище соотносится исследователями с остатками г. Саксин, столицы одноименной полуоседлой области (Васильев, 2016: 153). В начале XIV в. происходит быстрое повышение уровня Каспийского моря. Городище оказалось в прибрежной затопляемой зоне дельты. Возможно, часть населения города переселилась на противоположный правый, более высокий, берег Волги (Недашковский, 2010: 145).

Вероятно, после завоевания территории, во второй половине XIII в., монголы использовали г. Саксин как основной форпост в срединной части волжской дельты, контролируя одну из главных водных магистралей, и как административный центр в экономическом микрорегионе, сформированном до их прихода. В XIV в., несмотря на природные катаклизмы, город мог сохранить за собой эти функции. Это некоторым образом подтверждает тот факт, что во время исследований городища был найден корпус медных монет чеканенных практически весь XIV в. (Недашковский, 2010: 129).

Таким образом, нами были кратко рассмотрены материалы исследований 5 золотоордынских городищ (малых городов), являющихся центрами микрорегионов, находящихся в дельте р. Волга, создающих административно-территориальную структуру ханского домена. Один из них, г. Хаджи-Тархан, в результате политических событий, происходивших в Орде, становится крупным городом с правом чеканки монеты и функциями власти.

ЛИТЕРАТУРА

- Атлас Астраханской области. 1997. М.: Роскартография.
- Баллод, Ф.В. 1923. Старый и Новый Сарай, столицы Золотой Орды. Результаты археологических работ летом 1922 года. Казань: Комбинат Издательства и Печати.
- Васильев, Д.В. 2016. Дельта Волги в XIII веке (по материалам Самосдельского городища и новых памятников, выявленных в дельте). *Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды: Материалы седьмой Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова*. Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков. Казань; Ялта; Кишинев: 153–155.
- Гончаров, Е.Ю. 1997. Медные монеты XIV века города Хаджи-Тархан. *Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины*. № 5: 177–188.
- Гречкина, Т.Ю., Кутуков, Д.В., Скисов, С.Ю. 2013. Новые нумизматические материалы полевого сезона 2013 года. *Астраханские краеведческие чтения: сборник статей*. Вып. 5. Отв. ред. А.А. Курапов. Астрахань: Изд. Со-рокин Роман Васильевич: 96–100.
- Гузейров, Р.А. 2004. Золотоордынский город Хаджи Тархан и его округа: дис. ... канд. ист. наук. Казань: КГУ.
- Егоров, В.Л. 1985. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука.
- Зайцев, И.В. 2004. Астраханское ханство. М.: Вост. лит.
- Недашковский, Л.Ф. 2010. Золотоордынские города Нижнего Поволжья и их округа. М.: Вост. лит.
- Пигарев, Е.М. 2010. Золотоордынский город и его округа на Нижней Волге. *Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия: Материалы III Международной Нижневолжской археологической конференции (Астрахань, 18–21 октября 2010 г.)*. Астрахань: ИД «Астраханский университет»: 346–351.
- Пигарев, Е.М. 2016. Дельта Волги в золотоордынский период. *Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды: Материалы седьмой Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова*. Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков. Казань; Ялта; Кишинев: 187–190.
- Пигарев, Е.М. 2016а. Красноярский комплекс: городище и могильники (История, этапы развития, название). *Вестник НИИГН при Правительстве Республики Мордовия*. № 2 (38): 88–99.
- Пигарев, Е.М. 2016б. Красноярское городище и его округа. *Поволжская археология*. № 2 (16): 164–181.
- Плахов, В.В. 2008. Дворцовые здания конца XIV века у поселка Комсомольский в Астраханской области. *Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 6. Золотоордынское время: Сб. науч. работ*. Отв. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ.
- Попов, П.В. 2008. К вопросу о датировке городища Мошаик. *Нижневолжский археологический вестник*. № 9. Волгоград: ВГУ: 206–226.
- Федоров-Давыдов, Г.А. 1994. Золотоордынские города Поволжья. М.: Изд-во МГУ.

E.M. Pigarev

THE GOLDEN HORDE CITIES OF THE LOWER VOLGA REGION (THE PROBLEM OF THE STUDY OF SMALL TOWNS)

The work considers small city (settlement) Golden time is located in the Delta of the Volga river. Provides a brief description of the results of field studies, time of occurrence, and their functional features. It is proposed to consider the administrative-

territorial structure of the Khan's domain, consisting of the capital city of Saray (Saray al-Mahrous, Saray al-Jadid) and five small towns that perform the functions of the administrative and economic centres of microregional. It raises the question of the allocation of the small cities of the total number of Golden Horde settlements and hillforts, which suggests criteria for such allocation.

Key words: Jochi Ulus, the Golden Horde, Volga Delta, Khan's domain, a small town, a Barn, saksin, Commercant, Akhtubinskiy Gorodishche, Krasnoyarsk settlement, Haji-Tarkhan, the settlement Mosaic, samosdelka settlement.

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ «СЕВЕРА» И «ЮГА» В КИДАНЬСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Г.Г. Пиков

Новосибирский государственный университет, Новосибирск

Статья посвящена рассмотрению дихотомии «север»–«юг», являющейся одной из важнейших характеристик культуры империи Ляо (907–1125). Кидани активно, но избирательно использовали интеллектуальный и политический опыт могущественного южного соседа – Китая. Следствием Киданьского Ренессанса стал сложный синтез киданьской ментальной и китайского варианта восточноазиатской культур. Это происходило в контексте «аустрализации», т.е. ориентации кочевого сообщества на рецепты и методы существовавшей к югу от страны многовековой эффективной модели социокультурного строительства.

Южная культура создает «античность» для всего метарегиона, но из нее берутся лишь секулярные идеи и рецепты, на базе которых формируют исключительно общую арматуру социополитической структуры. Онтологический и аксиологический пласты культуры остаются прежними, а именно они определяют философию развития этноса.

Ключевые слова: Восточная Азия, империя Ляо, кидани, Китай, «Север», «Юг», культура, аустрализация.

Культура Восточной Азии уже несколько столетий существует как достаточно однородная, несмотря на естественные национальные различия. Однако это сложилось не сразу. Средневековье, как время апогея развития «миров»–цивилизаций есть безусловный результат и одновременно переломный момент развития человеческих сообществ Евразии. Именно Средние века стали временем, когда особенно интенсивно шли сложные интеграционные процессы. Они затронули не только этническую сферу, но и культурную.

Этот процесс складывания и распространения новых конфигураций культуры идет сложно и противоречиво. Авторы китайских династийных историй сообщают о неискренности и двуличии «варваров». Это, разумеется, не случайно, ибо «варвары» тянутся к «культуре». Огромный интерес к китайской культуре очевиден в раннесредневековой Восточной Азии. Однако «варварская» тюрко-монгольская культура настолько самобытна и развита, что сопротивлялась «чужой» культуре на протяжении длинного ряда столетий.

«Китаизация» Восточной Азии стала заключительной стадией окончательного оформления нового «мира». На первой стадии произошло культурное оформление южной зоны – «китаизация» собственно Китая, т.е. территории с центром в междуречье Хуанхэ и Янцзы. На второй – культура пошла дальше.

Эти две стадии имеют одно существенное различие. Юг (преимущественно Междуречье), так сказать, «вырастил» эту культуру. Культурное освоение шло на ограниченной и сравнительно небольшой по размеру территории, в среде этногенетически близких и родственных групп. Тем самым, можно заметить, закончился этап складывания «ядерной» зоны будущей мегарегиональной цивилизации. После рубежа эр уже четко прослеживается распространение этой культуры вширь (рецепция китайской культуры «северными варварами» в Восточной Азии). На новых территориях существовала специфическая ситуация – иная экономика, свой язык, развитая «языческая» культура, этническая раздробленность. Сами эти народы не успевали «вырастить» свою новую, объединяющую всех культуру, но в интеграции нуждались. Естественно, они поспешили воспользоваться возможностью рецепции, однако полного заимствования чужого опыта цивилизационного строительства никогда не происходит. Этому препятствуют иные экономика и тесно связанная с ней культура, и в результате чужая культура всегда фильтруется, берутся отдельные базовые идеи и рецепты и артефакты, частично право, язык, литература.

В итоге мы видим здесь причудливое сочетание межцивилизационных и внутрицивилизационных процессов. Процесс культурной интеграции на юге постепенно затихает, но существенно развивается на севере.

На это повлиял и ряд других факторов.

В истории Евразии всегда существовал цивилизационный крест и особую роль играли две дихотомии. Все «миры» вынуждены выстраивать отношения как по широте, так и по меридиану. На слуху прежде всего «вестернизации» и «истернизации» как механизмы решения дихотомии «Восток–Запад». На север южные цивилизации несут свою культуру, но культура «варваров» их не прельщает. Север всегда «отставал», и его «подтягивали» до своего уровня. Отношения Юга (собственно Китай) и Севера («варвары») не раз принимали характер противостояния.

Средневековый период – время существования классических («аграрных») цивилизаций, для развития которых особое и принципиальное значение имеет фактор пространства. Для освоения и структурирования пространства в традиционном обществе особую значимость имеет парадигмальное знание, которое оформляется в «древности». В Восточной Азии это ханьская социокультурная модель, в которой особую роль играли китайский язык, конфуцианство и имперская доктрина.

Понятно, что именно этот фактор стал причиной на рубеже I и II тысячелетий рецепции «древней культуры» в рамках так называемых Танского и Сунского Возрождений на территории Китая и Киданьского Ренессанса в кочевой зоне, контролировавшейся империей Ляо (907–1125). Намечились возможности для «брачного союза» «Севера» и «Юга» и начала оформления восточноазиатской «семьи» народов.

У «северных варваров» осуществить это на основе только «варварской» ментальной культуры было невозможно, ибо она заточена на «горизонтальную» модель – динамичную, номадную (переход с места на место) или кочевую (движение вслед за скотом). В то же время ее заслуга велика, ведь «варвары» освоили «северные» территории («Север», по классификации Е Лунли, автора средневекового сочинения «Цидань го чжи – Истории государства киданей») и создали там первичные этатические конструкции.

Эти процессы идут достаточно интенсивно, ибо конструкция «империя–варвары» выражена наиболее рельефно, что говорит о принципиальной важности для самого процесса формирования восточноазиатской цивилизации именно дихотомии «Север–Юг». Именно здесь феномен «аустрализации», т.е. ориентации на юг, если использовать этот термин по принципу аналогии, является наиболее ярким случаем меридиональной ориентации. В источниках этот процесс заимствования южной культуры в целом и политических идей в частности и во многом определяющая дальнейшее развитие ориентация на Юг освещены достаточно основательно.

Основными механизмами этой операции стали «возрождение» и рецепция, вернее, их сочетание. В кочевой зоне Восточной Азии разворачивается Киданьский Ренессанс – период интеллектуального и культурного возрождения в эпоху правления киданьской династии Елюй в империи Ляо (907–1125). В это время наблюдался расцвет литературы, истории, искусств, архитектуры, юриспруденции. Новый киданьский «мир» создавался во многом на основе южной имперской модели

Распространение культурного влияния на соседние территории не связано с какими-либо отдельными историческими этапами, а является постоянной цивилизационной стратегией любого «мира» или даже страны. Любая культура агрессивна по самой своей природе и в далеком итоге способна распространиться на весь мир. По мере возможности или необходимости она может действовать даже дистанционно. Примерами тому походы викингов или диаспоры отдельных народов в других зонах.

Разумеется, чаще и активнее всего взаимодействие идет между соседними зонами. Частным случаем этого процесса и является контакт между «севером» и «югом» в период складывания классических средневековых империй, в том числе Сунской и Ляо.

Здесь можно зафиксировать три важнейших процесса – этническое и культурное взаимодействие, а также резкое стимулирование формирования средневекового варианта общецивилизационной культуры. Именно они чаще всего и трактуются крайне упрощенно и тенденциозно.

Процесс этнического взаимодействия понимается как ассимиляция крупным этносом мелких. Это в нашем случае «ставят в заслугу» носителям китайской и киданьской культуры.

Не нужно забывать, что основным смыслом и содержанием процесса заимствования чужой, «более высокой» культуры является ее использование лишь как средства или источника некоторых идей. Этот процесс в целом носит служебный характер и потому-то и имеет наименование «рецепции культуры», «принятия, взятия» в соответствии со значением лат. *Reception*. Эта рецепция осуществляется этнополитической элитой общества ради нужд государства. Она приспособливает нужную культуру к государству и прежней культуре. Это представляет собой сложный и проблемный процесс. Не только элита, но и основная масса населения будет использовать лишь отдельные ее элементы.

Диалог двух соседних культур идет в двух формах. Во-первых, это этнизация, т.е. обмен людьми. Этому способствует сложившаяся еще в глубокой древности этногенетическая близость племен и на-

родов. Она не означает стремление к конвергенции. Этнические различия существуют на генетическом уровне и сглаживаются лишь на протяжении многих столетий. Это означает, что сближение идет лишь на уровне отдельных людей и, что называется, в арифметической прогрессии. К тому же южные и северные зоны отличаются в экономическом отношении. На севере динамичная экономика, номадная или кочевая, на юге – оседлая, земледельческо-городская. Это означает, что, по крайней мере, в Средние века ни Север не может поглотить Юг, ни Юг заселить Север. Однако это не препятствует процессу культуризации, т.е. обмену информацией. Он будет идти поистине в геометрической прогрессии, хотя тоже не приведет к информационному поглощению какой-либо из зон. Берется лишь то, что нужно для государства в целом или лишь отдельному человеку. Экстерриториальный фактор никогда не победит эндотерриториальную ментальность. Отношения в семье, общине, роде для большинства населения важнее геополитической стратегии или макроэкономических соблазнов.

Речь может идти лишь о рецепции, ибо абсолютное принятие южной культуры невозможно в принципе. Две зоны, южная и северная, т.е. ханьская и «варварская» (тюрко-монгольская) не только на всем протяжении Средневековья, но и донныне так и не слились. Южане селятся на севере редко, поэтому китаизация с этническим смешиванием практически не связана. Между двумя зонами сложилась маргинальная и фронтальная территория, где проживали так называемые китаизированные (хань-эр). Кидани так и не стали китайцами, да и монголами они станут лишь спустя ряд столетий. Рядовые соплеменники всегда с осуждением относились к прокитайской политике империи Ляо.

Южная культура создает «античность» для всего метарегиона, но и она сама, и тем более северные культуры берут из этой «античности» лишь секулярные идеи и рецепты, на базе которых формируют исключительно общую арматуру социополитической структуры. Онтологический и аксиологический пласты культуры остаются прежними, а именно они определяют философию развития рода и племени, да и этноса в целом.

Именно по этой причине излишнее увлечение южной культурой либо жестко регулируется, либо, в определенные моменты, полностью блокируется. Мудрая первая киданьская императрица Шулюй, при всей своей несомненной любви к первенцу Туую, сделала все от нее зависящее, чтобы не допустить его к власти во многом из-за его китаефилии и любви к китайской древней литературе. Более развитая в экономическом, политическом и культурном отношении территория тоже неохотно идет в иную цивилизационную зону. Автор истории киданьского государства Е Лунли пишет, что нормальный человек не может жить в условиях «Севера». Думается, что именно эти примеры особенно ярко демонстрирует специфику взаимоотношения двух великих культур.

В этом плане легко увидеть, что термин «китаизация» может означать лишь определенную цивилизационную ситуацию, а не программу или политику государства или общества. У обеих сторон есть естественное стремление выстроить выгодный диалог.

Налицо фильтрация, которая идет в разных формах. У китайцев сложилась вполне осознанная программа подчинения «варваров» экономическому влиянию и обеспечения стабильных и безопасных отношений с ними. Они старались регулировать поступление на Север того, что может усилить чужих, а именно железа, военных трактатов и знаний, технических и экономических секретов, конфуцианской литературы.

В Восточной Азии южная империя существовала в виде Танской модели, которую кидани не принимают полностью, фильтруют и противопоставляют ей империю Хань, известную им только из китайской литературы. Возрождение «чужой» древности в противовес «чужой» современности довольно часто встречается на средневековом Востоке. Здесь можно увидеть неприятие существующей модели, которая сделана под иную зону, но обращение сначала к более широкой «древней» модели, а потом все же отказ и от нее, ибо о ней было мало информации, и обращение к ее идеям.

Кидани не могли взять какую-то готовую модель ни в «древности» (по вертикали), ни у соседей (по горизонтали). Там были иные реалии, устаревшие или чужие. В Восточной Азии имперская модель существовала реально, но это была Танская интерпретация ханьской идеи, с излишним для киданей акцентом на конфуцианстве и ценностях оседлого мира.

Южная культура не была нужна в полном объеме. Идет ее «творческое» освоение и фильтрация с одновременным сочетанием ее с ментальной культурой. Она не использовалась в полном объеме, ибо не могла составить парадигмальное знание. В значительной своей части она работала лишь на форму государства. Кидани использовали южный язык (китайский), преимущественно терминологию, а не быденную лексику, имперскую идею, право. Это и есть и то, что по аналогии с европейским «романским

началом» можно назвать «ханьским началом». Кидани, как и другие восточноазиатские народы, создают синкретическую культурную ситуацию, где южное начало находится на втором месте.

В то же время необходимо отметить, что в обоих регионах южная и северная культуры были почти одинаково сильны и конвергенция их шла медленно и противоречиво. Носители обеих культур, по сути, долго противостояли друг другу. Сторонники так называемой старой культуры, т.е. приверженцы родовой ментальной системы ценностей, часто упоминаются в источниках. Это представители родовой аристократии и знати, часто участвовавшие в сепаратистских движениях, выступавшие против «своеволия» императора. Им приписывают чаще всего алчность и корыстолюбие, не обращая особого внимания на их приверженность исконным ценностям, особенно в политическом отношении. Политическая и культурная ситуация к тому же здесь сложна, ведь проблемно сосуществуют три политических центра (Ляо, Китай, Бохай) и три центра культуры: монгольский, тунгусо-маньчжурский, китайский.

В целом в обоих зонах в условиях оформления цивилизаций резко повышается роль письменной светской культуры, связанной в значительной степени с метарегиональной «древностью», она широко распространяется среди элиты и, возможно, среди широких масс населения. Она существует параллельно с культами и религией, ментальными представлениями, т.е. становится как бы третьей культурой. Империям крайне необходимы люди, которые ее осваивают и развивают.

К концу династии Ляо в результате творческого освоения китайского влияния и дозированной китаефилии, с которой в свое время боролся основатель киданьского государства Елюй Апоки, появилась оригинальная культура, сложился слой образованных людей, некоторый аналог китайских чиновников-шэньши, образование которых основывалось на древней культуре. В Китае сословие шэньши активно участвовало в управлении страной, в Ляо эти люди стали одной из важных социальных групп.

G.G. Pikov

THE PROBLEM OF THE “NORTH” AND “SOUTH” RELATIONSHIP IN KHITAN CULTURE

The article is devoted to the dichotomy of “North” – “South”, which is one of the most important characteristics of the culture of the Liao dynasty (907–1125). The Khitan actively, but selectively used the intellectual and political experience of the powerful southern neighbor – China. The consequence of the Khitan Renaissance has become a complex synthesis of mental Khitan and the Chinese version of the East Asian cultures. It was in the context of “australization”, i.e. the orientation of the nomadic community for recipes and techniques existed to the South of the country’s centuries-old effective model of social and cultural construction.

The southern culture creates “antique” for all of metaregion, but she’s definitely come from only the secular ideas and recipes on the basis of which is formed exclusively of common rebar of socio-political structure. Ontological and axiological layers of culture remains the same, namely they define the philosophy of development of the ethnic group.

Key words: East Asia, the Empire of the Liao, the Khitan, China, “North”, “South”, culture, australization.

ПОЯВЛЕНИЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ПЛАСТИНЧАТОГО ШЛЕМА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ*

С.Д. Прокопец, Р.В. Гвоздев, М.А. Якупов

*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
ДВО РАН, Владивосток*

Статья посвящена пластинчатому шлему, который некогда являлся эталоном среди боевых наголовий на Дальнем Востоке. Простота производства, а также боевые характеристики привели к практически полной его монополии на данной территории, причем длившейся довольно долгий период. Можно сказать, что именно этот шлем перешел из археологии в этнографию. В данной работе приводится попытка анализа его появления, а также распространения по территории Дальнего Востока.

Ключевые слова: военное дело, шлем, защитное вооружение, сяньби, Когурё, Ямато, Дальний Восток.

История Дальнего Востока неразрывно связана с войнами, из-за чего на ее территории с древнейших времен сохранилось большое количество предметов вооружения. Значимую часть этих предметов занимает защитное вооружение (шлемы, панцири, защита боевого коня и т.д.). В фондах различных музеев

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ № 14-18-01165 «Города средневековых империй Дальнего Востока».

России, Китая, Кореи, Монголии и т. д. хранится большое количество подобных артефактов, оставленных воинами различных периодов и царств. Информация о подобных находках стала достаточно доступной и в последнее время хорошо освещается исследователями-оружиеведами, стоит только воспользоваться библиотечным или интернет ресурсом. Все это дает возможность заново затронуть проблему появления, производства и распространения вооружения между дальневосточными государствами в древности. Одними из таких проблем являются причины появления и распространения пластинчатого шлема, речь о котором пойдет ниже.

Считается, что первые металлические пластинчатые шлемы появились примерно в III в. до н.э. у сюнских племен. В дальнейшем этот тип стали использовать сяньбийские племена. В их могильниках, которые находятся на территории южной Маньчжурии, найдено несколько вариантов подобных шлемов (Горбунов, 2005: 200–210). Потерпев поражение от сюнну в III в. до н.э., сяньби и другие протомонгольские племена мигрируют на восток к Ляодунскому полуострову. По всей видимости, здесь, на границах кочевого и оседлого мира, появляется новый совершенный комплекс вооружения, отвечающий всем требованиям войны. Постепенно он распространяется по территории южной Маньчжурии и проникает на территорию Корейского полуострова (Бобров, Худяков, 2005: 136).

На территории Кореи первые металлические доспехи были сделаны руками мастеров протокорейских племен (Фууюй, Пёнхан, Махан и Чинхан). В результате возросших в период подъема связей сяньби с Когурё, и в дальнейшем покорения Фууюй и завоевания Лолана когурёсцами, доспех северного (кочевого) типа перенимается последними. Постепенно он получает развитие в Когурё, а также распространяется по всему корейскому полуострову. Соперничество разных типов доспехов (корейского с кочевым) пришлось на IV–V в.н.э. Северный комплекс вооружения довольно сильно повлиял на собственные корейские традиции. Это хорошо видно по археологическим материалам. На базе северного вооружения возникает собственный, корейский унифицированный вид защитного вооружения. Вместе с доспехом трансформируется и шлем, как одна из его неотъемлемых составляющих. В Корее главенствующее положение стал занимать пластинчатый шлем.

Сама же корейская традиция производства доспехов, которая существовала до появления северного типа доспехов, вытесняется с корейского полуострова и через контакты кымгван и тэкая, а затем пэкче и силла с Японскими островами проникает в Ямато.

Эти доспехи получили в Японии название «танко» и «кэйко» (Носов, 2004: 7–8). Считается, что это продолжение китайской традиции вооружения (Носов, 2004: 7), но как мы видим, ничего китайского в ней нет. Это вытесненная с Корейского полуострова традиция производства доспехов первых корейских протогосударств.

Кочевые традиции производства ламеллярного наголовья в дальнейшем, в результате этнических контактов когурё с мохэ, попадают на территорию древнего Приморья. Об этом свидетельствуют некоторые признаки попавшего на территорию Приморья шлема, которые присущи уже эволюционировавшему корейскому наголовью. Например, изгиб пластины, форма тулии и т. д.

К настоящему времени известен только один шлем, который был найден на территории Приморья. Это шлем из Рошинского могильника, который датируется X в.

Во время раскопок этого могильника были найдены пластины от шлема, а также остатки ламеллярной бармицы. Не сохранилось только навершие шлема, благодаря которой пластины скреплялись сверху (Никитин, Шавкунов, 1998).

Ничем не отличающийся шлем был найден на Корсаковском могильнике на Амуре. Шлем имеет такие же пластины, как и некоторые корейские варианты, а также рошинское наголовье. Причем с последним схожи даже пластины бармицы. Автор раскопок датировал этот могильник довольно широко – IX–XI вв. (Медведев, 1981). Как мы видим, датировка рошинского шлема приблизительно такая же как и корсаковского.

Еще одной находкой является изображенное наголовье в работе Л.И. Шренка (Шренк, 1899: табл. XLIV). Его можно было бы считать простым рисунком мифического шлема с «красивой историей», если бы не обнаруженная нами фотография одного из первых фотографов Дальнего Востока В.В. Ланина из альбома «Амурского и Уссурийского края». На фотографии запечатлен стенд с этнографическими находками музея Николаевска-на-Амуре, который был создан при офицерской библиотеке. Все экспонаты этого стенда в дальнейшем попали в иллюстративную часть работы Л.И. Шренка «Об инородцах Амурского края» (Шренк, 1899).

К сожалению, большая часть экспозиции музея погибла при пожаре. Судьба этого стенда неизвестна.

Сама тулия этого шлема ничем не отличается от тулий корсаковского и роцинского. Она также состоит из железных пластин, которые связаны между собой кожаным шнуром. За долгое время использования этого шлема его навершие было также утрачено. Его заменил деревянный чопик. Отличалась бармица своими пластинами. Видимо, оригинальный вариант бармицы из пластин роцинско-корсаковского типа был утерян, и его заменили пластинами маньчжурского времени. Шренк отмечает, что данное наголовье попало к гилякам от маньчжур (Шренк, 1899: 259).

Долгое время пластинчатый шлем использовался на территории Северо-Востока России, среди таких народов как чукчи и коряки. Так, на одной из фотоиллюстраций работы В.И. Йохельсона «Коряки» изображены корякские воины в доспехах с луками. Шлем на одном из воинов ничем не отличается от описанных выше. Второй воин, судя по всему, одет в костяной пластинчатый шлем. Стоит обратить внимание на доспехи. Они ламеллярные, с покроем в виде халата. Судя по всему, немного переделаны под нужды корякского воина – добавлен крылатый щит из дерева.

Согласно этнографическим источникам на Северо-Востоке России данная форма шлема показала наибольшую жизнеспособность. Это объясняется несколькими причинами. Одной из важных причин устойчивой популярности данного типа защиты для головы можно считать, на наш взгляд, существование определенной традиции задолго до широкого распространения железа в данном регионе. Доспехи, в том числе и шлемы, изготавливались из кожи, кости и имели очень сходные формы. Не только в фольклоре, но и в исторических документах мы находим прямые свидетельства этому. Например, в казачьей челобитной Алексея Филиппова от 1651 г. упоминается о том, что у местного населения «взяли. . . 10 куяков костяных, 17 шишаков костяных» (Антропова, 1957: 219). Таким образом, появление железных шлемов, лишь продолжило и отчасти усовершенствовало существовавшую ранее форму. Кроме того, развитие военного дела у коренных народов Севера шло иными темпами и в ином русле, нежели у народов Дальнего Востока. Сравнительно небольшое население было распределено по огромной территории, в условиях крайне затрудненного передвижения. Здесь так и не образовались государства, не до конца разложился родовой строй, не существовало и военного сословия, хотя и наблюдалась некоторая воинская специализация. Совокупность этих факторов повлияла на развитие вооружения, в том числе и защитного. На данной территории не получило широкого распространения клинковое оружие. И шлем должен был защищать в основном от стрел, копий и камней. Как раз данный тип шлемов обеспечивал должную защиту. Более того, несмотря на общую основную форму, существовали различные особенности данного боевого наголовья. Например, у некоторых шлемов отсутствуют пластины прикрывающие затылочную часть головы. Предположительно данная особенность связана с тем, что чукчи и коряки использовали для защиты шеи и плеч так называемый крылатый доспех, который прикрывал как плечи, так и часть головы. Таким образом, необходимость в задних пластинах отпадала. Вместо пластинок сзади просто вставлялся кусок кожи (Антропова, 1957: 213). Многие чукотские и корякские пластинчатые шлемы имели защиту в виде пластинчатой бармицы или наушников. Они могли набираться из связанных железных пластин или изготавливаться из кожи (Богораз, 1991: 100–101). К. Мерк также упоминает защиту для ушей и для лба на чукотском шлеме. Однако на сохранившихся шлемах нет ни одного налобника (Нефёдкин, 2003: 71). Необходимо упомянуть, что у коренных народов Севера шлем надевался на своеобразный подшлемник, представлявший собой специальную меховую шапку с наушниками, но без верха (Антропова, 1957: 213). В.И. Йохельсон упоминает вместо подшлемника полоску меха, носимую коряками для защиты лба от железа (Йохельсон, 1997: 102).

Выводы

На момент возникновения и распространения шлема он полностью соответствовал общему уровню развития военного дела. Был легок в производстве и не требовал технологий развитой металлургии и кузнечного дела. Схема сборки шлема продолжила более раннюю традицию производства боевых наголовий из костяных пластин. В этнографическое время это прослеживается у народов Северо-Востока (коряки, чукчи). У этих народов известны случаи одновременного производства и использования как металлических, так и костяных наголовий, в зависимости от доступности того или иного сырья (металл или кость).

Совокупность указанных факторов довольно сильно расширила хронологические рамки использования этого наголовья.

ЛИТЕРАТУРА

- Антропова, В.В. 1957. Вопросы военной организации и военного дела у народов Крайнего Северо-Востока Сибири. *Сибирский этнографический сборник*. М.; Л.: 99–245.
- Бобров, Л.А., Худяков, Ю.С. 2005. Военное дело сяньбийских государств Северного Китая. *Военное дело кочевников Центральной Азии в сяньбийскую эпоху*. Новосибирск: 96–101.
- Богораз, В.Г. 1991. Материальная культура чукчей. М.: Наука.
- Горбунов, В.В. 2005. Сяньбийский доспех. *Военное дело кочевников Центральной Азии в сяньбийскую эпоху*. Новосибирск: 201–223.
- Йохельсон, В.И. 1997. Коряки. Материальная культура и социальная организация. СПб.: Наука.
- Медведев, В.Е. 1981. О шлеме средневекового Амурского воина (тайник с остатками доспеха в Корсаковском могильнике). *Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии*. Новосибирск: 172–184.
- Нефёдкин, А.К. 2003. Военное дело чукчей (середина XVII – начало XX в.). СПб.: Петербургское Востоковедение.
- Никитин, Ю.Г., Шавкунов, В.Э. 1998. Предметы вооружения Рошинского могильника. *Археология и этнография Дальнего Востока и Центральной Азии*. Владивосток: 130–136.
- Носов, К.С. 2004. Вооружение самураев. М.: Изд-во АСТ.
- Шренк, Л.И. 1899. Об инородцах Амурского края. Т. 2. СПб.: Издание Императорской академии наук.

S.D. Prokopets, R.V. Gvozdev, M.A. Yakupov

APPEARANCE AND EXTENSION PLATE HAT IN THE FAR EAST

The article is devoted to a plate helmet, which once served as a benchmark among the fighting decisively in the Far East. Easy to manufacture, as well as its combat characteristics have led to an almost complete monopoly in this area quite a long period. It can be said that this helmet has moved from archeology to ethnography. This paper presents an attempt to analyze its appearance, as well as the spread on the territory of the Far East.

Key words: military, helmet, protective arms, Xianbi, Goguryeo, Yamato. Far East.

О ДАТИРОВКЕ ОДНОГО ТИПА ЗЕРКАЛ ИЗ БУЛГАРСКОГО УЛУСА ЗОЛОТОЙ ОРДЫ (К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЯХ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ)

К.А. Руденко

Государственный институт культуры, Казань

В статье рассматриваются несколько зеркал из Булгара и его округа с необычным орнаментом в виде сетки из четырехлепестковых розеток. Аналогичные артефакты найдены на Дальнем Востоке и связаны с государством чжурчжэней. На археологических памятниках Средней Азии XIII–XIV столетий обнаружены такие же металлические зеркала. Второй половиной XIV века датируется аналогичное зеркало из погребения кочевника в Предуралье. Автор считает, что эти металлические зеркала датируются в Булгаре XIV столетием и связаны они со Средней Азией.

Ключевые слова: Золотая Орда, металлическое зеркало, Булгар, археология, Дальний Восток, чжурчжэни.

Металлические зеркала XII–XIV вв. из Волжской Булгарии давно привлекали внимание исследователей. Наиболее обстоятельно они были изучены Г.Ф. Поляковой (Полякова, 1996: 223–239). Среди отмеченных ей было одно зеркало с рисунком на обратной стороне в виде сетки из четырехлепестковых розеток (Полякова, 1996: 228, рис. 71-8). Таких зеркал из Татарстана известно на сегодняшний день два экземпляра: фрагмент одного зеркала было найден, предположительно на Болгарском городище в последней четверти XIX в. (НМ РТ, инв. № 7798, АА-8/6; Руденко 2014: 330, табл. XXV-13). Второе, целое зеркало (НМ РТ, инв. № 14365-8/1) было обнаружено в погребении 1 кургана 1 Балымерского могильника (Халикова, 1965: рис. 41-4; Руденко, 2004: 156, рис. 4-1, фото 5). Его прорисовка дана в публикации Г.Ф. Поляковой (Полякова, 1996: 227, рис. 71-8). Данный могильник, один из кочевнических языческих некрополей золотоордынского времени на Средней Волге (Руденко, 2013а; 2015: 344, № 78, рис. 116, 117), датируется второй половиной XIV в. (Руденко, 2009: 282–294). Оба зеркала хранятся в Национальном музее Татарстана.

Целое зеркало (см. рисунок) круглое, диаметром 9,5 см, металлическое литое, покрыто патиной серого цвета. На его обратной стороне в центре расположена окружность диаметром 2 см, выделенная рельефным плоским валиком. Внутри нее имеются следы припоя, вероятно, от объемной петельки, с по-

мощью которой зеркало можно было подвешивать или держать в руке. Бортик зеркала шириной 0,8, высотой 0,4 см, плоский, прямоугольного сечения. Плоскость зеркала между бортиком и центральным кольцом украшено орнаментом. Он представляет из себя соприкасающиеся друг с другом четырехлепестковые розетки, образующие, в свою очередь, геометрическую сетку из окружностей и вписанных в них ромбовидных фигур. Пространство внутри ромбов иногда заполнено двумя – тремя перлами. Лепестки условных розеток разделены пополам, внося тем самым геометрическую упорядоченность и формируя систему закономерностей в построении орнаментальной схемы.

Второй фрагмент зеркала принадлежал изделию таких же размеров и орнаментации.

Аналогично вышерассмотренным артефактам из Булгарии зеркало из кургана 4 Тлявгуловского позднекочевнического могильника в бассейне р. Урал (Иванов, 1984: 82–84, рис. 6-4; Иванов, Кригер, 1988: 37, рис. 13-20). По особенностям погребального обряда, ориентировке и вещевому инвентарю захоронения этого могильника, датированного по монетам не ранее середины XIV в. (Иванов, 1984: 93) практически не отличаются от захоронений Балымерского могильника. Да и само зеркало не только по орнаментике, но и по размерам (диаметр 10 см) практически идентично балымерскому. Единственно, что его отличает, – оно несколько тоньше.

Примечательны эти зеркала тем, что у них имеются точные аналогии в археологических материалах XII–XIII вв. империи чжурчжэней на Дальнем Востоке. Этот сюжет рассмотрен нами отдельно и здесь мы на нем останавливаться не будем (Руденко, 2012: 70, рис. 3; 2013). Отметим, что Э.В. Шавкунов и Л.Н. Гусева, изучившие орнамент из четырехлепестковых розеток на чжурчжэньских зеркалах, пришли к выводу, что он означает сложную идеограмму земли, оплодотворенной Вселенским светом и дождями, вспаханной и засеянной семенами (Шавкунов, Гусева 1988: 352–363). В Приморье зеркала с таким орнаментом датируются XII–XIII вв., хотя использовались и позже (Шавкунов, Гусева 1988: 359).

Однако это не единственное место, где имеются орнаменты такого типа. Декор в виде сетки из четырехлепестковых розеток встречается на керамике первой половины XII в. памятников Средней Азии, в частности на штампованных сосудах из Иштихан-тепе, городища близ Самарканда (Пугаченкова, 1989: 173, рис. 86). Более ранний сюжет с этим орнаментом встречается на кирпичной решетке мавзолея Исмаила Самани, датированной IX–X вв. (Ремпель, 1957: 13, рис. 7). Исследователи отмечают, что этот орнамент образованный пересечением окружностей, встречается в Средней Азии с VIII в., например, на городище Варахша близ Бухары (Ремпель, 1957: 10, рис. 4).

Кроме того, в Средней Азии встречены металлические зеркала, украшенные таким же орнаментом. Например, один фрагмент происходит с поселения Мазлумхан-сулу (Хорезм). Диаметр его 10 см, и у него, как и у балымерского изделия имеется выпуклый валик по краю (Кдырниязов, 1981: 127, рис. 3-1). Датирован он XIII–XIV вв. К этому же времени относятся еще несколько фрагментов найденных на археологических памятниках Хорезма (Кдырниязов, 1989: 97, тип 2, рис. 16-1). На поселении Уйгарак в подъемном материале обнаружено зеркало с аналогичным орнаментом. Датруется это поселение XII–XIV вв. (Толстов, 1962: 281, рис. 183-5). Более крупными размерами «сетки» отличается фрагмент зеркала, обнаруженного на могильнике средневекового города Миздахкана, датированного XIII–XIV вв. (с возможностью XII в.) в межмогильном пространстве (Ягодин, Ходжайов, 1970: 105–106, рис. 49-12). Близкие орнаментальные мотивы встречены на зеркале из Отрара (Акишев, Байпаков, Ерзакович 1972: 194, 195, рис. 85-5), хотя композиция орнамента здесь совершенно иная.

Таким образом, можно предположить, что орнаментация в виде сетки из четырехлепестковых розеток не являлась результатом прямого заимствования из какого-то одного центра, а была результатом самостоятельного развития художественных традиций в двух достаточно отдаленных друг от друга реги-

Зеркало из Балымерских курганов. Вторая половина XIV в. Собрание Национального музея Татарстана

онах – на Дальнем Востоке и в Средней Азии. Стоит также добавить, что композиция из стилизованных розеток (в этом случае шестилепестковых) встречается на золотых и серебряных ювелирных изделиях иранского производства XIII – первой половины XIV в. из Симферопольского клада и из Булгара (Пиотровский, 2000: 122, 316, 317, кат. № 483; Руденко, 2015а: 267, 462, рис. 66, кат. № 306, 307). Композиция из четырехлепестковых розеток украшала золотой браслет XIV в. из Булгара (Валеев, 1975: 169, рис. 73-3).

Построение такого рода рисунка несложное – за основу берется одна окружность, через центр которой затем проводятся еще четыре окружности того же диаметра (Hens, 2004: 26, 27). Это основа многих орнаментальных мотивов в исламской орнаментике (сетка из восьмиугольников, восьмиконечных и четырехконечных звезд и т.п.). Но бессмысленно пытаться выяснить, где мог раньше появиться этот орнаментальный мотив, учитывая его простоту и универсальность.

Однако использование такого орнамента для украшения металлических зеркал связано, безусловно, с традицией китайской, на что намекает и отсутствие боковой ручки, и широкий бортик, часто встречающийся на зеркалах китайского и чжурчжэньского производства. Однако китайские зеркала с таким орнаментом имеют более крупные размеры (диаметр 18 см), полусферическую петельку в центре, а центральная часть украшена многолепестковой розеткой (Bronze mirrors, 2007: 164, фото внизу). Причем у таких зеркал нередко фигурная форма, и только центральная орнаментированная часть сделана круглой. Впрочем, известны такие зеркала и круглой формы (собрание Британского музея). Зато металлические зеркала с припаянной цилиндрической петелькой высотой и диаметром 1,5 см с коническим завершением и со сквозным отверстием были распространены в конце XIII–XIV в. (чаще в XIV в.) на территории от Казахстана и Южного Урала до Подонья (например, Попандопуло, 2002: 236, рис. 5-1).

Таким образом, можно предположить, что рассмотренные болгарские зеркала связаны с миром кочевников Предуралья и опосредовано со средневековым населением Хорезма и датируются XIV в. Однако художественная традиция (не исключено, что более ранняя) украшения металлических зеркал орнаментом такого типа восходит к китайско-чжурчжэньским прототипам.

ЛИТЕРАТУРА

- Акишев, К.А., Байпаков, К.М., Ерзакович, Л.Б. 1972. Древний Отрар (топография, стратиграфия, перспективы). Алма-Ата: Наука КазССР.
- Валеев, Ф.Х. 1975. Древнее и средневековое искусство Среднего Поволжья. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во.
- Иванов, В.А. 1984. Погребения кыпчаков в бассейне р. Урал. *Памятники кочевников Южного Урала*. Отв. ред. В.А. Иванов. Уфа: 75–97.
- Иванов, В.А., Кригер, В.А. 1988. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). М.: Наука.
- Кдырнязов, М.Ш. (Мухаммед-Шарип). 1981. Ремесло Хорезма в XIII–XIV вв. *Археологические исследования в Каракалпакии*. Отв. ред. И.К. Косымбетов, В.Н. Ягодин. Ташкент: 123–139.
- Кдырнязов, М. Ш. 1989. Материальная культура городов Хорезма в XIII–XIV вв. Нукус: Каракалпакстан.
- Пиотровский, М.Б. (ред.). 2000. Сокровища Золотой Орды. Каталог выставки. СПб.: Славия.
- Полякова, Г.Ф. 1996. Изделия из цветных и драгоценных металлов. *Город Болгар: ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков*. Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: 154–268.
- Попандопуло, З.Х. 2002. Средневековые зеркала городища Большие Кучугуры. *Старожитності степового Причерномор'я і Крим*. Гл. ред. П.П. Толочко. Т. 10. Запоріжжя: 226–238.
- Пугаченкова, Г.А. 1989. Древности Мианкаля. Из работ Узбекистанской искусствоведческой экспедиции. Ташкент: Фан.
- Ремпель, Л.И. 1957. Панджара: архитектурные решетки и их построение. Ташкент: Гос. изд-во худ. лит-ры УзССР.
- Руденко, К.А. 2004. Металлические зеркала золотоордынского времени из собрания Национального музея Республики Татарстан. *Татарская археология*. № 1–2 (12–13): 111–156.
- Руденко, К.А. 2009. Балымерский курганный могильник эпохи Золотой Орды: вопросы датировки. *Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции*. Вып. 1. Казань: 282–294.
- Руденко, К.А. 2012. О некоторых параллелях в материальной культуре Волго-Камья и Дальнего Востока в XI–XIV вв. (по данным археологии). *Средневековые древности Приморья*. Вып. 2. Отв. ред. Н.Г. Артемьева. Владивосток: Дальнаука: 67–85.
- Руденко, К.А. 2013. Металлические зеркала из Волжской Булгарии и их сибирские параллели. *Древности Сибири и Центральной Азии*. № 5 (17): 150–160.
- Руденко, К.А. 2013а. Кочевники в Булгарском Улусе Золотой Орды (по данным археологии). *Поволжская археология*. № 2: 189–211.
- Руденко, К.А. 2014. История археологического изучения Волжской Булгарии (X – начало XIII в.). Казань: РИЦ «Школа».
- Руденко, К.А. 2015. Памятники эпохи Золотой Орды на Средней Волге (Булгарский улус Золотой Орды). *Генуэзская Газария и Золотая Орда*. Отв. ред. С.Г. Бочаров; А.Г. Ситдииков. Кишинев: Stratum Plus: 255–364.

- Руденко, К.А. 2015а. Булгарское серебро. Древности Биляра. Т. 2. Казань: Заман.
- Толстов, С.П. 1962. По древним дельтам Окса и Яксарта. М.: Изд-во вост. лит.
- Халикова, Е.А. 1965. Археологические исследования в Куйбышевском районе ТАССР в 1961 г. *Краткие сообщения Института археологии АН СССР*. № 104: 110–117.
- Шавкунов, Э.В., Гусева, Л.Н. 1988. О семантике декора из четырехлепестковых розеток на средневековых металлических зеркалах. *Древний и средневековый Восток*. Ч. 2. Отв. ред. Д.Д. Васильев, С.В. Волков, А.И. Наймарк. М.: 352–363.
- Ягодин, В.Н., Ходжайов, Т. 1970. Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент: Фан.
- Bronze mirrors. 2007. Illustrated Handbook of Common People's Collection, Changsha City, Hunan Province of China. (на кит. яз.)
- Hens, M. (Ed.). 2004. Islamic Art and Geometric Design. Activities for learning. N.Y.: The Metropolitan Museum of Art.
- К.А. Rudenko (*Kazan State Institute of Culture*)
 ABOUT DATING OF ONE TYPE OF MIRRORS FROM BULGAR ULUS OF GOLDEN HORDE (TO A QUESTION ON A CULTURAL CONTACT ON THE EURASIAN SPACE IN THE MIDDLE AGES)

In article some mirrors from Bulgaria and it округи with an unusual ornament in the form of a grid from four-petal sockets are considered. Similar artefacts are found in the Far East where there was a state of Jurchen. On archaeological settlements of Central Asia XIII–XIV centuries are found out the same metal mirrors. The similar mirror from burial of the nomad in Ural area is dated second half XIV centuries. The author considers that these metal mirrors are dated in Bulgar XIV century and they are connected with Central Asia.

Key words: Golden Horde, a metal mirror, Bulgar, archeology, the Far East, the Jurchen.

ТЮРКИ ЗАУРАЛЬЯ К МОМЕНТУ ВХОЖДЕНИЯ В СОСТАВ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА (ПО ПИСЬМЕННЫМ ИСТОЧНИКАМ)

Г.Х. Самигулов

Южно-Уральский государственный университет, Челябинск

Основой для реконструкции расселения тюркского населения Зауралья конца XVI в. послужили документы XVII в. Структура землепользования, зафиксированная источниками этого времени, сложилась в период Сибирского ханства. Тюркское население территорий от восточных склонов Урала до рек Тура и среднего течения Тобола представляло собой единое сообщество. Зачастую зимние пастбища племени располагались в низовьях Пышмы или Исети, а летние – в Уральских горах. После создания уездов территории волостей зачастую оказались разделены. Ясачное население Уфимского уезда обозначалось как «башкиры», ясачные люди и служилые тюрки Тюменского и Туринского уездов – «татары». Формирование групп зауральских башкир и тюменских татар во многом было определено административным делением в составе Российского государства.

Ключевые слова: ясачная волость, уезды, Зауралье, тюрки.

При реконструкции расселения тюрков в Зауралье XVI–XVII вв. чаще всего исходят из того, что это население к времени вхождения Зауралья в состав Московского государства было разделено на татар и башкир. Представляется, что это экстраполяция на тот период ситуации, сложившейся к концу XIX в. Есть все основания полагать, что в русских документах середины XVI–начала XX в. понятия «татары» и «башкиры» так же, как и «вогулы», использовались преимущественно как термины, обозначающие словесные группы (Самигулов, 2016а). И эта практика сыграла немалую роль в формировании этнических общностей сибирских татар и башкир.

Исследование в значительной степени осложняется тем, что в литературе практически не освещен родовой состав тюменско-туринских и ялutorовских татар. По зауральским башкирам такая работа проведена, и родо-племенные группы, их составляющие, хорошо известны (Кузеев, Бикбулатов, Шитова, 1962; Кузеев, 1974). Собственно, именно поэтому группы терсяк, сынрян, катый, табын и т.д., представленные сегодня в составе башкирского народа, воспринимаются как однозначно башкирские и для XVII в., и для более раннего периода. И если подобные группы упоминаются в документах XVI–XVII вв., их интерпретируют как «башкир», вне зависимости от контекста. В результате мы воспринимаем тюркское население Зауралья как разделенное на башкир и татар к моменту вхождения в состав Российского государства.

А.В. Тоган полагал места, где были основаны ногайские и тюменские деревни в XVI в., «Восточным и Средним Башкурдистаном» (Тоган, 2010: 40–41). Есть точка зрения, что Сибирское ханство на западе доходило до восточного склона Уральских гор, включая в себя земли зауральских башкир (Файзрахманов, 2002: 148). Но как видим, предшественники в основном исходили из позиции разделения тюркского населения Зауралья на этносы, условно тождественные современным. Исключение составляет точка зрения Д.М. Исхакова, писавшего, что фактически от Поволжья до Прииртышья существовало пространство, на котором формировалось население, обладавшее сходными чертами и, в значительной степени, сходной историей формирования (Исхаков, 1998: 19–23). Представляется, что тюркское население Зауралья от восточного склона Уральского хребта до р. Тура и среднего течения Тобола представляло собой единое культурно-хозяйственное сообщество. Собственно, я не первый высказываю такую версию.

Ключевым понятием в нашем подходе является ясачная волость как общее владение родового коллектива. В терминологии дорусского периода это владение обозначалось словом «улус» (Шакурова, 1992: 41–44; Шерстова, 2005: 26; Самигулов, 2016б). Но поскольку в документах русского периода фигурирует «волость», то и мы будем оперировать этим термином. В исследовании Ф.А. Шакуровой, посвященном башкирской волости, проговаривается разделение территории волости на участки, которыми пользовались разные группы в составе рода. Но нигде не указано на то, что волость могла состоять из двух или даже трех частей, достаточно далеко друг от друга расположенных (Шакурова, 1992). Возможно, причиной этому являются хронологические рамки работы (XVIII–XIX в.), а также низкий уровень изученности истории зауральских башкир. Как показывают наши исследования, тюркская волость на Урале и в Зауралье нередко объединяла несколько участков, включенных в разные этапы хозяйственного цикла и располагавшихся на значительном расстоянии друг от друга. Причем объединяла эти территории в одну волость именно конкретная группа населения (племя, род), использовавшая эти земли. Мы можем выделить целый ряд волостей, которые имели, как минимум, две части. Объясняется это очень просто – наличием у некоторых групп летних и зимних пастбищ, располагавшихся достаточно далеко друг от друга. После включения территории Южного Урала и Зауралья в состав Русского государства такие двухсоставные волости зачастую оказывались разделены – одна часть могла оказаться в Уфимском уезде, а другая в Тюменском, или зимние пастбища и селения в Верхотурском, а летники в Уфимском уезде.

Некоторые из таких ясачных коллективов, чьи волости включали удаленные друг от друга территории, достаточно легко прочитываются, но большую часть приходится вычислять достаточно сложным путем. Причины этого описаны в предыдущей статье (Самигулов, 2017), и одна из основных причин – в Верхотурском, Туринском и Тюменском уездах волость практически никогда не называли по тому роду, который ее составлял. Более того, в Верхотурском, Туринском и Тюменском уездах волости могли и не совпадать с границами хозяйствования какой-то одной родовой группы, а определяться администрацией уезда совершенно произвольно. В качестве примера можно привести Туринский уезд, где волости определялись по деревням: Ермолаевская, Тентюкова, Ильчибаева, Акчубаева, Зендярова и т.д. (Миллер, 2000: 501–503, 549–551). Тем не менее попытаюсь представить краткие разыскания о территориальной организации (или организации землепользования) тюркского населения преимущественно Южного Зауралья конца XVI–XVII вв. Для реконструкции будут использованы и материалы более позднего времени. Рассматриваемая территория – юг Верхотурского, восток Уфимского, западная и центральная часть Тюменского уездов.

Начнем с вотчинных угодий племени терсяк, как с самого простого «объекта»; по непонятным причинам, Терсякская (Терсяцкая) волость сохранила свое название в Верхотурском и в Тюменском уезде. Собственно, именно наличие одноименных волостей в этих двух уездах послужило в свое время толчком к дальнейшему исследованию.

Одна часть Терсякской волости находилась в Верхотурском уезде и занимала земли по р. Чусовой, ниже Чусовской слободы, рекам Режь, Серга, Ревда, включая верховья рек Маниска и Назя (Нязя) (Самигулов, 2017). Вторая часть территории этой же волости находилась на Исети и входила в XVII в. в состав Тюменского уезда. Б.О. Долгих описывает ее так: «Терсяцкую волость мы показываем на карте по Исети вверх от Пышминской и Исетской волости, в районе впадения в Исеть речки Терсяк» (Долгих, 1960: 47). То есть эти две территории (на Чусовой и на Исети) составляли до вхождения в состав Московского государства один «улус», но впоследствии оказались разделены между Верхотурским и Тюменским уе-

здами. Естественно, с введением уездного деления система хозяйства местного тюркского населения не изменилась мгновенно, и терсяк использовали как восточную (на Исети), так и западную (на Чусовой) части своих вотчинных земель. Переход терсяков из Верхотурского уезда в Тюменский и обратно не был чем-то из ряда вон выходящим. 1632 г., царская грамота верхотурскому воеводе Федору Бояшеву: «... в прошлом во 138 году до вашего на Верхотурье приезде, сошло из Аятцкой, и из Сосвинской, и из Лозвинской, и из Косвинской волостей, в Тюменский да в Чердынский ясак двадцать человек... И для тех Аятцких ясачных Татар, которые сошли в Уфинский уезд, посылал ты ... и тех беглых Аятцких Татар сыскал подъячей Михайло Сартаков только трех человек, которые живут в Тюменском ясаке, а иные ясачные люди сошли на зверовье, а сказывали про них, что те ясачные люди платили ясак на Тюмень» (Акты исторические..., 1841: 313). В 1663 г. «приехали из степи на Тюмень в город... верхотурского ясаку татаровя Купердей Кокулгилдеев (Кутлугилдеев), Бекмурза Курмаматов, а тот Бекмурза преж сего был тюменской ясашной татарин» (СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 8: 216). Есть и информация о том, где именно они жили в Верхотурском уезде: «Купердейко Кутлугилдеев в распросе сказал: жиле де с Бикмурзою и з женами и з детми от Верхотурья вверх по Режу» (СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 8: 219 об.), т.е. на территории Аятской ясачной волости Верхотурского уезда.

Катайская волость также состояла из двух частей. Так получилось, что в публикациях и опубликованных документах гораздо чаще упоминается ее территории по Исети: «в мае 1633 года Катайская волость на Исети подверглась нападению калмыков... Эта волость находилась там, где теперь Катайский острог. В прошлые годы она не причислялась к башкирским волостям, к которым она присоединена в настоящее время, и жители ее были известны под общим названием катайских татар. Впрочем, ею заканчивался Уфимский уезд, простиравшийся тогда до реки Исети» (Миллер, 2000: 122). Подтверждаются выводы Г.Ф. Миллера данными письменных источников: «... приезжали те воинские люди к нему Козюбайку к юртам (на Исети выше устья Течи. – Г.С.) от Билягиля да пошли назат к Билягилю ж в Катайские волости» (Миллер, 2000: 468) (Билягиль – оз. Беликуль в нынешнем Красноармейском районе Челябинской области); 1651 г., в розыске о нападении на Далматов монастырь, сказано: «те воинские люди приходили к Успенскому монастырю из за Исети реки пониже Катайского бору да тою же де сакмою и назад пошли» (Миллер, 2003: 348–349). То есть к 1651 г. в Приисетье уже существовала топонимика, связанная с племенным названием «катай».

Скорее всего, Катайская волость занимала территорию по обе стороны Исети, отсюда и Катайский бор, и название Катайского острога. В 1695 г. в слободах по Исети и Пышме провел «сыск» стольник Гаврила Тухачевский. Поводом для проведения обследования стала челобитная башкир Улу-Катайской и Салзаутской волостей – фрагмент ее, с описанием границ вотчинных земель, был приведен выше. А результат выглядел так: «по сыску посыланных в Катайской острог стольников Тухачевских (так в документе) явилось: деревни, острог и слободы Колчеданская, Камышловская, Арамилская, Белоярская, Багарятская и деревня Песошная и Чумлятская на башкирской земле. Меж тех слобод Колчеданской (и) Камышловской деревня Каменска – из Сибири Успенского Далматова монастыря живут прихожия люди. Да во близости того ж Катайского острогу построены слободы и деревни на татарской земле род их же башкирцев, а отняли у них прихожия люди и поселили слободы Камышловская, Красноярская и деревня Тамакульская» (ГАПК. Ф. 177. Оп. 2. Д. 121: 90 об.). Территории по левому берегу Исети и по Пышме указаны как принадлежащие населению, родственному башкирам. Северо-западная (летняя) часть Катайской волости приходилась на нынешний Белокатайский район Республики Башкортостан, часть современного Нязепетровского района (Самигулов, 2017).

В отличие от упомянутых выше тюркских волостей, Исетская и Пышминская волость Тюменского уезда названа по географическим привязкам. Эта волость локализовалась, согласно данным Б.О. Долгих, в нижнем течении Пышмы и в самых низовьях Исети, упоминается в документах с 1631 г., причем Борис Осипович утверждал, что, согласно его источникам, населяли эту волость «уфимские пришельцы» (Долгих, 1960: 42, 48). К сожалению, Борис Осипович не указал конкретно свои источники информации, и мы не можем судить, в каком контексте в них упоминались «уфимские пришельцы». Я полагаю, что основу населения волости в низовьях Исети и Пышмы составляли бекатин, которые в русских документах того времени обозначались как «мякотинцы». В 1663 г. в росписи ясачной и поминочной мягкой рухляди Тюменского города сначала констатируется, что нескольких жителей Пышминской и Исетской волости «не стало без вести», а потом вернувшийся из побега Аллагул Баишев сообщил, что «те де Пышмин-

ские волости татаровя, которые в сыску писаны и они де живут ныне все с ызменники около Аретяша (Аретяша) озера з башкирцы вместе» (СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 8: 215 об. –216). Название «Аретяш» с большой долей уверенности можно интерпретировать, как Иртяш, а это озеро входило в вотчинные владения бекатин. В 1734 г. старшина Мякотинской (бекатин) волости Янгильда Самангулов Бигишев писал: ««В Уфинском де уезде в башкирской степи имеет он у себя деда и отца своего Бигишева старинную вотчину в Мякотинской волости, в деревне Редяшевой. А в той де ево вотчине имеетца владений ево озера: Илтяш, Кызылташ, Сунгуль и другие озера» (ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1092а: 11 об.). Есть и еще одно обстоятельство, в начале XVIII в., видимо в период восстания 1705–1709 гг. сам Янгильда Бигишев уехал в Сингульские скиты, где и прожил не менее 10 лет, а затем вернулся в д. Редяшеву (она же Иртяшская) (ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1092а: 277). А Б.О. Долгих соотносил Пышминскую и Исетскую волость с более поздней Сингульской волостью Ялуторовской округи (Долгих, 1960: 42, 48), как и Н.А. Томилов (Томилов, 1981: 26–27).

Есть и еще одно обстоятельство: «В декабре 1673 г. тобольский служилый татарин Азбакей Кулмаметов в Сибирском приказе сообщил о тех местах, где хотел кочевать тайджи Дундук: ”Ис Тобольска де езду до Черного, где стоит острог Абашской, зимним и летним путем 2 дни, а от Абашского острогу до Бекетина – день, а на Бекетине живут тобольские захребетные ясачные татаровя. А от Бекетина до Капканы – день, а тут живут тобольские кречатьи помыкальщики, а от Капканы до Ика-речки – полтора дни“» (Русско-монгольские отношения, 1996: № 134). Район, обозначенный как «Бекетин», приходится на земли по Тоболу ниже устья Исети, выше устья Туры. Это подтверждается и расположением деревни Аvezбакеевой в этом районе, где и жили тобольские захребетные татары (деревня была названа по имени основателя – Авазбакея Кульмаметева). Эта деревня, как и упомянутое Кульмаметевым поселение кречатников Капканы (Капканово), показаны на «Чертеже Тюменского городу и уезду» из «Хорографической книги Сибири» С.У. Ремезова (Ремезов: 166). Я не знаю, как соотносились с бекатин Мякотинской и Пышминской и Исетской волостей селения бикатин, живших на Иртыше, Вагае и по Уватским болотам (Томилов, 1992: 38–39), но не исключаю, что это еще одна часть изначальной территории хозяйствования бакатин, которая оказалась после прихода русских на территории Тобольского уезда.

Можно предположить, что также две составляющих одной волости представляли Сырянская волость в верховьях Исети и по Синаре и Багаряку (Самигулов, 2016а) и Киньрская волость (Киньрский городок) Тюменского уезда в низовьях Туры и по р. Пышма. Как и с прочими волостями Тюменского уезда (кроме Терсякской), мы испытываем большие затруднения в интерпретации племенной принадлежности населения Киньрской волости (Киньрского городка), поскольку практически нет упоминаний об отношении населения к какому-либо родовому или племенному подразделению. Само название Киньрского городка (как и Иленского и Обуховского) происходит от имени Киньр, как об этом писал Б.О. Долгих (Долгих, 1960: 44–45). Но в одном из ранних документов, 1601 г. встречаем следующее сообщение: «Нынешнего, господине, 109-го году июня в 16 день приехали к нам в Тюменский город Тюменского уезда Балкурские волости ясачные татарове Ахкоза Янчатов, Абжитемир Тохташев, да Козыбай Янчеров, да Кызылбай Усенгильдеев, да Кошбархан Болтин, 5 человек, а в распросе нам сказали: приезжал де из Киньрские волости ясачный татарин Кудабердей сырянец, в Теренгульскую волость к татарину к Мангуту с сыном свататься на дочь...» (Миллер, 2000: 198).

Еще один документ сообщает, что в 1662 г., в разгар восстания тюркского населения, ясачные татары Киньрского городка и Бачкурской волости ушли от угрозы разорения к «сенигирянцам башкирским татарам» (СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 8: 216–221). Разумеется, этих упоминаний недостаточно для уверенных выводов, но исходя из ситуации Катайской, Терсякской, Мякотинской волостей мы можем предположить, что Киньрская волость является восточной «половиной» волости Сынрянской. Точнее, часть населения этой волости могли составлять сынрян. Это уточнение представляется необходимым постольку, поскольку ясачные волости Тюменского (как и Туринского, и Верхотурского) уезда были выделены в основном, по территориальному признаку. То есть население таких волостей могло состоять из представителей разных «улусов».

Еще один важный элемент системы землепользования тюрков Зауралья составляли общие охотничьи угодья в верхнем течении р. Тобол с притоками, нижнем течении р. Миасс. Эти угодья использовали как «ясачные татары» Тюменского и Туринского уездов, так и «башкиры» Уфимского уезда, в некоторых случаях группы, выходившие на охоту, включали в себя и «башкир», и «татар». Подтверждений этому

достаточно хотя бы в материалах «Истории Сибири» Г.Ф. Миллера (Миллер, 2000: 210, 212, 274, 341, 449, 455, 591, 609, 613; 2005: 330, 380 и т.д.)

Таким образом, земли от восточного склона Уральского хребта до Туры и среднего течения Тобола еще в первой половине XVII в. представляли собой единое культурно-хозяйственное пространство, при этом земли в верхнем течении Тобола, в нижнем течении Миасса и по Ишиму являлись общими охотничьими угодьями населения указанных территорий. На протяжении XVII в. происходило разрушение системы общего использования этих территорий в силу разных причин, но основной являлось разделение земель между различными уездами в составе Московского государства.

ЛИТЕРАТУРА

- Акты исторические собранные и изданные Археографической комиссией. 1841. Т. 3: 1613–1645. СПб. ГАПК. Ф. 177. Пермские палаты уголовного и гражданского суда Министерства юстиции. Оп. 2. Д. 121.
- ГАСО. Ф. 24. Уральское горное управление. Оп. 1. Д. 1092а.
- Долгих, Б.О. 1960. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М.: Изд-во Академии наук СССР.
- Исхаков, Д.М. 1998. От средневековых татар к татарам Нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). Казань: Мастер лайн.
- Кузеев, Р.Г., Бикбулатов, Н.В., Шитова, С.Н. 1962. Зауральские башкиры: Этнографический очерк быта и культуры конца XIX – начала XX в. *Археология и этнография Башкирии*. Т. 1. Уфа: 171–267.
- Кузеев, Р.Г. 1974. Происхождение башкирского народа: Этнический состав, история расселения. М.: Наука.
- Маслюженко, Д.Н., Самигулов, Г.Х. 2016. Земли Приуралья в составе Тюменского и Сибирского ханств. История татар Западного Приуралья. Т. 1. *Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства*. Казань: 250–263.
- Миллер, Г.Ф. 2000. История Сибири. Т. 2. М.: Вост. лит.
- Миллер, Г.Ф. 2005. История Сибири. Т. 3. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН.
- Ремезов С.У. Хорографическая книга Сибири. – [https://iif.lib.harvard.edu/manifests/view/drs:18273155\\$212i](https://iif.lib.harvard.edu/manifests/view/drs:18273155$212i) (дата обращения: 15.02.2017).
- Русско-монгольские отношения: сборник документов. 1996. Т. 3. М.: Вост. лит.
- Самигулов, Г.Х. 2016а. Использование этнонимов в качестве названий групп ясачного населения и связанные с этим проблемы изучения истории ясачных волостей: Зауралье XVII века. *Вестник Томского университета. История*. № 5 (43): 138–142.
- Самигулов, Г.Х. 2016б. К изучению исторической географии территорий по Исети и Пышме XVII века. *Вестник Пермского университета. История*. Вып. 1 (32): 84–95.
- Самигулов, Г.Х. 2017. Тюркские волости Верхотурского уезда XVII века. *Научный диалог*. № 1.
- СПФ АРАН. Ф. 21. Миллер Герард-Фридрих (Федор Иванович) (1705–1783), историк, академик, конференц-секретарь АН. Оп. 4. Д. 8.
- Томилов, Н.А. 1981. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX в. Томск: Изд-во ТГУ.
- Тоган, А.-З.В. 2010. История башкир. Уфа: Китап.
- Томилов, Н.А. 1992. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины конца XVI – начала XX в. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та.
- Файзрахманов, Г.Л. 2002. История сибирских татар (с древнейших времен до начала XX века). Казань: ФЭН.
- Шакурова, Ф.А. 1992. Башкирская волость и община в середине XVIII – первой половине XIX в. Уфа.
- Шерстова, Л.И. 2005. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН.

G.H. Samigulov

THE TURKS OF THE TRANS-URALS BY THE TIME OF INCLUSION IN THE MOSCOW STATE (ACCORDING TO NARRATIVE SOURCES)

The reconstruction of the Turkic settling in the Trans-Urals in the end of the 16 AD is based on the documents of the 17 AD. The structure of the land tenure, according to the contemporary sources, was formed in the Age of The Khanate of Sibir. Turkic population that lived from Eastern slopes of the Urals to the rivers Tura and the Middle Tobol was an entire community. Winter pastures of the clan were often in the low Pyshma or Iset' and the summer pastures – in the Ural Mountains. After uezd formation, volost' territories often turned out separated. Yasak population in the Ufa uezd was named as Baskirs while yasak people and service class people in the Tura and Tyuimen uezdс – Tatars. So, the formation of Trans-Uralian Bashkirs and Tyuimen Tatars was mainly determined by the administrative division in the Russian State.

Key words: yasak volost', yezd, Trans-Urals, Turks.

ИМПОРТНЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ ТЮРОК МОНГОЛИИ*

Н.Н. Серегин

Алтайский государственный университет, Барнаул

В статье представлены результаты систематизации и анализа предметов импорта, обнаруженных в погребальных комплексах раннесредневековых тюрок Монголии (вторая половина I тыс. н.э.). Охарактеризованы тенденции распространения шелковых изделий, металлических зеркал, монет, а также редких предметов из лака. Кроме того, отмечены единичные случаи обнаружения находок, демонстрирующих «западное» направление контактов кочевников. Сделанные выводы и наблюдения сопоставлены с результатами раскопок более многочисленных погребальных комплексов раннесредневековых тюрок на территории Алтае-Саянского региона.

Ключевые слова: тюрки, раннее Средневековье, Монголия, погребальные комплексы, предметы импорта.

К настоящему времени в Монголии известно более 30 объектов, с разной степенью достоверности относящихся к погребальным комплексам тюрок раннего средневековья (Серегин, 2014, 2016). Несмотря на незначительность этой цифры по сравнению с количеством захоронений кочевников, исследованных на сопредельных территориях, накопленные материалы представляют собой важный источник для реконструкции истории и культуры номадов. Одним из актуальных направлений является детальный анализ предметов импорта, обнаруженных в погребениях. Изучение этой группы изделий предоставляет широкие возможности для определения степени интенсивности и характера взаимных контактов номадов с ремесленными центрами оседлых земледельцев, уточнения датировки памятников, детализации отдельных элементов ритуальной практики и мн. др. Важно отметить, что при интерпретации особенностей распространения импортных вещей в погребальных комплексах Монголии учитывались более многочисленные материалы исследований некрополей раннесредневековых тюрок на сопредельных территориях Алтае-Саянского региона.

Одной из наиболее распространенных групп импортных предметов в археологических памятниках раннесредневековых тюрок Центральной Азии являются изделия из шелка. Чаще всего такие находки сохраняются в виде фрагментов. При этом в ряде случаев представляется возможным реконструировать первоначальную форму изделий, а также изучить орнамент. Серия подобных находок зафиксирована в ходе раскопок тюркских погребений на территории Монголии. К настоящему времени накоплен значительный опыт в изучении китайских шелковых изделий раннего Средневековья (Бентович, Гаврилова, 1972; Лубо-Лесниченко, Трифонов, 1989; Лубо-Лесниченко, 1994; Кубарев 2005; и др.). Эти сведения позволяют осуществить атрибуцию находок из памятников Монголии.

Анализ сохранившегося орнамента является основанием для выделения нескольких основных групп шелковых тканей, зафиксированных в памятниках раннесредневековых тюрок Центральной Азии (Тишкин, Серегин 2013: 63). Некоторые из них обнаружены и в комплексах, раскопанных на территории Монголии. Один из известных вариантов орнаментации шелковых тканей второй половины I тыс.н.э. представлен изделиями с изображением драконов с «древом жизни» в медальонах, между которыми помещены стилизованные пальметки. Судя по известным материалам, такие находки получили широкое распространение у кочевников Центральной Азии (Захаров, 1926: табл. VI; Бентович, Гаврилова, 1972: рис. 3, 4; Лубо-Лесниченко, Трифонов, 1989: 408; Кубарев, 2005: табл. 53–55, 64, 76, 1; и др.). Период их наиболее широкого распространения ограничен концом VII – первой половиной VIII в. (Лубо-Лесниченко, Трифонов, 1989: 413; Кубарев, 2005: 30). К этой группе шелковых тканей относится находка из погребения Наинтэ Суме (Боровка, 1927: рис. 7). Кроме того, схожая система орнаментации, но с некоторыми различиями, представлена на фрагменте шелка из захоронения могильника Джаргаланты (Евтюхова, 1957: рис. 9–10).

Несколько небольших фрагментов шелка обнаружены в ходе раскопок ограбленного погребения Хана (Erdelyi, Dorjsuren, Navan, 1967; Endrei, 1967). Зафиксированные изделия демонстрируют различный орнамент, довольно подробно рассмотренный в специальной статье (Endrei, 1967). Наиболее полно сохранился фрагмент с орнаментом в виде т.н. цветочных ромбов. Обозначенные изделия на-

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ (проект «Азиатская часть России и Китай: традиции и механизмы трансграничного взаимодействия в древности и Средневековье», МК-7457.2016.6).

ходят аналогии в материалах танского времени, в том числе в известной коллекции императорской сокровищницы Сёсоин, относящейся ко второй половине VIII в. (Endrei, 1967: fig. 2; Лубо-Лесниченко, 1994: 91–92).

Еще один фрагмент шелкового изделия обнаружен в скальном погребении Жаргалант Хайрхан (Törbat et al., 2009: fig. 15). Судя по имеющимся описаниям и иллюстрациям, орнамент на ткани отсутствует. Отличительной особенностью находки является китайская надпись из четырех иероглифов, которая требует дальнейшего исследования (Törbat et al., 2009: 380).

Далеко не во всех случаях при исследовании тюркских погребений Монголии установлено изначальное расположение шелковых изделий, а также особенности их назначения. Судя по имеющейся информации, ткани являлись частью одежды, использовались при изготовлении футляров для хранения мелких бытовых предметов (зеркало, гребень, монеты), а также могли быть частью конского снаряжения (подстилка под седло).

Гораздо более редкой, по сравнению с шелковыми тканями, категорией находок из памятников раннесредневековых тюрков являются китайские металлические зеркала. К настоящему времени в закрытых комплексах известно всего 19 экземпляров, представленных целыми изделиями, а также фрагментами (Тишкин, Серегин, 2013: табл. 2). В тюркских погребениях Монголии обнаружены две такие находки.

Первая из них представлена зеркалом из захоронения кургана № 2 некрополя Джаргаланты (Евтюхова, 1957: рис. 3, 4, 1). Данная находка демонстрирует один из наиболее распространенных типов подобных изделий китайского происхождения из раннесредневековых памятников Центральной Азии. Это зеркало округлой формы с центральной шишкой-петлей, вокруг которой помещены четыре льва в зарослях винограда. Внутреннее орнаментальное поле предмета отделено валиком в виде виноградной лозы; во внешнем изображены иволги среди виноградных побегов. Подобные изделия, имеющие некоторые вариации в оформлении, обнаружены в ряде погребений раннесредневековых тюрков Алтае-Саянского региона (Грач, 1958: рис. 8, 9; Kenk, 1982: abb. 9, 2; Овчинникова, 1990: рис. 33, 17; Овчинникова, 2013: табл. XII, 4; Кубарев, 2005: табл. 46, 4), а также зафиксированы в ходе исследований синхронных комплексов на сопредельных территориях (Распопова, 1972: рис. 2; Лубо-Лесниченко, 1975: рис. 15–20; Грушин, Тишкин, 2004: рис. 1, 1; Молодин, Соловьев, 2004: рис. XIV, табл. XVIII, 43; и др.). Датировка зеркал такого типа определяется в рамках VII–IX вв. (Лубо-Лесниченко, 1975: 18).

Вторая находка китайского зеркала обнаружена в погребении комплекса Наинтэ Суме (Боровка, 1927: табл. IV, 1). Изделие сохранилось в виде небольшого фрагмента, однако представляет большой интерес для изучения. Судя по оставшейся части орнамента в виде продолжающихся полудуг, расположенных вокруг центральной шишки-петли, зеркало может относиться к экземплярам ханьского времени или демонстрировать более позднюю копию такого предмета. Следует отметить, что подобная ситуация уже неоднократно отмечена при исследовании тюркских погребальных комплексов (Евтюхова, Киселев, 1941: рис. 34; Лубо-Лесниченко, 1975: 41; Тишкин, Серегин, 2011: табл. XXIII, XXIV).

Особенности расположения китайских металлических зеркал в тюркских погребениях Монголии полностью соотносятся с закономерностями в реализации данного компонента ритуальной практики, зафиксированными в ходе раскопок памятников кочевников Алтае-Саянского региона второй половины I тыс. н.э. (Серегин, 2007). Целые зеркала в захоронениях раннесредневековых тюрков обнаружены чаще всего в районе головы умершего человека (Грач, 1958: 26, рис. 3; Савинов, 1994: 148, рис. 102; Длужневская, 2000: 180; Кубарев, 2005: 376, табл. 94). Подобная же ситуация отмечена и в ходе раскопок комплекса Джаргаланты (Евтюхова, 1957: 209, рис. 2). Несколько иная закономерность наблюдается в отношении фрагментов зеркал. В тех случаях, когда удалось зафиксировать точное расположение таких предметов, они были помещены в районе пояса или у ноги покойного (Грач, 1968: 106; Савинов, 1982: 111). Данной традиции соответствует место находки фрагмента зеркала в погребении Наинтэ Суме (Боровка, 1927: 74, рис. 6). Опыт интерпретации выявленных закономерностей в расположении рассматриваемых изделий неоднократно предпринимался исследователями (Тишкин, Серегин, 2011: 111–115).

Еще одной показательной группой китайских изделий, в редких случаях обнаруживаемых в памятниках кочевников Центральной Азии, являются монеты. Такие находки традиционно привлекают внимание специалистов, так как представляют собой достаточно надежные хронологические маркеры, демонстрируя *terminus post quem* для конкретных объектов. Наиболее часто в археологических комплексах

сах раннего Средневековья обнаружены монеты «кайюань тунбао». В 621 г. был осуществлен первый выпуск изделий данного типа, ставших самыми долговечными в истории Китая и получивших наибольшее распространение за его пределами. При этом помимо находок оригинальных монет фиксируются многочисленные подделки и подражания, что также является показателем их «популярности» (Воробьев, 1963; Зеймаль, 1999: 192–206).

Именно к типу «кайюань тунбао» относятся монеты, обнаруженные в единственном тюркском погребении на территории Монголии. Изделия зафиксированы в ходе раскопок неоднократно упомянутого в настоящей статье женского захоронения комплекса Джаргаланты (Евтюхова 1957: рис. 8). Семь монет были уложены в шелковый мешочек, перевязанный тесемкой (Евтюхова, 1957: 212). Подобные изделия, относящиеся к разным выпускам, встречены в ряде тюркских погребений на сопредельных территориях (Евтюхова, 1948: рис. 116; Грач, 1960: рис. 78; 1966: рис. 22; Овчинникова, 1982: рис. 3, 1; 2004: рис. 8, 11; Савинов, Павлов, Паульс, 1988: рис. 9, 1; Кубарев, 2005: рис. 16, 8).

Анализ особенностей распространения китайских монет показывает, что бытование таких предметов у раннесредневековых кочевников если и было связано с использованием их как эквивалента стоимости (Щербак, 1960), то, безусловно, только этим не ограничивалось. Не лишены оснований представляется утверждение о том, что подобные изделия могли носиться как амулеты (Басова, Кузнецов, 2005: 135). Свидетельством изменения первоначальных функций предметов можно считать благожелательные надписи, нанесенные на отдельных экземплярах (Добродомов, 1980; Кляшторный, 2006: 117). Кроме того, не лишены оснований предположения о том, что китайские монеты использовались для украшения одежды в качестве нашивных блях, являлись частью ожерелий, подвесок, входили в состав наборного пояса и др. (Троицкая, Новиков, 1998: 30; Камышев, 1999: 59; Масумото, 2001: 52; Филиппова, 2005: 15). В то же время в ряде случаев, когда определено расположение рассматриваемых изделий в могилах раннесредневековых тюрок Центральной Азии, они находились в районе пояса умершего человека. Вероятно, данная ситуация отражает ношение монет в поясной сумочке, остатки которой сохранились в некоторых погребениях (Овчинникова, 1982: 213; Савинов, Павлов, Паульс, 1988: 96). При этом в тюркском погребении, исследованном на территории Монголии, такая находка была помещена в районе головы покойной (Евтюхова, 1957: 212). Интересно отметить, что рассматриваемое женское погребение комплекса Джаргаланты является единственной женской могилой тюркской культуры, в которой обнаружены китайские монеты. Во всех остальных случаях такие изделия являлись частью сопроводительного инвентаря погребений мужчин.

Наиболее редкой категорией предметов китайского импорта, обнаруженных в раннесредневековых комплексах Центральной Азии, являются изделия из лака. На сегодняшний день известно всего две таких находки в тюркских погребениях, одно из которых раскопано на территории Монголии (Евтюхова, 1957: 210–211, рис. 6), а второе исследовано в Туве (Длужневская, 2000: 180). Судя по сохранившимся остаткам изделий, в обоих случаях чашечки были изготовлены с применением черного лака. Зафиксированы также иероглифы, изображенные красным цветом на их стенках. Интересно отметить высокую степень сходства элементов обрядовой практики этих объектов, в том числе набор сопроводительного инвентаря. Помимо обозначенных захоронений, остатки лаковой чашечки отмечены в одном кыргызском погребении, раскопанном на территории Минусинской котловины (Евтюхова, 1948: рис. 4–5). Других подобных изделий в раннесредневековых комплексах Центральной Азии нам не известно.

Ограниченное количество имеющихся материалов, а также отсутствие специальных работ не позволяют использовать информационный потенциал лаковых изделий из тюркских погребальных комплексов. Широкий спектр современных возможностей в указанном направлении демонстрирует накопленный в последние годы опыт изучения подобных находок из археологических памятников Алтая и Монголии раннего железного века (Тишкин, Хаврин, Новикова, 2008; Полосьмак, Кундо, 2011; Елихина, Новикова, 2013; Новикова, Степанова, Хаврин, 2013; Elikhina, Novikova, Khavrin, 2013; Дашковский, Новикова, 2015; Сутягина, 2015; и др.).

Единственной импортной находкой из тюркских погребений Монголии, происхождение которой не связано с Китаем, является золотой брактеат (индикация) византийской монеты из комплекса Увгунт. В отличие от рассмотренных выше предметов, данное изделие, судя по имеющимся сведениям, отражает западные контакты раннесредневековых кочевников. Проведенный анализ находки позволил заключить, что брактеат изготовлен в подражание византийским монетам Ираклия или Леонтия, что ограничивает

возможный период его производства рамками второй половины VII – первой половины VIII в. (Кляшторный, Савинов, Шкода, 1990: 10–12). Характеристики изделия дают основания для предположения о том, что реплика выполнена согдийским мастером, который, судя по имеющейся на брактеате рунической надписи, мог проживать в восточных согдийских колониях (Кляшторный, Савинов, Шкода, 1990: 11; Klyashtornyj, 1993: 129–131).

Западные контакты раннесредневековых тюрок Центральной Азии отражают и другие подобные нумизматические находки. Впервые индикация монеты обнаружена в 1937 г. в ходе раскопок раннесредневекового комплекса Туэкта в Центральном Алтае (Киселев, 1949: табл. ЛII, 3). Материалы исследований данного памятника до сих пор опубликованы крайне фрагментарно. Судя по имеющемуся описанию, рассматриваемое золотое изделие обнаружено в центральном ограбленном погребении кургана № 2 обозначенного некрополя (Киселев, 1949: 305). Важно отметить, что на данной индикации также зафиксированы знаки, напоминающие руническую письменность. Серия подобных находок существенно пополнилась в результате раскопок элитного раннесредневекового комплекса Майхан Уул (Шороон Бумбагар) в Монголии (Очир и др., 2013: 183–196). Проведенный анализ данной нумизматической коллекции, насчитывающей более 40 предметов, позволил выделить золотые индикации византийских, согдийских и сасанидских монет, произведенных, судя по зафиксированным характеристикам изделий, в Восточном Согде (Горбунов, Серов, 2015: 77).

Итак, небольшая коллекция импортных изделий, обнаруженных в погребальных комплексах раннесредневековых тюрок Монголии, представлена фрагментами шелковых тканей, металлическими зеркалами, монетами, одним лаковым изделием, а также брактеатом (индикацией) монеты. За исключением последней находки, все предметы демонстрируют разного рода связи кочевников с Китаем. Брактеат византийской монеты является свидетельством западных контактов номадов.

Большая часть рассмотренных импортных изделий датируется в рамках второй половины VII – первой половины VIII в. Данный хронологический отрезок характеризуется расцветом культуры раннесредневековых тюрок, что было обусловлено воссозданием кочевой империи после периода политической зависимости от Китая. Не исключено, что часть привозных изделий поступила к номадам в результате выгодных торговых договоров с Китаем, заключенных по итогам успешной для них войны 721–723 гг. (Кляшторный, Савинов, 2005: 109).

Нет сомнений, что импортные вещи являлись важным показателем статуса в обществе раннесредневековых тюрок Монголии. Это подтверждается не только редкостью изделий, но также тенденциями их распространения в археологических комплексах. В большинстве случаев китайские предметы обнаружены в «богатых» захоронениях, сопроводительный инвентарь которых включал и другие ценные находки. Интересно отметить, что большая часть рассмотренных выше предметов импорта обнаружена в ходе раскопок всего пяти погребений (Боровка, 1927; Евтюхова, 1957; Erdelyi, Dorjsuren, Navan, 1967; Наван, Сумьябаатар, 1987; Törbat et al., 2009). В четырех из них находились сопроводительные захоронения двух лошадей, что является максимальным количеством животных в тюркских комплексах Монголии и может также считаться важным показателем социального статуса погребенного человека.

ЛИТЕРАТУРА

- Басова, Н.В., Кузнецов, Н.А. 2005. Украшения и амулеты из средневековых курганов Кузнецкой котловины. *Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий*. Томск: 134–136.
- Бентович, И.Б., Гаврилова, А.А. 1972. Мугская и катандинская камчатые ткани. *Краткие сообщения Института археологии*. Вып. 132: 31–37.
- Боровка, Г.И. 1927. Археологическое обследование среднего течения р. Толы. *Северная Монголия. Предварительные отчеты лингвистической и археологической экспедиций о работах, произведенных в 1925 году*. Л.: 43–88.
- Воробьев, М.В. 1963. К вопросу определения старинных китайских монет «кайюань тунбао». *Эпиграфика Востока*. Вып. 15: 123–139.
- Горбунов, В.В., Серов, В.В. 2015. Нумизматические материалы из тюркского кургана Шорон Бумбагар. *Известия Алтайского государственного университета*. № 4/1 (88): 72–78.
- Грач, А.Д. 1958. Древнетюркское погребение с зеркалом Цинь-вана в Туве. *Советская этнография*. № 4: 18–34.
- Грач, А.Д. 1960. Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге (Полевой сезон 1958 г.). *Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции: Материалы по археологии и этнографии Западной Тувы*. Т. 1. М.; Л.: 73–150.

- Грач, А.Д. 1966. Исследования в Бай-Тайге. *Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. 2: Материалы по этнографии и археологии районов бассейна р. Хемчика*. М.; Л.: 81–107.
- Грач, А.Д. 1968. Древнетюркские курганы на юге Тувы. *Краткие сообщения Института археологии*. Вып. 114: 105–111.
- Грушин, С.П., Тишкин, А.А. 2004. Погребальные комплексы эпохи раннего железа и средневековья северо-западных предгорий Алтая. *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. Вып. 10: 239–243.
- Дашковский, П.К., Новикова, О.Г. 2015. Предварительные итоги изучения образцов лака из кургана № 31 могильника Чинета-II (Алтай). *Археология Западной Сибири и Алтай: опыт междисциплинарных исследований*. Барнаул: 115–119.
- Длужневская, Г.В. 2000. Комплекс древнетюркского времени на могильнике Улуг-Бюк-II. *Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии*. Новосибирск: 178–188.
- Добродомов, И.Г. 1980. Вторичные рунические надписи на монетах и вопросы денежного обращения у древних тюрков. *Ближний и Средний Восток. Товарно-денежные отношения при феодализме*. М.: 94–97.
- Евтюхова, Л.А. 1948. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан: ХакНИИЯЛИ.
- Евтюхова, Л.А. 1957. О племенах Центральной Монголии в IX в. *Советская археология*. № 2: 207–217.
- Евтюхова, Л.А., Киселев, С.В. 1941. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. *Труды ГИМ*. Вып 16: 75–117.
- Елихина, Ю.И., Новикова, О.Г. 2013. Исследования китайских лакированных чашечек эпохи Хань из коллекции Государственного Эрмитажа. *Теория и практика археологических исследований*. № 1(7): 135–146.
- Захаров, А.А. 1926. Материалы по археологии Сибири (раскопки В.В. Радлова в 1965 г.). *Труды ГИМ*. Вып. 1: 71–106.
- Зеймаль, Е.В. 1999. Монеты раннесредневековой Средней Азии. *Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья. Археология СССР*. М.: 192–206.
- Камышев, А.М. 1999. Монеты Китая из Кыргызстана. *Нумизматика Центральной Азии*. Вып. 4: 57–65.
- Киселев, С.В. 1949. Древняя история Южной Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР.
- Кляшторный, С.Г. 2006. Монета с рунической надписью из Монголии. *Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии*. СПб.: 115–119.
- Кляшторный, С.Г., Савинов, Д.Г. 2005. Степные империи древней Евразии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ.
- Кляшторный, С.Г., Савинов, Д.Г., Шкода, В.Г. 1990. Золотой бракетат из Монголии. Византийский мотив в центральноазиатской торевтике. *Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии*. Вып. 16: 5–16.
- Кубарев, Г.В. 2005. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН.
- Лубо-Лесниченко, Е.И. 1975. Привозные зеркала Минусинской котловины. М.: Наука.
- Лубо-Лесниченко, Е.И. 1994. Китай на Шелковом пути. М.: Вост. лит.
- Лубо-Лесниченко, Е.И., Трифонов, Ю.И. 1989. Китайская камчатая ткань из древнетюркского кургана в Туве. *Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций*. Алма-Ата: 406–416.
- Маракуев, А.В. 1947. Китайские бронзы из Басандайки. Басандайка. *Сборник материалов и исследований по археологии Томской области*. Томск: 167–174.
- Масумото, Т. 2001. Китайские монеты из средневековых погребений Западной Сибири. *Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории*. Томск: 49–52.
- Масумото, Т. 2005. Китайские бронзовые зеркала (семиотический аспект). *Структурно-семиотические исследования в археологии*. Т. 2. Донецк: 295–304.
- Молодин, В.И., Новиков, А.В., Соловьев, А.И. 2003. Погребальные комплексы древнетюркского времени могильника Кальджин-VIII. *Археология, этнография и антропология Евразии*. № 2: 71–86.
- Молодин, В.И., Соловьев, А.И. 2004. Памятник Сопка-II на реке Оми. Т. 2: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи средневековья. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН.
- Наван, Д., Сумьябаатар, Б. 1987. Овог монгол хэл бичийн чухаг дурсгал. Улаанбаатар: Шинжлэх Ухааны Академийн хэвлэл.
- Новикова, О.Г., Степанова, Е.В., Хаврин, С.В. 2013. Изделия с китайским лаком из пазырыкской коллекции Государственного Эрмитажа. *Теория и практика археологических исследований*. № 1 (7): 112–124.
- Овчинникова, Б.Б. 1982. Погребение древнетюркского воина в Центральной Туве. *Советская археология*. № 3: 210–218.
- Овчинникова, Б.Б. 1990. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X вв. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та.
- Овчинникова, Б.Б. 2004. Древнетюркские памятники могильного поля Аймырлыг. Древности Востока. М.: 86–110.
- Овчинникова, Б.Б. 2013. Погребально-поминальный комплекс древних тюрков на могильнике Даг-Аразы. *Древние тюрки в Центральной Туве (по материалам работ Саяно-Тувинской экспедиции)*. СПб.: 139–172.
- Очир, А., Эрдэнэболд, Л., Харжаубай, С., Жантегин, Х. 2013. Эртний нуудэлчдийн бунхант булшны малтлага судалгаа. Улаанбаатар: Хэвлэх уйлдвэр.

- Полосьмак, Н.В., Кундо, Л.П. 2011. Новые данные о лаковых изделиях из ноин-улинских курганов (по результатам междисциплинарных исследований). *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. Вып. 17: 171–175.
- Распопова, В.И. 1972. Зеркала из Пенджикента. *Краткие сообщения Института археологии*. Вып. 132: 65–69.
- Руденко, К.А. 2004. Металлические зеркала золотоордынского времени из собрания Национального музея Республики Татарстан. *Татарская археология*. № 1/2: 111–156.
- Савинов, Д.Г. 1982. Древнетюркские курганы Узунтала (к вопросу о выделении курайской культуры). *Археология Северной Азии*. Новосибирск: 102–122.
- Савинов, Д.Г. 1994. Могильник Бертек-34. *Древние культуры Бертекской долины*. Новосибирск: 104–124.
- Савинов, Д.Г., Павлов, П.Г., Паульс, Е.Д. 1988. Раннесредневековые впускные погребения на юге Хакассии. *Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири (по материалам раскопок 1980–1984 гг.)*. Л.: 83–103.
- Серегин, Н.Н. 2007. Металлические зеркала в погребениях раннесредневековых кочевников северо-западных районов Центральной Азии. *Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири*. Вып. 5: 115–121.
- Серегин, Н.Н. 2014. Изучение и интерпретация погребальных комплексов раннесредневековых тюрок Монголии (историографический аспект). *Теория и практика археологических исследований*. № 1 (9): 101–114.
- Серегин, Н.Н. 2016. Погребальные сооружения тюрок Монголии (2-я половина I тыс.н.э.). *Теория и практика археологических исследований*. № 1 (13): 91–109.
- Сутягина, Н.А. 2015. Лаковые изделия из погребений могильника Бугры в Алтайском крае. *Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири*. Т. 2. Хух-Хото: 619–628.
- Тишкин, А.А., Серегин, Н.Н. 2011. Металлические зеркала как источник по древней и средневековой истории Алтая (по материалам Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета). Барнаул: Азбука.
- Тишкин, А.А., Серегин, Н.Н. 2013. Китайские изделия из археологических памятников раннесредневековых тюрок Центральной Азии. *Теория и практика археологических исследований*. № 1 (7): 49–72.
- Тишкин, А.А., Хаврин, С.В., Новикова, О.Г. 2008. Комплексное изучение находок лака из памятников Яломан-II и Шибе (Горный Алтай). *Древние и средневековые кочевники Центральной Азии*. Барнаул: 196–200.
- Троицкая, Т.Н., Новиков, А.В. 1998. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН.
- Филиппова, И.В. 2005. Культурные контакты населения Западного Забайкалья, Южной, Западной Сибири и Северной Монголии с ханьским Китаем в скифское и гунно-сарматское время (по археологическим материалам): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск: Б.и.
- Худяков, Ю.С. 2001. Бронзовые зеркала пазырыкской культуры в долине р. Эдиган в Горном Алтае. *Древности Алтая*. Вып. 7: 94–102.
- Щербак, А.М. 1960. Еще раз о монетах с руническими надписями из Минусинска. *Вестник древней истории*. № 2: 139–141.
- Elikhina, Y., Novikova, O., Khavrin, S. 2013. Chinese Lacquered Cups of the Han Dynasty from the collection of Noyon-Uul, the state Hermitage Museum: Complex Research Using the Methods of Art History and Natural Science. *Asian Archaeology*. Vol. 2: 93–107.
- Endrei, W. Gy. 1967. Silk Fabrics of Grave I at Hana. *Acta archaeologica*. Vol. 19: 423–428.
- Erdelyi, I., Dorjsuren, C., Navan, D. 1967. Results of the Mongolian-Hungarian archaeological expeditions 1961–1964 (a comprehensive report). *Acta archaeologica*. Vol. 19: 335–370.
- Kenk, R. 1982. Fruhmittelalterliche Graber aus West-Tuva. Munchen: Verlag C.H. Beck.
- Klyashtornyj, S.G. 1993. The runic inscription on a golden bracteate from Mongolia. *Türk Dilleri Araştırmaları*. Vol. 3: 129–131.
- Törbat, Ts., Batsükh, D., Bemmann, J., Höllmann, T.O., Zieme, P. 2009. A Rock Tomb of the Ancient Turkic Period in the Zhargalant Khairkhan Mountains, Khovd Aimag, with the Oldest Preserved Horse-head Fiddle in Mongolia – a Preliminary Report. *Current Archaeological Research in Mongolia*. Bonn: 365–383.

N.N. Seregin

IMPORT ITEMS FROM THE FUNERARY COMPLEXES OF THE TURKS IN MONGOLIA

The article concerns the results of the systematization and analysis of import items found in the funerary complexes of the early medieval Turks in Mongolia (second half of I millennium AD). The author characterizes the trend of spread of silk products, metal mirrors, coins and rare varnish items. In addition, cases of findings that demonstrate «western» direction of contacts are considered. The conclusions and observations are compared with the results of excavations of the more numerous burial complexes of early Middle ages on the territory of the Altai-Sayan region.

Key words: Turks, the early Middle Ages, Mongolia, burial complexes, import items.

СРЕДНЕВЕКОВОЕ ПОВОЛЖЬЕ В IX–XVI вв.: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОРОДСКОЙ И КОЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ

А.Г. Ситдиков, И.Л. Измайлов

Институт археологии Академии наук Республики Татарстан, Казань

При наличии серьезного осмысления вопросов методологии цивилизационного подхода его эвристические возможности по отношению к конкретным регионам и культурно-историческим общностям остаются недостаточно разработанными. Комплексные историко-археологические исследования в Поволжье показали, что развитие цивилизации в этом регионе связано с возникновением и расцветом международной торговли по трансевразийским торговым магистралям. Становление городов и городской цивилизации идет вслед за установлением инфраструктуры торговых путей и непосредственно связано с ними, а расцвет, подъем и упадок их можно связывать не только с ослаблением государственной власти или природными причинами, а с пульсацией торговой активности на разных направлениях. Страна, ставшая очагом новой социально-политической системы, приобретает значение системообразующего центра для тяготеющего к ней региона.

Ключевые слова: цивилизация, кочевое общество, городская культура, урбанизация, трансевразийская торговля, Великий шелковый путь, Великий Волжский путь, Хазария, Булгария, Улус Джучи, Казанское ханство, караванные города.

При наличии серьезного осмысления вопросов методологии цивилизационного подхода его эвристические возможности по отношению к конкретным регионам и культурно-историческим общностям остаются недостаточно разработанными. Одной из таких проблем является прошлое кочевых скотоводческих народов степей Северной Евразии и их взаимодействие с оседлой цивилизацией. Интерес к ней для отечественной историографии вызван тем, что сама история России – это история, с одной стороны, мира цивилизационного Запада, а с другой – кочевых народов Евразии, а метафора взаимодействия Леса и Степи является одной из важнейших для отечественной и мировой историографии (см.: Хазанов, 2002; Крадин, 2007; Масянова, Жанаев, 2008).

Долгое время история взаимодействия средневековых оседлых государств Евразии с кочевыми народами понималась в дихотомии противостояния. Представления о застойности и отсталости социальных институтов и культуры вместе с эволюционистскими идеями вызвали к жизни негативные концепции о месте номадов в мировой истории.

Подобные взгляды, однако, не в состоянии объяснить, как немногочисленные (особенно в сравнении с многолюдными оседлыми империями) и так называемые дикие (в общекультурном плане) кочевники не только раз за разом завоевывали оседлые страны, но и устанавливали над ними довольно прочное господство. Судя по историческим фактам, степные империи Великой степи умели не только покорять страны, но и выстраивать жизнеспособные социально-политические организмы. Подобное могло происходить, если они были достаточно гибкими, чтобы воспринимать достижения завоеванных стран, но в то же время достаточно сплочены, чтобы сохранять свое этносоциальное, политическое и культурное единство.

Поволжье, как регион, где совмещается несколько природных зон – от полупустынь и степей до лесостепи и тайги, являет собой прекрасный пример взаимодействия различных культур и цивилизаций. В этой связи важно проследить, как в этом регионе взаимодействовали процессы образования государства, урбанизации и разных типов хозяйства.

За точку отсчета можно взять IX в., когда в Нижнем Поволжье при стабильно развивающемся Хазарском каганате население начинает активно осваивать земледелие и возводить города и даже белокаменные крепости. Фактически все Подонье вплоть до лесной зоны, Северный Кавказ и дельта Волги были зонами оседлости. При этом здесь сложился своеобразный симбиоз скотоводства и земледелия. На примере Хазарского каганата видно, что тюркская династия объединила целый ряд народов Восточной Европы, создав ситуацию политической стабильности. В этих условиях появляются оседлые поселения и города в разных регионах каганата. При этом все они объединяются схожей культурной традицией, представленной салтово-маяцкой культурой. Общность истоков отражается и в практике градостроительства, представленного многочисленными памятниками VIII–X вв. от Волги до Дуная. Главный город страны Итиль в устье Волги возник как политический центр державы и как ключевой пункт на пересечении трансевразийских торговых магистралей – Великого Волжского и Великого шелкового путей.

Военные поражения Хазарии от русов и вторжения кочевых племен с востока – печенегов и торков-огузов привело к резкому сокращению и деградации оседлой земледельческой зоны салтово-маяцкой

культуры. Значительные группы населения в X в. перемещаются на новые территории. В Восточной Европе складываются общности и появляются новые государства с развитой городской ремесленной культурой и многочисленным земледельческим населением. В Поволжье возникает новое государство – Волжская Булгария. Расцвету государства и бурному росту городов Булгария обязана двум факторам – расцвету Великого Волжского пути и массовому притоку оседло-земледельческого населения из разоренного печенегами Подонья. Кроме того, по мере ослабления военно-политического могущества Хазарии, возрастает влияние Булгарии, которая к концу X в. становится единственным государством в Волго-Уральском регионе. К этому времени страна переживает бум градостроительства, причем уже в X в. здесь возникают крупнейшие города Восточной Европы – Болгар, Сувар, Биляр и др. Археологически известны остатки 170 городищ (Фахрутдинов, 1975; Хузин, 2001). Выявлены также остатки более чем 800 селищ болгарских поселений. Все они образуют сеть с иерархией различного типа поселений, где городища играют роль городских центров, а селища – земледельческой округи (Шакиров, 2012: 37–48). Иными словами, формально являясь государством с кочевой тюркской элитой во главе, средневековая Булгария по структуре поселений мало чем отличалась от других стран Восточной и Северной Европы. Никакой устойчивой и обширной земледельческой округи и городской культуры до образования Булгарии в Среднем Поволжье не было. Булгария активно участвовала в мировой торговле по Волге и караванными путями в страны ислама. Это стало основой развития хозяйства Булгарии и особенностью религиозно-культурной ситуации, что нашло отражение в материальных древностях.

На Нижней Волге возникло несколько болгаро-огузских городов, археологические остатки которых фиксируются в Дельте Волги (городища Самосделка, Мошаик и др.) (Васильев, 2006: 22–28; Васильев, 2015: 189–267).

Новый этап становления государственности и развития процессов ускоренной урбанизации начинается в середине XIV в., когда Восточная Европа вошла в состав Улуса Джучи Монгольской империи. Единые законы, отсутствие многочисленных внутренних ограничений обеспечивало динамичное развитие оседлых поселений и развитию торговли.

Практически сразу после завоевания стали активно действовать мировые торговые магистрали, которые пришли в упадок в конце XII в. Это в первую очередь Великий шелковый путь, который проходил через территорию Улуса Джучи от Ургенча до Азака и городов Крыма, через Сарай и торговый путь по Волге и Каспию, связывая Переднюю Азию с Северной Европой. В силу своего исключительно выгодного географического положения Улус Джучи (Золотая Орда) стал средоточием целого ряда магистральных торговых путей, пронизывавших весь евразийский континент. Поволжский связывал мусульманский Восток с Северной Европой и Балтикой, черноморско-волжский соединял страны Средиземноморья через причерноморские и нижневолжские города со среднеазиатским ответвлением Великого шелкового пути, транскавказский связывал страны Ближнего Востока с Юго-Восточной Европой (Измайлов, 2006: 368–376).

Благодаря удачно сложившейся конъюнктуре в условиях войн и нестабильности на Среднем и Ближнем Востоке, вызванной монгольскими завоеваниями, вторжениями хорезмийцев и крестовыми походами, товарный поток из Китая хлынул в Европу через Поволжье. По этому знаменитому торговому пути, начинавшемуся в Китае и проходившему через Улус Джучи, шли многие необходимые для Западной Европы товары – пряности, шелк, хлопок, драгоценные камни, хлеб и рабы, а также меха и пушнина. Этот поток товаров, чрезвычайно ценившихся на рынках Европы, обогащал посредников и служил одной из основ благосостояния всех городов Дашт-и-Кыпчака. Археологически это представлено многочисленными археологическими поселенческими памятниками с широким ассортиментом ремесленных высоко технологических изделий, среди которых особенно выделяются города, занимающие огромные площади. При этом в материальной культуре прослеживается преемственность урбанистической традиции, формировавшейся в степной зоне Восточной Европы с постгуннского времени.

Сердцем Улуса Джучи были степи Дашт-и-Кыпчака и особенно Нижнее Поволжье (Федров-Давыдов, 2001; Измайлов, Зеленева, 2009: 215–225). Здесь же находились два мегаполиса Улуса Джучи – Сарай и Сарай ал-Джадид (Новый Сарай), а также другие крупные города: Хаджитархан (близ современной Астрахани), Водяное городище (Бельджамен) близ Волгограда, Укек (близ современного Саратова) и Сарайчик, которые вместе с десятками городков и поселений, их окаймлявшими, образовывали густонаселенный земледельческий оазис, тянувшийся по обоим берегам вдоль всего нижнего течения рек Волга и Урал. Необходимо особо подчеркнуть, что сама структура городских поселений в Улусе Джучи была рациональна и подчинялась социально-политическим и торгово-экономическим требованиям

и самым строгим законам логистики. Крупные города за редким исключением имели настолько удобное и выгодное местоположение, что сохранились вплоть до наших дней. Особым оседло-земледельческим регионом с развитой урбанизационной структурой являлся Болгарский улус с центром в городе Болгаре (Ситдииков, Измайлов, 2013: 16–29).

Наследницей золотоордынской урбанизации стала средневековая Казань, соединившая традиции болгарской и золотоордынской цивилизации (Хузин, 2000; Ситдииков, 2006). Возникнув как торговый и пограничный пункт, Казань стала военно-политическим и торгово-экономическим центром Приказанья, а позднее, в XV–XVI вв., и всего Волго-Уральского региона. Здесь развивались ремесла, переместившиеся из нижневолжских городов, а основой устойчивого развития стала опора на большой оседлый земледельческий регион.

Таким образом, опыт изучения урбанизации в Поволжье показывает, что географическое положение для развития городов существенно не в плане природных зон (степь, лесостепь, лес), а в удобстве расположения по отношению к торговым путям. Становление городской культуры Поволжья является результатом включения региона в процесс средневековой урбанизации, связанной с тюркским миром. В развитии материальной культуры прослеживается преемственность, истоки которой в Поволжье уходят в эпоху салтово-маяцкой культуры, особенно это касается традиций земледелия, ремесленного гончарства и железоделательного ремесла. Важными вехами в этом процессе, бесспорно, стали периоды включения регион в систему мусульманской цивилизации, а в последующем в структуру улусов Монгольской империи. Развитие городской культуры в эпоху Средневековья в Волго-Уральском тесно связано с возникновением и расцветом международной торговли по трансевразийским магистралям, соединившим регион и с Шелковым путем. Становление городов и городской цивилизации идет вслед за установлением инфраструктуры торговых путей и непосредственно связано с ними. В этом отношении средневековые города Поволжья являются «караванными городами». Возникновение городов является закономерным и естественным процессом для кочевого и оседлого населения степей Средней Евразии, он связан с концентрацией продуктов питания и различного сырья и полуфабрикатов, с их переработкой ремесленными городскими мастерскими и постоянным обменом товарами и продукцией ремесленного производства. Урбанизация в Поволжье вызвана не с получением доходов за счет военно-политической активности, а исключительно за счет выгодного расположения на пересечении различных торговых путей и роста внутренней торговли в условиях внутри- и внешнеполитической стабильности. Становление государственности и урбанизация ведут к укреплению политической власти, осуществляющей контроль над этими магистралями, и усложнению социальной структуры общества, развитию культуры и установлению связей с базовыми центрами цивилизации. Соответственно, страна, ставшая очагом новой социально-политической системы, приобретает значение системообразующего центра для тяготеющего к ней региона. Развитие городской цивилизации и развитие социальной структуры общества ведет к формированию устойчивой этнополитической и этносоциальной общности (болгары, татары).

ЛИТЕРАТУРА

- Васильев, Д.В. 2006. Местоположение и население города Саксин. К 450-летию со дня основания Астрахани. *Материалы Международной научной конференции 7–9 сентября 2006 г.* Астрахань: 22–28.
- Васильев, Д.В. 2015. Город и область Саксин в свете новых данных археологии. *Поволжская археология.* № 2 (12): 189–267.
- Измайлов, И.Л. 2004. Великий Волжский путь и распространение ислама в Поволжье. *Великий Волжский путь.* Ч. 2. Казань: 36–49.
- Измайлов, И.Л. 2006. Внешняя политика Булгарского государства. *История татар с древнейших времен. В 7 т. Т. 2. Волжская Булгария и Великая степь.* Казань: РухИЛ: 368–376.
- Измайлов, И.Л. 2011. Этнополитическое развитие Волжской Булгарии в IX–XI вв.: фактор урбанизации. *Болгарский форум I.* Казань: 97–108.
- Измайлов, И.Л., Зеленева, Ю.А. 2009. Нижнее Поволжье и столицы. *История татар с древнейших времен. В 7 т. Т. 3. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в.* Казань: 215–225.
- Крадин, Н.Н. 2007. Кочевники Евразии. Алматы: Дайк-Пресс.
- Масянова, Л.Е., Жанаев, Б.Т. (ред.). 2008. Вклад кочевников в развитие мировой цивилизации. Алматы.
- Ситдииков, А.Г. 2006. Казанский кремль: историко-археологическое исследование. Казань: ИИ АН РТ.
- Ситдииков, А.Г., Измайлов, И.Л. 2013. Город Болгар в истории и культуре. Великий Болгар. М., Казань: Феория: 16–29.
- Фахрутдинов, Р.Р. 1975. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань: Татар. кн. изд-во.

- Фёдоров-Давыдов, Г.А. 2001. Золотоордынские города Поволжья: Керамика. Торговля. Быт. М.: Изд-во МГУ.
- Хазанов, А.М. 2002. Кочевники и внешний мир. Алматы: Дайк-Пресс.
- Хузин, Ф.Ш. 1995. Великий город на Черемшане. Казань: ИЯЛИ АН РТ.
- Хузин, Ф.Ш. 2000. К вопросу о возникновении Казани как одного из центров международной торговли на Средней Волге (конец X – начало XIII в.). *Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары*. СПб.: Изд-во ИПК «Вести».
- Хузин, Ф.Ш. 2001. Булгарский город в X – начале XIII в. Казань: ИИ АН РТ.
- Шакиров, З.Г. 2014. Средневековая округа Биляра: к методике исследования поселенческой структуры и ресурсного потенциала. *Поволжская археология*. № 2 (8): 37–48.

A.G. Sitdikov, I.L. Izmaylov

MEDIEVAL VOLGA REGION IN IX–XVI CENTURIES: INTERACTION OF CITY AND NOMADIC CULTURE

In the presence of serious judgment of questions of methodology the civilisation approach, its heuristic possibilities in relation to concrete regions and cultural-historical society remain insufficiently developed. Complex historical and archaeological researches in the Volga region have shown that civilisation development in this region is connected about occurrence and international trade blossoming on the Transeuroasian trading routs. Formation of cities and a city civilisation goes after an establishment of an infrastructure of trading ways and is directly connected with them, and blossoming, lifting and decline can be connected them not only with easing of the government or the natural reasons, and with a pulsation of trading activity on different directions. The country which has become by the center of new sociopolitical system, gets value of the backbone center for region gravitating to it.

Key words: civilisation, nomadic society, city culture, urbanization, Transeuroasian trade, Great silk way, Great Volga rout, Khazaria, Bulgaria, Ulus Juchi, Kazan khanate, caravan cities.

ДРЕВНЯЯ ЦИТАДЕЛЬ ГОРОДА ТУРКЕСТАН

Е.А. Смагулов, А.А. Ержигитова

Институт археологии им. А.Х. Маргулана, республика Казахстан, Алматы

Проводимые Туркестанской археологической экспедицией Института археологии им. А. Маргулана раскопки ранних слоев городища Туркестан имеют целью исследование древнейших этапов зарождения города, и, в частности, выявление и изучение застройки его древней цитадели. Как теперь однозначно установлено, древнейшее ядро города располагалось под холмом Культобе на восточной окраине городища. Статья посвящена краткой характеристике результатов работ, полученных в течение последних сезонов исследований на древней цитадели городища. В ходе раскопочных работ получены как комплексы массовой бытовой керамики, так и отдельные уникальные находки, среди которых интересны алебастровые идола (3 экз.), найденные в слое пожара. Прослежена архитектурная эволюция древнейших этапов развития застройки цитадели, накапливаются материалы по дальнейшему развитию Древнего Туркестана в эпоху раннего Средневековья.

Ключевые слова: Туркестан, цитадель, амулет, городище, крестообразная планировка, керамика, культурный слой.

Проводимые Туркестанской археологической экспедицией Института археологии им. А. Маргулана (г. Алматы, рук. Смагулов Е.А.) раскопки ранних слоев городища Туркестан имеют целью исследование древнейших этапов зарождения города, и, в частности, выявление и изучение застройки его древней цитадели. Как теперь однозначно установлено, древнейшее ядро города располагалось под холмом Культобе, расположенным на восточной окраине средневекового городища и образовавшемся на месте древней цитадели. Данная статья посвящена краткой характеристике результатов работ, полученных в течение двух последних сезонов исследований.

В южной части раскопа 2 выявлен цокольный этаж здания крестообразной в плане формы. Безусловно, это самая ранняя постройка на Культобе, цитадели древнего города Ясы. Размеры «креста» 18 x 18 м, ширина «лучей» 7 м. Они ориентированы почти точно по направлению сторон света со смещением 8° по часовой стрелке. Концы крестовины закруглены. Стены сохранились на высоту до 3 м. Внешние стороны стен имеют небольшой положительный уклон. В этом здании открыто три помещения: центральное длинное помещение (А) ориентированное по линии В-З, размером 13,7 x 2,9 м и по одному помещению, сообщаемыми с ним арочными проходами и расположенными по обе стороны от центрального (В, С; размером 2,35 x 2,9 м) (рис. 1).

Стены крестообразной постройки возведены из пахсы и сырцового кирпича. С нижнего пола отчетливо прослеживаются две толстые пахсовые ленты без вертикальной нарезки, толщиной по 0,8 м. На

В настоящий момент в строительной истории помещения А можно выделить три этапа перестроек внутри стен. Нижний пол, вскрытый лишь на небольшом участке (2 м²) в северо-восточном углу помещения, является, возможно, основным полом помещения первого строительного периода. К последнему можно лишь добавить то, что пол этот относительно ровный.

Второй пол неровный, устроен по завалу сырцового кирпича. К моменту его устройства на нижней части стен уже существовали достаточно глубокие подмывы. У южной и восточной стен, во второй период, ставятся приклады, закрывающие подмывы. Приклады сделаны из тонких (8–9 см) лент пахсы перемежающихся рядами сырцового кирпича.

Камера, условно названная «катакомбой», относится к последнему, третьему, периоду функционирования помещения. Назвать этот период строительным можно лишь условно, так как из строительных работ был сделан только наклонный ход к камере. Сама камера имеет в плане неправильную овальную форму и вытянута по линии ЗВ. Вход вырублен в восточной стене помещения А, со сдвигом к северу. Камера размером 3 x 1,7 м, высотой от 1,4 до 1,6 м. Стенки камеры не ровные, потолку, который местами обвалился, придана сводчатая форма. На неровном полу камеры ничего не обнаружено.

Снаружи крестовидного здания с СВ, С, СЗ и З сторон на всю высоту сохранившихся стен (2,8–3,0 м) фиксировался плотный сплошной заклад сырцового кирпича на глиняном растворе. В нем изредка встречались невыразительные фрагменты керамических сосудов. Эта закладка/забутовка образовала мощную платформу для построек цитадели раннесредневекового времени.

Второй этап. С юго-восточной стороны к южному и восточному концам «крестовины» пристроен комплекс узких длинных сводчатых помещений (пом. 1а, 5, 4, 11, 12, 13) замыкающих открытый внутренний дворик (пом. 3). Общая площадь комплекса в реконструкции стала не менее чем 20 x 16,5 м. Условимся называть эту часть комплекса «юго-восточным зданием». Оно пристроено к юго-восточному сектору крестовидного здания (к восточной дуге внешнего обвода пом. С и южной дуге восточного обвода пом. А) (рис. 1). Центром планировки здания является небольшой двор (пом. 3), имеющий пятиугольную форму, в обводе трех узких сводчатых помещений (1а, 4, 5). С западной стороны его стенами являлись внешние грани стен крестовидного здания. На внешнем фасаде восточного пом. 1а зафиксирована овальная башня (пом. 1).

Здание, безусловно, спланировано и строилось одним архитектором по заданному плану. Коридоры первоначально перекрывались цилиндрическими сводами, выведенными наклонными отрезками. Проходы первоначального здания имели полуциркульные кружальные клинчатые арки. Последние два факта свидетельствуют о весьма высоком уровне проявленного здесь строительного искусства.

Стены пом. 1а и 5 со стенами «крестовидного здания» естественно не имеют перевязки. В то время как между собой пахово-сырцовые стены «юго-восточного здания» перевязаны. В пом. 5 вдоль длинных стен помещения выявлены низкие (0,3 м) суфы шириной 0,8 м. с узким (0,8 м) пространством пола между ними. В западном конце помещения на полу расчищен развал хума, на плечике которого был тамгообразный знак в виде простого креста. В ранний период пом. 5 арочным проходом в северо-восточной стене было связано с пом. 3.

В пом. 3, которое было, по всей вероятности, открытым внутренним двориком, выявлена пачка прослоек полов общей толщиной более полуметра. Пока частично зачищены три верхних слоя. На верхнем уровне глиняной обмазки обилие мелкой гальки и песка, а в полу зафиксированы идущие по кругу (диам. 3,5 м) круглые отверстия (диам. 8–12 см) глубиной 15–20 см. Отверстия заполнены преимущественно чистым речным песком. Можно предположить, что эти отверстия служили для установки основных деревянных стоек некоей круглой в плане каркасной конструкции. При частичном снятии слоев обмазки пола получен небольшой комплекс керамики, в основном это чаши-фиалы и кувшины, обилие разбитых костей МРС и КРС. По мере снятия слоев обмазки пола увеличивалось и количество цилиндрических отверстий в полу. Очевидно, каждый уровень пола связан со своей системой отверстий. В галечном верхнем слое найдены две нашитавшиеся на одежду миниатюрные круглые золотые бляшки с тисненой розеткой на поверхности.

Из этого дворика арочные проходы вели в пом. 1а, 5 и пом. 4. В последнем был устроен пандус, который выводил на верхний уровень здания (на «второй этаж»). И оно так же сообщалось арочным дверным проемом с пом. 1а. Из коридорообразного сводчатого (сохранились ряды кирпичей основания свода) помещения арочный проход первоначально вел в помещение полукруглой башни (пом. 1). Помещение этой башни было почти на всю сохранившуюся высоту заполнено окатанными булыгами среднего размера.

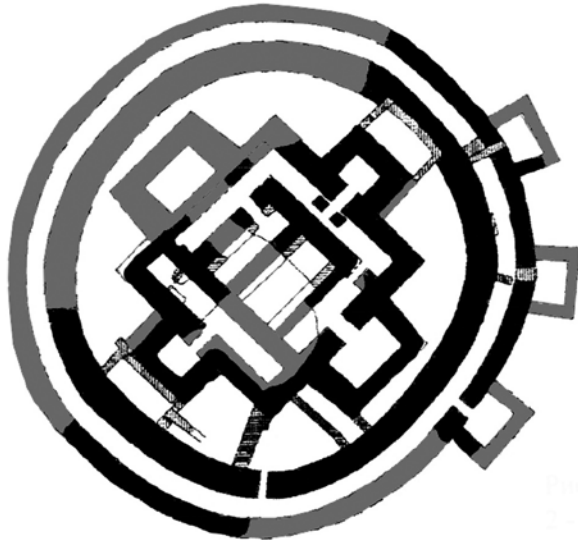
Скорее всего, в общей планировке юго-восточного здания, в середине юго-восточной и юго-западной сторон, т.е. у пом. 4 и 5, имелись аналогично расположенные овальные башни. Тогда вся планировка этого здания СГ2 приобретает черты «крестообразной планировки», характерной для ряда ранних замков (V–VII вв), исследованных в разных регионах Средней Азии (Хмельницкий, 2001: 120–132). Именно о зданиях этой планировки и подобной ей писали некоторые авторы, находя их в субстратных слоях ряда памятников Средней Азии (Шкода, 1997; Хасанов, 2004: 155–161; Богомолов, Ильясова, 2010).

Постройку в период существования юго-восточного здания вместе с крестовидным зданием в виде единого комплекса надо понимать как второй строительный горизонт цитадели (СГ2). Непосредственно после строительства юго-восточного здания происходит облицовка внешней стены «креста». Она наиболее хорошо сохранилась в северо-восточном и северо-западном секторах внешнего фаса здания. Облицовка скрывает бойницы, видимо, в связи с их полной ненужностью, что явно свидетельствует об изменении функционального назначения самого здания. Эта облицовка была сделана из желтоватого песчанистого кирпича размером 52–54 x 27–28 x 8 см на белесом растворе толщиной 11–18 см между рядами кирпича. По времени этот ремонт, видимо, близок к ремонту стен в помещении А второго строительного периода и строительству внешнего кольца крепостных стен цитадели. О том, что эта «рубашка» была построена позже юго-восточного здания, свидетельствует то, что она пристроена к торцу пом. 1а юго-восточного здания.

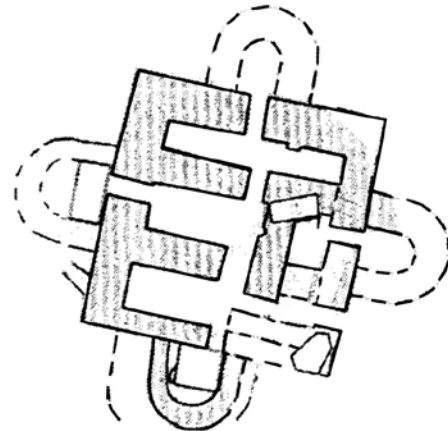
Имеющиеся аналогии архитектурным объектам цитадели Культобе и комплексу находок из его слоев датировали оба строительных этапа вскрытой застройки I–III вв. При этом необходимо отметить уникальность сложившегося сочетания в едином архитектурном комплексе двух типов древних построек встречавшихся обычно по отдельности (Смагулов, Ержигитова, Торгоев, 2011: 61–71).

В связи с открытием и изучением застройки древней цитадели Ясы, имевшей ядро из зданий крестовидной планировки, на наш взгляд, имеет смысл вновь вернуться к вопросу о «классификации» древнейших крестообразных сооружений Средней Азии. Исследователям свойственно не замечать существенных принципиальных различий в архитектуре древнейших крестообразных зданий и относить «крестовидные здания» к аморфной группе/совокупности «зданий с крестообразной планировкой». Такое нечеткое понимание структуры совокупности «зданий с крестообразной планировкой» не способствует их дальнейшему исследованию. В частности, в редком по глубине анализе культовой архитектуры Средней Азии эпохи древности и раннего Средневековья Р.Х. Сулейманов рассматривает как единую совокупность «здания с крестообразной планировкой» каунчинской культуры. Охарактеризовав планировочную структуру и особенности поминально-погребального ритуала, осуществлявшегося в «крестообразных зданиях» Шаштепа, Арктепа, Билувуртепа, автор отмечает, что «остальные сооружения этого типа, связанные, как, мы полагаем, с периодическими поминальными ритуалами культа предков, такие, как Чоль-тепа и Кызыл-Кайнар-тепа в Семиречье, Актепа Чиланзарское в Ташкенте, четырех-, а затем восьмилепестковое в плане сооружение близ Керкидонского водохранилища в Ферганской долине – все они имели следы возжигания огня, связанного с мемориальным культом» (Сулейманов, 2000: 258). Очевидно, что в данном случае автор имеет в виду не архитектурный, а ритуально-культовый тип сооружений. Но в историографии есть тенденция трактовать как единый архитектурный тип совокупность упомянутых и других подобных строений. Во избежание возможной путаницы («крестовидные» – «крестообразные») предлагаем впредь именовать здания «крестовидной планировки» зданиями «типа Кызыл-Кайнар-тобе» (рис. 2, 3, 4), а здания «крестообразной планировки» зданиями «типа Шаш-тепе» (рис. 2, 1, 2).

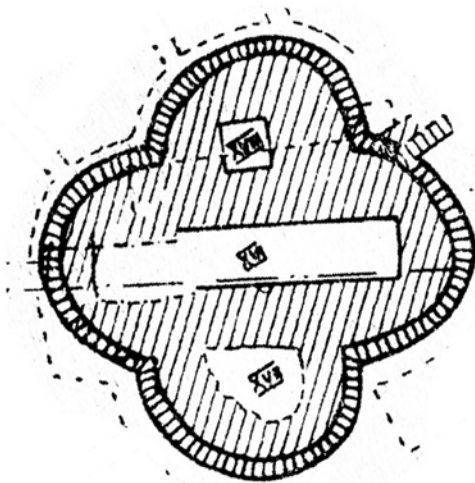
Например, в опубликованных недавно исследованиях, подвергающих критике понимание «крестообразных зданий» как культовых, хотя и постулируются верные тезисы о том, что «здания с «крестовидной планировкой» типологически не однородны и что в их развитии «можно наметить две линии», но при этом они основываются на неверном «прочтении» материалов раскопок некоторых сооружений. В частности, о «крестообразных зданиях», исследованных в свое время М.С. Мерциевым в окрестностях Тараза, сказано, что в их «овальных лопастях нет внутрибашенных помещений, они имеют монолитную структуру и лишь имитируют башни. Однако нельзя исключать и то, что этот тип культовых сооружений развивался под влиянием светской архитектуры, воссоздавая в определенном виде привычный тип престижного жилья» (Богомолов, Ильясова, 2010: 111). Однако в планировке зданий Чоль-тобе и Кызыл-кайнар-тобе, исследованных М.С. Мерциевым (планы, профили, детальные описания опубликованы; см.: Мерциев, 1966: 69–73; Мерциев, 1970: 79–87), так же как и в ядре застройки Актобе 2 Чардаринское и теперь на Культобе Туркестанском имеется одно узкое коридорообразное помещение в одной

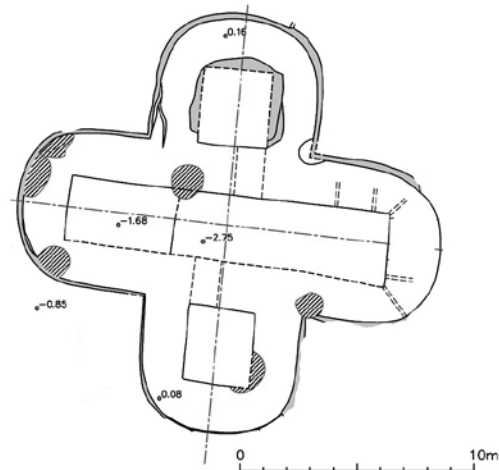
1 – план Шаштена

2 – план Мингурик

3 – план Кызыл-Кайнар-тобе

4 – план Культобе

Рис. 2. Планировки древних замков: 1, 2 – крестообразные; 3, 4 – крестовидные или «типа Кызыл-Кайнартобе»

«перекладине» креста и два подквадратных помещения по его сторонам, «в овальных лопастях» как бы образующих вторую перекладину (рис. 2, 3, 4). Эти пока известные четыре здания образуют самостоятельную группу («тип»/«линию»/«вариант»), которые для простоты следует именовать «крестовидные здания типа Кызыл-кайнар-тобе».

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

НАН РК – Национальная академия наук Республики Казахстан.

ЛИТЕРАТУРА

- Богомолов, Г.И., Ильясова, С. 2010. К дискуссии о зданиях с крестообразной планировкой в Чаче. *Традиции Востока и Запада в античной культуре Средней Азии. Сборник статей в честь Поля Бернара*. Под ред. Казима Абдуллаева. Самарканд: 106–117.
- Мерциев, М.С. 1966. Поселение Чоль-тобе в северных предгорьях Киргизского Алатау. *Вестник АН КазССР*. № 12: 69–73.
- Мерциев, М.С. 1970. Поселение Кызыл-Кайнар-тобе I–IV веков и захоронение в нем воина IV–V века. *По следам древних культур Казахстана*. Отв. ред. М.К. Кадырбаев. Алма-Ата: 79–87.

- Смагулов, Е.А., Ержигитова, А.А., Торгоев, А.И. 2011. Открытие архитектурного комплекса цитадели древнего Ясы/Туркестана. *Материалы международной научной конференции: «Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы», посвященной 20-летию независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А.Х. Маргулан. 12–15 декабря 2011.* Т. 3. Гл. ред. Б.А. Байтанаев. Алматы: 61–71.
- Сулейманов, Р.Х. 2000. Древний Нахшеб. Проблемы цивилизации Узбекистана VII в. до н.э. – VII в.н.э. Отв. ред. Э.В. Ртвеладзе. Ташкент: ФАН.
- Хасанов, М. 2004. Распространение крестообразной планировки в архитектуре Средней Азии. *Археология и история центральной Азии. К 70-летию со дня рождения академика Академии наук Республики Узбекистан Юрия Федоровича Бурякова.* Под ред. Д.А. Алимовой, А.А. Анарбаева. Самарканд: 155–161.
- Хмельницкий, С.Г. 2001. К вопросу классификации раннесредневековых замков Средней Азии. *История материальной культуры Узбекистана.* Вып. 32. Ташкент: 120–132.
- Шкода, В.Г. 1997. К вопросу о крестообразных сооружениях Средней Азии. *Верования и культы домусульманской Средней Азии. Тезисы конференции.* Государственный музей Востока: Отв. ред. Т. Мкртычев. М.: 124–133.

E.A. Smagulov, A.A. Erzhigitova

THE CITADEL OF ANCIENT TURKESTAN

The excavation of early layers of the ancient settlement Turkestan carried out by Turkestani archaeological expedition of A. Margulan Institute of archeology is aimed at research of the most ancient stages of city origin and in particular, identification and studying its ancient citadel. As now it is unequivocally stated the most ancient center of the city was located under Kultobe hill on the east suburb of the ancient settlement. The present article is devoted to the short characteristic of research results received within two seasons of researches on an ancient citadel of the settlement.

During excavation works both complexes of mass household ceramics, and separate unique findings among which interesting alabaster idols (3 copies) were found in a fire layer. Architectural evolution of the most ancient stages of development of citadel building is traced, materials on further development of Ancient Turkestan during an era of the early Middle Ages are gathered.

Key words: Turkestan, citadel, amulet, site of ancient town, cruciform planning, ceramics, cultural layer.

ИССЛЕДОВАНИЯ ДРЕВНЕГО СВЯТИЛИЩА В СКАЛЬНОМ УБЕЖИЩЕ (ЗАПАДНОЕ ЗАБАЙКАЛЬЕ)*

В.И. Ташак¹, Ю.Е. Антонова²

¹*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ;*

²*Бурятский научный центр СО РАН, Улан-Удэ*

В статье представлены предварительные результаты исследования древнего святилища в Западном Забайкалье. Святилище представляет собой площадку на вершине скалы, окруженную скальными стенками. Согласно археологическим материалам, обнаруженным при раскопках на объекте, святилище функционировало начиная с раннего железного века до Средневековья.

Ключевые слова: древние святилища, бронзовый век, железный век, Средневековье, Западное Забайкалье.

В последние пять лет на территории Западного Забайкалья ведется активное изучение территориальной организации древних святилищ как одного из важнейших источников для реконструкции духовного мировоззрения древнего населения (Ташак, Антонов, 2013; Антонова, Ташак, 2014). В рамках такой работы был открыт археологический объект, названный Скальное святилище, и начато его исследование. Указанный археологический объект находится в 7 км на восток от правого берега р. Хилок и в 11,5 км на северо-запад от северо-западной окраины с. Цолга, практически на границе Тарбагатайского и Мухоршибирского районов Республики Бурятия. Территориальная организация этого святилища напрямую связана с природным образованием – своеобразным скальным «карманом» – на краю огромного скального массива, возвышающегося над широкой долиной небольшой речки Сулхара. Скальный массив, носящий название Гэр Шулуун, венчает южный край одного из крайних южных отрогов хребта Цаган-Дабан, которые выходят в долину р. Сулхара. «Карман» локализуется с юго-западной стороны склона, представляющего собой

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Правительства Российской Федерации № 14.W03.31.0016 «Динамика народов и империй в истории Внутренней Азии».

крутые скальные стенки, обрывающиеся в узкий глубокий распадок. Превышение площадки святилища над подножием скального массива более 200 м.

В непосредственной близости от местонахождения Скальное святилище расположена серия ранее выявленных археологических объектов. На одном из южных отрогов хребта Цаган-Дабан находится святилище бронзового века Шара-Тэбсэг. На пологих шлейфах южных отрогов Цаган-Дабана зафиксированы многочисленные могильники, датирующиеся периодом от бронзового века до Средневековья. На скалистых выступах отмечены петроглифы бронзового века.

Территория святилища представлена слабонаклоненной площадкой в скальном «кармане» размерами 19 x 16 м, прямой доступ к которой затруднителен. Площадка ограничена с трех сторон (север, запад и восток) скальными выходами, которые с восточной стороны представляют 2–3 метровые отвесные скальные стенки. На юг, юго-восток площадка открыта, и отсюда открывается вид на долину р. Сулхары, однако доступ сюда с этой стороны затруднителен из-за крутого, практически отвесного, склона. Площадка имеет выраженный наклон с северо-запада на юго-восток, в южной части наклон уменьшается. По центру площадки фиксируется большой плоский камень, с южной стороны от которого в 2013 г. экспедицией во главе с В.И. Ташаком было зафиксировано скопление фрагментов керамики на поверхности и в теле дернового покрова. В 2013 г. было сделано предположение, что рыхлые отложения здесь маломощны и развиваются непосредственно на поверхности зоны дезинтеграции скального основания. В 2014 г. на месте основной концентрации материала с южной стороны от плоского камня был поставлен шурф 1 x 2 м, ориентированный длинной стороной по линии север–юг. В 2015 г. к западной стенке шурфа была прирезана площадь основного раскопа общей площадью 16 м².

Как показали раскопочные работы, основную массу рыхлых отложений в скальном «кармане» представляют продукты разрушения скал, представленные в виде дресвы и крупнозернистого песка, перемешанных с небольшим количеством супеси. Рыхлые отложения покоятся на поверхности скалы, наклоненной с запада на восток и с севера на юг.

Характер рыхлых отложений – субэраальный. Можно предполагать, что во время формирования нижнего слоя в юго-восточной части площадки существовал провал, который в первую очередь и заполнялся продуктами дезинтеграции скального основания, сносимыми по склону с северо-западной части площадки. Отсюда малая мощность слоя на остальной площади раскопа. В нижнем литологическом слое археологические материалы фиксируются лишь в верхней его части, на контакте со слоем 2, и, возможно, были втоптаны сюда во время функционирования объекта. Можно предполагать, что посещение и использование площадки началось, когда уровень южной части площадки был выровнен и удобен для использования. Верхние слои отражают небольшой склон в северо-западной части раскопа и более ровную поверхность в восточной, юго-восточной.

Святилище посещалось, вероятно, неоднократно. В результате того что дерновый покров здесь практически не развивался, а накопление отложений происходило медленно, мы наблюдаем распределение археологического материала в верхних слоях толщи отложений без стерильных прослоек (первой и второй слои). Кроме того, различные механические процессы (перетаптывание дневной поверхности, небольшое перемещение материалов вниз по склону делювиальными процессами) способствовали смещению материалов. Данный момент подтверждается тем, что фрагменты однотипной керамики залежали как на поверхности (в толще опада), так и в кровле третьего слоя. Кроме этого, по центру раскопа зафиксированы крупные сгоревшие корневища дерева, остатки корневищ фиксируются также и в разных частях стенок раскопа. При произрастании дерево своей корневой системой серьезно повредило этот участок раскопа, и многочисленные фрагменты керамики оказались смещенными. Перемещение происходило как в горизонтальной плоскости, так и по вертикали. Учитывая все вышеперечисленные факторы, считаем, что деление археологического материала по слоям в данном случае является достаточно условным и не отражает реальных эпизодов использования площадки.

По планиграфическому распространению артефактов мы наблюдаем идентичную картину для обоих слоев. Артефакты концентрируются в юго-восточной части раскопа. В остальной части артефакты представлены в небольшом количестве. Ситуация закономерна при условии, что в западной части раскопа крупные каменные глыбы появляются практически сразу под первым слоем, вершины некоторых из них фиксируются и на дневной поверхности.

Во втором слое было зафиксировано несколько интересных находок, имеющих инситуное залегание. В кв. В-6 был найден фрагмент железного ножа (представлена лезвийная часть, сохранность плохая), рядом концентрируются фрагменты керамики и несколько фрагментов костей. Непосредственно под ножом чуть ниже фиксировались отдельные металлические (железо) чешуйки очень плохой сохранности, буквально рассыпающиеся в руках. Рядом был найден фрагмент мелкой бусины. Предполагаем, что здесь мог быть представлен фрагмент ножен из органического материала с украшением из металла и застежкой в виде бусины.

Кроме находок можно предполагать и наличие структурных элементов. Например, в восточной части раскопа в подошве второго слоя и кровле третьего слоя, на границе квадратов Б-4–5 и В-4–5 была зафиксирована яма неправильной овальной формы размерами 0,5 x 0,35 м с зольно-углистым заполнением. Именно здесь были найдены наиболее крупные фрагменты костей – фрагменты ребра крупного млекопитающего и другие кости. По распространению костного материала (в основном мелкие неопределимые фрагменты костей и отдельные редкие зубы крупных травоядных) видим, что большинство из них располагается в непосредственной близости к яме. Следует отметить, что довольно большое количество керамического материала во втором слое сконцентрировано в области указанного участка, по контуру пятна. С северо-западной стороны от указанного пятна зафиксировано второе зольно-углистое пятно, где был найден второй железный нож. Верхний уровень пятен совпадает. Однако первое пятно имеет вид ямки глубиной 7 см.

Следует остановиться на распространении большого количества углей в раскопе, особенно в зоне корней сгоревшего дерева (восточная часть раскопа). Остатки этого дерева до сих пор лежат на дневной поверхности к югу от раскопа, что указывает на небольшую давность пожара. Таким образом, не все пятна прокала и углистые массы могут быть связаны непосредственно с культовой деятельностью человека, а являться следствием недавних пожаров. В качестве таковых, вероятно, следует рассматривать рыжеватый и углистый прослой в юго-восточной части, фиксируемые по восточной и южной стенкам поверх второго слоя. В связи с этим встает вопрос и о характере сожженных костей (часть мелких фрагментов обожжена).

Сохранность археологических материалов, в подавляющем большинстве представленных обломками керамических сосудов, достаточно плохая. Большинство фрагментов керамики мелкие. В подошве первого слоя фиксируются единичные рассыпающиеся фрагменты. Изделия из железа покрыты ржавчиной. Металлического ядра практически не осталось. Косвенно этот факт может свидетельствовать в пользу достаточно древнего возраста железных изделий.

Однотипная керамика встречается на разных участках толщи, поэтому представляется корректным рассмотрение массива артефактов единым комплексом, без разбивки на слои. Тем более что зафиксированы случаи апплицирования керамических фрагментов с поверхности (подъемный материал) и из второго слоя.

По составу теста, цвету и орнаментации можно выделить три основных типа керамики, представленной на местонахождении. К первому типу относится керамика светло-коричневого и светло-серо-коричневого оттенков, плотная, с умеренным содержанием крупнозернистого песка и дресвы. Сосуды плоскодонные, выполнялись на гончарном круге, хорошо профилированные, имеют отогнутый наружу венчик. В районе горлышка наблюдается валик. Сосуды скудно орнаментированы двумя параллельными линиями либо волнистой линией. На отдельных фрагментах видно вертикальное лощение.

Второй тип керамики представлен фрагментами красно-коричневого и темно-коричневого цветов с большим содержанием средне и крупнозернистого песка, и дресвы в тесте. Точно о форме сосудов судить сложно из-за большой фрагментированности керамики этого типа, к ней относится множество мелких обломков. Единичные экземпляры демонстрируют прямой венчик и, вероятно, открытую форму сосудов. Верхняя часть сосудов украшалась наклепным рассеченным валиком, под которым располагался спиралеобразный орнамент из крупных завитков.

К третьему типу керамики относятся единичные мелкие фрагменты: керамика темно-коричневого цвета с ромбическим орнаментом. Тесто содержит умеренное количество песка и дресвы в качестве отощителей.

Кроме фрагментов керамики на местонахождении найдены бусины и их фрагменты, изделия из железа, обломок неидентифицируемого изделия из бронзы, фрагменты изделия из бело-серого камня со шлифовкой, поломанное пряслице из фрагмента керамического сосуда. Пять бусин выполнено из камня. Одна из них халцедоновая прозрачного цвета с желтоватым оттенком. Бусины разнообразны по форме: шарообразные, цилиндрические, усеченный конус. Одна бусина округлая, из прозрачного зеленоватого

цвета стекла, размеры – 10 x 9 x 7 мм, диаметр отверстия – 1 мм. В теле бусины видны маленькие пузырьки воздуха. Также здесь зафиксирована мелкая бусина синего цвета цилиндрической формы, длиной 6 мм, диаметром 3 мм.

Две бусины черного цвета выполнены из богхеда. Одна из них имеет шаровидную форму, а вторая – форму усеченного конуса.

Два обломка изделия из шлифованного камня представляют собой фрагмент дуги или кольца, ширина 20 мм, толщина 6 мм. Длина фрагмента 20 мм. Обе поверхности, а также внешний и внутренний края дуги тщательно зашлифованы. Судя по изгибу, целое изделие представляло собой либо дугу, либо кольцо.

У двух найденных в ходе раскопок железных ножей фрагментирован черешок, спинка слабо выгнута, линия кромки спинки клинка плавно переходит в черешок. Со стороны режущей кромки черенок отделен плавным уступом. Лезвие прямое у одного ножа и слабовыгнутое у второго. Оба изделия покрыты ржавчиной, очень плохой сохранности.

Еще одно изделие из железа, имеющее шестиконечную форму, представляет собой центральный стержень, перпендикулярно от которого отходят 4 удлинённых шипа, располагающиеся попарно, друг напротив друга. Место соединения шипов и стержня находится на расстоянии одной трети длины стержня от одного из концов.

Представленный археологический объект интерпретируется как ландшафтное святилище, человек не возводил сооружений, а использовал созданную природой удобную форму. Труднодоступность, укромность площадки, расположенной высоко в горах, достаточно далеко от водных источников, предполагают неутилитарный характер использования этого места. Большое количество фрагментов разнотипной керамики, разнообразный характер инвентаря (ножи, бусины, прясло) указывают на интенсивность использования данной площадки, а не случайный или одноразовый характер подношений. В территорию объекта был включен весь скальный карман с площадкой, на которой была найдена керамика. Местонахождение может быть датировано широким диапазоном, начиная с раннего железного века вплоть до Средневековья. Представленный на площадке комплекс с керамикой с вертикальным лощением, железными ножами с плавным переходом черешка в спинку лезвия, керамическим пряслем и разнообразными бусинами не противоречит такому выводу. Вертикальное лощение характерно для хуннской керамики, у хуннов также наблюдается использование богхеда для изготовления украшений (Давыдова, 1985; Коновалов, 1976). Находят аналогии в материалах хуннских памятников и однолезвийные ножи со слабовыгнутой спинкой, хотя подобные ножи широко распространены и в последующее время. В то же время ромбовидный и спиралеобразный орнамент характерен для уйгурской керамики (Савинов, 2006; Худяков, 1989; Худяков, Цэвээндорж, 1982) конца I тыс. н.э. Для более точной культурно-хронологической и функциональной характеристики данного объекта предполагается продолжение исследований.

ЛИТЕРАТУРА

- Антонова, Ю.Е., Ташак, В.И., 2014. Древние святилища Западного Забайкалья: вопросы дефиниций и типологии. *Вестник бурятского научного центра СО РАН*. № 4 (16): 191–200.
- Давыдова, А.В. 1985. Иволгинский комплекс (городище и могильник) – памятник хунну в Забайкалье. Л.: Изд-во ЛГУ.
- Коновалов, П.Б. 1976. Хунну в Забайкалье (Погребальные памятники). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд.
- Савинов, Д.Г. 2006. Потомки кокэльецев на страже уйгурских городищ. *Археология Южной Сибири*. Вып. 24. Кемерово: 44–50.
- Ташак, В.И., Антонова, Ю.Е. 2013. Древние святилища Западного Забайкалья: новый этап исследований. *Вестник Бурятского научного центра СО РАН*. № 1 (9): 17–29.
- Худяков, Ю.С. 1989. К истории гончарной керамики в Южной Сибири и Центральной Азии. *Керамика как исторический источник*. Новосибирск: 134–152.
- Худяков, Ю.С., Цэвээндорж, Д. 1982. Керамика Орду-Балыка. *Археология Северной Азии*. Новосибирск: 85–94.

V.I. Tashak, Yu.E. Antonova

STUDIES OF ANCIENT SANCTUARY IN THE ROCK SHELTER (WESTERN TRANSBAIKAL REGION)

Preliminary results of the investigations on an ancient sanctuary in Western Transbaikalia are represented in the article. The sanctuary is a limited plane area on the top of a rock surround with rocky walls. According to the archeological materials found in the course of the excavations at this object, the sanctuary have being functioned from the Bronze Age until the early Middle Age.

Key words: Ancient sanctuaries, Bronze age, Iron Age, Middle Ages, Western Transbaikalia.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЗОЛОТА ПРИ ИЗГОТОВЛЕНИИ ПРЕДМЕТОВ ТОРЕВТИКИ В ПЕРИОД РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ НА ЮГЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И РЕЗУЛЬТАТАМ РЕНТГЕНОФЛЮОРЕСЦЕНТНЫХ АНАЛИЗОВ)*

А.А. Тишкин

Алтайский государственный университет, Барнаул

В ходе раскопок погребальных комплексов раннего Средневековья на юге Западной Сибири получена довольно представительная серия находок, покрытых сверху золотом. Сами изделия в основном относятся к украшениям конского снаряжения и были изготовлены из разных сплавов цветных металлов, которые устанавливаются с помощью современных приборов, в том числе рентгенофлюоресцентными спектрометрами. Наличие золота часто фиксируется визуально, но в ряде случаев его можно выявить только с применением естественно-научных методов. Важной задачей при проведении исследований является определение технологии получения золотого покрытия. Наличие следов ртути указывает на использование амальгамирования. Для получения таких доказательств были задействованы два рентгенофлюоресцентных спектрометра, имеющихся в Алтайском государственном университете.

Ключевые слова: Западная Сибирь, археологические памятники, раннее Средневековье, украшение конского снаряжения, рентгенофлюоресцентный анализ, амальгамирование, золото, ртуть.

Использование золота для декорирования различных изделий фиксируется с древности. Широко были распространены разные способы обкладки предметов золотой фольгой, полученной путем раскатывания обнаруженных самородков. Значительное количество таких находок происходит из погребальных комплексов Алтая и сопредельных территорий скифо-сакского времени. Зафиксированы разные варианты украшений деревянных, медных, бронзовых, железных и других изделий. Вещи, инкрустированные золотом, демонстрировали высокий социальный статус владельцев. Многие из них имеют историко-художественную ценность. Существует ряд приемов и способов, а также технологий декорирования золотом. Например, техника врезной и поверхностной таушировки (насечки) широко использовалась для украшения многочисленных предметов вооружения эпохи Средневековья (Мишуков, 1954). С древности было распространено амальгамирование (Минасян, 2014: 319–320). Данную технологию иногда называют «ртутным золочением». Такая процедура несложная, но она опасна из-за губительного воздействия на человека паров ртути. Чтобы получить необходимый результат, нужно было измельченное золото в достаточном количестве растворить в ртути, которая при таком процессе взаимодействия не меняла своей окраски. Затем образовавшаяся смесь (амальгама) наносилась на изделие тонким слоем. При дальнейшем нагревании предмета ртуть улетучивалась, а оставшееся золото покрывало поверхность. В итоге, обеспечивая существенную экономию драгоценного металла, достигался необходимый эффект, который, с одной стороны, решал задачу украшения изделия, а, с другой, определенным образом защищал лицевую поверхность от негативных воздействий, которые приводили к коррозии металлической основы.

Украшения конского снаряжения и детали поясной гарнитуры из сплавов цветных металлов, покрытые тонкой золотой пленкой, довольно в большом количестве обнаружены на территории юга Западной Сибири и ближайших историко-культурных областей (Могильников, 2002; Король, 2008; Горбунова, Тишкин, Хаврин, 2009; Арсланова, 2013; и др.). Такие предметы торевтики происходят из погребальных комплексов нескольких археологических культур рассматриваемого региона, среди которых особое внимание уделяется строткинской, как одной из самых изученных.

Однако, чтобы доказать наличие позолоты и понять технологию ее нанесения, необходимы не только визуальные наблюдения, в том числе с микроскопом, но и проведение специальных аналитических исследований. В ходе такой работы выяснилось, что не все современные приборы могут дать необходимую объективную информацию. Существует еще целый ряд проблем, на решение которых была направлена научно-исследовательская программа по изучению древних и средневековых предметов из цветных металлов с помощью рентгенофлюоресцентных спектрометров в рамках указанного гранта, выполняе-

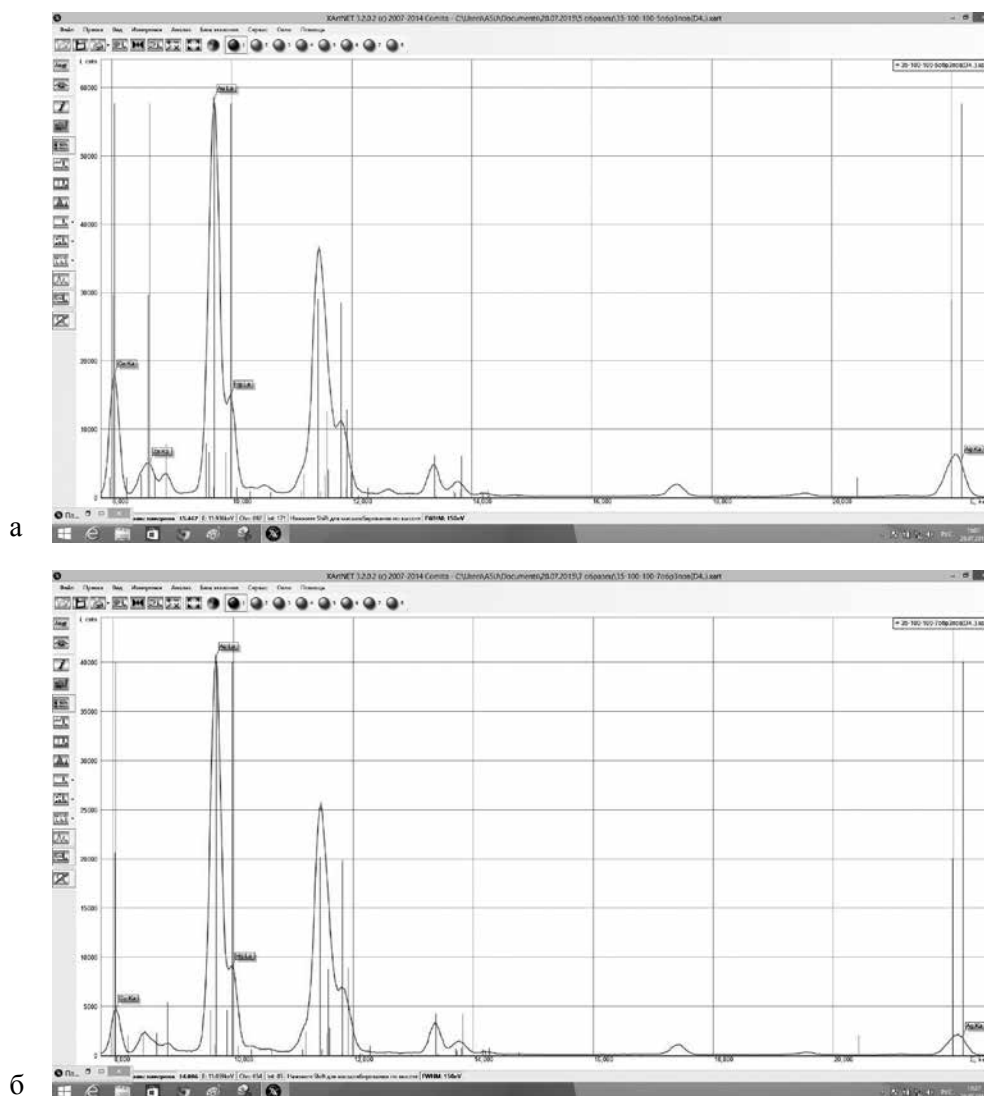
* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Правительства РФ (Постановление № 220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор № 14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

мого сотрудниками лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета (АлтГУ).

Следует отметить, что опыт работы, связанный с использованием современного спектрометра для тестирования средневековых украшений конского снаряжения, которые обнаружены на Алтае, уже имелся. Он отражен в ряде публикаций и обобщен в отдельной монографии (Горбунова, Тишкин, Хаврин, 2009). Для получения анализов на том этапе использовался комплекс ArgTAX Отдела научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа (г. Санкт-Петербург). Затем исследования были продолжены в более широком масштабе, чему способствовало наличие в АлтГУ портативного рентгенофлуоресцентного спектрометра ALPHA SERIES™ (модель Альфа-2000, производство США). При этом изучение золотых и позолоченных изделий стало отдельным направлением.

С приобретением на средства мегагранта нового приборного комплекса X-Арт М (фирма-изготовитель «Комита», Россия) был реализован эксперимент, для которого привлекались как ранее исследованные предметы, а также новые, еще неизученные. Основными источниками стали материалы из раскопок А.И. Илюшина на территории Кузнецкой котловины. Они в большинстве своем уже введены в научный оборот (Илюшин, Бутьян, 2010; Тишкин, Илюшин, 2010; Гребенникова, Илюшин, Тишкин, 2013; и др.). Также привлекались отдельные экземпляры из коллекций Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ. Все эти предметы тюркетики относятся к следующим категориям изделий: пряжки, бляхи-накладки, наконечники ремней, наносные султанчики, бляхи-подвески, налобные бляхи, распределители ремней, тренчики. Они изучались по единой программе. Сначала каждая археологическая находка тестировалась с помощью указанного портативного рентгенофлуоресцентного спектрометра с использованием специального стенда и компьютерной программы «Аналитическая», дающей возможность получать количественные показатели о сплавах из цветных металлов. Исследовательский алгоритм выглядел следующим образом. Сначала изучались поверхности предметов, покрытых окислами разного вида и толщины. Анализ производился как на лицевой стороне, так и на оборотной (если это было возможно). В ходе такой работы выявлялся элементный состав поверхности, который демонстрировал в том числе результаты внешнего воздействия и внутренних процессов, произошедших за все время с момента изготовления предмета до этапа исследования. Затем дополнительно тестировался участок, механически освобожденный от окислов (как правило, несколько раз и в разных местах). Такая процедура позволяла установить более объективные показатели основных компонентов сплава. Снятие окислов осуществлялось на оборотной стороне или на бортике, где отсутствовало золочение. Отдельно прибором производилось изучение дополнительных элементов каждого изделия (шпеньков, пластин-фиксаторов и др.), связанных с креплением на какую-либо основу. На некоторых предметах сохранились остатки кожаного ремня, что затрудняло выполнение всех намеченных исследовательских операций, но не мешало решению одной из основных задач, связанной с выявлением технологии золочения. Перечисленные этапы лабораторной работы, несмотря на быстрое получение одного результата с помощью портативного спектрометра (всего 30 с), требуют длительного времени как для их подготовки, так и при дальнейших многочисленных тестированиях.

Полученный комплекс результатов позволяет установить наличие или отсутствие позолоты, а также обозначить состав сплава, из которого был сделан сам предмет. На исследованных находках (более 90 экз.) имевшиеся следы золочения зафиксированы как на лицевой стороне, так и на бортиках. Сохранность такого декорирования разная. К сожалению, не удалось определить качество использованного золота. На оборотной стороне привлеченных изделий следы этого драгоценного металла не зафиксированы. Что касается выявленных сплавов, то они часто демонстрировали довольно устойчивую технологию изготовления бронзовых или сложнлатунных изделий. Встречалась явная переплавка неудачно сделанных вещей или просто металлического лома. Кроме этого выявлена серия предметов, основу сплава которых составляло серебро. При этом все они были сверху покрыты золочением. Такие украшения выделялись не только хорошей сохранностью, но и качеством амальгамирования. Пока трудно сказать, чем было обусловлено использование в качестве основы такого благородного металла, как серебро. Возможно, в этом есть причины технологического плана, хотя не стоит исключать приоритеты заказчиков, моду, мировоззренческие представления и т.д. Стоит также указать, что изученные разные пластины-фиксаторы, как правило, были изготовлены из меди, лишь иногда попадались из переплавленного металлического лома. Часть фиксаторов была сделана из железа, окислы которого порой существенным образом влияли на определение состава сплава.

Спектры, полученные при тестировании на комплексе X-Арт М, для выявления ртути на позолоченной лицевой поверхности: а – образец № 5, б – образец № 7

Следующая часть исследований была реализована на стационарном и более чувствительном комплексе X-Арт М, который предназначен для многопланового рентгенофлуоресцентного анализа. Он сначала работал в тестовом режиме и демонстрировал качественные характеристики состава археологических находок, а затем была дополнительно установлена компьютерная программа, разработанная фирмой-изготовителем, для фиксации количественных параметров значительного количества химических элементов. Использование двух приборов позволяет не только сравнивать и контролировать получаемые показатели, но и более эффективно изучать разнообразные древние и средневековые изделия. Полученная более объективная информация дает возможности существенно продвинуться в процессе реконструкции особенностей технологического прогресса (Тишкин, 2016).

На комплексе X-Арт М была реализована программа, основная задача которой заключалась в выявлении в золотом покрытии следов ртути для подтверждения реализованной технологии амальгамирования. В большинстве случаев это удалось сделать. В полученных спектрах (см. рисунок) хорошо фиксируется *Hydrargyrum* (Hg). Однако для нескольких предметов такой результат не был получен, хотя тестирование проводилось в разных местах имеющегося лицевого покрытия. Данное обстоятельство может быть связано с другой технологией золочения (Горбунова, Тишкин, Хаврин, 2009: 110) либо со слишком мощным слоем окислов, который не удалялся.

В процессе реализации кратко представленной научно-исследовательской программы была получена значительная серия показателей рентгенофлуоресцентных анализов. Публикация этих результатов – тема для дальнейших специальных статей. Главная цель данного сообщения заключалась в демонстрации

возможности выявления среди позолоченных предметов такой технологии золочения, как амальгамирование. Реализуемое направление будет расширено за счет дальнейшего изучения фондов Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ, а также коллекций других многочисленных музеев Алтайского края.

ЛИТЕРАТУРА

- Арсланова, Ф.Х. 2013. Очерки средневековой археологии Верхнего Прииртышья. Астана: Издательская группа филиала Ин-та археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана.
- Горбунова, Т.Г., Тишкин, А.А., Хаврин, С.В. 2009. Средневековые украшения конского снаряжения на Алтае: морфологический анализ, технологии изготовления, состав сплавов. Барнаул: Азбука.
- Гребенникова, Т.Г., Илюшин, А.М., Тишкин, А.А. 2013. Украшения конского снаряжения из кургана № 4 памятника Мусохраново-1 в Кузнецкой котловине. *Теория и практика археологических исследований*. № 2 (8): 109–116.
- Илюшин, А.М., Бутъян, В.А. 2010. Раскопки Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции 2009 г. на курганной группе Мусохраново-1. *Вестник Кузбасского государственного технического университета*. № 4: 175–184.
- Король, Г.Г. 2008. Искусство средневековых кочевников Евразии: Очерки. М.; Кемерово: Кузбассвуиздат.
- Минасян, Р.С. 2014. Металлообработка в древности и средневековье. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа.
- Мишуков, Ф.Я. 1954. Золотая насечка и инкрустация на древнем оружии. *Государственная оружейная палата Московского Кремля*. Отв. ред. С.К. Богоявленский, Г.А. Новицкий. М.: 115–136.
- Могильников, В.А. 2002. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М.: Наука.
- Тишкин, А.А., Илюшин, А.М. 2010. Рентгенофлуоресцентный анализ предметов торевтики из кургана № 3 памятника Мусохраново-1 (Кузнецкая котловина). *Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии*. Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: 94–100.
- Тишкин, А.А. 2016. Плановые исследования древних и средневековых металлических предметов с помощью рентгенофлуоресцентных спектрометров. *Междисциплинарное изучение археологи Западной Сибири и Алтая*. Вып. 2. Отв. ред. А.П. Деревянко, Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: 75–78.

A.A. Tishkin

USE OF GOLD FOR MANUFACTURING OF TOREUTIC ITEMS IN THE EARLY MEDIEVAL PERIOD (SURVEYS OF ARCHAEOLOGICAL MONUMENTS IN THE SOUTH OF WESTERN SIBERIA AND RESULTS OF X-FLUORESCENT ANALYSIS)

The excavation of early medieval burial complexes in the south of Western Siberia resulted in receiving of a fairly representative series of finds covered with gold. The objects include ornamentals of the horse equipment made of different alloys, non-ferrous metals which are studied with the help of modern equipment, including X-ray fluorescence spectrometers. The presence of gold is often recorded visually, but in some cases it can be detected only with the use of scientific methods. An important task in research is to identify the technology of the gold coating. The presence of traces of mercury indicates the use of amalgamation. The evidences were obtained with the used of two X-ray fluorescence spectrometers available in Altai State University.

Key words: West Siberia, archaeological sites, Early Middle Ages, ornamentals of horse equipment, X-ray fluorescent analysis, amalgamation, gold, mercury.

КОНТЕНТЫ ТЮРКСКОГО МАНИХЕЙСТВА В КУЛЬТУРЕ НОМАДОВ

К.У. Торланбаева

*Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова; Университет «Туран»,
республика Казахстан, Алматы*

Целью публикации является исследование образов тюркского манихейства в культуре номадов в период тюркских каганатов. Методологической основой статьи стал анализ письменных, археологических и историографических работ по тюркскому манихейству.

Результаты исследования показывают, что при идентификации манихейских артефактов возникают трудности, связанные со способностью манихеев адаптироваться к культурному окружению общества, где манихейство получило распространение. В Центральной Азии манихейские артефакты трудно различить с буддийскими, мусульманскими или христианскими. Тем не менее эти материалы существуют и говорят о бытовании манихейских общин, связанных с согдийцами, игравшими большую роль в регионе, влияние которых падает на период господства тюркских каганатов.

Ключевые слова: манихейство, согдийцы, тюркские каганаты, артефакты, погребение, письменные источники.

К началу нынешнего столетия интерес ученых к истории функционирования Великого шелкового пути расширяется в связи с существованием археологических артефактов, письменности, памятников

культуры, образцов технических достижений и других материалов из Центральной Азии, рассматриваемых в общем плане в трех направлениях: производительность, военная сила и власть торговли. Многими исследователями признается, что в Центральной Азии были распространены различные религии и существовали взаимовлияния и конкуренция между ними. Показательным является манихейство, получившее распространение в регионе посредством согдийской торговли, оставившей письменные источники и интересные с позиций репрезентации религии археологические материалы, а также сведения о связи манихейских общин с властью в тюркских каганатах. Широко разрабатываемый в научной литературе является вопрос о манихейско-буддийских, манихейско-зороастрийских и даже манихейско-даоских взаимосвязях, не говоря о влияниях манихейских гностических представлений на суфийские воззрения в исламе.

Напомним, что история манихейства после смерти основателя религии Мани была связана с передвижением этой религии из Сасанидского Ирана в различных направлениях, в том числе за пределы Амударьи и Сырдарьи. Для истории распространения манихейства в Согде А.М. Беленицкий отмечал: «Мы имеем достаточно яркие сведения о начальном этапе распространения манихейства в Средней Азии, т.е. для конца III и начала IV века. Однако для последующего времени, охватывающего более чем двухсотлетний период и остающегося до сих пор одним из самых темных периодов в истории Средней Азии вообще, мы не имеем никаких сведений. И только с конца VI в. в источниках вновь появляются известия о деятельности манихеев» (Беленицкий, 1954: 39). Путь в Центральную Азию и Китай вел по торговым путям, главными функционерами которых были согдийцы, а Согд занимал центральное место во всех торговых отношениях. Вследствие кооперации тюрков и согдийцев манихейство распространяется, достигая уже в VI в. Китая, а в 762 г. став официальной религией в Уйгурском каганате.

Археологический материал по манихейству в Центральной Азии включает в себя признанные учеными и широко исследуемые манихейские письменные источники на различных языках, настенную живопись в пещерных храмах, погребения согдийцев, в которых обнаружены манихейская иконография и другие артефакты. Все эти материалы обнаружены в Турфанском и Дуньхуанском оазисах, в Фунане и Сияне. А. Грюнведель, первый исследователь храмов в Кочо, перечисляет более пяти тысяч фрагментов рисунков, большинство из которых в рукописях манихейского происхождения (Grünwedel, 1912: 35). В результате работы немецких экспедиций оказалось, что около ста исследованных мест в Восточном Туркестане обнаружили материалы, относящиеся к манихейству. Они включали фрагменты восьмидесяти четырех священных рукописей, пятнадцать нарисованных и вышитых изделий текстиля, четыре настенные картины, отчеты А. Грюнведеля по двум кирпичным зданиям также говорят об их принадлежности манихейским общинам (Grünwedel, 1912: 21–27).

О состоянии археологических находок мы можем судить по результатам проведенной в сентябре–октябре 2007 г. экспедиции по древним городам Восточного Туркестана. В ходе ее была изучена манихейская настенная живопись, хранящаяся в коллекции Урумчинского музея. К сожалению, большая ее доля была вывезена европейскими экспедициями в XIX – нач. XX в. за пределы Китая и в настоящее время хранится в Берлинском, Британском музеях и Эрмитаже.

Уникальные климатические условия Турфанского оазиса повышенной сухости позволили сохранить настенную живопись в Безеклике, сейчас в основном здесь сохранилась буддийская настенная живопись. Относительно ее истории имеется авторитетное мнение Токао Мориясу. Он в своей монографии и ряде публикаций доказал наложение на манихейскую настенную роспись буддийской живописи. Он говорит о ранних датировках в распространении манихейства, которое просматривается при анализе настенной живописи пещеры № 25. Он заключает, что буддизм кушанского времени в оазисных государствах Восточного Туркестана к VI в. пришел в упадок, вместо него в это время распространяется манихейство, но затем в IX в. буддизм его вытесняет снова (Moriyasu, 2004: 6–8). Аргументы Т. Мориясу основаны не только на систематическом изучении слоев настенной живописи пещерных храмов в Безеклике, но и на ряде письменных источников, в основном фрагментов текстов о существовании манихейских монастырей в Кочо (Henning, 1936: 24–25; Boyce, 1975: 144–145).

Летом 2003 г. в Сияне (пров. Шанси) в ходе археологических работ было обнаружено погребение VI в. Как показали исследования, это было погребение согдийца, умершего в 579 г. в возрасте 85 лет. Это погребение интересно во многих отношениях: эпитафии на китайском и согдийском языках, социальное положение погребенного, рельефные картины со многими деталями, ясно указывающие на религиозную принадлежность изображения. Согдийская надпись называет имя погребенного согдийца; он по происхо-

ждению был из Кеша из рода Виркак, которые руководили торговыми связями в Ганьсу, его звали Сабао из Качана, т.е. он возглавлял местных согдийцев (Vaissière, 2005: 358).

Со времени открытия погребения в науке существуют различные его интерпретации, и, прежде всего, картинного рельефного ряда. Здесь видится образец искусства, основанного на смешении образов таких религий, как зороастризм, буддизм, манихейство и даосизм. Остановимся на картинах, которые следует воспринимать в едином композиционном решении всего погребения, где погребенный занимал важное место. Вместе с этим нужно отметить, что сложная детализация рельефных образов усложняет понимание, а чтение иконографических сюжетов построено на анализе других образцов искусства Центральной Азии.

В верхней части композиции погребения изображен человек в образе Будды, сидящий в форме лотоса, кажется, что он благословляет или проповедует на собрании верующих, среди которых погребенный и его супруга. Главной его особенностью является борода, что совершенно не характерно для изображений Будды. У даосов существовала легенда, говорящая о том, что Лао-цзы изображался с бородой и носил даосский головной убор. У манихеев в иконографической традиции также фиксируется изображение Мани с бородой и тиарой на голове. В нижней части этой картины группа мужчин и львов, смотрящих на скопление разных птиц, все в преклонении (Vaissière, 2005: 358–359).

Как предлагает Е. де ля Вэссиер, понимание содержания образа этого персонажа в композиции можно найти при рассмотрении трех групп людей (Vaissière, 2005: 360). Слева три человека в шиньонах, вероятно, слушающие проповедь, их лица обращены к другим слушателям, одетых в шапки и имеющие стрелы, указывающие на их принадлежность к согдийцам. Ниже трона Будды, изображены другие три персонажа в длинных одеждах и в высоких головных уборах. Присутствие всех этих трех групп людей можно принять за членов религиозной общины. Интересна последняя группа рельефной картины. По характерной длиннополой одежде и высоким шапкам они напоминают изображения на турфанских манихейских миниатюрах и настенной живописи. По манихейской иконографии в книжной миниатюре и археологическим материалам имеется специальное исследование Берлинской коллекции, в которой указано, что несомненным атрибутом манихейских избранных были длиннополые одежды белого цвета и высокие головные уборы (Gulácsi, 2001).

На правой стороне от гроба изображаются люди, переходящие мост Чинвад. В зороастризме считается, что после смерти через четыре дня душа умершего человека подходит к мосту Чинвад, где ее встречает Дева, которая измеряет ее добрые и дурные деяния, и от этого зависит, попадет ли человек в рай или ад. Вот что об этом говорится в пехлевийском сочинении «Суждения Духа разума»: «На рассвете четвертого дня она (душа) с помощью праведного Сроша, благого Ветра, могущественного Вахрама и при противодействии Аствихада, злого Ветра, дэвов Фрезишт и Низишт, злонамеренных действий Хешма, злодея с кровавой дубинкой, достигнет страшного высокого моста Чандвар (Чинвад), к которому приходят все – и праведный, и грешный. И там произойдет много споров...» (Зороастрийские тексты, 1997: 84). Относительно зороастрийских мотивов в картинах погребения из Сияня имеется интересная статья Ф. Грене, П. Рибуда и Д. Янга под названием «Зороастрийские сцены в новом согдийском погребении из Сияня, Северный Китай». Как считают авторы, погребенный был согдийцем, исповедовавший зороастризм, поэтому его похоронили в соответствии с зороастрийскими традициями, чему неопровержимым подтверждением является изображение моста Чинвад как главного атрибута перехода из земной жизни в иную. Однако в новой буддийско-даоской среде зороастрийские элементы претерпели влияние этих религий, отсюда изображение Будды с бородой, что указывает на иранское иконографическое влияние (Grenet, Riboud, Yang, 2004: 274–279).

Другое мнение о понимании изображения зороастрийского моста Чинвад принадлежит Э. де ля Вэссиеру (Vaissière, 2005: 362). По его мнению, мы видим показательный пример синкретического искусства. Мост Чинвад принадлежит к важному элементу погребального обряда, он может быть понят в соответствии с зороастрийскими текстами, однако главная его понятийная семантика проходит через восприятие перехода в иной мир. В пехлевийском тексте мост Чинвад отражает индивидуальное прохождение души человека. На этом рельефе мы видим картину того, как ритуал сопровождения в иной мир погребенного происходил в присутствии и участии многих других персонажей: его каравана и, возможно, членов его семьи. Напомним, что в буддизме и манихействе образ жизни религиозной общины представляется как караван, следующий за Бодхисатвой и Мани, которые ведут к воротам освобождения. Не этот ли караван изображен на мосту Чинвад, по которому идет и погребенный согдиец?

Авторитетное мнение Ф. Грене и других исследователей о зороастрийских мотивах рельефной композиции с мостом Чинвад обнаруживает лишь существующую прежде дискуссию зороастрийцев и манихеев, нашедшую свое отражение в синкретических картинах сияньского погребения. Согласно письменным источникам, дискуссия между зороастрийцами и манихеями началась в период ранних Сасанидов и приобрела форму религиозной неприязни, приведшую к исходу манихеев за пределы Ирана и его распространению в мире. В пехлевийских книгах мы находим одно из мнений убежденного зороастрийца, Мардан-Фарруха, о том, что «худший из ложных учителей, интеллектуально одурманивающим был Мани», а в другом месте находим обвинение Манушчихра о новшествах в очистительные обряды, принятые его братом Затспрам, первосвященником Сиркана. «Следует знать, – пишет Манушчихр своему брату, – что если бы вы говорили на собрании тогузгузов, вы нашли бы, что лишь немногие противоречат Вам». Как комментирует это послание Р.Ч. Цэнер: «Тогузгузы были не только тюркским племенем, что было достаточно плохо; они были также манихеями, что было значительно хуже» (Zaehner, 1961: 5).

Сложным вопросом в понимании археологических материалов, принадлежащих манихеям, является группа материалов найденных в разных областях Центральной Азии: Таджикистан (Пенджикентское городище), западное Семиречье Казахстана и север Кыргызстана (Таласская область), Южная Сибирь (Хакассия и Тыва) и другие места. Эти археологические находки, многообразные по составу от настенной живописи в Пенджикенте до отдельных предметов в Каялыке, косвенно указывают на бытование манихейства.

На территории Западно-тюркского каганата манихейство стало распространяться в одном из важнейших ремесленно-торговых центров тюрков и согдийцев в древнем Таласе. Талас был той страной, которую источники того времени называют Аргу-Талас, Алтун-Аргу-Талас, Аргу-Талас-Улуш. Сведения об этом содержатся в тюрко-манихейской «Священной книге двух основ» (İki yiltiz nom). Фрагменты этой «Книги» были обнаружены экспедицией А. фон Лекока в 1907 г. в селении Караходжо (Турфанский оазис). Она была написана в Аргу-Таласе для того, «чтобы пробудить веру в стране десяти стрел» (Кляшторный, 1964: 131). «Книга» была посвящена правителю из чигиль-арсланов по имени Иль-тиргюг, алп-бургучан, алп-тархан (Henning, 1977). Ее составление относится к первой четверти VIII в. Одним из тех, кто пользовался учением Мани, был Арслан Менгю. В стране Аргу были установлены четыре манихейских храма в Чигиль-балыке, Кашу, Орду-кенте и Йигян-кенте. Именно с этими манихейскими общинами связаны находки 1957 г. на территории древнего Таласа (*совр.* Тараз, Республика Казахстан). Т.Н. Сенигова выявила ряд материалов, свидетельствующих о бытовании манихейской религии у населения Таласа и его обширной округе в VI–VIII вв. Появление и утверждение манихейства в Таласе, расположенном на скрещении транзитных дорог «Восток–Запад», были связаны с активной внешне-торговой и миссионерской деятельностью Согда, сильная манихейская община которого существовала наряду с зороастрийской и занимала важное место во всех сферах жизни (Зуев, 2002: 185). Поэтому у наследников западных тюрков тюргешей, ополчившихся против завоевателей арабов, имелись не только политические и экономические, но и религиозные мотивы. Сменившие власть тюргешских каганов карлуки также оказывали сопротивление носителям ислама, и хотя в этот период арабское влияние распространилось на такие тюркские города, как Талас, Фараб, Испиджаб, они оставались наиболее спокойными владениями арабов.

О бытовании манихейства у карлуков также имеются археологические сведения. В городище Каялык (около г. Сарканд, Республика Казахстан) на протяжении 10 лет Институтом археологии ведутся раскопки комплекса археологических памятников и близлежащих территорий. Важным составляющим городища являются раскопки храмовых сооружений, определяемых археологами как манихейские и мусульманские, относящиеся примерно к X–XIII вв. Городище Каялык относится ко времени Карлукского каганата, расположенное в Илийской долине, через него проходил караванный путь в Китай. В период монгольского завоевания Каялык подвергся уничтожению, свидетельства пожара, полыхавшего в это время, обнаружено в ходе раскопок.

Таким образом, при идентификации манихейских артефактов возникают трудности, связанные со способностью манихеев адаптироваться к культурному окружению общества, где манихейство получило распространение. Поэтому с определенной точностью указать на археологические остатки как свидетельства бытования манихейства сложно. В Центральной Азии манихейские артефакты бывают совершенно неопределяемыми с буддийскими, мусульманскими или христианскими. Тем не менее эти материалы существуют и говорят о бытовании манихейских общин, связанных с согдийцами, игравшими полити-

ческую, культурную и экономическую роль в регионе, расцвет которых падает на период господства тюркских каганатов.

ЛИТЕРАТУРА

- Беленицкий, А.М. 1954. Вопросы идеологии и культов Согда по материалам пенджикентских храмов. *Живопись древнего Пенджикента*. М.: Наука: 27–82.
- Зороастрийские тексты, 1997. Суждения Духа Разума (Дадестан-и меног-и храд). Введение, транслитерация пехлевийского текста, перевод и комментарий. Издание подготовлено О.М. Чумаковой. М.: Вост. лит.: 325 с.
- Зуев, Ю.А. 2002. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы: Дайк-Пресс: 332 с.
- Кляшторный, С.Г. 1964. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М.: Наука.
- Boyce, M.A. 1975. Reader in Manichaean Middle Persian and Parthian. Text with Notes. Acta Iranica IX. Lieden: Brill: 196.
- Grünwedel, A. 1912. Altbuddhistische Kultstätten in Chinesisch Turkistan, Bericht über archäologische Arbeiten von 1906 bis 1907 bei Kuča, Qarašahr und in der Oase Turfan. Berlin: Verlag der Königlichen Akademie der Wissenschaften: 60.
- Gulácsi, Z. 2001. Manichaean Art in Berlin Collections. *Corpus Fontium Manichaeorum. Series Archologica et Iconographica*. Tunhout: Brepols: Vol. 1: 282.
- Henning, W.B. 1936. Ein manichäisches Bet und Beichtbuch. *APAW*: n. 10.
- Henning, W.B. 1977. Argi and the «Tokharians». Selected papers. Lieden: 548.
- Moriyasu, T. 2004. Die Geschichte des uigurischen Manichäismus an der Seidenstrasse, Forschungen zu manichäischen Quellen und ihrem geschichtlichen Hintergrund. Übersetzt von Christian steineck. *Studies in Oriental Religions*. Wiesbaden: Vol. 50: 292.
- Vaissière, E. de la. 2005. Mani en Chine de VI-e siècle. *Journal Asiatique*. Vol. 293, N1: 357–378.
- Zaehner, R.Ch. 1961. Dawn and Twilight of Zoroastrianism. The Pahlavi Books. N.Y.: Putnam: 181 p.

K. Torlanbaeva

THE CONTENTS OF THE TURKIC MANICHAISM IN THE CULTURE OF NOMADS

The purpose of the publication is to study the images of the Turkic Manichaeism in the culture of nomads during the period of the Turkic Khaganates.

The methodological basis of the article was the analysis of written, archaeological and historiographical works on the Turkic Manichaeism.

The results of the research show that when identifying Manichaean artifacts, difficulties arise due to the ability of the Manichaeans to adapt to the cultural environment of society, where Manichaeism has spread. In Central Asia, Manichaean artifacts are difficult to distinguish from Buddhist, Muslim or Christian artifacts. Nevertheless, these materials exist and talk about the existence of Manichaean communities associated with Sogdians, who played a big role in the region, whose influence falls on the period of the domination of the Turkic Khaganates.

Key words: Manichaeism, Sogdians, Turkic Kaganates, artifacts, burial, written sources.

ДРЕВНИЕ ГОРОДСКИЕ ЦЕНТРЫ ВЕРХНЕГО ЕНИСЕЯ

Д.К. Тулуш

*Тувинский институт гуманитарных и прикладных
социально-экономических исследований, Кызыл*

В статье представлено общее описание древних городских центров, существовавших на территории Тувы с периода хунну до возникновения Монгольской империи. Изучение основных характерных элементов градостроительных памятников каждого исторического периода позволило выделить 4 типа памятников, возводившихся, в первую очередь, на берегах Енисея и Хемчика: городища с земляными валами, глинобитные крепости и городища, каменные крепости и наблюдательные пункты, неукрепленные административно-ремесленные города.

Ключевые слова: Енисей, города, Средневековье, городские центры.

Республика Тыва (Тува) расположена в самом центре азиатского материка и представляет собой уникальный в историческом плане регион. С севера и востока Тува ограничена высокими хребтами Западного и Восточного Саян, с запада – Алтайским нагорьем, на юге – хребтами Обручева и Танну-Ола. Они образуют Тувинскую котловину, по которой протекают р. Енисей (тув. – Улуг-Хем) и ее левый приток – Хемчик.

Несмотря на естественные преграды, обширные территории Тувы (более 170 тыс. км²) постоянно входили в зону политических и военных интересов древних государств Центральной Азии, возникших

в степях Монголии. Этому способствовали наличие широких удобных пастбищ и разветвленной сети водных артерий. Тува часто становилась форпостом или пограничной зоной кочевых империй. Отсюда конные отряды кочевников могли пройти горными тропами в высокогорный Алтай на западе, в плодородные равнины Хакасско-Минусинской котловины на севере, а также на восток в Забайкалье.

Открытия последних десятилетий показывают, что кочевникам Центральной Азии не были чужды навыки градостроительства и фортификации. Городища, крепости, протяженные валы и наблюдательные пункты, возведенные в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э., играли особую роль в истории хуннов, уйгуров и енисейских кыргызов.

В настоящей статье дан обзор основных городских центров, выявленных и исследованных в долине Верхнего Енисея, на территории современной Тувы. При этом под термином «городской центр» понимаются как отдельные городища, так и группы памятников, в том числе не имеющие фортификационных сооружений. Исследуемый период охватывает широкий хронологический период – от хуннского государства (III в. до н.э. – I в. н.э.) до возникновения Монгольской империи (XIII–XIV вв.), когда на территории Тувы происходит строительство укрепленных городищ, крепостей, наблюдательных пунктов, а также торгово-ремесленных и административных центров (факторий).

Почти все древние городские центры Тувы связаны с бассейном Верхнего Енисея. Это неудивительно, т.к. в древности берега крупных рек являлись наиболее привлекательными местами обитания и, в то же время, служили естественными границами между народами и государствами. Лишь отдельные памятники расположены в удалении от водных ресурсов (Целинное, Кочетово).

Анализ материалов советских и российских исследователей, а также собственных разведочных обследований, проведенных в 2006–2015 гг., позволил обобщить в данной статье основные характеристики древних городских центров Тувы и проблемы, связанные с их изучением.

Первые фортификационные сооружения на территории Центральной Азии возникают в период существования государства хунну (III в. до н.э. – I в. н.э.). Шаньюй Модэ, ставший во главе государства в 205 г. до н.э., ввел систему управления и формирования армии по образцу империи Тан. В его правление возникают городища и крепости, окруженные высокими глинобитными валами, схожие по своим архитектурным элементам с китайскими городами. Строительство городов велось на р. Орхон в Монголии – центре Хуннского государства, а также в Забайкалье, Хакасско-Минусинской котловине, Туве и на Алтае.

Хунны были разбиты племенами сяньби, вслед за ними центральноазиатские степи захватили жузжане, а позже – тюрки. Существует вероятность, что в эти периоды также строились города, но археологических данных, подтверждающих их существование и местоположение даже на территории Монголии, пока нет.

Падение Второго Тюркского каганата привело к возвышению над тюркскими племенами уйгуров – одного из древнейших племенных союзов Центральной Азии. В период Уйгурского каганата (745–840 гг.) вновь идет рост городов – военных, административно-культурных и торгово-ремесленных центров. Тува имела большое значение для Уйгурского каганата. Городища-крепости, расположенные по левому берегу р. Енисей и в бассейне р. Хемчик составляли пограничную линию, направленную против племен енисейских кыргызов, занимавших территорию Минусинской котловины. Каменный вал высотой до 3 м связывал между собой городища (среди местного населения прочно закрепилось наименование «Дорога Чингисхана»).

Заручившись поддержкой енисейских кыргызов, в 820 г. против уйгуров восстали местные племена – чики, азы и дубо. В 840 г. уйгуры были вытеснены в Восточный Туркестан, а территории современной Тувы и Монголии вошли в состав Кыргызского каганата (IX–XI вв.). В настоящее время нет сведений о строительстве кыргызами городов в Монголии и Туве, хотя городские центры этого периода в Минусинской котловине известны.

Завоевание территории Тувы монголами также оказало большое влияние на развитие градостроительства – в XIII–XIV вв. в долине р. Элегест, крупного левого притока Енисея, возникло несколько торгово-ремесленных или административных городов без оборонительных сооружений, но игравших, вероятно, большую роль в регионе.

Несмотря на большую исследовательскую работу, проведенную в середине XX в. советскими археологами С.В. Киселевым, Л.А. Евтюховой, С.И. Вайнштейном, Л.Р. Кызласовым и др., вопросы датировки, типологии, культурной принадлежности и роли городищ в истории Центральной Азии остаются открытыми. Это связано с незначительностью или полным отсутствием культурного слоя, малочисленностью

керамики, недостаточной изученностью фортификационных сооружений и строительных технологий.

Исследования, проведенные за последнее десятилетие, позволяют предположить, что древние поселения Тувы можно разделить на четыре типа памятников:

- укрепленные городища с земляными валами, высота которых не превышает 1 м;
- укрепленные городища и крепости с глинобитными стенами, высотой более 2 м;
- каменные укрепленные пункты и участки оборонительного вала;
- неукрепленные торгово-ремесленные или административные городища.

К первому типу нами было отнесено 9 памятников, расположенных, в основном в центральной и западной Туве (Целинное, Катълыг 5, Кочетово, Барык, Сенек, Ийме, Баян-Тала, Тээли 5, Чоон-Терек). Они явно выбиваются из общей массы параметрами стеновых конструкций. Проведенные в 2011–2013 гг. разрезы стеновых конструкций показали, что эти памятники сооружались сплошной забутовкой глиняно-земляного раствора. Ширина основания стен была не более 3–3,5 м, но в наши дни валы расплылись на 10–20 м. Исходя из этого был сделан вывод о значительной древности исследуемых памятников, превышающей время существования уйгурских памятников. Сопоставление с аналогиями из сопредельных территорий показало, что сходные конструкции наблюдаются на территории Монголии и Забайкалья (Данилов, 2004). В первую очередь, это памятники, связанные с культурой хунну и представляющие собой укрепленные поселения земледельцев. Они расположены в плодородных долинах на расстоянии 3–5 км от берега р. Енисей, чаще на берегах его притоков – Барык, Сенек и др. Вокруг некоторых памятников фиксируются следы древних оросительных каналов, огибающих валы городищ или напрямую связанные с внешними рвами.

Вторая группа памятников с высокими глинобитными стенами представлена 10 памятниками (Пор-Бажын, Шагонар 1, Шагонар 2, Шагонар 3, Шагонар 4, Бажын-Алаак 1, Бажын-Алаак 2, Балгаш-Бажын, Элде-Кежиг, Малгаш-Бажын), которые уверенно датируются по находкам, а также по строительной технологии «хан-ту», характерной для эпохи Тан (VI–IX вв.), периодом Уйгурского каганата. С этими же памятниками, несомненно связан третий тип – каменные укрепления на горных вершинах (Устьэлегестинская крепость, Боом) и оборонительный вал («Дорога Чингисхана»), связывавшие глинобитные городища между собой.

Следует отметить, что пять из перечисленных выше памятников – новые, выявлены в период с 2006 по 2013 г., в основном посредством дистанционных методов исследования. Изучение аэро- и космоснимков и последующие выезды на местность позволили подтвердить наличие памятников Целинное, Барык, Сенек, Кочетово и Боом, а также определить точное местонахождение городищ Баян-Тала (Малгаш-Бажын), Чоон-Терек (Тулуш, 2013).

Отсутствие точного описания и координат местоположения не позволило изучить ряд памятников, отмеченных в литературе ранее – городищ у р. Манчурек, близ с. Дон-Терек, Алдан-Маадыр, а также V Шагонарского (Кызласов, 1969, 1981). Можно предположить, что Л.Р. Кызласов получил сведения об этих памятниках от информаторов или они были осмотрены только визуально, что не позволило оставить подробных сведений о них.

Четвертый тип памятников локализован в плодородных землях междуречья Элегеста (левый приток Енисея), Межегея и Дургена, что позволяло решить проблему водоснабжения как городов, так и сельскохозяйственных угодий. Древнемонгольские города на территории Тувы были изучены в 1950–1960-х гг. Л.Р. Кызласовым. Экспедиция Московского государственного университета под его руководством провела археологические исследования памятников на берегах р. Элегест: Дон-Терек (исследовался в 1956–1957 гг.), Могойское (обнаружено в 1960 г.), Межегейское (открыто и исследовано в 1960 г.), Элегестское (открыто в 1960 г.). Кроме них экспедиция выявила и обследовала в 1957–1958 гг. городище Оймак, расположенное на территории Улуг-Хемского района (Кызласов, 1965: 60–62).

Состояние древнемонгольских городищ можно оценить как неудовлетворительное. Под влиянием факторов природного и антропогенного характера происходит разрушение древнемонгольских городищ – ценных, но малоисследованных памятников. Не были обнаружены (скорее всего, разрушены) памятники Эртине-Булак и Элегестское. С учетом того что частичные раскопки древнемонгольских памятников Могай, Дон-Терек и Межегейское производились только в 1957–1960-х гг., в настоящее время назрела необходимость проведения их полномасштабного научного исследования. Раскопки, проведенные в 1960 г. на Межегейском городище, показали, что здания выстроены в архитектурных традициях XII–XIII вв. (Кызласов, 1969: 138–148). Весной 2011 г. были найдены фрагменты искусно выполненного

барельефа, вероятно, изображения дракона – традиционного украшения дворцовых комплексов, а близ центрального здания городища были подняты две древнекитайские монеты, предположительно, начала XIV в. (Тулуш, 2012: 238–239).

В настоящее время известны сведения о двух наблюдательных пунктах, 21 укрепленном городище и 5 неукрепленных городах на территории Тувы. Большинство отнесено к Средневековью – периодам Уйгурского каганата и Монгольской империи, но некоторые можно датировать эпохой хунну. На некоторых городищах были выявлены фрагменты керамики гунно-сарматского типа – Бажын-Алаак (Щетенко, 1995: 173–179), Целинное и Барык. Возможно, они функционировали до развитого Средневековья. Особенность хуннских памятников – возведение глиняно-земляного вала, реже – глинобитное строительство, а также использование землянок и полуземлянок. О наличии городищ эпох Сяньби, Жужаней, а также тюркского времени неизвестно.

Древнеуйгурские городища были выстроены по южным берегам рек Енисей и Хемчик и представляли собой протяженную оборонительную линию из небольших, но надежных крепостей (Боом, Элегест, I Шагонарское городище, Бажын-Алаак 2, Балгаш-Бажын, Малгаш-Бажын и др.). Несколько городищ находились южнее оборонительной линии и представляли собой административные и торгово-ремесленные городские центры: Бажын-Алаак 1 и группа шагонарских городищ.

Кроме двух каменных наблюдательных пунктов, в Туве не выявлено укрепленных сооружений типа све в Хакасии, а также древнекыргызских городов. Однако обнаружение на древнеуйгурских городищах фрагментов кыргызской керамики позволяет утверждать, что они использовались некоторое время после поражения и бегства уйгуров.

Во все исторические эпохи градостроительство на территории Тувы тяготело к крупным водным ресурсам – р. Енисей и ее притоков (Элегест, Барык, Шагонарчик, Чааты, Хемчик, Ак-Суг, Манчурек и др.). Если для памятников хуннского времени характерно строительство городов в плодородных речных долинах, то древние уйгуры предпочитали более функциональное использование прибрежной зоны Енисея и Хемчика как пограничного оборонительного рубежа. Их протяженная фортификационная линия, обращенная дугой против енисейских кыргызов, длительное время была важным фактором сдерживания северных соседей. Совершенно другая картина вырисовывается в период Монгольской империи, когда отпадает необходимость в защите от внешних врагов и возникает необходимость не допустить мятежи и сопротивление отдельных городов. Территория Тувы в этот период была, по предположению Л.Р. Кызласова, разделена на области Кянь-чжоу с центром Оймак и Илань-чжоу с центром Дон-Терек (Кызласов, 1965: 60). Здесь развивается ремесло, земледелие, что отражается на внешнем виде городских центров, располагавшихся на протяженных участках. Можно предположить, что городища Межегейское, Элегестское, Дон-Терек, Эргине-Булак и Могай были лишь отдельными районами крупного города, разделенного руслами небольших рек.

В заключение можно констатировать, что, несмотря на исследования конца XIX–XX вв., древние города Тувы требуют дальнейшего исследования. Остаются актуальными вопросы определения даты их строительства, примененных технологий, функционального назначения, а также проблемы сохранения на современном этапе.

ЛИТЕРАТУРА

- Данилов, С.В. 2004. Города в кочевых обществах Центральной Азии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН.
- Кызласов, Л.Р. 1965. *Древнемонгольские города*. М.: Наука: 59–119.
- Кызласов, Л.Р. 1969. История Тувы в средние века. М.: Изд-во Моск. ун-та.
- Кызласов, Л.Р. 1981. Культура древних уйгур. *Степи Евразии в эпоху средневековья. Серия: Археология СССР*. М.: 52–54.
- Тулуш, Д.К. 2012. Археологическая разведка фортификационных сооружений Тувы (предварительные итоги полевого сезона 2011 года). *Археология, этнология и антропология Евразии. Исследования и гипотезы: Материалы докладов ЛII Региональной (VIII Всероссийской с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых, посвященной 50-летию гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета*. Новосибирск: 238–241.
- Тулуш, Д.К. 2013. Опыт применения метода дистанционного аэрокосмического зондирования для выявления фортификационных сооружений на территории Республики Тыва. *Современные решения актуальных проблем евразийской археологии*. Барнаул: 106–110.
- Щетенко, А.Я. 1995. Бажын-Алаак – городище уйгурского времени в Туве. *Южная Сибирь в древности*. СПб.: 173–179.

D.K. Tulush

ANCIENT CITY CENTERS OF THE UPPER YENISEI

In article presents a general review of the Ancient settlement centers from Hunnu period to Mongol Empire on the territory of the Republic of Tuva. Studying of basic characteristic elements of settlement monuments of each historical period possible to distinguish 4 types of monuments allocated on the banks of Yenisei and Khemchik rivers: ancient settlements with earth ramparts, clay fortresses and ancient settlements, stone forts and observation posts, unfortified administrative and craft cities.

Key words: Yenisei, cities, medieval, city centers.

К ВОПРОСУ О ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ ГУННОВ ВОСТОЧНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ

И. Фодор

Национальный музей Венгрии, Венгрия, Будапешт

Автор в своей компаративной работе проводит краткий обзор развития европейской гуннской археологии, особое внимание уделено русской и венгерской археологии. Исследователи долгое время сотрудничали. Сейчас наступило время для сопоставления достижений в России и Венгрии, которые дополняют друг друга.

Ключевые слова: курганы с сожжением, Т.М. Минаева, П. Рау, Н. Феттих, поминальный обряд, погребальные костры, жертвоприношения в ямах, Саратовское Поволжье, Карпатская котловина, погребения с труположением.

1. В истории изучения погребального обряда европейских гуннов определяющее значение имеют открытия археологов Нижнего Поволжья в 20-х годах прошлого столетия. Мы имеем в виду профессора Саратовского университета П.С. Рыкова, его ученицу Т.М. Минаеву и не в последнюю очередь яркого талантливого немецкого археолога Паула Рау (или Павла Давыдовича Рау). Несмотря на тяжелые условия тех лет, они провели масштабные полевые работы и на основании добытых ими новых материалов создали отрасль раннесредневековой археологии: европейскую гуннскую археологию.

На этом нелегком пути первым этапом, вероятно, мы можем назвать работу Т.М. Минаевой. В 1927-м г. она в Саратове опубликовала свою обширную статью о новом типе раннесредневековых курганов, открытых в своем большинстве на территории Автономной Републики немцев Поволжья (Минаева, 1927). Она начинает свою статью описанием двух небольших курганов, открытых П.С. Рыковым к юго-востоку от г. Покровска (ныне Энгельск) осенью 1925 г. (Рыков, 1926). (Курганы 17 и 18). Их диаметр 12 и 10,5 м, высота 45 и 60 см. На глубине 20 см от поверхности располагается сожженный слой, в котором найдены предметы вооружения, украшения конского снаряжения, кости животных (главным образом барана), металлические части седла со следами огня и кости коня без следов огня. В пережженном слое нет человеческих костей. Однако, несмотря на это обстоятельство, автор достаточно уверенно заявляет: «В обоих курганах, очевидно, имеем трупосожжение» (Минаева, 1927: 91). И далее: «...где-то на стороне было совершено полное сожжение покойника, так как в могилах не оказалось человеческих костей, если не считать за таковые небольшое число очень мелких костных обломков. С покойником были брошены в огонь его вооружение – меч, колчан со стрелами, лук и сбруя его коня. Остатки сожжения – пепел, зола, угли, поломанные и помятые, то более, то менее сильно обожженные вещи были собраны, перенесены на другое место, положенные просто на поверхности земли, без могильной ямы, даже не ограждены ничем и засыпаны землей» (Минаева, 1927: 92). Тут же автор отмечает, что кости коня не были обожжены, кости барана и костяные обкладки лука тоже не носили следов огня. Причиной этого является, как она пишет, то, что они были положены в некотором отдалении от сжигаемого, а потому не подвергались сильному жару (Там же).

После этого автором были проанализированы материалы раскопок М.Р. Самоквасова 1884 г. у с. Новогригорьевки на Дону, памятника Печусог в Венгрии¹, где были найдены вещи на небольшой глубине без человеческих костей, и также погребения с труположением IV–V вв. с аналогичным инвентарем и нередко с костяками с деформированным черепом. (Минаева, 1927: 94–120)². Т.М. Минаева датировала исследованный ею материал IV–V вв. н.э. (Минаева, 1927: 121, 123). Эта датировка остается

¹ Надо отметить, что Печусог впервые был правильно оценен и датирован Т.М. Минаевой.

² Т.М. Минаева и сама опубликовала два таких кургана из раскопок П.С. Рыкова у станции Шиповской (Minajeva, 1929). В кургане 3 найдено погребение, в котором был костяк с деформированным черепом (Maslovski, 1929).

в силе и в наши дни. Т.М. Минаева предполагала, что в указанное время с востока переселилось на территорию Нижнего Поволжья население, которое принесло с собой новые элементы погребального обряда, в том числе и традицию сожжения. В отношении этнической принадлежности пришельцев она пишет: «Приведенные, бегло рассмотренные примеры, я полагаю, говорят о том, что и ритуал погребения могил с сожжением в некоторых основных чертах являются продолжением сарматского погребального обряда предшествующего времени» (Минаева, 1927: 121). Тут же отмечено, что найденная П.С. Рыковым керамика в могилах также подтверждает данное заключение. О погребениях с сожжением она добавляет, что в них хоронили только мужчин с оружием, украшениями, конской сбруей, конем и не было женских погребений. «Возможно, – продолжает автор, – что сожжению подвергались лица известного социального положения, а рядовые члены общества хоронились через труположение в могильных ямах или просто на материке» (Минаева, 1927: 122).

Немного позже к этой же проблеме обратился П. Рау. В 1926–1927 гг. на территории Немецкой Автономии он открыл 7 курганов подобного типа с сожжением. В четырех из них слой сожжения располагался на древней поверхности и был покрыт небольшим слоем земли, а 3 были в насыпи более ранних курганов. В обожженном слое найдены оружия, принадлежности конской сбруи, кости коня и барана и за пределами обожженного пятна обнаружены также кости животных и сосуд или черепки сосуда. Рау особо подчеркивает, что нигде не найдены следы человеческого трупосожжения. На всех вещах видны следы пребывания в огне. П. Рау обратил внимание, что такие черты погребального обряда неизвестны у сарматов (Рау, 1927: 11, 73–76, 78).

Однако П. Рау посвятил и специальную работу проблеме курганов с сожжением в сборнике РАНИОН 1929 г., изданном в честь 40-летия научной деятельности В.А. Городцова (Рау, 1929). Тут он выражает свое полное согласие с выводами Минаевой, сделанными на основе анализа вещевого материала и с ее датировкой. Рау сосредотачивает свое внимание на вопросе выяснения характера сожжений в курганах, главным образом на материалах своих раскопок и собственных наблюдений. (Рау, 1929: 431)¹.

В курганах, где остатки обжига были расположены на поверхности земли, Рау наблюдал, что для них были выложены квадраты из тонких бревен дуба и березы длиной 2,5–3 м. Значит, для костров устроили на месте специальные площадки (Рау, 1929: 432–433; Засецкая, 1971: 66; 1994: рис. 1). Особенно важным оказалось следующее наблюдение автора: «При обзоре кострищ D/12, D/47, E7 и E13, сохранившихся в некоторой части в непо потревоженном виде, можно установить следующую общую всем черту: от действия костра имеется больший или меньший прокол почвы как в подстилающем, так и в покрывающем слое, мощностью до 10–15 см. Это наблюдение очень важно, так как из него следует, что костры были сожжены на том самом месте, где находится покрытое насыпью кострище» (Рау, 1929: 433–434). Данное открытие автора подтверждается и чередованием слоев в центре курганов: угли между двумя слоями пережженной почвы. Рау заметил также в насыпи курганов следы ограбления (ямы и пр.), которые раньше остались незамеченными для Рыкова. Минаева же явное отсутствие некоторых вещей (оружия, некоторых деталей сбруи и пр.) объясняла тем, что сожжение было в другом месте, а после этого не все вещи были перенесены к курганам (Рау, 1929: 434).

В конце статьи П. Рау уверенно заявляет, что в указанных курганах с сожжением нигде не были найдены следы человеческих погребений или трупосожжений, кроме приведенных доказательств это подтверждается и тем, что в остатках сожжения везде сохранились кости, значит, не смогли быть полностью уничтожены и человеческие кости. О назначении сожжений Рау обращает внимание на сосуд, найденный в яме под насыпью кургана D42. По его мнению, это «...заставляет думать о каком-то жертвенном обряде, следами которого следует, по-видимому, считать и кости животных» (Рау, 1929: 435).

В настоящее время можно уверенно сказать, что П. Рау внес ясность в археологию Нижнего Поволжья по двум весьма важным вопросам: 1. Доказал, что на указанной территории в IV–V вв. с востока появился новый народ, отличающийся от сарматов, и выявил важнейшие черты их погребального обряда, заложив этим основы археологии европейских гуннов. (Хотя он и не указывал их этноним). 2. Он подверг основательной критике предположение о существовании у гуннов обряда трупосожжения.

Эти достижения талантливого молодого ученого, который в своей короткой жизни даже до университетского диплома не имел возможность доучиться, признают все ведущие ученые-археологи и в России

¹ Тут уместно отметить, что Т.М. Минаева не сама копала те курганы, которые она включила в свою работу, она только присутствовала на раскопках П.С. Рыкова (см.: Минаева, 1927: 91).

и за рубежом. Однако все же мы не можем с удовлетворением констатировать, что его открытия внедрены в нашу науку. Часто нам приходится читать даже в хороших монографиях о «гунно-сарматах», о их культуре, хотя сейчас этот термин является анахронизмом. Так же, как и вера в существовании обряда трупосожжения у гуннов.

2. Археологические памятники гуннов в Венгрии были правильно оценены весьма поздно, только в начале 30-х годов прошлого столетия. Главной причиной этого мы можем назвать необоснованную точку зрения очень авторитетного в то время венгерского археолога Йозефа Хампела. В своей популярной трехтомной монографии о раннесредневековых археологических памятниках Венгрии он гуннские материалы причислял к памятникам сармат, германцев и даже поздних авар VII–VIII вв. (Hampel, 1905). Его ошибочные взгляды были отклонены лишь в 1926 г. А. Альфельди (Alföldi, 1926). А. Альфельди же правильно выделил памятники гуннов, найденных в Венгрии (Alföldi, 1932)¹.

Венгерские археологи с конца XIX в. установили научные контакты с российскими учеными, изучали российские коллекции, создали небольшую российскую коллекцию в Венгрии, вели переписки с русскими учеными и следили за русской археологической литературой. (Фодор, 2008; 2010а, б; 2013). Эти контакты не прервались полностью и в советский период. Известный венгерский археолог Н. Феттих два раза приезжал в советскую Россию (1927 и 1935 гг.), чтобы изучать музейные коллекции эпохи переселения народов. Он был знаком с археологами Ленинграда, Москвы, Киева и других городов, и что особенно важно с нашей точки зрения, он был знаком и с Т.М. Минаевой. Это подтверждает оттиск статьи 1927 г. Минаевой, который ей был подарен: «Фердинанду Владиславовичу Феттих»². Поэтому неудивительно, что все поколения венгерских археологов знали работу Минаевой. И в то же время неудивительно, что никто из них не знал статью П. Рау 1929 г. Трудно понять, почему Феттих в 1935 г. не обратил внимание именно на этот том изданий РАНИОНА. Понятно, что русские коллеги статью Рау ему не показали, чтобы иностранец не стал их спрашивать о судьбе автора. (Регулярного обмена научной литературой между Венгрией и СССР в то время не было).

Н. Феттих в 30-е годы большое внимание уделял изучению памятников гуннов вообще и найденных на территории Венгрии в особенности. В это время он подготавливал к изданию большой и весьма богатый гуннский «клад», обнаруженный в 1926 г. на территории виноградника в д. Надьсэкшош, недалеко от г. Сегед. При раскопках Ф. Мора (1926) и К.Ч. Шебештена (1934) и во время земляных работ было найдено больше 200 вещей гуннского времени – части сбруи, оружия, золотые кубки, пряжки, украшения и пр. – и они почти все носили на себе следы огня (Kürti, 1987). В 1940 г. Феттих написал очерк об археологических памятниках гуннов, в том числе и о находках в Венгрии. Опираясь на работу Т.М. Минаевой, данный памятник он определил как трупосожжение гуннского вождя. Интересно, что он даже в литературе не упоминает П. Рау (Fettich, 1940: 238, 317). (Хотя в Национальном музее в Будапеште имелись все работы Рау на немецком языке).

Книга Феттиха о Надьсэкшоше вышла только после войны, в 1953 г., на венгерском и французском языках (Fettich, 1953). Автор оставил свое мнение о памятнике неизменным, считал его – по следам Минаевой – трупосожжением гуннского вождя высокого ранга и датировал памятник первыми десятилетиями V в. Эта оценка осталась в силе у большинства венгерских археологов до 1968 г. Однако было и исключение. Я. Харматта в предисловии к книге Феттиха пишет следующее: «Минаева в своей работе старалась выделить группу (гуннских) памятников с трупосожжением. Однако основа данного выделения не совсем достоверна, т.к. по тщательным полевым наблюдениям Рау является бесспорным, что в отношении приведенных Минаевой памятников мы вряд ли можем говорить о трупосожжениях и даже вообще о человеческих захоронениях» (Harmatta, 1953: 105). Правда, Я. Харматта не ссылается на свои источники, по нашему мнению, он просто первым из венгерских археологов – внимательно прочел книгу П. Рау на немецком языке (Rau, 1927). Позже, в 1986 г., Харматта еще раз вернулся к этой теме, и хотя ему и сейчас не была известна русскоязычная статья П. Рау 1929 г., он повторяет, что в курганах, анализированных Минаевой, не было человеческих костей и они не могли быть погребениями. Однако в этот

¹ Правда, в то же время некоторые венгерские археологи, современники Хампеля, правильно выделили уже гуннские вещи из массы археологического материала Венгрии, однако их авторитет в науке был намного ниже, чем у Хампеля. Например, Б. Пошт, который во время третьей экспедиции графа Зичи в России (1897–1898) правильно выделил некоторые категории гуннских вещей (полихромные украшения, котлы) (Pósta, 1905: 490–538).

² Библиотека Венгерского Национального музея, инв. номер 4846.

раз он считает их кенотафами (Harmatta, 1986: XIX). Эта гипотеза, однако, является менее вероятной, так как на месте кенотафов, как правило, имеются ямы.

В 1968 г. И. Бона вернулся к проблеме «клада» в д. Надьсэкшош и в этот раз он считал его местом поминального костра, сжигаемого у могилы покойника и потом перенесенного на новое место, как это предполагала раньше и Минаева (Bóna, 1968: 108, 113). В 1979 г. в с. Паннонхальма в яме на глубине 80 см был найден богатый «клад» гуннских вещей (два меча, лук с костяными пластинами и с золотой обкладкой, части конской сбруи, золотые украшения и пр.) без следов огня и человеческих костей.

Материал был опубликован П. Томка (Tomka, 1986). Он при подготовке публикации тщательно изучал литературу о погребальном обряде народов Центральной Азии и Восточной Европы эпохи раннего Средневековья. На основании многочисленных аналогий он пришел к выводу, что находки групп вещей со следами огня и также без его следов, найденные в ямах, ни в одном случае не были связаны с человеческими захоронениями, а были разными формами поминального обряда (Tomka, 1986: 467–475)¹. В основном к такому же выводу пришел и И. Бона в своей монографии о гуннах, в которой он провел детальный анализ погребального обряда (Bóna, 1991: 180–195). Особенно большое внимание он уделил реконструкции обряда в Надьсэкшош. Но, к сожалению, он исходил исключительно из неверных наблюдений Минаевой. (Кстати, так поступил и П. Томка). Он все еще верит в то, что сожжение было совершено в одном месте и остатки сожжения были перенесены на другое место, утверждает за Минаевой, что под слоем пепла и угля почва не была пережженной, далее предполагает, что комплексы вещей (например, сбруи) были специально «разчленены», не думая даже о возможности древнего ограбления, и т.д. Несмотря на это, Бона, вероятно, прав, когда утверждает, что каждый жертвенный костер принадлежал к захоронению одного из членов гуннской элиты, так же как и погребальные жертвенники в ямах (Печусог, Паннонхальма, Батасэк) (см. рисунок), в большинстве которых найдены вещи, символы власти (луки с золотыми обкладками) (см.: László, 1951). Бона предполагает, что находки в Надьсэкшоше могут быть связаны с погребениями гуннских правителей – Руги или Атилы (Bóna, 1991: 195)².

Возможно, мы можем указать и вероятную форму поминального обряда, которая была применена при захоронении гуннской элиты. Это, скорее всего, был обряд тул, который у киргизов и казахов дожил до современности. (Абрамзон, 1946; Шишло, 1975; Fodor, 2009). Основой этого обряда была вера в том, что у человека имеются две души: телесная – находится в груди, где бьет сердце, и свободная душа, или душа-тень, – находится в голове и иногда покидает свое место (во сне или во время болезни человека). По этому представлению, распространенному в древности у многих народов Северной Евразии, телесная душа умирает вместе с человеком, а душа-тень остается живой еще в течение определенного времени и остается среди людей, чаще в рамках семьи умершего. Вдова для него готовит «тело»-куклу или одевает на копье умершего его одежду, угощает его едой и ухаживает за ним. Через определенное время (на 3-й, 7, 40, 49-й день или через год) семья умершего устраивает большую поминку и куклу провожают в потусторонний мир: закапывают в землю или сжигают на костре (Paulson, 1958: 205–372; Владыкин, 1994: 155).

Многослойное рядовое население гуннов (мужчины и женщины) хоронилось в ямных погребениях с труположением (Лебень, Лендьелтоти, Чорна и др.). В этих погребениях уже сильно отражается пестрый этнический состав гуннской империи, поэтому во многих случаях нелегко установить этническую принадлежность погребенных. Правда, иногда в решении этой проблемы помогает наличие в могилах костяков с деформированными черепами (Шопоня, Кестхей).

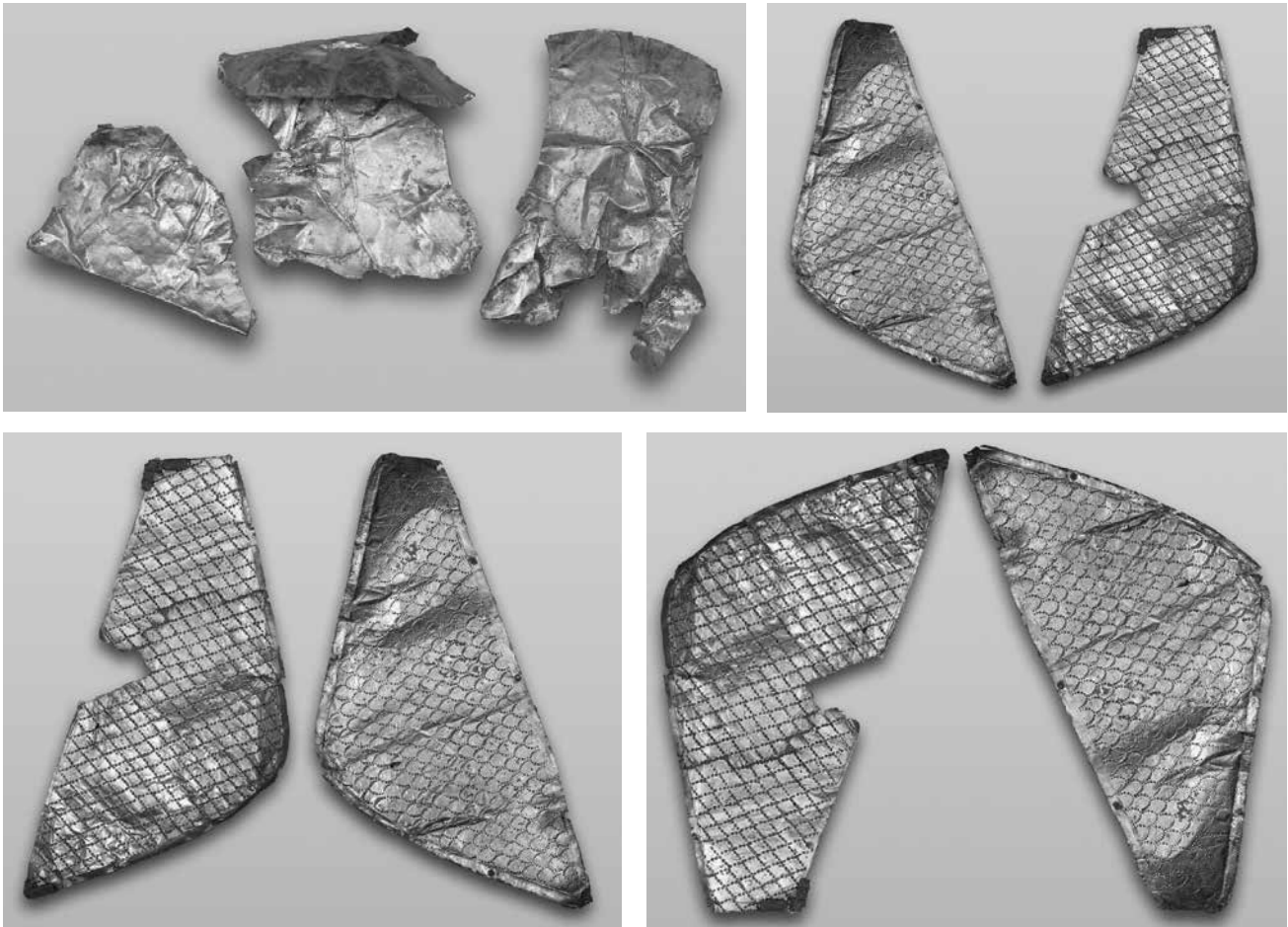
3. Подводя итоги беглого обзора исследований погребального обряда гуннов в России и Венгрии, мы можем прийти к следующему выводу.

Открытия российских археологов в Саратовском Поволжье в 20-х годах прошлого века имели ключевое значение для выявления основных черт погребального обряда европейских гуннов. Работа Т.М. Минаевой имела большое значение для оживления венгерской археологии по гуннской проблематике. В то же время венгерские археологии не познакомились с работами П. Рау, полевые наблюдения которого до сих пор составляют истинную базу исследований по данному вопросу.

Гунны перенесли центр своей кочевой империи в Карпатскую котловину в 20-е годы V в. Поэтому археологическое наследие здесь не особенно богато, но в то же время весьма ярко и выразительно.

¹ Рассмотрение – примерно в это же время – центральноазиатских элементов в культуре раннесредневековых кочевников в Восточной Европе (см.: Семенов, 1988).

² Основанием данного предположения служит описание Приска, члена делегации восточноримского императора, которая в 448 г. посетила ставку Атилы. Его рассказ содержит такие топографические данные, по которым уместно предположить, что ставка Атилы располагалась на правобережье Тисы, недалеко от Сегеда.

Пластины для обкладки седла из жертвенника Батасек 2

На основе этого материала можно установить обряд захоронения основных слоев гуннского общества. Именно изучение гуннских памятников Венгрии позволило отказаться от предположения существования обряда трупосожжения у гуннов. Также открылась возможность выяснить характер поминального обряда у гуннской элиты, и выявить некоторые центральноазиатские корни погребального обряда европейских гуннов. Этими наблюдениями венгерская археология обогатила достижения гуннской археологии. (Венгерский вариант статьи: Fodor, 2016).

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон, С.М. 1946. «Тул» как пережиток анимизма у киргизов. *Белек С.Е. Малову*. Фрунзе. 5–8.
- Владыкин, В.Е. 1994. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия.
- Засецкая, И.П. 1971. Особенности погребального обряда гуннской эпохи на территории степей Нижнего Поволжья и Северного Причерноморья. *Археологический сборник Гос. Эрмитажа*. Вып. 13: 61–72.
- Засецкая, И.П. 1994. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V в.). Санкт-Петербург.
- Минаева, Т.М. 1927. Погребения с сожжениями близ гор. Покровска. *Ученые записки Саратовского гос. университета*. Т. 4. Вып. 3. Саратов: 91–123, табл. I–VI.
- Рау, П.Д. 1929. Курганы с кострищами и кострища в курганах Нижнего Поволжья. *Труды Секции археологии РАНИОН*. Т. 4. (Василию Алексевиичу Городцову к 40-летию юбилею научной деятельности). М.: 431–436.
- Рыков, П.С. 1926. Археологические раскопки и разведки в Нижнем Поволжье и в Уральском крае летом 1925 г. *Известия Нижневолжского саратовского института краеведения*. Т. 1. Саратов: 89–134.
- Семенов, А.И. 1988. К выявлению центральноазиатских элементов в культуре раннесредневековых кочевников Восточной Европы. *Археологический сборник Гос. Эрмитажа*. Вып. 29: 97–111.
- Фодор, И. 2008. А.А. Спицын и начало изучения аналогий древневенгерским вещам в России. *История и практика археологических исследований*. Ред. Носов Е.Н., Тихонов И.Л. СПб.: 204–208.
- Фодор, И. 2010а. Венгерская экспедиция в Томске в 1898 г. *Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции*. Томск: 41–44.

- Фодор, И. 2010б. Ранние контакты венгерских и российских археологов. *XVIII Уральское археологическое совещание (культурные области, археологические культуры, хронология)*. Ред. Обыденная Г.Т. и др. Уфа: Изд. БПГУ: 47–49.
- Фодор, И. 2013. Западносибирская археология в трудах венгерских исследователей. *Вестник Томского гос. ун-та. История*. Томск, N 3 (23): 305–309.
- Alföldi, A. 1926. Der Untergang der Römerherrschaft in Pannonien, II. Berlin; Leipzig.
- Alföldi, A. 1932. Funde aus der Hunnenzeit und ihre ethnische Sonderung. (Archaeologia Hungarica, IX). Budapest. Ungarisches Nationalmuseum.
- Bóna, I. 1968. A népek országútján. A magyar régészet regénye. Szerk. Szombathy, V. Budapest. 106–134. Panoráma.
- Bóna, I. 1991. Das Hunnenreich. Budapest–Stuttgart. Ciorvina–Konrad Theiss Verlag.
- Fettich, N. 1940. A hunok régészeti emlékei. *Attila és hunjai*. Szerk. Németh, Gy. Budapest. 227–264, 316–320, I–XX. t. Akadémiai Kiadó.
- Fettich, N. 1953. Trouvaille de tombe princière hunnique à Nagyszéksós. (Archaeologia Hungarica, XXXII). Budapest.
- Fodor, I. 2009. A special element of the mortuary traditions of the peoples of Central Asia: the tul. Tisicum (Szolnok) 18. 45–51.
- Fodor, I. 2016. A hun halotti máglya és áldozat. – Hun funerary pyre and sacrifice. *Beatus homo qui invent sapientiam. (Ünnepi kötet Tomka Péter 75. születésnapjára)*. Szerk. Csécs, T. – Talács, M. Győr. 191–202. Palatia Kiadó.
- Hampel, J. 1905. Alterthümer des frühen Mittelalters in Ungarn, I–III. Braunschweig.
- Harmatta, J. 1953. Préface. *Fettich, N. 1953*: 103–113.
- Harmatta, J. 1986. Előszó az 1986. évi kiadáshoz. *Attila és hunjai*. Szerk. Németh Gy. Budapest. I–XXXV. Akadémiai Kiadó. (Репринтное издание).
- Kürti, B. 1987. Fürstliche Funde der Hunnenzeit aus Szeged-Nagyszéksós. *Germanen, Hunnen und Awaren. Schätze der Völkerwanderungszeit*. Hrsg. Bott, G. Nürnberg. 163–281. Germanisches Nationalmuseum.
- László, Gy. 1951. The significance of the Hun golden bow. *Acta ArchHung.* 1: 91–106.
- Maslovski, V.V. 1929. Der Schädel aus dem Kurgane No. 3 bei der St. Šipovo. *Eurasia Septentrionalis Antiqua* 4. 209–210.
- Minajeva, T. M. 1929. Zwei Kurgane aus der Völkerwanderungszeit bei der Station Šipovo. *Eurasia Septentrionalis Antiqua* 4: 194–209.
- Paulson, I. 1958. Die primitiven Seelenvorstellungen der nordeurasischen Völker. (Eine religionsethnographische und religionsphänomenologische Untersuchung). Stockholm. Statens Etnografiska Museum. Monograph Series. N 5.
- Pósta, B. 1905. Archaeologische Studien auf russischem Boden. Budapest; Leipzig.
- Rau, P. 1927. Prähistorische Ausgrabungen auf der Steppenseite des Deutschen Wolgagebiets im Jahre 1926. (Археологические раскопки в степной части Немецкого Поволжья в 1926 году). Mitteilungen des Zentralmuseums des Aut. Soz. Räterepublik der Wolgadeutschen, Jahrg. 2, Heft 1. Pokrowsk.
- Tomka, P. 1986. Der hunnische Fürstenfund von Pannonhalma. *Acta ArchHung* 38: 423–488.

I. Fodor

ON THE QUESTION OF THE FUNERAL CEREMONY OF HUNNUS OF EASTERN AND CENTRAL EUROPE

The author in his comparative work conducts a brief review of the development of European Hun archeology, with particular attention to Russian and Hungarian archeology. Researchers for a long time worked in close connection with each other. Now is the time to compare achievements in Russia and Hungary, which complement each other.

Key words: barrows with burning, TM Minaeva, P. Rau, N. Fetikh, funeral rite, funeral bonfires, sacrifices in pits, Saratov Volga region, Carpathian hollow, burials with the burial.

МИМИКРИЯ САКРАЛЬНОСТИ ВЛАСТИ В ТЮРКСКИХ И КЫРГЫЗСКОМ ГОСУДАРСТАХ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

И. Фукалов

Кыргызский Национальный Университет им. Ж. Баласагына, Кыргызстан, Бишкек

В статье рассказывается об изменении роли сакрализации власти у тюрков раннего Средневековья, проблемах, связанных с институтом каганов и их власти, а также религиями, которые оказывали влияние на власть в тюркских кочевых государствах. Дается анализ влияния тенгрианства, манихейства, ислама и буддизма на становление государственных институтов власти у тюрков. Также описываются причины изменений в сакрализации власти, влияние харизмы и культа «небесного дара» в отношении каганов. Описаны изменения сакрализации власти в Великом Тюркском каганате, государстве тюркешей, государстве карлуков, Кыргызском каганате, Уйгурском каганате. Особая роль отведена личностям правителей и проблемам, связанным с передачей власти и ее легитимацией в среде кочевого и оседлого населения тюркских государств в раннем Средневековье Азии. Сделан акцент

на религиозном обмене между тюрками и другими народами. Сакрализация власти у кочевых народов раннего Средневековья в пространстве от Урала до Енисея носила различный характер и подвергалась изменениям под влиянием осевых и других религий. Нападения арабов и китайцев, а также культурный и этнический обмен на Великом шелковом пути играл важную роль в сакрализации власти каганов, их культуре власти и становлении миропорядка.

Ключевые слова: сакрализация, религия, тюрки, раннее Средневековье, каган, кочевники, власть.

Сакральность власти являлась ее легитимирующей основой в тюркских и кыргызском государстве, а каган в свою очередь был ее основным функционирующим органом. Сакральная функция каганской власти основывалась на нескольких пунктах: принадлежность к правящей династии, инициация, религиозный фундамент, восприятие власти кагана соседними державами (Китаем, Ираном, позже мусульманскими государствами Азии). Таким образом, мы отмечаем, что без сакральной сущности политическая власть кагана была невозможной. При этом у каганов была необходимость следовать всем пунктам сакральности власти – без данного обстоятельства каган не мог легитимизовать свою власть полностью, часто теряя властные функции в результате неудач в войнах или же династических спорах. Достигалась сакрализация власти различными методами. Если у китайских императоров существовал культ почитания «Сына Неба» и некий «мандат небесного правления», то у тюрков он имелся в другом аспекте: кагану была необходима «Небесная харизма» – «кут». Религиозные верования наложили свой отпечаток на власть кагана, тенгрианство было более слабой религией в отношении сакральной власти, отсутствовала функция прямой сакрализации через институт церкви за неимением такого. Если в исламе благодаря четким законам Корана власть правителя была неприкосновенна, а в христианстве ее сакральная сущность подтверждалась церковью, что также было характерно для буддизма в Китае, то в тенгрианских воззрениях тюрков такое отсутствовало. Каган сам являлся главным «священником» в тенгрианстве, приводил в исполнение обряды и праздники в годичном цикле. Тенгрианство не было сводом правил и законов, без четкой градации отношений между сакральным и профанным, а также между слоями социума. Однако при этом тенгрианство было тесно связано с личностью кагана в сакрально-ритуальной сфере – от обряда инициации его роль была связана с культом Тенгри и Умай, поклонением множеству духов, главному духу предков. Уже в самой легенде о происхождении правящих родов тюркютов и огузов была заложена сакральная сущность «небесного происхождения». Кроме того, культ волка в Великом Тюркском Каганате и Втором Восточно-Тюркском был сложен для сочленения с другими религиями как тотемный и сугубо тенгрианский.

Такая ситуация приводила к тому, что уже со времен кагана Таспара верховные правители тюркских государств стали «экспериментировать» с различными религиями в целях укрепления сакрализации власти. Принятие буддизма из Китая было вызвано необходимостью мимикрировать сакральность от устоявшегося культа «Сына Неба» у китайских императоров, несмотря на победы тюрков на востоке каганата, их положение оставалось ненадежным и требовало новых мер в отношении внутренней идеологии государства в конце VI в. Таспар под впечатлением рассказов монаха приказал соорудить храм и попросил правителей Ци прислать священные книги буддизма. Более того, по сведениям источников, каган сам участвовал в отдельных буддийских обрядах (Бичурин, 1998: 237–238). По некоторым данным упомянутый монах Хуэй Линь мог быть буддийским миссионером индийского происхождения, настоящее имя которого Джинагупта (Кычанов, 1997: 112). Участие Таспар-кагана в буддийских обрядах подтверждается сведениями Бугутской надписи (Кляшторный, Лившиц, 1971: 133). Известны факты довольно регулярного пребывания буддийских монахов из Китая в тюркском каганате и даже перевода некоторых священных текстов этой религии на тюркский язык (Сухэбатар, 1978: 69). В переводе отдельных сутр могли участвовать и согдийцы, активно торговавшие в Центральной Азии (Кычанов, 1997: 112). Интерес к буддизму у кочевой элиты постепенно возрастал, особенно в результате стремления подражать китайскому двору и выступать с ним по всем позициям, в том числе и по мировоззренческим, на равных. Однако социально-политический кризис и распад каганата помешал буддизму закрепиться у кочевников. В то же время вполне очевидны поиски правящей элиты определенных религиозных основ для обеспечения консолидации и могущества тюркского общества. Не случайно Тоньюкук в качестве своих аргументов отмечал, что буддизм и даосизм не соответствуют воинственному духу, мировоззрению и образу жизни кочевников и поэтому не смогут являться основой государства. В связи с этим интересно мнение А. Габен, который обратил внимание, что в эпоху раннего Средневековья буддизм наиболее

успешно закреплялся у западных тюрок в Средней Азии, которые переходили к оседлой, городской жизни в окружении местного буддийского населения (Литвинский, 1992а: 490). Новый этап распространения буддизма относится ученым к началу второй четверти VII в. С этого времени буддизм прочно закрепляется у уйгуров вплоть до официального принятия Бегю-каганом в 762–763 гг. манихейства. Наконец, в X в. вновь зафиксирован подъем буддизма у уйгуров, а также у кимаков и кыргызов. Отмеченная ситуация подтверждается как памятниками письменности, так и некоторыми археологическими материалами. Принятие буддизма Таспаром не оказало ожидаемого влияния на массу кочевых тюрок, а также на саму власть кагана – судя по всему, сохранялись те же обряды инициации и погребения каганов и высших кочевых аристократов, буддистская сакрализация власти не нашла своих приверженцев в среде тюрок в большом количестве. В то же время буддистские проповедники оставались при дворе кагана, стараясь обратить высшие слои общества в свою религию. Со второй половины VII в. на территорию Центральной Азии и Южной Сибири стали проникать проповедники совершенно новых религий – манихейства и христианства несторианского толка. Стоит отметить, что эти религии, пройдя Великий шелковый путь, стали довольно синкретичны. Тюркские правители, да и сами тюрки, относились к другим религиям крайне толерантно, поэтому новые религии быстро находят своих адептов в кочевой среде и тюркских государствах VII–IX вв. Еще в первой половине XI в. Абурайхан Бируни (1957: 11) отмечал, что «... веру Мани и его учение исповедуют большинство восточных тюрок, обитатели Китая, Тибета и части Индии». Некоторые отрывочные сведения о манихействе у кочевников (использование «мерной речи», «светильников», «храм для поклонений» и др.) есть и в ряде других персидских и арабских источниках (Караев, 1968: 95–96; Материалы по истории..., 1988: 82), как правило, эпохи развитого Средневековья. Однако данные сведения, безусловно, нужно рассматривать весьма критически, а не как аксиому, не требующую доказательств. Дело в том, что манихейство в это время, наряду с христианством, рассматривалось мусульманскими авторами через противопоставление с исламом. В связи с этим степень распространения манихейства среди неисламских регионов и стран могла быть существенно преувеличена. Манихейство старалось мимикрировать под раннюю тюркскую сакральность каганов и их власти, стараясь представить их власть как власть Света над Тьмой, что вполне совпадало с тенгрианской небесной направленностью властных функций. Именно эта черта позволила манихейскому мировоззрению взаимодействовать с шаманским комплексом верований, характерных для кочевников (Зуев, 2002: 180, 209, 254–256 и др.). Распространение среди тюркоязычных народов Центральной Азии манихейства привело к появлению новой титулатуры правителей – каган-Света. Такая титулатура прослеживается, например, у уйгуров, поэтому востоковед полагает, что правитель рассматривался в соответствии с манихейской доктриной как земное воплощение божественного воителя Первочеловека, первого божества, который борется с силами Мрака (Зуев, 2002: 249–255).

Существенным представляется замечание ученого о том, что для совершения манихейских обрядов не обязательно требовались храмы, поскольку такие действия можно было произвести и в кочевой юрте. Не случайно Мани наставлял, что «молитва, обращенная к богу, не нуждается в храме» (цит. по: Зуев, 2002: 260). Действительно, в условиях, когда нужно приспособиться к традиционному кочевому мировоззрению, да еще в достаточно экстремальных условиях степи, миссионеры вынуждены были приспособливаться к образу жизни и быту номадов. Неслучайно после гибели в результате заговора Бегю-кагана в 779 г. его преемники проводили антиманихейскую политику, и только приход к власти нового клана в 795 г. сделал более благоприятной ситуацию для манихеев (Литвинский, 1992б: 524). Кроме того, уйгуры иногда под предлогом покровительства вере вмешивались в дела Китая. Воспользовавшись падением Уйгурского каганата под натиском кыргызов, Китай, чтобы исключить возможность вторжения последних, под религиозным предлогом в 843 г. запретил манихейское и несторианское вероисповедания в империи (Кляшторный, 1959: 168–169). Важно также подчеркнуть, что при всей готовности манихейства адаптироваться к различным традиционным мировоззренческим системам, тем не менее, известны случаи достаточно жесткой борьбы с религиозными конкурентами. Так, после провозглашения манихейства государственной религией Уйгурского каганата, вероятно, не без прямого одобрения священнослужителей новой веры, начались гонения на буддистов и уничтожение их святынь (Литвинский, 1992б: 524). Такая религиозная политика, по нашему мнению, в целом была не характерной для кочевых империй Центральной Азии, которые отличались лояльностью и веротерпимостью в силу своей полиэт-

ничности и поликонфессиональности. Более характерной для кочевников была политика религиозной толерантности, в том числе и для Кыргызского каганата, во всяком случае, в период его могущества. В массе своей кочевники продолжали оставаться последователями культа Тенгри, поскольку манихейство, даже несмотря на всю полноту синкретизма, не смогло вживаться в кочевой социум. Основные постулаты данной религии были непонятны и не нужны массе кочевых тюрок, оставаясь далекими от основ жизни тюрок о мироустройстве и их мировоззрения.

Поиск каганами тюркских государств религиозных основ сакрализации своей власти часто заводил в тупик, что приводило к внутренним конфликтам – как это произошло в Уйгурском каганате и Карлукском джабгулиате. Часто различные династийные споры становились и религиозными, что свидетельствовало о финансовой и идеологической подпитке разных кланов и семей со стороны религий. Итогом таких религиозных споров становилось крушение могущественных государств. Сакральная мимикрия затрагивала и соседние с тюрками народы, особенно это касалось титулов, обрядов инициации, добавляя новые элементы в легитимизацию власти правителя. К таким народам можно отнести енисейских кыргызов, кимаков и кипчаков. Енисейские кыргызы прекрасно сочетали тюркские механизмы сакрализации (поднятие на войлоке, титулатура, «кут») с собственно кыргызскими (культ Умай, тотем барса). Это позволило кыргызам в эпоху Великодержавия создать довольно спокойную обстановку в Центральной Азии и не враждовать с тюркскими племенами и Китаем. Выяснение сакральной атрибутики власти и ее механизмов показывает что фактически каждое религиозное учение оставляло свой след в сакрализации власти каганов у тюрок и кыргызов. Религии, приходившие по Великому шелковому пути, мимикрировали под тюркское общество, стараясь получить нужную нишу в нем. К тому же принимая в себя черты тенгрианства, они становились уже совершенно иными, нежели были раньше.

ЛИТЕРАТУРА

- Бируни, А. 1957. Избранные произведения. Ташкент: Т. 1.
- Бичурин, Н.Я. (Иакинф) 1998. Собрание сведения о народах, обитавших в Средней Азии, в древние времена. Т. 1. Алматы.
- Зуев, Ю.А. 2002. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы.
- Караев, О.К. 1968. Арабские и персидские источники IX–XII вв. о киргизах и Киргизии. Фрунзе.
- Кляшторный, С.Г. 1959. Историко-культурное значение Суджинской надписи. *Проблемы востоковедения*. № 5: 162–169.
- Кляшторный, С.Г., Лившиц, В.А. 1971. Согдийская надпись из Бугута. *Страны и народы Востока*. Т. 10: 121–146.
- Кычанов, Е.И. 1997. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М.
- Литвинский, Б.А. 1992а. Буддизм. *Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос. Языки. Религии*. М.: 427–507.
- Литвинский Б.А., 1992б. Манихейство. *Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос. Языки. Религии*. М.: 508–532.
- Сухэбатар, Г. 1978. К вопросу о распространении буддизма среди ранних кочевников Монголии. *Археология и этнография Монголии*. Новосибирск: 62–67.

I. Fukalov

MIMICRY OF THE OF THE SACRALITY OF POWER IN TURKIC AND KYRGYZ STATES OF THE EARLY MEDIEVAL EPOCH

The article tells about the changing role of the sacralization of power among the Turks the Early Middle Ages, the problems associated with the Institute of Hagan and power, as well as religions, which influenced the power of the nomadic Turkic states. The analysis of the impact of Tengrianism, Manichaeism, Islam and Buddhism on the formation of government institutions at the Turks. It also describes the reasons for the changes in the sacralization of power, influence and charisma cult “heavenly gift” against Hagan. Described changes sacralization of power in Grand Turk Empire Turgeshes State Karluk state kaganate Kyrgyz, Uyghur Khaganate. A special role is played by personalities of the rulers and the problems associated with the transfer of power and its legitimation among nomadic and sedentary populations of Turkic states in the early Middle Ages Asia. Emphasis is placed on the religious exchanges between the Turks and other peoples. Sacralization power among the nomadic peoples of the Early Middle Ages in the space from the Urals to the Yenisei bore a different character and have been changed under the influence of axial and other religions. The attacks of the Arabs and Chinese, as well as ethnic and cultural exchange along the Silk Road played an important role in the sacralization of power Hagan, their culture of power and the establishment of a world order.

Key words: sacralization, religion, Turks, early middle ages, Hagan, nomads power.

ОСОБЕННОСТИ КОНСТРУКЦИИ И ХРОНОЛОГИИ БОЛЬШОГО КВАДРАТНОГО УРТУЙСКОГО ГОРОДКА (ЮГО-ВОСТОЧНОЕ ЗАБАЙКАЛЬЕ)*

А.В. Харинский¹, Н.Н. Крадин², Е.В. Ковычев³

¹*Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск;*

²*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток;*

³*Забайкальский государственный университет, Чита*

В конце X в. на северной границе империи Ляо была сооружена пограничная система, включавшая вал, протяженностью более 730 км, и расположенные вдоль него форты – пограничные заставы. Форты-заставы перекрывали участки местности, удобные для продвижения противника, и сдерживали его перемещение вглубь территории империи. На одном из фортов – Большом квадратном Уртуйском городке, расположенном в 3,6 км к северу от р. Аргунь – были предприняты археологические раскопки. Выяснилось, что перед строительством во внутренней части городища снимался верхний слой земли. В образовавшийся котлован засыпался слой белой пылеватой супеси, который перекрывался слоем черного суглинка с мелкими камнями. После этого сооружали вал высотой более 1 м. На завершающем этапе строительства выкапывался ров шириной 4,2 м и глубиной более 2 м.

Ключевые слова: Забайкалье, вал Чингис-хана, империя Ляо, кидани, фортификационные сооружения, городище.

Большой квадратный Уртуйский городок входил в систему пограничных фортификационных сооружений, располагавшихся вдоль северной границы империи Ляо (Луньков и др., 2009; Харинский и др., 2014; Харинский, 2015). Основу пограничных укреплений составлял земляной вал, к югу от которого находились форты – пограничные заставы. В настоящее время вал, построенный киданями, известен под именем «вал Чингис-хана». Он протянулся на 731 км по территории Монголии, России и Китая. Форты, построенные вдоль вала, особенно в его центральной части, перекрывали участки местности, наиболее удобные для нападения с севера на территорию империи. Большой квадратный Уртуйский городок с еще двумя фортами – Большим и Малым Уртуйскими городками – должны были препятствовать продвижению потенциального противника по Уртуйской пади. Их небольшие гарнизоны должны были следить за состоянием пограничной системы, контролировать перемещение через нее людей, а в случае нападения оказать посильное сопротивление и сообщить основным воинским подразделениям о военной угрозе.

Большой квадратный Уртуйский городок расположен в 3,5 км на северо-запад от пос. Среднеаргунский, в 14 км на юго-запад от пос. Кайластуй, в 4 км к югу от вала Чингис-хана и в 3,6 км к северу от р. Аргунь. Первые рекогносцировочные земляные работы на памятнике проводились в 1988 и 1994–1995 гг. (Кириллов, Ковычев, 2002). Летом 2013 г. на городище заложена траншея размером 1 x 4 м и шурф 2 x 2 м. К западу от прохода на валу был установлен временный репер, вершина которого при расчете высот принималась за условный «0». В ходе раскопок выяснилось, что в процессе строительства внутреннее пространство городища, огороженное фортификационными сооружениями, выравнивалось. С этой целью на его месте до уровня плотного желтого суглинка снимался верхний слой земли – дерн и подстилающие его гумусированные отложения. После этого оно засыпалось слоем белой пылеватой супеси мощностью около 35–40 см, над которым насыпалась прослойка черного суглинка с мелкими камнями и дресвой. Со временем над слоем подсыпки формировались гумусосодержащие отложения (Харинский, 2015).

В ходе исследований, проводившихся в 2013 г., оставалось невыясненным, когда совершалась подсыпка белой пылеватой супеси во внутренней части городища. Происходило это до сооружения вала (стен) или после его возведения, и были ли какие-либо дополнительные деревянные или каменные конструкции на валу (стене) или возле него. Для того чтобы прояснить эти аспекты древних строительных работ, в 2015 г. с южной стороны к шурфу 2013 г. была сделана прирезка размером 1 x 2 м, которой было вскрыта внутренняя оконечность вала городища. Шурф вместе с прирезкой получил название раскопа № 1.

В южной части прирезки под слоем дерна мощностью 4–7 см выявлена пачка рыхлых отложений (рис. 1), гранулометрический состав и физические свойства которых были определены заведующей грунтовой лабораторией ЦГЭИ НИЧ Иркутского национального исследовательского технического университета к.г.-м.н. Н.Н. Гринь. Грансостав образцов определялся в соответствии с ГОСТ 12536-79, содержание органики в соответствии с ГОСТ 23740-79, физические характеристики исходя из ГОСТ 5180-84,

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 14-18-01165 «Города средневековых империй Дальнего Востока».

грунты классифицировались с учетом ГОСТ 25100-2011. Все данные представлены в таблице. В ней не приводятся данные по разным фракциям песка и глины. Они сведены в одну колонку.

Судя по стратиграфическому разрезу выравнивание внутренней части городища проводилось до отсыпки вала. Вероятно, вначале делалась разметка территории городища и отбивались границы будущего вала (стены). С территории, попадавшей внутрь его периметра, полностью снимался гумусированный слой, сохранившийся в настоящее время под валом и за пределами городища. В разрезе он представлен темно-серым легким песчаным твердым, слабозаторфованным суглинком. Под валом его мощность составляет 20–25 см. Помимо гумусированного слоя строители снимали и кровлю подстилающего его желтого легкого пылеватого твердого, слабозаторфованного суглинка с дресвой мощностью около 20 см. Таким образом, у края будущего вала (стены) глубина вскрываемого котлована составила около 40–35 см.

После того как котлован был готов, его засыпали белой пылеватой супесью, место добычи которой пока не известно. Над ней насыпался слой черного суглинка мощностью 8–12 см с мелкими камнями и щебенкой. В целом мощность слоя подсыпки в южной части городища составляла 40–45 см. После засыпки внутренней часть городища началось возведение вала. Для того чтобы образующая его земля не сползала внутрь городища, с внутренней стороны вала сооружалась изгородь. Высота этого сооружения была не менее 50 см над поверхностью земли. Конструкция состояла из столбов диаметром 30–40 см, между которыми, вероятно, располагался плетень. Место установки одного из столбов фиксируется на стратиграфическом разрезе (рис. 1). Для его установки в слое подсыпки, включавшем белую супесь и черный суглинок, в 60 см к северу от южного края котлована выкапывалась яма глубиной 40 см. Высота столбов была невелика, иначе для их надежной фиксации были бы необходимы более глубокие ямы. Остатков древесины во время раскопок в яме не обнаружено. Ее нижнюю и среднюю часть заполнял серый суглинок, а верхнюю часть – черный суглинок. Земля, извлекаемая во время копки ямы при строительстве городища, выбрасывалась к югу от нее, на месте будущей отсыпки вала. Она представлена

**Гранулометрический состав и физических свойств грунтов из западной стенки раскопа № 1
Большого квадратного Ургуйского городка**

Место взятия образца		Щебень	Древесна	Песок	Пыль, глина	Относ. содержание органич. вещ. I_r д.ед.	Число пластичности		
							Влажность на границе		Число пластичности
							текучести W_L д.ед.	раскапывания W_p д.ед.	
		200–10	10,0–2,0	2,0–0,1	0,1–<0,005				
1	Светло-серый суглинок легкий пылеватый твердый, слабо-зоторфованный с дресвой, гл. 0-20 – 25-50 см	3,0	16,7	24,7	55,6	0,12	0,417	0,317	0,100
2	Темно-серый суглинок легкий песчаный твердый, слабозаторфованный, гл. 25-50 – 37-64 см	1,4	8,3	24	66,3	0,18	0,515	0,437	0,078
3	Светло-серый суглинок легкий пылеватый твердый, с примесью торфа, гл. 37-64 – 40-67 см	3,3	9,8	22,4	64,5	0,10	0,333	0,244	0,089
4	Темно-серый суглинок легкий песчаный твердый, слабозаторфованный, гл. 57-64 – 75-84 см	1,2	7,1	25,3	66,4	0,12	0,360	0,259	0,101
5	Желтый суглинок легкий пылеватый твердый, слабозаторфованный с дресвой, гл. 75-84 см (вскрыт до 45 см)	6,7	10,1	16	67,2	0,18	0,409	0,337	0,072
6	Белая пылеватая супесь, гл. 25-62 – 65-90 см	4,4	8,9	20,5	66,2		0,347	0,278	0,069

Примечание. Номер в таблице соответствует номеру на разрезе (рис. 1).

Две первые цифры диапазона глубины от современной поверхности земли указывают расположение верхней границы слоя, две последние – нижней границы слоя.

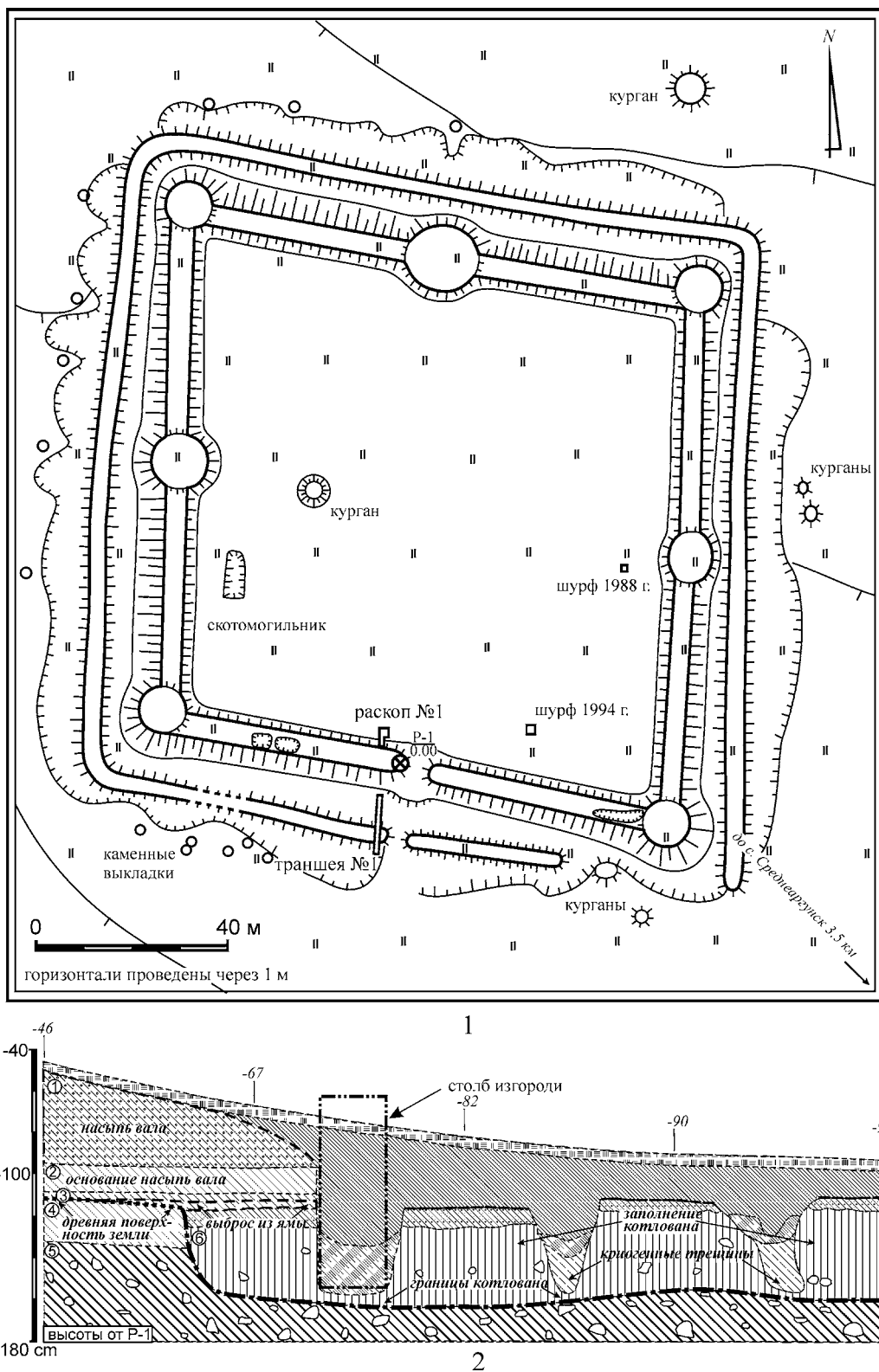

Рис. 1. Большой квадратный Уртуевский городок: 1 – план; 2 – раскоп № 1, стратиграфия западной стенки

прослойкой смешанного желто-серого суглинка мощностью около 3 см, распространяющейся на 1,1 м к югу от ямы.

После установки изгороди, к югу от нее, на месте будущего вала совершалась подсыпка светло-серого легкого пылеватого твердого суглинка, с примесью торфа. Его мощность составляла 3 см. По своей структуре эта прослойка близка к белой пылеватой супеси, покрывавшей внутреннее пространство городища. Возможно, именно ее использовали для подсыпки в основании вала, но из-за своей малой мощ-

ности она подверглась смешиванию со слоями, расположенными выше и ниже, и приобрела несколько иных характеристики.

Сверху слой светло-серого суглинка перекрывает темно-серый легкий песчаный твердый, слабозаторфованный суглинок мощностью 12–14 см. По своей структуре он схож с верхним слоем подсыпки внутренней части городища – черным суглинком с мелкими камнями и щебенкой. Оба слоя подсыпки в основании вала северным краем упирались в изгородь. Их край, примыкавший к столбу, имеет четкую вертикальную границу, а соприкасавшийся с плетнем обладает более размытыми контурами.

Сверху на темно-серый суглинок осуществлялась насыпка вала. Он состоит из светло-серого легкого пылеватого твердого, слабозаторфованного суглинка с дресвой. Северный край вала упирался в изгородь. Насыпь вала образовалась из земли, изъятая из внутренней части городища. Вероятно, после выемки ее перемещали за пределы городища, смешивали и лишь после этого отсыпали на место, где должен был располагаться вал. Насыпь вала не имеет следов слоистости и выглядит достаточно однообразно, что подтверждает мысль о предварительном перемешивании грунта, образовавшего вал. Его основными ингредиентами были темно-серый песчаный суглинок и желтый пылеватый суглинок с дресвой. Современная высота насыпи вала составляет 1 м. В настоящее время остается непонятным, сооружались ли с внешней стороны вала и на его вершине какие-либо дополнительные конструкции из дерева или камня, а также совершалась ли подсыпка светло-серым и темно-серым суглинками под основанием всего вала или только под его внутренней частью. Возможно, ответить на эти вопросы удастся в ходе дальнейших раскопок.

Во время раскопок 2015 г. была продолжена траншея 2013 г., располагавшаяся с внешней стороны вала городища. В северном направлении к ней было прирезано еще семь квадратов, что позволило вскрыть ров городища и расположенный с наружной стороны от него небольшой вал. Ширина рва составляла 4,2 м, а глубина от современной поверхности земли 2 м. Перепад высот от дна рва до нынешней вершины основного вала составляет 3,7 м. В разрезе ров напоминает двухступенчатую трапецию, обращенную вершиной вниз. Дно рва горизонтальное, ровное шириной 1,2 м. В нижней части рва стенки располагаются по отношению к его дну под углом 60°. В верхней части рва они становятся более пологими и изменяют наклон на 30°. Верхняя часть рва до глубины 60 см заполнена черным суглинком. Ниже до глубины 130 см залегает темно-серый суглинок. Нижнюю часть рва заполняет серый суглинок с мелкими камнями. Более крупные камни находятся в кровле слоя на границе с темно-серым суглинком.

В траншее и раскопе, заложенных на городище, был обнаружен археологический материал, представленный фрагментами керамической посуды и костями животных. В раскопе он залегал в основании слоя черного суглинка и в кровле подсыпанного слоя черного суглинка с мелкими камнями и щебенкой на глубине 5–20 см от поверхности земли. От одного из сосудов сохранилась привенчиковая часть. Венчик толщиной 1 см отогнут наружу, не орнаментирован (рис. 2, 1). Фрагменты тулова сосуда украшены гребенчатыми оттисками, нанесенными с помощью роликового штампа. На одном из них они представлены прямоугольными вертикальными вдавлениями размером 1 x 5 мм, расположенных на расстоянии 3 мм друг от друга (рис. 2, 2, 3). Другой сосуд украшался клиновидными вертикальными оттисками размером 3 x 7 мм, расположенными на расстоянии 3 мм друг от друга (рис. 2, 4). Сосуды, орнаментированные прямоугольными оттисками роликового штампа, как и не орнаментированные фрагменты керамики, обнаружены и в траншее, пересекавшей ров (рис. 2, 5–10). Подобная орнаментация характерна для киданьских керамических сосудов и широко представлена на археологических объектах, относящихся ко времени существования империи Ляо (Киселев, 1958: рис. 2; Худяков, 1989: рис. 7; Очир, Энхтур, 2004: рис. 11, 12, 14; Очир и др., 2005: рис. 2, 8; Энхтур и др., 2011: рис. 8; Киданьский город..., 2011; Худяков, 2012).

На большей части городища археологический материал залегает в слое земли мощностью около 10–20 см, лишь во рву толща, в которой фиксируются находки, достигает 1,6 м. В нижней части рва в слое серого суглинка вместе с костями животных обнаружена киданьская керамика. Она фиксируется и в основании темно-серого суглинка в средней части траншеи. В кровле слоя фрагменты киданьской керамики исчезают. Здесь обнаружен фрагмент керамики из светло-серой глины, покрытый с внутренней и внешней сторон зелено-коричневой глазурью. Для уточнения возраста городища и найденного на нем археологического материала проведено датирование двух позвонков барана. Один из них находился в средней части рва на глубине 78 см от поверхности земли, на одном уровне с керамикой, покрытой глазурью. Другой позвонок найден на глубине 185 см от поверхности земли, на дне рва вместе с фрагментами киданьской посуды.

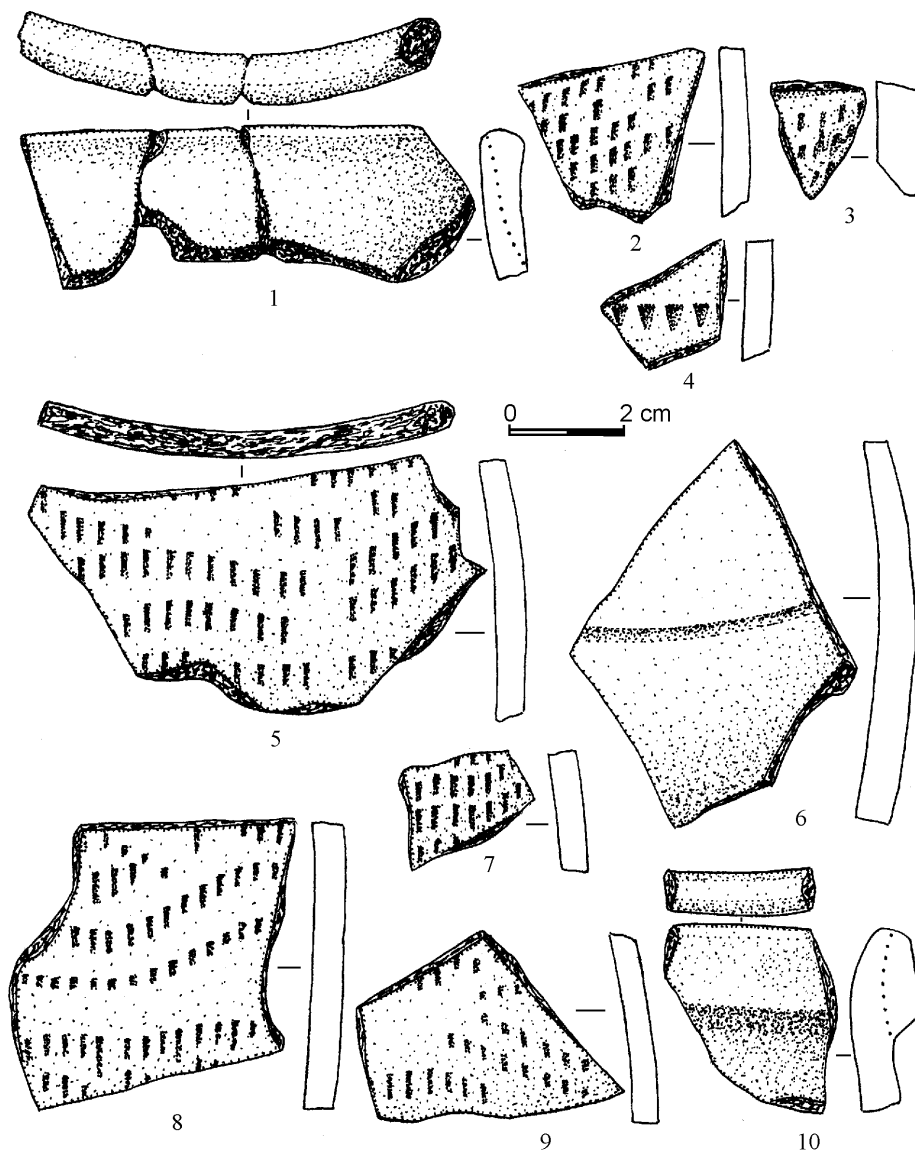

Рис. 2. Большой квадратный Уртуйский городок, фрагменты керамических сосудов.
1–4 – раскоп № 1; 5–10 – траншея № 1

По верхнему позвонку получена радиоуглеродная дата 807 ± 31 л.н. (Ua-54503). Калибровка даты осуществлялась в программе Calib Rev 7.0.2. Возраст образца по One Sigma соответствует временному диапазону в пределах 1216–1261 гг. По нижнему позвонку получена дата 1008 ± 31 л.н. (Ua-54504), калиброванный возраст которой по One Sigma составил временной диапазон 991–1034 гг. Обе даты подтверждают возраст находок, установленный способом археологических аналогий. Дата, полученная по образцу со дна рва, указывает, что городище было сооружено в конце X–начале XI в. – в период господства империи Ляо над значительной частью центральноазиатских степей. С этим же временем соотносится и большая часть находок, обнаруженных на городище, и прежде всего керамика, украшенная гребенчатыми оттисками роликового штампа.

В начале XII в. северная пограничная система киданей прекратила свое существование. Свидетельств использования после этого времени фортов, являвшихся ее составной частью, нет. Исключение составляет Большой квадратный Уртуйский городок, где к настоящему времени обнаружено два фрагмента керамики, покрытых зеленой глазурью. По кости барана, расположенной рядом с одним из фрагментов, получена радиоуглеродная дата. Она свидетельствует о том, что городище посещалось и в XIII в. Но было это посещение лишь кратковременной остановкой путников или городище продолжало использоваться как укрепленный контрольный пункт, на нынешнем этапе исследований однозначно утверждать невозможно.

ЛИТЕРАТУРА

- Киданьский город Чинтолгой-балгас. 2011. М.: Вост. лит.
- Кириллов, И.И., Ковычев, Е.В. 2002. Киданьские древности Приаргунья. *Археология и культурная антропология дальнего Востока и Центральной Азии*. Владивосток: 245–252.
- Киселев, С.В. 1957. Древние города Монголии. *Советская археология*. № 2: 107–119.
- Луньков, А.В., Харинский, А.В., Крадин, Н.Н., Ковычев, Е.В. 2009. Пограничные сооружения киданей в Забайкалье. *Известия Лаборатории древних технологий*. Отв. ред. А.В. Харинский. Иркутск: 155–172.
- Очир, А., Энхтур, А. 2004. Хэрмэн дэнжийн балгас. *Монгол-Солонгосын Эрдэм Шинжилгээнийн II Симпозиумын илтгэлийн эмхтгэл*. Солонгосын Ундэсний музей: 15–38. (на монг. яз.)
- Очир, А., Энхтур, А., Эрдэнэболд, Л. 2005. Хаар бух балгас ба туул голын сам дахь Хятаны Нуийн хот, суурингууд. Улаанбаатар. (на монг. яз.)
- Энхтур, А., Усуки, И., Сэнда, Е., Сагава, М., Батболд, Б., Буянхишиг, Ц., Отгон, Д. 2011. Чинтолгойн балгасны ваар сав шатаах зуухны малтлага судалгааны урьдчисан ур дун *Studia archaeologica*. Т. XXX, f. 10. Уланбаатар: 186–198. (на монг. яз.)
- Харинский, А.В. 2015. Северное пограничье империи Ляо. *Вестник ИрГТУ*. № 10 (105): 323–331.
- Харинский, А.В., Крадин, Н.Н., Ковычев, Е.В., Номоконов, А.А., Ухинов, З.Ч. 2014. Приаргунский участок пограничной системы империи Ляо. *Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири*: в 2 ч. Отв. ред. Е.А. Айыжы, Р.Ш. Харунов. Кызыл: 284–289.
- Худяков, Ю.С. 1989. К истории гончарной керамики в Южной Сибири и Центральной Азии. *Керамика как исторический источник*. Новосибирск: Наука: 134–152.
- Худяков, Ю.С. 2012. Материалы культуры киданей на памятнике Рашаан-хад в Хэнтэе. *Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири*. Улан-Батор: Изд-во Монг. гос. ун-та. Вып. 3. Т. 1: 473–477.

A.V. Kharinsky, N.N. Kradin, E.V. Kovychev

FEATURES OF THE CONSTRUCTION AND CHRONOLOGY OF THE BIG SQUARE URTUYSKY TOWN (SOUTH EASTERN TRANSBAIKAL)

At the end of the 10th century on northern border of the Liao Empire the boundary system has been built, it included a shaft more than 730 km long, along the shaft there were forts – border outposts. Forts –outposts blocked the sites of the area convenient for advance of the opponent and constrained his movement deep into of the territory of the empire. On one of the fort – the Big square Urtuysky town located in 3,6 km to the North from the Argun River archeological excavations have been undertaken. It has become clear that before construction in internal part of the fort the topsoil was stripped. In the formed ditch the layer of white silt sandy loam was filled up than it was blocked by a layer of black clay loam with small stones. After that was constructed a shaft more than 1 m high. At the final stage of construction the ditch 4,2 m wide and more than 2 m in depth was dug out.

Key words: Transbaikal, the wall of Chingis Khan, Liao empire, Qidan, fortification, fort.

FIRE-STEELS IN MEDIAEVAL EASTERN EURASIA

Hayashi Toshio

Soka University, Japan, Tokyo

In the 7th century, similar shape of fire-steels appeared in Eastern Europe and Far East. However, in Central Asia and Siberia located between both regions there have never been found similar fire-steels of such early period before the 8th century. And it seems so strange that any kinds of fire-steels have not yet been in China and Korea except modern Mongolian fire-steels. At the present time I cannot say whether there were any relations between the earliest fire-steels of Eastern Europe and Japan. There are too many missing links.

Key words. Fire-steel, Maritime Province, Japan, Mohe, Jurchen.

1. Introduction

In Russian Far East the first fire-steels appeared during the 7th–8th centuries. One of them has a shape of a low triangular bulge in the center and two small horns at both ends: Type I (Fig. 1). The second one has a shape of a high triangular bulge in the center and two big horns at both ends: Type II (Fig. 2). These two fire-steels were found from Troitskii cemetery of Ivanovka district on the Middle Amur¹. Most of them were found from male hip (Деревянко, 1975: 175). E.I. Derevyanko considers that these fire-steels were used by the people Mohe 靺鞨.

¹ Fig. 1: about 9 × 3 × 0.6 cm; Fig. 2: about 7.6 × 3.6 × 0.5 cm (Деревянко, 1975).

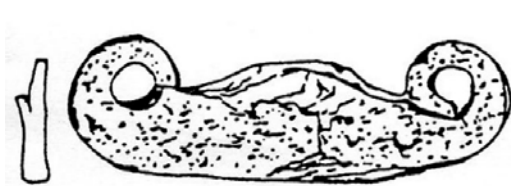

Fig. 1. Type I (Troitskii)

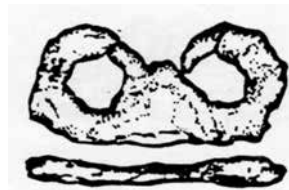

Fig. 2. Type II (Troitskii)

During just the same period, the 7th–8th centuries, fire-steels with flints appeared in Japan also. Most popular type has a shape of a low triangular bulge in the center and two small horns at both ends. In some cases a bulge is big but horns are very small or non-existence: Type I (Fig. 3). In other cases a bulge is high and horns are big and curled up: Type II (Fig. 4)¹. Most of fire-steels of Japan have a small hole on top of the bulge.

Fig. 3. Type I (Chiba)

Fig. 4. Type II (Chiba)

Is this just a coincidence or not? In this paper I will investigate the origins of various types of fire-steels and their distributions in Eastern Eurasia.

2. First Mention of Fire-steels in Japanese Historical Sources

There are several opinions concerning the opening time of fire-steels in Japan. Some scholars think that a fire-steel appeared in the 5th century AD (Ogawa, 1979), while others date it to the 6th–7th centuries (Takashima, 1985; Tsurumi, 1999) or the second half of the 7th–8th centuries (Yamada, 1989; Seki, 2002). The earliest mention of a fire-steel is seen in the *Kojiki, Records of Ancient Matters of Japan*. During the campaign to Eastern Japan, Prince Yamato Takeru was attacked by setting fire in Sagamu Province (Kanagawa Prefecture at present).

Then the Ruler of the land set fire to the moor. So, knowing that he (Yamato Takeru) had been deceived, he opened the mouth of the bag which his aunt, Her Augustness Yamato-hime had bestowed on him, and saw that inside of it there was a fire-striker. Hereupon he first mowed away the herbage with his august sword, took the fire-striker and struck out fire, and, kindling a counter-fire, burnt [the herbage] and drove back [the other fire], and returned forth, and killed and destroyed all the Rulers of that Land, and forthwith set fire to and burnt them (Chamberlain, 1883: 261–262) [Source 1].

Yamato Takeru was a mythical prince of the Yamato dynasty. So we cannot decide the date of his birth and death. *The Kojiki* was completed in 712 AD. Therefore, we can confirm that a fire-steel was used at the beginning of the 8th century.

According to the Okura-sho shiki of the *Engishiki* (an ancient book for codes and procedures on national rites and prayers of Japan) compiled in 905, Japanese envoys went to China and presented the Tang Emperor with 500 taels of silver, 200 rolls of thick silk fabric called *Mizuori no ashiginu*, another 200 rolls of thick silk fabric called *Mino no ashiginu*, (... other various kinds of silk and cotton), 10 pieces of ignition crystal, 10 pieces of agate, 10 tools of ignition iron, (... and others) [Source 2].

“Ignition crystal” and “agate” must have been used as a flint and “ignition iron” must be a fire-steel². This historical source, *Engishiki*, does not mention the date of the Japanese envoys. Japanese envoys had been dispatched to Tang China about 15 times from 630 until 838. Concerning the date of Japanese envoys, Chinese encyclopaedic source book, *Cefu yuangui (Prime Tortoise of the Record Bureau)*, compiled at the beginning of the 11th century in China, gives us an interesting information.

¹ These two were found in Chiba Prefecture, Eastern Japan. The left one (6.8 × 1.7 × 0.3 cm) is dated to the second quarter of the 8th century and the right one (7.6 × 2.6 × 0.58 cm) to the 7th–8th centuries (Shiratori, 2005: 345, 348, 349).

² Agate pieces had been often used as flints in Japan (Tsurumi, 1999: 48; Shiratori, 2005: 351).

According to the *Prime Tortoise of the Record Bureau*, “in the fourth month of the 22nd year of Kaiyuan era (734), the envoys came from Japan¹ and presented the Emperor with 200 rolls of thick silk fabric called *Mino no ashiginu* and another 200 rolls of thick silk fabric called *Mizuori no ashiginu*” [Source 3]. This list of presents must show a selection and therefore does not include sets of flints and fire-steels probably. A set of flint and fire-steel must have been an article like thick silk fabric in Japan and must have been unknown in China.

These historical sources show that a set of flint and fire-steel was rare and precious at the beginning of the 8th century in Japan.

3. Fire-steels Found in Archaeological Sites of Japan

Some archaeologists have dated the early fire-steels to the 6th–7th centuries. But the excavated state of them are problematical. I will give an example. Dwelling No.63 of Morita site of Ibaraki Prefecture where a triangular “fire-steel” was found from was dated to the 6th century. But this “fire-steel” might have been flowed from later dwelling. And this “fire-steel” has simple triangular shape and has neither horns nor small hole. Therefore this unearthed article may not be a fire-steel and will be dated to later period (Seki, 2002: 130).

Barrow No.060 of Matsumukaisaku in Chiba Prefecture where Type II fire-steel (Fig. 4) was found from was dated to the middle of the 7th century. However, the findspot of this fire-steel was uncertain, maybe dromos or ditch in front of stone chamber, but not from chamber itself (Tsurumi, 1999: 49). Consequently, it is unclear whether the fire-steel was contemporary of burial chamber (Seki, 2002: 131).

Two more fire-steels were found from the barrows of Tochigi and Saitama Prefectures, dated to the 7th century (Fig. 5) ($8.1 \times 2.0 \times 0.4$ cm) and the second half of the 7th century (Fig. 6) ($7.8 \times 2.7 \times 0.5$ cm) (Tsurumi 1999: 61–62)². The two barrows were destroyed by robbers and it is unclear that the fire-steels were contemporary of burials (Seki, 2002: 131). Type II fire-steel was found from the dwelling No.027B of Hibiri-nishi site, Abiko City, Chiba Prefecture, dated to the first half of 7th century (Fig. 7) ($5.1 \times 1.6 \times 0.3$ cm) (Tsurumi, 1999: 48). But this was also flowed into the dwelling in later time (Seki, 2002: 131).

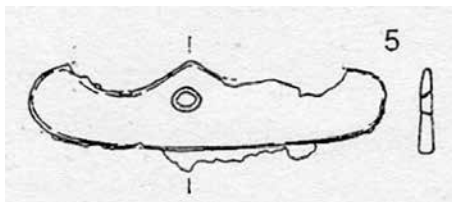

Fig. 5

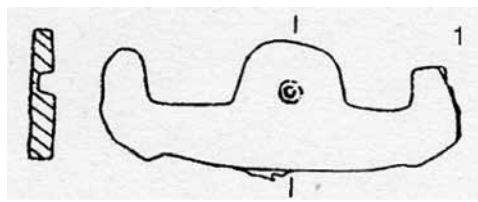

Fig. 6

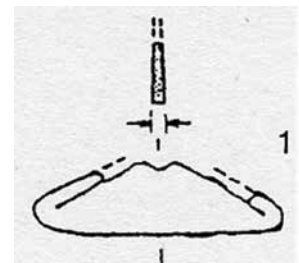

Fig. 7

In the 8th–9th centuries we can establish the existence of fire-steels, especially in Kanto Region: Chiba, Tochigi, Ibaraki, Saitama, Kanagawa Prefectures (See Figs. 3, 8–15).

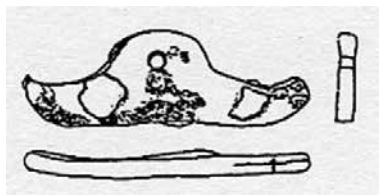

Fig. 8³

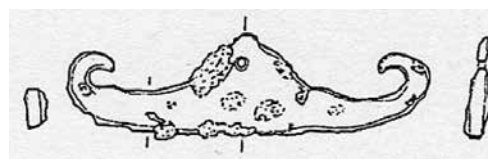

Fig. 9⁴

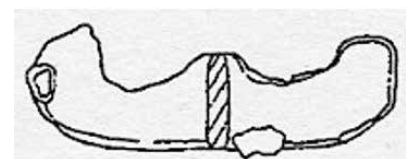

Fig. 10⁵

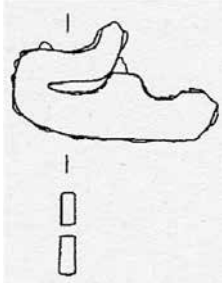
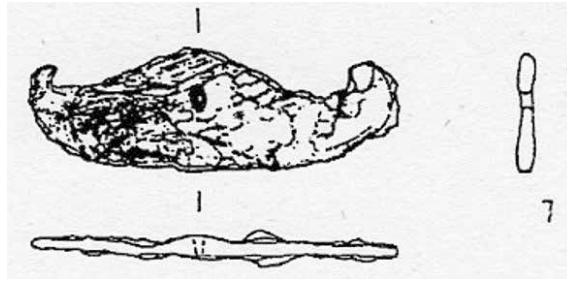
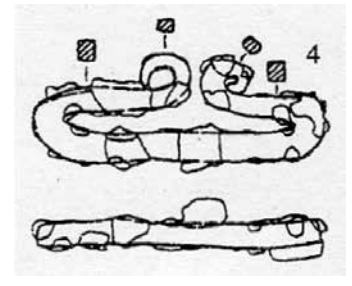
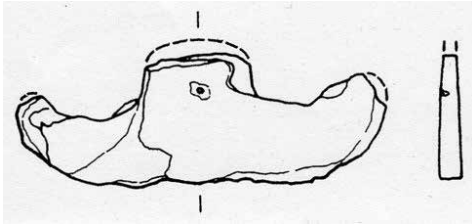
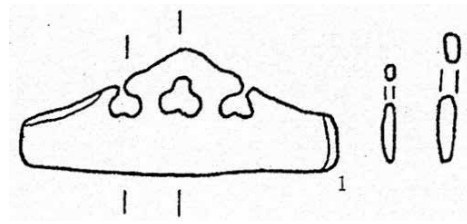
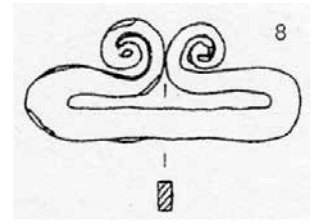
¹ According to the Japanese record, the envoys left Japan in 733.

² Fig. 5: Barrow No. 3 of Iizuka, Oyama City, Tochigi Prefecture. Fig. 6: Barrow No. 1 of Kashima, Kawamoto Town, Saitama Prefecture.

³ Dwelling No. 2 of Tokyo-dou Minami site, Tokorozawa City, Saitama Prefecture, 5.4×3.5 cm, the second quarter of the 8th century (Seki, 2002). Quartz as flint was found from the cover soil of this dwelling.

⁴ Dwelling No. 4 of Kurokaito site, Fujimi City, Saitama Prefecture, 8.9×2.5 cm, the second quarter of the 8th century (Seki, 2002).

⁵ Dwelling No. 97 of Furuido-Shougenzuka site, Kodama Town, Saitama Prefecture, 5.9×2.0 cm, the second quarter of the 8th century (Seki, 2002).

Fig. 11¹Fig. 12²Fig. 13³Fig. 14⁴Fig. 15⁵Fig. 16⁶

Most of the earliest fire-steels in Japan have been found from dwelling sites, while some of them have been found from burials. And all of them have been found in Kanto Region.

Since around the 10th century, fire-steels have been found from dwellings as well as worship sites of the whole Japan except Hokkaido. Picture scrolls of the 12th–14th centuries show a various states of person hanged a bag for fire-steel and flint from belt (Fig. 17) or sword on left side (Fig. 18) (Seki, 2002: 139).

Fig. 17⁷Fig. 18⁸

¹ Dwelling No. 93 of Arakawazuke site, Hasuda City, Saitama Prefecture, 5.2 × 3.0 cm, the second quarter of the 8th century (Seki, 2002).

² Dwelling No. 5 of Azumanoue site, Tokorozawa City, Saitama Prefecture, 8.1 × 2.6 cm, the middle of the 8th – the middle of the 9th century (Seki, 2002).

³ Dwelling No. 181B of Takedanisihanawa site, Hitachinaka City, Ibaraki Prefecture, 7.0 × 2.5 × 0.5 cm, the second half of the 8th – early 9th century (Tsurumi, 1999).

⁴ Dwelling No. 3 of Akabane-nizu site, Chigasaki City, Kanagawa Prefecture, 6.8 × 2.4 × 0.25–0.45 cm, the end of the 8th – early 9th century (Oomura, 2005).

⁵ Dwelling No. 61 of Kamata site, Tsukuba-mirai City, Ibaraki Prefecture, 8.1 × 3.0 × 0.5 cm, the second half of the 8th century (Tsurumi, 2005).

⁶ Dwelling No. 193 of Kumanoyama site, Tsukuba City, Ibaraki Prefecture, 7.9 × 3.3 × 0.4 cm, the middle of the 9th century (Tsurumi, 2005).

⁷ The man who holds an umbrella for police official hangs a bag for fire-making set (No. 7) from a belt on his left side (From: *Ban Dainagon Ekotoba*) (Shibusawa, 1984).

⁸ The man who plays an ear-pulling game hangs a bag for fire-making set (No. 9) from a sword on his left side (From: *Choujuu Giga*) (Shibusawa, 1984).

4. Fire-steels Found in Eastern Siberia and Mongolia

In the Middle Amur and Maritime Province there have been unearthed comparatively many fire-steels but most of them are dated after the 9th century. The earliest ones dated to the 7th–8th century were found from Troitskii cemetery of Ivanovka district on the Middle Amur (Figs. 1 & 2). The fire-steels dated to the 8th–9th century have been found from Korsakovo cemetery near Khabarovsk City (Figs. 19, 20).

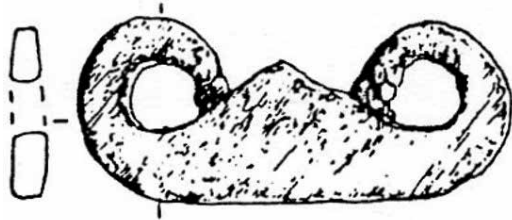

Fig. 19¹

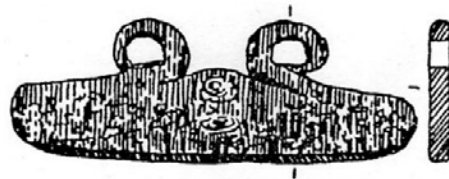

Fig. 20²

From Shaiga fortified settlement, north of Nakhodka City, there have been found many fire-steels dated to the 12th–13th centuries (Figs. 21, 22). According to E.V. Shavkunov, Shaiga settlement was constructed by the people Jurchen (Шавкунов, 1990).

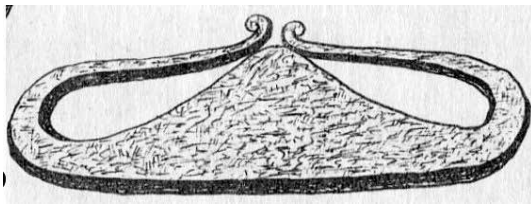

Fig. 21³

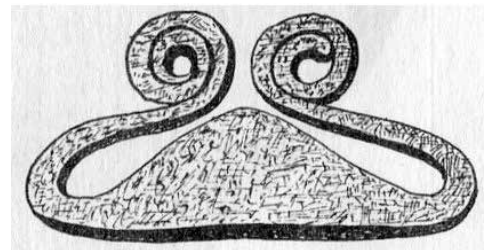

Fig. 22⁴

It is very interesting that similar shape of fire-steels appeared in Kanto Region of Japan and Khabarovsk Region of Far East, although there is a small difference: the fire-steels of Maritime province have no hole on top of bulge. It is possible that there was a relation between them. But I have no definite evidence.

In the second half of the 13th century, Yuan military force attacked Kyushu, West Japan twice but did not succeed. Since 1980 Japanese archaeological team surveyed the sunken warships of the Yuan navy under water

Fig. 23

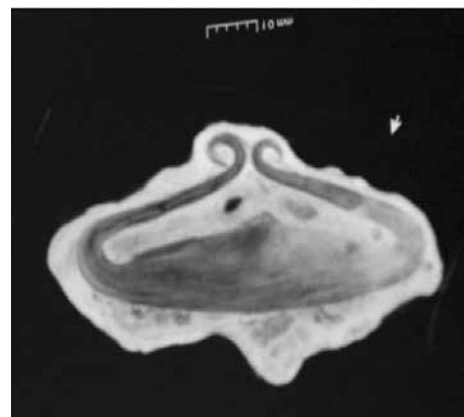

Fig. 24

¹ Burial No. 143 of Корсаково, остров Уссурийский, near Khabarovsk, about $9.6 \times 3.2 \times 0.6$ cm, the second half of the 8th – the beginning of the 9th century (Медведев, 1982).

² Burial No. 274 of Корсаково, остров Уссурийский, near Khabarovsk, about $7.2 \times 3.4 \times 0.6$ cm, the 8th – the beginning of the 9th century (Медведев, 1991).

³ Шайгинское городище, east of Vladivostok, north of Nakhodka, about 7.4×2.4 cm, the 12th–13th centuries (Шавкунов, 1990).

⁴ Шайгинское городище, 6.4×3.1 cm, the 12th–13th century (Шавкунов, 1990).

near Takashima, Nagasaki Prefecture and discovered armors and weapon more than 4000. In 2013 one of iron articles was judged as a fire-steel by the CT-scan analysis (Figs. 23, 24)¹. This fire-steel is quite similar to the Jurchen's fire-steel (Fig. 21). Yuan army included many Korean soldiers. Some of them probably might have been the Jurchens.

In 2012 cave burials were discovered at Ikh Nart site in Dalanjargalan sum, Dornogovi aimak, Central Mongolia. A fire-steel (Fig. 25; 6 × 3 cm) was unearthed with wooden saddle, iron stirrups, arrowheads and so on (Tserendagva *et al.* 2014: 335–336). The burials are dated to the 13th–14th centuries by the authors.

In the valley of river Onon, Chita province, the Upper Amur, two fire-steels were discovered. One of them from Grave 4 of Chindant I Cemetery (Fig. 26) was found near the foot of the buried person but not in situ because of the disturbed situation (Aseev *et al.* 1984: 52). The burial can be dated to the 12th–the 13th centuries by the authors. This is very small: about 4.2 × 2.2 cm.

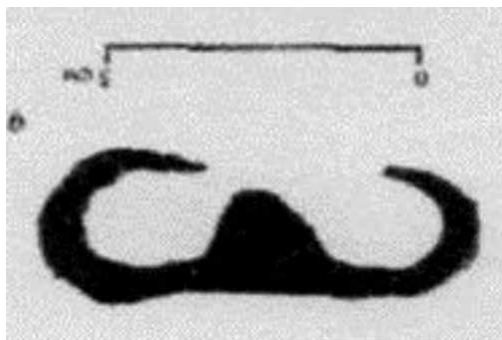

Fig. 25

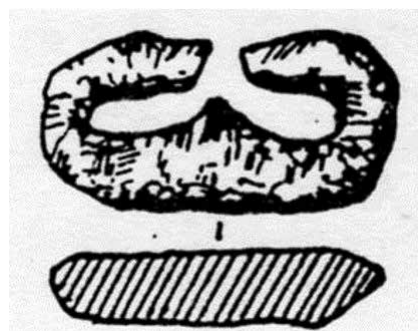
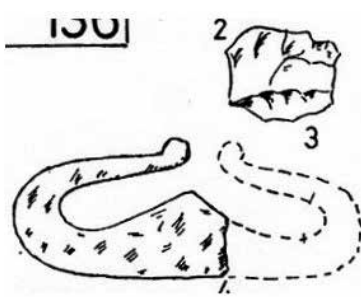
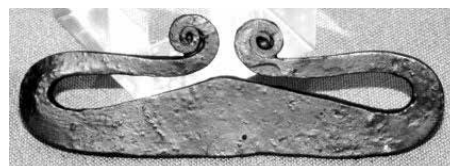

Fig. 26

5. Fire-steels Found in Central and Western Eurasia

It is very interesting that similar types of fire-steels can be seen in Mediaeval Central and Western Eurasia (Hayashi, 1994; Hayashi, 2016). A small triangular fire-steel with longer horns had been widely spread from the Rhein basin (Fig. 27) to Eastern and Northern Europe (Figs. 28–29) and furthermore Russia (Fig. 30). B.A. Kolchin considered that this type of fire-steel, “kalach”-shaped fire-steel², was the earliest in Novgorod and that it was made until the beginning of the 12th century³ but he did not mention the birth date (Колчин 1959: 103).

We know several examples of similar type of fire-steels in Kazakhstan (Fig. 31). However, there are very few findings of fire-steels in Central Asia. One of them was unearthed from late Mediaeval (in the 13th–the 14th centuries) nomad warrior's tomb, Dal'verzin site, Aim Village, Andizhan Province, eastern part of Ferghana, the Upper Syg-Darya (Fig. 32) (Заднепровский, 1975: 276–277).

Fig. 27⁴Fig. 28⁵Fig. 29⁶

¹ *Nishinippon Shimbun* (West Japan Newspaper), 3 January 2014.

² Kolchin named this type “kalach”-shaped fire-steel. Kalach is a twisted ring bread. I don't think that the shape of this type is similar to “kalach.”

³ According to the newer studies, “kalach”-shaped fire-steels survived much longer until the 14th century (Евлевский, Потемкина, 2000: 203) or nearly modern time (Крыласова, 2007: 159).

⁴ Grab 99, Dittigheim, Tauberbischofsheim, the 6th century, Landesmuseum Württemberg, Stuttgart. I suppose this dating is maybe too early. The 7th century is convincing.

⁵ Grave 137, Homokmégy-Halom, County Bácskiskun, Hungary, 6.4 × 2.5cm, the end of the 7th–8th century, found by the head of male (Garam *et al.*, 1975).

⁶ Male and female grave, Grinningdalskampen, Vågå k., Oppland, Central Norway, the 9th century, Oslo Historical Museum.

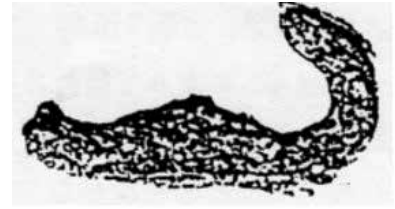
Fig. 30¹Fig. 31²

Fig. 32

6. Concluding Remarks

Just at the same time, in the 7th century, similar shape of fire-steels appeared in Eastern Europe and Far East. However, in Central Asia and Siberia located between both regions there have never been found similar fire-steels of such early period before the 8th century. And it seems so strange that such kinds of fire-steels have not yet been in China and Korea except modern Mongolian fire-steels. I know only one example of similar shape of fire-steel in China. It was used by the Miao 苗 people in Guizhou Province, South China (Fig. 33).

Fig. 33³

I am afraid that fire-steels have been discarded as unimportant rusty bits of iron. Otherwise, it is possible that similar fire-steels appeared in several areas of Eurasia independently.

At the present time I cannot say whether there were any relations between the earliest fire-steels of Eastern Europe and Japan. There are too many missing links. We hope further careful surveys in every region interested.

REFERENCES

- Chamberlain, B.H. 1883 (1982) “Ko-ji-ki” or “Records of ancient Matters”, translated by Basil Hall Chamberlain, Lane, Crawford. (*The Transactions of the Asiatic Society of Japan*, v. 10, suppl.) = *The Kojiki: Records of Ancient Matters*, Tôkyô: Charles E. Tuttle, 1982.
- Garam, E., Kovrig, I., Szabó, Gy., Török, Gy. 1975. Avar Finds in the Hungarian National Museum. Vol. 1. Budapest: Akadémiai Kiadó.
- Hayashi, T. 1994. Fire-steels of Northern Eurasia, East of the Ural Mountains (in Japanese). *Archaeology of Japan and the World*. Tokyo: 352–369.
- Hayashi, T. 2016. Fire-steels in Eastern and Western Eurasia. *International Journal of Eurasian Studies*. N. S. 4: 1–14.
- Nishinippon Shimbun*. 2014. 3 January, 1.

¹ Городище Шудья-Кар, Афанасьевский район, Кировская область, Upper Kama, the 10th–11th century (Кананин, 1980).

² Provenance unknown. The 10th – beginning of the 12th centuries, Народный Музей Старый Уральск.

³ Fire-steel with rope and stone. Museum of the Insitute of History and Philology, Academia Sinica, Taipei.

Eurasia ×: Findspots of the earliest fire-steels

- Ogawa, T. 1979. Discovered Ironware: Fire-steel (in Japanese). *Aomori Prefectural Board of Education, ed. Excavation Report of the Site Furudate of the Village Ikarigaseki*. Aomori.
- Oomura, K. 2005. Fire-steel unearthed from Akabane-nizu B Site, Chigasaki City, Kanagawa Prefecture (in Japanese). *The Society of Studies of Ancient Sagami, ed. Treatises of Ancient Sagami*: 143–148.
- Seki, Y. 2002. Fire-steels found in Saitama Prefecture (in Japanese). *Saitama Kouko* 37: 117–138.
- Shibusawa, K. 1984. Lives of Common People Seen from Picture Scrolls (in Japanese). Vol. 1, new edition. Tokyo: Heibonsha.
- Shiratori, A. 2005. Compilation and Feature of Fire-making-tools Unearthed in Chiba Prefecture (in Japanese). *Research Bulletin* (Center for Cultural Properties of Chiba) 24: 333–361.
- Short Study of Openwork Fire-steel. 2005. *Archaeology of Ancient Eastern Japan*. Tokyo: Keiyousha: 666–679.
- Takashima, Y. 1985. Tools of Fire (in Japanese). Tokyo: Kashiwa Shoten.
- Tsurumi, S. 1999. Discussing Fire-making Tools (in Japanese). *Journal of Archaeological Society of Ibaraki Prefecture*. 11: 47–76.
- Yamada, K. 1989. On Fire-steels (in Japanese). *Hyougo Nakao Castel Ruin*. Prefectural Board of Education, ed. Kobe: 136–161.
- Асеев, И.В. и др. 1984. Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья. Новосибирск: Наука.
- Деревянко, Е.И. 1975. Мохэские памятники Среднего Амура. Новосибирск: Наука.
- Евглевский, А.В., Потемкина, Т.М. 2000. Кресала в позднекочевнических погребениях Восточной Евropy. *Стени Европы средневековья*. Т. 1. Донецк: 181–208.
- Заднепровский, Ю.А. 1975. Кочевническое погребение XIII–XIV вв. в Фергане. *Советская археология*. № 4: 276–280.
- Кананин, В.А. 1980. Исследования городища Шудья-Кар в верховьях Камы. *Краткие сообщения Института археологии*. Вып. 160: 92–100.
- Колчин, Б.А. 1959. Железнообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. *Материалы и исследования по археологии СССР*. № 65. М.: 7–120.
- Корсаковский могильник: хронология и материалы. 1991. Новосибирск: Наука.
- Крыласова, Н.Б. 2007. Хронология кресал Пермского Предуралья. *Известия Челябинского научного центра*. 1 (35): 157–161
- Медведев, В.Е. 1982. Средневековые памятники острова Уссурийского. Новосибирск: Наука.
- Цэрэндагва, Я., Далантай, С., Schneider, J. 2014. Их Наргаас шинээр идэрсэн хадны оршуулгын дурсгалууд. *Studia Archaeologica Instituti Archaeologici Academiae Scientiarum Mongolicae*. XXXIV (27): 329–343.
- Шавкунов, Э.В. 1990. Культура чжурчжэней-удигэ XII–XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. М.: Наука.

Хаяси Тосио

КРЕСАЛА В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ВОСТОЧНОЙ ЕВРАЗИИ

В VII в. н.э. огнива похожей формы появились в Восточной Европе и на Дальнем Востоке. Тем не менее в Центральной Азии и Сибири, расположенной между двумя регионами, никогда не были найдены аналогичные огнива

в таком раннем периоде – до VIII в. н.э. И это кажется настолько странным, что любые виды огнива до сих пор не были в Китае и Корее, за исключением современных монгольских огнив в настоящее время. Я пока не могу сказать, есть ли какая-либо связь между ранними огнивами Восточной Европы и Японии. Еще есть слишком много недостающих звеньев.

Ключевые слова: кресало, Дальний Восток, Япония, мохэ, чжурчжэни.

ВОЛЖСКАЯ БУЛГАРИЯ И КОЧЕВОЙ МИР*

Ф.Ш. Хузин¹, З.Г. Шакиров²

¹*Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан, Казань;*

²*Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань*

Авторы рассматривают проблему контактов волжских булгар с южными кочевниками. Контакты населения Волго-Камья с номадами начинаются еще в раннем железном веке (скифские племена и ананьинцы). В раннем Средневековье отмечено проникновение небольших групп гуннов на Среднюю Волгу (характерные гуннские котлы, Тураевский могильник на Нижней Каме). После распада Великой Болгарии хана Кубрата и в период существования Хазарского каганата (конец VII – первая половина X в.) происходили неоднократные миграции болгар на Среднюю Волгу, где образовалось государство Волжская Булгария. Волжские булгары тесно контактировали с печенегами и кыпчаками-половцами, сыгравшими существенную роль в формировании этноса, языка и культуры современных татар Поволжья и Урала.

Ключевые слова: археология, Волжская Булгария, кочевники, гунны, печенеги, половцы, седентаризация, раннебулгарский этап, домонгольский период.

Местные племена Среднего Поволжья и Прикамья – территории, где в конце IX–начале X в. возникло государство волжских булгар, вошли в контакт с северопричерноморскими кочевниками еще в начале эпохи раннего железа. Это были киммерийцы и сменившие их скифы, достаточно активные связи которых с населением ананьинской культуры четко прослеживаются на материалах археологии (Халиков, 2011: 39, 75, 137). Судя по новейшим данным, в добулгарское время на средневожские земли проникали также поздние сарматы, покинувшие южноуральские и приазовские степи под давлением гуннов (Вихляев, 2000: 38–52; Гришаков, Зубов, 2009: 74 и сл.; Сташенков, 2005; Казаков, 2016: 22), и сами гунны, открывшие в Европе бурную эпоху Великого переселения народов и ставшие причиной коренных изменений в этнической карте региона. Небольшие группы гуннских воинов поднимались до пределов Волги и Камы, о чем свидетельствуют широко известный в археологии раннего Средневековья Тураевский могильник, оставленный, скорее всего, гуннами, вернувшимися из западноевропейских походов после распада т.н. державы Аттилы, и отдельные находки характерных для гуннской культуры бронзовых котлов (Генинг, 1976; Хузин, 2012: 105).

В составе гуннских орд в восточноевропейских степях появились, очевидно, и болгары, раннюю историю которых связывают обычно с огурскими племенами теле, занимавшими первоначально территорию от Центральной Монголии до Северного Казахстана (Плетнева, 1997: 31; Кляшторный, Султанов, 2009: 170). Начиная с конца V в. мы находим союз праболгар, сложившийся в единую народность из оногуров, утигуров и кутригуров, на обширных просторах причерноморско-прикаспийских степей, а также на Северном Кавказе, в Подунавье и на Балканах. Приазовские и прикубанские болгары, оказавшиеся во второй половине VI в. в составе Западнотюркского каганата, к 630-м годам обрели самостоятельность и создали собственное государство – Великую Болгарию, возглавляемую ханом Кубратом.

Распад государственного объединения Кубрата в конце 60-х годов VII в. ознаменовал начало болгарских миграций на Дунай и Среднюю Волгу (большая часть населения оказалась все же в составе Хазарского каганата). В историографии последних лет установилась точка зрения, основанная на археологических и письменных источниках, о нескольких волнах переселений болгар с приазовских степей в лесостепные районы Волго-Камья. Болгарами Кубрата (его сына Котрага?) связывают курганно-грунтовые могильники новинковского типа конца VII–первой половины VIII в., изученные в Самарской

* Исследование выполнено в рамках гранта Президента РФ (Проект № НШ-7170.2016.6).

и Ульяновской областях (Матвеева, 1997; Багаутдинов и др., 1998). Не все исследователи согласны с определением «новинковцев» как этнических болгар, но никто не сомневается в их принадлежности к тюркскому населению, вошедшему позднее в состав Булгарского государства.

До образования государства в конце IX–начале X в. отмечено еще две волны переселений болгар. Они происходили в середине VIII в. после крупного поражения Хазарского каганата от арабов в 737 г. и во второй половине IX в. в результате смут, причиной которых стало принятие каганом в качестве государственной иудейской религии (часть болгар исповедовала уже ислам). Археологические памятники болгар второй волны переселений представлены Больше-Тарханским, Кайбельским, Уреньским могильниками середины VIII – первой половины IX в., третьей волны – Танкеевским, Тетюшским и другими могильниками, начало функционирования которых относится к середине IX в.

Причиной четвертой волны переселений конца IX–начала X в. – периода образования государственности у болгар – стало наступление на хазар печенегов (Плетнева, 1997: 48). Археологические памятники волжских болгар этого времени представлены стационарными поселениями с горшковидной посудой шамотного и песочного теста, с волнистым орнаментом по плечу и рифлением по тулову, насечками по краю венчика, характерной для населения степного и лесостепного вариантов салтово-маяцкой культуры Подонья и Приазовья (Хлебникова, 1984: 27 и сл., группы III, XI). Особый интерес представляет группа лепной плоскодонной посуды (горшковидные, кувшинообразные, стаканообразные, светильники, сковородки, крышки) из довольно грубого шамотного или шамотно-растительного теста с орнаментацией нарезками и вдавлениями по венчику, а иногда вовсе без орнамента, находимые, как правило, в ранних отложениях сельских и городских поселений X–начала XIII в. Такая керамика сопоставляется с посудой памятников салтово-маяцкой культуры кочевнической группы, принадлежавшей различным кочевым племенам Хазарского каганата: болгарам, хазарам, печенегам и гузам (Хлебникова, 1984: 216–217).

Период с момента появления болгар на Средней Волге в конце VII–начале VIII в. и до образования у них государства на рубеже IX–X вв., названный раннебулгарским, традиционно считается языческим и кочевническим этапом домонгольской истории Волжской Булгарии. Действительно, как увидели выше, начиная с гуннского времени на Среднюю Волгу и Нижнюю Каму проникали с южных степей в основном тюркоязычные группы населения, ведущие преимущественно кочевой образ жизни. В последние годы некоторые болгароведы начали говорить о кочевом характере булгарского общества вплоть до третьей четверти или конца X в., считая, что основное население страны не знало ни земледелия, ни ремесел и продолжало поклоняться своим языческим богам (Казаков, 2000).

Источники не позволяют согласиться с такой характеристикой социально-экономического строя ранней Волжской Булгарии. Прежде всего потому, что климатические условия Среднего Поволжья (холодные зимы с глубоким снежным покровом) не были благоприятными для круглогодичного кочевания. Есть все основания полагать, что почти сразу после «обретения родины», в любом случае в течение двух-трех поколений, часть булгарского населения, в первую очередь беднейшая, вынуждена была постепенно оседать на землю и заниматься земледелием и ремеслами. Любопытный факт: на поселении Ксизово-19 (Липецкая обл.) археологи выявили остатки юртообразного жилища V в., принадлежавшего оседающим на землю «выходцам из степей» (Обломский, 2006). Им не требовалось столетий, чтобы начать оседлый образ жизни, когда для этого были соответствующие условия. А ведь южных болгар нельзя считать полностью кочевниками – на вновь осваиваемых землях они переживали процесс седентаризации. В Хазарии, основную часть населения которой составляли болгары, интенсивный процесс перехода «от кочевий к городам» продолжался: появились неукрепленные и укрепленные поселения, жили они уже не в переносных юртах, а в полуземлянках и стационарных юртообразных жилищах, занимались земледелием и виноградарством, различными видами ремесла, торговлей (Флеров, 1996; Плетнева, 2000: 207). И нет оснований полагать, что, переселившись на Среднюю Волгу, болгары вновь перешли на кочевой образ жизни.

Как свидетельствуют археологические исследования, следы оседлости переселившихся на Волгу болгар обнаруживаются еще в памятниках первой половины VIII в. (Матвеева, 1997: 99). Среди материалов нижнего слоя Севрюкаевского II поселения на Самарской Луке примечательны лепная и гончарная керамика салтово-маяцкого типа, обломки амфор, каменных жерновов, предметы из железа, кости и др. «Новинковцев следует считать не кочевниками, а оседлыми племенами, знакомыми с земледелием», –

справедливо заключают авторы раскопок (Ермаков, Матвеева, 2002: 49). К аналогичному выводу пришел Д.А. Сташенков по результатам раскопок Пролетарского городища, вещевой комплекс которого содержал значительное количество фрагментов амфор и круговой салтово-маяцкой керамики, маркирующих начало процесса седентаризации кочевников хазарского времени (Сташенков, 1999: 76). Ряд поселений раннебулгарского времени изучен Ю.А. Семькиным в Ульяновской обл., причем им выявлены явные следы занятия населения металлургией железа и кузнечным производством (Семькин, 2015: 43). В культурном слое некоторых поселений, например, Измерского селища на Нижней Каме, Мало-Иерусалимского II селища на территории Болгарского городища, обнаружены монеты 814, 894/895, 902–908 гг. (Казаков, 1991: 29; Старостин, 1999: 101; Беговатов, 1999: 31).

О переходе значительной части булгарского населения к оседлой жизни свидетельствуют также огромные размеры языческих некрополей: Больше-Тарханский и Танкеевские могильники содержат соответственно около 800 (изучено 358) и более 5000 (изучено 1200) погребений. Для кочевников же характерны в основном одиночные или впускные погребения.

Письменные источники, содержащие сведения об оседлых болгаро-земледельцах, исповедующих ислам еще до его официального принятия в 922 г., только подтверждают результаты археологических исследований. Интересны в этом отношении сообщения Ибн Русте, арабского географа и путешественника, писавшего о булгарах конца IX–начала X в., что они – «народ земледельческий», в их селениях имеются мечети, а при них начальные религиозные школы с муэдзинами и имамами (Хвольсон, 1869: 23). Аналогичного содержания сведения о булгарах сообщает Ахмед ибн Фадлан в своих «Рисале» о путешествии в составе Багдадского посольства в Булгарию (Ковалевский, 1956: 136, 138).

Таким образом, исходя из анализа имеющихся источников, можно заключить, что волжские булгары догосударственного периода знали уже оседлую жизнь, соответственно имели стационарные поселения сельского типа (городов еще не было), однако, что естественно, сохраняли значительные элементы прежней кочевнической жизни. Будучи хорошими воинами-всадниками, производили набеги на соседей-аборигенов, облагая их данью, в то же время научились у них многому, в частности строить срубные дома, пользоваться лесными богатствами, обрабатывать землю, сеять и собирать урожай с полей с учетом климатических и почвенных особенностей вновь осваиваемых земель.

Образование государства волжских булгар в начале X в. ознаменовалось появлением раннегородских поселений, в числе которых Булгар на Волге, Биляр на Малом Черемшане, Сувар на р. Утка, Муромское городище на Самарской Луке и др., ставшие впоследствии крупными центрами ремесла и торговли. В 902–908 гг. наладилась чеканка монет с именем правителя Джафара ибн Абдаллаха. Идеологической опорой государства стал ислам, официально утвержденный государственной религией в 922 г.

На начальном этапе истории Волжской Булгарии, практически до конца X в., кочевнические традиции четко прослеживаются как в области материальной, так и духовной культуры населения. «Все они [булгары] живут в юртах», – писал Ибн Фадлан в 922 г., – с той лишь разницей, что юрта царя очень большая, вмещающая тысячу душ и более, устланная армянскими коврами» (Ковалевский, 1956: 141). Некоторое время спустя ал-Балхи и ал-Истахри отмечали, что дома у булгар в основном «деревянные и служат зимними жилищами; летом же жители расходятся по войлочным юртам» (Хвольсон, 1869: 82; Заходер, 1967: 37). Переносные юрты по понятным причинам не оставляют археологических следов. Остатки пока единственной в булгарской археологии стационарной юрты в виде округлого в плане котлована (4,4 x 4,8 м), углубленного в землю всего на 20–25 см, исследованы во внешнем городе Биляра. На дне котлована располагались ямки от столбиков-кольев вертикального каркаса (Хузин, 1989: 65; Флеров, 1996: 27).

Со второй половины XI в. хозяевами восточноевропейских степей становятся кыпчаки, поглотившие разрозненных некогда могущественных печенегов, гузов, а также, очевидно, болгар и части алан, обитавших там после распада Хазарского каганата. По мнению С.А. Плетневой, «первым компонентом, безусловно влившимся в половецкую этническую общность и в какой-то степени повлиявшим на изменение физического облика кыпчаков, было незначительно численное, но устойчивое культурное население, входившее ранее в Хазарский каганат», т.е. болгары и аланы (Плетнева, 1990: 38). Это доказывается, в частности, элементами погребального обряда у кыпчаков (меридианальная ориентировка покойников,

наличие в могилах подсыпки из мела или угольков и т.д.), присущими болгарам и аланам, а также близким антропологическим обликом кочевников VIII–XIII вв.

О домонгольских кыпчаках в составе населения Волжской Булгарии сведений очень мало. Известно, что донские кыпчаки под предводительством хана Аепы в 1117 г. совершили поход на Булгарию, когда, как сообщает русский летописец, «высла(л) им князь болгарский питие с отравою, и пив Аепа и прочии князи вси помроша» (ПСРЛ, 1962, т. II: 285). Известно также, что в походе Всеволода Большое Гнездо, великого князя владимиристо-суздальского, совершенного им в 1183 г. на Биляр-Великий город, участвовали и «половцы Емяковы» (ПСРЛ, 1962, т. I: 389). В 1229 г. «саксини и половци възбегоша из низу к болгарам перед татары; и к сторожевым болгарским прибегоша, бьени от татар близ реки, ей же имя Яик» (ПСРЛ, 1962, т. I: 453), т.е. объединенный отряд волжских болгар, саксин и йемеков были разбиты войсками монголо-татар. В этом сообщении обращает на себя внимание совместное выступление болгар и кыпчаков/половцев, двух родственных по языку и происхождению народов, против общего врага в лице монголо-татар.

Весьма любопытны материалы лингвистики. Сопоставительное изучение современного татарского языка с данными Codex Cumanicus'a, с одной стороны, и с караимским, карачаево-балкарским, кумыкским языками, языком половецких текстов XVI в., с другой – позволило сделать вывод о том, что западный, мишарский диалект татарского языка в наибольшей степени проявляет общность с языком Codex Cumanicus'a, т.е. он сформировался на основе древнекыпчакского языка с его довольно многочисленными огузскими элементами (Махмутова, 1985: 140–141). По классификации тюркских языков современные татары Волго-Урала и Сибири относятся к кыпчакской группе тюркского макроэтноса. Априори можно утверждать, что в их этногенезе наряду с волжскими болгарами ведущую роль сыграли кыпчаки. К сожалению, археологические следы присутствия кыпчаков в Среднем Поволжье так же скупы, как и письменные свидетельства о них. Огузо-печенежские и кыпчакские погребальные памятники X–XIII вв., по данным археологов, вплотную подходят к южным границам Волжской Булгарии. Известны они в Самарской, Оренбургской областях и в Республике Башкортостан (Иванов, Кригер, 1988). О присутствии тюркоязычных кочевников среди населения домонгольской Булгарии можно говорить лишь на основании керамического материала (Кокорина, 2002: 84, 207–209), а также предметов вооружения и снаряжения коня, характерных для древностей кочевников (Халиков, 1985: 130 и сл.).

Очевидно, тюркоязычные кочевники Юго-Восточной Европы в течение многих веков, начиная с гуннов, периодически мигрировали в северном направлении, а с VIII в. находились в постоянных контактах с волжскими болгарями. Интенсивность этих связей не в последнюю очередь зависела от военно-политической обстановки, приводившей нередко к передвижениям населения из степного пояса. На протяжении веков тесно связанные с кочевым миром поволжские татары вплоть до этнографической современности сохранили традиционные черты древней кочевнической культуры (Воробьев, Хисамутдинов, 1967: 58 и сл.).

ЛИТЕРАТУРА

- Багаутдинов, Р.С., Богачев, А.В., Зубов, С.Э. 1998. Праболгары на Средней Волге. У истоков татар Волго-Камья. Самара: Региональный фонд «Полдень. XXII век».
- Беговатов, Е.А. 1999. Абу Райхан ал-Бируни о Волжской Булгарии, стране ису и йура. *Finno-Ugrica*. № 1 (3): 29–37.
- Вихляев, В.И. 2000. Происхождение древнемордовской культуры. Саранск: Красный Октябрь.
- Воробьев Н.И., Хисамутдинов, Г.М. (ред.). 1967. Татары Среднего Поволжья и Приуралья. М.: Наука.
- Генинг, В.Ф. 1976. Тураевский могильник V в. н.э. (захоронение военачальников). *Из археологии Волго-Камья*. Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР: 55–108.
- Гришаков, В.В., Зубов, С.Э. 2009. Андреевский курган в системе археологических культур раннего железного века Восточной Европы. *Археология евразийских степей*. Вып. 7. Казань: Ин-т истории АН РТ.
- Ермаков, С.Ф., Матвеева, Г.И. 2002. Севрюкаевское селище. *Вопросы древней истории Волго-Камья*. Отв. ред. Е.П. Казаков. Казань: Мастер Лайн: 46–52.
- Заходер, Б.Н. 1967. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. 2. Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы, славяне. М.: Наука.
- Иванов, В.А., Кригер, В.А. 1988. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). М.: Наука.
- Казаков, Е.П. 1991. Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. Казань: Татар. кн. изд-во.

- Казаков, Е.П. 2000. Итоги, проблемы и перспективы изучения древностей волжских болгар на рубеже XX–XXI вв. *Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Материалы науч. конф.* Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: 152–156.
- Казаков, Е.П. 2016. Хронологические этапы взаимодействия сармат с поволжскими финнами в средние века. *Средневековая археология Волго-Уралья. Сб. научных трудов к 65-летию док. ист. наук, чл.-корр. АН РТ Ф.Ш. Хузина.* Отв. ред. А.Г. Ситдииков. Казань: 21–27.
- Кляшторный, С.Г., Султанов, Т.И. 2009. Государства и народы евразийских степей: от древности к новому времени. Изд. 3-е, испр. и доп. СПб.: Петербург. Востоковедение.
- Ковалевский, А.П. 1956. Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Статьи, переводы и комментарии. Харьков: Изд-во Харьков. ун-та.
- Кокорина, Н.А. 2002. Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XIV в. (К проблеме преемственности болгарской и болгаро-татарской культур). Казань: Ин-т истории АН РТ.
- Матвеева, Г.И. 1997. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара: Самарский ун-т.
- Махмутова, Л.Т. 1985. О некоторых татарско-куманских параллелях (по материалам фонетики и грамматики). *Исследования по исторической диалектологии татарского языка.* Отв. ред. Л.Т. Махмутова. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР: 117–143.
- Обломский, А.М. 2006. Юртообразная постройка V века н.э. на территории Верхнего Подонья. *Средневековая археология евразийских степей. Материалы и исследования по археологии Поволжья.* Вып. 3. Отв. ред. И.Л. Кызласов, Ю.А. Зеленева. М.; Йошкар-Ола: 40–52.
- Плетнева, С.А. 1990. Половцы. М.: Наука.
- Плетнева, С.А. 1997. Древние болгары в восточноевропейских степях. *Татарская археология.* № 1: 31–60.
- Плетнева, С.А. 2000. Очерки хазарской археологии. М.; Иерусалим: Мосты культуры; Гешарим.
- Семькин, Ю.А. 2015. Черная металлургия и кузнечное производство Волжской Булгарии в VIII – начале XIII вв. *Археология евразийских степей.* Вып. 21. Казань: Ин-т археологии АН РТ.
- Старостин, П.Н. 1999. О раннем Болгаре. *Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья: Тез. науч. конф.* Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М.: 99–101.
- Стащенко, Д.А. 1999. Самарское пограничье: к проблеме взаимодействия кочевого и оседлого миров в эпоху средневековья. *Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья: Тез. науч. конф.* Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М.: 75–77.
- Стащенко, Д.А. 2005. Оседлое население Самарского лесостепного Поволжья в I–V веках н.э. *Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей.* Вып. 7. М.: ИА РАН.
- Флеров, В.С. 1996. Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы. М.: Ин-т археологии РАН.
- Халиков, А.Х. (ред.). 1985. Культура Биляра. Булгарские орудия труда и оружие X–XIII вв. М.: Наука.
- Халиков, А.Х. 2011. Основы этногенеза народов Среднего Поволжья и Приуралья. Казань: Ин-т истории АН РТ.
- Хвольсон, Д.А. 1869. Известия о хозарах, бургасах, болгарях, мадьярах, славянах и русах Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн-Дада. СПб.
- Хлебникова, Т.А. 1984. Керамика памятников Волжской Булгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. М.: Наука.
- Хузин, Ф.Ш. 1989. Салтовский компонент в культуре населения раннего Булгара (Билярского городища). *Ранние болгары в Восточной Европе.* Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: 64–73.
- Хузин, Ф.Ш. 2006. Ранние болгары и Волжская Булгария. VIII – начало XIII в.). Казань: Ин-т истории АН РТ.
- Хузин, Ф.Ш. 2010. К вопросу о времени возникновения оседлости у волжских болгар. *Научный Татарстан.* № 4: 114–126.
- Хузин, Ф.Ш. (ред.). 2012. *Bulgarica. Время и пространство Болгарской цивилизации.* М.; Казань: Феория.

F.Sh. Khuzin, Z.G. Shakirov

VOLGA BULGARIA AND NOMADIC WORLD

The authors study the issue of contacts between the Volga Bulgars and southern nomads. Contacts of the population of Volga-Kama with the nomads began even in the Early Iron Age (Scythian tribes, and Ananyino people). Infiltration of small groups of Huns into the Middle Volga area was taken place during the Early Middle Ages. Findings of the Hun caldrons and the Turaevo burial ground on the Lower Kama. Repeated migration of the Bulgars on the Middle Volga has occurred since the disintegration of the Khan Kubrat Great Bulgaria and during the period of the Khazar Khanate (the end 7 – first half of the 10th centuries). The Volga Bulgars who created the Volga Bulgaria state, where in close contact with the Pechenegs and Kipchaks-Cumans. They all played an essential role in the formation of ethnicity, language and culture of the modern Tatars of the Volga region and the Urals.

Key words: archaeology, Volga Bulgaria, nomads, Huns, Pechenegs, Cumans, sedentarization, early Bulgars stage, the pre-Mongol period.

ВЕРХНЕЕ ПРИАМУРЬЕ В ДРЕВНОСТИ И РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ*

Б.Д. Цыбенков

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ

В работе рассматриваются археологические культуры раннего железного века и раннего Средневековья. На основе публикаций отечественных ученых автор изучает проблему этнической принадлежности населения Верхнего Приамурья.

Ключевые слова: Верхнее Приамурье, археология, талаканская культура, михайловская культура, шивэй.

Этническая принадлежность древнего населения Верхнего Приамурья, несомненно, глубоко связана с тунгусоязычными этническими группами, населявшими обширные территории Приморья и Приамурья. В то же время нельзя исключать и вероятности пребывания на Верхнем Амуре различных монголоязычных групп населения. К таковым, например, относились дауры, переселившиеся в изучаемый регион в XII–XIII вв. В первой половине XVII в. они компактно проживали по верхнему течению Амура и Зеи. Их монголоязычие было официально подтверждено исследованиями лингвистов. Таким образом, дауры являлись ответвлением ранних монголов или монголоязычных киданей, оказавшихся в тунгусоязычном окружении. В этой связи возникает резонный вопрос: могли ли монголоязычные группы в древности и раннем Средневековье проживать в Верхнем Приамурье. Для решения данной проблемы обратимся сначала к территориальным рамкам исследования. Границы Верхнего Приамурья, согласно общепринятой трактовке, на западе начинаются с места слияния рек Шилка и Аргунь, на востоке достигают устья р. Зея. По другим данным, на востоке, помимо р. Зея, регион включает в себя такие притоки Амура как Буряя и Архара. Эти сведения, однако, противоречат общепринятой в археологии Дальнего Востока трактовке, относящей Зейско-Буреинскую зону к бассейну Среднего Амура. Новейшие исследования расширяют и западную границу региона до нижних притоков Шилки и Аргуни (реки Кулинда, Япон, Верхний Мангалей, Мангалей, Амазар и др.), протекающих в Могочинском районе Забайкальского края (Тарасов, 2013: 2). Надо заметить, что дальневосточные археологи наряду с понятием «Верхний Амур» широко применяют и другой термин «Западное Приамурье», под которым, на наш взгляд, нужно понимать бассейн Амура к западу от хребта Малый Хинган. Поэтому в нашей статье в зависимости от обстоятельств (ссылок на источники, цитирований и пр.) будут применяться оба понятия. Настоящее краткое рассмотрение (освещение) археологических культур Верхнего Приамурья затрагивает период раннего железного века и эпоху раннего Средневековья и полностью базируется на публикациях российских археологов С.П. Нестерова, Л.Н. Мыльниковой, Д.П. Болотина, О.А. Шеломихина.

Урильская культура, относящаяся к эпохе раннего железного века (XII–XI – нач. IV в. до н.э. – по данным А.П. Деревянко), была открыта А.П. Окладниковым в 1961 г., и охватывала обширную территорию от районов западнее современного г. Благовещенск до Комсомольска-на-Амуре. Хронологические рамки культуры были сужены А.В. Гребенчиковым и Е.И. Деревянко до X–V вв. до н.э., другие исследователи (Д.П. Болотин, С.П. Нестеров) существенно расширяют нижние рамки до рубежа эр. Носители урильской культуры проживали в каркасных полуземлянках, занимались рыболовством, охотой, а также земледелием и скотоводством. Изделия в основном из камня, кости, встречаются единичные бронзовые украшения. Глиняные горшки, амфоровидные сосуды и чаши орнаментированы в верхней части в виде прочерченных разнонаправленных линий, сетки, гребенчатых оттисков. Носителей урильской культуры различные исследователи относят либо к палеоазиатам, либо к предкам тунгусо-маньчжурского населения (Шеломихин, 2009). На рубеже эр вверх по Амуру начинают мигрировать носители польцевской культуры, вытесненные из Сунгарийско-Уссурийского района пришлыми мохэсками. Памятники польцевской культуры (II пол. I тыс. до н.э. – нач. IV в. н.э.) распространены в бассейне Среднего и Нижнего Амура, Приморье и Северо-Востоке Маньчжурии. Население проживало по берегам рек и озер, в полуземлянках-жилищах каркасного типа, в ряде поселений отмечены отопительные системы типа кан. Есть мнение, что носители польцевской культуры принадлежали к племенам илоу, в своем генезисе восходящим к сушеням. В китайских источниках отмечалось, что илоу «выращивают пять родов хлеба, разводят свиней ... государя не имеют, но каждое селение имеет своего владельца». Находки зерна и ко-

* Работа выполнена при финансовой поддержке проекта Правительства Российской Федерации «Динамика народов и империй в истории Внутренней Азии» (2017–2019).

стей свидетельствуют о занятии земледелием и скотоводством, а также рыболовством, охотой. Судя по обнаруженным изделиям из кованого железа и белого чугуна и различных типов керамики, уровень развития металлургии и гончарства был высоким. В Западном Приамурье носители польцевской культуры, как полагает Д.П. Болотин, начали контактировать с урильцами, что привело к быстрой ассимиляции последних, чему в немалой степени способствовала этническая близость или тунгусоязычность населения культур (польцевское население явилось предком хэйшуй-мохэ или найфельдцев). Культурное взаимодействие отчетливо проявилось в памятниках Алексеевский Бугор, оз. Яма, нижний слой Липового Бугра, Прядчинское поселение, нижний слой средневекового Прядчинского городища (Благовещенский район Амурской области) (Болотин, 2005: 409). В настоящее время указанные памятники в научной литературе именуется как «группа памятников Алексеевского Бугра». Они были также изучены Л.Н. Мыльниковой и С.П. Нестеровым, которые выразили сомнение в идентификации алексеевской керамики как польцевской. К тому же на памятниках Алексеевский Бугор и оз. Яма наряду с керамикой были найдены и бронзовые изделия ордосского типа. Единственным памятником, который можно соотносить с польцевской культурой в Западном Приамурье, они считают памятник на оз. Яма, где был найден сосуд типа яй (или польцевского типа). (Мыльникова, 2005: 359). По мнению ученых, в Восточном Приамурье (к востоку от Малого Хингана) гончарные традиции урильского времени переходят в творчество гончаров польцевской культуры (V в. до н.э. – IV в.н.э.). А в Западном Приамурье за урильской культурой следует талаканская культура (II пол. I тыс. до н.э. – I–II вв. н.э.), выделенная С.П. Нестеровым в середине 1990-х гг. Свое название талаканская АК получила от стоянки Усть-Талакан на р. Буря. Талаканская керамика ныне известна на целом ряде памятников: Михайловское городище на р. Завитой, городище на горе Шапка, сезонные стоянки Букинский Ключ-1, Большие и Малые Симичи, Сухие протоки-2, Безумка на р. Буря, Алексеевский Бугор, Гродековское городище и др. Отличительной особенностью керамики талаканского типа является наклепная плоская лента-валик по краю венчика, украшенная врезным орнаментом в виде косых линий различной длины, сетки, вдавлений концом палочки, отпечатками ногтей. К специфическим признакам керамики относятся: определенный угол отгиба дна, яйцевидная форма тулова, оформление венчиков лентой-валиком и скудость орнаментации (Мыльникова, 2005: 358, 366). Реконструкция жилища талаканцев свидетельствует об его типологическом разнообразии, выделены два типа жилищ: с котлованом и наземные. Типы жилищ в свою очередь подразделяются на 5 подтипов. Изделия из металла немногочисленны, среди каменных орудий преобладают скребки, ложила и другие артефакты, связанные с обработкой шкур.

Среди находок имеется комплекс бронзовых вещей ордосского типа (в том числе и кочедык – инструмент для развязывания сбруйных узлов, характерный для населения Центральной Азии и Южной Сибири, начиная с карасукской эпохи и заканчивая этнографическим временем), что, по мнению Л.Н. Мыльниковой и С.П. Нестерова, указывает на возможное место исхода населения, явившегося одним из составных компонентов талаканской культуры. Этим местом были районы Центральной Азии, конкретнее, Забайкалье и Восточная Монголия. Именно оттуда в конце III в. до н.э. бежали монголоязычные дунху после их разгрома хуннами, часть бежавших дунху осела у горы Ухуань, другая – у горы Сяньби. Гора Ухуань... была расположена в верхнем течении Амура (Мыльникова, 2005: 371). Полярное мнение об этнической принадлежности носителей талаканской культуры высказывает Д.П. Болотин, полагаящий что «талаканцы – исторические предшественники эвенков, освоившие в раннем железном веке таежную территорию и ведшие хозяйство, соответствовавшее природно-географическим условиям, в которых они жили» (Болотин, 2005: 416). Им приводятся достаточно веские аргументы в пользу тунгусоязычности талаканской АК. В целом развернувшаяся дискуссия между ведущими археологами, изучающими культуры данного региона, Д.П. Болотиным и С.П. Нестеровым, затрагивает узловыe проблемы преемственности археологических культур в Западном Приамурье. Как заметил О.А. Шеломихин, в своих научных изысканиях исследователи придерживаются следующих линий преемственности: С.П. Нестеров: урильская культура – позднеурильская культура (возможно, палеоазиаты) + прототалаканская культура (монголоязычные ухуани) = талаканская культура (монголоязычное население) – михайловская культура (монголоязычные бэй шивэй) – мохэ (тунгусоязычные хэйшуй и сумо); Д.П. Болотин: урильская – польцевская + талаканская – михайловская – мохэская, т.о. все указанные относятся с тунгусоязычному населению (Шеломихин, 2009). Из вышесказанного следует, что дискуссия об этнической принадлежности культур разворачивается и в отношении михайловской АК, датируемой периодом раннего Средневековья (III–VIII вв.). Продолжая линию монголоязычности культур, Л.Н. Мыльникова и С.П. Нестеров выявляют

преемственность от талаканской культуры в домостроительстве, общей морфологии сосудов и соотносят михайловскую АК с летописными монголоязычными племенами северной группы шивэй (бэй, бо и шэнь-мода). По предположению ученых, примерно в VII в. немонголоязычные да шивэй из бассейна Лены переселяются в Верхнее Приамурье, что вызывает перемещения монголоязычных верхнеамурских племен, часть которых переселяется в бассейн Аргуни (мэнью шивэй), другие (ухуани) спускаются вниз по Амуру на земли бэй шивэй, девять кочевий которых занимали в основном Зейско-Буреинскую низменность или территорию «вокруг горы Тугэшань» (совр. гора Шапка). В свою очередь, бэй шивэй смещаются на окраины Зейско-Буреинской равнины и создают ряд укрепленных городищ (Мыльникова, 2005: 402). Впоследствии в VII–VIII вв. ряд тунгусоязычных миграций в Западное Приамурье (да шивэй, хэйшуй мохэ и бохайских мохэ) положили начало ассимиляции михайловских племен, которая завершилась в X в. (Шеломихин, 2009). Эту достаточно интересную идею о связи михайловской АК с монголоязычными шивэй подвергает критике Д.П. Болотин, чьи доводы в очередной раз отчетливо указывают на тунгусоязычность носителей данной культуры (Болотин, 2005: 409–417.). Судя по данным ученого, монголоязычное население появляется в Верхнем Приамурье в XIII в. Результатом сосуществования мохэ-чжурчжэнской и монгольской культур стало появление новой культурной общности, получившей в археологии название владимировской культуры позднего Средневековья (XIII–середина XVII в.). В качестве вероятного места истока миграции дауров автор указывает на долину р. Нонни (где еще в раннем Средневековье обитали шивэйцы), территорию современной Монголии и Забайкалья (Болотин, 2005: 615–617).

Таким образом, мы можем убедиться в том, что в проблеме интерпретации археологических культур железного века и раннего Средневековья Приамурья существуют две полярные точки зрения. Однозначного ответа на поставленный нами в начале доклада вопрос «было ли это переселением на новую территорию или же возвращением на некогда исконные земли?» дать нельзя в силу большой дискусионности проблемы прародины дауров и недостаточной изученности нами археологических и этнографических материалов. И все же весьма заманчивой для монголоведов выглядит идея реэмиграции предков дауров на историческую родину, т.е. территорию Верхнего Приамурья в XIII в., чему в немалой степени способствуют исследования С.П. Нестерова. Его соотнесение предполагаемых монголоязычных народов – носителей талаканской и михайловской культур с ухуанями и шивэй, как мы могли видеть из выше развернувшейся дискуссии, не в полной мере подкрепляется археологическим материалом. За исключением «ордосских бронз», в качестве сравнительно-сопоставительного материала исследователь не привлекает других данных по синхронным АК Восточной Монголии и Забайкалья. Поэтому вполне закономерно этническая принадлежность талаканской и михайловской культур оспаривается и рядом других российских археологов. Мнение Д.П. Болотина о тунгусоязычности всего населения Верхнего Приамурья в додаурский период, подкрепляемое устоявшейся в археологии Дальнего Востока стройной концепцией «сушени – илоу – мохэ – чжурчжэни», заставляет нас вернуться к прежнему положению дел, т.е. ограничить северо-восточные рубежи монголоязычного населения древности и раннего Средневековья бассейном рек Нонни, Хайлар, Шилка, Аргунь, Онон. К тому же А.П. Окладников, выделивший в Восточном Забайкалье бурхотуйскую культуру (II–VIII вв. н.э.), отмечал близость керамики культуры к древней керамике Приамурья и Приморья, выражающуюся в общей форме сосудов, наличии украшений в виде валиков, лощении поверхности. По его предположению, в начале I тыс. н.э. население долины р. Онон могло быть родственно или находилось в определенных культурно-этнических контактах с племенами Приамурья (Окладников, 2003: 296). Поскольку А.П. Окладников соотносил носителей бурхотуйской АК с летописными су-моалами – «водяными» (речными) монголами или шивэй, в данном случае, с одной стороны, можно говорить о сильном влиянии тунгусоязычных этнических групп Верхнего Приамурья в Восточном Забайкалье, с другой – нельзя исключать и возможности не одностороннего, а взаимопроницающего процесса контактирования, когда в Верхнее (или Западное) Приамурье могли расселяться монголоязычные племена. Ими вполне могли быть предки дауров, в полной мере испытавшие этнокультурное влияние тунгусо-маньчжурских этнических групп.

ЛИТЕРАТУРА

Болотин, Д.П. 2005. Михайловская культура и ее происхождение. *Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы*. Отв. ред. Ж.В. Андреева. Владивосток: 409–418.

- Болотин, Д.П. 2005. Народы и культуры Приамурья в позднем средневековье. *Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы*. Отв. ред. Ж.В. Андреева. Владивосток: 615–635.
- Мыльникова, Л.Н., Нестеров, С.П. 2005. Михайловская культура в Западном Приамурье. *Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы*. Отв. ред. Ж.В. Андреева. Владивосток: 394–408.
- Мыльникова, Л.Н., Нестеров, С.П. 2005. Талаканская культура раннего железного века в Западном Приамурье. *Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы*. Отв. ред. Ж.В. Андреева. Владивосток: 357–380.
- Окладников, А.П. 2003. Археология Северной, Центральной и Восточной Азии. Новосибирск: Наука.
- Тарасов, О.Ю. 2013. «Западные ворота» Верхнего Приамурья: изучение истории освоения Могочинского района Забайкальского края через призму топонимики региона. *Гуманитарные и социальные науки*. № 2: 2–10.
- Шеломихин, О.А. 2009. Ранний железный век и средневековье в долине реки Буреи: по материалам памятников Букинский Ключ-1 и Безумка: автореф. дис... канд. ист. наук. Новосибирск. – <http://www.dissercat.com/content/rannii-zheleznyi-vek-i-srednevekovye-v-doline-reki-burei-po-materialam-pamyatnikov-bukinskii-ixzz2r6J8kl7T>. (дата обращения: 22.01.2014).

B.D. Tsybenov

UPPER PRIAMURYE IN ANCIENT AND EARLY MEDIEVAL TIMES

The article examines the problems of ethnicity media archaeological cultures of the epoch of antiquity and the early middle ages. The territorial scope of the study covers the area of the Upper Amur region (or West Amur region). The article analyzes the discussion which has arisen between archaeologists S.P. Nesterov and D.P. Bolotin.

Key words: Upper Amur, archeology, talakanskaya culture, mikhailovskaya culture, shivei.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СЕРЕБРОСОДЕРЖАЩЕГО НУМИЗМАТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИЗУЧЕНИЯ МОНЕТ ВОЛЖСКОЙ БОЛГАРИИ*

Е.Ф. Шайхутдинова¹⁻³, Р.Х. Храмченкова^{1,2}, А.Г. Ситдиков^{1,2}

¹Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан, Казань;

²Казанский федеральный университет, Казань; ³Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева – КАИ, Казань

Многолетние исследования нумизматического материала Волжской Булгарии в основном затрагивали типологию монет по историко-культурному происхождению. Исследования 2015–2016 гг. серебрянодержавных монет, найденных на территории г. Болгар и его округа IX–XI вв., позволили создать и апробировать методологию изучения монет из благородных сплавов на основе тонких аналитических методов в синтезе с историческими, нумизматическими и археологическими методами.

Ключевые слова: методология междисциплинарного исследования, серебряные монеты, Болгар, IX–XI вв., археология, археометрия, археотехнология.

Важное место в комплексном изучении поселений Волжской Булгарии занимает проблема историко-культурного, технологического и территориального происхождения археологических находок из цветных и благородных металлов. Монеты как исторический и культурный объект являются индикатором широких торгово-экономических связей Болгарского государства с регионами различной отдаленности. Изучение специфики производства монет в совокупности с исторической интерпретацией нумизматических артефактов позволят определить особенности элементного состава в зависимости от их происхождения и времени хождения, а также закономерности их распространения в Волжской Булгарии, как крупного средневекового торгового и культурного центра.

Многолетние исследования нумизматического материала болгарских городов большей частью затрагивали типологизацию монет по историко-культурному происхождению. Существует несколько методов определения концентрации элементов в исследуемом материале. Традиционный в случае изучения археологического материала эмиссионный спектральный анализ, определяющий полный элементный

* Работа выполнена при поддержке РФФИ №15-46-02179 «Мультидисциплинарное исследование средневековых серебряных монет археологических памятников Волжской Булгарии».

состав, включая макро- и микрокомпоненты, основан на отборе 20–30 мг изучаемого образца. Большое распространение получил неразрушающий метод рентгено-флуоресцентного анализа, исследующий поверхностный состав. Методы оптической и электронной микроскопии позволяют изучить химический состав монет на тонком уровне. Накопленные знания по нумизматическому материалу показали актуальность полной информации о внутренней структуре артефактов, так как существует большое количество монет с нанесенным поверхностным слоем высокой пробы или даже другого состава, например, посеребрённые или позолоченные медные монеты. Нумизматические находки представляют собой большую ценность, в особенности целые экземпляры.

Проведенные в 2015 г. исследования в области междисциплинарных исследований серебросодержащего нумизматического материала IX–XI вв. в очередной раз доказали, что анализ поверхностного слоя принципиально не может давать правильную информацию о химическом составе (Храмченкова, 2015). Особо актуальным вопрос о некорректных аналитических данных по рецептуре встает в том случае, когда изделия изготовлены из одного сплава, а сверху нанесен облагораживающий металл. Полученные аналитические данные показали, что даже в случае однородности металлического сплава часто монетчики использовали метод флотации – вытравливания медной составляющей из поверхностного слоя изделия. В результате этой процедуры содержание благородного металла в поверхностном слое (до 20 мкм) на 5–10 % выше, чем внутри.

Разработанная авторами методика пробоотбора позволяет уменьшить вес монеты не более чем 1 мм от плоскости и 0,010–0,015 г от своего веса. Это достаточно щадящий метод и позволяет сохранить исходный вес монеты, находящейся на хранении в фондах, а также рисунок чекана и ее экспозиционный вид.

Одну навеску можно использовать для исследования излома различными оптическими методами (например, рис. 1).

Также выяснились некоторые особенности пробоподготовки. Изготовление аншлифов для изучения микроструктуры металлов предполагает шлифовку и полировку поверхности для достижения идеально ровной поверхности. Процесс изготовления металлографических шлифов обычно включает вырезку образца и подготовку поверхности, шлифование, полирование, травление (Бернштейн, 1983). В силу своей физической природы серебро является вязким и пластичным материалом, и поэтому при любом приложении усилия происходит размазывание металла и заполнение пустот в матрице монеты, что может привести к искажению реальной структуры и результатов изучения химического состава непосредственно на месте среза. Кроме того, при отрезке образца от исходного предмета необходимо учитывать, что утрачивается не только часть предмета на образец, но материал в зоне реза при применении любого инструмента. Поэтому для исследования структурных особенностей и химического состава серебряных монет необходимо отламывать образцы и не подвергать абразивному и химическому воздействию исследуемый участок материала. Таким образом, наиболее достоверный результат дает исследование не аншлифа серебряной монеты, а поперечный излом. Наши предположения о некорректности изготовления

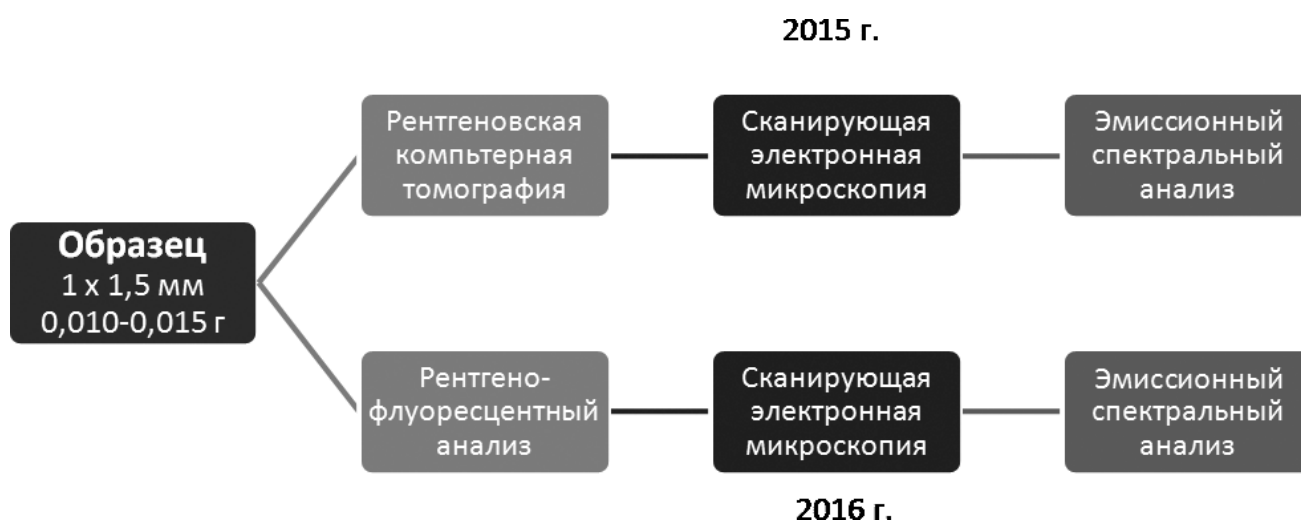

Рис. 1. Схемы использования образца

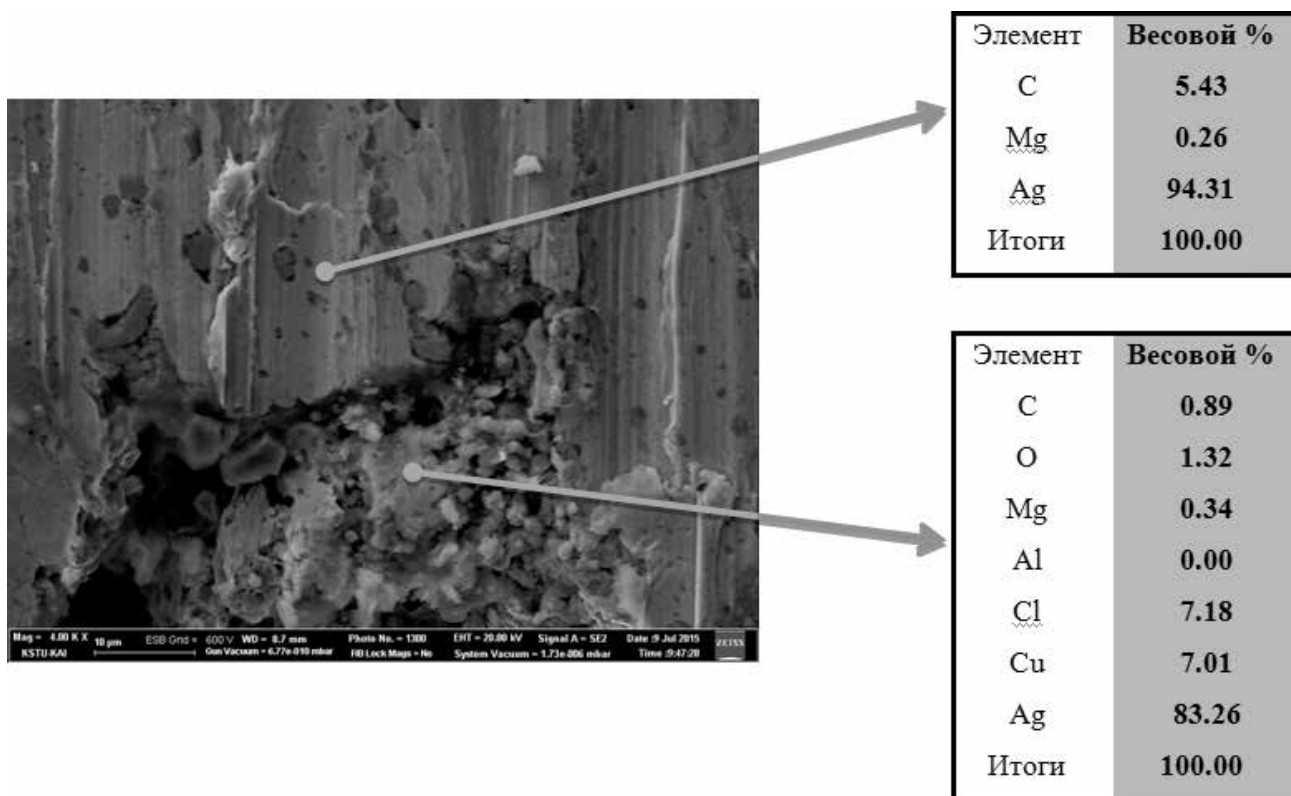

Рис. 2. Искажение химического состава монеты № 60 в результате среза при изломе

шлифов изделий, изготовленных из благородных металлов, полностью подтвердились при изучении напыла, образовавшегося в результате среза аббасидской монеты в 2015 г. (Храмченкова, 2015). У данной монеты была проанализирована поверхность полированного участка, который был получен в результате среза. Концентрация меди на этом участке имеет значения около 4% против 8% на неполированном участке, т.е. при срезе происходит наплыв наружного слоя высокопробного серебра и его перемешивание с внутренним слоем. В результате этого показания содержания меди уменьшаются, тем самым завышая пробу серебряной монеты. Аналогичный пример представлен на рис. 2. В зоне напыла количество серебра 94,31%, в образовавшейся поре напыла, серебра уже 2,11%, в тоже время на неповрежденном участке серебра 6,9% и определяются примеси.

Необходимо отметить, что примененный авторами метод электронной и оптической микроскопии для изучения изломов монет показал высокую эффективность. С учетом небольшого объема образца и его информативности данный метод может быть рекомендован в качестве основного при исследовании артефактов из благородных металлов.

ЛИТЕРАТУРА

- Бернштейн, М.Л. 1983. *Металловедение и термическая обработка стали*. Т. 1. *Методы испытаний и исследования*. Справочник. М.: Машиностроение.
- Храмченкова, Р.Х. 2015. Предварительные результаты археометрических исследований серебряных монет 10 века Волжской Болгарии. *Поволжская археология*. № 3 (13): 176–188.

E.F. Shaykhutdinova, R.Kh. Khranchenkova, A.G. Sitdikov
RESEARCH METHODOLOGY OF THE SILVER-CONTAINING NUMISMATIC MATERIAL BASED ON THE INVESTIGATION VOLGA BULGARIA COINS

Many years of research of the Volga Bulgaria numismatic material basically consisted of typology of coins for historical origin. Research in the period 2015–2016 of Bulgarian silver coins 9–11 centuries allowed to create and test a methodology for the study of coins of precious alloys on the basis of accurate analytical methods with synthesis of of historical, numismatic and archaeological methods.

Key words: methodology of interdisciplinary research, silver coins, Bulgaria, 9–11 cc., archaeology, archaeometry, archaeotechnology.

ОПЫТ СОЗДАНИЯ ТРЕХМЕРНЫХ МОДЕЛЕЙ МАЛОГАБАРИТНЫХ ОБЪЕКТОВ С РАЗВЕРТКОЙ ПОВЕРХНОСТИ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ФОТОМЕТРИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ НАДПИСЕЙ НА ЯИЧНОЙ СКОРЛУПЕ ИЗ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО МОГИЛЬНИКА XIII–XIV ВВ.

Е.Ф. Шайхутдинова¹⁻³, А.В. Касимов^{1,2}, А.Г. Ситдиков^{1,2}, Е.М. Пигарев⁴

¹Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан, Казань;

²Казанский федеральный университет, Казань; ³Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева – КАИ, Казань;

⁴Историко-культурный центр «Сарай-Бату», Астрахань

В Средние века на территории Золотой Орды на базе суфизма формируется исламский оккультизм. На территории могильника «Маячный бугор» Астраханской области были обнаружены находки, подтверждающие этот факт. Уникальными археологическими объектами явились целые формы яичной скорлупы, на поверхность которых были нанесены предположительно арабские надписи. Перед исследователями возникла задача проведения комплексного изучения находок, в том числе и выявление деградирующего текста надписей. Для данной работы был предложен метод цветовой фотометрии. В результате появилась возможность восстановления части утраченного текста без применения каких-либо радикальных методов.

Ключевые слова: археология, скорлупа яиц, Золотая Орда, XIII–XIV вв., могильник, исламский обряд, фотометрия, 3-D моделирование.

На территории Астраханской области расположено большое количество археологических памятников периода Золотой Орды. В ходе исследований одного из них – могильника «Маячный бугор», датированного концом XIII – началом XIV в., были найдены необычные артефакты (Гордеев, 2007; Пигарев, 2013). В юго-западной части могильника, на расстоянии 2 м друг от друга, были обнаружены два дигирных сосуда. В них находились многочисленные фрагменты скорлупы птичьих яиц. Предварительные исследования показали, что обнаруженные яйца принадлежат птице отряда куриных. После обработки материала и частичной реставрации удалось получить по шесть яичных форм из скорлупы из каждого сосуда. В результате выяснилось, что на внешние поверхности яиц были нанесены надписи черного цвета арабским шрифтом. Сохранность надписей плохая. Часть знаков не читается или читается приблизительно.

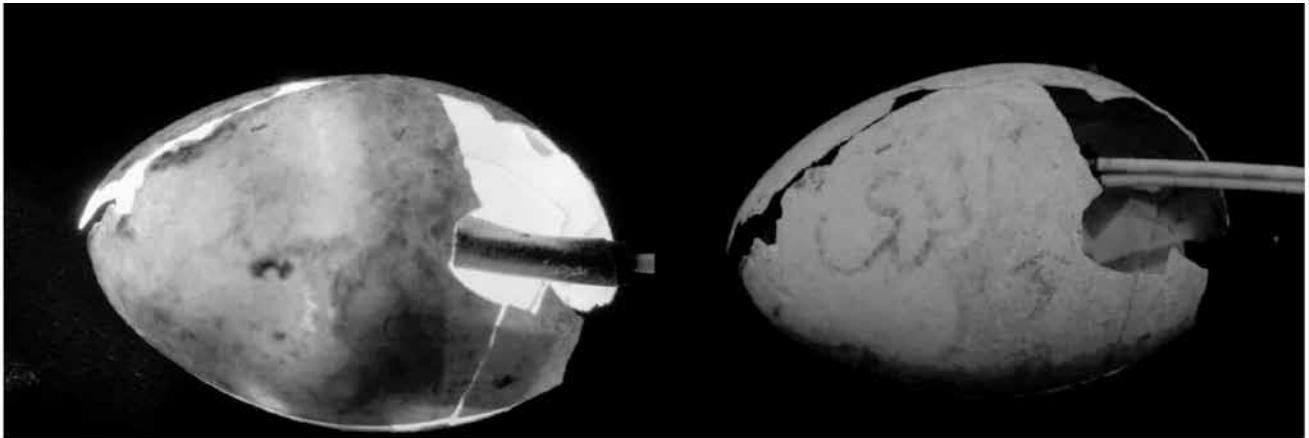
Подобные находки в количестве 10 штук были найдены на этом же археологическом памятнике в 1991 году (Малов, 1991; Pigarev, 2015). Единственно близкая аналогия ритуалу росписи яичной скорлупы арабской вязью, встреченному на могильнике «Маячный бугор», известна по материалам раскопок некрополя Миздахкан в Узбекистане в 1987 г., точнее – на холме Жумарт-кассаб. Здесь внутри одной из погребальных оград кроме погребений были обнаружены шесть кувшинов XIII–XIV вв., внутри которых оказалось 18 куриных яиц – по три в каждом сосуде. На каждом яйце арабская надпись, нанесенная чернилами (Васильев, 2013).

Данная работа посвящена результатам применения фотометрического метода изучения надписей на яичной скорлупе из золотоордынского могильника XIII–XIV вв. с применением трехмерного моделирования.

Фотометрические исследования яичной скорлупы на предмет проявления надписей проводились с помощью фотофиксации при прямом освещении и на просвет при различных источниках света. При фотографировании объекта в ультрафиолетовом излучении в целом проявились только четко прорисованные фрагменты надписей. При съемке объекта на просвет выяснилось, что низкая цветовая температура позволяла получить более четкое изображение надписей. Однако полевая консервация яичной скорлупы клеем ПВА с укреплением плотной бумагой препятствовала равномерному освещению скорлупы и поэтому оказалась не очень информативной.

Цифровая обработка фотографий яичной скорлупы позволила создать экспериментальную выборку и сравнить проявление надписей на поверхности объекта. Анализ наглядности представлений надписей на яичной скорлупе показал, что наибольшую четкость они обретают при снижении цветовой температуры снимка (рис. 1), что подтверждает предыдущий эксперимент с просвечиванием объекта.

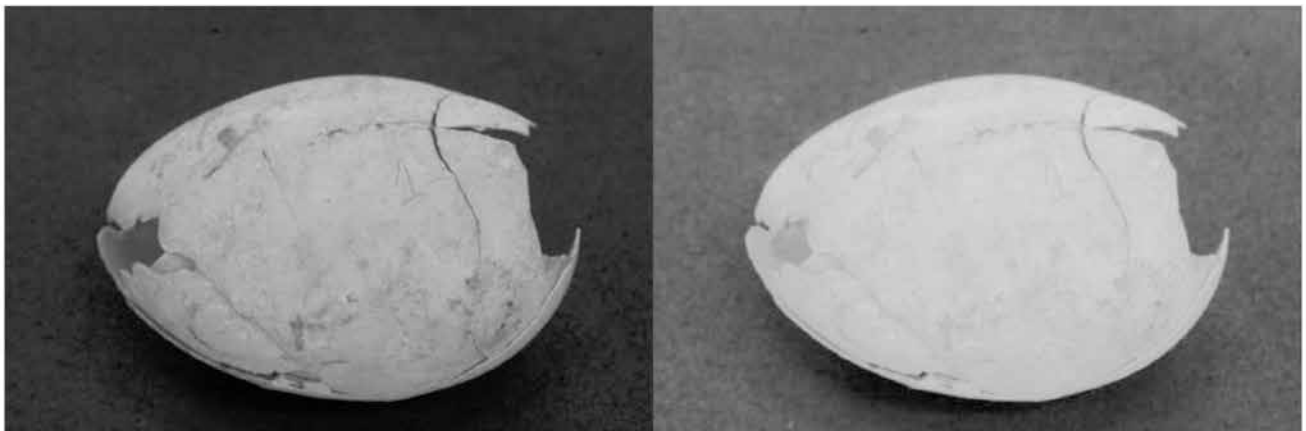
Однако двумерные фотоснимки не дают полной структуры рисунка надписи в связи с ограниченными возможностями отображения, надпись получается фрагментированной, что усложняет задачу ее идентификации и перевода. Поэтому на данный момент отрабатывается методика трехмерного сканирования небольших объектов.

а

б

Фотография яичной скорлупы при освещении на просвет в желтом (а) и синем (б) цвете

а

б

в

г

Цифровая обработка фотографий: а – снимок в рассеянном свете; б – повышенная тоновая кривая по красному цвету; в – тоновая кривая пониженная по зеленому и повышенная по красному и синему цвету; г – добавление дополнительного голубого, синего, фиолетового и розового цвета

Рис. 1. Фотометрическое исследование двумерных снимков яичной скорлупы

Методика 3-D моделирования малых форм сильно отличается от крупных. Это связано с малой глубиной резкости изображаемого пространства, поскольку снимаемый объект находится максимально близко перед объективом фотокамеры. Построение трехмерной модели яичной скорлупы производилась посредством получения серии фотографий объекта с помощью метода фотограмметрии. Стандартная процедура получения достаточного количества фотографий для создания модели подразумевает перемеще-

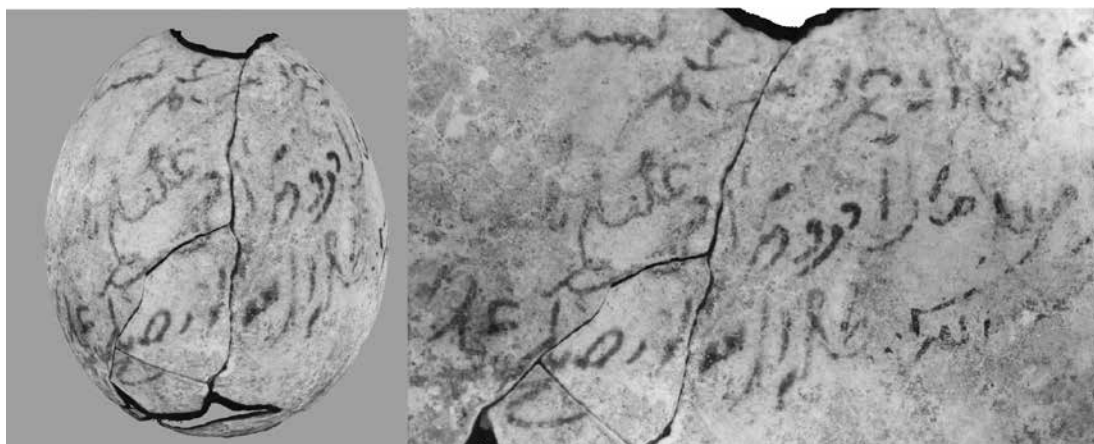

Рис. 2. Фотограмметрия модели яичной скорлупы и развертка текстуры 3-D модели

ние фотоаппарата на одинаковом расстоянии от объекта по окружности, однако в случае малых объектов глубина резкости не позволяет перемещаться вокруг него без ее нарушения. Поэтому в нашем случае было принято решение перемещать сам объект, форма которого представляет собой тело вращения, что значительно облегчило его равномерное перемещение вокруг одной плоскости. Для предотвращения случайного изменения фокусного расстояния была разработана специальная оснастка в виде плоской линейки, которая прикреплялась к фотоаппарату. Всего было произведено 60 фотоснимков, на основе которых получена 3-D модель 1 объекта (рис. 2).

Модель оказалась вполне наглядной, но в процессе формирования ее текстуры изменение ее цветовой температуры невозможно. Поэтому для выявления надписей с помощью фотометрии 3-D модель не пригодна. Однако вполне возможно отделение текстуры от поверхности и превращение ее в развертку. Для этого рисунок текстуры проецируется на цилиндрическую форму, которая впоследствии разворачивается в прямоугольную развертку без ее искажения (рис. 2).

Данная методика получения непрерывного изображения вполне адекватна, но необходимо ее доработать для получения связанной между собой текстуры.

В настоящее время невозможно дать точного толкования встреченному на могильнике «Маячный бугор» обряду из-за малого количества подобных находок и трудностей, возникающих с прочтением полустертых надписей арабского шрифта. Исследуемые находки свидетельствуют о необычном ритуале, присущем части золотоордынского населения в период становления ислама. В традициях многих народов яйцо служило символом жизненной силы и плодородия (Малявин, 1989). Также у некоторых азиатских народов известен образ яйца, из которого возникает вселенная или людской род, происходит рождение человека из яйца и превращение яйца в человека (Мифы народов мира, 1992).

Непосредственное прочтение надписей на изучаемых объектах затруднено в связи с нанесенным ранее слоем клея, устранение которого является сложной задачей. Рисунок деградирует и постепенно выцветает. Природа происхождения нанесенных чернил на данный момент не выяснена в полной мере. Яичная скорлупа в отличие от бумажных источников в силу своей уникальности не имеет аналогов в методике выявления надписей и требует ее непосредственной разработки и применения нестандартных подходов.

Примененная методика 2-D и 3-D фотометрии показала хорошие результаты.

Помимо непосредственной задачи выявления надписей моделирование объемного изображения скорлупы позволит в будущем использовать ее для виртуальной реконструкции яичных форм из фрагментов скорлупы и использовать ее для физической реставрации.

ЛИТЕРАТУРА

- Васильев, Д.В. 2013. Новые археологические материалы периода исламизации Золотой Орды. Золотоордынская цивилизация. *Golden Horde civilization: Научный ежегодник*. № 6: 10–21.
- Гордеев, В.И. 2007. Отчет об археологических исследованиях могильника «Маячный бугор-I» в Красноярском р-не Астраханской обл. в 2001 г. (Архив ИА РАН. Т. 1. Йошкар-Ола).
- Малов, Н.М. 1991. Отчет о научно-исследовательской работе. Охранные раскопки грунтового могильника «Маячный бугор-II» Красноярского р-на Астраханской обл. (по договору № 1). (Архив АГОИАМЗ. АМЗ НВ 13085. Саратов).

- Малявин, В.В. 1989. Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии: Годовой цикл. М.: Наука.
- Мифы народов мира. 1992. Ред. С.А. Токарева. М.: Сов. энциклопедия.
- Пигарев, Е.М. 2013. Находки скорлупы птичьих яиц на средневековом могильнике «Маячий бугор». *Российская археология*. № 1: 179–181.
- Pigarev, E. 2015. Discovered eggshells with Arabic inscriptions from a Golden Horde burial of 13th-14th centuries. *Proceedings of the 1st International Conference on Metrology for Archaeology*. Benevento (Italy): 304–308.

E.F. Shaykhutdinova, A.V. Kasimov, A.G. Sitdikov, E.M. Pigarev
 EXPERIENCE IN THE DESIGN OF SMALL OBJECTS 3-D MODELS WITH A SURFACE SCAN BASED ON THE RESULTS OF PHOTOMETRIC RESEARCH OF THE EGGSHELL INSCRIPTIONS FROM THE GOLDEN HORDE BURIAL SITE 13th-14th CC.

During the Middle Ages on the territory of the Golden Horde forms Islamic occultism based on the Sufism. On the territory of the burial ground «Mayachniy bugor» of the Astrakhan region were found artifacts confirming this fact. Unique archaeological sites were entire form of the eggshell, the surface of which presumably Arabic inscriptions were inflicted. Front of researchers was the problem carrying out of complex exploring of finds, including the identification of degrading the text inscriptions. Color photometry method has been proposed for this study. As a result, have an opportunity restore part of the lost text without applying any radical methods.

Key words: archaeology, eggshell, the Golden Horde, 13–14 cc., burial, the Islamic ritual, photometry, 3-D modeling.

АРХЕОМЕТРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЧУГУНА БОЛГАРСКОГО УЛУСА XIV В.*

*Е.Ф. Шайхутдинова¹⁻³, Р.Х. Храмченкова^{1,2}, Н.Г. Набиуллин¹, А.В. Беляев¹,
 А.Г. Ситдииков^{1,2}, Р.М. Янбаев³*

¹Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан, Казань;
²Казанский федеральный университет, Казань; ³Казанский национальный исследовательский
 технический университет им. А.Н. Туполева – КАИ, Казань

Существование ремесленной школы черной металлургии на территории Волжской Болгарии в период XIII–XV вв. подтверждается археологическими находками. Однако в связи с большим разнообразием чугуновых изделий и нестабильностью торгово-ремесленных центров в период XIII–XV вв. встает вопрос о преемственности литейных технологий ведущих городов Волжской Болгарии и возможности импорта из других центров Золотой Орды.

Ключевые слова: археология, археометрия, чугун, металлургия, XIII–XV вв., Золотая Орда, Волжская Булгария, Болгар, Джукетау, Казанский кремль, сканирующая электронная микроскопия, эмиссионный спектральный анализ.

Одними из важнейших отраслей производства Волжской Булгарии (Республика Татарстан) была черная металлургия. Существование в золотоордынский период болгарского чугунолитейного производства (XIII–XV вв.) выявляется в виде многочисленных археологических фрагментов чугуновых котлов и развалов крупных горнов. В XIV–XV вв. Болгарское государство – один из крупнейших регионов Золотой Орды. На ее территории согласно письменным источникам (Набиуллин, 2011) располагалось не менее 10 городов. Множество больших и богатых на археологические находки поселений до сих пор ждут своей очереди на изучение. Одним из крупных и малоизученным до сих пор остается самый восточный город Волжской Булгарии – Джукетау.

Чугунные котлы, найденные в Казанском Кремле, схожи по форме с другими котлами, найденными на территории Золотой Орды, вероятнее всего, они появляются из таких городов, как Болгар, Азак, городище Царино или других чугунолитейных центров расположенных на территории Золотой Орды или вблизи от них. Это является следствием отсутствия каких-либо фактов, доказывающих существование в Казани собственного чугунолитейного ремесла.

В работе проведен сравнительный анализ результатов исследований образцов чугуновой посуды времен заката существования столицы Волжской Болгарии и образования нового регионального торгово-ремесленного центра – города Казань. Артефакты из раскопов Болгар, Джукетау и Казань изучались методом сканирующей электронной микроскопии и эмиссионным спектральным анализом.

* Работа выполнена в рамках молодежного научного гранта Президиума Академии наук Республики Татарстан для государственной поддержки молодых ученых Республики Татарстан (договор 14-58-ф Г 2016).

Сравнительный анализ проводился с ранее исследованными 15 образцами чугунной посуды, найденной на территории Булгарского городища (Shaykhutdinova, 2015; Шайхутдинова, 2015). В 2016 г. в рамках гранта были исследованы образцы находок из чугуна из раскопов Джукетау (6 шт.) и Казанского кремля (7 шт.).

Сопоставление морфологии поверхности и формы чугунной посуды Болгара и Джукетау не выявил существенных различий, кроме образца чугуна XVII–XVIII вв.

Все исследованные образцы, кроме фабричного образца XVII–XVIII вв., имеют состав передельного чугуна. Хаотичная мелкодисперсная или слоистая и мелкодисперсная структура предполагают несовершенную технологию получения чугуна. Структура состоит из сложносоставных фаз, которые условно можно поделить на зерна белого чугуна с графитом, серого чугуна с графитом и пограничный слой со сложным микроэлементным и нерегулярным составом.

Образцы из Казани отличаются большим разнообразием по структуре и по химическому составу. Образцы имеют большую четкость дендритных фаз с сложной многофазной структурой.

В отличие от болгарского чугуна в образцах из Джукетау нет больших литейных дефектов. Но также встречаются эндогенные образования с разным химическим и фазовым составом.

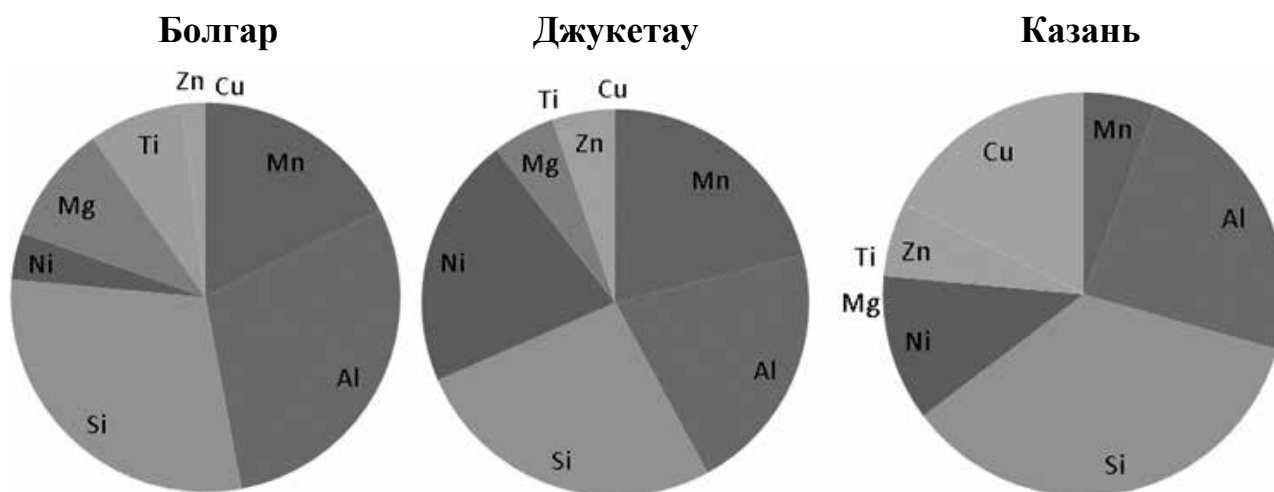
7 образцов из Казанского кремля разнообразны по структуре и химическому составу. Во всех них имеются следы явного переплава и других, отличных от болгарских и джукетауских режимов затвердевания. Образцы отличаются большей четкостью дендритных фаз, внутри дендриты имеют сложную многофазную структуру. Также встречаются эндогенные образования в виде отдельных зерен внутри дендритов или на границе раздела фаз.

Сильная ликвация химического состава во всех образцах обусловлена несовершенством технологии, следов регулирования структуры не обнаружено.

Исследование фабричного образца из Джукетау наглядно демонстрирует, что в XVII–XVIII вв. уже достаточно хорошо регулировали структуру чугуна: правильные округлые в одной плоскости дендриты, чистый графит в виде веера пластинок вокруг единого центра зерна. В то же время центр каждого дендрита пока еще представляет собой хаотическую смесь ферритовых, перлитных и других химических соединений.

Микропримесный состав выявил интересную особенность – в болгарском и джукетауском чугуне XIII–XIV вв. часто встречающейся примесью является алюминий, кремний и марганец. Причем наложение полученных рентгено-флуоресцентных спектров выявило, что цветовые распределения алюминия и кремния совмещены с кислородом. Данная особенность может указывать на то, что в качестве флюсов могли применяться пески. Вероятно, эти пески содержали в себе примеси соединений марганца, так как в ряде образцов чугуна из Болгар и Джукетау содержится марганец (см. рисунок).

На рисунке наглядно демонстрируется, что чугун из Джукетау отличается от болгарского по примесям никеля и титана, однако это может быть обусловлено малой выборкой образцов джукетауского чугуна.

Распределение микроэлементов в образцах, найденных при раскопках в городах Болгар, Джукетау и Казанском кремле

Выборка чугуна с раскопок Казанского кремля отличается большим разнообразием по микропримесям. В одном образце нет микропримесей, что указывает на переплав. В трех образцах обнаружены микропримеси меди. Микропримесь марганца имеется только в одном образце. В то же время применение силикатов в виде флюса также применимо и для данных образцов, так как примеси кремния присутствуют во всех семи образцах.

В практически всех образцах найдено большое количество фосфора, что указывает на древесный источник топлива для изготовления чугуна.

Возможно, присутствие алюминия и кремния обусловлено использованием местной железосодержащей руды – глинистых железняков. Помимо этого присутствие данных элементов можно объяснить использованием алюмосиликатов в качестве флюсов. Содержание в отдельных образцах микроэлементов титана, марганца, магния, никеля, меди и других элементов может быть обусловлено тем, что в руду или при переплаве сырцового железа добавлялся стальной или чугунный лом из других источников или даже регионов.

Эмиссионный спектральный анализ выявил, что помимо фабричного образца, 2 образца из Джукетау и 1 из Болгар также сильно отличаются от большинства. Это вероятно указывает на импорт изделий либо изготовление из другого рудного сырья. Образцы из Казанского кремля очень разнородны по микроэлементному составу и, вероятно, не схожи по данному признаку с болгарскими и джукетаускими.

Для более достоверного статистического определения микропримесей необходимо исследовать большую выборку образцов из Казанского кремля и Джукетау, что планируется в дальнейшем.

Таким образом, чугунолитейное производство Волжской Булгарии в конце XIII–начале XV в. находилось на начальной стадии и, вероятно, развивалось отдельно от остальных государств, входящих в Золотую Орду. Чугунная посуда Казани различается большим разнообразием. Это может быть обусловлено как различными ремесленными школами, так и импортом из других регионов Золотой Орды.

ЛИТЕРАТУРА

- Набиуллин, Н.Г. 2011. Джукетау – город булгар на Каме. Казань: Татар. кн. изд-во: 143.
 Шайхутдинова, Е.Ф. 2015. Исследование технологических и эксплуатационных характеристик изделий чугунолитейного производства Волжской Булгарии. *Ползуновский альманах*. № 2: 17–20.
 Shaykhutdinova, E. 2015. Iron casting in Volga Bulgaria in 14–15 cc. *Proceeding of the 1st International Conference on Metrology for Archaeology*. Benevento (Italy): 203–207.

E.F. Shaykhutdinova, R.Kh. Khranchenkova, N.G. Nabiullin, A.V. Belyaev, A.G. Sitdikov, R.M. Yanbaev
 ARCHEOMETRIC STUDIES OF CAST IRON OF THE BULGARIAN ULUS OF THE XIV CENTURY

The availability of a ferrous metallurgy craft school in the territory of Volga Bulgaria in the period of 13th-15th centuries is confirmed by archaeological findings. However, a wide variety of cast iron articles and the instability of trade and craft centres in 13th-15th cc. brings up the issue of the continuity of cast iron technologies used in the leading towns of Volga Bulgaria, and the possible import of articles from other centres of the Golden Horde.

Key words: archaeology, archaeometry, iron, metallurgy, 13–15 centuries, Golden Horde, Volga Bulgaria, Bolgar, Juketaw, Kazan kremlin, scanning electron microscopy, emission spectral analysis.

ДАУРЫ ПРИАМУРЬЯ (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)

В.В. Шевченко

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток

Статья посвящена истории изучения даурского этноса. В статье рассматриваются отдельные историографические аспекты, касающиеся территории расселения, археологических материалов, языковой принадлежности и этногенеза дауров.

Ключевые слова: Приамурье, Средние века, дауры, даурский язык, владимировская археологическая культура, этническая история.

Постановка проблемы. Дауры, проживающие в настоящее время небольшими группами на территории Китая, в позднее Средневековье занимали значительно большую территорию. В начале XIII в. они проживали на Верхнем и Среднем Амуре (устье Зеи). Время и причины появления в Приамурье этого

монголоязычного этноса до сих пор остаются дискуссионными. Неизвестно и то, как происходило их внедрение в аборигенную тунгусо-маньчжурскую среду Приамурья, представленную чжурчжэнями – давними врагами монголов. Был ли это одномоментный акт переселения дауров монголами для закрепления территории или это остатки киданей, регулярно беспокоивших в монгольское время дальневосточное население, в первую очередь Коре, своим «нецивилизованным» поведением. Поэтому в данной работе автор намерен рассмотреть отдельные историографические аспекты, касающиеся территории расселения, археологических материалов, языковой принадлежности и этногенеза дауров.

Территория расселения дауров. Первые сведения о расселении дауров в Приамурье связаны с походами на Амур В.Д. Пояркова (1643–1646 гг.), Е.П. Хабарова, О. Степанова (1649–1658 гг.) и др. (Дополнения..., 1848: 164), в результате чего территория южной части Забайкалья, Верхнего и Среднего Приамурья стала называться Даурией (Даурская земля). Известно также, что последующие столкновения русских первопроходцев с маньчжурами привели к вынужденному переселению земледельческого населения (дауров и дючеров) с берегов Амура и Зеи в долину р. Нонни. Из чего следует, что время пребывания дауров на территории Приамурья ограничивается XIII–XVII вв.н.э.

Большую роль в изучении средневекового населения Приамурья сыграли работы первых русских синологов Н.Я. Бичурина, В.П. Васильева, Палладия Кафарова. Начиная с середины XIX в. на российском Дальнем Востоке активно работало несколько научных экспедиций. Большое внимание проблеме расселения этносов Приамурья, в том числе и дауров, в XIX в. уделял академик Л.И. Шренк. В своем труде «Об инородцах Амурского края» он выделял три основные области расселения дауров: 1. Максимальная концентрация даурского населения сосредотачивалась в среднем течении реки Нонни и по некоторым ее притокам. На правых притоках Нонни, у восточной подошвы Хингана дауры соседствовали с китайцами, ороचनाми и солонями; 2. Следующая область расселения дауров фиксировалась в районе верхнего и среднего течения реки Комары (совр. Кумары); 3. Третья область расселения располагалась на Среднем Амуре (выше устья Буреи и до устья Зеи). На всем остальном пространстве Верхнего Приамурья встречались немногочисленные дауры-купцы (Шренк, 1883: 50–53).

Сопоставляя данные из источников XVII в. о расселении этносов Приамурья с данными, которые были собраны во время собственных экспедиций, Л.И. Шренк пришел к выводу, что территория Верхнего Амура подверглась более значительным изменениям в этническом плане, в сравнении с территорией, расположенной ниже впадения реки Сунгари в Амур. Одно из первых упоминаний о местах расселения даур содержится в отписках М. Перфильева. В 1639–1640 гг. М. Перфильев узнал от витимских тунгусов, что «по верхнему Витиму, начиная с впадения в него реки Карги, до озера Еравны, равно как и по Шилке, до ее устья (т.е. по верхнему Амуру до Сунгари) живет народ «Дауры»» (Шренк, 1883: 164).

Во время похода В. Пояркова русские первопроходцы впервые встретились с даурами на Зее. Изучив документы XVII в. и работы отечественных востоковедов, Л.И. Шренк заключил, что дауры в то время занимали одно сплошное обширное пространство по территории Верхнего Амура и его притокам, Зеи, Комаре, а также далеко вверх по Шилке и Аргуни до реки Нонни и ее притоков. По Зее дауры жили от устья Умлекана до впадения реки в Амур и далее вниз по Амуру почти до Буреинских гор, где они соседствовали с дючерами (Шренк, 1883: 165).

В.И. Огородников, проанализировав труды И. Бичурина, Д. Позднева, Л.И. Шренка, писал в своей работе о том, что дауры являются одним из тунгусских племен шивэй, заселивших в IV–IX вв. Северную Маньчжурию. В этот период времени дауры занимали все правобережье р. Амур до впадения в нее Сунгари. Однако в X–XII вв. дауры под давлением с юга родственных племен шивэй были вынуждены переселиться севернее, на левобережье Амура (Огородников, 1927: 11).

В середине XX в. проблемой расселения этносов Приамурья занимался Б.О. Долгих. Исследователь, опираясь на письменные источники XVII в., смог определить территорию расселения дауров и остальных этносов Приамурья. Он писал, что дауры занимали обширную территорию, простирающуюся вниз по течению р. Амур от устья р. Урки (Ольдоя) до района Айгуна (Толгина городок). По р. Зея дауры селились от устья р. Умлекана до впадения Зеи в Амур. По данным исследователя дауры делились на одиннадцать территориально-племенных группировок, называвшихся по именам отдельных князей. Пять таких группировок располагались по Амуру, а остальные шесть по Зее. «Каждая группировка амурских дауров состояла из нескольких (от двух до шести) улусов, или «городков», т.е. поселений (Долгих, 1958: 127–128).

Из современных работ, посвященных проблеме расселения дауров, необходимо отметить работы Д.Д. Нимаева «Дауры и баргуты: проблемы этнической истории» и Б.Д. Цыбенова «Даурские роды

в XVII веке». В своей работе Д.Д. Нимаев высказывает мнение о том, что Забайкалье примерно до середины XVII в. было частью ареала обитания средневековых дауров. Бурятский исследователь Б.Д. Цыбенков сообщает, что вначале XVII в. дауры занимали обширные территории от Еравнинских озер и верховьев Витима на западе до притока Амура в среднем течении р. Буряя на востоке. На севере граница расселения доходила до устья р. Амга (приток Алдана), а на юге граница проходила по правому берегу Амура, в районе притоков Кун и Букур (Цыбенков, 2011: 238).

Археологические факты. Пальма первенства выделения даурских археологических памятников принадлежит Г.С. Новикову-Даурскому, занимавшемуся в 20–60 гг. XX столетия изучением древней истории Приамурья, в частности Амурской области. Исследуя древние укрепленные поселения, Г.С. Новиков-Даурский выделил городища «даурского типа» (Новиков-Даурский, 1961: 67).

Как видно из названия предложенного типа, Г.С. Новиков-Даурский полагал, что данные фортификационные сооружения были построены именно даурами. На сегодняшний день археологических раскопок на городищах «даурского типа» не проводилось, поэтому подтвердить или опровергнуть эту гипотезу не представляется возможным. На необходимость разработки проблемы городищ «даурского типа» указывает О.В. Дьякова (Дьякова, Шевченко, 2016: 28). В 1984 г. О.В. Дьякова, работая с коллекциями Амурского областного музея им. Г.С. Новикова-Даурского, выделила серию археологических памятников монгольского, минского и цинского времени и поставила проблему: новые ли это археологические культуры или в связи с завоеванием территории произошла смена ремесленных комплексов, позволяющих датировать памятники, но не свидетельствующих о смене населения. Археологический материал, по мнению исследовательницы, позволял говорить о присутствии на территории отдельных монгольских памятников, в частности захоронений, при параллельном функционировании тунгусо-маньчжуров (Дьякова, 1986: 226–249).

Опираясь на разработки О.В. Дьяковой, Б.С. Сапунов и Д.П. Болотин в 1989 г., выделили владимировскую археологическую культуру, нижней хронологической границей которой являлся XIII–XIV вв., а верхней – XVII в., когда по приказу циньского правительства было осуществлено переселение всего земледельческого населения Приамурья (Болотин, 2005: 619).

Изучение материалов владимировской археологической культуры позволило исследователям выявить характерные признаки. В погребениях использовалась долготная (север, северо-восток или юг, юго-запад) ориентация умерших. Среди способов захоронений доминируют ингумации (69–70%), при этом умершего человека укладывали на спину в вытянутом положении.

В погребальном инвентаре керамическая посуда малочисленная и представлена кувшинами с темно-коричневой поливой, фарфоровыми чашами-пиалами с подглазурной монохромной кобальтовой росписью с растительным орнаментом.

Среди украшений, встречаемых в погребениях владимировской археологической культуры, доминируют бусы шаровидной формы из стеклопасты, преимущественно синих и зеленых цветов. Серьги чаще всего выполнены из серебряной проволоки в форме вопросительного знака, с подвесками в виде одной или нескольких шаровидных бусин. Различные бронзовые и серебряные нашивки, в том числе имеющие чешуйчатый орнамент. Подвесные украшения представлены чугунами и бронзовыми бубенчиками небольших размеров, шаровидными и в форме «рыбки» (Болотин, 2005: 618).

Самым многочисленным материалом среди предметов вооружения являются наконечники стрел. По материалу они разделяются на железные и костяные наконечники стрел, причем последние в количественном отношении сильно преобладают. Костяные наконечники разделены на 12 типов. Самыми распространенными среди костяных наконечников стрел являются: четырехгранные, ромбовидные в сечении и трехгранные, треугольные в сечении, оба типа имеют плоский насад. Железные наконечники подразделяются на 16 типов. По форме пера железные наконечники делятся на две группы: плоские и граненые (бронебойные), все они черешковые (Сапунов, 1994: 87–92).

Лингвистический аспект: тунгусо-маньчжуры или монголы. В конце XIX в. среди отечественных востоковедов было распространено мнение, что даурский язык относится к тунгусо-маньчжурским языкам с сильной примесью монгольского элемента (Шренк, 1883: 289). Впервые изучением даурского языка и его особенностей начал заниматься А.О. Ивановский. В 1894 г. был опубликован труд «Manjurica I. Образцы солонского и дахурского языков». Исследователь сообщает о местах расселения дауров. Ссылаясь на китайскую и европейскую литературу, приводит данные по происхождению этнонимов «солон» и «дахур». Главной заслугой Ивановского является введение даурского лингвистического

материала в научный оборот. Исследователь высказал предположение о том, что даурский язык, «вероятно, ближе к монгольскому, чем к маньчжурскому языку» (Ивановский, 1894: 9).

Б.И. Панкратов, написавший диплом по дагурскому языку, доказал, что этот язык является одним из монгольских. Часть этих сведений была издана К.С. Яхонтовым в серии «Страны и народы Востока» (Яхонтов, 1998: 132–149).

Особенностями языка хайларских дауров занимался Н.Н. Поппе. В результате проведенных лингвистических исследований Н.Н. Поппе установил, что даурский язык относится к архаичному диалекту монгольского языка, который отделился приблизительно в XIII в. Также исследователь собрал сведения по шаманизму, похоронному обряду и фольклору дауров (Поппе, 1930: 15).

В середине 50-х гг. XX в. Китайская академия наук организовала экспедицию по изучению монгольских языков. В составе экспедиции по изучению даурского языка работала Б.Х. Тодаева. В ходе работы экспедиции было определено место и количество диалектов даурского языка в монгольской группе языков. Проведенные исследования Б.Х. Тодаевой показали, что язык дауров занимает обособленную группу монгольских языков, внутри которой он сам занимает особое место. Это «объясняется многовековыми контактами дауров с тунгусо-маньчжурами, наложившими своеобразный отпечаток на дальнейшее развитие дагурского языка» (Тодаева, 1986: 9).

Происхождение дауров. На сегодняшний день существует три гипотезы связанные с проблемой этногенеза дауров: 1) тунгусо-маньчжурская; 2) монгольская; 3) киданьская.

Один из самых авторитетных этнографов XIX в. академик Л.И. Шренк считал, что дауры относятся к тунгусо-маньчжурским народам с сильной примесью монгольского элемента. Изучая работы современников и опираясь на более ранние письменные источники, исследователь предполагал, что дауры могли появиться в верховьях Амура только после того, как монголы завоевали государство Цзинь (1115–1234 гг.н.э.) (Шренк, 1883: 173). При рассмотрении этнонима даур отечественные и китайские ученые прослеживают определенную параллель с названием правившего среди киданей рода дахэ. Так, например отечественный востоковед В.П. Васильев считал, что имя (этноним) «Дахур» имеет связь с киданьским аймаком Да-хо (Ивановский, 1894: 3). Современные исследования в области лингвистики и генетики, а также этнографические и фольклорные данные свидетельствуют в пользу гипотезы о киданьском происхождении даурского этноса. Многие китайские исследователи считали монгольскую версию происхождения наиболее вероятной и выдвигали различные гипотезы, связанные с происхождением дауров от племен шивэй и белых татар. Общим во всех рассуждениях являлось близкое языковое родство дауров с монгольским миром (Цыбенев, 2012: 22).

Выводы.

1. *Ареал расселения.* Территория расселения дауров, на момент прибытия русских первопроходцев в XVII в., была достаточно обширной. Затем военные столкновения русских и маньчжуров спровоцировали вынужденное переселение земледельческого населения на Нонни. В середине XIX в. Л.И. Шренк зафиксировал три основных района проживания дауров. Исследователь предполагал, что дауры появились на Амуре относительно недавно, так как не имели одной сплошной области проживания, а их селения располагались по Амуре хаотично и зачастую дауры жили в одном поселении совместно с маньчжурами и китайцами.

2. *Археологические подтверждения.* Изучение археологического материала памятников владимировской культуры свидетельствуют в пользу связи ее населения с монгольским миром. Монгольская традиция проявляется в северной ориентации умершего в захоронениях. На всех таких захоронениях фиксируются две поперечные деревянные плахи, в изголовье и у ног. В захоронениях очень мало керамических изделий. Украшения (серьги, бусы), встречаемые в погребениях, также находят аналогии с монгольским миром.

3. *Лингвистические проблемы.* Отечественные и зарубежные исследователи относят даурский язык к обособленной ветви монгольских языков, которая испытывала в прошлом влияние тунгусо-маньчжурского языка.

4. *Происхождение дауров.* Исследователи XVIII–XIX вв. считали, что в этногенезе даур участвовали тунгусо-маньчжуры. Это мнение базировались на сходстве языка даур с маньчжурским языком. Однако дальнейшие исследования лингвистов доказали, что даурский язык относится к монгольской ветви языков, которая отделилась от основного ядра приблизительно в XIII в. Данные археологии, а также отдельные исследования отечественных и китайских ученых подкрепляют версию о монгольском про-

исхождении даурского этноса. Среди современных исследователей версия об участии средневековых киданей в этногенезе дауров имеет большинство сторонников.

ЛИТЕРАТУРА

- Болотин, Д.П. 2005. Народы и культуры Приамурья в позднем средневековье. *Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы*. Отв. ред. Ж.В. Андреева. Владивосток: 615–636.
- Долгих, Б.О. 1958. Этнический состав и расселение народов Амура в XVII в. по русским источникам: *Сб. статей по истории Дальнего Востока*. Отв. ред. М.Н. Тихомиров. Москва: 125–142.
- Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археологической комиссией. 1848. Т. 3. СПб.: тип. Эдуарда Праца.
- Дьякова, О.В. 1986. Материальная культура населения Приамурья в XIII–XVII вв. *История и культура Восточной и Юго-Восточной Азии*. Ч. 2. М.: 226–249.
- Дьякова, О.В., Шевченко, В.В. 2016. Тунгусо-маньчжуря Приамурья: этнокультурное пограничье (по материалам фортификации). *Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды*. Под ред. С.Г. Бочарова и А.Г. Ситдикова. Казань; Ялта; Кишинев: 28–31.
- Ивановский, А.О. 1894. Образцы солонского и даурского языков. СПб.: Типография Императорской академии наук.
- Новиков-Даурский, Г.С. 1961. Историко-археологические очерки. Благовещенск: Амурское кн. изд-во.
- Огородников, В.И. 1927. Туземное и русское земледелие на Амуре в XVII в. Владивосток. Типография Государственного Дальневосточного Университета.
- Поппе, Н.Н. 1930. Дагурское наречье. Материалы комиссии по исследованию монгольской и тану-тувинской народных республик и бурят-монгольской АССР. Вып. 6. М.: Изд-во АН СССР.
- Сапунов, Б.С., Болотин, Д.П. 1994. Железные наконечники стрел владимировской археологической культуры Верхнего Приамурья. *Медиевистские исследования на Дальнем Востоке России*. Владивосток: Дальнаука: 87–92.
- Тодаева, Б.Х. 1986. Дагурский язык. М.: Наука.
- Цыбенков, Б.Д. 2011. Даурские роды в XVII в. *Вестник Бурятского гос. ун-та*. Вып. 8.: 238–246.
- Цыбенков, Б.Д. 2012. История и культура дауров Китая. Историко-этнографические очерки: Улан-Удэ.: Изд-во ВСГУТУ.
- Шренк, Л.И. 1883. Об инородцах Амурского края. Т. 1. Части географическо-исторические и антропо-этнологические. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук.
- Яхонтов, К.С. 1998. Дагурский язык. Введение. Страны и народы Востока. СПб.: Петербургское востоковедение: 132–149.

V.V. Shevchenko

DAUR PEOPLE OF THE AMUR REGION (HISTORIOGRAPHIC ASPECTS)

The article is devoted to the history of the study of Daur ethnic group. This article discusses some historiographical aspects relating to the territory of the settlement, archaeological materials, linguistic identity and ethnogenesis of Daur people.

Key words: the Amur region, the middle ages, Daur people, Daur language, vladimirovskaya archaeological culture, ethnic history.

НЕОБЫЧНЫЕ НАХОДКИ ИЗ РАСКОПОК ЗОЛОТООРДЫНСКОГО АЗАКА

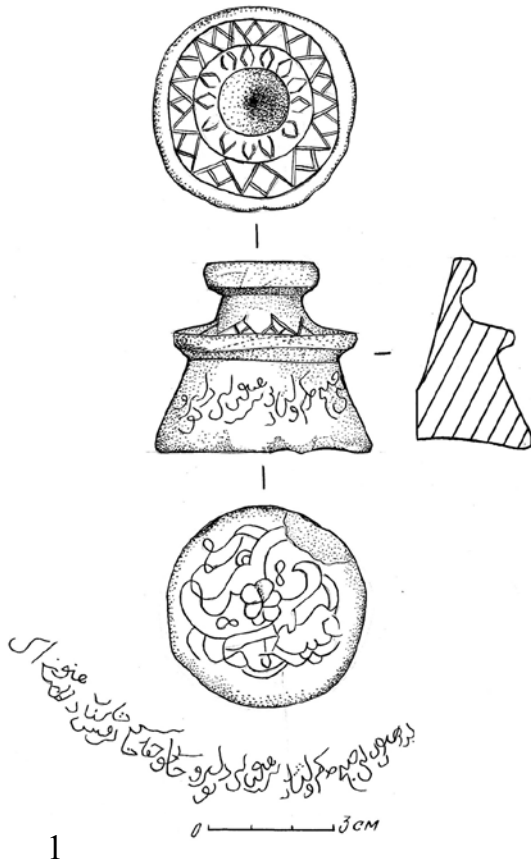
Н.И. Юдин

Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник, Азов

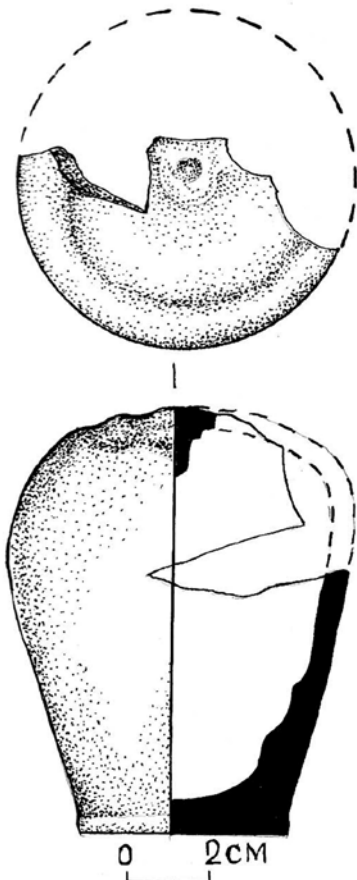
Статья представляет собой небольшой свод импортных вещей из раскопок золотоордынского Азака, являвшихся предметами различного назначения: от сосудов и украшений до паломнических реликвий. Эти находки указывают на широту внешних связей города в XIII–XIV вв. Будучи импортами, они могли попасть в город не как товары, а как диковинки или сувениры. Некоторые из описанных в тексте предметов публикуются впервые.

Ключевые слова: Золотая Орда, Азак, Юго-Восточный Крым, реликвия, артефакт, Средневековье.

За многие десятилетия раскопок золотоордынского городища Азак было сделано множество находок, характеризующих его внешние связи. На фоне большого количества импортных вещей, поступавших в город в качестве товаров, выделяется категория предметов, которые ими не были. Вероятно, эти изделия были ввезены как диковинками, сувенирами. Будучи найденными в единственном экземпляре, они, наряду с привозившимися в Азак массовыми изделиями-товарами, предметами обихода, инструментами, дополняют картину взаимодействия города с различными регионами средневекового мира.

1

2

Керамический подсвечник с персидской надписью (рис. 1, 1). Найден в 2000 г. на раскопе по адресу улица Толстого, 41, в заполнении ямы 19 (Белинский, Масловский, 2001: 46, рис. 2). Изделие усеченно-конусовидное в плане, со слабо вогнутым дном, с «воротничком» и глубокой, треугольной в сечении полостью для установки свечи. находка датируется по младшей монете, встреченной в комплексе, – анонимному пулу времени хана Узбека 1325/26 гг. (Масловский, Белинский, 2000о: 117, № 313).

Размеры изделия: высота – 5,5 см, диаметр основания – 6 см, диаметр «воротничка» – 5,5 см, диаметр в верхней части – 3 см, глубина чашечки – 3,5 см.

На подсвечник нанесен орнамент. В верхней части это круг из ромбовидных фигур на плоской поверхности венчика; пояс из треугольников, имитирующий распустившийся цветок (?), который нанесен на выступ в средней части тулова. Дно изделия украшает серия ажурных завитков, с небольшим цветком в центре, все выполнено тонкой линией.

Отличительной особенностью рассматриваемого экземпляра является надпись, которая на настоящий момент полностью не переведена. Предположительно, в ее тексте присутствует слово «свеча». Кроме того, в отличие от орнамента, прорезанного по сырой глине непосредственно перед обжигом, надпись процарапана уже по обожженной стенке подсвечника. Это говорит о том, что надпись нанесена не мастером-гончаром перед обжигом, а позднее.

Керамические подсвечники не являются редкостью в комплексе находок из Азака. Среди них встречены как образцы местного производства (Масловский, 2006: 331, рис. 10, 1, 2; 342–343, рис. 13, 13, 14), так и импортные, например из Юго-Восточного Крыма (Масловский, 2006: 357, рис. 18, 9; 359) и Малой Азии (Масловский, 2006: 454–455, рис. 58, 3).

Однако морфологически данный экземпляр напоминает скорее металлические, нежели керамические, только он меньше размерами и полнотелый, в отличие от полых аналогов из металла.

Копилка производства Юго-Восточного Крыма (рис. 1, 2). Обнаружена в 1992 г. на раскопе по спуску Р. Люксембург, в яме 9 (Масловский, 2006: 356, 357, рис. 18, 10).

Размеры изделия: высота – 10,8 см, диаметр дна – 5,2 см, максимальный диаметр тулова – 8,8 см.

Как и большая часть керамики производства Юго-Восточного Крыма, эта копилка была вытянута из одного комка глины (уровень РФК-6 по А.А. Бобринскому) (Бобринский, 1978: 55).

Рис. 1. 1 – керамический подсвечник с персидской надписью. Азов, 2000 г., ул. Толстого, 41, яма 19; 2 – копилка производства Юго-Восточного Крыма. Азов, 1992 г., спуск Розы Люксембург, яма 9

Главный интерес представляет сам факт обнаружения изделия подобного назначения, изготовленного в соседнем с Азаком производственном центре. Подобные изделия массово не ввозились в Азак, что подтверждается единичностью описываемой находки. Неясной остается причина, по которой копилка оказалась в Азаке. Транспортировка сбережений в таком хрупком изделии маловероятна. Гораздо логичнее было бы провозить деньги в кошельке, зашитыми в пояс, или каким-либо другим способом. Вероятно, копилку привезли в качестве сувенира.

Раковина паломника (рис. 2, 3). Найдена в 1992 г. на раскопе 1 по спуску Р. Люксембург (Белинский, 1993о), в яме 4, находившейся на территории усадьбы венецианского купца.

Размеры: 13,2 x 9,1 x 0,4 см. В верхней части сохранились следы круглого отверстия.

Являясь уникальной находкой для Азака, данное изделие имеет аналогии в материалах раскопок Старой Руссы (Медведев, 1972о) и Витебска (Бубенько, 2004: 141, рис. 100, 16), древнего Изяславля (городище Шепетовка, Украина) (Пескова, 2001: 113–126). А.Е. Мусин, сделав подборку данных находок, определил их как паломнические реликвии, связанные с культом св. апостола Иакова Компостельского (Мусин, 2009: 252–254, рис. 12, 1; рис. 13, 3). Активизация паломничества в Сантьяго-де-Компостелла происходит в конце XII–XIII вв. Есть два способа возможного попадания подобных реликвий на территорию Восточной Европы: первый из них – напрямую из Испании вместе с одним из паломников. Связи Азака с Испанией прослеживаются и на примере находок керамики (Масловский, 2006: 439–441). Другой вариант попадания, предложенный А.А. Песковой, – через Палестину. По ее мнению, об этом косвенно свидетельствуют находки из древнего Изяславля, встреченные в комплексе с латинскими реликвиями (Пескова, 2001: 126).

Следует также указать на ошибку А.Е. Мусина в определении биологического вида находок подобных раковин. Он обозначил их как *Pecten maximus*. Еще Карл Линней и один из его коллег Георг Вольфганг Кнорр, составляя в 1757–1758 гг. систематизацию видов представителей всех царств биосферы, присвоили гребешковым моллюскам подобного облика название *Ostrea Jacobaea* (Linnaeus, 1758, Dijkstra, 2010: 15, figs. 26, 52), которое говорит само за себя¹. Совершенно очевидно, что способ применения раковин данного вида послужил основой для присвоения ему такого названия. Ареал распространения таких гребешковых – западное побережье Средиземного моря, а также регион Атлантического океана от западного побережья Испании до Азорских островов.

¹ Автор благодарит морского биолога, сотрудника Беломорской биологической станции МГУ им. Ломоносова, Александра Семенова за помощь и подсказки в определении биологической принадлежности раковины.

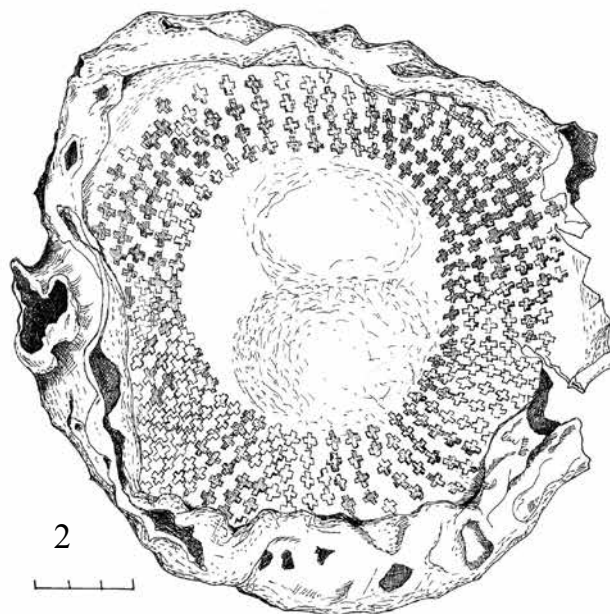

Рис. 2. 1 – раковина паломника *Ostrea Jacobaea*. Азов, 1992 г., спуск Розы Люксембург, яма 9; 2 – фляга (?) паломника. Азов, 2002 г., ул. Измайлова, 49А, жилище 2; 3 – костяная нашивка с изображением русалки. Азов, 1982 г. Изображение приводится по: (Чалый, Фомичев, 1985: 262–264)

Фляга (?) паломника (рис. 2, 2). Найдена в 2002 г. на раскопе по адресу ул. Измайлова, 49А (Масловский, 2003: 82–83).

Размеры изделия: 18 x 19 см. Фляга из сплава свинца и олова была обнаружена раздавленной, но очевидно, что она имела круглую форму. Сохранился короткий отрезок узкого горла. С одной из сторон изделие украшает орнамент в виде концентрических кругов. Круги оставлены из мелких изображений крестов с равными сторонами. При этом центральная часть стенки пуста.

Основание связывать данную находку с реликвиями паломников дает большое количество аналогичных морфологически близких находок свинцово-оловянных ампул с образами святого Дмитрия Солунского, Гроба Господня, благовещения женам-мироносицам. Подобные реликвии встречены в большом количестве от Константинополя до Новгорода и производились с XII по XV в. Место производства – Палестина (Мусин, 2009: 237–241). Азакская находка отличается от вышеуказанных орнаментом и размерами, т.к. она намного крупнее и тяжелее. Также сложно представить ее в качестве тары для воды, которую брали с собой в дорогу, чтобы утолить жажду. Для этого логичнее было бы воспользоваться более легкими, большими и удобными керамическими флягами, вместо тяжелой свинцовой фляги с малым объемом.

Костяная нашивка с изображением «русалки», *пьющей из рога* (рис. 2, 2). Обнаружена в 1982 г. Размеры изделия: 6,8 x 5,5 см.

Представляет собой бляшку овальной формы с двумя сквозными отверстиями для крепления к кожаной сумке или луке седла. На нашивке в двойном линейном обрамлении вырезано изображение русалки с распущенными волосами, смотрящей вправо, с крыльями и змееподобным хвостом. Крылья подняты вверх и оканчиваются небольшими завитками, а хвост, извиваясь, образует узел. Изделие выполнено в характерной манере плоскорельефной и сквозной резьбы, при которой выпуклые места хорошо шлифуются, а объем и пластичность достигаются с помощью глубокой прорезки (Чалый, Фомичев, 1985: 262–264). Данная техника применялась косторезами на Руси в XIII–XIV вв. М.Д. Полубояринова указывает на близкие по облику и технике изготовления находки из Новгорода, уточняя при этом, что изображавшееся на бляшках существо – вряд ли русалка. Это сказочное крылатое и змееногое существо с головой и торсом человека (вероятнее всего, женщины), обитающее, скорее в воздушной, нежели в водной среде. Точные аналогии азакской находке встречены пока что только в городах новгородской земли (Полубояринова, 1997: 217).

Античные и средневековые монеты. Известно несколько находок монет (античных и средневековых), происходящих из золотоордынского слоя. Эти монеты могли попасть в Азак только в XIV в. уже в качестве диковинок, найденных где-то и привезенных сюда.

В 2000 г. на раскопе по улице 41/43, на мостовой, датируемой 1-й половиной XIV в., найдена малоазийская монета II в. н.э. (Белинский, Масловский, 2001: 47). Монета была чеканена в Апамее Фригийский. Период чеканки – 133–48 гг. до н.э. На этом же раскопе встречен итальянский медальон, изображение на котором имитировало аверс и реверс античных монет (Белинский, Масловский, 2001: 44). В 2005 г., в ходе раскопок подвала купеческого дома первой половины XIV в. в заполнении жилища 2 найдена монета, изготовленная из двух монет, одна из которых чеканена в период 238–244 гг. при римском императоре Гордиане III (Масловский, 2008: 95). Другая монета – византийская, времени императора Константина X Дуки (1059–1067 гг.) (Масловский, 2008: 95). В 2009 г. на раскопе по адресу ул. Дзержинского, 49, в слое была найден кулон, изготовленный из византийской монеты. Плохая сохранность монеты затруднила ее датировку, однако на аверсе четко прослеживается профиль лица мужчины в венке, на реверсе – фрагментарно сохранившаяся фигура (императора?) (Широченко, 2013о: 97, № 20). Так же в 2009 г., но уже на раскопе по адресу ул. Карла Либкнехта, 13, в яме № 15 была найдена монета, чеканеная при Сейфе ал-Дине Бектимуре в период 579–589 г.х. (т.е. приблизительно в 1189–1193 гг.) (Широченко, 2013: 122, № 66).

Представленные находки позволяют охарактеризовать размах внешних связей Азака, носивших не только торговый характер. Эти связи распространялись до берегов Атлантического океана на западе, новгородских земель на севере, Ближнего и Среднего Востока на юге. Предметы могли попасть в Азак вместе с представителями самых разных слоев и сословий: дипломатов, купцов, паломников, мигрантов и просто проезжавших через город людей. Эти вещи также дают нам представление об интересах и эстетических вкусах их возможных владельцев, проливая свет на духовно-нравственную сторону жизни людей Средневековья.

ЛИТЕРАТУРА

Белинский И.В., 1993о. Отчет о спасательных раскопках в зоне строительства церкви иконы Азовской Божьей Матери по спуску Р. Люксембург в г. Азове в 1992 г. (Архив АКМ. 1993. КВФ 11917/1 АА-4811).

- Белинский, И.В., Масловский, А.Н. 2001. Раскопки в г. Азове по улице Толстого в 2000 году. *Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону*. Вып. 17: 38–47.
- Бобринский, А.А. 1978. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука.
- Бубенько, Т.С. 2004. Средневековый Витебск. Посад – Нижний Замок (X–первая половина XIV в.). Витебск.
- Масловский А.Н., Белинский И.В. 2000а. Отчет о спасательных раскопках в г. Азове по ул. Толстого 41 в 2000 году (Раскоп I–II). Таблица. Список монет из раскопок 2000 по ул. Толстого-41, P-I, С. 117, № 313. (Архив АКМ).
- Масловский, А.Н. 2002. Раскопки в Азове. Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Вып. 18: 216.
- Масловский, А.Н. 2003. Раскопки в Азове в 2002 году. *Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону*. Вып. 19: 76–90.
- Масловский, А.Н. 2006. Керамический комплекс Азака. Краткий очерк. *Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2004 г.* Вып. 21: 309–473.
- Масловский, А.Н. 2008. Подвал купеческого дома первой половины XIV века из Азака. *Стены Европы в эпоху средневековья. Т. 6. Золотоордынское время*. Донецк: 93–125.
- Медведев, А.Ф. 1972а. Отчет об археологических раскопках в Старой Руссе в 1970–1971 гг. (Архив ИА РАН. 1972. № P-1, 5126, 5126а).
- Мусин, А.Е. 2009. Паломничество в Древней Руси: исторические концепции и археологические реалии. *Archeologia Abrahamica*. Сост. Л. Беляев. М.: Индрик.
- Пескова, А.А. 2001. Паломнические реликвии Святой Земли в древнерусском городе. *Пилигримы. Историко-культурная роль паломничества*: 113–126.
- Полубояринова, М.Д. 1997. Русские вещи и мастера в Золотой Орде. *Археология СССР. Т. 16. Древняя Русь: быт и культура*. Гл. 14. Отв. ред. Б.А. Колчин, Т.И. Макарова. М.
- Чальский, В.В., Фомичев, Н.М. 1985. Древнерусская костяная бляшка из Азова. *Советская археология*. № 3: 262–264.
- Широченко, Э.Б. 2013а. Отчёт о спасательных археологических раскопках памятника и могильника Азака в г. Азове Ростовской области в 2009 году. Т. 4. Азов. (Архив АКМВХ).
- Dijkstra, H. 2010. Annotations to the described and figured scallops (Mollusca, Bivalvia, Pectinidae) in the German, French and Dutch editions of Georg Wolfgang Knorr's "Vergnügen" (1757–1775). *Basteria* N 74 (1–3): 3–20.
- Linnaeus, C. 1758. *Systema Naturae per Regna Tria Naturae, secundum Classes, Ordines, Genera, Species, cum Characteribus, Differentiis, Synonymis, Locis*. Tomus I. Editio decima, reformata. Laurentii Salvii, Holmiae Stockholm.

N.I. Yudin

UNUSUAL ARTIFACTS FROM THE EXCAVATIONS OF THE GOLDEN HORDE CITY OF AZAK

The article is a small set of imported artifacts from the excavations of the Golden Horde city of Azak which were the personal belongings of various purposes: from vessels and jewelry to relics of pilgrims. These findings indicate some directions and also a grand scale of external relations of this city in XIII–XIV centuries. As imports they could come to the city not in the form of goods, but as rarities and souvenirs. Some of items are published for the first time.

Key words: Golden Horde, Azak, South-Eastern Crimea, relic, artifact, medieval times.

ДОМАШНИЕ ЖИВОТНЫЕ В БЫТУ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ: ПИСЬМЕННЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА И АРХЕОЗООЛОГИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ

Л.В. Яворская

Институт археологии РАН, Москва

Средневековые письменные источники нарративного характера дают информацию о видовом составе кочевнических стад, о внешнем виде и эксплуатации домашних животных, предоставляют краткие сведения о торговле скотом. Документальные источники свидетельствуют о больших объемах экспорта скотоводческой продукции Золотой Орды через порты Северного Причерноморья, что косвенно подтверждает наличие в этих городах ремесленных производств, перерабатывающих скотоводческую продукцию. Археозоологические исследования коллекций костных остатков животных из археологических раскопок девяти городов Золотой Орды и одного селища позволили установить, что в обеспечении горожан мясными продуктами важнейшая роль принадлежала сельским поселениям, поставившим говядину. Роль кочевого скотоводства в поставках мясной продукции в города была вспомогательной. Однако и письменные источники, и археозоологические материалы из городов фиксируют рост товарности степного скотоводческого хозяйства в XIV в. Благодаря археозоологическим исследованиям удалось установить, что ремесленные производства, перерабатывающие скотоводческую продукцию, существовали не только в причерноморских городах, но и в Поволжье, на Нижнем Дону и Северном Кавказе. Их возникновение,

а также активное функционирование торгового обмена в Евразии через территорию и порты Золотой Орды и стало стимулом к росту товарности степного животноводческого хозяйства.

Ключевые слова: Средневековые письменные источники, археозоологические материалы, Золотая Орда, города, сельские поселения, кочевое хозяйство, поставки мясных продуктов, ремесленные производства по переработке продукции животноводства.

Как справедливо указывал Г.А. Федоров-Давыдов, в золотоордынском государстве, как ни в каком другом, сочетаются и переплетаются развитая культура кочевников и высокий уровень городской жизни (Федоров-Давыдов, 1994: 4). Жизнь кочевника неразрывно связана с животными, и в первую очередь, с домашними копытными. Экономика обществ с преобладанием кочевого населения устроена таким образом, что только очень существенные внешние обстоятельства или «специальный заказ» могут заставить кочевнические хозяйства производить больше скотоводческой продукции, чем необходимо для поддержания нормальной жизни семьи (Ямсков, 1991). Одновременно с этим любой город нуждается в мясных продуктах. Поставки скотоводческой продукции в крупные золотоордынские мегаполисы с многотысячным населением должны были быть хорошо отлажены. Как же была устроена система обеспечения горожан мясом? Существовало ли в золотоордынском государстве товарное производство скота и скотоводческой продукции для обеспечения горожан мясом или для других нужд тогдашнего мирового рынка?

На первый взгляд, в ответах на вопросы о месте и роли животных в бытовой культуре и экономической системе Золотой Орды широкое информационное поле задано письменными текстами. В Золотой Орде побывали в разное время и с различными целями путешественники из разных цивилизаций обитаемого мира – как западные христианские, так и восточные мусульманские, часть из которых оставили описания, дошедшие до современных ученых. При детальном рассмотрении оказывается, что эти сведения довольно фрагментарны: они отражают преимущественно те стороны жизни общества, которые важны в связи с миссией конкретного лица, прибывшего в Золотую Орду. Мы имеем подробнейшие сведения об общественном устройстве и войске кочевников, обычаях и даже бытовой жизни аристократии – того сегмента общества, который был наиболее непонятен, интересен и важен для миссии всех путешественников.

Для анализа информации о домашних животных из письменных источников нами были отобраны лишь те сочинения, где сведения получены из собственных наблюдений авторов или от непосредственных очевидцев, т.е. тексты описательные, несущие информацию этнографического характера. Источники этого типа по истории Золотой Орды немногочисленны, однако чрезвычайно содержательны. Путешественники, которые побывали на исследуемой территории в XIII–XV вв., принадлежат к разным культурным и религиозным мирам. Европейские монахи-миссионеры Иоанн дель Плано Карпини и Гиљом де Рубрук (Шастина, 1957), а также неогоцианты, как Иосафат Барбаро (Скржинская, 1971), выполняли дипломатические поручения своих патронов, одновременно поставляя ценные сведения о новых для Европы народах. Европейцев удивляет кочевой образ жизни, огромные стада домашних животных, обряды и обычаи, способ мышления. Все это совершенно не ново и не удивительно для авторов восточных. Однако информация о новом государственном образовании Евразии, его политических и торговых возможностях, особенностях обрядов и быта крайне важна и получила отражение как в историко-географическом сочинении Ибн Фадлаллаха ал-Омари – секретаря египетского султана, так и в тексте знаменитого марокканского путешественника и законоведа Абуабдаллаха Мухаммеда Ибн Баттуты, побывавшего в Золотой Орде в 30-е годы XIV в. (Тизенгаузен, 1884).

Видовой состав кочевнических стад назван всеми авторами один и тот же: крупный и мелкий рогатый скот (овцы и козы), лошади, верблюды (Шастина, 1957: 28, 101, 104; Тизенгаузен, 1884: 230, 283; Скржинская, 1971). Отмечается отсутствие свиньи у кочевников (Шастина, 1957: 28), но есть упоминание о содержании этого животного у оседлых народов государства и у представителей аристократии – христиан по происхождению (Шастина, 1957: 111; Тизенгаузен, 1884: 304). Как европейцев, так и восточных авторов поразило огромное количество скота в этих землях, почти все подробно останаавливаются на способах содержания и эксплуатации домашних копытных. Все животные круглогодично содержатся на подножном корму (Тизенгаузен, 1884: 282). Источником мясной пищи кочевников служат лошади, коровы и овцы (Тизенгаузен, 1887: 230, 283, 292, 303). Из продукции скотоводства в качестве важного источника белковой пищи многократно упоминается мясной бульон и просяная похлебка на его основе, а также продукты из сквашенного молока (Шастина, 1957: 36, Тизенгаузен, 1884: 231, 283, 303) Как

упряжной и вьючный скот упоминаются лошади, быки и верблюды (Шастина, 1957: 28, 92, 101; Тизенгаузен, 1884: 281), лошади, кроме этого, неоднократно упомянуты как верховые. Размеры животных охарактеризованы у европейского автора XV в. Иосафата Барбаро: низкорослые лошади с большим брюхом, крупные быки, бараны на высоких ногах с огромными хвостами (курдюками), наполненными жиром, верблюды содержатся как одногорбые, так и двугорбые (Скржинская, 1971: 149).

Иерархия домашних копытных в стадах кочевников частично восстанавливается лишь по описанию Иосафата Барбаро, который со стен Таны наблюдал порядок прохождения в течение светового дня сначала табунов лошадей численностью по 60, 100, 200 голов, затем верблюдов и крупного рогатого скота, позади которых двигались громадные стада мелкого рогатого скота, и это движение продолжалось в течение 6 дней (Скржинская, 1971: 142).

Факт торговли домашними животными братьями францисканцами в XIII в. для Золотой Орды не отмечен, лишь вскользь упомянута местная торговля животными наряду с другой сельскохозяйственной продукцией у ворот главного имперского города Каракорума, которая аналогичным образом могла происходить и в Золотой Орде. Уже в XIV в. Ибн Баттута сообщает об экспорте лошадей в Индию (Тизенгаузен, 1884: 287), а в XV в. Барбаро указывает на высокую товарность скотоводческого хозяйства, поставки крупных партий животных в разные страны: местных лошадей и верблюдов продавали в Персию, быков поставляли на бойни Польши, Германии, Италии и Трансильвании (Скржинская, 1971: 149). Документы, связанные с торговлей итальянских морских республик в Северном Причерноморье, обработанные А.Г. Емановым, С.Г. Бочаровым, А.Н. Масловским, расширяют сведения о товарной продукции скотоводства. Через порты Северного Причерноморья вывозилась в больших объемах овечья шерсть, обработанные и необработанные шкуры и кожа крупного и мелкого рогатого скота, а также лошадей (Еманов, 1995: 30–31; Бочаров, Масловский, 2015: 7–8). О том, что кочевники изготавливали одежду и покрывала из шкур и шерсти (войлока), домашних копытных, выделывали их кожу при помощи кислого молока известно из письменных текстов (Шастина, 1957: 155), в то же время из них ничего не известно об обработке шкур животных в огромных масштабах в городах вне черноморской зоны.

По общему мнению, как средневековых путешественников, так и современных исследователей, экономическая особенность Золотой Орды состоит в кочевом скотоводстве как основе хозяйства государства. Потому и информация о жизни золотоордынского города в нарративных текстах содержится минимальная, отсутствуют исследования ученых, связывающие внутри единой системы город со степью, например, работы об обеспечении городов мясными продуктами. Основным источником информации о городе Золотой Орды является их археологическое изучение. Городские памятники изобилуют находками, и на основе вещественных источников исследуются различные стороны городского быта, реконструируется экономическая жизнь государства. При раскопках городов массовым археологическим материалом предстают обломки керамических сосудов и кости животных. Однако для золотоордынских городов находкам костей животных отводится особая роль – на их основе считалось возможным реконструировать хозяйство основного населения страны – кочевых скотоводов.

Крупные коллекции из золотоордынских городов открывали широкие возможности для изучения видового состава животных и морфологии домашних копытных, чему и уделялось особое внимание. Набор видов домашнего скота и его размерные показатели по остеологическим коллекциям соответствовали в целом информации письменных источников (Цалкин, 1956, 1967; Петренко, Асылгараева, 2003). Поскольку кочевники полагались основным населением государства, их семьи – главными хозяйствующими единицами, то создавалась иллюзия возможности реконструировать основу экономической жизни Золотой Орды – кочевое хозяйство – на основе тех огромных коллекций костных остатков животных, которые были получены при раскопках городов (Петренко, 2007).

Для культурных напластований городов кости животных представляют, преимущественно, остатки мясной пищи горожан (Антипина, 2004, 2005).

За последние 10 лет для девяти золотоордынских городов, расположенных в Поволжье, Ставрополье, на Нижнем Дону, и одного селища в средне-нижнем течении Волги проведены археозоологические исследования костных остатков животных по методической схеме, разработанной в лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН (Антипина, 2004а). Специфика подхода состоит в том, что кости животных рассматриваются в конкретном археологическом контексте как наполнение культурного слоя. «Кухонные» остатки стали материалом для исследования мясной диеты горожан в различных хронологических отрезках и контекстах золотоордынского города.

В полученной на основе этих исследований иерархии употребления горожанами мяса домашних копытных на первое место выходит говядина, доля которой не ниже 50 % по всем поволжским городам XIII и XIV вв. и не ниже 70 % для городов Ставрополя и Нижнего Дона XIV в. Второе и третье «места» в иерархии мясного потребления принадлежат продукции степного скотоводства – баранине и конине, доли которых существенно варьирует между собой в отдельных районах золотоордынских городов с разными этническими и социальными контекстами (Яворская, 2015-а: 204–205). Остатки свиньи отмечены нами во всех золотоордынских городах, однако объемы потребления свинины в них не превышают доли процента (Яворская, Антипина, 2016: 205).

Обильные поставки говядины следует, скорее всего, связать с ближайшей округой городов и благоприятными условиями для разведения коров оседлым населением в азональных ландшафтах степной и лесостепной зоны. Это подтверждается археозоологическими исследованиями материалов селища Багаевское из округа золотоордынского города Укек в Среднем Поволжье (Яворская, 2016).

Объемы потребления в городах баранины не удается связать с фактором близости–удаленности кочевой степи: в максимальном количестве – 37–41 %, баранина зафиксирована для наиболее северных городов, удаленных от основных степных ландшафтов – в Болгаре XIV в. и в Укеке XIII в. (Яворская, Антипина, 2016: 205). При этом резкий рост потребления баранины в позднеордынский период, зафиксированный для центральной части Болгара, оказался «побочным эффектом» функционирования в близлежащем ремесленном квартале кожевенного производства (Яворская, Антипина, 2016: 206). Высокая, до 41 %, доля баранины для христианского квартала Укека объясняется двумя факторами. Во-первых, к 1270-м годам еще не сформировалась сельскохозяйственная округа города и, соответственно, не были отлажены поставки говядины. Во-вторых, археологическими раскопками на исследуемом участке памятника зафиксировано не постоянное поселение, а, скорее, постоянный двор при храме, для временного пребывания высокопоставленных гостей из христианских стран. По монгольской традиции гостям выделялось пропитание преимущественно продукцией степного скотоводства – бараниной, остатки которой оказались столь многочисленны в изучаемом культурном слое.

Наиболее высокая доля конины, 18–22 % фиксируется для городищ Царевское, Селитренное, Мошак и Самосдельское, расположенных в Нижнем Поволжье в непосредственной близости кочевой степи (Яворская, Антипина, 2016: 205, табл. 1). Однако такая же доля (18 %) зафиксирована на Нижнем Дону для одного из районов золотоордынского Азака – восточного района с недавно осевшим кочевым, весьма небогатым населением. По-видимому, невысокие цены на лошадей, которые фиксируются письменными источниками XIV в., позволяли этому населению не только полноценно питаться, но и поддерживать этнические традиции в мясной диете.

Заметим также, что активные процессы урбанизации привели в середине XIV в. к поразительному сходству спектров мясного потребления для городов Поволжья, что заставляет предполагать существование регулярных и хорошо отлаженных поставок мясных продуктов как из округа городов – говядина, свинина, так и из кочевой степи – баранина, конина, что, в свою очередь, указывает на рост товарности сельской и степной животноводческой продукции в Золотой Орде XIV в. Это предположение подтверждает изотопный анализ костей домашних копытных из позднеордынских слоев центральной части Болгара. Состав тяжелых изотопов углерода и азота в костях овец указывает на происхождение этих животных из аридных, степных районов. Крупный рогатый скот оказался выращенным, преимущественно, в местной сельской округе (Яворская и др., 2015). Только археозоологические исследования позволили установить, что основные мясные продукты в город поставляли сельские поселения, а степные хозяйства лишь дополняли эти поставки. Средневековые описательные тексты таких сведений не давали.

Костные остатки мясных домашних видов в городах могут маркировать не только мясное потребление. Огромные скопления бараньих голов и метаподиев, интерпретируемых как остатки от снятия шкур, известны из исследований в Азаке (Тимонина, 2002: 226; Бочаров, Масловский, 2015: 9). В ремесленном квартале Болгара зафиксировано невероятно высокое (до 40 % от всех остатков овцы домашней) накопление лопаточных костей (Антипина, Яворская, Ситдииков, 2015). Большие скопления производственных остатков – рогов домашних и диких копытных – зафиксированы на раскопе № 10 в ремесленном квартале Маджара. Подобные накопления многочисленных анатомически однообразных, часто целых костей маркируют заготовки сырья для нужд косторезного дела и ритуальных практик, являются отходами средневековых ремесленных производств (Бочаров, Масловский, 2015: 9). Рост товарности скотоводческого хозяйства, наличие и масштабы обрабатывающих производств для черноморского региона

устанавливаются по сохранившимся экономическим документам, для остальной части золотоордынского мира такие сведения предоставляет исключительно археология вместе с археозоологией.

Помимо остатков «мясных» домашних животных, в археозоологических материалах присутствуют единичные кости домашних копытных «транспортного» назначения – верблюда и осла, а также домашних хищников – помощников человека – собак и кошек. Остатки обоих видов транспортных животных почти не несут на себе следов «кухонной» разделки. Без верблюда трудно представить как кочевое хозяйство в степях Евразии, так и масштабный торговый обмен по сухопутным маршрутам. И осел, и верблюд упомянуты в описательных источниках.

При раскопках городов встречаются как разрозненные кости домашних хищников, так и целые скелеты. Детальный анализ этих остатков из заполнения ям и со дна котлованов жилищ еще впереди. Собаки были необходимым компонентом в городском, сельском и степном хозяйствах. Письменные источники упоминают их в связи с обычаем кочевников не давать им грызть остатки домашних копытных ранее, чем из костей будет извлечен мозг (Шастина, 1957: 35). То есть подразумевалось, что собаки, охраняющие стада, не должны употреблять мясо и даже костный мозг тех животных, которых они охраняют. Анализ палеодиеты собак Болгара позволяет однозначно связать их со степным пастушеским хозяйственным компонентом, поскольку этих собак действительно не кормили отходами туш домашних копытных (Яворская и др., 2015). Нарративные тексты повествуют преимущественно о степном быте, возможно поэтому о городских и сельских кошках в них сведений нет.

Видовой набор в степном животноводческом хозяйстве и размерные характеристики домашних копытных, отмеченные письменными источниками, в целом совпадают со сведениями, полученными из исследований костных остатков животных в городах. Археозоологические исследования по современной методике позволяют реконструировать одну из важнейших систем жизнеобеспечения золотоордынского города – обеспечения мясными продуктами, установить, что важнейшая роль в нем отводилась сельской округе и лишь вспомогательная – степному скотоводству.

Из анализа средневековых текстов о золотоордынской бытовой жизни можно было предположить появление новых стратегий в кочевых хозяйствах, количественный рост скота в них в XIV–XV вв. Археозоологические исследования позволили установить быстрый рост товарности как оседлого, так и степного скотоводческих хозяйств Золотой Орды в XIV в. Причины этого роста следует поставить в прямую зависимость от активной урбанизации в государстве кочевников. Интенсификация степного животноводческого хозяйства была простимулирована не столько развитием самих городов, сколько появлением в них производств, перерабатывающих скотоводческую продукцию, а также активным развитием евразийского торгового обмена через территорию и порты Золотой Орды. Большой спрос на золотоордынских животных на внешнем рынке подтверждают преимущественно письменные источники. Однако документы о вывозе на кораблях разнообразной продукции животноводства маркируют наличие перерабатывающих производств лишь в северопричерноморских городах. В то же время для всех остальных городов Золотой Орды огромные, почти промышленные масштабы городского ремесла, перерабатывающего скотоводческую продукцию, широкую торговлю ею удастся установить, преимущественно, на археологических и археозоологических материалах.

ЛИТЕРАТУРА

- Антипина, Е.Е. 2004. Археозоологические исследования: задачи, потенциальные возможности и реальные результаты. *Новейшие археозоологические исследования в России*. Отв. ред. Е.Н. Черных. М.: 7–33.
- Антипина, Е.Е. 2004-а. Археозоологические материалы. *Каргалы. Т. 3. Селище Горный: археологические материалы, технология горно-металлургического производства, археобиологические исследования*. Отв. ред. Е.Н. Черных. М.: 182–239.
- Антипина, Е.Е., 2005. Мясные продукты в средневековом городе – производство или потребление? *Археология и естественнонаучные методы*. Отв. ред. Е.Н. Черных. М.: 181–190.
- Антипина, Е.Е., Яворская, Л.В., Ситдииков, А.Г. 2015. Необычные изделия из бараньих лопаток из ремесленного квартала Болгарского городища (раскопки 2013–2015 гг.). *Краткие сообщения Института археологии*. № 241: 402–408.
- Бочаров, С.Г., Масловский, А.Н. 2015. Письменные источники об итальянской торговле кожей в Северном Причерноморье и данные археологии. *Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки*. Т. 157, кн. 3: 7–11.
- Еманов, А.Г. 1995. Север и Юг в истории коммерции. На материалах Кафы XIII–XV вв. Тюмень: РУТРА.
- Петренко, А.Г., Асылгараева, Г.Ш. 2003. Археозоологические материалы из раскопок Казанского Кремля. Казань: Институт истории АНРТ.

- Петренко, А.Г. 2007. Становление и развитие основ животноводческой деятельности в истории народов Среднего Поволжья и Предуралья (по археозоологическим материалам). Серия «Археология евразийских степей». Вып. 3. Казань: Институт истории АН РТ.
- Скржинская, Е.Ч. (сост.). 1971. Барбаро и Контарини в России. К истории итало-русских связей в XV в. Л.: Наука.
- Тизенгаузен, В.Г. (сост.). 1884. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб: Типография Императорской Академии наук.
- Тимонина, Г.И. 2002. Сведения о массовых находках рогатого скота в Азаке. *Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2001 г.* Вып. 18. Азов: 223–231.
- Федоров-Давыдов, Г.А. 1994. Золотоордынские города Поволжья. М.: Изд-во Моск. ун-та.
- Цалкин, В.И. 1956. Материалы для истории скотоводства и охоты в Древней Руси. *Материалы и исследования по археологии.* № 51. М.
- Цалкин, В.И. 1967. Домашние животные Золотой Орды. *Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отделение биологии.* М. Т. LXXII (1): 114–130.
- Шастина, Н.П. (ред.). 1957. Путешествия в восточные страны Плато Карпини и Рубрука. Перевод А.И. Малеина. М.: Гос. изд-во геогр. лит.
- Яворская, Л.В. 2015. Динамика заполнения костями животных культурных напластований центральной части Болгарского городища как показатель интенсивности жизнедеятельности его обитателей. *Краткие сообщения Института археологии.* № 237: 239–251.
- Яворская, Л.В. 2015-а. Процессы урбанизации и динамика мясного потребления в средневековых городах Поволжья (по археозоологическим материалам). *Генуэзская Газария и Золотая Орда.* Ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков. Кишинев: 197–207.
- Яворская, Л.В., Антипина, Е.Е., Энговатова, А.В., Зайцева, Г.И., 2015. Стабильные изотопы углерода и азота в костях домашних животных из трех городов Европейской части России: первые результаты и интерпретации. *Вестник Волгоградского гос. ун-та.* Серия 4. № 1 (31): 54–64.
- Яворская, Л.В. 2016. Археозоологические материалы Уека и его округи: к проблеме поставок сельскохозяйственной продукции в города Золотой Орды. *Историко-археологические памятники Золотой Орды на территории Саратовского Поволжья. Уек: прошлое, настоящее, будущее:* сб. материалов Международной научно-практической конференции (4–6 июня 2015 г., г. Саратов). Саратов: 140–147.
- Яворская, Л.В., Антипина, Е.Е. 2016. География и особенности жизнеобеспечения городов Золотой Орды по археозоологическим данным. *Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды.* Ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков. Казань; Ялта; Кишинев: 204–210.
- Ямсков, А.Н. 1991. Традиционное скотоводство и природная среда: культурно-экологические аспекты взаимодействия. *Этническая экология: теория и практика.* М.: 287–304.

L.V. Yavorskaya

DOMESTIC ANIMALS IN THE LIFE AND THE ECONOMIC SYSTEM OF THE GOLDEN HORD: WRITTEN SOURCES AND ARCHEOZOLOGICAL REALIA

Medieval written sources of the narrative kind provide information regarding the species constitution of the nomadic herds, cattle trade, appearance of domestic animals and their exploitation. Documents proclaim the big amount of the stock production of the Golden Hord being exported through the ports of the northern Black Sea Coast. That is an indirect corroboration of the existence of crafts recasting stock production in these cities. Archeozoological study of the collections of the animal skeletal remains from nine cities and one settlement of the Golden Hord showed that the most important role in the provision of meat was that of the rural settlements providing beef. Nomadic horse raising played only a supporting role in it. However, both written sources and archeozoological materials fix productivity growth of the steppe nomadic stock raising in the XIV century. Due to the archeozoological studies we were able to determine that recasting stock production crafts existed not only in the cities of the Black Sea Coast, but also in the Volga region, North Caucasus and Lower Don region. Their emergence and active functioning of trade in Eurasia through territories and ports of the Golden Hord is what had stimulated productivity growth of the steppe nomadic stock raising.

Key words: Medieval written sources, archeozoological materials, the Golden Hord, cities, rural settlements, nomadic economy, meat provision, recasting stock production crafts.

III МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС
СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРХЕОЛОГИИ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ
«МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ:
ДВИЖЕНИЕ КУЛЬТУР, ТЕХНОЛОГИЙ И ИМПЕРИЙ»

Редактор *В.С. Жердев*
Компьютерная верстка *С.В. Филатов*

Подписано к печати 17.04.2017 г.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Формат 60x84/8.
Усл. п. л. 37,2. Уч.-изд. л. 36,4. Тираж 300 экз. Заказ 279

ФГУП «Издательство Дальнаука»
690041, г. Владивосток, ул. Радио, 7
Тел. 231-21-05. E-mail: dalnauka@mail.ru
<http://www.dalnauka.ru>

Отпечатано в ЗАО «ЛИТ»
г. Владивосток, ул. Комсомольская, 1в

